

А92

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

IX

10-7-1952

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

академик Б. Д. Греков

Редакционная коллегия: М. И. Артамонов, С. Н. Замятин
(ответственный секретарь), С. В. Киселев, В. И. Равдоникас,
А. Ю. Якубовский

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Современные задачи советской археологии 5

Ст а т ь и

В. А. Городцов . Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г.	13
М. Е. Фосс (Москва). Неолитические культуры Севера Европейской части СССР	29
М. Н. Комарова (Ленинград). Погребения Окунева улуса . . .	47
П. Н. Третьяков (Ленинград). Древнейшие городища Верхнего Поволжья.	61
Е. А. Рыдзевская . О названии острова Березань .	79
Е. И. Леви (Ленинград). К вопросу о датировке Херсонесской присяги. . .	89
Н. Б. Бакланов (Ленинград). Герих. Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения. . .	101
И. И. Ляпушкин (Ленинград). О датировке городищ Роменско-боршевской культуры.	121
М. К. Каргер (Ленинград). Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода .	137

М а т е р и а л ы

М. Я. Рудинский (Киев). Пушкари .	171
А. В. Збруева (Москва). Мало-Окуловские курганы	199
В. И. Смирнов . Говядиновский могильник	213
К. В. Сальников (Чкалов). Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г.	221
А. Ф. Теплоухов. О древнем шаманском изображении из бронзы, бывшем на Конде среди вогулов и остяков	239
С. С. Черников (Ленинград). Наскальные изображения верховий Иртыша.	251
С. Ф. Стржелецкий (Севастополь). Раскопки в Инкермане в 1940 г. . .	283
А. Л. Якобсон (Ленинград). Из истории армянской средневековой архитектуры. III. Татевский монастырь	303

S O M M A I R E

	Page
Problèmes actuels de l'archéologie soviétique	5
M é m o i r e s	
V. Gorodtsov . Les fouilles de 1927 des tumulus «Častye kourgany» près de Voronež	27
M. Voss (Moscou). Les cultures néolithiques du Nord de la partie européenne de l'URSS.	45
M. Komarova (Leningrad). Les sépultures d'Okounevo	59
P. Tretiakov (Leningrad). Les plus anciens gorodistchés de la région de la Haute Volga	77
E. Rydzevskaia . Sur l'origine du nom de l'île Berezan.	87
E. Levi (Leningrad). Sur la question de la date du serment de Chersonèse.	99
N. Baklanov (Leningrad). Le Guèrikh. Ornement géométrique de l'Asie Centrale et les modes de sa construction.	119
I. Liapouchkin (Leningrad). Sur la question de la date des gorodistchés de la culture Romensko-Borchevskaja.	135
M. Karger (Leningrad). Résultats essentiels des études de l'ancien Novgorod.	167
M a t e r i u x	
M. Rudinski (Kiev). Puškari	196
A. Zbrueva (Moscou). Les tumulus de Maloe Okulovo	212
V. Smirnov . Le cimetière Goviadinovo	219
K. Salnikov (Tchkalov). Le gorodistché «Čoudaki» (Région Čeljabinsk) d'après les fouilles de 1937	237
A. Teplouhov. Sur une ancienne représentation de chaman réverée chez les Vogouls et les Ostiaks de la Konda.	249
S. Černikov (Leningrad). Les gravures rupestres du cours supérieur de l'Irtyš	281
S. Strzelecki (Sebastopol). Travaux archéologiques à Inkerman en 1940.	301
A. Jakobson (Leningrad). Extrait de l'histoire de l'architecture arménienne du moyen âge. III. Le monastère Tatev	327

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ряд последних десятилетий был временем бурного роста, весьма успешного развития археологии как исключительно важной отрасли исторической науки о древнейшем прошлом человечества. В настоящее время ни один историк, изучающий первобытно-общинное и ранне-классовые (рабовладельческое, феодальное) общества, не может обойтись без помощи археологии, без помощи ее замечательных, многообразных вещественных источников, не рискуя оказаться в рядах наиболее отсталых кругов представителей своей науки.

Это и понятно. Для первобытно-общинного периода археологические источники являются, наряду с этнографическими, — основными, а для тех территорий, где первобытно-общинный строй еще в глубокой древности сменился классовым строем (Европа, значительнейшая часть Азии, часть Африки), безусловно, — важнейшими источниками исторических знаний. Что касается ранне-классовых обществ (Египет, Месопотамия, ранние государства славян, кельтов, германцев и т. д.), то письменные их источники давно приведены в известность и в наше время лишь так или иначе комментируются. Если же в этой области и делаются новые открытия, то это заслуга опять-таки лишь археологов, которые достают из земли, наряду с собственно вещами, новые надписи, таблетки с клинописью, папирусы, открывают подземные склепы с начертанными на их стенах текстами и т. д.

Каждая полноценная археологическая экспедиция обогащает историческую науку, не говоря уже о возможных открытиях новых письменных памятников, все новыми и новыми вещественными источниками, позволяющими, по мере усовершенствования методологии и методики археологических исследований, все с большей полнотой и доказательностью изучать самое отдаленное прошлое истории человечества.

Перед археологической наукой открыты огромные перспективы. Такие перспективы совершенно реально и непосредственно стоят перед этой отраслью научного знания в нашей великой социалистической стране, где созданы все условия для безграничного развития науки.

В отношении археологии три следующих условия являются основными и определяющими.

П е р в о е у с л о в и е — марксистско-ленинская идеология, т. е. диалектический метод и материалистическая теория; в области археологии как исторической науки прежде всего — исторический материализм, созданный классическими трудами Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Это идейное богатство современной научной мысли всего прогрессивного человечества вооружает советских ученых, в том числе историков-археологов, в меру их овладения марксистско-ленинским мировоззрением, необычайно острым, тонким объективным орудием научного исследования.

Как овладевали и овладевают наши передовые ученые этим могучим орудием?

Не следует думать, что только те высказывания классиков марксизма-ленинизма, которые имеют отношение непосредственно к данной области

науки, имеют решающее значение для работников этой области. Конечно, все такие высказывания драгоценны, но ведь они имеют свою силу и значение и могут быть надлежащим образом поняты лишь в связи с общим научным мировоззрением марксизма-ленинизма, а усвоить это мировоззрение и воплотить его в своих собственных научных работах можно только и исключительно путем глубокого изучения трудов классиков идеологии рабочего класса, идеологии социализма-коммунизма. В наши дни научные работники нашей страны, конечно, и археологи должны проникновенно изучать выходящие в свет один за другим томы произведений И. В. Сталина, поднявшего марксизм-ленинизм на уровень современной нам эпохи, не прекращая изучения трудов Маркса — Энгельса — Ленина, основные идеи которых получили свое дальнейшее развитие в трудах великого Сталина.

Только это могучее теоретическое орудие, марксистско-ленинская идеология на ее современном сталинском этапе, может обеспечить высокую идейность наших научных исследований.

Второе условие — исключительные заботы Советского правительства о науке с целью обеспечения наилучших возможностей ее развития. Крупные материальные средства, предоставляемые правительством СССР для археологических исследований, позволяют соответствующим научным учреждениям ежегодно направлять десятки археологических экспедиций в самые различные районы нашей страны — в Украину, Закавказье, Среднюю Азию и т. д., не говоря уже о территории РСФСР. Эти экспедиции, снабженные надлежащим оборудованием, в итоге своих исследовательских работ привозят все новые и новые вещественные памятники с их документацией, что с каждым годом расширяет кругозор советской исторической науки. Равным образом камеральная и лабораторная обработка раскопочных материалов у нас вполне обеспечена.

Третье условие — исключительное богатство территории нашей родины множеством археологических памятников различных эпох, начиная от времени первого появления здесь человека. Это — огромное поле для деятельности многих и многих поколений археологов, которые работают и будут работать на этом поприще для блага нашей советской исторической науки.

В этих особенно благоприятных условиях советская археология развивалась с возрастающими успехами, как показывают итоги ее достижений, подведенные на Всесоюзном Археологическом совещании в марте 1945 г. в докладе акад. Б. Д. Грекова и в специально выпущенном к совещанию сборнике итоговых материалов.¹ Накоплен огромный музейный археологический материал по различным эпохам и территориям, поставлены и решаются важные исторические проблемы по всем разделам археологии. Среди этих проблем следует особо отметить проблему происхождения древнейшей истории и истории культуры славянства, в разработке которой принимают участие многие крупные советские археологи, этнографы и историки, добившиеся в этой области новых открытий, новых крупных результатов.

На основе накопленных и по-новому изученных археологических материалов создалась возможность разработать древнейшую историю нашей родины, начиная с момента первого появления здесь человека, что и было выполнено коллективом работников Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.

¹ Материалы к Всесоюзному Археологическому совещанию. Москва, 1945. (На правах рукописи.)

Развитие советской археологии продолжается безостановочно. Это показывают, например, результаты экспедиционных исследований 1946 г., когда был сделан ряд выдающихся открытий. Были обнаружены в СССР новые районы распространения культуры древнейшего каменного века (ашельской) — в Армении, на Днепре, на Днестре и в Молдавии; было раскопано важное дотрипольское поселение на Днестре (Лука-Врублевецкая), проливающее свет на происхождение Трипольской культуры; вскрыты новые весьма важные данные в северо-восточной Азии — на Чукотском полуострове и в устье Колымы, подтверждающие представления о первичном заселении Америки племенами из северо-восточной Азии. В области изучения античной культуры раскрыты в ряде пунктов Боспорского царства, в Ольвии и Херсонесе, жилые и хозяйственные постройки. Все это проливает свет на существенные вопросы античной культуры. Совершенно исключительных результатов добилась Крымская экспедиция ИИМК АН СССР, осветившая новыми данными культуру скифского общества в Крыму. Блестящие исследования в Кармир-Блуре (Армения) обогатили науку новыми памятниками крупнейшего значения по культуре Урарту. Согдийская и Памиро-Тяньшаньская экспедиции своими материалами совершенно по-новому осветили феодальную эпоху в Средней Азии. Были открыты древности антов в Киевской области, изучены памятники славянства в Чернигове и Черниговской области, раскопано интересное жилище XIII века в Киеве.

Следует особо отметить, что успешности наших археологических исследований в высокой степени способствуют содружество и сотрудничество республик Советского Союза. Это особенно ярко проявляется, например, в совместной работе коллективов археологов РСФСР и УССР, а также среднеазиатских республик. Необходимо углублять и расширять это весьма плодотворное содружество.

Таким образом, успехи археологических исследований в СССР очевидны, но они все еще далеко недостаточны, если принять во внимание те возможности для научной работы, которые созданы в нашей стране.

Ряд недостатков, имеющих в организации научно-исследовательской работы, а также в плане методологическом, мешают дальнейшему расцвету советской археологии.

Археологические памятники, залегающие в земле, представляют настоящую и, в сущности, неисчерпаемую сокровищницу исторических источников. Задачи работающих в этой области ученых заключаются в том, чтобы, относясь к этой сокровищнице с величайшей заботливостью и бережностью (организация охраны памятников, точная методика раскопок и последующей обработки археологических материалов, полноценное и скорое их опубликование), использовать ее огромные ценности для плодотворной разработки исторического знания. Свойственная нашей социалистической стране плановость и общегосударственное регулирование могут обеспечить выполнение указанных задач. Нужен единый утвержденный и общепризнанный план археологических исследований в СССР и должным образом организованные мероприятия, оформленные в законодательном порядке, по охране археологических памятников. Необходимо издать руководство по методике и технике археологических исследований. Его отсутствие затрудняет подготовку молодых кадров археологов.

Разрешение всех этих задач должно быть осуществлено в ближайшее время для обеспечения дальнейшего развития советской археологии в организационном отношении.

Открытие и раскрытие нового археологического памятника, его безукоризненное описание и опубликование несомненно обогащают историческую науку. Но этого недостаточно. Необходимо исторически осмыслить

вновь открытый факт, включить его в построение материалистической исторической науки, дать объективную его интерпретацию на высоком идейном уровне подлинно исторического знания, т. е. показать что дает вновь открытый памятник для разрешения той или иной исторической проблемы.

В этом отношении за последние годы у нас наблюдается несомненное отставание. В свое время, как отмечала «Советская археология» (№ 2, 1937, стр. 1—10), в нашей археологической и исторической научной литературе широкие обобщения давались часто в отрыве от фактов или даже вопреки фактам. Тогда многие авторы стремились делать из археологических материалов не конкретные исторические выводы, а, наоборот, данные вещественных источников подгонять к готовым, заимствованным, при этом часто весьма шаблонным и претенциозным, совершенно априорным, схемам. Это была так называемая «голая социологизация» — весьма опасный уклон в сторону от конкретных исторических исследований, забвение известной марксистско-ленинской истины о том, что «в конкретности дух и суть диалектики» (Ленин).

Призыв к преодолению этого опасного уклона (и он был преодолен) некоторыми исследователями был странным образом воспринят как отказ от всяких исторических выводов и обобщений, как требование замкнуться в чисто описательные, голо-эмпирические штудии с предельными их обобщающими результатами лишь в части хронологизации, определения этнической принадлежности, установления тех или иных аналогий в отношении открытых и описываемых памятников. Этот новый уклон не менее опасен, чем уклон в сторону голого социологизирования, потому что он угрожает сползанием на безидейные позиции эмпиризма, науки для науки, науки аполитичной, не отвечающей требованиям колоссально возросшего интереса советского народа к подлинно глубоким, настоящим историческим знаниям. Раскопать и описать какой-нибудь могильник, один, другой, десятый и этим ограничиться — это значило бы отказаться от наиболее важных задач советской археологии, от задач построения марксистско-ленинского исторического знания.

К сожалению, наши последние печатные археологические издания, включая сюда и «Советскую археологию», показывают, что голо-описательные, чисто эмпирические публикации материалов в непропорционально-высокой степени преобладают над работами, авторы которых ставили перед собой более глубокие и важные, собственно исторические задачи.

Этот недостаток необходимо изжить, памятуя о том, что туда, где существует безидейность, легко может проникнуть, прямо или косвенно, — идеология буржуазная.

Необычайно важна роль науки как части общего идеологического фронта. Советские археологи-историки должны извлечь необходимые и насущные для них уроки из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г о журналах «Звезда» и «Ленинград» и из доклада А. А. Жданова о тех же журналах.

«Уровень требований и вкусов нашего народа, — говорил товарищ Жданов, — поднялся очень высоко, и тот, кто не хочет или неспособен подняться до этого уровня, будет оставлен позади... Тот, кто неспособен идти в ногу с народом, удовлетворить его возросшие требования, быть на уровне задач развития советской культуры, неизбежно выйдет в тираж».¹

Если археологические памятники в соответствии с возросшими требованиями советского народа не будут исторически объяснены как в изданиях памятников, так и в их экспозиции в музеях, посещаемых широчай-

¹ Культура и жизнь, № 10, 1946, стр. 2.

шими массами народа, то, конечно, археологи явным образом не справятся с важнейшими, стоящими перед ними задачами.

Не голый эмпиризм, не безидейная аполитичность, а смелое выдвижение все новых и новых, правильно поставленных проблем на основе археологических памятников и разработка этих проблем при помощи могучего орудия марксистско-ленинской теории и метода — вот главная задача советских археологов.

В свое время многими глубоко обоснованными, объективными фактами советские археологи в ряде содержательных работ разоблачали реакционные течения в археологии запада Европы и Америки. Как известно, археологические изыскания, производимые там, далеко и не всегда на высоком методическом и техническом уровне, очень часто, особенно в среде официальных школ и направлений, интерпретируются и фальсифицируются в духе буржуазной идеологии. В этих целях буржуазными археологами и историками, например, факты из области первобытной археологии используются для мнимого обоснования своих ложных идей о якобы извечности и потому незыблемости частной собственности на средства производства, общественно-экономического неравенства людей, их расового неравенства и других буржуазных теорий, обреченных на гибель всем ходом исторического развития человечества. Немецкий фашизм, кстати сказать, придававший огромное значение археологии в качестве орудия своей пропаганды, стремился ложно использовать факты этой науки для обоснования своей лженаучной человеконенавистнической расовой «теории». Все эти и подобные фашистские бредни еще не изжиты и поныне в среде некоторых ученых-реакционеров в ряде зарубежных стран.

Военный и политический разгром фашизма еще не привел к полной гибели его мракобесия, его отвратительной расовой идеологии, которая пытается и в послевоенный период в некоторых реакционных кругах зарубежных стран пустить новые корни и дать новые ростки.

Каждый подлинно передовой ученый, в какой бы стране он ни работал, должен вести непримиримую борьбу с такого рода лженаучной пропагандой, просачивающейся и в науку.

В этом плане исключительна роль советских ученых. Однако критика буржуазных течений в различных их проявлениях почти совершенно замерла на страницах нашей советской археологической печати. Надо надеяться, что в ближайшее время она будет развернута.

А. А. Жданов говорил и о том, что необходимо развивать «смелую критику своих недостатков, критику не подхалимскую, не групповую и приятельскую, а настоящую, смелую и независимую, идейную большевистскую критику». ¹

Такой высоко-идейной критики и самокритики своих собственных недостатков явным образом не хватает в наших археологических изданиях последнего времени. Хвалебные или нейтральные отзывы о вновь выходящих работах преобладают над собственно критическими статьями с глубоким идейным анализом. Почти совершенно прекратились дискуссии, не выдвигаются новые острые проблемы, мало смелых передовых исканий, оживляющих и вдохновляющих движение в науке.

По некоторым, казалось бы, весьма важным, проблемам нередко наблюдается топтание на месте, пережевывание одних и тех же, ставших избитыми, положений.

Выводы, сделанные десять и более лет назад, повидимому, довлеют над сознанием некоторых наших исследователей, уходящих от смелых идейных исканий в сторону чисто описательных, голо-эмпирических работ.

¹ Там же, стр. 2.

Такого рода явления возможны были лишь в условиях отсутствия или ослабления критики и самокритики в археологической науке.

Необходимо в ближайшее время преодолеть все эти недостатки и в соответствии с условиями нашей работы поднять советскую археологию на высокий идейный уровень, поставив ее на службу требованиям нашей великой социалистической Родины.

Советская археология должна быть достойной своей эпохи, своего великого советского народа.

Редакция

•

СТАТЬИ

В. А. ГОРОДЦОВ

РАСКОПКИ «ЧАСТЫХ КУРГАНОВ» БЛИЗ ВОРОНЕЖА в 1927 г.

Раскопки «Частых курганов» в 1927 г. были осуществлены по поручению и на средства Научно-исследовательского института РАНИОН. В исследовании принимали участие сын мой археолог-художник М. В. Городцов и студент В. Г. Карцев.

Урочище «Частые курганы» представляет высокое поле, с которого открывается обширный кругозор как в сторону долины р. Дона, так и в сторону гор. Воронежа. В урочище располагалось 27 курганов, из которых ранее было раскопано 14 и нашей экспедицией раскопано 4 кургана, один курганообразный холм загадочного назначения и один курган более древнего времени.

К у р г а н № 1. Высота 2.50 м, окружность около 120 м. Форма кургана в виде полушария, очень расплывчатая; вершинная точка почти не определима, но по внешней своей форме курган сохранился целым. Вокруг основания ясно видны остатки заплывшего рва.

Раскопка производилась квадратным колодцем в 10 × 10 м. Работа велась послойно.

- 1) В первом слое никаких предметов не найдено.
- 2) Во втором слое найден латунный патрон от современной русской трехлинейной винтовки.
- 3) В третьем слое найден обломок греческой амфоры, лежавший в середине под вершиной кургана. Эта находка возбудила первое сомнение в целостности кургана.
- 4) В четвертом слое появилось пятно светлого песка, составляющего подпочву поля.
- 5) В том же слое, под серединой кургана, найдены: обломок лопатки и таза коровы и одна неопределимая кость. Все кости имели очень ветхий вид.
- 6) На глубине 1.24 м, в середине колодца, замечены остатки сильно сгнившего дерева.
- 7) На глубине 1.77 м, под серединой кургана, найден обломок горла греческой амфоры. Это — второй признак ограбления в древности кургана. О древнем времени ограбления говорит слежавшаяся почва насыпи, заполнявшая, как после выяснилось, грабительскую яму.
- 8) На глубине 2.50 м по всему колодцу обнаружили остатки сильно сгнившего дерева. В северной части колодца остатки деревьев лежали в направлении с С на Ю. Судя по лучше сохранившимся остаткам, деревья имели не менее 4 вершков в диаметре; некоторые из деревьев были обуглены, что дало возможность определить их породу — дуб.
- 9) На той же глубине (2.50 м), в середине колодца, найдена кость человека (нижний конец бедра). Находка эта указывает, что погребение потревожено.

Оставалась только надежда, что в яме могут быть некоторые вещи, потерянные грабителями.

10) Пятно погребальной ямы имело форму четырехугольника, длиной в 4 и шириной в 3.25 м, ориентированного по странам света. Над серединой ямы выявилось более темное пятно древней грабительской ямы, направленной сверху кургана вниз. Почва, заполнявшая яму грабителей, была очень тверда. Теперь стало очевидным, что все находки, сделанные нами при раскопке колодца в насыпи кургана, вроде костей и обломков глиняных амфор, находились в почве, заполнившей грабительскую лазейку.

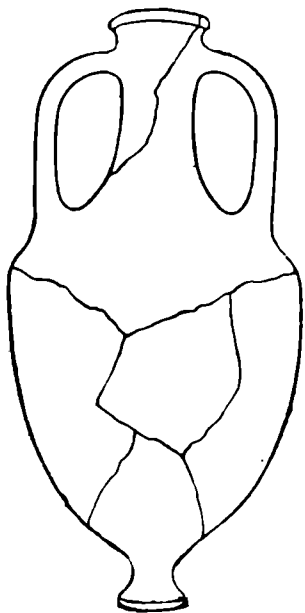

Рис. 1. «Частые курганы». Амфора из кургана № 1.

11) На глубине 0.30 м ниже горизонта, в яме, найден обломок греческой амфоры.

12) На глубине 1.05 м в яме найдены обломок глиняного сосуда (амфоры?) и кусок кости.

13) На глубине 1.75 м обнаружилось дно могильной ямы, состоящее из песчаного грунта желтого цвета. По всему дну наблюдался жирный буроватый тлен, отстававший от песчаного грунта, как войлок. На этот тлен налегали повсюду обильные остатки сильно обгнившего дерева; изредка встречались также кости. Найден один зуб человека. На середине пола отысканы два куса одного железного ножа со следами костяной рукоятки (не взяты).

14) Погребальная яма ориентирована длинной осью с В на З. У восточного ее края найдена глиняная греческая амфора, видимо, преднамеренно разбитая на две части, лежавшие друг от друга на расстоянии 0.50 см. Позже части амфоры были раздавлены землею (рис. 1).

Выбирая куски амфоры, мы нашли только одну бронзовую гаечку, в виде усеченной пирамидки, напущенной на ремень, остатки которого еще были видны (рис. 2).

15) По середине дна могильной ямы оказалось круглое пятно небольшой ямы, шедшей со дна могильной ямы вниз. Диаметр ямы равнялся 0.30 см; глубина же достигала 0.50 см.

В яме, кроме темной земли, никаких других остатков не было найдено. Назначение ямы осталось неясным.

16) На дне могильной ямы, преимущественно в средней ее части, изредка попадались мелкие угольки.

Принимая во внимание все наблюденные факты, следовало заключить, что в могильной яме, под курганом, было совершенно погребение взрослого человека, сопровождавшееся костями коровы и, может быть, других животных, вид которых определить затруднительно, а также глиняными амфорами (не менее двух), железными, бронзовыми и, вероятно, более ценными вещами. По середине дна могильной ямы была вырыта круглая, цилиндрической формы ямка, назначение которой осталось загадочным: ямка, судя по нахождению ее на середине пола, могла служить для постановки столба, поддерживавшего крышу над могильной ямой, однако никаких признаков нахождения в яме столба не найдено. Дно могильной ямы застлано чем-то таким, что по истлении напоминало войлок, но нам не удалось установить, что это был именно войлок: мы имели перед своими глазами бурый жирный тлен непонятного происхождения. Крышей погребальной

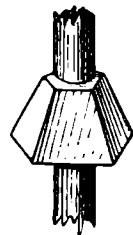

Рис. 2. «Частые курганы». Бронзовый предмет из кургана № 1.

ямы служил накатник из длинных бревен, концы которых выходили далеко за пределы ямы, покрывая поверхность нетронутой почвы. Некоторые бревна сделаны из дуба, обуглены.

Погребение почти начисто ограблено в глубокой древности, но после того как труп покойника успел совершенно истлеть, а это могло быть через десяток лет после похорон покойника. Грабители проникли в могилу через сравнительно небольшую лазейку, которую можно было легко вырыть и зарыть в одну ночь. Достигнув бревенчатой крыши, грабители проникли под нее, оказавшись в просторном помещении могильной ямы, где очень поспешно захватили почти все кости покойника и сопровождавшие их вещи и вынесли их из кургана наверх. Увидав у восточной стенки ямы амфору, грабители взяли ее, но затем решили ее не выносить и бросили на пол: амфора разбилась на две части, причем дно отскочило от горловой части в сторону. Вынеся наверх кости и вещи, грабители часть костей выбросили и затем зарыли свою лазейку, в засыпь которой попали встреченные нами кости коровы и человека. Выборка вещей, взятых в могиле, производилась грабителями где-то вдали от кургана, почему и не было в засыпь возвращено большинство человеческого костяка. Можно с уверенностью полагать, что грабители были современниками покойника.

К у р г а н № 2, у колодца. Курган находится в расстоянии шагов 600 к ЮЮВ от колодца с. Подгорного, в овраге. Этот курган был наиболее крупным из четырех курганов, составлявших вторую курганную группу. Высота кургана 1 м, диаметр 23 м, окружность 70 м. Курган сильно распахан. Вокруг основания его заметны следы рва. Раскопка велась колодцем в 8×8 м.

1) Во втором слое, к югу от центра колодца, найдены кусок человеческого черепа и небольшой обломок края глиняного сосуда весьма примитивной техники, похожей на технику сосудов самарских погребений срубной культуры; самая форма края сосуда похожа на края последних сосудов.

2) К СЗ от центра колодца и у самого его края найдены угли, дерево и вместе с ними разные современные вещи, как бы нарочно сброшенные в неглубокую ямину и потом зарытые. Среди вещей оказались напильник с отломанным концом, обломок железного ножа, две железные дужки от ведер, обломок точильного бруска и осколки разбитых бутылок.

3) В третьем слое, на глубине 0.66 м, к СЗ от центра колодца, найдены точильный камень и поставленный с ним рядом каменный пестик. Эти два предмета были аккуратно уложены, а около них лежали угольки.

Погребение №№ 1—5 (коллективное).

На горизонте, к Ю от центра колодца, у самого края его, лежали рядом пять костяков, принадлежавших взрослым людям, из которых крайние были мужскими, а средние — женскими. Все пять костяков лежали вытянуто, на левом боку, головами на В, тесно прижатые друг к другу так, что правые руки четырех передних костяков закрывали левые руки сзади лежащих костяков (рис. 3). Сохранность костяков довольно плохая. Рост левого мужского костяка равнялся 1.67 м. Повидимому, рост и правого мужского костяка был таким же, но женские костяки меньше.

При костяках никаких вещей не оказалось, но представляется очень вероятным, что в головах их стоял тот глиняный сосудик, край которого найден вместе с обломками черепа во втором слое колодца. Оба предмета, вероятнее всего, вынесены кверху зверьками, норы которых пронизывают костяки в разных направлениях, в особенности около среднего костяка, череп которого оказался неполным.

Следует полагать, что костяки похоронены под вершиной насыпи кургана, но, вследствие сильной распушки, вершина сгладилась настолько, что определить ее, при закладке раскопчного колодца, не удалось. Мне

кажется возможным отнести к описанному погребению точильный камень и пестик, положенные в некотором отдалении от покойников, как жертва им.

Погребение относится к глубокой древности, и если обломок глиняной посуды и каменные предметы действительно относятся к нему, то время его следует приурочивать к началу неометаллической эпохи.

Других погребений в кургане не оказалось.

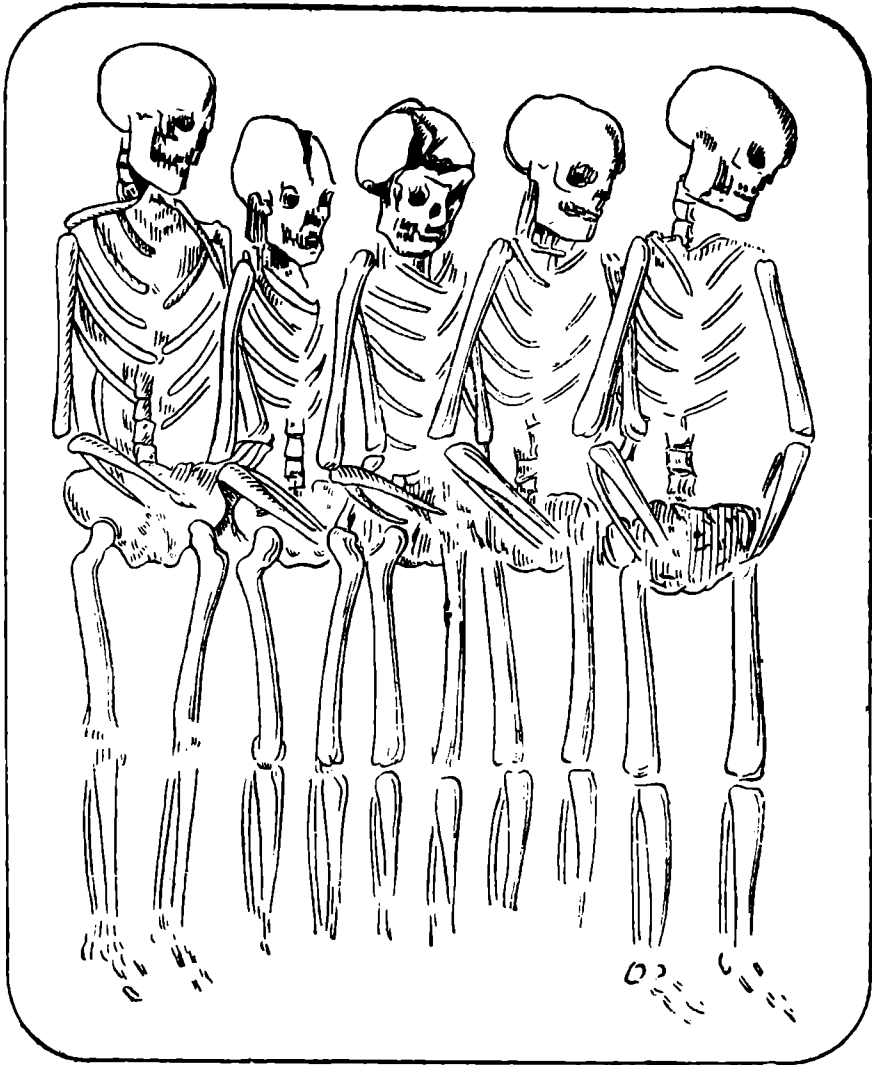

Рис. 3. «Частые курганы». Коллективное погребение (№№ 1—5) в кургане № 2.

Осведомившись, что поле «Частых курганов» освободилось от посева, мы вновь перешли на это поле и приступили к раскопке сразу двух небольших курганов, ближайших к кургану № 1.

К у р г а н № 3. Высота кургана 1.35 м, диаметр 35 м, окружность 110 м. Форма полушарная, расплывчатая. Вокруг основания насыпи заметны следы заплывшего рва. Раскопка велась колодезь в 7×7 м. Колодезь ориентирован по странам света.

1) В первом слое, у южной стены колодезя, найден позвонок животного или человека.

2) В пятом слое — обломок лопатки коровы.

С горизонта обнаружилось пятно ямы в форме четырехугольника, ориентированного длинной осью с З на В. Углы ямы округлены. Длина 4.30, ширина 3.30 и глубина, как позже выяснилось, 2 м.

3) В могильной яме, на глубине 0.90 м, найдены светлорыжие волосы, пучком приставшие к куску земли. Эти волосы похожи на лисьи. Интересно,

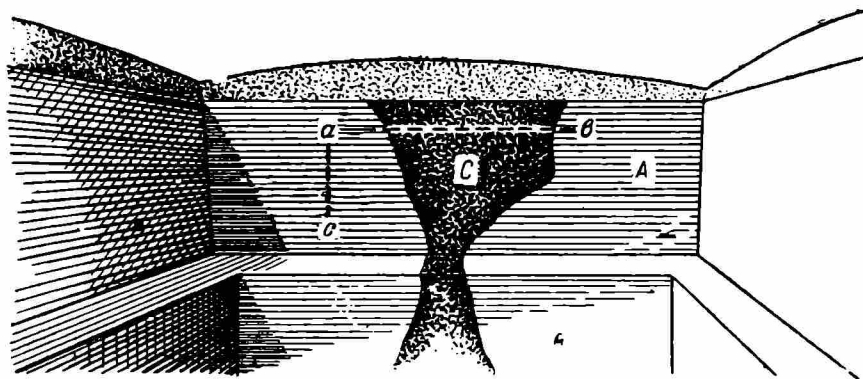

Рис. 4. «Частые курганы». Грабительская лазейка в кургане № 3.

A — южная стена колодца раскопок; B — южная стена могильной ямы;
C — темное пятно лазейки грабителей: a — b — ширина лазейки 1.75 м;
a — c — глубина до могильной ямы 1.35 м.

что совершенно схожие с ними волосы были найдены и на дне могильной ямы. Явление волос в засыпи ямы учтено, как признак ограбления могилы.

4) При тщательной отчистке стен колодца обнаружена грабительская лазейка, направленная на южную часть могильной ямы (рис. 4).

5) В засыпи могильной ямы встречались обгнившие остатки дерева, вероятно, от накатника, покрывавшего яму сверху, и, может быть, от деревянной облицовки стен ямы.

6) На разных глубинах ямы, в засыпи, неоднократно встречались угольки.

7) На глубине 2 м от горизонта выяснилось дно ямы, середина которой покрывалась тонким слоем перегнившего дерева, вероятно, от досчатого настила.

8) Под слоем дерева, в центре могильной ямы, открыто темное пятно малой ямы (бофра),¹ идущей с поверхности дна могильной ямы вглубь.

Диаметр малой ямы равнялся 0.40 м. К Ю от малой ямы обнаружены остатки сожженного костра, диаметром около 1 м. Огонь на костре был настолько силен, что желтая пе-

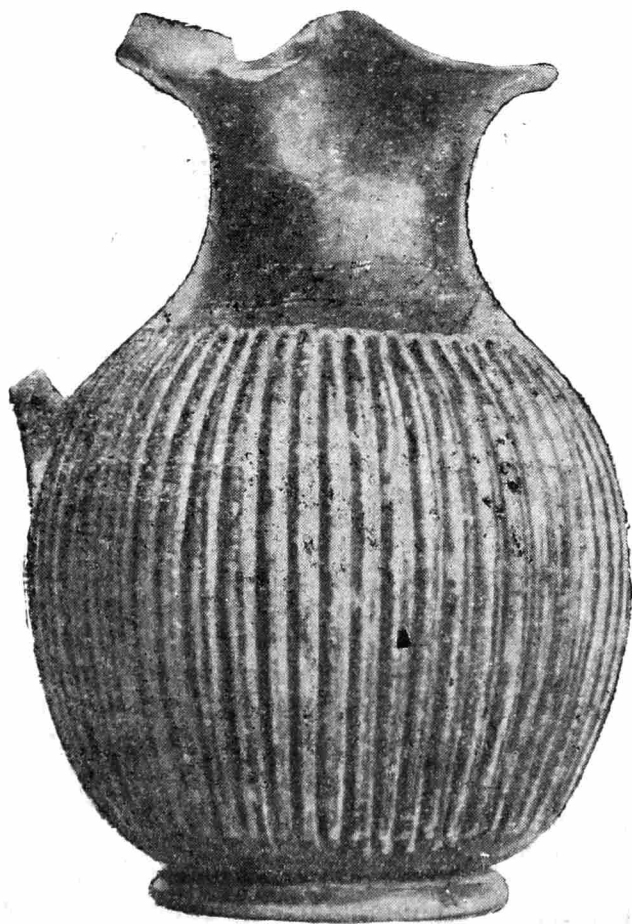

Рис. 5. «Частые курганы». Энохоя из кургана № 3.

¹ Б о ф р (Βόφρος) — яма для стекания жертвенной крови при погребении животных. Бофры были обычны в погребениях микенского времени.

счано-глинистая почва получила кирпично-красный цвет. От самого костра остались только мелкие угольки и немного золы: очевидно, крупные продукты горения, после сожжения костра, были удалены.

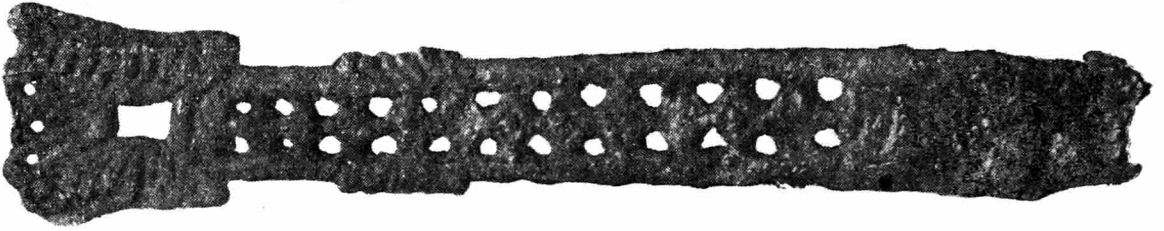

Рис. 6. «Частые курганы». Орнаментированная железная рукоятка ножа из кургана № 3.

9) При очистке малой ямы, на глубине 0.38 м, найдена греческая энохоя, покрытая темнубурым лаком и каннелюрами (рис. 5). Горло ее отбито ударом лопаты при вынимании земли из ямы, а ручка отбита и утеряна в древности. Около энохой найдены железный нож с орнаментированной железной рукояткой (рис. 6) и ребро коровы.

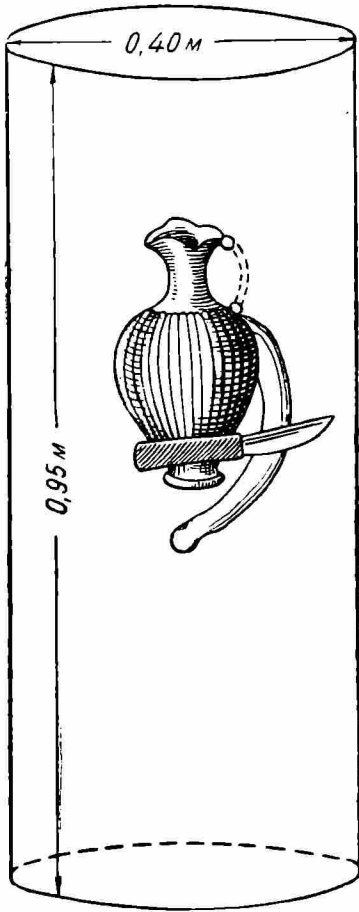

Рис. 7. «Частые курганы». Положение предметов в погребении кургана № 3.

Ниже шел черный слой почвы, на самом дне, обнаруженном на глубине 0.95 м, получивший вид черного жирного перегноя.

По окончании исследования малой ямы возник ряд вопросов, касавшихся техники рытья ямы, ее назначения и нахождения найденных в ней предметов не на дне, а как бы в подвешенном положении (рис. 7).

Яма имела форму правильного цилиндра с гладкими стенками. Выкопать ее простой лопаткой не представлялось возможным ввиду ее большой глубины. Очевидно, для выполнения работы служил специальный инструмент в виде скифских и античных разливных ложек, или черпачков.

Кажется, только при помощи подобного инструмента можно было бы вычерпать землю с глубины 0.95 м узкой ямы. Но если требовалась такая тщательная обработка ямы, то очевидно, что яма не назначалась для врытия столба, как это можно было допустить при обследовании подобной ямы в кургане № 1: этому противоречили бы и тщательность выработки ямы и нахождение в ней вещей. Несомненно, яма имела более серьезное назначение, связанное с культом погребения, причем естественно возникает мысль, не служила ли яма

бофром, специально предназначенным для принесения даров подземному божеству или божествам. Эти дары могли иметь вид возлияний, одежд умершего и других предметов, в форме, например, сосуда, ножа, ребра животного, возможно, с мясом, какие найдены в исследуемой яме. По отношению к последней при этих условиях возникала бы такая картина: на дно открытой ямы, обращенной к жилищу подземных

божеств, вложены дары; их обильно полили из энохой дорогими жидкостями и, поставив на верху приношений сосуд для возлияний, мясо с костью и нож, все это засыпали землей, выравнив дно могилы и заполнив костер, может быть, для вознесения молитв к высшим небесным божествам.

Что на дно бобра были положены вещи, это доказывается, во-первых, подвешенным положением сосуда и других предметов, очевидно, первоначально поставленных на что-то такое, что мешало им коснуться дна бобра, и, во-вторых, густым жирным тле-ном на дне ямы.

10) У южной стены могильной ямы, в почве, заполнившей грабительскую лазейку, найдены: маленькая золотая бляшка, полушарной формы, с двумя отверстиями для пришивки ее, и кости ребенка лет пяти. Кости лежали в полном беспорядке. Среди них нами определены: кусочки черепа, позвонки, две ключицы, две малых и две больших берцовых, одна лопатка, одна плечевая и четыре фаланги ног.

11) В северо-восточном углу могильной ямы найдены несомненно nepотревоженные грабителями скифский бронзовый котел (рис. 8) и большой двуручный глиняный кувшин, похо-

Рис. 8: «Частые курганы». Скифский бронзовый котел из погребения кургана № 3.

жий на греческую гидрию (рис. 9). Оба сосуда оказались сваленными на бок, вероятнее всего, обрушившимся накатником, покрывавшим могилу, причем глиняный кувшин был как бы смят, распавшись на крупные куски, а из котла выпало несколько костей вложенной в него туши барана. Кости последнего сильно позеленели от окиси меди и поэтому прекрасно сохранились. Часть костей мы не стали очищать, а вместе с землей взяли для доставки в музей.¹ Около сосудов сохранились куски драни, может быть, от корзины, в которую были поставлены сосуды.

12) У западной стены могильной ямы лежали также нетронутые грабителями ребра лошади и ребра коровы. Эти кости лежали в естественной связи друг с другом, указывая, что они вырублены из туш убитых животных и положены в могилу с мясом, причем видно, что вырезка бока коровы положена на вырезку бока лошади. В вырезке бока лошади было 9, а в вырезке бока коровы 5 ребер. В некотором отдалении в самом углу (северо-

¹ Все вещи поступили в ГИМ.

западном) могилы лежала сильно истлевшая часть костяной ручки железного ножа, также почти истлевшего (рис. 10).

Курган № 3 оказался ограбленным и, несомненно, в древности: грабители отлично знали устройство могилы, а это облегчило успех их работы, на которую требовалось не более 4—5 часов времени. Грабители прокопали свою лазейку через насыпь кургана так, чтобы она ударила в край накатника, покрывавшего яму (рис. 11), опускались под него и спешно, забрав

Рис. 9. «Частые курганы». Сосуд из погребения в кургане № 3.

украшения, сопровождавшие покойника, вынесли их наверх и, засыпав лазейку, удалились с добычей. В руки их, вероятнее всего, попали золотые украшения. Ненужных вещей грабители не брали. Они не взяли даже бронзового котла, который брать было опасно, так как он мог выдать преступников.

В кургане № 3 найдены кости ребенка, но не было найдено ни одной кости взрослого. Это как будто свидетельствует о том, что огромное подземное сооружение создано только для ребенка. Факт очень любопытный. Любопытен факт и по выразительности выполненного погребального ритуала, сопровождавшегося как бы особым молением подземным и небесным божествам.

Очевидно, ребенок пользовался сильной любовью или высоким положением среди окружавших его.

Курган № 4. Высота 1 м, диаметр 20 м, окружность 65 м. Форма насыпи расплывчатая, сильно распаханная. Вокруг основания насыпи заметны остатки заплывшего рва. Раскопка велась колодецем в 6 × 6 м. Колодец ориентирован по странам света.

1) Во втором слое, в середине колодца, замечены мелкие угли.

2) На горизонте обнаружено много остатков сильно обгнившего дерева, как будто покрывавшего всю поверхность, вскрытую колодецем (рис. 12).

Погребение 1. На уровне горизонта обнаружилось пятно почти квадратной ямы, ориентированной длинной осью с З на В. Длина ямы 3.50 м, ширина 3.20 м и глубина, как выяснилось позже, 1.45 м.

3) На горизонте, у северо-западного угла могильной ямы, замечены угольки в небольшом количестве.

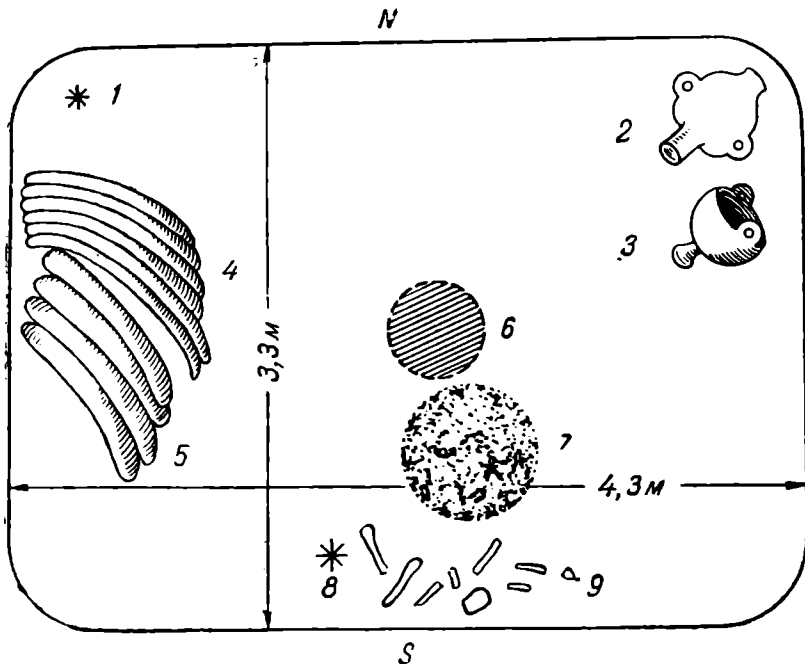

Рис. 10. «Частые курганы». Расположение вещей в погребении кургана № 3.

1 — обломок ножа с костяной рукояткой; 2 — амфора; 3 — котел; 4 — ребра лошади; 5 — ребра коровы; 6 — бофр; 7 — костер; 8 — золотые бляшки; 9 — кости ребенка.

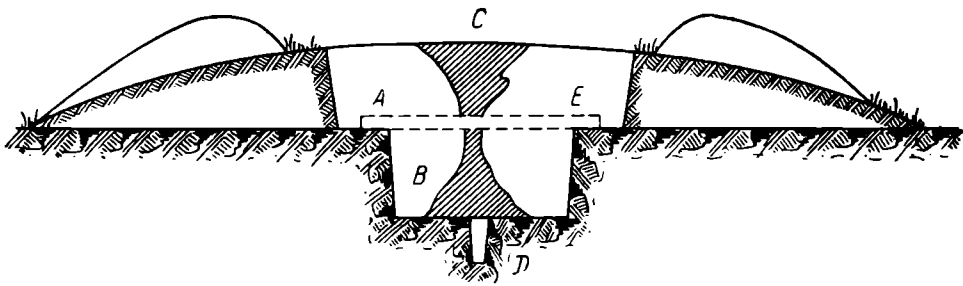

Рис. 11. «Частые курганы». Разрез кургана № 3.

A-E — колодец раскопа; B — могильная яма; C — лазейка грабителей; D — бофр.

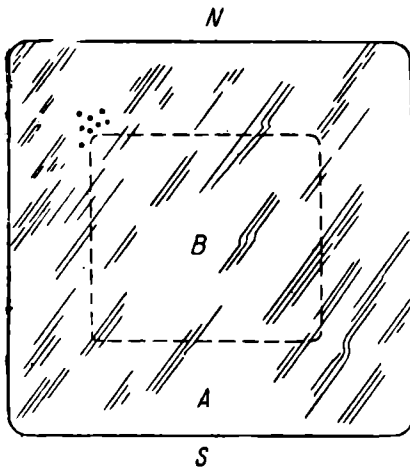

Рис. 12. «Частые курганы». План раскопа кургана № 4.

A — колодец раскопа; B — могильная яма.

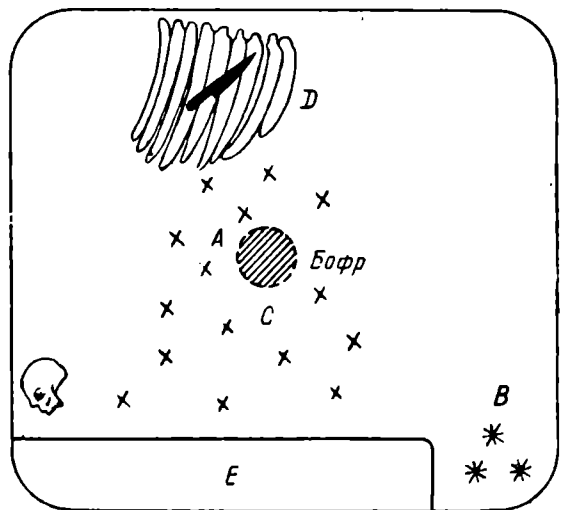

Рис. 13. «Частые курганы». План могильной ямы в кургане № 4.

A — золотые бляшки; B — бронзовые колокольчики; C — цилиндрическая яма (бофр); D — бок коровы; E — ступенька.

4) На глубине 1.15 м, вдоль южной стены могильной ямы, открыта ступенька, имевшая в длину 2.75 м и в ширину 0.45 м. Ступенька начина-

лась от юго-западного угла и не достигала юго-восточного угла (рис. 13).

5) На глубине 1.45 м открыт пол могильной ямы, состоявший из яркожелтого грунтового песка. В средней части пол покрыт тленом какой-то подстилки кофейного цвета, толщиной в 1 см. Под тленом, в центре ямы, открыто круглое пятно, обозначавшее цилиндрическую небольшую яму — бофр, шедшую с пола могильной ямы вниз. Бофр имел 0.40 м в диаметре и 0.75 м в глубину. Цилиндрическая яма бофра содержала темную почву; вещей в ней никаких не найдено.

6) У юго-западного угла ямы и ступеньки найден разбитый череп взрослого человека.

7) У юго-восточного угла лежали вместе 24 бронзовых прорезных колокольчика (рис. 14, 1), а недалеко от них глиняное пряслице (рис. 14, 2) и обломок небольшой трехугольной янтарной бусины.

8) По средней части пола могильной ямы, на тлене кофейного цвета, найдено 18 трехугольных и 3 фигурных золотых бляшки, лежавшие рассеянно, но преимущественно в средней части пола (рис. 14, 3—9). Фигурные бляшки изображают оленей с поджатыми ногами, выбитых одним штампом.

9) У северной стены могильной ямы лежали ребра коровы в их естественном отношении друг к другу. Повидимому, ребра представляли остатки вырубленного бока коровы, положенного с мясом в могилу. На ребрах

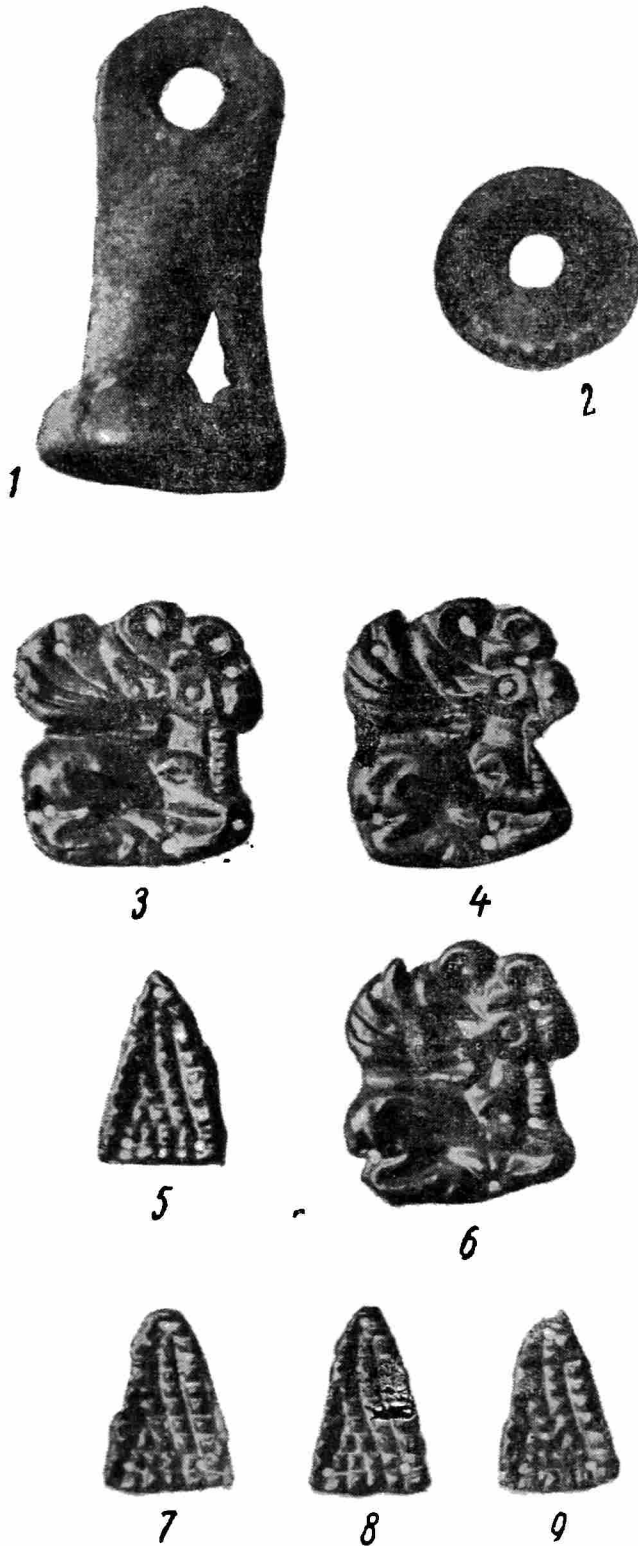

Рис. 14. «Частые курганы». Предметы из погребения кургана № 4.

1 — бронзовый прорезной колокольчик; 2 — глиняное пряслице; 3, 4, 6 — фигурные золотые бляшки; 5, 7—9 — треугольные золотые бляшки.

лежал железный нож со следами деревянной (?) рукоятки.

10) Погребение было ограблено. Лазейка грабителей ясно прослежи-

валась по южной стенке нашего колодца (рис. 15). Лазейка направлялась прямо на ступеньку могильной ямы, а это свидетельствует, что грабителям была точно известна намеченная ими для ограбления могильная яма. Возможно, что они участвовали в самом оборудовании ямы, хотя произведенное ими ограбление последовало не тотчас после погребения, а спустя, вероятно, несколько лет, когда труп покойника успел истлеть и череп отделиться от других костей остова.

К у р г а н № 5. Высота кургана 0.65 м, диаметр 20 м, окружность 64 м. Форма насыпи полушарная, расплывчатая, Вокруг насыпи заметны следы рва. Раскопка велась колодцем в 6×6 м.

Погребение 1. С горизонта открылось пятно обширной ямы, имевшей в длину 4 м, в ширину 3.50 м и в глубину, как выяснилось позже, 1.75 м. Яма была ориентирована длинной осью с С на Ю.

При раскопке колодца и могильной ямы выяснено двукратное опустошение погребения: грабителями и современными кладоискателями. Грабители проникли узкой лазейкой, направленной на западный бок ямы, под которым имелась ступенька для схода в могилу. Грабители прорезали часть

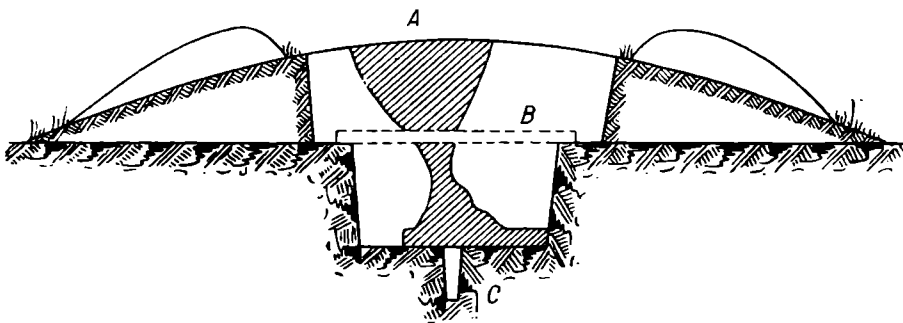

Рис. 15. «Частые курганы». Разрез кургана № 4.

A — грабительская лазейка; *B* — предполагаемый бревенчатый накатник, покрывавший яму; *C* — бофр.

этой ступеньки. Кладоискатели шли широкой круглой ямой, немного менее нашего колодца. Засыпка ямы кладоискателей отличалась значительной свежестью и рыхлостью; засыпка же грабителей по цвету почти сливалась с насыпью кургана и отличалась исключительной твердостью.

Это явление неоднократно наблюдалось мной при раскопке скифских ограбленных курганов. Я полагаю, что затвердение земли в грабительских лазейках происходило по той причине, что ограбление производилось в ненастные, дождливые ночи, чтобы не быть замеченным владельцами кургана или их соседями, несомненно, жестоко наказывавшими преступников. Смоченная дождем, выброшенная из кургана земля сырой возвращалась обратно в лазейку и вследствие этого сильно уплотнялась и получала свойства, близкие к свойствам кирпича.

Такая твердая земля наблюдалась и во всех грабительских лазейках в раскопанных нами «Частых курганах». Если же наше определение верно, то необходимо заключить, что у скифов и сарматов существовали специалисты по ограблению курганов, пользовавшиеся для этого хорошо разработанными методами и уловками.

Грабители много вытащили из кургана № 5; взяли ли что-либо кладоискатели, трудно сказать. Несомненно, кладоискателям попадали в руки скипевшиеся в куски железные стрелы, которые не были взяты грабителями, а кладоискатели их разбросали. Кладоискатели, дойдя до дна могильной ямы, особенное внимание обратили на северо-восточный угол и, повидимому, гонясь за звериным ходом или гнездом, сильно подрыли этот угол.

Когда была выяснена работа грабителей и кладоискателей, я не хотел продолжать раскопку, но, ввиду того, что оставалось уже немного до конца раскопок, снова повел их и был значительно вознагражден за труд.

1) На глубине 1.25 м от горизонта в могильной яме был найден обломок железного ножа с остатками костяной рукоятки и много кусков сильно обгнившего дерева.

2) На глубине 1.75 м было открыто дно могильной ямы, представлявшее ярко-желтый грунтовый песок.

3) Середина могильной ямы была покрыта тленом рыжеватого цвета.

4) Вдоль западного бока ямы обнаружена ступенька, вырезанная из земли на глубине 1.50 м. Ступенька имела в ширину 0.35 м и шла от юго-западного угла ямы на протяжении 2.73 м. Средняя часть ее оказалась разрушенной лазейкой грабителей. При удалении почвы, выполненной лазейку сантиметров на 10 выше пола, был найден обломок небольшого металлического сосуда, стенки которого казались не толще

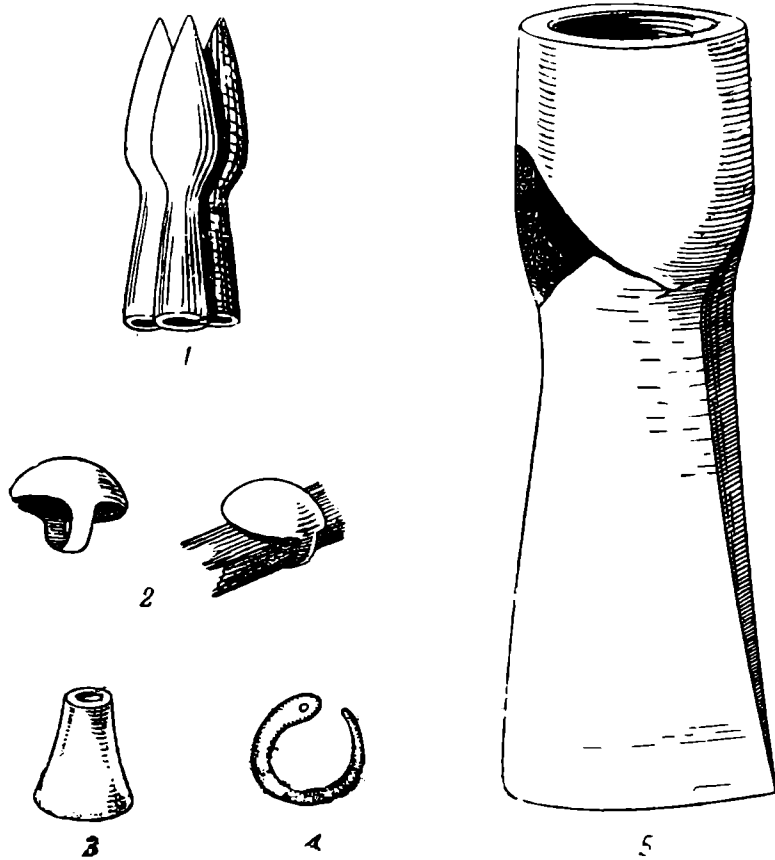

Рис. 16. «Частые курганы». Предметы из погребения в кургане № 5.

1 — сгнившие железные стрелы; 2 — полусферические бронзовые бляшки; 3 — бронзовый колокольчик; 4 — золотое колечко; 5 — железный клинок топора-кельта.

листа писчей бумаги. Мелкие обломки этого сосуда найдены и в нескольких других пунктах, но недалеко от ступеньки. Повидимому, сосуд был вынесен грабителями наверх, но как ненужный раздавлен и сброшен вместе с землей в лазейку. На обломках сосуда никаких украшений не было: очевидно, поверхность сосуда была гладкой.

5) В северной части пола найдены две коронки человеческих зубов. Недалеко от них лежала сгнившая пачка железных стрел (рис. 16, 1). Несколько в стороне найдены еще две пачки таких же стрел, отброшенных, как мне кажется, кладоискателями, а не грабителями, которые стрел, лежавших, вероятнее всего, в колчане, почему-то не взяли.

6) В северной половине пола, ближе к центру, найдено золотое кольцо со спиралью заходящими концами. Это кольцо находилось в почве, перерытой кладоискателями, пропустившими дорогую вещь.

7) Против центра, у западного бока, несколько раз попадались мелкие осколки вышеупомянутого металлического сосуда.

8) На середине пола, но ближе к восточному боку могильной ямы, обнаружено под рыжеватым тленом круглое пятно бофра, имевшего 0.20 м в диаметре и 0.80 м глубины. В бофре, кроме черного тлена, ничего не найдено.

9) Недалеко от бофра, у восточной стены могильной ямы, найдено несколько полусферических бронзовых бляшек, украшавших, очевидно, узду, ремни которой еще сохранились в ушках некоторых бляшек (рис. 16, 2). Бляшки лежали разрозненно в почве, перерытой кладоискателями. Несколько в стороне, в южной части пола, найден бронзовый колокольчик в виде усеченного небольшого конуса (рис. 16, 3).

10) Ближе к южной стене найдено второе золотое колечко, служившее, может быть, привеской или серьгой (рис. 16, 4).

11) У самой южной стены найдены железная втулка и железный клинок топора-кельта (рис. 16, 5), лежавшие на расстоянии сантиметров 50 друг от друга (рис. 17, 18).

Этим исчерпывались наши находки в кургане.

Курган № 6. Высота 0.75 м, диаметр 25 м, окружность 75 м. Форма насыпи расплывчатая, сильно распаханная. По наружному виду насыпь вполне походила на насыпи соседних курганов. Раскопка велась колодцем в 6 × 6 м. Земля снималась послойно. Колодец ориентирован по странам света.

1) В первом слое встречено сильно обугленное дубовое бревно, имевшее в длину 2.67 м, в толщину 0.20 м. Бревно лежало под вершиной насыпи, едва прикрытое землей.

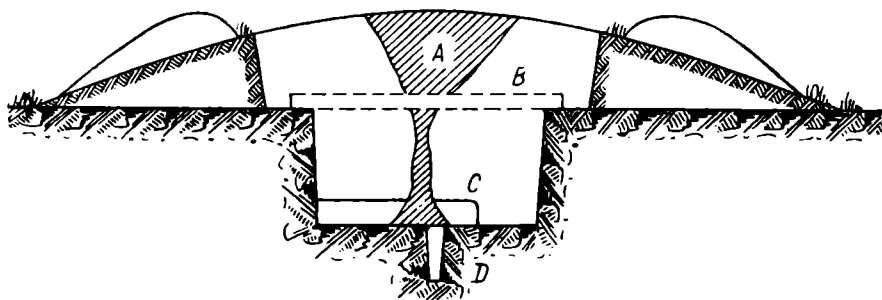

Рис. 18. «Частые курганы». Разрез кургана № 5.

A — лаязка грабителей; B — предполагаемый бревенчатый накатник, покрывавший могильную яму; C — ступенька вдоль западной стены могильной ямы; D — бофр.

2) Во втором слое обнаружено много обугленных дубовых бревен и множество крупного угля. Бревна лежали иногда друг на друге, образуя углы (рис. 19).

3) В третьем слое снова обнаружены сгоревшие дубовые бревна, лежавшие несогласно с рядом бревен второго слоя, хотя, видимо, оба ряда более

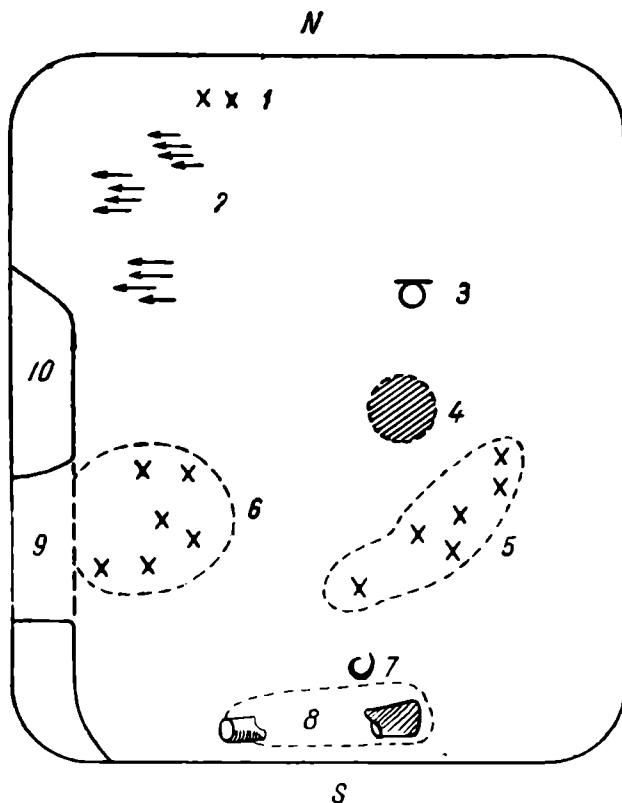

Рис. 17. «Частые курганы». План могильной ямы кургана № 5.

1 — коронки зубов; 2 — пачки стрел; 3 — золотое кольцо; 4 — бофр; 5 — уздечный набор; 6 — обломки металлических сосудов; 7 — золотое колечко; 8 — кельт; 9 — грабительская лаязка; 10 — ступенька.

тяготели к северо-западному углу колодца, совсем не встречаясь в противоположном юго-восточном углу. Нижний ряд бревен и углей лежал на горизонте, не опускаясь ниже.

4) В том же слое, в пункте А (рис. 20), открыт череп взрослого че-

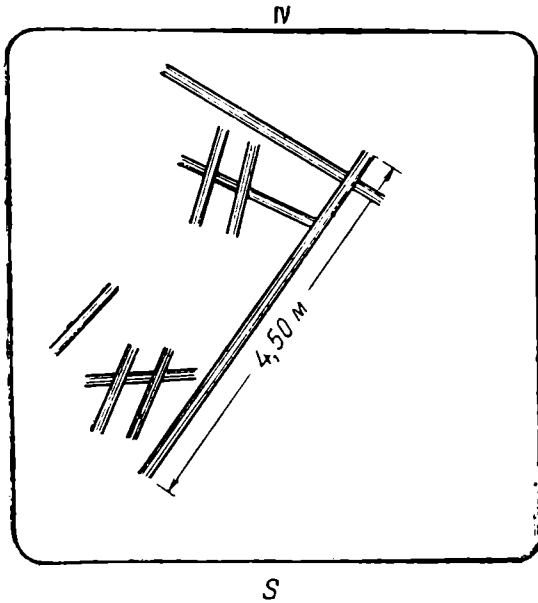

Рис. 19. «Частые курганы». Расположение бревен во втором слое колодца раскопа кургана № 6.

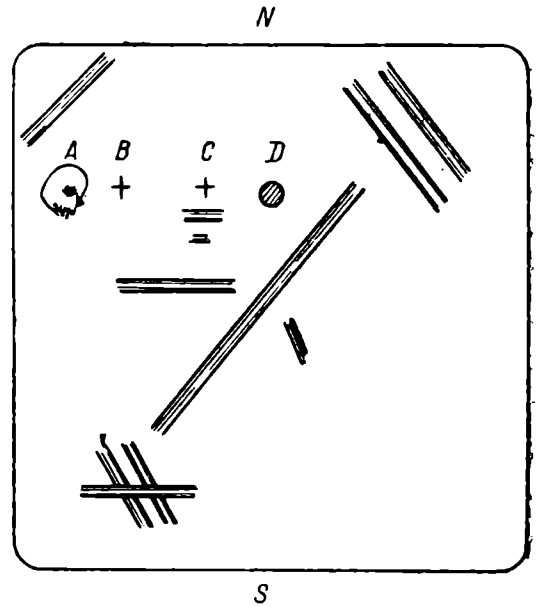

Рис. 20. «Частые курганы». Расположение бревен и отдельных предметов в третьем слое колодца раскопа кургана № 6.

А — череп; В — золотая бляшка; С — обломок железной псалии; D — обугленный дубовый столб.

ловека, лежавший теменем вверх, челюстью вниз. Близ черепа, в пункте В, найдена маленькая золотая бляшка с ушком для пришивки, сходная с бляшкой, найденной при детских костях кургана № 3.

В расстоянии около 1.50 м, к В от черепа, найдена кость, похожая на остаток сгнившей большой берцовой кости человека, и при ней, в пункте С, обломок железной псалии. Около, в пункте D, обнаружен обугленный дубовый столб, стоявший вертикально.

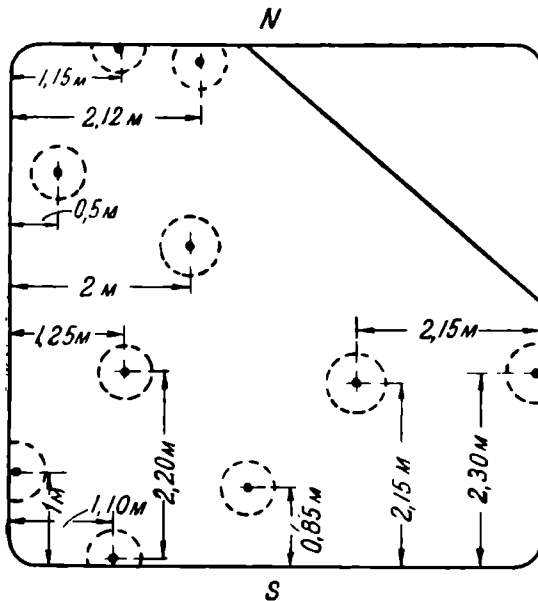

Рис. 21. «Частые курганы». План расположения ям в раскопе кургана № 6.

5) С горизонта открыто 10 ям (рис. 21). Ямы имели в диаметрах по верху от 0.60 до 0.95 м и в глубину от 1 до 1.50 м; к низу ямы были уже. В трех ямах сохранились остатки столбов, в одной (упомянутой яме D) столб был обугленный, в двух других ямах столбы не были обуглены.

Когда закончилось исследование кургана, тогда возникли вопросы, касающиеся назначения сгоревших дубовых бревен, столбов, вкопанных в ямы, отношения их к остаткам погребения, времени бревенчатого сооружения и, наконец, происхождения самой насыпи, получившей вид кургана.

Определенных ответов на поставленные вопросы мы не получили, может быть, потому, что самая раскопка осталась незаконченной: ямы столбов, уголь и обугленные бревна выходили за пределы нашего колодца и только один северо-восточный бок давал границу или часть границы сложной картины. К сожалению, недостаток средств не дал нам возможности раскрыть всю насыпь и таким путем уяснить план расположения всех ям и всех сохранившихся бревен. При настоящих же, недостаточно выясненных условиях нам представляется возможным предполагать, что столбы, врытые в ямы, служили опорой бревенчатого здания, сгоревшего и потом, в виде обугленных бревен и угля, погребенного силами природы в черноземную почву.

Отношение этого здания к костям человека весьма интересно, но и весьма загадочно. Кости датируются золотой бляшкой и железной псалией, как относящиеся к скифо-сарматскому времени. Но не внесены ли эти остатки в насыпь позже? Вопрос, ответа на который мы еще не можем дать.

Я рассчитывал вернуться для продолжения раскопок «Частых курганов» и в первую очередь закончить начатые раскопки 6-го кургана, давшего совершенно загадочные явления с ямами, несомненно, служившими для постановки толстых столбов, обугленными бревнами, остатками человеческих костей и предметов скифо-сарматской культуры, но, к сожалению, расчет мой и надежды на продолжение раскопок не оправдались.

Определению времени погребения «Частых курганов» посвятил свой труд М. И. Ростовцев.¹ Исследуя серебряный сосуд, покрытый превосходными изображениями скифов, автор сосредоточил свое внимание на историко-художественной характеристике сосуда, ввел его изображения в связь с большим количеством подобных им, найденных в курганах Северного Причерноморья и среднего Дона, связал их в одну синхронную группу и довольно точно указал их время — конец IV и начало III в. до н. э. Добытый нами новый материал не в силах ни опровергнуть, ни подтвердить такую дату. Мы ее охотно принимаем, с той, однако, поправкой, что, судя по ранее найденным бронзовым ножам, необходимо заключить, что некоторые из воронежских курганов относятся к значительно более древнему времени, может быть, к VI—V вв. до н. э.

V. GORODTSOV

LES FOUILLES DE 1927 DES TUMULUS «ČASTYE KOURGANY» PRÈS DE VORONEŽ

Résumé

Dans la région de «Častye kourgany» se trouvent des tumulus, dont 14 ont été découverts avant 1927. En 1927 l'auteur du présent article y a découvert encore 5 tumulus et un mamelon de la même forme, mais de destination mystérieuse. L'auteur donne une description détaillée des susdits tumulus et des trouvailles qui y ont été faites. Les tumulus №№ 1, 3, 4 et 5 datent

¹ М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. Пгр., 1914.

de la fin du IV-e et du commencement du III-e siècle avant notre ère. Le tumulus № 6, mamelon à destination mystérieuse et à forme de tumulus, a l'aspect d'un remblai vague, fortement défoncé et ressemble par son extérieur aux remblais des tumulus voisins. Il contient des poutres calcinées de chêne et deux poteaux verticaux calcinés aussi. A part cela on y voit 10 trous, dont trois ont gardé des restes de poutres, des ossements humains, une plaquette d'or munie d'un anneau et un fragment de psalies en fer.

Quant à la destination des poutres et des poteaux de chêne, plantés en terre, l'auteur pense, qu'ils ont dû servir de soutiens à un bâtiment en bois, brûlé dans la suite. La sépulture, qui s'y trouve, remonte à la période scytho-sarmate.

Во время печатания IX выпуска «Советской археологии» скончался автор помещенной выше работы, крупнейший археолог, заслуженный деятель науки Василий Алексеевич Городцов. В одном из ближайших выпусков редакция отметит специальной статьей память Василия Алексеевича, так много потрудившегося для русской науки.

М. Е. ФОСС

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Неолитические культуры северной области Европейской части Союза ССР обычно объединяются под наименованием северного неолита, общественно-историческое содержание которого изучалось советскими археологами и в общих основных чертах было раскрыто, в свете наличных материалов. Благодаря систематическим исследованиям Севера за последние два десятилетия, накопился большой материал, дающий основания для дальнейших, собственно археологических построений и заключений.

Не только на Севере, но и на остальной территории Европейской части СССР неолит — в противоположность Югу — представлялся в виде неопределенных культур неолитического типа, в лучшем случае различавшихся по периодам. Если неолитические культуры и получали наименование, например, «микролитическая», «макролитическая», «культура ямочно-гребенчатой керамики» и т. п., то по существу этими терминами обозначались не «культуры», а различные стадии неолита. Так, «культура ямочно-гребенчатой керамики», встречающаяся почти повсюду — в средне-русской полосе на северо-западе, в Приуралье и за Уралом — в Сибири, была распространена на протяжении многих тысяч километров. Совершенно ясно, что этому термину приписывалось стадияльное значение и что под «культурой ямочно-гребенчатой керамики», очевидно, кроются различные культуры, объединяемые в одну из-за недостаточной изученности материала, при которой ускользали отдельные варианты керамики. Наряду с этим можно отметить попытки некоторых исследователей выделить под тем или другим названием культурные комплексы, отличавшиеся каким-либо своеобразием форм предметов. Появились культуры — Льяловская, Панфиловская, Балахнинская, Волосовская и пр., получившие наименования по месту раскопок. Но распространение этих культур ограничивалось лишь самим пунктом раскопок, причем иногда памятники одной и той же культуры выделялись как принадлежащие культурам различным, например, Панфиловская и Волосовская. Таким образом, число культур искусственно увеличивалось.

Назревала необходимость подведения итогов произведенной работы. В 1929 г. была опубликована статья Б. С. Жукова с определением хронологически различных, но генетически связанных групп стоянок (Льялово — Малое Окулово, Балахны — Козино — Паново и Волосово — Холомо-ниха).¹ К сожалению, изучение их было ограничено только керамическими материалами, между тем правильно сгруппированные стоянки, с учетом

¹ Б. С. Жуков. Теория хронологических территориальных модификаций некоторых неолитических культур. Этнография, 1929, № 1.

кремневого инвентаря и других данных, могли бы послужить основой для характеристики культур. О. Н. Бадер и М. В. Воеводский выделяют группу стоянок Балахнинской низины, которые «представляют целостный комплекс, распространенный на четко очерченной территории, и, повидимому, представляют собой остатки материальной культуры одной племенной группы». ¹ Так выделена была культура, которая может получить наименование Балахнинской.

За последнее время исследователи, оперируя многочисленными неолитическими коллекциями, приходят к заключению о существовании целого ряда культур в эпоху неолита, связанных с определенной территорией, бытовавших в течение определенного отрезка времени и имевших свои пути развития. На общем фоне неолита Восточной Европы выделяется мощная Волосовская культура, характеризующаяся своеобразной керамикой и высокой техникой обработки кремня, являющаяся ярким образцом культур позднего неолита — эпохи, в которую каменная индустрия дошла до высшей точки своего развития. ² Волосовской культуре, распространившейся в центральной части средне-русской полосы, предшествовала Льяловская, характеризующаяся ямочно-гребенчатой керамикой, среди узоров которой, в отличие от других вариантов подобной керамики, доминируют круглые ямки. ³ Ориентировочно, по имеющимся в настоящее время материалам, можно наметить ареал Льяловской культуры: на западе границу ее, повидимому, составляет бассейн верхнего течения Днепра, где мы встречаем уже местную гребенчатую керамику; на юге граница намечается приблизительно около 53° с. ш., где наряду с ямочно-гребенчатой встречается керамика южных культур; на востоке пограничную зону следует искать в междуречье Оки и Волги. И только в северо-западном направлении находки керамики льяловского типа прослеживаются в бассейне рек и озер, вплоть до Белого моря.

Северная область, ограниченная 60-й и 70-й параллелью с. ш., исследована преимущественно в западной части, с давних пор привлекавшей внимание многочисленными находками. Восточная же часть оставалась почти незатронутой. На этой обширной территории известно очень немного пунктов с находками, по которым трудно охарактеризовать существовавшие здесь культуры. Рассеянность отдельных находок на большом пространстве может указывать на малую заселенность края, а местонахождение их на высоких дюнных грядах, возвышавшихся над поймами рек, как бы свидетельствует о наличии в древности условий, при которых низко расположенные места были непригодны для заселения. Это могло быть во время наступления субатлантического периода, отличавшегося влажным климатическим режимом.

Из более древних находок здесь следует отметить бронзовый кельт сейминского типа и каменную кирку, найденные близ Сыктывкара (б. Усть-Сысольска), ⁴ датируемые концом II тысячелетия до н. э. Материалы Ванвиздинской стоянки датируются началом или около середины I тысячелетия до н. э. ⁵ К этому и более позднему времени могут быть отнесены пред-

¹ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Сборн. «Из истории родового общества на территории СССР». Изд. ГАИМК, 1934, стр. 346.

² Коллекции из собр. Уваровых, Кудрявцева, Филимонова и из раскопок В. А. Городцова (собр. ГИМ).

³ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова Московского у. Тр. Антрополог. инст., 1925, вып. 1.

⁴ Из собр. Сыктывкарского (б. Усть-Сысольского) музея.

⁵ А. П. Смирнов. Ванвиздинская дюнная стоянка. ТСА РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 472; М. Е. Фосс. Река Вычегда. В сборн. «Археолог. исследования в РСФСР» в 1934—1936 гг., изд. АН СССР, стр. 17.

меты из сборов в разных местах Большеземельской тундры в бассейне р. Печоры.¹ Среди находок имеются кремневые наконечники беломорского типа, костяные наконечники с треугольным поперечным сечением, получившие широкое распространение в эпоху ранних городищ, и керамика, появившаяся в эпоху, предшествующую ананьинской, и получившая развитие в Ананьинской культуре.

Приведенный материал намечает хронологические рамки культур, бытовавших в восточной части Северной области между концом II и первой половиной I тысячелетия до н. э., и позволяет высказать предположение о позднем заселении края, по сравнению с западной частью, и вообще о слабом его освоении.

В противоположность восточной, западная территория Севера получила достаточно хорошее освещение: исследовано побережье Белого моря, частично Ледовитого океана, Озерный край и бассейн Северной Двины.

В итоге произведенных работ выделены три территориально объединенные группы памятников с соответствующими комплексами материальной культуры, локализуемыми в пределах: современной Карелии — Карельская культура, на побережье Белого моря — Беломорская и в бассейне озер Лача, Вожа, Белого и Кенозера — Каргопольская культура, получившая свое наименование по месту нахождения ее основных памятников в районе г. Каргополя (рис. 1). Некоторые предметы этих культур обращали на себя внимание и ранее; они отмечались как характерные для территориально-различных местностей и обозначались тем или иным термином, например, «кирка олонецкого типа», «русско-карельский топор», «наконечник стрелы беломорского типа» и т. п.

В настоящее время стало возможным говорить не только об отдельных предметах, но о комплексах предметов, как характерных для той или другой области на определенном отрезке времени.

Выделенные на Севере культуры представлены в основном одним видом памятников — типичными для позднего неолита поселениями, временными и постоянными, с развитым охотничье-рыболовческим хозяйством. Карельская, Беломорская и Каргопольская культуры получили распространение в территориально близких областях и приблизительно в одно и то же время — начиная с конца III — начала II тысячелетия и кончая первой половиной I тысячелетия до н. э. Судя по керамике, в ранней стадии развития эти культуры связаны генетически, представляя собой ответвления одной из культур Льяловского типа, бытовавших в III тысячелетии до н. э. Многочисленные находки в виде характерной керамики Льяловского типа обнаружены в бассейне водной системы, соединяющей центральную область с северной; пункты этих находок могут послужить вехами, указывающими на пути передвижения этнических групп из Волго-Окского района по направлению к Северу. Здесь эта керамика встречается в сопровождении другой, более поздней, утрачивая первоначальную чистоту древнего комплекса, а если и находится без примеси поздних элементов, что наблюдается в редких случаях, то в несравненно меньшем количестве, чем в центральных областях. Это позволяет высказать гипотезу о генетической связи северных культур с Льяловской и рассматривать центральную часть средне-русской полосы как родину этих культур.

В процессе освоения новых пространств происходило территориальное обособление групп населения, сопровождавшееся модификацией материальной культуры и положившее начало самостоятельному развитию с выработ-

¹ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колвевис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. КС ИИМК, IX, 1941. См. также коллекцию А. В. Журавского (с. Усть-Цыльма, р. Колва) в собр. МАЭ; А. С. Уваров. Археология России, т. II, стр. 29.

кой самобытных черт, удержавшихся на всем протяжении существования культур.

Мы не располагаем в настоящее время антропологическими данными, которые могли бы осветить этнический состав населения, занимавшего область распространения Льяловской культуры, и тех групп, которые продвинулись к Северу, но, несомненно, в недалеком будущем антропологические материалы дополнят археологические и вместе с ними, надо думать, послужат новым доказательством выдвигаемого положения о генезисе северных культур.

Материалы, которые имеются сейчас, дают представление об облике древнего населения Севера. Ладожские черепа¹ показывают, что в данной местности, составляющей часть территории Карельской культуры, в древней ее стадии — в начале II тысячелетия до н. э. — обитало население с ярко выраженным кроманьонским типом. Исследование Е. В. Жирова материалов Оленеостровского могильника,² датированного второй половиной II тысячелетия до н. э., входящего в круг памятников Карельской культуры, открыло среди европеоидов ряд особей с концентрированными монголоидными чертами. Языковская стоянка, являющаяся памятником культур Льяловского типа, поздней ее стадии, дает лапоноидные черепа. По мнению Г. Ф. Дебеца: «Это — представители короткоголового низкорослого типа, возможно близкого к лопарскому». ³ В области Каргопольской культуры, в бассейне оз. Вожа, судя по Караваевскому могильнику, датированному А. Я. Брюсовым серединой II тысячелетия до н. э. и позднее, можно на основании изученных Г. Ф. Дебецом черепов представить, что население имело европеоидный облик со слабо выраженной монголоидностью. Это можно видеть по реконструкции, произведенной М. М. Герасимовым для экспозиции Государственного Исторического музея.

Резюмируя, приходим к заключению, что северное население в более древний период имело европеоидный тип, но очень рано в его облике стала вырисовываться монголоидность. Появление ее, по видимому, следует объяснить проникновением с Востока — из северной Азии — новой струи населения и скрещивания его с аборигенами. Может быть, в связи с этим следует объяснить и конвергенцию, наблюдаемую в некоторых археологических предметах, найденных на северо-западе Европейской части СССР и в Сибири, в виде топоров «русско-карельского типа» и «мотыг с цапфами» (см.: сборн. ГИМ; А. С. У в а р о в. Каменный период, т. II, табл. 3, №№ 3353—3354). Прослеживается также связь между восточными и западными областями и в самой Восточной Европе, например, по костяным наконечникам стрел игловидного и шигирского типа и по керамике Ананьинского типа, появление которой наблюдается в доананьинскую эпоху. Представляется весьма вероятным перенесение предметов местного типа передвигающимися племенами с Востока на Запад и проникновение вещей в обратном направлении с установлением связей с Востоком.

Развитие рассматриваемых северных культур в основном происходило в эпоху, называемую на Западе халколитом, или энеолитом, и в эпоху бронзы. На это указывают наблюдаемые в инвентаре культур общие, характерные для данного времени черты, что можно назвать, применяя историко-художественный термин, «стилем эпохи». Карельская, Беломорская и Каргопольская культуры характеризуются расцветом каменной индустрии — вы-

¹ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, табл. I—IV.

² Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова. КС ИИМК, VI, 1940.

³ О. Н. Бадер. Археологические работы у д. Языково. Антрополог. журн., 1936, вып. 2.

сокой техникой обработки различных пород камня с использованием всех приемов, выработанных тысячелетиями и доведенных до совершенства.

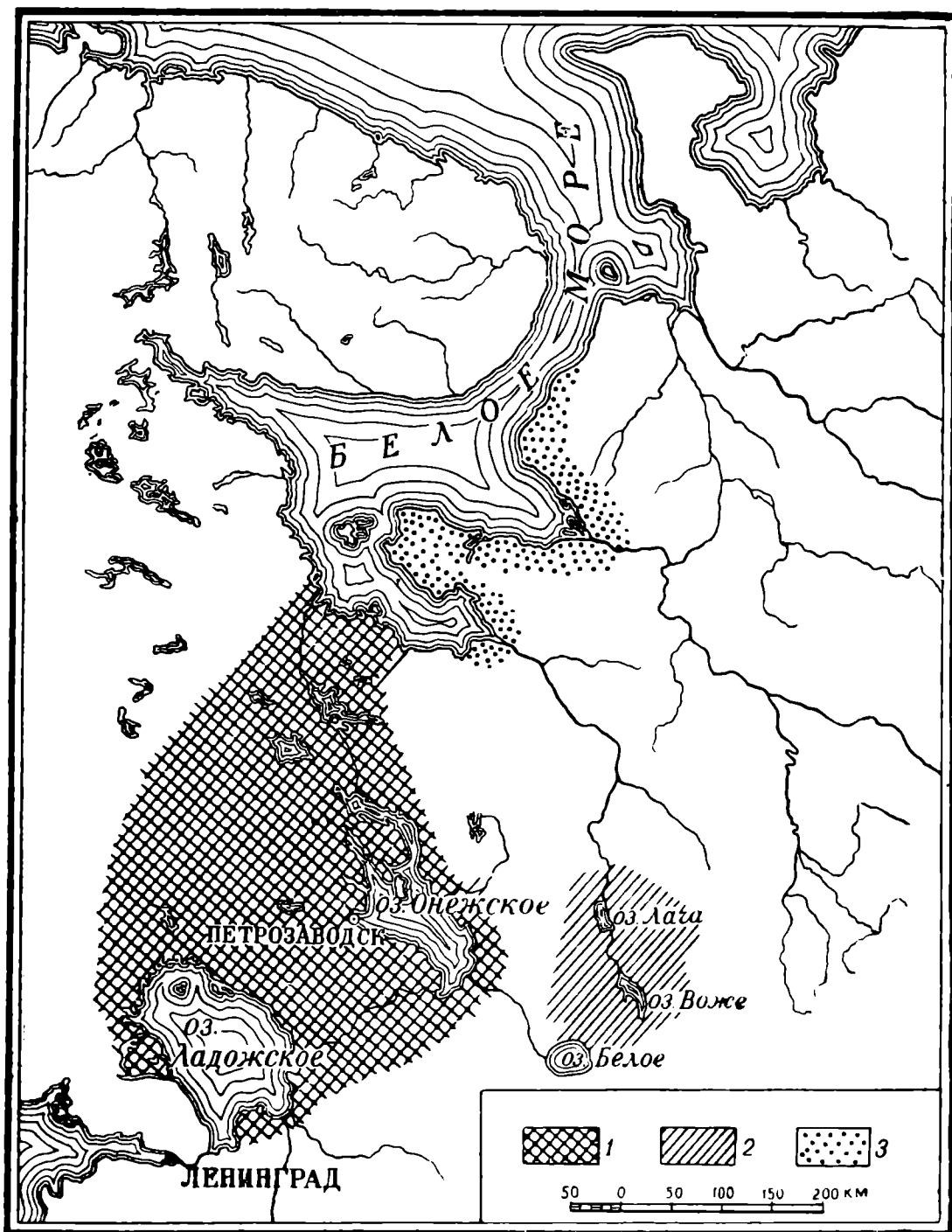

Рис. 1. Распространение северных культур.
1 — Карельская; 2 — Беломорская; 3 — Каргопольская.

Наряду с широко применявшейся отжимной ретушью при обработке поверхности кремневых орудий появляется особый способ обработки лезвия орудия, заключающийся в выработке по краю мелких зубцов. Подобная ретушь прослеживается в культурах, начиная с энеолита в Западной Европе (в Швеции — Скания, в Дании, Франции, Португалии и других местах),

в Восточной Европе (в средней полосе, на Севере и на Кавказе), а также в других странах, например, в Египте и Халдее. На основании этих многочисленных наблюдений «пильчатая» ретушь может считаться датирующим признаком, связанным с эпохой металла. Повидимому, и возникновение приема сверления камня, как это отмечалось еще в прошлом веке, также может быть отнесено к эпохе металла. Примером служит появление сверленных орудий в культурах бронзовой эпохи и энеолита в южной части Восточной Европы (в средней ее полосе и на Севере). Распространение этого типа орудий в Западной Европе в свое время было прослежено Эвансом, который отметил нахождение их, что особенно интересно, в пунктах, связанных территориально с разработкой медной руды.¹

Все это позволяет рассматривать технику сверления и развитие ее, как явление позднее. Кроме приемов обработки камня, в культурах этого периода можно отметить законченность, выработанность форм орудий и большое разнообразие типов, свидетельствующих о дифференциации функций орудий в отличие от древней универсальности.

Подобные выводы могли бы быть подтверждены многочисленными фактическими данными, но размеры статьи заставляют ограничить доказательство лишь примерами общего характера. Приведенные данные по каменному инвентарю, сопровождаемому соответствующей керамикой и костяными изделиями, определяют хронологические рамки северных культур приблизительно II тысячелетием и первой половиной I тысячелетия до н. э., вводя их в круг культур энеолита, бронзы и раннего железа. Локальные особенности комплексов рассматриваемых культур послужили основой для характеристики каждой из них в отдельности.

Население, осевшее на территории современной Карелии и в южном Приладожье, оставило культуру, которая охарактеризована А. Я. Брюсовым термином Карельская;² сохранилось три рода памятников: стоянки постоянного и временного характера (с развитым охотничье-рыболовческим хозяйством, приручением собаки), петроглифы и могильники. В целом культура характеризуется комплексом массивных, отличающихся своеобразием формы и тщательностью обработки, полированных орудий, изготовленных преимущественно из сланцевых пород.

Не вдаваясь в подробности, я напому об основных характерных типах орудий: «кирки олонецкого типа», «русско-карельский топор», угловые ножи — скошенные и подтреугольной формы, орудия, украшенные скульптурой, желобчатые «долота» большого размера, наконечники стрел и копий из шифера треугольно-черешковой и так наз. «ланцетовидной» формы.

К ранней стадии культуры А. Я. Брюсов относит топоры «типа Рованнеми», «русско-карельский», удлиненной формы, кирки сегментовидной формы и с цапфами, угловые и скошенные ножи, шиферные наконечники указанного типа, а также украшения в виде каменных колец. Перечисленные предметы сопровождаются ямочно-гребенчатой керамикой и датируются концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Следующая стадия, сохраняя в основном предшествующие формы, характеризуется появлением плоских топоров и укороченной формой «русско-карельского типа», а также ножами подтреугольной формы. Керамика доминирует гребенчатая. Время определяется приблизительно около середины II тысячелетия до н. э. В конечной стадии, датируемой началом I тысячелетия до н. э., появляются орудия мелкого размера, в виде плоских топориков, стамесок и т. п., ножи прямой формы, широкие долота и долота с суживающимся концом. Появляется керамика с отпечатками ткани, так наз. «сет-

¹ John Evans. Les âges de la pierre. Paris, 1878.

² А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, IX, М., 1940.

чатая». Отмечается литье бронзы (мастерская с очагом, тиглями, льячками и слитком бронзы. Шлаки, как показал анализ, оказались железными. Последнее вполне сочетается с находками «сетчатой» керамики).

В работу А. Я. Брюсова не вошли открытые позднее памятники, к которым относятся стоянки, раскопанные Н. Н. Гуриной. Из них особенно интересны пункты в районе Оров-Наволоок,¹ где была найдена типичная ямочно-гребенчатая керамика, толстостенная с коническим дном, вместе с бронзовыми рыболовными крючками, а на берегу Оров-губы — вместе с асбестовой керамикой, остатками горна и кусками железного шлака. Новые материалы подтверждают бытование Карельской культуры в эпоху металла и вносят уточнение при определении различных ее стадий.

Кость в бытовых памятниках Карелии отсутствует, за исключением ладожских стоянок, давших материалы, во многом аналогичные каргопольским (I и II стадиям культуры).

Богатейший вклад в этом отношении внесло открытие Оленеостровского могильника, давшего не только украшения, но огромное количество костяных и роговых орудий. Уже предварительная публикация В. И. Равдоникаса² позволяет наметить дату памятника. Самый факт вынесения захоронений за пределы территории поселения указывает на то, что Карельской культурой в это время был уже пройден этап, связанный с древними традициями, отражающими представление о сожигательстве мертвых и живых. Это позволяет рассматривать Оленеостровский могильник как памятник более поздний, чем Кубенино.³ Сопоставление же оленеостровского костяного инвентаря с ладожским приводит к заключению о хронологическом их различии, причем в комплексе первого хотя и отмечаются древние формы, например, наконечники гарпунов и стрел, но они найдены наряду с предметами, несомненно связанными, судя по аналогиям, с эпохой бронзы. Примером могут послужить прекрасные образцы резной скульптуры из рога, изображающей голову лося, сопоставляемую с сейминской из бронзы и горбуновской из дерева,⁴ а также змею, аналогичную горбуновской и галичской, и человеческие фигурки. Приведенные материалы не позволяют относить Олений Остров к ранней стадии Карельской культуры. Такие детали, как характер зубцов некоторых гарпунов, некрупных и маловыразительных (по сравнению с каргопольскими), указывают на позднее бытование этих орудий. На это указывает и овальная форма сланцевого ножа с отверстием у нижнего конца. Такие орудия, как крупнозубчатые гарпуны, наконечники стрел с биконической головкой и кремневые, из ножевидных пластин, если они не происходят из более древних погребений (о чем нельзя судить по предварительному сообщению), следует рассматривать как пережитки. Сами по себе эти предметы не могут считаться датирующими, так как встречаются и в поздних комплексах. То же можно сказать и о кремневых наконечниках эпипалеолитического облика, которые, как известно, встречаются в памятниках эпохи бронзы, например, в Холломонихе,⁵ и позднее. Датировка, указываемая В. И. Равдоникасом для Оленьего Острова — вторая половина II тысячелетия, — мне представляется близкой к истине; может быть, следовало бы ограничить ее последними столетиями

¹ Н. Н. Гуриная. Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финскую ССР в 1940 г. КС ИИМК, IX, 1941, стр. 114.

² В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СоИ археология, т. VI, 1940; Бюлл. Ком. по изуч. четвертичн. периода, № 6—7, изд. Ав. СССР, 1940. — Он же. Южный Олений остров. Сборн. Археол. исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Изд. АН СССР.

³ М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино. Тр. ГИМ, VIII (сборн. статей по археологии СССР), М., 1938.

⁴ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, X, М., 1940.

⁵ Из раскопок О. Н. Бадера (собр. Гос. Эрмитажа).

этого тысячелетия. На основании ладожских оленеостровских материалов можно, таким образом, в развитии костяного инвентаря Карельской культуры отметить две стадии.

Особое место занимают петроглифы, которым посвящена обширная литература,¹ содержащая дискуссии по вопросам значения их и толкования изображений, различающихся по времени, начиная с конца III и кончая II тысячелетием до н. э.

Никаких данных, указывающих на существование Карельской культуры позднее начала I тысячелетия до н. э., пока нет, как нет данных, которые могли бы осветить причины исчезновения ее и соседних с нею культур — Беломорской и Каргопольской.

Беломорская культура,² судя по ее остаткам, открытым более чем в 40 пунктах, была распространена по побережью Белого моря — на Зимнем, Летнем и Онежском Берегу. Обнаружена она в виде отдельных находок или сконцентрировавшихся у очагов и кострищ на площади в 200—300 кв. м. Эта культура представлена памятниками одного определенного вида — типичными охотничье-рыболовческими стоянками, расположенными обычно вблизи рек и ручьев. Различное местонахождение их по отношению к морю (высота над уровнем и расстояние от современного берега) послужило основанием различной датировки стоянок.³ Еще К. П. Рева высказал гипотезу о одновременном заселении 6-го, 5-го и 3-го ряда дюн у р. Галдарей.⁴ Соображения его подтверждались и материалами открытых здесь стоянок, но проследить правильность наблюдения на других местах не удалось из-за отсутствия подобной последовательности в их расположении. Высотные же данные не всегда соответствуют дате, намечаемой на основании анализа археологического материала. Примером могут послужить стоянки Красная Гора и Сараиха. Первая находится на высоте 4—6 м, вторая — на 11 м над ур. м. Между тем, судя по характерной керамике с валиком, сопровождаемым веревочным орнаментом, и другим предметам, эти стоянки существовали одновременно. То же отмечается в Лопшенге, Пушлахте и других пунктах. В некоторых случаях высотные измерения расходятся: по сведениям А. Я. Брюсова Усть-Яренга находится на высоте 20 м, а по Д. А. Крайнову,⁵ — на высоте 12 м. В статье о беломорских стоянках А. Я. Брюсов указывает высоту в 12—13 м, как крайнюю, ниже которых стоянки не спускаются, позднее же, в неопубликованном отчете, называет более низко расположенные стоянки — Вейга, Тамица и Пушлахта; В. И. Смирнов в своем обзоре также вносит поправку в эти данные, указывая (со ссылкой на М. А. Лаврову) на расположение многих стоянок на высоте 4—6 м.

Основанием к выделению Беломорской культуры из ряда других север-

¹ В. И. Р а в д о н и к а с. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. I—II. Изд. АН. — О н ж е. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Сов. археология, I, 1936. — О н ж е. Вновь открытые наскальные изображения на побережье Белого моря. Бюлл. Ком. по изуч. четвертич. периода, № 6—7, изд. АН СССР, 1940. — О н ж е. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Сов. археология, III, 1936. — А. Я. Б р ю с о в, ук. соч., гл. IV. — А. М. Л и н е в с к и й. К вопросу о петроглифах Карелии. Сборн. Ленингр. общ. изуч. культуры финно-угрских народов, т. I, Л., 1929. — О н ж е. Петроглифы Карелии, 1940.

² М. Е. Ф о с с. Доклад, прочитанный в секторе неолита, бронзы и раннего железа ИИМК 28 августа 1944 г.

³ В. И. С м и р н о в. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. Сов. археология, IV, 1937. — Е г о ж е. Побережье Белого моря. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Изд. АН СССР.

⁴ К. П. Р е в а. Следы доисторического населения Архангельской губ. Архангельск, 1898.

⁵ Д. А. К р а й н о в. Стоянка Усть-Яренга. Сборн., посвящен. В. А. Городцову. М., 1928 (литограф. изд.).

ных культур послужил своеобразный характер ее каменного инвентаря. Беломорские каменные орудия изготовлены исключительно из кремня (найденно лишь несколько экземпляров из других пород камня), технику обработки которого можно охарактеризовать, как «макролитойдную». Под этим я подразумеваю изготовление орудий из отщепов, получаемых посредством скола; отжим, дающий ножевидные пластины, здесь отсутствует. Размеры же беломорских орудий не «макролитичны» и не превосходят обычных, свойственных поздне-неолитическим культурам.

Для беломорского кремня также характерна особая обработка края орудия, так наз. «пильчатая ретушь» (табл. I, 1—4, 11), указывающая на поздний этап развития кремневой техники. Из форм, свойственных Беломорской культуре, выделяются: 1) наконечники стрел так наз. «ланцетовидной» формы — из массивных отщепов с пильчатой обработкой и без нее (табл. I, 1—4); подобный тип составляет 25—50% всех найденных наконечников; 2) наконечники треугольной формы — тоже с пильчатой ретушью и без нее, с черешком, как бы обрезанным на конце (табл. I, 9—11); 3) ножи сегментовидной формы (табл. I, 13); фигурки животных (табл. I, 14), связанные с охотничьей магией.

Анализ кремня приводит меня к заключению о существовании Беломорской культуры в эпоху металла. Кроме наличия характерной «пильчатой ретуши», в беломорском кремне отмечаются: 1) наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании (табл. I, 12), прослеживаемые в культурах, сопровождаемых бронзой Восточной Европы; 2) наконечники листовидной формы (табл. I, 5), классические образцы которых имеются в Волосовской культуре (в частности, в Волосовском кладе), а также в Сейме; 3) наконечники с боковыми выемками, появление которых в западноевропейских памятниках отмечается начиная с халколита; в Восточной Европе известны в Кубенине (табл. I, 6—7), Волосовской культуре и др. Интересно наличие в беломорском кремне формы наконечника стрелы, известной в Сейме — треугольной с треугольным черешком, вытянутых пропорций (табл. I, 8), что указывает на поздний этап бронзы. На эпоху металла указывает также техника обработки скребков, изготовленных из массивных коротких отщепов с крутой ретушью по краю, аналогичную которой можно наблюдать на кремне южной бронзы; о той же эпохе свидетельствует наличие скребков из пластинчатых осколков подтреугольной формы, получивших широкое распространение в так наз. позднем неолите.

Все это убеждает, что беломорские памятники должны занять место среди памятников бронзовой эпохи.

Произведенный анализ материала приводит нас, таким образом, к заключению, которое впервые было высказано В. А. Городцовым после напечатания первой работы о летнебережных стоянках К. П. Ревы.¹

К сожалению, беломорский кремень, — столь выразительный материал для характеристики культуры и времени ее существования, — не позволяет наметить стадий в его развитии. В сравнительно короткий период (500—600 лет), в течение которого выработались местные черты культуры, кремень не даёт ощутимых изменений в технике обработки и в формах орудий. В этом отношении основное значение сохраняет керамика, отражающая не только локальные особенности культуры, но и легко воспринимающая, благодаря своей пластичности, стадиальные изменения ее.

На первом этапе развития Беломорская культура дает, как уже упоминалось, ямочно-гребенчатую керамику Льяловского типа (табл. II, 7),

¹ В. А. Городцов. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря. Древности. ТМАО, XIX, вып. 2, 1901, стр. 71.

найденную на Галдарее (6-й ряд дюн), ¹ Неноксе, ² ур. «Бык» ³ и Зимней Золотице. ⁴ Эту керамику сменяет гребенчатая с зональным расположением орнамента, характеризующая вторую стадию. Найдена она на Галдарее (5-й ряд дюн) ⁵ (табл. II, 2) у с. Пушлахты, ⁶ в Верхней Лопшеньге ⁷ и у с. Неноксы. ⁸ В последнем пункте культурный слой разрушен, и поэтому вопрос об одновременности бытования найденной здесь ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамики остается открытым. Гребенчатой керамики на Беломорском побережье найдено немного, но все же по ней, при сопоставлении с комплексами других стоянок, намечается самостоятельная стадия культуры, относимая к середине II тысячелетия до н. э. Следующий этап характеризуется керамикой стоянок Галдареи (3-й ряд дюн), ⁹ Усть-Яренги ¹⁰ и Малого Серта. ¹¹ Сосуды орнаментированы по верхней части, исполнены гребенчатым штампом; узоры представляют треугольники, горизонтальные полосы (табл. II, 3—4, 8) и т. п. Ямочные элементы выходят из употребления. Неорнаментированная поверхность остается гладкой или покрыта штриховкой — следами от заглаживания гребенчатым штампом. Беломорская штриховка своеобразна, она отличается от каргопольской и от культур южной бронзы. Различается два вида ее: крупная — глубокая и очень тонкая — поверхностная, как бы нанесенная металлическим штампом с острыми зубцами. Прием сглаживания поверхности в том и другом случаях производится без всякой системы — штрихи расположены в разных направлениях, чем напоминает каргопольскую и срубную керамику, а также более позднюю из стоянок Верхнего Поволжья.

Это сопоставление позволяет рассматривать беломорскую штриховку, в отличие от аккуратной штриховки керамики ямно-катакомбной культуры, как поздний признак. На это же указывает так наз. сетчатая керамика, сопровождающая в Беломорской культуре штриховую (иногда наблюдается то и другое на одном и том же сосуде). Наряду с «сетчатым» орнаментом встречаются отпечатки действительно сети, с мелкими ячейками (например, в Усть-Яренге). Форма сосудов в третьей стадии Беломорской культуры — яйцевидная или с округлым дном, со суженным горлом или с намечающейся шейкой и отогнутым краем (табл. II, 4, 8).

Особый интерес представляют находки фрагментов льячек, тигля (Усть-Яренга) и литейной формы, повидимому, кельта (находка у сел. Дураково), свидетельствующих о местной металлургии на третьем этапе Беломорской культуры. Дата этой третьей стадии может быть приблизительно определена второй половиной II тысячелетия до н. э.

Последняя стадия прослеживается по появлению керамики с рельефным орнаментом, в виде валика вокруг шейки, сопровождаемого оттисками веревочки и нередко рядом круглых ямок (табл. II, 9). Этот характерный орнамент известен по Ананьинской и предшествующей ей культуре. Наличие его отмечено также в памятниках Каргопольской культуры и некоторых пунктах других областей, близких территориально. Судя по этим данным, бытование подобного орнамента может быть отнесено ко времени, начиная с последних столетий II тысячелетия и позднее — на протяжении I тысяче-

¹ Из собр. ГИМ.

² В. И. Смирнов, ук. соч.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Из собр. ГИМ.

⁶ Там же.

⁷ Из собр. ГИМ.

⁸ В. И. Смирнов, ук. соч., рис. 58—59.

⁹ М. Е. Фосс. Стоянка на Летнем Берегу Белого моря у р. Галдарен. Сборн. «К 10-летию Октября», изд. ГАИМК, М., 1928.

¹⁰ Д. А. Крайнов, ук. соч.

¹¹ Из собр. ГИМ.

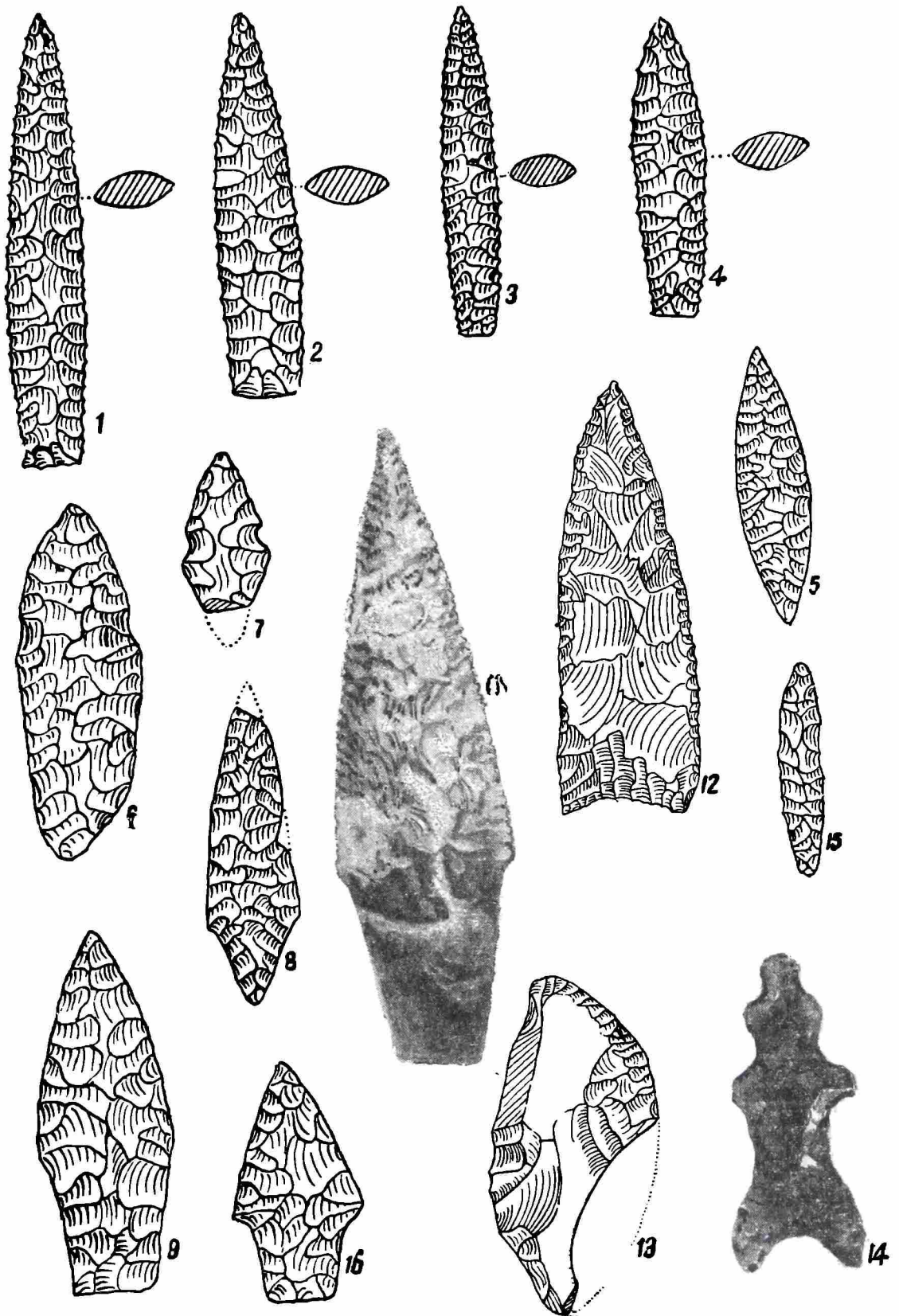

Табл. I. Основные типы орудий Беломорской культуры.

1—4 ланцетовидные наконечники стрел беломорского типа (1—2 — Галдарея, 3-й ряд дюн; 3—4 — Красная Гора); 5 — листовидный наконечник стрелы (Катериниха); 6—7 — наконечники стрел с боковыми выемками (Галдарея, 3-й ряд дюн); 8 — наконечник стрелы сейменского типа (Зимняя Золотица); 9—10 — наконечники стрел треугольно-черешковые беломорского типа (9 — Галдарея, 3-й ряд дюн; 10 — Красная Гора); 11 — наконечник копья беломорского типа (Галдарея, 3-й ряд дюн); 12 — наконечник стрелы с выемкой у основания (Галдарея, 3-й ряд дюн); 13 — нож сегментовидной формы северного типа (Галдарея, 3-й ряд дюн); 14 — кремневая фигурка, изображающая медведя на задних лапах (сел. Дураково); 15 — листовидный наконечник стрелы (Галдарея, 6-й ряд дюн).

летия до н. э. Этим временем отмечены его появление и широкое распространение. Сосуды, украшенные рельефным орнаментом, отличаются правильной формой с округлым дном, широким горлом и хорошо выраженной шейкой (табл. II, 9). Из более ранних стоянок этой стадии могут быть указаны Тамица ¹ и Зимняя Золотица; ² более поздние — Красная Гора, ³ Сараиха, ⁴ Люлинка, ⁵ Вейга ⁶ и др. Эта стадия, как и предшествующая, сопровождается литьем бронзы: найдены фрагменты льячек (Сараиха, Тамица), медного шлака, бронзы (Зимняя Золотица) и бронзовый кельт (Красная Гора).

Подводя итоги, намечаем хронологические рамки Беломорской культуры — приблизительно с начала II и кончая первой половиной I тысячелетия до н. э.

При детальном рассмотрении каждого памятника Беломорской культуры в отдельности обращает внимание одинаковый состав инвентаря. Преобладающими орудиями являются наконечники стрел (50—60%), затем скребки, менее часты режущие орудия, что объясняется тем, что часть скребков также является режущими орудиями; ударные орудия (тесла и топоры) единичны: их насчитывается во всех стоянках всего лишь 10 экземпляров. Специфические особенности Беломорской культуры в значительной мере объясняются не только характером хозяйства, но и особенностью природы — жизнью на дюнах со скудной растительностью, на что косвенно указывает незначительная толщина углистых прослоек (погребенного растительного слоя) — в среднем 5—6 см. Все это не могло способствовать увеличению выработки орудий, предназначенных для обработки дерева. При этом следует оговориться: часть ударных орудий, несомненно, изготовлялась из кости или рога, о чем может говорить большое количество скребков, предназначенных для подобной работы, но из-за неблагоприятных почвенных условий кость совершенно отсутствует в беломорском инвентаре. Ударные орудия, кроме того, изготовлялись из бронзы, о чем красноречиво свидетельствуют находка кельта, а также фрагмент литейной формы кельта.

В керамике беломорских стоянок, как общее явление, отмечаются слабый обжиг и плохое качество глины. То же самое наблюдается в северных скандинавских стоянках, о чем упоминает Шетелиг. Беломорская керамика в большей части найдена совершенно расслоившейся и рассыпавшейся на мелкие куски. Часть же найдена в виде сырых глиняных прослоек. Подобная керамика просушивалась на месте раскопок и извлекалась из земли, но в сильно деформированном виде. Это, повидимому, и послужило основанием А. Я. Брюсову ⁷ характеризовать беломорскую керамику, как продукт крайне небрежного изготовления неопытными руками сезонных охотников, приезжавших на короткое время на Белое море. Подобное предположение опровергается нахождением, наряду с описанной керамикой, прекрасно сохранившейся и позволяющей реконструировать сосуды целиком. Судя по ним, можно заключить о высоком керамическом мастерстве на беломорских стоянках. Подробное описание этой керамики мы находим в упомянутой выше работе К. П. Ревы. ⁸

Следует также отметить наблюдаемые почти повсюду, начиная с третьей стадии Беломорской культуры, следы местной металлургии — в Усть-

¹ Из собр. ГИМ.

² Там же.

³ А. В. З б р у е в а. Стоянка на р. Чукче близ селения Красной Горы. Сборн. «К 10-летию Октября», М., 1928.

⁴ Из собр. ГИМ.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ А. Я. Б р ю с о в. Что представляют собой стоянки на Летнем Берегу Белого моря. ТСА РАНИОН, т. III, М., 1928.

⁸ К. П. Р е в а, ук. соч., стр. 16—17.

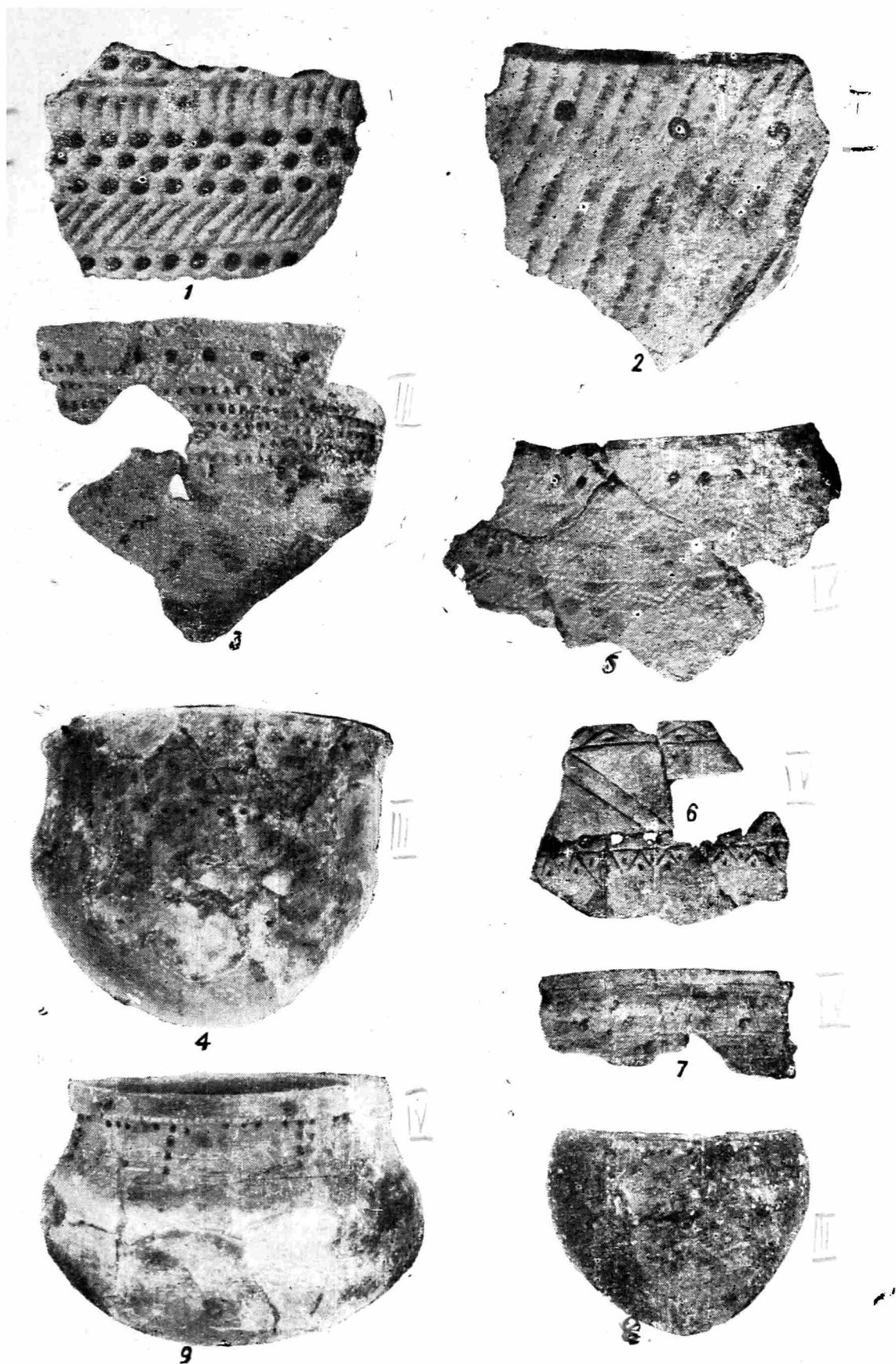

Табл. II. Керамика Беломорской культуры.

1 — первая стадия (стоянка у р. Галдарен, 6-й ряд дюн); 2 — вторая стадия (стоянка у р. Галдарен, 5-й ряд дюн); 3—4, 8 — третья стадия (3, 8 — стоянка у р. Галдарен, 3-й ряд дюн); 4 — стоянка у Усть-Яренга — с отпечатком сети; 5—7, 9 — четвертая стадия (5—7 — Тамиза, 9 — Красная Гора, 7, 9 — керамика ананьинского типа).

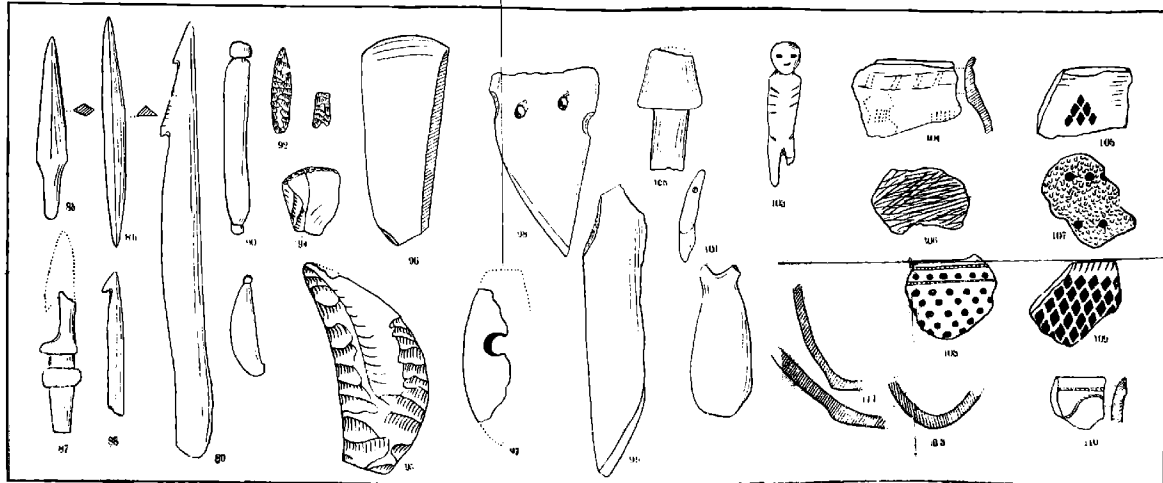
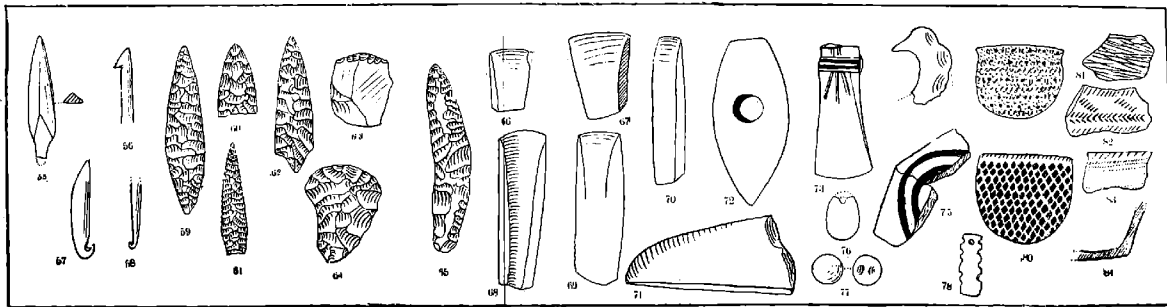
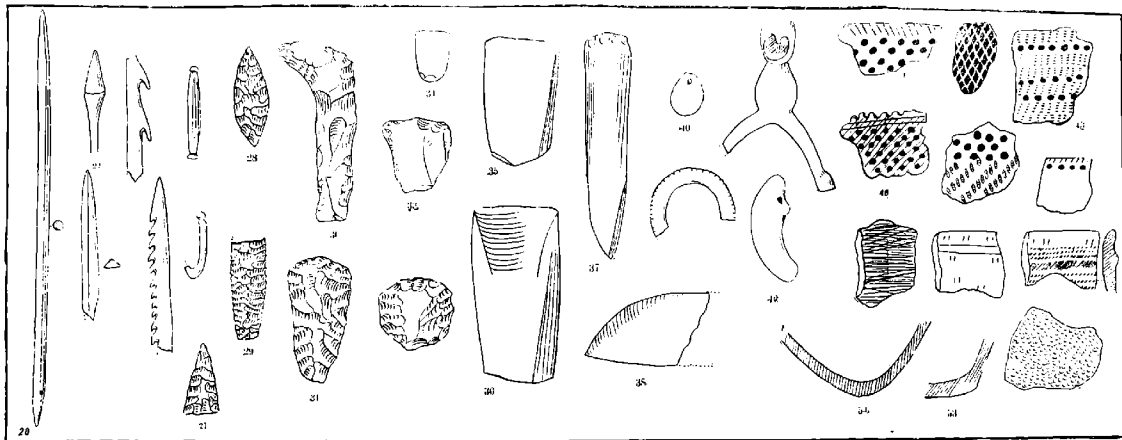
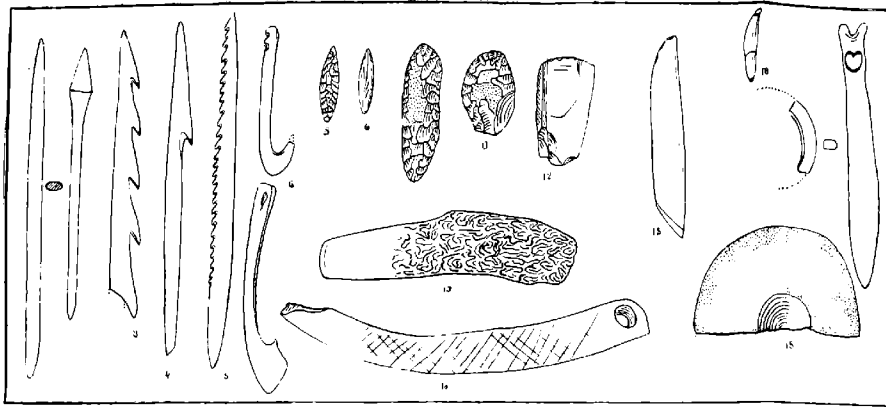

Табл. III. Каргопольская культура.

I стадия (1—19) — предметы из шпателя стоялки. Нижние Веретье: 1, 2 — наконечники стрел шигирского типа из кости; 3—5 — наконечники гарпунов из кости; 6—7 — рыболовные крючки из кости; 8, 9 — кремневые наконечники стрел; 10 — кремневый нож; 11 — кремневый скребок; 12 — сланцевые полноразное тело; 13 — роговой топор; 14 — виригитель древка из рога; 15 — костяной долото углового типа; 16 — привиска на реза лоса; 17 — фрагмент каменного кольца; 18 — фрагмент грузила с канаткой сверления; 19 — ковшик из рога с декоративным украшением в виде головы филина (?).

II стадия (20—54) — предметы из шпателя стоялки Кублино: 20, 21 — наконечники стрел из кости шигирского типа; 22 — наконечник стрелы из кости (тип, получивший развитие в ранник гордищца; 23, 24 — наконечники гарпунов из кости; 25 — сланцевый рыболовный грузик; 26 — рыболовный крючок из кости; 27—29 — кремневые наконечники стрел (29 — Беломорского типа); 30 — кремневый нож; 31, 32 — скребки из массивных отщепов; 33 — скребок из пластничатого осколка; 34, 35 — полированные простые тела из сланца; 36 — полноразное желобчатое тело из сланца; 37 — костяное долото углового типа; 38 — фрагмент сланцевой кирки оловянного типа; 39 — фрагмент каменного полноразного кольца; 40 — металлообразная подвеска из кости; 41 — роговое изображение человека с копьем; 42 — глиняное изображение человека; 43—52 — фрагменты керамики (43—47 — равного типа; 48—52 — пазаного типа); 53 — профиль плоского дна; 54 — профиль конического дна.

III стадия (55—84) — предметы из шпателя стоялки у устья р. Кинемы: 55 — наконечники стрел из кости типа ранник гордищца; 56 — фрагмент костяного наконечника гарпуна; 57, 58 — рыболовные крючки из кости; 59—63 — кремневые наконечники стрел (61 — Беломорского типа; 62 — сейбинского типа); 63 — скребок из пластничатого осколка; 64 — скребок из массивного отщепа; 65 — нож серповидного типа; 66, 67 — простые тела из сланца; 68 — желобчатое тело из сланца; 69 — русско-карельский топор; 70 — долото из сланца; 71 — фрагмент кирки оловянного типа; 72 — каменный молоток со сверлиной; 73 — оловянный вельт; 74 — фрагмент изображения птицы (?) из глины; 75 — фрагмент заготовки каменного кольца; 76 — металлообразная подвеска из кости; 77 — глиняное изображение человека; 78 — привиска на лентар; 79 — привиска на лентар. Предметы из шпателя стоялки у устья р. Кинемы: 79 — сосуд с кестчатые орнаментом; 80 — сосуд с ромбически-ямочным орнаментом; 81—83 — фрагменты керамики; 84 — профиль плоского дна.

IV стадия (85—110) — предметы из шпателя стоялки. Верхние Веретье: 85, 86 — костяные наконечники стрел типа, распространяемого в ранник гордищца; 87—89 — наконечники гарпунов из кости (87—89 — типа, распространенного в ранник гордищца); 90 — рыболовный грузик из кости; 91 — костяной рыболовный крючок; 92, 93 — кремневые наконечники стрел; 94 — скребок из пластничатого осколка; 95 — кремневый нож скошенного типа; 96 — простое тело из сланца; 97 — фрагмент каменного сверленого молотка; 98—99 — костяные долота углового типа; 100 — фрагмент роговой рукоятки трибевиного типа, встречающегося в ранник гордищца; 101 — подвеска из реза лоса; 102 — схематическое изображение филина (?) из рога; 103 — человеческое изображение из рога; 104—110 — фрагменты керамики; 111—113 — профили дольче сосудов.

Яренге, Галдарее (3-й ряд дюн), Сараихе, Красной Горе, Дуракове, Зимней Золотице и Тамиде.

По составу инвентаря и по своему характеру беломорские стоянки представляют типичные охотничье-рыболовецкие поселения, растянувшиеся неширокой полосой вдоль берега моря. Такое расположение обычно и совершенно правильно объясняется характером ведения хозяйства, при котором для прокормления небольшой группы людей необходима была огромная территория, охватывающая участки с водой и лесом.

Временными или постоянными являлись беломорские стоянки?

Если допустить возникновение беломорских стоянок в связи с приездом на морское побережье сезонных охотников, из разных мест, как полагает А. Я. Брюсов,¹ здесь должно было бы произойти смешение различных культур. Изучение же беломорских материалов показало целостность комплекса, характеризуемого своеобразными местными чертами длительно бытовавшей культуры. Наличие следов местной металлургии несомненно также свидетельствует отнюдь не о кратковременном пребывании на стоянках одних охотников, так как выплавка меди, отливка и пр. и пр. представляют ряд сложных операций, требующих большой затраты времени и специальной подготовки. Кроме того, предположение о временном характере поселений выдвигает новую задачу — отыскание постоянных, которые были бы близкими по облику беломорским. Открытая в Архангельске стоянка «Кузнечиха», постоянный характер которой не вызывает сомнения, является, судя по ее инвентарю, особенно по керамике, памятником иной культуры.² Стоянки же, открываемые в районе побережья, но в отдалении от моря, как, например, Галдарея, оказываются отличающимися не характером стоянок, а именно возрастом.

Из факта обнаружения отдельных аналогичных предметов в культурах смежных с беломорской или близких областей можно заключить лишь о существовавших связях, но это обстоятельство отнюдь не дает основания объединять их в одну культуру.

О длительности пребывания на стоянках свидетельствует и степень насыщенности культурного слоя.

Приведенные соображения и факты заставляют признать стационарный характер беломорских поселений с их яркой самостоятельной культурой, существовавшей на протяжении более тысячелетия, в развитии которой намечается четыре стадии. Основой этой культуры все время оставалось охотничье-рыболовецкое хозяйство, получившее своеобразное развитие в приморской полосе Северной области.

Пограничной областью Беломорской культуры является Поморский Берег: при впадении р. Выг в Белое море раскопками А. Я. Брюсова выяснено распространение здесь культуры, совершенно отличной от Беломорской, с ямочно-гребенчатой керамикой развитого типа, шиферными орудиями и пр., получившей наименование в работе А. Я. Брюсова — Карельской.³

Распространение Беломорской культуры в северо-восточном направлении, как показывают отдельные находки, доходит до Мезенской губы. Вполне вероятно, что следы ее будут обнаружены и далее — по направлению к Канину Носу. Дальнейшее обследование побережья Ледовитого океана должно дать ответ и на вопрос о взаимоотношениях с проникшей сюда поморской культурой из северной Азии.

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 92.

² В. И. Смирнов. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. Сов. археология, VI, 1940. — Он же. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске. КС ИИМК, IX, 1941.

³ А. Я. Брюсов, ук. соч.

Третья культура, определившаяся среди северных культур — Каргопольская, судя по ее остаткам, открытым более чем в 50 пунктах, захватывала бассейн оз. Лача с верховьями р. Онеги, бассейн Вожа, Кенозера и Белого озера. Свое наименование культура получила по месту ее открытия в Каргопольском районе. Каргопольскую культуру¹ характеризует керамика, отличающаяся своеобразным комплексом, представляющим сочетание ямочно-гребенчатых и более поздних элементов. Эта керамика сохраняет свой стиль на всем протяжении существования культуры, изменяется лишь соотношение ее элементов, что послужило наряду с изменениями, наблюдаемыми в формах костяного и каменного инвентаря, основанием для определения различных стадий культуры, которых установлено четыре (табл. III).

Каргопольская культура представлена памятниками двух видов — стоянками и погребениями. Основными ее памятниками являются стоянки постоянного характера с развитым охотничье-рыболовческим хозяйством и с приручением собаки.

Начальную и конечную стадии культуры характеризуют материалы стоянки Веретье,² представляющей двуслойный памятник со стратиграфическим расчленением культурных наслоений. Комплекс предметов, содержащихся в нижнем слое стоянки, отличается некоторыми архаическими чертами, как бы сближающими по времени Нижнее Веретье с древними западно-европейскими торфяными стоянками. К таким предметам относятся: наконечники гарпунов с крупными клювообразными и мелкими зубцами; крючки крупного размера (табл. III, 3—5, 6, 7); костяные и роговые изделия с геометрическим резным орнаментом (табл. III, 14); наконечники стрел из кремневых пластинок; наряду с этим отмечается отсутствие керамики. Зато в инвентаре костяных орудий обнаруживаются аналогии (табл. III, 1—2, 15) с памятниками ладожской стоянки, Никола-Перевоз, Шигирского торфяника, Auvernier (Швейцария) и др. Кроме того, следует отметить уже развитую технику камня, что выражается в полировании всей поверхности орудия, сверлении, в наличии таких украшений, как полированные каменные кольца (табл. III, 17); наблюдается резко выраженная дифференциация типов наконечников стрел и гарпунов.

Все это позволяет отнести Нижнее Веретье к позднему неолиту и приблизительно датировать стоянку концом III—началом II тысячелетия до н. э.

Архаический облик некоторых предметов объясняется консервативным характером костяного инвентаря, а отсутствие керамики рассматривается как случайное явление, может быть, по причине ее разрушения.

Устанавливаемая дата Нижнего Веретья подтверждается также результатами исследования торфа, возраст которого определяется концом суббореального периода, и фаунистическими данными, согласующимися с торфоведческими.

К начальной стадии могут быть отнесены еще две стоянки в районе оз. Вожа³—дер. Погостище и Мыс Вязовой, последняя — с ямочно-гребенчатой керамикой.

Конечная стадия Каргопольской культуры прослеживается на материалах верхнего слоя Веретья, время которого определяется наличием в комплексе орудий, характерных для ранних городищ железной эпохи средне-русской полосы; сюда относятся: костяные наконечники стрел с трехгранным поперечным сечением, треугольной формы с черешком (табл. III, 85, 86); наконечники гарпунов с одним зубцом и приспособлением в нижней части для скрепления древка со втулкой (табл. III, 87); массивные гарпуны

¹ М. Е. Ф о с с. Каргопольская культура. (Диссертация.)

² О н а ж е. Стоянка Веретье. Тр. ГИМ, XII, М., 1941.

³ Раскопки А. Я. Брюсова (см. Тр. ГИМ, XII, М., 1941).

из крупных трубчатых костей животных (табл. III, 89). Дополнением к этому служит керамика, в которой преобладают поздние элементы: около $\frac{1}{3}$ — с ямочно-гребенчатым орнаментом (табл. III, 108, 109), более $\frac{1}{4}$ — с гребенчатыми и около половины плоскодонной керамики без орнамента — с гладкой или покрытой штриховкой поверхностью (табл. III, 106); кроме этого, найдена в незначительном количестве «сетчатая» керамика с отпечатками грубой ткани (табл. III, 107). Каменный инвентарь носит черты упадочной техники. Перечисленные данные позволяют отнести верхний слой Веретья ко времени около середины I тысячелетия до н. э.; дата эта не противоречит определению возраста торфа, содержащего культурные остатки Верхнего Веретья, относимого к субатлантическому периоду. К конечной стадии может быть отнесена также стоянка «Попово». ¹ Особенно важна синхронизация памятников конечной стадии с ранними городищами Дьякова типа, связываемыми со скифскими памятниками, что вводит Каргопольскую культуру в круг исторических памятников и позволит в будущем уточнить ее абсолютную датировку.

Таким образом, хронологические рамки Каргопольской культуры определяются концом III и серединой I тысячелетия до н. э.

Вторая стадия культуры характеризуется материалами стоянки в Кубенине² и связанными с ней погребениями.³ В это время, как и в предыдущей стадии, следует отметить архаические формы, например, кирки «олонецкого типа» (табл. III, 38), пилу, подобную карельским, датируемые по Карельской культуре концом III — началом II тысячелетия до н. э.; костяные подвески с резным узором, напоминающим по характеру выполнения ладожские; глиняные статуэтки (табл. III, 42), аналогичные которым в Финляндии датируются началом II тысячелетия до н. э. Из форм, связывающих Кубенино со стоянкой Веретья, можно указать «стилевидную» и «веретенообразную» форму костяных наконечников стрел (табл. III, 20, 21), долота углового типа (табл. III, 37) и др. Но эта часть комплекса сопровождается предметами, явно относящимися к более позднему времени, указывающими на продолжительность бытования более ранних предметов. В Кубенине найдены кремневые наконечники стрел листовидной формы (табл. III, 28), тщательно отретушированные по всей поверхности и получившие широкое распространение в эпоху позднего неолита в Восточной Европе, особенно, как указывалось выше, в области Волго-Окского бассейна, где обработка их доведена до совершенства.⁴ Не менее характерны для этого времени наконечники треугольной формы с выемкой в основании (табл. III, 27). На смену крупного размера костяным рыболовным крючкам появляются небольшие (табл. III, 26) и наряду с ними составные из сланцевого грузика (табл. III, 25) и собственно крючки, аналогичные финским. Техника камня становится более изощренной: появляется «пильчатая» ретушь (табл. III, 29); увеличивается количество полированных орудий, среди которых выделяется широкое желобчатое «долото» (тесло) (табл. III, 36), датируемое по Карельской культуре серединой II тысячелетия до н. э.; появляются сланцевые орудия миниатюрных размеров (табл. III, 34), которые также распространились в Карелии в это время. Много находится кремневых орудий из массивных отщепов (скребков), обработанных характерной крутой ретушью (табл. III, 31, 32), распространившихся также около этого времени.

Наряду с украшениями древнего типа в виде каменных полированных колец (табл. III, 32) появляются новые формы — костяные медальонообразные подвески (табл. III, 40), известные по Волосовской культуре, Мариупол-

¹ В собр. ГИМ.

М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. Сов. археология, IV, 1940.

³ Она же. Погребения на стоянке Кубенино. Тр. ГИМ, VIII, 1938.

⁴ См. Волосовский клад в собр. ГИМ.

скому могильнику и многим другим памятникам эпохи позднего неолита и бронзы. Из новых форм костяных орудий, получивших развитие на последующих этапах Каргопольской культуры, следует отметить наконечники стрел с черешком, с треугольным или ромбическим поперечным сечением (табл. III, 22). Это — тип, известный по материалам ранне-дьяковских городищ, о чем упоминалось выше.

Вторая стадия дает предметы, указывающие на сохранение древних традиций в области религиозных представлений и, вместе с тем, на некоторые их изменения: наряду с изображениями животных, интерпретируемыми как предметы культа, появляются антропоморфные статуэтки, отражающие, повидимому, представления, связанные с культом предков, причем сохраняются элементы, позволяющие заключать о существовании тотемических верований предшествующей эпохи (табл. III, 41).

Эта стадия Каргопольской культуры характеризуется ямочно-гребенчатой керамикой позднего типа, сопровождаемой плоскодонной, гладкой или заштрихованной, частью орнаментированной по верху гребенкой (городчатые узоры, зигзаг, пояски и пр.) (табл. III, 43—54). Интересно появление наряду с этим «сетчатой» керамики (табл. III, 52) и так наз. ананьинского типа (табл. III, 51), возникновение которой относится к более раннему времени, предшествующему Ананьинской культуре. Это обстоятельство заставляет отнести конец второй стадии приблизительно к последним столетиям II тысячелетия до н. э. Керамика позднего ямочно-гребенчатого типа может послужить, с дополнением ряда древних форм предметов, упомянутых выше, основанием для начальной датировки второй стадии — второй четверти II тысячелетия до н. э.

Третью стадию Каргопольской культуры можно проследить на материалах стоянки при устье р. Кинемы. В этот период наблюдаются отмирание древнейших форм культуры и полный расцвет камня, что обычно сопровождается появлением бронзы. И здесь, среди полированных каменных орудий разнообразной формы, найден бронзовый кельт, напоминающий по форме меларский тип, который датируется XI в. до н. э. Из кремневых орудий, в общем сохраняющих формы предыдущей эпохи, выделяется новый тип наконечника стрелы — так наз. сейминский, относящийся к концу II тысячелетия до н. э., известный и в Волосовской культуре. Следует отметить «серповидную» форму кремневого ножа, а среди костяных — прочно утвердившуюся в поздних стадиях культуры треугольно-черешковую форму наконечников стрел из кости с треугольным поперечным сечением. К этой же стадии культуры относятся сверленные молотки, из которых один с пестиковидным обушком. Кроме того, наблюдаются архаические формы — кирки «олонецкого» типа, «русско-карельский» топор, топор с круглым сечением, Krummeissel; все это обычно датируется по аналогиям из Финляндии, Карелии и Швеции концом III — началом II тысячелетия до н. э. Так как они найдены в комплексе, сопровождающемся предметами конца II тысячелетия, приходится рассматривать их как пережитки. Состав керамики подтверждает высказанные соображения: количество ямочно-гребенчатой керамики сокращается, а штриховой и гладкой увеличивается, причем замечается распространение элементов, отмеченных в предыдущей стадии как поздние, и вместе с тем новых узоров, например в виде широких зон, соединенных косыми рядами из надрезов или вдавлений. В манере нанесения орнамента наблюдается сходство с керамикой галичского типа. В культуре этой стадии отмечается также большое количество орудий мелкого размера. Наряду с продолжающимися бытовать медальонообразными подвесками появляются янтарные украшения — подвески и пуговицы (на р. Модлоне), ¹ датированные

¹ А. Я. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Тр. ГИМ, XII, 1941.

А. Я. Брюсовым концом II тысячелетия до н. э., отмечающим, однако, несоответствие этой даты с общепринятой западноевропейской — более ранней для подобного типа украшений. Основанием для датировки А. Я. Брюсова послужила керамика, аналогичная найденной на стоянке при устье р. Кинемы.

На основании сходства и даже полной тождественности в части комплексов Кубенина и стоянки у устья р. Кинемы, я прихожу к заключению, что между ними не было разрыва во времени и что в какой-то части они были синхроничными.

Таким образом, намечаются четыре стадии Каргопольской культуры, генетически связанные друг с другом (табл. III).

При сопоставлении комплексов трех северных культур — Каргопольской, Беломорской и Карельской — обнаруживается ряд сходных предметов, совпадающих или по форме, или по технике изготовления, или по стилю орнамента.

Все это указывает на связи, существовавшие между ними; речь может идти о сношениях, установившихся между областями и сопровождавшихся проникновением вещей; в некоторых случаях это проникновение вещей могло явиться в результате передвижения части населения.

В основном каждая из этих культур на протяжении всего периода их существования сохранила свою самобытность, выразившуюся в своеобразии керамики и в особом, свойственном ей характере камня. Длительность их существования и проникновение отдельных предметов в другие области, иногда на большое расстояние (в центральную область — из Карелии, в бассейн р. Печоры — с побережья Белого моря, в Финляндию — из бассейна оз. Лаца), позволяют заключить о мощности северных культур, в процессе развития которых намечается непрерывность, прослеживается генетическая связь между формами предметов различных стадий.

В итоге исследования Карельской, Беломорской и Каргопольской культур представляется возможным изменить существовавшее до этого представление о северных неолитических культурах и ввести корректив в установленную ранее датировку, отнеся развитие их к более позднему периоду — к энеолиту, бронзе и началу железа.

M. VOSS

LES CULTURES NÉOLITHIQUES DU NORD DE LA PARTIE EUROPEENNE DE L'URSS

R é s u m é

L'article présente résumé les recherches sur le néolithique du Nord de la partie européenne de l'URSS, accomplis pendant ces dix dernières années.

On a pu remarquer, grâce à des recherches systématiques entreprises au Nord-Ouest, des groupements de monuments qui se distinguent par l'ensemble particulier de leur culture matérielle.

De toute la masse des collections néolithiques on a fait ressortir trois «cultures» qui ont existé au Nord à peu près à la même époque, de la fin du 3-e jusqu'au milieu du 1-er millénaire avant notre ère, localisées dans les limites de la République Autonome Soviétique de Karélie — la culture de Karélie, sur le rivage de la mer Blanche, la culture Belomorskaja, dans le bassin des lacs Laça, Voža, le lac Blanc (Belojé) et le Kenozero, la culture Kargopolskaja.

Nous trouvons dans cet article la description de ces cultures qui sont le plus souvent représentées par des camps à l'économie assez développée de chasse et de pêche, et outre cela en Karélie par des pétroglyphes et un cimetière et dans le région de Kargopol par des sépultures dans des stations habitées.

Ce qui caractérise la culture de Karélie, c'est un matériel de pierre complet, remarquable par le schiste massif des outils, de forme originale, et par leur surface soigneusement polie. La culture Bélomorskaja se distingue par le caractère particulier de son matériel en pierre qui consiste surtout en instruments de chasse, taillés exclusivement dans du silex et travaillés d'une manière tout à fait supérieure.

Quant à la culture de Kargopol, elle se fait remarquer par la singularité de la céramique: céramique à fossettes et à crêtes, ainsi que celle d'une époque plus avancée — céramique réticulée, unie, rayée, etc.

D'après les formes des outils et la quantité d'éléments différents de céramique variant selon les époques plus ou moins avancées, on a pu établir les degrés différents du développement de ces cultures. La formation des cultures du Nord est due à l'isolement territorial de ses habitants à l'époque de l'assimilation du Nord.

La comparaison de ces cultures septentrionales avec les cultures situées plus au Sud, nous fait conclure à leur synchronisme: la première partie coïncide avec les cultures de l'époque de bronze, et la période plus avancée avec celles de l'époque première de fer.

М. Н. КОМАРОВА

ПОГРЕБЕНИЯ ОКУНЕВА УЛУСА

К вопросу о хронологическом разделении памятников Андроновской культуры Минусинского края

В 1928 г. С. А. Теплоуховым был раскопан курган близ Окунева улуса на левом берегу р. Абакан, в 20—25 км к ЮЗ от гор. Минусинска. Исследованный курган несколько выделяется из ряда известных погребений Минусинского края и несомненно заслуживает внимания для детального его изучения и сопоставления с другими памятниками Минусинского края.

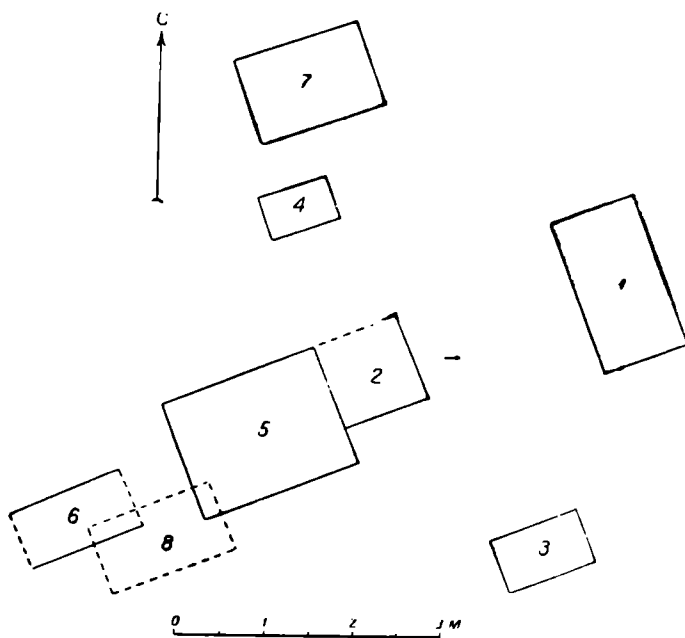

Рис. 1. Схематический план погребений в кургане Окунева улуса (по наброскам С. А. Теплоухова).

Могильник, которому принадлежал этот курган, находится у горы Чжалбактегей к ЮЗ от Окунева улуса и состоит из трех земляных курганов, расположенных в ряд по линии с СВ на ЮЗ, на расстоянии около 40 м друг от друга. Раскопан крайний юго-западный курган. Он имел вид плоской земляной насыпи диаметром около 19 м. Поверхность кургана очень неровная. Высота насыпи около 1 м.

В насыпи, в разных местах, встречены следы угольков, череп и кости животного из сем. *Canidae* и обломки локтевой кости и черепа человека.

Курган содержит 8 погребений (рис. 1) в гробницах, стены и покрышки которых были сложены из больших плит. Гробницы находились на разных

уровнях — три из них (№№ 2, 3 и 4) устроены в насыпи кургана так, что дно гробниц не опускалось ниже уровня степи, остальные (№№ 1, 5, 6, 7 и 8) были вкопаны в грунт. Такое расположение гробниц в кургане указывает на сооружение его в несколько приемов. Над каждой новой гробницей насыпался холмик, и так как гробницы тесно поставлены друг к другу, то образовалась одна общая насыпь с неровной поверхностью.

Гробница 1 (рис. 2, 1). Гробница, размерами в 1.8×1.0 м, вкопана в грунт так, что верхние края ее плит находятся приблизительно на уровне

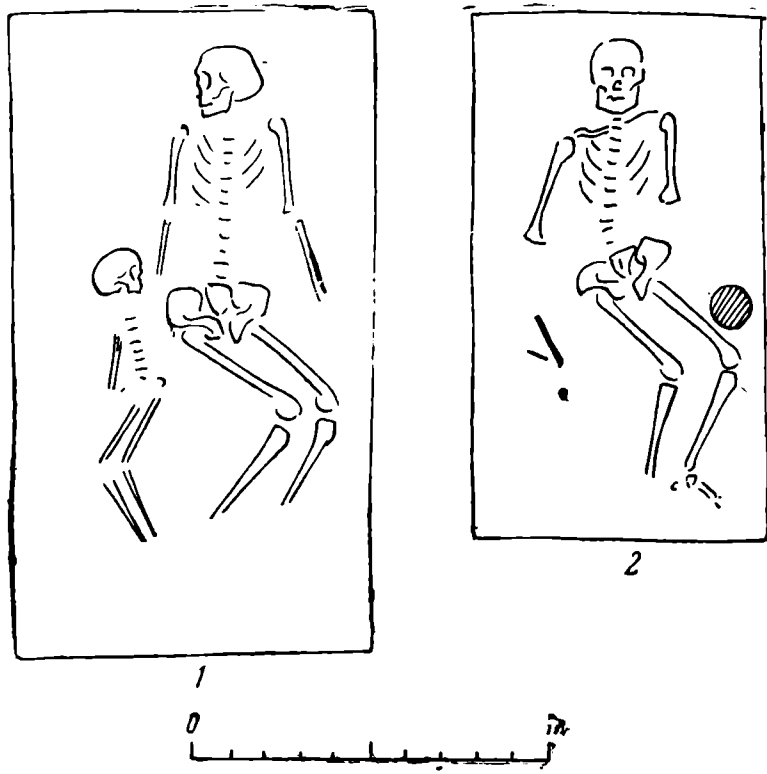

Рис. 2. Курган Окунева улуса.

1 — погребение № 1; 2 — погребение № 8 (по наброскам С. А. Теплоухова).

погребенной почвы. Ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. Длинные стенки составлены из пяти вертикальных плит, а короткие из трех. Покрыта плитами в несколько слоев. Верхний слой покровных плит находится на глубине 40 см от поверхности кургана. В гробнице погребены взрослая женщина и ребенок. Оба скелета были положены на спине, лицом вверх, с вытянутыми вдоль тела руками и поднятыми вверх коленями. Впоследствии голова женщины повернулась направо, а ноги свалились налево, у ребенка же, наоборот, — голова налево, а ноги направо. Женский скелет лежал по середине гробницы головой на ССЗ. Скелет ребенка в том же положении около западной стенки гробницы. Голова его приходилась на уровне таза женского скелета. На черепе ребенка сохранилось ухо, здесь же находились 2 бронзовых височных кольца (рис. 3, 7, 8). Кроме того, в гробнице найдены обломки двух медных пронизок, свернутых из тонких листочков (рис. 3, 9), и два обломка от двойной выпуклой бляшки (рис. 3, 10).

Гробница 2. Гробница разрушена, сохранился только юго-западный угол. Основанием своим она стояла на поверхности погребенной почвы. Высота стенок около 70 см. Гробница покрыта плитами, которые находились на глубине 40 см от поверхности кургана. Среди разбитых плит найдены фаланги и лучевая кость человека и нижняя челюсть хищника. Ниже, на глубине 80—85 см, где начинался уровень поверхности

степи, были разбросаны кости взрослого человека и ребенка, череп собаки и черепки от сосуда с глубокими насечками по краю дна (рис. 3, 11).

Гробница 3. Небольшая гробница в насыпи, на глубине 20 см от поверхности кургана, размерами 1.0 × 0.6 м и высотой 40 см. Основание гробницы находилось на уровне погребенной почвы. Ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. В гробнице лежал костяк ребенка, головой на ЮЗ.

Гробница 4. Гробница вкопана в насыпь, основанием на погребенной почве; ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. Гробница сооружена из пяти плит. Размеры ее 80 × 50 при 50 см глубины. На дне найдены кости младенца, лежавшего головой на ЗЮЗ.

Гробница 5. Довольно обширная гробница, вкопанная в грунт. Сложена из толстых плит и прикрыта тремя длинными плитами. Ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. Длина гробницы 1.84 м, ширина 1.40 м и глубина 80 см. Кости скелетов (их было не менее трех-четырех) находились в беспорядке. Среди костей человека найден зуб кабарги (рис. 3, 12).

Гробница 6. Гробница вкопана в грунт, ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. Длина гробницы 1.35 м, высота 0.50 м; ширина не указана. В могиле обнаружен скелет плохой сохранности, ориентированный с ЮЗЗ на СВВ.

Гробница 7. Гробница вкопана в грунт; ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. Длина гробницы 1.45 м, ширина 1.0 м и глубина 60 см. Над гробницей найдены черепки от сосуда Минусинской культуры. В верхних слоях гробницы были найдены кости взрослого скелета, ориентированного головой на ЮЗЗ, и кости младенца. На дне разбросаны кости от трех взрослых и одного младенца. В восточном углу обнаружен глиняный сосуд (рис. 3, 13).

Гробница 8. Гробница размерами—длина 1.48 м, ширина 80 см и глубина 66 см, вкопана в грунт. Ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. В гробнице погребена взрослая женщина, головой на ЮЗЗ, на спине, лицом вверх, с вытянутыми вдоль тела руками и поднятыми вверх коленями, которые свалились влево, к северной стенке. В юго-западно-западном конце могилы под черепом подложена наклонно плитка. Около коленей костяка находился глиняный сосуд (рис. 3, 6); с правой стороны костяка найдены: медный игольник (рис. 3, 7) с двумя костяными иглами (рис. 3, 2), медное шило (рис. 3, 3), медный обоюдоострый нож (рис. 3, 4) и зуб кабарги (рис. 3, 5).

С. А. Теплоухов в своих полевых заметках и описях коллекций относит погребения Окунева улуса к Андроновской культуре, но нетрудно видеть, что они значительно отличаются от типичных памятников этой культуры и по устройству могильного сооружения, и по положению костяка, и главным образом по своеобразию керамики. Когда говорят об андроновской керамике, то имеют в виду сосуды с хорошо выраженным профилем, с выпуклыми боками и вогнутой шейкой, орнаментированные сложным рисунком, т. е. тип керамики, который С. А. Теплоухов называет руководящим для Андроновской культуры.¹ Кроме этого типа керамики, в Минусинском крае можно выделить довольно большую серию сосудов баночной формы, с елочным или простым линейным орнаментом. Сосуды Окунева улуса имеют мало общего с сосудами первого типа. С сосудами второго типа они имеют общие черты сходства, но по некоторым элементам и формы и орнамента отличаются от них и сближаются с керамикой предыдущего этапа — афанасьевского. Чтобы решить вопрос, укладываются ли погребения Окунева улуса в установленные хронологические типы памятников Минусинского края или этот памятник своеобразен и выделяется из них, необходимо рассмотреть подробнее его особенности и сопоставить могильник Окунева улуса с другими памятниками Минусинского края.

¹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, Л., 1929, стр. 43.

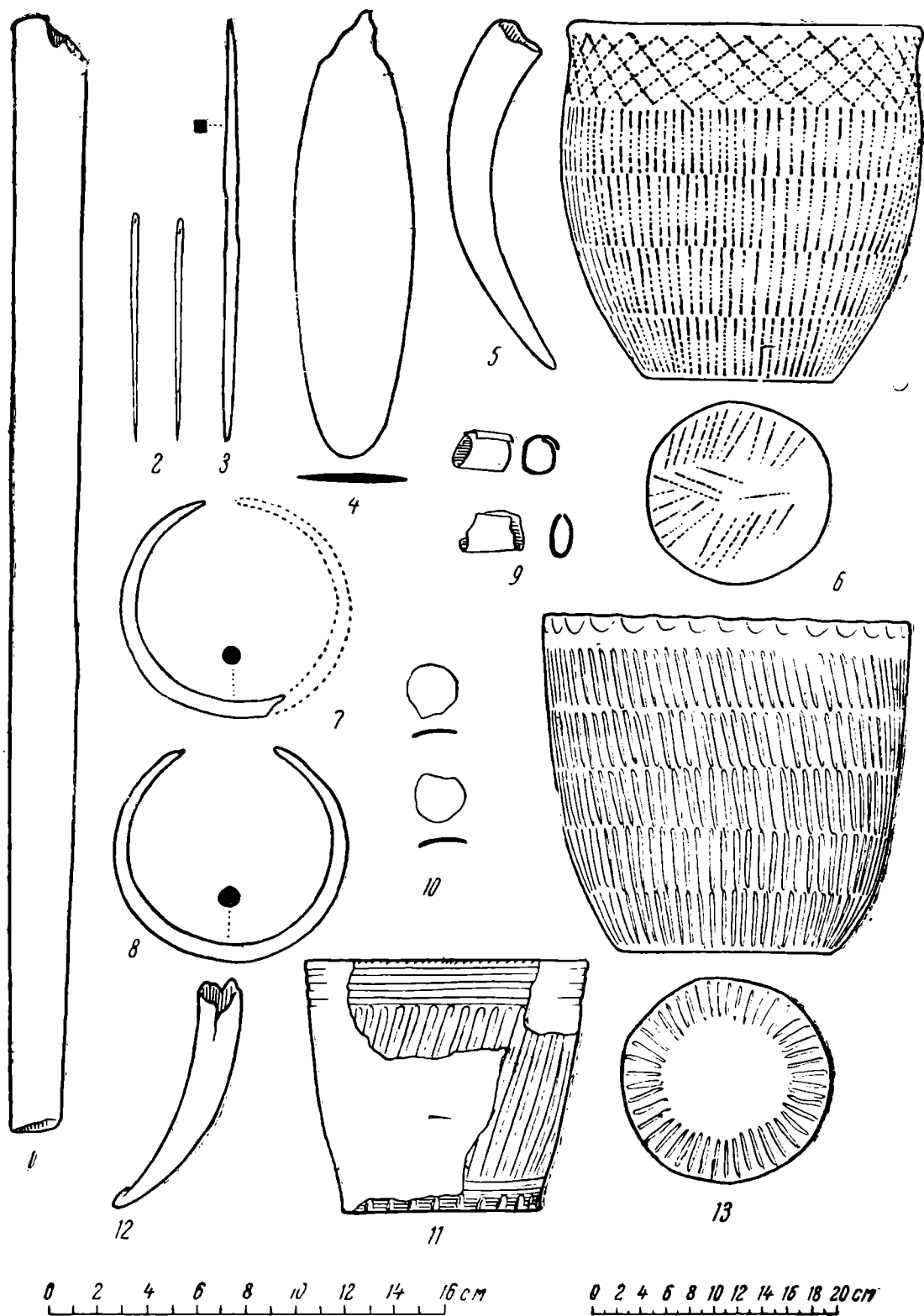

Рис. 3. Предметы из погребений в кургане Окунева улуса.

1—6 — из гробницы № 8; 7—10 — из гробницы № 1; 11 — из гробницы № 2; 12 — из гробницы № 5; 13 — из гробницы № 7.

Нагляднее и выразительнее всего эти сопоставления можно представить на таблице, составленной примерно по тому же типу, каким П. П. Ефименко воспользовался при изучении рязанских могильников.¹

Так как погребения Окунева улуса имеют черты сходства с погребениями Афанасьевской и Андроновской культур, то необходимо включить в таблицу все разновидности афанасьевских и андроновских погребений Минусинского края. Для сопоставлений погребений Окунева улуса с афанасьевскими оказалось достаточным рассмотрение последних суммарно по могильникам. Для сопоставления же с андроновскими погребениями явилось необходимым учитывать каждую могилу отдельно. Чтобы не загромождать таблицу и сделать ее более компактной, учтены только основные, наиболее характерные признаки, причем из могильного инвентаря взята только керамика, так как для афанасьевского и андроновского этапов глиняная посуда составляет наиболее многочисленную категорию находок, в то время как металлические изделия известны пока в крайне ограниченном количестве и не могут еще служить надежным датирующим материалом.²

В таблице сосуды разделены по форме и орнаменту. Форма сосудов взята несколько обобщенно. Сосуды разделены на яйцевидные (рис. 4, 1), шаровидные (рис. 4, 2), шаровидные с уплощенным дном (рис. 4, 3), банки с прямыми стенками (рис. 4, 4), банки с выпуклыми стенками (рис. 4, 5) и сосуды с хорошо выраженным профилем — с выпуклыми боками и вогнутой шейкой (рис. 4, 6). По орнаменту сосуды разделены на три группы, различающиеся принципом составления рисунка. Эти типы орнамента условно названы «сплошным», «линейным» и «тоновым». Под понятием «сплошного» орнамента подразумевается такой, когда более или менее значительная часть поверхности сосуда покрывается сплошным рядом штрихов, оттисков гладкого или зубчатого штампа, ямок и т. д., так что между отдельными оттисками почти не остается свободных промежутков. Под «линейным» орнаментом понимается такой, когда рисунок в виде елочки, зигзагов и других несложных фигур образован оттисками гладкого или зубчатого штампа с широкими промежутками между ними, благодаря чему отчетливо виден линейный характер рисунка. Наконец, под «тоновым» орнаментом понимается такой, когда рисунок составлен из заштрихованных внутри треугольников,

¹ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III, 1, Л., 1926, стр. 59.

² При составлении таблицы я воспользовалась следующими источниками для характеристики отдельных могильников.

1) Афанасьева гора: С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, МЭ, III, 2, Л., 1927, стр. 62—77; 2) Саргов улус: Архив ИИМК, дело № 33, 1903 г.; фотоснимок сосуда из Красноярского музея, предоставленный мне Г. П. Сосновским; 3) Село Сыда: С. В. Киселев. Сов. археология, II, 1937, стр. 71—86; 4) Тесь I: С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинском крае в 1928 г. Ежегодник. Гос. музея им. Н. М. Мартыанова в гор. Минусинске, VI, 2, Минусинск, 1929, стр. 35—47; 5) Тесь II: С. В. Киселев. Сов. археология, II, 1937, стр. 86—94. — Он же. Материалы археологической экспедиции ..., стр. 34—55; 6) Улус Красный Яр: Архив ИИМК, дело № 799, 1931 г.; 7) Окунев улус: Полевые записи и коллекция № 4896 С. А. Теплоухова, хранящиеся в Гос. этнографическом музее; 8) Абаканская Управа: А. В. Андрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, стр. 68—72. — Архив ИИМК, дело № 85, 1899 г.; зарисовки сосудов Минусинского музея, предоставленные мне М. П. Грязновым; 9) Ярки: С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 77—78; зарисовки сосудов Минусинского музея, предоставленные мне М. П. Грязновым; 10) Село Новоселово: С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 77—80; фотоснимки сосудов Красноярского музея, предоставленные мне Г. П. Сосновским; 11) Усть-Ерба: С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии. Сов. этнография, 4—5, 1935, стр. 206—210; 12) Дер. Андропова: А. Я. Тугаринов. Сибирская живая старина, вып. I (V), Иркутск, 1926; фотоснимки сосудов, предоставленные мне Г. П. Сосновским; 13) Подкунинский улус: Раскопки В. П. Левашевой в 1931 г., архив ИИМК, дело № 118, 1932 г.; раскопки 1930 г. — коллекция Гос. Эрмитажа, № 250.

меандров и меандровидных полос, различных фестонов и других геометрических фигур и кажется, таким образом, выполненным в два тона — заштрихованные фигурки и гладкий фон между ними (табл. I).

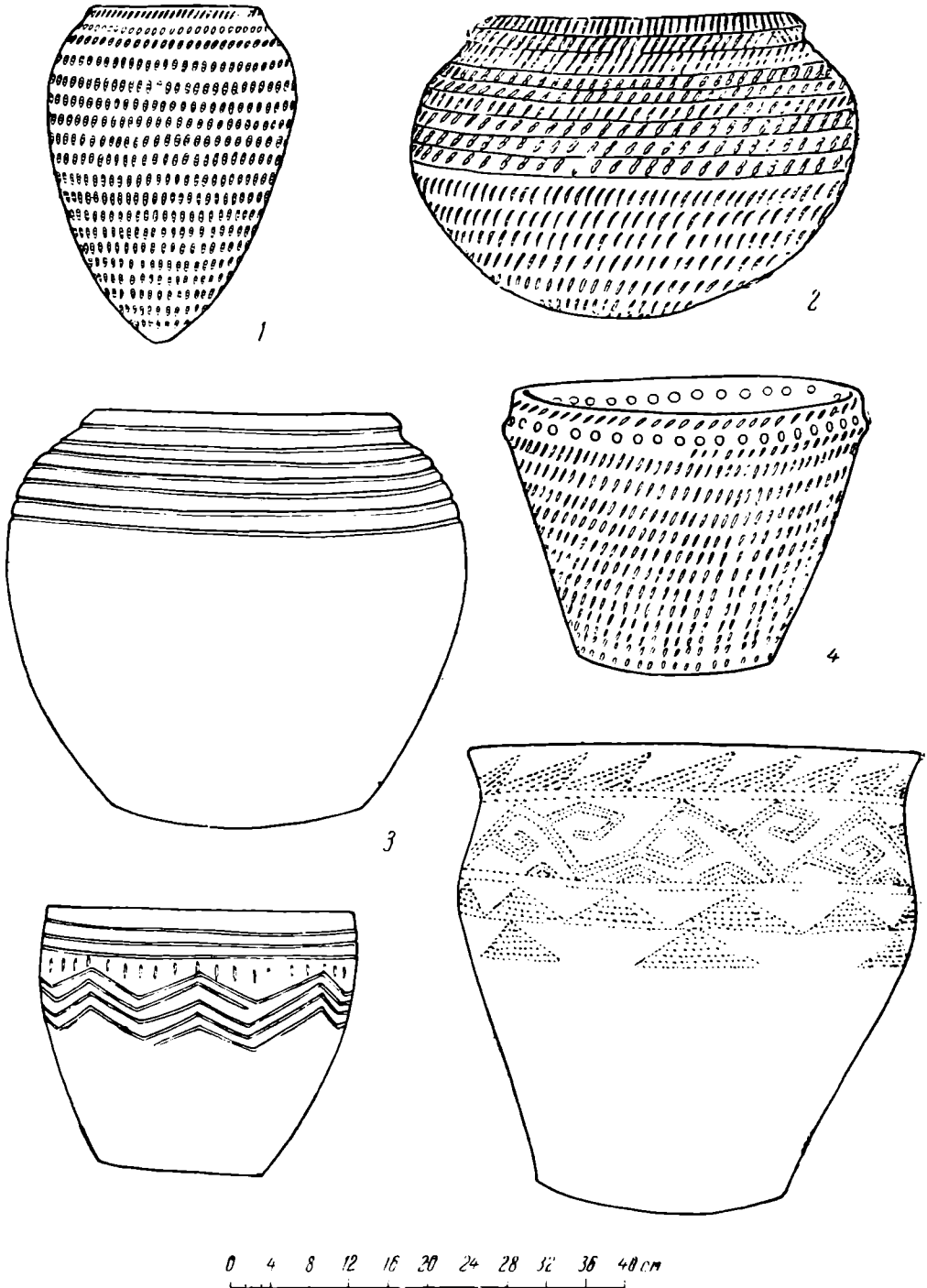

Рис. 4. Типы сосудов Афанасьевской и Андроновской культур.

Предлагаемая таблица ясно показывает, что сосуды яйцевидные, шаровидные и шаровидные с уплощенным дном характерны только для погребений афанасьевского этапа и никогда не встречаются в погребениях андроновского этапа. С этими формами связывается орнамент «сплошной», покрывающий более или менее значительную часть сосуда или всю его

	Устройство могилы					Полож. скелета			Форма сосудов					Орнамент			
	яма	яма с ложем	кам. ящик	кам. стена	дер. рама	голова	руки	ноги	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Афанасьева гора	17	1				10	1	2	15	2		2				19	12
Сорогов улус	5								1		1					1	
с. Сыда	3	6				1	6	3	11	6	4					19	1
Тесь II	2	3				1		4	4	3	1					8	
Тесь I		14	2		4	2	1	5	10	3	3					12	2
Красный Яр	5	1	1		2	3			3	2						5	
Окунев улус	1		●			●										●	
	2		●										●				
	3		●														
	4		●														
	5		●														
	6		●														
	7		●														●
	8		●				●										●
Абаканская Урава	2		●													●	
	4		●			●										●	
Ярки	1 1923		●					●								●	
	Ерм (2)		●									●	●			●	●
	2 1923		●														
	1 1923		●														
	Ерм (3)		●														●
	1 1926		●														●
	1 1924		●														●
	Ерм (9)		●			●											●
	2 1926		●			●											●
	Ерм (12)		●			●											●
Колл. Мин. Муз.											9	3			10	2	
Новоселово	1		●					●								●	
	2		●													●	
	3		●													●	●
Колл. Красн. Муз.										1	3		2		5	1	
Усть-Ерба	I		●		●											●	●
	II 1		●					●								●	●
	II 2		●		●											●	●
	II 3		●													●	●
	II 4		●													●	●
	III 1															●	●
III 2		●													●	●	
III 3		●													●	●	
Андранова	1				●			●								●	●
	2				●			●								●	●
	3		●					●								●	●
находка раб.															●	●	
Подкунинский Улус	1930 I 1		●					●									
	I 2							●									
	I 3																
	II					●									●		●
	1931 I					●											●
	II 1					●									●		●
	II 2	●	?														
III				●													

Табл. I. Сравнительная таблица культур Минусинского края.

поверхность. Только в редких случаях такие сосуды украшены орнаментом другого характера.

Сосуды в форме банки с прямыми стенками встречены в двух случаях в погребениях Афанасьевской культуры. Банки с прямыми стенками мы имеем в Окуневом улусе и в довольно большом количестве в погребениях андроновского этапа. Хотя эта форма сосудов встречена в погребениях афанасьевского этапа, но для них она не является характерной. Зато в погребениях андроновского этапа она занимает определенное место, и сосуды в виде банок с прямыми стенками надо считать андроновской формой. Орнамент на банках с прямыми стенками обычно «сплошной», т. е. носит тот же характер, что и на сосудах афанасьевского этапа, причем орнаментом покрывается часто вся поверхность сосуда, включая дно и обрез венчика, что характерно для сосудов афанасьевского этапа. Следовательно, сосуды этого типа имеют форму андроновскую, в то время как орнамент их сохранил прежний характер, свойственный для предыдущего этапа — афанасьевского.

Кроме банок с прямыми стенками, имеется довольно значительное количество сосудов также в форме банок, но с выпуклыми стенками, которые встречаются только в погребениях андроновского этапа. Эта форма сочетается обычно с «линейным» орнаментом, но есть случаи, когда на них еще продолжает оставаться архаический «сплошной» орнамент и даже иногда на одном и том же сосуде; на оставшихся свободными от «линейного» орнамента участках поверхность сосуда заполняется «сплошным» орнаментом. Следовательно, и на этом типе сосудов еще сохраняется архаический «сплошной» орнамент, но в основном все же ему свойственен орнамент «линейный».

Наконец, последний тип сосудов, определяемый С. А. Теплоуховым как ведущая форма андроновского этапа, — это сосуды с хорошо выраженным профилем, с выпуклыми боками и с вогнутой шейкой. Такая форма сосудов встречается только в погребениях Андроновской культуры. На этих сосудах довольно часто встречается орнамент «линейный», но не менее часто они украшены орнаментом «тоновым», причем надо отметить, что «тоновый» орнамент присутствует только на сосудах этой формы и никогда не бывает на сосудах другой формы.

Разделив, таким образом, несколько схематично сосуды Андроновской культуры на три типа, можно видеть, что сосуды первого и третьего типов настолько резко отличаются друг от друга, что их можно было бы отнести к двум разным культурам, но имеется довольно значительная серия сосудов — банки с выпуклыми боками, — которые занимают срединное положение между двумя крайними типами. И форма и орнамент их очень неустойчивы. По форме они иногда приближаются к первому типу, иногда близки к сосудам третьего типа. Такие же связи прослеживаются и по характеру орнамента. Сосуды этого типа могут быть с архаическим орнаментом первого типа. С другой стороны, характерный для них «линейный» орнамент довольно часто встречается на сосудах третьего типа, так что этот тип сосудов занимает промежуточное положение и связывает два крайних типа — первый и третий.

Два сосуда из Окунева улуса имеют форму банки с прямыми стенками, а один со слегка выпуклыми. Все три сосуда покрыты архаическим «сплошным» орнаментом, заполняющим не только стенки сосуда, но в двух случаях (из трех) даже дно и обрез венчика. Следовательно, они относятся к первому типу андроновской керамики.

Сосуды Окунева улуса не являются единственными в своем роде для Минусинского края. Такие же сосуды первого типа мы имеем в Абаканской Управе (рис. 5) и в погребениях в Ярках около с. Батени (рис. 6).

Все рассмотренные сосуды происходят не из случайных находок, а принадлежат к могильному инвентарю, являются составной частью комплексных памятников, а потому необходимо проследить, как сочетаются выделенные типы керамики с другими характерными чертами могильных памятников. Для решения затронутых вопросов более показательными признаками являются устройство могилы и положение скелета.

Для погребений Афанасьевской культуры характерно захоронение в яме, бока которой ничем не обложены, и только иногда яма сверху покрыта каменными плитами или бревнами. В очень редких случаях в могиле устроен ящик из каменных плит или сруб. Для погребений Андроновской культуры, наоборот, весьма характерно захоронение в каменных ящиках-гробницах, сложенных из больших плит. Довольно часто стены обложены бревнами, и есть случаи, когда стенки гробницы сооружены из плиток, положенных плашмя. Погребения Окунева улуса, как указано выше, имеют каменные ящики, что характерно для погребений андроновского культурного этапа.

Не во всех погребениях можно было установить положение костяка, но все же на таблице ясно видно, что для погребений андроновского этапа характерно захоронение на левом боку с подогнутыми руками и ногами. Только в погребениях Окунева улуса и Абаканской Управы, сопровождавшихся керамикой архаического типа, покойников укладывали на спине с поднятыми вверх коленями. Такое же положение скелетов встре-

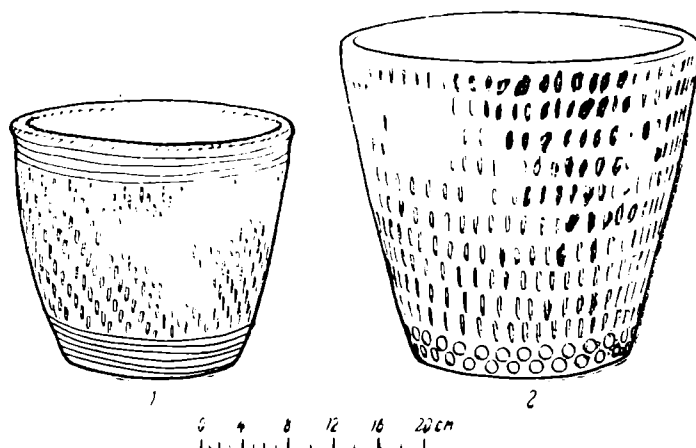

Рис. 5. Сосуды из погребений в Абакановской Управе.

тилось и в двух могилах Подкунинского улуса. Для погребений афанасьевского этапа, наоборот, более характерно положение скелета на спине с поднятыми вверх коленями и реже на боку. На таблице отмечено 17 случаев положения на спине и 22 — на боку, но это объясняется тем, что авторы неправильно определяли положение скелета в могиле. Если кости ног скелета согнуты в коленях и лежат на боку, то это отмечалось в отчетах как положение на боку.¹ Поэтому-то и оказывается, что скелеты лежат то на правом, то на левом боку, в зависимости от того, на какую сторону упали колени. По имеющимся материалам с достоверностью устанавливается только 1 случай положения скелета на боку. Отсюда можно заключить, что в погребениях Окунева улуса сохранился прежний способ положения покойника в могилу, характерный для афанасьевского этапа.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что погребения Окунева улуса сохраняют ряд черт, свойственных погребениям афанасьевского этапа. Несмотря на наличие сходства погребений Окунева улуса с афанасьевскими — по положению скелета и по принципу нанесения орнамента на сосудах, — между ними можно провести резкую грань.

В отличие от афанасьевских, все погребения Окунева улуса заключены в хорошо сделанные каменные ящики, что характерно для андроновских погребений и необычно для афанасьевских; все сосуды имеют плоское дно

¹ См., например: В. П. Л е в а ш о в а. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 16.

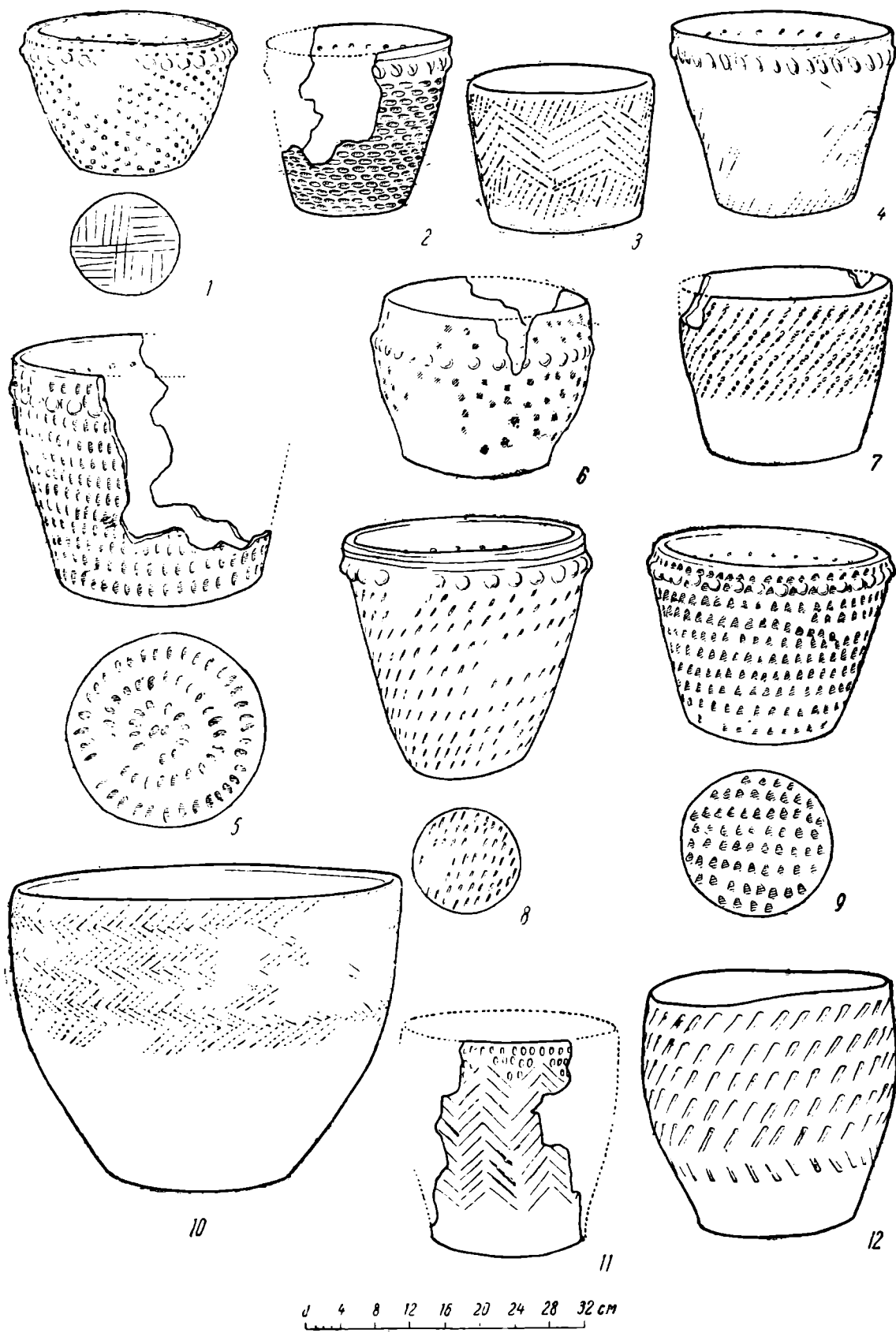

Рис. 6. Сосуды из погребений в Ярках около с. Батени.

и прямые расширяющиеся кверху стенки, что также отличает андроновскую керамику от афанасьевской. Даже орнамент, сходный с афанасьевским по характеру заполнения поверхности сосуда, имеет заметные своеобразные черты.

Погребения Окунева улуса — не единичное явление в Минусинском крае; подобные им погребения мы имеем в Абаканской Управе. В Ярках около Батеней находим андроновские погребения, сосуды которых и по форме и по орнаменту подобны сосудам Окунева улуса. Там же мы находим переходные формы керамики. Нередко на одном сосуде сочетаются и «сплошной» и «линейный» орнамент (рис. 6, 3, 4). В некоторых случаях трудно определить, к какому типу надо отнести тот или иной сосуд. В этом же могильнике имеются погребения с сосудами, принадлежащими к классическому типу андроновской керамики. Наконец, погребения у дер. Новоселово занимают среднее место между погребениями типа Окунева улуса и типа собственно андроновских.

Другую группу памятников составляют погребения у дер. Андроновой, сел. Усть-Ерба, в Подкунинском и Орацком улусах. Они имеют все характерные для классических памятников андроновского этапа черты.

Погребения андроновского этапа в Минусинском крае не являются однородными. Они разделяются с совершенной очевидностью на два основных типа. Первый тип — это погребения Окунева улуса и подобные им, принадлежащие к числу памятников Андроновской культуры, но сохранившие еще некоторые архаические черты, характерные для памятников предшествующей Афанасьевской культуры. Вторым типом — это погребения классические андроновские у дер. Андроновой, Усть-Ерба и др. Между этими двумя типами имеется ряд переходных форм, в которых преобладают признаки, характерные то для первого типа, то для второго.

Встают вопросы: чем объясняется наличие этих двух типов памятников? Не есть ли это территориальные различия или это могилы разных возрастных групп? Наконец, не могут ли установленные типы памятников принадлежать разным хронологическим подразделениям?

Ачинско-Минусинские степи окружены с трех сторон горами, а с четвертой, северной — лесами. Культурные связи между отдельными районами Минусинской котловины осуществлялись легко, и несомненно, что общество, населявшее эту котловину, развивалось в одном направлении и одинаково. Здесь нет оснований предполагать наличия локальных особенностей развития общества. Это мы видим и на фактическом материале. Если мы проследим распределение могильников андроновского этапа в пределах Ачинско-Минусинских степей, то увидим, что могиль-

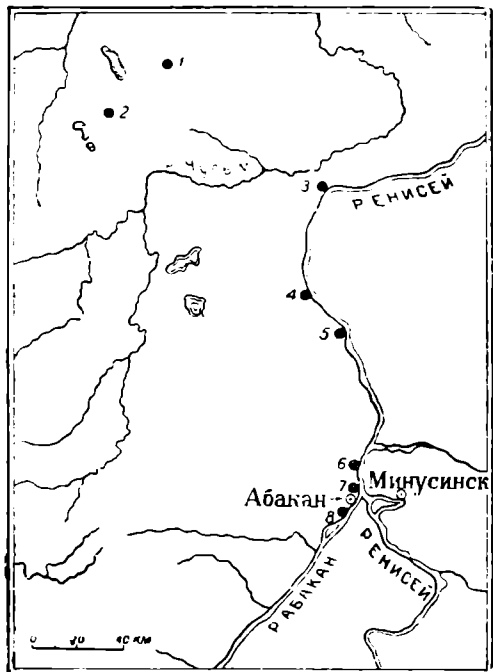

Рис. 7. Карта распространения могильников Андроновской культуры в Ачинско-Минусинских степях.

1 — дер. Андроновая; 2 — улус Орак; 3 — дер. Новоселово; 4 — с. Батени; 5 — улус Ербинское; 6 — улус Подкунинский; 7 — Усть-Абаканское; 8 — улус Окунев.

ники, подобные Окуневу улусу, перемежаются с могильниками классического андроновского типа.

Так, могильник Подкунинского улуса, классический андроновский, находится рядом с Усть-Абаканским, который имеет все черты могильника Окунева улуса, да и могильник Окунева улуса находится на счень незначительном расстоянии от Подкунинского улуса (рис. 7). Севернее опять два могильника крайних типов находятся рядом; в Усть-Ербе погребения классического андроновского типа, а в Ярках около Батеней серия могил окуневского типа. Еще севернее могильник около дер. Новоселово имеет переходный характер. И только могильники в улусе Орак и у дер. Андроновой, имеющие все черты классического андрона, расположены как бы одиноко. Здесь или близко от них мы пока не имеем погребений, подобных погребениям Окунева улуса, но это, повидимому, объясняется только недостаточностью исследований. Даже больше, в одном и том же могильнике в Ярках около Батеней мы имеем погребения с сосудами классического андроновского типа и погребения с сосудами типа Окунева улуса. Все это говорит о том, что признак территориальный в разделении на типы погребений не имел никакого значения.

Существовало мнение, что в детские погребения ставились маленькие по размеру, грубо сделанные банки, а в могилы взрослых — более крупные сосуды, хорошо моделированные и покрытые красивым и нарядным орнаментом. Основанием для такого взгляда послужило то обстоятельство, что банки с архаическим орнаментом были известны главным образом из детских погребений в Ярках.

К сожалению, не все авторы дают точное определение возраста погребенных, а потому материал для решения этого вопроса имеется небольшой. Но даже в этом небольшом материале мы имеем случаи, когда в погребениях взрослых находятся сосуды первого типа — банки с архаическим орнаментом (Абаканская Управа, могила № 4, рис. 5; Окунев улус, могила № 8, рис. 3, б) и, наоборот, в детских могилах поставлены крупные сосуды с хорошо выраженной шейкой и нарядным орнаментом (Новоселово, могила № 2).¹ Следовательно, сосуды и первого и второго типов находятся в погребениях и взрослых и детских. Отсюда надо заключить, что сосуды первого типа — банки с архаическим орнаментом — не являются принадлежностью только детских погребений. Они в равной мере свойственны и погребениям взрослых и сочетаются в последних с рядом других характерных признаков.

Различия установленных памятников нельзя относить за счет отличий территориальных, возрастных или социальных. Эти различия несомненно хронологического порядка и указывают на наличие двух хронологических групп памятников андроновского этапа.

Мы уже видели, что погребения первого типа по общему их характеру принадлежат андроновскому этапу, но имеют архаические черты, связывающие их с предыдущим этапом — афанасьевским. Эти погребения хорошо укладываются хронологически сразу же после афанасьевских.

Есть все основания считать, что погребения Окунева улуса, Абаканской Управы и в значительной мере Ярков относятся к раннему этапу Андроновской культуры. Это еще больше подтверждается тем, что отдельные черты этих памятников сохраняются и позднее. Целым рядом промежуточных форм

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края (табл. IX, рис. б). — В записках С. А. Теплоухова, хранящихся в Гос. Музее этнографии, имеется черновой рисунок сосуда с хорошо выраженной шейкой и «тоновым» орнаментом из детского погребения в Ярках, раскопанного Ермолаевым в 1913 г.

они связываются с классическими памятниками позднего андроновского этапа.

Таким образом, ранний этап Андроновской культуры Минусинских степей характеризуется погребениями в каменных ящиках-гробницах и положением трупа на спине с приподнятыми коленями или на левом боку в скорченном положении. Металлические вещи встречаются в небольшом количестве и сохраняют форму и черты предыдущего этапа — афанасьевского. Сосуды имеют вид плоскодонной банки небольших размеров с прямыми стенками и покрыты архаическим «сплошным» орнаментом.

Поздний этап — классический андроновский — характеризуется погребениями в каменных ящиках-гробницах или в ямах с бревенчатой обкладкой. Покойник лежит всегда на левом боку с подогнутыми руками и ногами. Металлические вещи также очень немногочисленны. Ведущая форма сосудов — горшок с хорошо выраженным профилем, с выпуклыми боками и вогнутой шейкой. Орнамент на сосудах «тоновый» в виде треугольников, меандров и фестонов. На сосудах этой формы нередко встречается и более простой, линейный орнамент в виде зигзагообразных линий, елочки и горизонтальных полос.

Разделив, таким образом, памятники Андроновской культуры в Минусинском крае на две хронологических группы, мы получаем возможность более детально изучать развитие культуры древних племен Минусинского края соответственно двум этапам — более раннему по памятникам типа Окунева улуса и более позднему по памятникам классического андроновского типа.

M. KOMAROVA

LES SÉPULTURES D'OKOUNEV OULOUS

Sur la **subdivision** chronologique des monuments de la culture d'Andronova dans le pays de Minoussinsk

R é s u m é

Le tumulus situé près d'Okounev oulous, sur la rive gauche de la rivière Abakan, à 20—25 km de la ville de Minoussinsk, a été fouillé en 1928 par S. Teploouchov. Il renfermait 8 sépultures faites de dalles en pierre et établies soit dans les fosses dans le sol, soit dans le tertre. Dans deux sépultures violées, les morts étaient couchés sur le dos, les genoux relevés. Dans les tombes on a trouvé 3 vases en forme de bocal, à surface entièrement couverte d'ornementation, 2 dents de chevrotin porte-musc, un étui à aiguilles en os, un poinçon en cuivre, un couteau en cuivre de forme lancéolée, 2 anneaux temporaires en cuivre et des fragments de rondelle en cuivre.

L'étude des monuments funéraires des steppes de Minoussinsk a permis de reconnaître l'existence de deux groupes chronologiques de cimetières appartenant à la culture d'Andronova, qui correspondent à deux étapes de l'évolution de cette culture.

Les sépultures d'Okounev oulous, ainsi que celles d'Abakanskaja ouprava et de «Jarki» (près du village de Bateni) se rapportent à la première étape de la culture d'Andronova, caractérisée par la position des morts, couchés sur le dos et par des vases en forme de bocaux à ornementation primitive couvrant toute leur surface.

La seconde étape, à laquelle appartiennent les sépultures du village d'Andronova, de Podkouninskij oulous, d'Orak et d'Oustj-Erba, se caractérise par une céramique du type d'Andronova classique et la position ramassée et couchée sur le flanc des morts.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДИЩА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

I

Древние городища центральных областей Европейской части СССР, обычно называемые «дьяковыми», или городищами «дьякова типа», как выяснилось за последние годы, являются памятниками длительного периода истории первобытной Восточной Европы.

Началом более или менее систематического изучения этих памятников надо считать обобщающие работы А. А. Спицына «Городища дьякова типа»¹ и «Новые сведения о городищах дьякова типа»,² вышедшие в свет в 1903 и 1905 гг., где время городищ было ограничено VI—VIII столетиями н. э. В результате дальнейшего исследования городищ их хронологические границы все более и более расширялись. В. А. Городцовым, изучившим многие городища бассейна р. Оки,³ их время было ограничено III столетием до н. э. и III столетием после н. э. В последние годы, благодаря работам В. А. Городцова,⁴ А. В. Арциховского,⁵ О. Н. Бадера⁶ и многих других исследователей, удалось еще более уточнить хронологические границы «дьяковых» городищ. Оказалось, что древнейшие из них восходят к середине I тысячелетия до н. э.,⁷ а может быть, и к несколько более раннему времени. Что касается верхней хронологической границы, то она оказалась различной в разных местах. Так, например, на Оке в среднем и нижнем ее течении городища не идут дальше первых столетий н. э.,⁸ и

¹ ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903.

² ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. АИЗ, 1898, вып. 7—8, стр. 218—223. — Он же. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности. ТМАО, XVII, стр. 1—10. — Он же. Результаты археологических исследований 1899 г. АИЗ, 1899, № 6—7. — Он же. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности. ТМАО, XVIII. — Он же. Материалы к археологической карте р. Оки, Тр. XII АС, т. I, 1905, стр. 515 сл.. — Ср.: В. А. Городцов. Бытовая археология.

⁴ В. А. Городцов. Старшее Кропотовское городище. Тр. Этнографо-археолог. музея I МГУ, вып. IV. — Он же. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, I, 1926. — Он же. Результаты исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища, Рязань, 1930.

⁵ А. В. Арциховский. Бородинское городище. ТСАРАНИОН, т. IV.

⁶ Упоминания о некоторых исследованиях О. Н. Бадера имеются в статье Б. С. Жукова «Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики» (Этнография, 1929, № 1). — О. Н. Бадер. Отчет о работах 1932—1933 гг. на строительстве канала Москва—Волга. ИГАИМК, вып. 109, 1935. — Он же. Работы Верхневолжской экспедиции. СГАИМК, 1932, № 3—4.

⁷ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934.

⁸ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археология, II, 1937.

лишь некоторые из них могут быть датированы III—V столетиями н. э.¹ Подобная же картина наблюдается в Верхнем Поволжье, где, однако, нередко встречаются городища середины I тысячелетия н. э.² В верхнем течении Оки и в верхнем Поднепровье городища доживают до VII—VIII столетий,³ а местами и до IX—X столетий н. э., непосредственно сменяясь памятниками эпохи древней Руси.

Хронология городищ «дьякова типа» строится на основании нескольких найденных на городищах вещей, время которых может быть определено с относительной точностью. В верхнем течении р. Оки были найдены синие глазчатые бусы, известные по сарматским курганам IV столетия до н. э., и костяные наконечники стрел, подражающие по форме бронзовым скифским наконечникам VII—V столетий до н. э.⁴ Еще более архаичное городище в верховьях Оки найдено М. В. Талицким около Коломны. Керамика этого городища удерживает многие черты, присущие посуде эпохи бронзы.⁵

На более поздних городищах, таких, как Гремячее на Оке,⁶ «Топорок»⁷ и «Черная Гора»⁸ в Верхнем Поволжье, были встречены бронзовые украшения, хорошо известные по материалам поздне-ананьинских и ранне-пьяноборских могильников Прикамья первых веков до н. э. и первых веков н. э. На Дьяковом городище был обнаружен ряд бронзовых украшений III—IV столетий н. э., характерных для рязано-окских могильников,⁹ и т. д.

В области Верхнего Поволжья, кроме находок на «Топорке» и «Черной Горе», давших поздне-ананьинские и ранне-пьяноборские вещи, находки датирующих вещей были сделаны: на городище у дер. Кирьянова, откуда происходила бронзовая застежка, инкрустированная эмалью середины I тысячелетия н. э.,¹⁰ на городище у с. Синьково,¹¹ где было найдено несколько бронзовых изделий этого же времени, на городище у дер. Дуденево, откуда происходит бронзовая фибула V столетия н. э.,¹² на городище у дер. Березняки, где был встречен ряд вещей III—V столетий н. э.,¹³ и др. Следует при этом отметить, что «Черная Гора», «Топорок» и городище у с. Синьково имели мощные культурные наслоения, несомненно охватывающие большой период времени. К какому слою относятся те или иные вещи, с каким материалом они были найдены, — остается неизвестным.

Этих отдельных находок все же было далеко не достаточно для хронологической классификации «дьяковых» городищ, хотя бы и очень схематичной. Было лишь известно, что более древними являются городища с ке-

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930.

² П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА СССР, вып. 5, 1941.

³ Материалы опубликованы в изданиях Академии наук Белорусской ССР «Працы Археологічнай Камісіі», т. I, Минск, 1928; т. II, Минск, 1930.

⁴ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 45.

⁵ Сообщение М. В. Талицкого.

⁶ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

⁷ Ю. Г. Гендунов. Городище «Топорок». Тр. 2-го обл. Тверск. археологического съезда, 1906.

⁸ А. А. Спицын и Н. К. Рерих. Мелкие заметки. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, 1905, стр. 251—252.

⁹ В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX АС, т. II, табл. XXVII.

¹⁰ А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 139.

¹¹ Он же. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905.

¹² Он же. Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 134.

¹³ Он же. Поездка 1903 года. ИАК, вып. 6, 1904. — П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА СССР, вып. 5, 1941.

рамой, покрытой «сетчатым» узором. Это наблюдение было сделано еще В. И. Сизовым при раскопке городища у с. Дьякова под Москвой.

Некоторая попытка расклассифицировать материалы двух верхневолжских городищ — «Топорка» и Корчевского — была предпринята Ю. Г. Гендуне. Имеются старые фотографии находок с этих городищ, на которых керамика расположена по группам, происходящим из различных горизонтов культурного слоя. Однако в результате несовершенной методики раскопок эта попытка классификации не дала сколько-нибудь определенной картины. Вероятно, поэтому в своем печатном отчете Ю. Г. Гендуне о ней и не упоминает.

II

Во время археологических работ последних лет в области Верхнего Поволжья был исследован ряд древних городищ, причем некоторые из них подверглись значительным раскопкам. В результате этих работ был получен большой материал для хронологической классификации памятников, позволяющий не только определить время городищ и подразделить их на ряд хронологических групп, но и охарактеризовать основные черты культуры каждой такой группы.

Изучение относительной хронологии древних поселений ведется обычно путем исследования многослойных памятников. Это наиболее простой и в то же время точный способ хронологического расчленения. Он дает значительно более эффективный результат, чем, скажем, способ установления хронологии путем типологических построений. Трудности осуществления классификации этим способом заключаются в том, что далеко не всегда и не везде имеются действительно многослойные памятники. Чаще встречаются места древних поселений с двумя или тремя слоями или же с одним слоем, отложившимся сравнительно в непродолжительный период. В этих случаях относительную хронологию приходится устанавливать путем сравнения и сопоставления целого ряда двуслойных или трехслойных памятников.

В Верхнем Поволжье большинство древних городищ, исследованных в последние годы, имело либо единый культурный слой небольшой мощности, либо также единый культурный слой, достигающий мощности 0.50—0.75 м, который можно было подразделить на два горизонта, т. е. выделить материал более ранний и более поздний. Был встречен также один памятник, а именно — второе городище у дер. Скнятино, где имелось два культурных слоя, отделенных друг от друга, как это выяснилось позднее, значительным промежутком времени. На материале этих памятников решать задачи классификации и относительной хронологии было очень затруднительно. Они были решены в основном на материале одного памятника, совершенно исключительного по своей стратиграфии, — городища у с. Городище около Калязина. Там имеется культурный слой, местами достигающий трех метров толщины, в котором был встречен материал, относящийся ко всему тому времени, в течение которого существовали в Верхнем Поволжье укрепленные поселения, остатками которых являются древние городища. Из всех известных сейчас верхневолжских городищ — это единственное, на котором люди жили без перерыва в течение почти полутора тысяч лет.

Уже в 1935 г., когда на городище у с. Городище были произведены разведочные раскопки на площади 8 кв. м, вполне определилось исключительное значение этого памятника в деле хронологической классификации верхневолжских городищ. Раскопки 1935 г., несмотря на их мизерные масштабы, дали материал для такой классификации на основании изменения

характера керамики в различных горизонтах культурного слоя. Эти данные были сопоставлены с материалами, полученными при исследовании некоторых других городищ, и опубликованы нами в работе «К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.». ¹ В итоге изучения хронологии «дьяковых» городищ Верхнего Поволжья было разделение их материала на четыре основные хронологические группы, различающиеся друг от друга по характеру керамики и других находок.

Древнейшая группа, или стадия, относится собственно еще к эпохе бронзы. Типичная культура «дьяковых» городищ в это время еще не сложилась. Керамика имеет много особенностей, свойственных эпохе бронзы; не вышли из употребления каменные орудия; большое распространение имели разнообразные изделия из кости, наконец, в культурных наслоениях этой стадии не найдено никаких следов железа. Уточненную хронологию древнейших городищ установить пока невозможно, но несомненно, что они относятся к середине и в какой-то мере к первой половине I тысячелетия до н. э.

Две последующие стадии отражают два периода в развитии собственно «дьяковой» культуры — культуры городищ с «сетчатой» керамикой. Для первой из них характерна более тонкая, аккуратная «сетчатая» керамика, относительно плохо обожженная; для второй — керамика более грубая, но лучше обожженная, нередко уже теряющая орнаментацию. Время первой из этих стадий — III столетие до н. э. — начало н. э.; второй — начало н. э. — III столетие н. э.

Четвертая стадия, датируемая IV—VI столетиями н. э., относится к тому времени, когда укрепленные поселения в Верхнем Поволжье уже теряли свое былое значение, что было связано с существенными изменениями экономического и социального строя жизни древнего верхневолжского населения. Керамика городищ четвертой стадии уже не имеет сетчатой орнаментации; это неорнаментированная лепная посуда грубой работы.

Стадии развития культуры, представленные находками из городища у с. Городище, прослеживаются по материалам многих других исследованных нами городищ Верхнего Поволжья. На городище у с. Городок в районе ж.-д. ст. Волга культурный слой имел остатки первой и второй стадии; на городище у дер. Старые Городища, недалеко от устья Медведицы, были встречены остатки второй, третьей и отчасти четвертой стадий; городище в устье Грехова Ручья дало материал третьей и четвертой стадий и т. д. Данные по некоторым памятникам сведены нами в нижеследующую таблицу, которая показывает, что выводы, полученные на основании материалов городища у с. Городище, могли быть неоднократно проверены по материалам других пунктов.

Таблица 1

№№ п/п.	Наименование памятника	Стадии			
		I	II	III	IV
1	Городище у с. Городок около ст. Волга	+	+	—	—
2	Городище № 2 у дер. Скнятино . . .	+	—	?	+
3	Городище у с. Городище около Калязина	+	+	+	+
4	Городище у дер. Старые Городища	—	+	+	+
5	Городище № 1 у дер. Скнятино	—	?	+	+
6	Городище у дер. Селищи	—	—	+	+
7	Городище в устье Грехова Ручья .	—	—	+	+
8	Городище у дер. Березняки	—	—	—	+
9	Селище Красный Холм.	—	—	—	—

¹ МИА СССР, вып. 5, 1941, стр. 19—22, 43—45, 101—104.

В 1937 г. на городище у с. Городище было раскопано дополнительно еще 40 кв. м площади культурного слоя, что дало очень большой материал, позволяющий значительно полнее обрисовать различные этапы в развитии материальной культуры древних обитателей этого пункта. Основная масса полученного во время раскопок материала относилась к нижнему слою. Культура древнейшей стадии верхневолжских городищ на основании этого материала получает относительно детальную характеристику.

Городище у с. Городище находится на левом берегу Волги в 6 км ниже Калязина. На протяжении 5—6 км коренной берег Волги здесь вплотную подходит к современному руслу реки, отделяясь от него полосой сырого бичевника шириною не более 50—100 м. Высота коренного берега варьирует в пределах от 20 до 30 м. На всем протяжении он изрезан глубокими

Рис. 1. Городище у с. Городище около гор. Калязина. Общий вид.

оврагами, имеющими обычно очень небольшое протяжение. В настоящее время берег здесь интенсивно подмывается во время весенних паводков.

Городище расположено на мысу коренного берега (рис. 1), образованном двумя глубокими оврагами, между вершинами которых тянутся два невысоких вала и два рва. Площадка городища имеет овально-прямоугольные очертания. Ее длина 60 м; ширина в средней части 30 м; вся площадь городища равна 1 375 кв. м, ¹ не считая участков, занятых валами и рвами. По своим размерам и форме городище не отличается от многих других аналогичных памятников Верхнего Поволжья.

Площадка городища не вполне горизонтальна; она имеет некоторый наклон по направлению к стрелке. Раскопки показали, что стрелка городища в древности была заметно ниже остальной площади, но постепенно это понижение было засыпано землей и более или менее сравнено с остальной площадью, что было необходимо, вероятно, в фортификационном отношении. На площади городища в его центральных частях культурный слой

¹ План городища опубликован автором в указанном выше сочинении, стр. 20.

в настоящее время имеет толщину до 1 м; на стрелке же его мощность составляет до 3 м, причем слой здесь имеет особую структуру, а именно — он пронизан множеством тонких прослоек чистой глины, песку разной расцветки, золы, угля, органического перегноя и т. д. Слой здесь заключает в себе огромное число костей животных, обломков глиняной посуды, обломков изделий из кости, металла, камня и глины. Встречаются изредка и цельные вещи. Тонкая слоистость и различный характер находок, происходящих из различных горизонтов культурного слоя, указывают на то, что место это было сравнено не сразу, а подсыпалось постепенно и, главным образом, всякого рода бытовыми отбросами.

Следы такого постепенного выравнивания площади были констатированы не только здесь, но и на нескольких других верхневолжских городищах, например, на «Топорке», на Пекуновском городище около устья р. Дубны и на некоторых других.

Благодаря длительному и непрерывному обитанию человека городище у с. Городище могло бы явиться интереснейшим памятником Верхнего Поволжья I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. К сожалению, этот памятник очень сильно испорчен кладбищем, занимавшим его площадь в XVI—XVIII столетиях. Тесно расположенными могилами культурный слой уничтожен на всем городище, за исключением мелких случайно уцелевших участков, обычно не превышающих 0.25—0.50 кв. м. На стрелке городища, где культурный слой имел значительно большую мощность, он был потревожен могилами лишь на треть или половину своей толщины. Размеры участка с мощным культурным слоем не превышают 50—60 кв. м. Он был почти целиком исследован при раскопках 1935 и 1937 гг.

Вещественный материал городища у с. Городище, как уже указано выше, дает все четыре основные хронологические группы. В пределах раскопа материал первой группы, или стадии, залегал на глубине 2.50—3 м; второй — на глубине 2—2.50 м; третьей — на глубине 1.30—2 м; материал четвертой стадии лежал в слое, испорченном могилами, на глубине 0—1.30 м. Впрочем, каких-либо четких границ естественно не намечалось. Материал изменялся постепенно, рисуя несомненную преемственность в развитии культуры и отражая непрерывность обитания на этом месте.

В 1937 г. были произведены раскопки другого древнейшего верхневолжского городища, находящегося у дер. Скнятино в устье р. Нерли Волжской. Здесь имеется два городища—Скнятинское первое, известное уже давно,¹ и Скнятинское второе, расположенное на левом берегу р. Нерли в 0.5 км от Волги, впервые открытое во время работ 1937 г. Были обнаружены собственно лишь незначительные остатки городища, представляющие собой всхолмление размером 6 × 12 м, высотой около 1.5 м. Лишь в результате раскопок выяснилось, что всхолмление является остатком городища, почти полностью смытого рекой. Очевидно, когда-то Нерль в этом месте сильно подмывала свою, сравнительно невысокую надпойменную террасу, на мысу которой располагалось городище.

Полностью уничтожив городище, р. Нерль оставила нам лишь незначительный его участок, а именно — самый край городища со следами древнего рва. На этом месте в более поздние периоды, а именно — в эпоху третьей и четвертой стадий был насыпан вал с деревянными конструкциями посредине. Древний культурный слой и следы древнего рва были открыты лишь после раскопок остатков вала. Надо сказать, что *in situ* древний культурный слой здесь не был встречен, так как площадка городища не сохранилась. Архаичные культурные остатки были найдены в темном гумусном слое, лежащем по склону рва. Очевидно, мы имеем

¹ В. А. Плетнев. Остатки старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 289

здесь дело со слоем, сползшим сверху в тот период, когда этот пункт временно был не обитаем. Ныне остатки второго Скнятинского городища полностью раскопаны.

Третье древнейшее верхневолжское городище, исследованное в 1936 г., находится на правом берегу Волги, в нескольких километрах выше ж.-д. станции Волга, около с. Городок. Укрепленное поселение было расположено на мысу коренного берега, высотой до 30 м, образовавшемся слева от устья глубокого и широкого оврага, по дну которого течет ручей Городецкий. Один склон городища обращен к Волге, современное русло которой очень близко подходит к подножью коренного берега, другой является склоном оврага. Стрелка городища обращена вниз по течению Волги. Первоначальные размеры и форма городища сейчас не могут быть установлены, так как большая его часть смыта Волгой, энергично разрушающей здесь свой коренной берег во время весенних половодий. В настоящее время место городища представляет собой очень узкий мыс, длиной до 80 м, шириной же от 4 до 12 м. Ближе к стрелке, там, где современная ширина площадки не превышает 2—4 м, культурный слой не сохранился.

Городище пострадало также и от деятельности человека. На месте его защитных сооружений имеется огромная старая яма, вырытая, кажется, лет сто тому назад для добычи глины при постройке церкви в с. Городок. Благодаря этой яме защитные сооружения городища сохранились лишь на узкой полосе, вдоль склона, обращенного к оврагу. Здесь они были прорезаны траншеей, позволившей восстановить их профиль, несмотря на то, что в этом месте в XVII столетии находилась постройка типа погреба, погибшая от пожара. В ее пределах были найдены обгорелое зерно и железный топор характерной для XVII столетия формы.

Оказалось, что городище не имело валов, а было укреплено двумя неглубокими рвами и деревянным тыном, от которого остались следы канавки.¹ Укрепление это нельзя назвать серьезным. Оно заметно уступает тем валам и рвам, которые встречаются на городищах более позднего времени. В настоящее время трудно делать какие-либо выводы, однако очень вероятно, что подобные слабые защитные сооружения будут характерным признаком и других древнейших городищ, относящихся к той эпохе, когда люди впервые столкнулись с необходимостью защищать свои жилища от военных набегов и когда еще не была выработана система искусственных укреплений, распространенная в более позднее время.

III

При раскопках 1935 и 1937 гг. на городище у с. Городище не было открыто никаких определенных остатков жилищ, принадлежащих его древнейшим обитателям. По площади раскопов было, однако, встречено большое количество (свыше 80) часто расположенных ям от вертикально стоявших столбов с заостренными на конус концами. Диаметр ям варьировал в пределах от 0.05—0.10 до 0.25—0.30 м, глубина в материке составляла от 0.10 до 0.50 м. Какой-либо правильности в расположении ям уловить не удалось, что впрочем, вероятно, объясняется небольшими размерами раскопанной площади. Была открыта также яма неправильно-трапециевидной формы, длиной 1.20 м, шириной 0.70 м и глубиной в материке 0.55 м, заполненная культурным слоем, в котором оказались отдельные обломки керамики первой стадии.

На городище у с. Городок, где была вскрыта площадь свыше 130 кв. м, на площадке городища также было встречено несколько ям от вертикальных

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 104 сл.

столбов, расположенных не часто, но также не образующих какой-либо правильной фигуры. Кроме ям, здесь были обнаружены остатки любопытного наземного сооружения, от которого сохранилось кольцо из небольших валунов, в линии которого одна против другой имелись две ямки от вертикальных столбов (рис. 2). Диаметр каменного кольца 0.90 м. На первый взгляд сооружение напоминает очаг, но никаких следов огня ни внутри каменного кольца, ни вне его обнаружено не было.

На городищах и селищах Верхнего Поволжья, относящихся к середине I тысячелетия н. э., нами неоднократно были находимы остатки наземных, рубленых из дерева жилищ и других построек. На городище у дер. Березняки, помимо ряда рубленых построек, были встречены два сооружения, характер которых не удалось в полной мере разгадать. И то и другое явля-

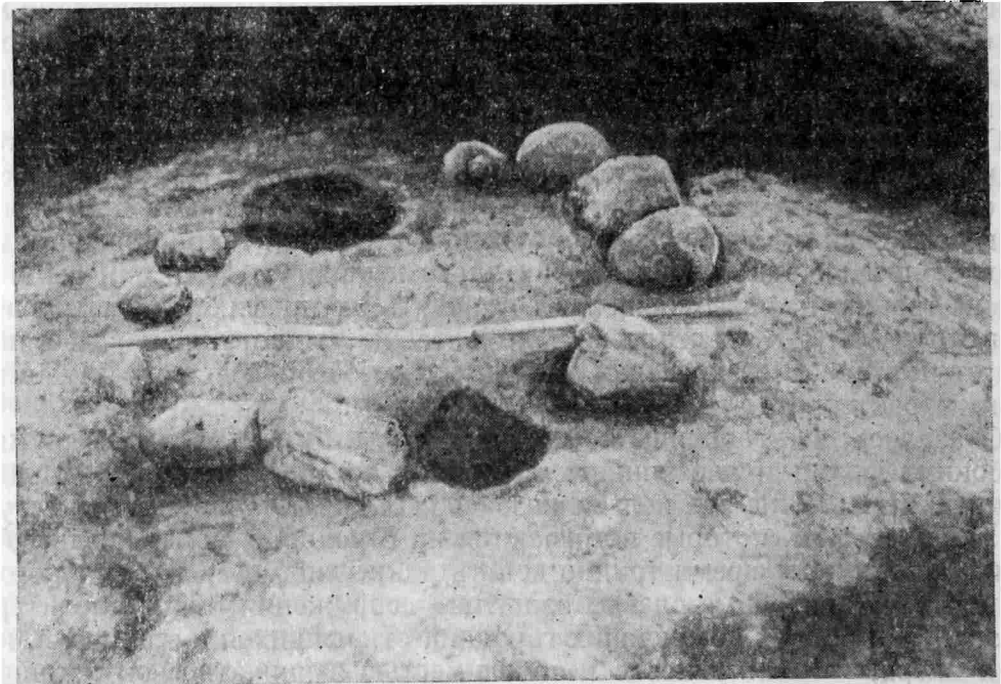

Рис. 2. Городище у с. Городище. Каменная выкладка.

лось хозяйственным помещением, одно — кузницей, второе — постройкой для женских работ. От этих сооружений остались многочисленные ямы от вертикально стоявших столбов. Ямы располагались по краям построек, образуя в плане контур их стен. Обе постройки имели овально-прямоугольные очертания; это наводит на мысль, что их стены были не из деревянных бревен или плах, а из плетня, вероятно, засыпанного снаружи землей.¹

На верхневолжских городищах более раннего времени — конца I тысячелетия до н. э. и первых столетий н. э. — ни разу не были найдены остатки жилищ, но постоянно встречались ямы от столбов. Такие ямы были найдены Ю. Г. Гендуне на Топорке,² нами они встречены на городище в устье Грехова Ручья,³ на городище у дер. Старые Городища и в некоторых других пунктах.

Является обычным, что жилища старого типа в более позднее время переживают в форме временных или хозяйственных построек. Этнография

¹ П. Н. Третьяков, там же, стр. 57—58.

² Ю. Г. Гендуне, ук. соч.

³ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 35.

и археология дают массу примеров этого явления, на которых нет необходимости останавливаться. Представляется очень вероятным, что хозяйственные постройки, открытые на городище у дер. Березняки, речь о которых шла выше, отвечают по конструкции и форме жилищам предшествующих столетий — со стенами из плетня, засыпанного снаружи землей. Ямы от столбов, встречаемые на древнейших городищах Верхней Волги, очень вероятно, являются остатками именно таких столбовых жилищ.

Ввиду того, что материалы для суждения о характере жилищ древнейших городищ Верхнего Поволжья очень недостаточны, мы не будем делать попыток глубже осветить этот вопрос. Следует лишь упомянуть, что в эту же эпоху на городищах Центральной Европы, принадлежащих к кругу памятников Лаузитской культуры, очень распространены были постройки, от которых сохраняются ямы от вертикальных столбов, образующие в плане фигуры прямоугольных или овально-прямоугольных очертаний, внутри которых обычно располагаются остатки очага.

IV

Обратимся теперь к вещественному материалу, характеризующему древнейшую стадию верхневолжских городищ, основываясь главным образом на находках, происходящих с городища у с. Городище около Калязина. Привлечение материала других городищ будет оговорено в каждом отдельном случае.

На всех трех городищах, имеющих наслоения этой стадии, встречены орудия из кремня и бесспорные следы их изготовления. Из нижнего слоя городища у с. Городище происходят 39 кремневых изделий, преимущественно скребков. Встречено также большое число отщепов и осколков кремня. В 1937 г. в средней части раскопа, в небольшой ямке, выкопанной в материке, было найдено 7 скребков, изготовленных из отщепов кремня, полученных от одного желвака. На городище у с. Городок встречено два кремневых скребка и несколько отщепов. На втором городище у дер. Скнятино найдены один скребок и опять-таки целый ряд отщепов.

Скребки древнейших верхневолжских городищ очень характерны (рис. 3). Большинство из них изготовлено из небольших, но очень массивных отщепов. Они имеют полукруглое лезвие, полученное ретушью, и широкий, толстый и часто прямой противоположный край. Размеры этих скребков в поперечнике 2—3—4 см. Форма противоположного лезвию края орудий говорит о том, что они вставлялись в рукоятку, вероятно, поперечную, из кости или дерева (рис. 3, 1—8).

В меньшем числе найдены скребки, полукруглое лезвие которых изготовлено на конце удлиненного, но также массивного отщепа. Некоторые из этих орудий являются двойными: они имеют ретушь на двух концах. Длина этих скребков 4—5 см (рис. 3, 9—12).

Наконец, на городище у с. Городище найдено три больших скребка (поперечник 5,5, 6 и 8 см), по форме близких обычным полукруглым, но изготовленных на относительно тонких отщепах (рис. 3, 13—15). Встречены еще массивное кремневое острие (рис. 3, 16) и небольшое неопределенное орудие с грубой двусторонней отеской (рис. 3, 17), а также два отбойника с характерными следами сработанности.

Изделия из бронзы были найдены на городище у с. Городища и на втором городище у дер. Скнятино. И в том и в другом случаях это были не орудия, а предметы украшения. На первом городище встречено маленькое неспаянное колечко в полтора оборота из полукруглой в сечении проволоки. Его качественный анализ показал, что оно сделано из бронзы. На этом же городище был найден небольшой глиняный льячек, не с плоским

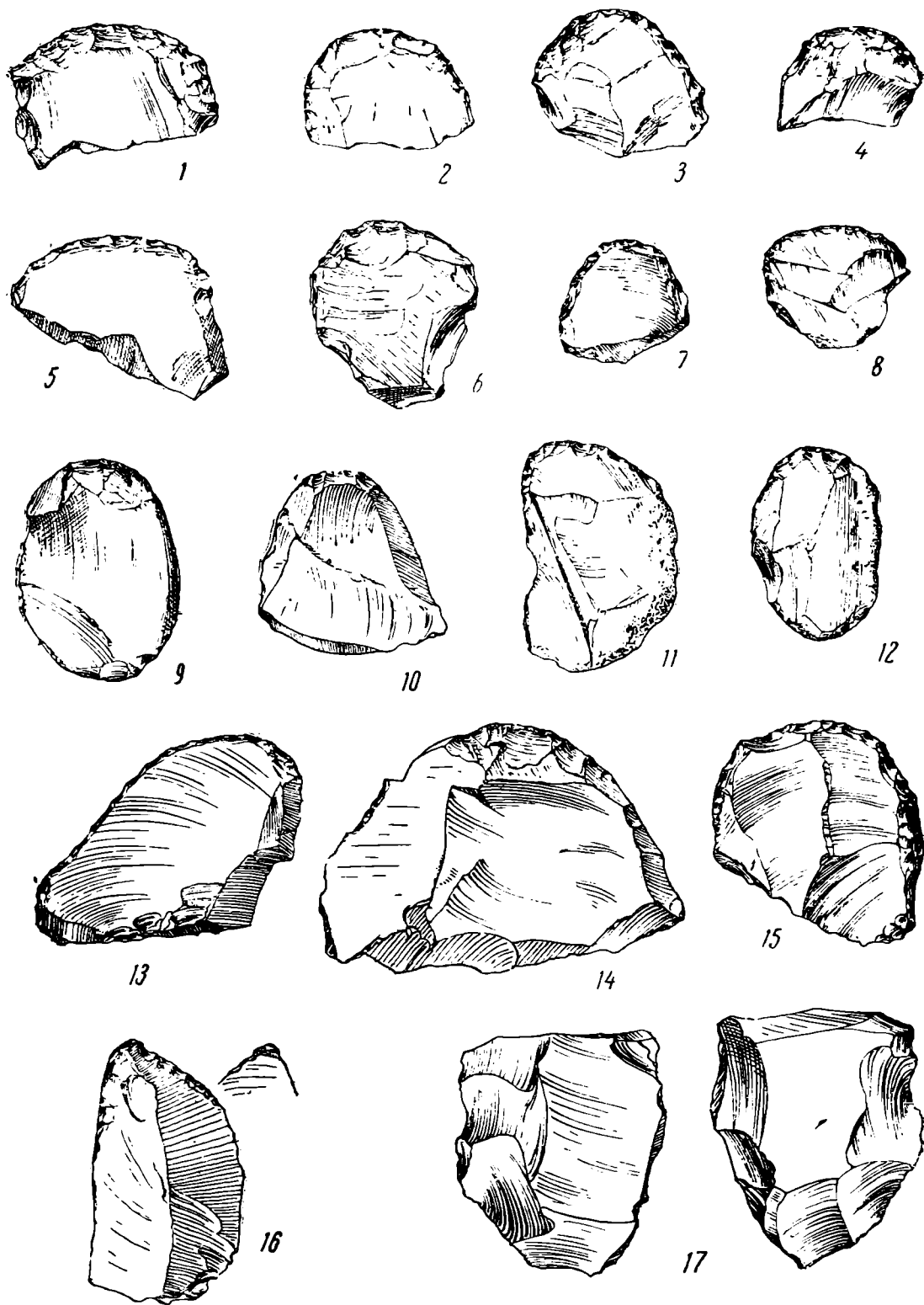

Рис. 3. Городище у с. Городище. Кремневые орудия из нижнего слоя.

дном, что свойственно льячкам более позднего времени, а с округлым, в форме ложки. Подобный же льячек происходит со Старшего Каширского городища.¹

На втором городище у дер. Скнятино найдены две бронзовые булавки со спиральными головками (рис. 4, 1—2). Их длина 9 и 10.3 см. Подобные вещи нам известны из Прибалтики,² где они датируются V периодом Монтелиуса.

Ни на одном из трех древних городищ не найдено никаких следов железа. Первоначально мы рассматривали это явление в качестве случайного, полагая, что железо все же было знакомо обитателям древнейших городищ.³ После дополнительных раскопок на городище у с. Городище, когда был получен большой и разнообразный материал, отсутствие железа следует признать явлением отнюдь не случайным. Во всяком случае, если железо и было знакомо обитателям древнейших городищ Верхнего Поволжья, то его было очень мало, и оно на месте, видимо, не вырабатывалось.

На городище у с. Городище встречено огромное количество разнообразных костяных изделий. Очевидно, кость как материал для изготовления орудий, играла очень важную роль. О широком распространении костяных и роговых изделий говорят многочисленные кости со следами зарубок, надрезов, обрезки костей и рогов, заготовки изделий и костяная стружка. Об этом же говорит и состав костяных орудий. Если на городищах более позднего времени встречаются обычно лишь костяные рукоятки, разнообразные острия, наконечники стрел, иглы для вязания сетей и так наз. тупики, служившие для обработки кожи, то здесь, помимо перечисленного, мы имеем разнообразные гарпуны, острогу, ножи, кинжалы или наконечники копий, долотовидные орудия и многие другие виды изделий.

Из кости изготовлялись различные орудия охоты и рыбной ловли. В нижнем слое городища у с. Городище найдены три типа наконечников стрел, наконечник дротика, гарпуны и составная костяная острога. Все эти орудия отличаются прекрасной выделкой. Между прочим, хорошая выделка костяных изделий может рассматриваться, видимо, как одна из черт, характеризующих культуру древнейших городищ. В более позднее время, когда костяные орудия теряли свое значение, они изготовлялись часто очень небрежно.

Особенно характерной формой наконечников стрел древнейших городищ являются наконечники, изображенные на рис. 5, 1—2. Это крупные, ромбическо-шестигранные, в разрезе удлиненные, ланцетовидные наконечники, перо которых несколько расширяется около острия. Насад их уплощенный. При раскопках были найдены два цельных экземпляра таких наконечников и несколько обломков. Длина наконечников 13 и 12 см. Максимальная ширина пера 1.3 и 1.6 см.

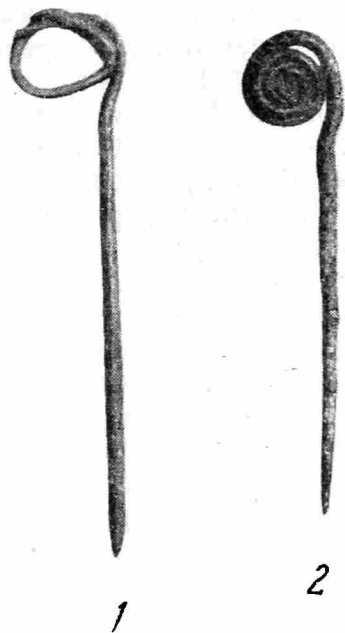

Рис. 4. Второе городище у с. Скнятино. Изделия из бронзы.

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 14, рис. IV, 14.

² E. Kivikoski. Uusia pronssikanden löytöjä Suomesta. Suomen Museo, XLIII, 1936, стр. 58—60.

³ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 21—22.

В пяти экземплярах найдены в нижнем слое наконечники с одним зубцом, иногда встречающиеся и в более поздних горизонтах культурного слоя. Это уплощенные, несколько асимметричные наконечники, один край которых, более тонкий, образует у насада острый зубец, подобный зубцам у гарпунов. Размеры этих наконечников небольшие. Цельные экземпляры их имеют длину 6.8 и 10 см. Ширина пера около 1.5 см (рис. 5, 8).

Наконец, всего лишь одним дефектным экземпляром представлен наконечник, по форме пера, повидимому, близкий наконечникам первого типа, но у насада имеющий два небольших зубца (рис. 5, 6).

Помимо цельных или дефектных наконечников, найдено также несколько заготовок, показывающих, что наконечники изготовлялись из стенок длинных костей крупных животных, таких, как лось, олень и лошадь (рис. 5, 7).

Единственный наконечник дротика выделяется своей массивностью. Он имеет короткое треугольное перо, ромбическое в разрезе, длиной 4.2 см, шириной 1.6 см и толщиной 1 см, и овальный в разрезе насад, шириной 1 см, толщиной 0.7 см, к сожалению, обломанный. Мы причислили это орудие к наконечникам дротиков потому, что, судя по толщине его насада, оно было прикреплено к древку, толщиной несколько более 1 см (рис. 5, 5).

Костяные гарпуны встречены в числе двух экземпляров. По форме они несколько напоминают наконечники стрел второго типа, но отличаются от последних большей массивностью и длинным насадом, снабженным характерным для гарпунов выступом, служащим для упора о край отверстия древка, а также для укрепления веревки, соединяющей гарпун с древком (рис. 5, 4). Длина цельного гарпуна 12 см; ширина пера 1.7 см. Повидимому, эти гарпуны служили для рыболовства, для добычи крупной рыбы. Последняя же была не редка в Волге в эпоху древнейших городищ. Среди остатков ихтиофауны, происходящих из раскопок на городище у с. Городище, имеются рыбы позвонки до трех и более сантиметров в поперечнике, принадлежащие, видимо, щуке длиной до 2 м и более.

Одной из наиболее интересных находок, сделанных на городище, является костяная острога, составленная из трех острий (рис. 5, 3). Они были найдены все вместе в положении, сохраняющем форму остроги. Костяные острия были вставлены в деревянную основу. Два острия, центральное и одно из боковых, совершенно целы. Второе боковое острие несколько попорчено. Все они вырезаны из спинок длинных костей крупного животного, судя по толщине — лося. Острия представляют собой массивные стержни, длиной 18.5 см, шириной 1.5 см и толщиной 1 см. В сечении они овальные, но так как они вырезаны из стенок полых костей, то одна сторона их имеет вогнутость. Верхний конец стержней заострен на конус, нижний уплощен. По бокам стержней расположены небольшие зубцы, причем центральное острие остроги имеет зубцы с обеих сторон, с одной — два, с другой — три; боковые острия имеют по три зубца лишь с одной стороны, обращенной внутрь. Около насада острия имеют маленькие опорные выступы. В своей деревянной основе острия были укреплены таким образом, что расстояние между ними (не считая зубцов) составляло около 3 см.

Нет никаких сомнений, что, помимо охоты на рыбу с помощью гарпунов и острог, у населения древнейших городищ был широко распространен лов рыбы сетями, появившимися в лесной полосе Восточной Европы еще с эпохи неолита. Косвенным указанием на существование сетей являются большие костяные острия (длина до 10 см), которые вряд ли могли быть использованы для какой-либо работы, кроме плетения и ремонта сетей.

Из больших трубчатых костей, расколотых вдоль, и из ребер крупных животных изготовлялись «тупики» — орудия для обработки кожи с мас-

сивным тупым лезвием. От них резко отличаются костяные ножи, сделанные из стенок больших трубчатых костей или из лопаток крупных живот-

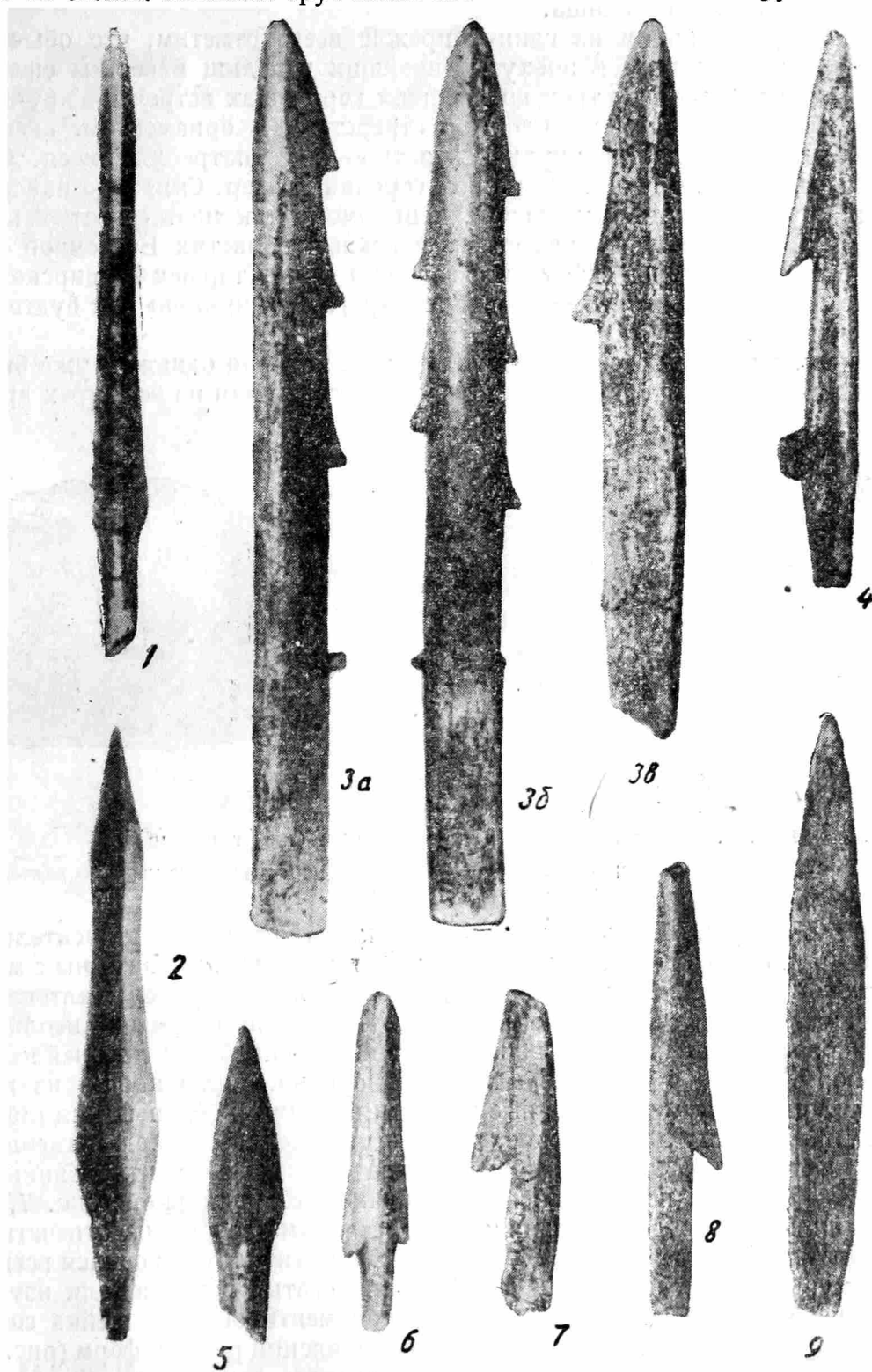

Рис. 5. Городище у с. Городище. Костяные орудия из нижнего слоя.

ных. Они имеют острое лезвие, обычно несколько волнистое, что, вероятно, способствовало процессу резания. Трудно сказать — для чего служили такие ножи, но то, что это именно ножи, не может быть никаких сомнений. Большинство из них найдено в обломках.

Не встречено в нижнем слое городища у с. Городище рукояток ножей «дьякова типа», обычных для более позднего времени и найденных в верхних слоях этого же городища.

Переходя к изделиям из глины, прежде всего отметим, что обычные «грузики дьякова типа» в эпоху древнейших городищ известны еще не были. Вместо них на всех трех древнейших городищах встречены крупные (диаметр 5—6 см) глиняные блоки с отверстием и орнаментом, внешне напоминающие прясла, но трудно сказать — как употреблявшиеся. Они изображены на рис. 6, 1—2. На втором городище у дер. Скнятино найдены обломки крупных глиняных блоков, повидимому так наз. «рогатых кирпичей» (рис. 6, 3), хорошо известных в южных областях Восточной Европы, а среди материалов «дьяковых» городищ — на Старшем Каширском.¹ На более поздних «дьяковых» городищах «рогатые кирпичи» как будто бы не встречаются.

Наконец, остановимся на глиняной посуде, которая однажды уже была нами охарактеризована.² Глиняная посуда, встреченная на всех трех древ-

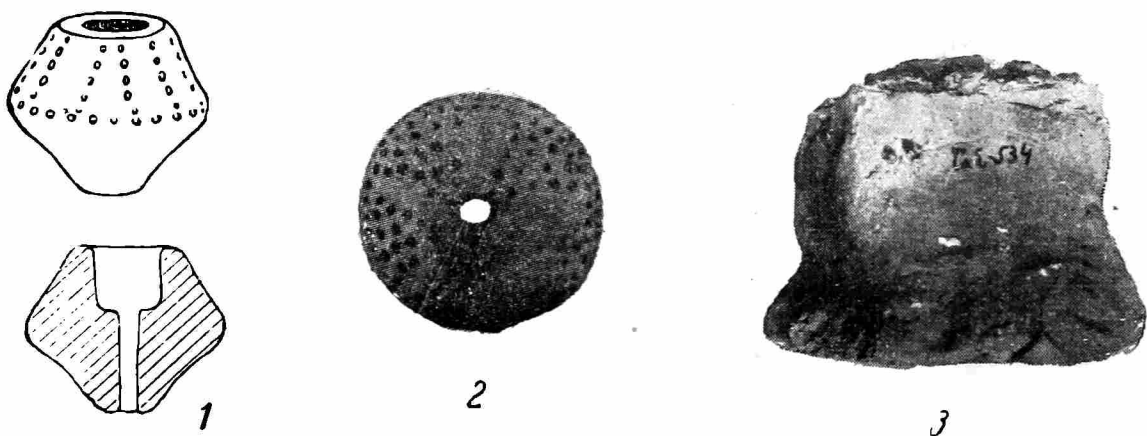

Рис. 6. Предметы древнейших верхневолжских городищ.

1 — «Прясло» из городища у с. Городище; 2, 3 — «Прясло» и обломок «рогатого кирпича» из второго городища у дер. Скнятино.

нейших городищах, вполне идентична. Она представлена относительно небольшими и средней величины сосудами, изготовленными из глины с мелкой песчаной примесью. Цвет керамики в большинстве случаев желтовато-бурый, аналогичный обычной окраске посуды эпохи бронзы и неолита; обжиг неравномерный, также напоминающий обжиг более древней керамики. Форма сосудов более или менее однородна. Большинство из них имело прямую шейку, расширенные плечики и прямые, сужающиеся книзу стенки. Дно сосудов было плоское, реже — уплощенное, а в единственных случаях — округлое. Стенки сосудов иногда были неорнаментированными (рис. 7, 3—4); чаще покрывались сглаживающей штриховкой (рис. 7, 2, 11); большинство сосудов было покрыто «сетчатым» узором из отпечатков тонких плетений и тканей (рис. 7, 1, 5—8). Орнамент этот наносился всегда очень аккуратно и представляет собой очень богатый материал для изучения древнего ткачества. Особым образом орнаментировалась шейка сосудов. Мы встречаем здесь: узоры из ямочных вдавлений разных форм (рис. 7, 1—4); узоры, нанесенные с помощью гребенчатого чекана (рис. 7, 5—7), иногда отдаленно напоминающие орнамент фатьяновской посуды, чаще же более простые, и узоры, нанесенные шнуром, чаще имеющие вид ком-

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 11.

² П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 102—103.

бинации горизонтальных оттисков (рис. 7, 8—11). Все эти отдельные элементы орнамента нередко выступают в комбинации друг с другом, прида-

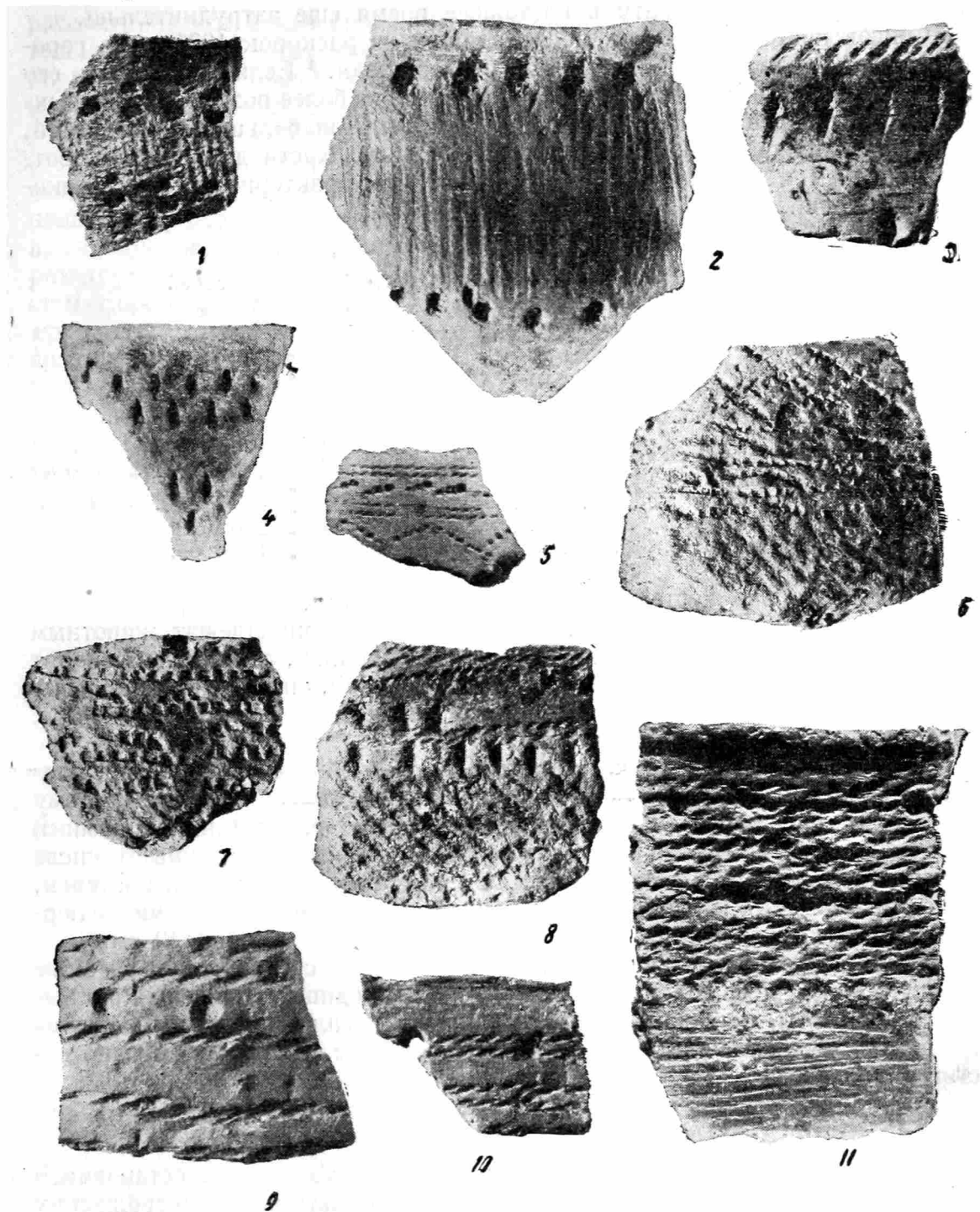

Рис. 7. Городище у с. Городище. Фрагменты керамики из нижнего слоя.

вая украшенной ими посуде очень нарядный вид (рис. 7, 5, 8), чего нельзя сказать об обычной более поздней посуде «дьяковых» городищ.

По общему облику, по фактуре и орнаментации керамика древнейших городищ полностью примыкает к посуде ныне уже многочисленных стоянок Верхнего Поволжья, таких, как «Борочек» на Шексне,¹ стоянка у дер.

¹ Археологические работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 г., т. I. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 129—131, рис. 116, 119—121.

Ворокса, ¹ стоянка в устье р. Ить и др. Все эти стоянки, на которых нередко встречаются и каменные орудия, принадлежат к концу эпохи бронзы. Точнее определить их дату в настоящее время еще затруднительно.

Список костей животных, происходящих из раскопок 1935 г. на городище у с. Городище, нами уже был опубликован. ² Если сопоставить его с данными о костных остатках, происходящими из более поздних «дьяковых» городищ, то обращает на себя внимание относительно большое число костей, принадлежащих разнообразным диким животным. Кости домашних животных, впрочем, и здесь численно преобладают, что характерно для всех «дьяковых» городищ.

Из раскопок 1937 г. происходят кости:

1) Лошади . . .	148	от 4	особей
2) Быка (коровы)	109	3	"
3) Овцы (козы)	20	2	"
4) Свиньи	76	4	"
5) Лося	7	1	особи
6) Медведя	5	1	"
7) Бобра	35	3	особей
8) Зайца	3	1	особи
9) Северного оленя	5	1	"
10) Волка	1	1	"
11) Лисицы	2	1	"
12) Куницы .	4	2	особей
13) Выдры	2	1	особи,

а также несколько костей водяных и лесных птиц.

Следует отметить, что кости лошади и быка принадлежат животным сравнительно небольшого размера. Остатки свиньи, наоборот, говорят о ее крупных размерах. По мнению В. И. Громовой, определявшей костные материалы, домашняя свинья была очень близка дикой, что, может быть, говорит о ее недавнем приручении.

Значительно беднее среди материалов древнейших городищ представлены данные о земледелии. В настоящее время для суждения по этому вопросу мы располагаем лишь несколькими зернотерками (нижние камни), происходящими из городища у с. Городище. Эти вещи, найденные в числе четырех, однако, очень показательны. От подобных же ручных зернотерок, находимых в более поздних городищах, они отличаются крайне миниатюрными размерами. Средняя длина зернотерок 20 см, ширина 12 см.

Кроме зернотерок, в нижнем слое городища у с. Городище, а также на двух других древнейших верхневолжских городищах, найдены крупные каменные песты, изготовленные из удлиненных валунчиков, имеющие на конце или обоих концах следы длительной работы. Длина их нередко достигает 10—15 см.

Коротко подводя итоги рассмотренного выше материала, остановимся лишь на одном вопросе — о происхождении культуры верхневолжских «дьяковых» городищ.

Если первоначально казалось, что эта культура не имеет ничего общего с культурой местного населения более раннего времени, то за последние 10—15 лет скопился значительный материал, как будто бы намечающий генетические связи культуры «дьяковых» городищ с местной культурой позднего неолита и эпохи бронзы. Во время раскопок древних поселений неоднократно было установлено, что в культурных слоях позднего неолита

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 18.

² П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 49.

и эпохи бронзы, наряду с ямочно-гребенчатой керамикой позднего стиля, очень часто включается «сетчатая» керамика и что ее количество может рассматриваться в качестве одного из признаков, определяющих относительный возраст поселения; иначе говоря, чем больше процент сетчатой керамики среди общей массы керамического материала, тем поселение можно считать более поздним.¹

Вместе с «сетчатой» керамикой, при исследовании этих памятников постоянно встречались указания на появление новых элементов в хозяйстве — скотоводства и земледелия. Словом, как будто бы удалось установить, что основные элементы «дьяковой» культуры возникли не сразу, а, зародившись очень рано, постепенно складывались и развивались в недрах другой, более ранней культуры древнего населения центральных областей Европейской части СССР.² Несмотря на эти наблюдения, культура «дьяковых» городищ в целом все же настолько резко отличалась от предшествующей, что вопрос о ее происхождении не мог считаться окончательно разрешенным. Изучение неизвестных до сего времени древнейших городищ Верхнего Поволжья значительно продвигает решение этого вопроса, так как теперь устанавливается уже вполне непосредственная генетическая преемственность верхневолжской «дьяковой» культуры и местной культуры эпохи бронзы.

P. TRETIAKOV

LES PLUS ANCIENS GORODISTCHÉ DE LA RÉGION DE LA HAUTE VOLGA

R é s u m é

Dans la région de la Haute Volga et sur les territoires voisins on connaît comme monuments de la culture des derniers siècles avant notre ère et des premiers siècles de notre ère des restes de petites localités situées sur des éminences qu'entouraient des remparts et des fossés. Ces monuments sont désignés dans la littérature archéologique sous le nom de gorodistché du type de Djakovo, appellation qui leur vient du village de Djakovo (aux environs de Moscou) près duquel se trouve le premier gorodistché étudié. Jusqu'à ces dernières années, les plus anciens d'entre eux étaient ceux rapportés au milieu du premier millénaire avant notre ère.

En 1935—1937, on a découvert dans la région de la Haute Volga trois gorodistché appartenant à une époque plus reculée: la première moitié du premier millénaire avant notre ère. Le premier gorodistché est situé sur la rive gauche de la Volga près du village de Gorodistché, non loin de la ville de Kaljazin (fig. 1), le deuxième sur la rive droite du fleuve près du village de Gorodok en amont de la ville de Rybinsk et le troisième sur le cours inférieur de la Nerlja près du village de Sknjatino.

On a exhumé en ces endroits des restes de constructions bâties sur le sol du type à piliers, apparemment proches de celles répandues à cette époque dans l'Europe centrale.

On n'a rencontré ici aucun objet en fer ni traces du travail du fer, alors qu'ils existent dans les gorodistché plus récents. On a trouvé des objets en bronze (fig. 4), des instruments en silex en forme de grattoirs (fig. 3) et un

¹ Б. С. Жуков, ук. соч., стр. 70.

² П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 147—151.

grand nombre d'objets divers en os et en corne (fig. 5): pointes de flèches et de lances, couteaux, harpons, etc., entre autres un très intéressant harpon fait de trois fûts osseux appointés et dentelés.

A signaler les os d'animaux, parmi lesquels prédominent les animaux domestiques: cheval, porc, vache, mouton. Des meules de petites dimensions attestent l'existence de l'agriculture.

Particulièrement intéressante est la vaisselle d'argile (fig. 7), représentée par des vases à fond plat et à fond arrondi de dimensions moyennes, décorés d'un ornement varié, qui rappellent de près la céramique de l'époque de bronze de la Haute Volga, tout en offrant beaucoup de traits propres à la poterie des gorodistché plus récents de cette région. Cela témoigne d'un lien génétique entre la culture des gorodistché du type de Djakovo et la culture locale de l'époque de bronze, lien maintes fois présumé d'après des données indirectes, mais qui n'avait pas été confirmé jusqu'ici par des faits absolument indiscutables.

Е. А. РЫДЗЕВСКАЯ

О НАЗВАНИИ ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ

I

Вопрос о названии Березани был затронут впервые с точки зрения нашего нового языковедения Н. Я. Марром около пятнадцати лет тому назад. Он указал на связь этого наименования с племенным названием иберов — в том освещении, в котором Н. Я. Марр вообще рассматривал тогда племенные обозначения.¹ Мы знаем, что в своих работах Н. Я. Марр неоднократно подчеркивал важность исследования топонимических данных, а также и «неразлучных с ними племенных названий», как материала, «в подлинно первичных частях превосходящего древностью самые древние в мире письменности», а по значению не имеющего «ничего себе равного ни в каких других памятниках ни речевой, ни материальной культуры».² В отношении Березани, как и всякого другого местного названия, Н. Я. Марр указывает, таким образом, направление для соответственных исследований; их можно, конечно, развернуть гораздо шире и углубить больше, чем это сделано в настоящей небольшой статье, учитывая при этом дальнейшую эволюцию взглядов Н. Я. Марра. Объяснение рассматриваемого нами названия как заимствованного, переводного и сравнительно очень позднего, предложенное западно-европейскими учеными,³ нашло отклик и в нашей научной литературе: В. А. Брим⁴ в своей работе принимает его как вероятное, ссылаясь безо всякой критики на Т. J. Arne и обходя молчаливым мнением Н. Я. Марра относительно этого названия.⁵

Прежде всего надо сказать, что по поводу названия Vjörkö, которое носит и поныне тот остров на Меларне, где в эпоху викингов находился известный торговый центр, Birca Адама Бременского, давно уже высказано предположение, что это не «Березовый остров» и что это название объясняется иначе, совершенно независимо от березы.⁶ Далее, вопрос о местных названиях, как о переводных и заимствованных, требует вообще весьма

¹ Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 43.

² Он же. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, 1930, стр. 18.

³ См.: Т. J. Arne. *Det stora Svitjod*. Стокгольм, 1917, стр. 40: «Березань... может быть, просто, славянский перевод северного Vjörkö (björk— береза), которое мы встречаем на Меларне, в Ботническом и Финском заливах в качестве названия важных торговых пунктов эпохи викингов». Норвежский ученый А. Bugge, судя по заглавию его статьи «Vjörkö i Sydrysland», вышедшей в 1918 г., говорит о том же; шведского журнала «*Namn och bygd*», специально посвященного вопросам топонимики, в котором и напечатана эта статья, не имеется в научных библиотеках Ленинграда.

В зарубежной науке есть еще попытка объяснения названия Березани уже с совершенно иной точки зрения, а именно в связи с древне-иранским *brānt*, высокий (M. Vastmer. *Die Iranier in Südrussland*, 1923, стр. 20. См.: J. Duchesne-Guillemin в *Byzantion*, 1937, вып. 2, стр. 737.

⁴ В. А. Брим. Путь из Варяг в Греки.

⁵ ИОН, 1931, стр. 200 и 246.

⁶ См.: К. Ф. Тиандер. Город Бирка. ЖМНП, 1910, июнь, стр. 265—268.

осторожного отношения к себе. Дошедшие до нас сведения о Березани гораздо старше времени расцвета варяжского днепровского пути, на котором она, по описанию Константина Багрянородного, знавшего ее под названием острова св. Елевферия, была последней стоянкой у выхода в Черное море; уже поэтому есть полное основание искать корней ее названия в значительно более далекой древности. Та группа географической номенклатуры, к которой можно отнести и Березань, может быть, и находит отражение в древне-скандинавской традиции, но об этом придется говорить в совершенно иной связи.

Прежде чем заниматься вопросом о названии этого острова, надо обратить внимание на имеющиеся у нас археологические данные; ¹ о них упоминал и Н. Я. Марр, говоря о Березани. ²

Древнейшая, догреческая, эпоха дала до сих пор лишь отдельные и, может быть, недостаточно показательные находки. Археологический материал здесь хорошо известен с конца VII в. до н. э. Раскопки Э. Р. Штерна и дальнейшие исследования, которые производил Одесский историко-археологический музей, выяснили характер погребений, поселения (городка) и других культурных остатков, относящихся главным образом к VII—V вв. до н. э., т. е. к начальному периоду существования греческих черноморских колоний и развития их торговых сношений; среди находок главное место занимает греческая керамика разных типов. О значении Березани, как давнишнего, еще догреческого, места рыбацкого поселения, свидетельствуют находки рыболовных приспособлений (крючки, грузила, остатки снастей). В связи с расцветом Ольвии, становящейся экономическим центром данного района, поселение на Березани потеряло свое значение, хотя в римскую эпоху остров продолжает быть местом рыбной ловли, сохраняя таким образом свое значение в промысловой жизни этого края; здесь было в это время и постоянное поселение.

От киевского периода с его торговыми сношениями по днепровскому пути на Березани известно следующее: 1) ряд мелких находок, датируемых X—XI в. (фибулы, пряжки, кольца для ремней); ³ 2) единственный найденный в СССР рунический камень, обнаруженный в 1905 г., датируемый XI—XII в. и поставленный, вероятно, готландцами; ⁴ 3) обнаруженный сравнительно недавно славянский слой XI—XIII вв.: остатки землянок с очагами внутри, черепки керамики, металлические предметы (секиры, кресты), браслеты стеклянные и из пасты и т. п. ⁵

II

Древне-русского названия Березани мы, собственно говоря, не знаем; по летописи и по Константину Багрянородному, это — остров св. Елевферия, т. е. наименование греческое, связанное с византийской церковной традицией. В древности остров назывался Βορροβέρης, как и сам Днепр,

¹ Ссылаюсь здесь на сведения, сообщенные мне Т. Н. Книпович, за которые приношу ей искреннюю благодарность, а также на ОАК за 1904—1905 гг., отчет Э. Р. Штерна за 1913 г. и Каталог выставки Одесского историко-археологического музея за 1917—1927 гг., Одесса, 1928.

² Н. Я. Марр. Чуваша-яфетиды на Волге, стр. 43.

³ N. S l e e v e. Die jüngere Eisenzeitfunde auf Berezan, ESA, 1929, т. IV, стр. 250—262.

⁴ Ф. А. Браун. Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани. ИАК, вып. 23, стр. 66—75.

⁵ Подробнее об археологических находках на Березани см. в статье О. А. Артамоновой «Древнейшие поселения на острове Березани». КС ИИМК, V, 1940, стр. 49—54.

в устье которого он находится; у Птолема — Βορροθενίς νήσος.¹ Некоторые античные авторы путают его с островом Белым в Черном море, недалеко от устьев Дуная, греч. Λευκή, иначе Fidonisi, турецк. İlian-ada, т. е. Змеиный остров.² В южнорусских актах он известен под своим нынешним названием с XVI—XVII вв. В непосредственной связи с ним стоит, очевидно, и название впадающей близ него в Черное море р. Березани (Березанский лиман).³ Как на буквальное совпадение названия, можно указать на местечко Березань в районе Переяславля (южного), известное с XVI—XVII вв. в польских актах и на западноевропейских географических картах; далее — на Berezan и Berezanu в Волинии и Подолии в тех же актах и на Berezan в русинской топонимике, упоминаемое у J. Jordan в его «Rumänische Toponomastik»,⁴ причем этот автор возводит данное название к березе.

Ясно, что производить название Березань от березы не приходится, совершенно независимо от того, растет ли она в тех краях, где мы встречаем это наименование, или нет. Говоря о южной, причерноморской, полосе СССР, можно отметить, что ареал этого дерева заходит здесь до низовьев Днепра, но оно отнюдь не является характерным для флоры этого края. В дальнейшем придется коснуться в тесной связи с Березанью также и названия известного притока Днепра Березины, которая, как и другие одноименные с нею реки,⁵ протекает в местности, где береза весьма обычна; тем не менее, анализ этого названия, как мы увидим далее, показывает, что это обстоятельство никакого значения не имеет, как и то, что Березина называется Березой в «Книге Большому Чертежу» (изд. 1838 г., стр. 102) и в местных говорах,⁶ а в украинском языке 'березина' — береза, березовая ветка (словарь Гринченко). А. И. Соболевский в свое время производил Березину от березы по аналогии с 'дубина', 'хворостина' и т. п.,⁷ но впоследствии отказался от этого толкования. Поскольку самое слово 'береза' пока еще не подвергнуто палеонтологическому анализу, вопрос о нем отпадает.

Для дальнейшего нашего изложения интересно местное название Березино на р. Когильник близ Аккермана⁸ и Bereziua, как название Стеблевского лимана в низовьях Днепра.⁹

Интересно, что в исторических заметках А. С. Грибоедова есть несколько слов о том, что Березовский остров в конце Днепровского лимана (очевидно — та же Березань) иначе называется Гата (Hata).¹⁰ Откуда взяты эти сведения, неизвестно, и название это остается пока неясным.

¹ С. Пападимитриу. Древние сведения об острове Березани. Одесса, 1910, стр. 6 сл.

² И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пгр., 1918, стр. 26. — С. Пападимитриу, ук. соч., стр. 11 сл. — Д. Нудельман в своей статье «Древние авторы о Березани» (Тр. Одесьск. держ. ун-в., I, 1939, стр. 37—44) полагает, что древняя Левка, называемая у некоторых античных авторов островом Ахилла, не Фидониси, а Березань.

³ Неясно название этой реки Суберезань у гетмана Мазепы в его описании Днепра, изданном в ЗООИД, III, 1853, стр. 571; см. там же, стр. 579, прим. 53 — сопоставление с турецким су (вода), весьма обычным в речных названиях.

⁴ J. Jordan. Rumänische Toponomastik, II, 1926, стр. 249.

⁵ Таковых, например, имеется пять в бассейне верхнего и среднего Днепра, одна — в бассейне Немана и одна — в бассейне Днестра. Для Днепра, Днестра и Южн. Буга пользуюсь в настоящей работе трудами П. Л. Маштакова «Список рек Днепровского бассейна» (СПб., 1913) и «Список рек бассейнов Днестра и Южн. Буга» (СПб., 1917).

⁶ Н. И. Максимович. Днепр и его бассейн. Киев, 1901, стр. 331.

⁷ РФВ, 1910, № 4, стр. 180.

⁸ П. Семенов. Географ.-статист. словарь, т. I, СПб., 1863, стр. 240.

⁹ Taibout de Magignu. Atlas de la mer Noire. Одесса, 1850, табл. XVI.

¹⁰ А. С. Грибоедов. Соч., 1892, стр. 385.

III

В научной литературе уже не раз было отмечено другое название Березани, а именно, турецкое *Bügü-üsen-ada*, остров Волчьей реки. Упоминает о нем и В. А. Брим в своей указанной выше работе, но считает особенно интересным не его, а Березань — в том освещении, которое он, как уже сказано, находит приемлемым.¹ Между тем, *Bügü-üsen-ada* представляет интерес вдвойне: во-первых, как наименование острова по реке, подобно древнему Борисфен (см. выше), а во-вторых, как указание на название самого Днепра Волчьей рекой.

В бассейне среднего и нижнего Днепра имеется целый ряд «волчьих» названий, известных из исторической и современной номенклатуры: Волчек (рукав Днепра между местами впадения в него Супоя и Золотоноши), Волчье горло (то же, между Ирклеем и Сулой), остров *Wolczpu* несколько ниже впадения Псла,² Волчайка (→ Хорол → Днепр),³ Волчок или Волчья (→ Сухой Кобелячек → Ворскла → Днепр), Волчьи воды или Волчья (→ Самара → Днепр) с притоком Волкова, Волчье горло (один из уступов последнего днепровского порога, Вильного, близ Кичкаса — древней Крарийской переправы), Волчок (гирло Рвача, северного рукава Днепра в его низовьях).

Река *Δόχος* у Геродота (IV, 123), впадающая в Мэотиду, как полагают, — нынешний Калмиус, верховья которого близки к истокам Волчьих вод или Волчьей; ее же знает и Птолемей.⁴

В бассейнах Днестра и Южн. Буга: Волк (→ Южн. Буг) с притоком Волчок, Волковеца (→ Стрыпа → Днестр), Волчанец (верхнее течение Ботны, притока Днестра).

На юго-востоке мы находим в древности *Ἰρχανία θάλασσα*, таге Нугсапит, Волчье море (юго-восточная часть Каспийского моря) с впадающей в него Волчьей рекой, *Gurgan*;⁵ в прикаспийском же крае — Волчьи ворота около Баку.⁶

По значению сюда же примыкают встречающиеся во многих областях СССР производные от слова 'бирюк', известного в целом ряде говоров со значением волк, а в переносном смысле — мрачный, угрюмый человек, и от связываемого с ним турецким *börü*, волк, общего для всех языков соответственной группы. На причерноморской и прикаспийской территории можно отметить Бирючий остров в западной части Азовского моря, Бирючье гирло Дона, остров Бирючья коса на Каспийском море.⁷

IV

Греческое название Днепра *Βοροθένης*, с которого начинается то, что мы знаем по письменным источникам и о Березани, несомненно стоит в связи как с этим последним наименованием, так и с Березиной. Мы знаем, что Н. Я. Марр видел в первой части названия «Бере-зань» элемент *В*; можно

¹ В. А. Б р и м, ук. соч., стр. 246.

² Карта Н. Радзивила 1613 г. — В. К о р д т. Материалы по истории русской картографии, т. II. Киев, 1910, табл. XV и XVII.

³ Принимаю условно знак → для обозначения впадения одной реки в другую, что необходимо оговорить, ввиду совершенно иного значения, какое этот знак имеет, как известно, у Н. Я. Марра.

⁴ Ю. К у л а к о в с к и й. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 19.

⁵ См.: RE s. v. Nugkania и Kaspisches Meer.

⁶ Б. Д о р н. Каспий. СПб., 1875, предисл., стр. XXVII.

⁷ С этой группой стоят, может быть, в связи Березезаны в низовьях Волги (ПСРЛ, т. VI, стр. 331), р. Берекет — там же, а также местные и речные названия, вроде Берека, Берекова, Беречка, встречающиеся на Украине, в Кировском крае и в Башкирии.

думать о нем же и в Βοροῦθένης и Бере-зина, а вторую часть этих названий рассматривать как элемент С. Эту вторую часть названия Березина Соболевский в своих «Русско-скифских этюдах» объяснял из скифского *sina* — река; ¹ тем самым он устранил свое прежнее, совершенно неудачное толкование. ² Он установил здесь для Березины те же две составные части, как и для Борисфена, между тем как раньше считал сходство этих двух названий лишь кажущимся. ³ Βοροῦθένης он уже тогда рассматривал как название двучленное, образовавшееся под влиянием греч. βορά и θένος, причем вторую часть связывал с *danu*, *don*. ⁴ Что это — двучленное скифское название (* *waru-stana*) в греческом оформлении, полагал и J. Marquardt. ⁵ И он и Соболевский (последний — еще в своей статье 1910 г.) объясняют первую часть в связи с названием Днепра *Var* у гуннов, *Varuch* — у печенегов.

Само собой разумеется, что анализ, данный А. И. Соболевским и Marquardt'ом, не имеет ничего общего с учением Н. Я. Марра о четырех элементах, но его можно использовать в соответствующей этому учению трактовке: греч. βορά и θένος, на которые указывает А. И. Соболевский, и * *waru-stana* Marquardt'a могут получить правильное освещение лишь как звенья в общей цепи, в общем ходе развития языка и мышления и образования местных и племенных названий, согласно концепции Н. Я. Марра. Скифское *sina* для Березины является у А. И. Соболевского во всяком случае каким-то шагом вперед сравнительно с возведением этого названия к березе, но оно представляется в совершенно ином свете, будучи привлечено к исследованию не как скифское слово, а как языковое образование гораздо более раннее. Как материал для возможного дальнейшего исследования сюда надо привлечь и такой интересный факт, как название греков Βερδην у грузин, отмеченное Н. Я. Марром в связи с Бере-зань в тот период его работы, когда он видел в обоих этих названиях результат бер-ионского этнического скрещения. ⁶

Интересно, что наблюдения относительно близости названий Борисфен, Березина и Березань имеют свою историю, и притом весьма почтенную по своей давности: в 1852 г. Г. Думшин, автор статьи о реках Скифии, цитировал одно замечание Герберштейна по поводу созвучия названий Березины и Борисфена, а сам говорил о «замечательном сходстве» между ними и Березанью, подтверждающем туземное происхождение древнего названия Днепра. ⁷

V

Поскольку элемент В, о котором нам здесь приходится говорить, связывается, согласно учению Н. Я. Марра, с волком и со змеей, я позволю себе сделать небольшое отступление от самой темы настоящей работы и отметить некоторые факты, с которыми мы встречаемся в области, до сих пор почти еще не затронутой школой Н. Я. Марра. Я имею в виду германские, в частности — скандинавские, сказания, фольклор и вещественные памятники. Ф. А. Браун отметил в свое время соответствие между неврской

¹ ИОРЯС, т. XXVII, 1922, стр. 275.

² См. его указанную выше статью в РФВ за 1910 г.

³ РФВ, 1910, стр. 188.

⁴ Там же, стр. 181 и 187.

⁵ Marquardt. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Лейпциг, 1903, стр. 190.

⁶ Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 43.

⁷ Труды студентов Ришельевского музея в Одессе, 1852, стр. 33—34. Ср.: O. P e s c h e l. Geschichte der Erdkunde, 1865, стр. 4: «Dniepr... welchen die alten Geographen nach seinem Nebengewässer, der Beresina, Borysthenes benannten» (курсив мой. — Е. Р.).

легендой о нашествии змей и одним из вариантов германского переселенческого сказания, согласно которому лангобарды были вытеснены со своей родины змеями.¹ Как я полагаю, к этому же сказанию близко одно место в готландской *Guta Saga*, составленной в XIII в.²

Миф о волке-оборотне, соответствующий неврскому, весьма распространен в древне-северных сагах и в Эдде, а также и в скандинавском фольклоре. Наиболее знакомый исследователям у германских и славянских племен миф о звере-оборотне, как известно, не ограничивается ими, а встречается также в Азии, Африке и Америке.³

И волк и змея — образы, широко распространенные в скандинавских мифологических и легендарных преданиях, и притом — в целом ряде случаев — в тесной связи друг с другом. Оба они имеют большое значение и в орнаменте так наз. германского звериного стиля, как пережитки представлений, восходящих ко времени, гораздо более древнему, чем то, к которому относятся соответственные вещественные памятники. Семантика этого орнамента пока очень мало изучена с точки зрения нового учения о языке и мышлении.⁴ Совершенно еще не затронуты в этом смысле и богатый материал, мифологический и эпический, содержащийся в песнях Эдды, а также лексика и тематика этих песен, как и язык скальдов, представляющий собой особое образование в области древне-северного языка. Разработка всего этого материала несомненно могла бы дать интереснейшие результаты.

Сопоставление неврских преданий с германскими и указание на другие отмеченные здесь данные, конечно, отнюдь не подразумевают заимствования германцами у того племенного образования, которое Геродот знает в Приднепровье под названием невров, или, наоборот, ими — от германцев: во всем этом, очевидно, отразилось какое-то сходное стадийное развитие, определяющее собой и сходство мышления и тех образов, которые получили выражение как в преданиях и верованиях, так и в вещественных памятниках.

VI

Возвращаясь к вопросу о названии Березани, мы видим, что у нас есть полное основание рассматривать его не как позднее заимствование, не как перевод весьма распространенного в скандинавской топонимике наимено-

¹ Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 320.

² См. об этом в моем обзоре «Литература по вопросу о пережитках тотемизма у древних скандинавов» (Сов. этнография, 1936, № 3, стр. 124—125).

³ Caroline Stewart, автор подробного исследования «Zur Entstehung des Werwolfsglaubens», справедливо замечает, что эти верования возникают независимо в разных странах при наличии сходных условий, вызывающих аналогичные явления (*Zeitschr. des Vereins für Volkskunde*, 1909, стр. 30 сл.). По поводу поверий о волке отмечу одну строфу из Эдды, по которой волчий вой в лесу предвещает победу (*Reginmál*, строфа 22), и то место из Повести временных лет по Лаврентьевскому списку под 1097 г., где половецкий вождь Боняк ночью, накануне битвы с уграми «отъѣха от вои и поча выти волчьскы и волк отвыса ему и начаша волци выти мнози; Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко побѣда ны есть на угры заутра». Заимствованием подобные параллели, конечно, не объясняются.

⁴ Тем более ценны и интересны те примеры анализа так наз. готского звериного орнамента в Северном Причерноморье, которые дает Л. А. Мацулевич в своей работе «Погребение варварского князя в Восточной Европе» (ИГАИМК, вып. 112, 1934), в частности — образа птицы-рыбы и сочетания птичьих голов со змеиными, как явлений, объединенных семантически, а генетически восходящих к переходу от тотемического мировоззрения к космическому и к соответственному строю мышления; это — образы, слагавшиеся в процессе развития местного общества, а не заимствованные извне и не возникшие путем чисто внешнего механического сочетания декоративных мотивов, как полагают буржуазные ученые (В. Salin и др.).

вания, примером которого является название знаменитого Vjörkö на Меларне, а как образование автохтонное, связанное с местной топонимикой и восходящее к глубокой древности. Как называли этот остров скандинавы — мы не знаем; во всяком случае они не принесли его название с собой в Приднепровье ни с Меларна, ни из какого-нибудь другого места у себя на севере. Но оно могло так или иначе отразиться в той южнорусской географической номенклатуре, которую они знали в своем обиходе. По этому поводу мне хотелось бы предложить здесь одну гипотезу, имеющую отношение к исконному, как я полагаю, «волчьему» характеру названия Березани.

В своей указанной выше работе (стр. 244—245) В. А. Брим приводит руническую надпись из Stainkumbla на Готланде, датируемую временем около 1100 г.¹ В переводе В. А. Брима текст ее таков: «Ботмунд и Ботрайф и Гуннар они... воздвигли камень... и на юге он сидел с мехами и он умер в Ulfshali когда святой...». На этом надпись обрывается; конец ее неизвестен. По мнению В. А. Брима, который основывается на толковании Н. Pipping'a,² Ulfshali, Волчий хвост (в тексте надписи дат. ед. Ulfshala), следует читать Ulfshals (в тексте, следовательно, — Ulfshalsi), Волчье горло, т. е. как название одного из уступов в последнем днепровском пороге. Не возражая по существу против возможности стоянки на днепровском пути именно в этом месте, я хотела бы сохранить чтение «at Ulfshala» и отнести это название к Березани, а фразу «сидел с мехами (sat mi þ skinum)» понимать в том смысле, что какой-то готландский купец дожидался со своими товарами попутного ветра, как это и могло быть на Березани перед выходом в Черное море. Препятствием для такого предположения является предлог «at» со значением «у», «возле», «близ», «при», между тем как в отношении острова надо было бы ожидать «а (на)», как, например, «a hulmi (на Борнгольме)» в надписи из Högbu в Эстериётланде.³ Что касается выражения «sunarla (на юге)», то укажу, как на некоторое основание для приурочения этого обозначения в данном случае к южной Руси, на аналогичное «sup» с тем же значением в надписи начала XI в. из Pilgård на Готланде, где упоминается rufstain, по мнению Ф. А. Брауна, — Рваный камень у Ненасытецкого порога на Днепре или камень у мыса Монастырек.⁴ В соединении с упоминанием в тексте надписи из Stainkumbla о мехах, скандинавская торговля которыми шла по днепровскому пути, географический термин «sunarla» дает некоторую возможность предполагать, что под невыясненным до сих пор Ulfshali скрывается Березань.

Надпись из Stainkumbla, к сожалению, далеко не представляет собой надежный исторический источник. Она была прочтена в 1799 г. шведским ученым С. G. Hilfeling'ом; если в его записках о поездке на Готланд, насколько мне известно, нигде не изданных, есть какой-нибудь рисунок, то, вероятно, не вполне удовлетворительный с точки зрения современной рунологии. На этого автора ссылается J. G. Liljegren, издавший текст надписи в 1837 г.⁵ Сама она в течение первой половины XIX в. исчезла бесследно,

¹ А. N o g e e n. Altschwedische Grammatik. Галле, 1904, стр. 497.

Н. P i p p i n g. De skandinaviska Dneprnamnen, 3—6, Studier i nordisk Filologi, 1911, № 5.

³ А. N o g e e n, ук. соч., стр. 487—488. В надписи из Stainkumbla этот автор и переводит «at», как «bei», а не «auf». Н. Pipping со своей стороны считает это «at» подходящим к предлагаемому им толкованию Ulfshali.

⁴ Ф. А. Б р а у н. Днепровский порог в рунической надписи. Сборн. в честь А. А. Бобринского, СПб., 1911, стр. 5—8.

⁵ См. изданное им собрание рунических надписей Runurkunder, № 1590, в приложении к Diplomatarium Suecanum, т. II.

как об этом говорит С. Säve, издавший ее в 1859 г. в своих «Gutniska urkundet», № 82 (см. предисл., стр. XXXVI). Таким образом, здесь отпадает возможность тщательной проверки ее со стороны компетентных современных рунологов, каковая необходима в тех нередких случаях, когда в рунических надписях есть чисто графические неясности, дающие повод к разночтениям. Е. Brate, еще до Noreen'а, издавший надпись из Stainkumbla в своей работе «Runverser»,¹ ссылается на Säve, а Noreen — на сообщение Soderberg'а, но без каких-либо дальнейших объяснений. Во всяком случае, по Brate и Noreen'у, не видно, чтобы написание «at Ulfshala», которое Pipping предлагает заменить «at Ulfshalsi», и самого предлога «at», с которым приходится считаться мне, вызывало какие-нибудь сомнения.

Если допустить, что Ulfshali — Березань, то это было бы интересно, как лишнее подтверждение древнего «волчьего» элемента в ее названии, который и отразился в скандинавской передаче.²

У цитируемых мною здесь издателей надписи из Stainkumbla никаких попыток разъяснения Ulfshali мы не находим. Brate с осторожностью говорит о местонахождении его где-то на юге и сопоставляет это название с древне-сев. Refshali и с греч. Λυχόσοῦρα. Что касается скандинавских саг и поэзии скальдов, то в них мы не находим никаких данных, которые можно хотя бы предположительно связать с Березанью, как я это пытаюсь сделать в отношении географической терминологии рунической надписи из Stainkumbla.³

¹ Antiquarisk Tidskrift för Sverige, т. X, 1887—1891, стр. 296—298.

² Возможно, что название Ulfshali сложилось и не без влияния очертаний самого острова — длинного, вытянутого в направлении NNW — SSO, причем, на основании его геологического строения, считается возможным, что северная часть была когда-то соединена с материком, с Аджиякским мысом. Длинная песчаная коса, идущая от острова на север, до недавнего времени на значительное расстояние вдавалась в море; весной 1931 г. она была размыта. Относительно внешнего вида острова основываюсь на сведениях, сообщенных мне Т. Н. Книпович и О. А. Артамоновой, и на снимках, которые они мне показывали. Самый тип названия Ulfshali весьма распространен в скандинавской топонимике; так, например, в Норвегии всякого рода «хвосты» — лисьи, собачьи, кошачьи (Refsal < Refshali, Hundsal < Hundshali, Katralen < Kattarhali) — обозначают узкие, длинные, возвышенные места среди местности, сравнительно низкой и ровной, а также мысы, вдающиеся в реку или в озеро (см. О. R u g h «Norske gaardnavne», предисл., стр. 52 и 71, и топографические данные относительно каждого названия в отдельности). Ср. русский термин «ухвостье» — узкий, длинный конец острова на реке, обращенный в сторону течения, «хвост острова» в архангельском говоре (Даль); Хвост — название острова на Сев. Двине в XVI в. (Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, стр. 349). Подобные примеры не ограничиваются ни скандинавской, ни русской топонимикой, но для нас существенным является не формоподражательный фактор, а совершенно независимое от него название животного, вошедшее в состав местного названия, в данном случае, если вообще сопоставлять Ulfshali с Березанью, — сам волк, а не его хвост.

³ В заключение всего сказанного о ней отмечу, что загадочным остается самый конец ее «когда святой»... (fa hin hilgi). Повидимому, он был уже утрачен, когда остальной текст был еще цел. Относительно содержания его возможны лишь догадки. Если относить эти слова к ритмически изложенной части текста, начинающейся, по Brate и Noreen'у, со слов «и на юге» (auk supparla), то следующее после «hilgi» слово должно было бы начинаться с r или h; если же текст, начиная с «fa hin hilgi», возвращался к прозаическому изложению, как полагал Noreen и еще раньше — Säve, то это предоставляет большую свободу для возможных предположений относительно конца надписи. Не относится ли hilgi к определенному историческому лицу, а именно — к датскому конунгу Эйрику, ездившему в 1102 г. в Иерусалим и умершему на Кипре в 1103 г.? О его поездке в древне-скандинавской традиции есть два варианта: Саксон Грамматик говорит о морском пути на Русь и через Русь — в Византию (Gesta Danorum, изд. А. Holder, 1886, стр. 406); другой вариант, дошедший до нас в составе Knytlinga Saga (написана во 2-й половине XIII в.) и не вполне ясный, предполагает, повидимому, западноевропейский маршрут, преобладающий в известиях XII в. о поездках скандинавов в Византию и в Иерусалим. Существует позднее готландское предание, согласно которому Эйрик побывал на Готланде и основал в Висбю церковь св. Олафа (S t r e l o w. Guthilando-

VII

Говоря о названии «Березань», как о заключающем, по мнению Н. Я. Марра, во второй своей части элемент С, можно, как мне представляется, сблизать с ним такие речные названия, как Фезань (бассейн Тясмина, притока Днепра, ¹ Кизань, бассейн нижнего течения Волги), Юрезань (бассейн Камы), т. е. рассматривать их вторую часть как тот же элемент С со значением «вода», «река». Ограничиваюсь здесь лишь указанием на них, как на возможный материал для исследований; для выяснения их значения и генезиса, а следовательно, их места в процессе стадияльного общественного развития и связанной с ним топонимики, необходимо, конечно, проанализировать их целиком.

Рассматривая «Березань» с точки зрения нового учения о языке, учитывая значение *Bürü-üsen-ada* и присоединяя сюда дополнительно «волчий» топонимический материал, в состав которого я пытаюсь включить и *Ulfshali*, мы можем как нельзя более решительно противопоставить соответственный генезис этого названия схеме Березань — *Vjörkö* и искать его корни в более глубоких слоях истории, чем то время, к которому относится скандинавско-русский путь из Варяг в Греки.

E. RYDZEVSKAIA

SUR L'ORIGINE DU NOM DE L'ILE BEREZAN

R é s u m é

L'auteur cherche à déduire le nom de l'île Berezan, située dans la mer Noire près de l'embouchure du Dniepr, non du terme russe «berezа» (bouleau), mais d'une racine beaucoup plus ancienne qui signifie «loup» et qui remonte au stade japhétique du langage; on la retrouve dans plusieurs langues contemporaines, par exemple dans le turc *börü*, loup; le nom turc de Berezanj est

gum chronica. Копенгаген, 1633). Готландская *Guta Saga* об этом ничего не знает, между тем как она вообще очень интересуется церковными делами. Что Эйрик был на Готланде, если он шел морским путем на Русь, — само по себе вполне правдоподобно. Что же касается названия его святым, то в скандинавской традиции есть ряд указаний на почитание его как такового, хотя официально он канонизован не был. В связи с этим, в частности — с его поездкой в Иерусалим и смертью в тех краях, наименование его святым могло появиться в тексте, относящемся приблизительно к тому же времени. Предлагаемая мною догадка относительно термина «*hilgi*» ведет, таким образом, к предположению, что неизвестный нам по имени готландец, в чью память поставлен камень из *Stainkumbla*, умер в тот год, когда Эйрик ездил через Русь на юг; в связи с этим надпись можно датировать временем немного позже — 1103—1105 гг. (поскольку есть сведения о том, что весть о смерти Эйрика на Кипре дошла до его родины через два года), допустим — конец первого десятилетия XII в. В отношении датировки *Nogeen'a* около 1100 г. такой «допуск» (выражаясь языком техники) в сторону XII в. является, как мне кажется, не слишком рискованным.

¹ П. Клепатский. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912, стр. 125.

«l'île de la rivière du loup», Bürü-üsen-ada. En même temps, l'auteur suggère une explication de «Ulfshali» (queue de loup) — nom de lieu jusqu'à présent obscur dans l'inscription runique de Stainkumbla (Gotland), datée environ du début du XII-e siècle — comme ayant rapport à la toponymique ancienne de la région du Dniepr, «rivière du loup»; Ulfshali est peut-être le nom vieux-nordique de Berezanj. La forme de cette île aurait pu contribuer à lui donner un nom en-hali (queue).

Е. И. ЛЕВИ

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ХЕРСОНЕССКОЙ ПРИСЯГИ

Основанный Гераклеей Понтийской Херсонес Таврический на протяжении всего античного периода поддерживал тесную связь со своей метрополией. В интересах Херсонеса Гераклея в IV в. до н. э. ведет борьбу с боспорскими тиранами из-за Феодосии; ¹ совместно с гераклеотами заключают херсонесцы договор с Фарнаком. ² Не без участия гераклеотов отправляют к Цезарю посольство во главе с Сатиром с ходатайством о даровании свободы. ³ Во II в. н. э. гераклеотов благодарит Херсонес за содействие, оказанное городу в его хлопотах перед Антонином о восстановлении утраченной свободы. ⁴

Изучение истории Гераклеи может помочь уточнению неясных вопросов, касающихся тех или иных моментов истории его колонии. Так, при изучении событий 281 г. в Гераклее, приведших к уничтожению тирании, невольно встает вопрос: не в связи ли с ними стоят и события, нашедшие свое отражение в присяге херсонесцев? Но сначала вкратце остановимся на истории Гераклеи.

Было в ней много смут, много бедствий ⁵, — так начинает Юстин свой исторический экскурс о Гераклее Понтийской. И, действительно, все имеющиеся немногочисленные источники говорят об одном и том же: об ожесточенной борьбе, терзавшей город с момента его основания. Это вполне понятно. Город с прекрасной гаванью, выгодно расположенный близ пути следования судов из Черного моря и в Черное море, окруженный богатыми лесами, пастбищами, полями, о которых даже сложилась поговорка «*Margiandynorum terra semper viret*», уже вскоре после своего основания начал быстро расти экономически и политически. Флот Гераклеи был широко известен за пределами южного побережья Понта. Еще на рубеже V—IV вв. до н. э. смогла она наряду с Синопой выставить необходимое количество судов для переправки греческого отряда Ксенофонта на родину. ⁶ Поддержки Гераклеи добивались не только отдельные города, но и достаточно сильные государства: византийцам послали гераклеоты 40 триер во время их борьбы с Антиохом; ⁷ 13 триер дала Гераклея Никомеду Бифинскому против Антиоха; ⁸ флот Гераклеи сыграл решающую роль в победе Птолемея Керавна над Антигоном. ⁹ Даже Риму послала она 13 триер в помощь против перигинов, марруцинов. ¹⁰

¹ P o l., V, 23; VI, 9.

² P o l., XXV, 2; IosPE, I, № 402.

³ Подробнее в нашей работе «Гераклея Понтийская», подготовленной к печати.

⁴ IosPE, I, № 362.

⁵ J u s t., XVI.

⁶ X e n. Anab., V, VI, 21.

⁷ M e m n., XXIII.

⁸ M e m n., XVIII.

⁹ M e m n., XIII, 2.

¹⁰ M e m n., XXVIII, 2.

При прохождении отряда десяти тысяч греков Гераклея смогла наряду с судами предоставить 3000 медимнов ячневое зерно, 2000 ведер вина,¹ 20 быков и 100 овец.² Ксенофонт и его полководцы находили возможным требовать от гераклеотов 10 000 золотых на дорогу.³ О тех денежных богатствах, которые были накоплены в Гераклее за первые столетия ее существования, свидетельствует и факт покупки тираном Клеархом библиотеки, чем он «превзошел всех, кого сделала известным тирания».⁴ Тиран Дионисий, правивший в Гераклее в течение 30 лет, купил всю утварь Дионисия, тирана сицилийского.⁵

Город постоянно выдавал денежные субсидии. Даже в III в. до н. э., когда благосостояние Гераклеи было несколько поколеблено в результате классовой борьбы и постоянных войн, она помогла Византии откупиться от осаждавших ее галатов, снабдив ее 4000 золотых.⁶ Впоследствии сами гераклеоты откупились от галатов, дав войску 5000 золотых, а каждому начальнику по 200 золотых.⁷ Денежными субсидиями Гераклея пыталась откупить Амастрию у Евмена, и только потому, что Евмен был «во власти безрассудного гнева», предпочел он передать ее даром Ариобардану.⁸

Эти факты, количество которых может быть увеличено, красноречивее слов свидетельствуют об экономической и политической мощи города. Скопление богатств в руках немногих лиц, приводившее полусвободные массы к долговой зависимости и порабощению, усиливало дифференциацию общества и обостряло классовую борьбу. Уже первые, неясные страницы истории Гераклеи полны сведений о напряженной обстановке, в которой протекала жизнь города. Аристотель говорит о борьбе олигархов с демократией, в результате которой и произошла, очевидно, высылка колонии в Херсонес Таврический.⁹ Кульминационного пункта достигает классовая рознь в 363 г. до н. э., когда в результате ее была установлена тирания Клеарха, и в 281 г., когда тирания сменилась новой формой правления.

В 60-х годах IV в. до н. э. Совет оказался в конфликте с народом, требовавшим отмены долговых книг и раздела земель.¹⁰ Не находя выхода из создавшегося положения, Совет призывает на помощь Клеарха, некогда им же изгнанного из города.¹¹ Прибыв в город с наемным войском и получив доступ на акрополь, Клеарх сразу принимает сторону восставших масс и, при поддержке народного собрания, делается тираном.¹²

Это не было тиранией обычного типа, широко известной на примерах Афин, ранней Спарты и многих других городов. Это была своеобразная форма тирании, при которой низшие слои населения играли более активную роль, чем при тирании обычного типа, и которую в исторической науке последнего времени принято именовать «демократической».¹³ Такова была, например, полтора столетия спустя тирания Набиса в Спарте.

Клеарх не только подверг аресту и изгнанию виднейших членов Совета¹⁴ и конфисковал имущество знати, но также устраивал насильно браки рабов

¹ Синопа дала 1500 ведер.

² Xen. Anab., VI, II, 3.

³ Xen. Anab., VI, II, 5.

⁴ Memn., I, 2.

⁵ Memn., IV, 6.

⁶ Memn., XIX, 1.

⁷ Memn., XXIV, 1.

⁸ Memn., XVI.

⁹ Arist., Pol., V, 4, 1; V, 5.

¹⁰ Just., XVI, 2, 3.

¹¹ Just., XVI; IV, 4.

¹² Just., XVI; IV; IV, 9—16.

¹³ С. И. Ковалев. Греция. Соцэкгиз, Л., 1937, с.р. 421. Подробнее о тирании Клеарха в нашей работе «Гераклея Понтийская».

¹⁴ Just., XVI; IV, 17.

с женами знатных гераклеотов, чтобы таким образом дать рабам права гражданства.¹

Эти действия нельзя расценивать, как желание Клеарха любой ценой укрепить за собою власть. В таком случае мероприятия первых лет расходились бы с дальнейшей его политикой, когда он чувствовал себя более твердо стоящим у власти. Факты говорят обратное. Клеарх управлял Гераклеей 12 лет,² и в течение этих лет против него было устроено много козней.³ Нам известны два заговора, и оба исходили не от народа, а от людей знатного происхождения. Один из них был организован изгнанниками, пытавшимися вернуться в город;⁴ в результате второго известного нам заговора, возглавлявшегося знатными юношами, родственниками Клеарха, он был убит.⁵

Об идейном отходе Клеарха от того круга, которому он принадлежал по происхождению, свидетельствует и то, что он был убит учениками Платона, которого и сам в свое время слушал в Афинах, а также та оценка, которую дает Исократ своему бывшему ученику.⁶ Исократ очень хорошо относился к Клеарху и в письме к его сыну Тимофею⁷ он дает прекрасную характеристику своему бывшему ученику до того, как он стал тираном, зато резко осуждает его действия как правителя Гераклеи.⁸ Тимофея же, «изменившего политику отца, выпустившего из тюрем многих подлежащих ответу»,⁹ Исократ во всем одобряет.

Этот отход от «демократизма» Клеарха, впервые наметившийся в правлении Тимофея, в дальнейшем все усиливается и приводит к тому, что Дионисий, брат Тимофея, принимает титул царя в 306 г., т. е. в год, когда принимают этот титул и диадохи.

В этот период борьбы диадохов, а затем эпигонов за власть, когда силою обстоятельств они то объединялись для совместной борьбы с Антигоном, то выступали в той или иной коалиции один против другого, почти вся Малая Азия была полна волнений. Греческие свободные города, боявшиеся потерять свою независимость, должны были быть особенно настороже. И Гераклея, как город, достигший к тому времени большого значения, в ближайшем соседстве с которым образовалось Геллеспонтское царство Лисимаха, не могла не быть втянута в эту борьбу. Первоначально Гераклея была на стороне Антигона, но, когда Лисимах расположился на зимние квартиры в ее области и Гераклея оказалась отрезанной от Антигона, Амастрида, правившая в то время в городе,¹⁰ заключает с Лисимахом союз, скрепленный их браком.¹¹ Случайно ли оказался Лисимах в области Гераклеи, только ли любовью к Амастриде был продиктован его брак, как это следует из сообщения Мемнона? Нам кажется, что дело обстояло несколько сложнее. Завоевательная политика Александра, направленная на покорение владений Персидской монархии, не коснулась непосредственно причерноморских областей. Однако поход на Ольвию одного из его полководцев — Зопириона¹² (правда, кончившийся неудачей) свидетельствует о том, что Причерноморье не было исключено из сферы внимания Македонского царства. Это

¹ Just., XVI; IV.

² Memn., I, 1.

³ Just., XVI; IV; Memn., I, 3.

⁴ Just., XVI; IV.

⁵ Memn., I, 3, 4; Just., XVI, IV.

⁶ Кроме Платона, Клеарх в течение четырех лет слушал в Афинах Исократа (Memn. I, 1).

⁷ Третий тиран Гераклен, правивший в течение восьми лет.

⁸ Isokr. Epist., VII.

⁹ Memn., III, 1.

¹⁰ В качестве опекунши несовершеннолетних детей.

¹¹ Memn., IV, 10.

¹² Masc., Saturn., I, 11. 33.

было отмечено еще А. Н. Зографом; ¹ им же отмечено значительное распространение в Ольвии интересующего нас периода наряду с золотыми также медных македонских монет. ² Нам известно также, что гераклеийские изгнанники времен Клеарха обращались к Александру с просьбой об оказании им помощи для возвращения в город и для уничтожения в нем тирании. Александр, очевидно, не отказал, так как Мемнон пишет, что Дионисий, правивший в те годы в Гераклее, имел много неприятностей в связи с этим, в некоторых случаях даже «оказался готовым к сопротивлению»; ³ узнав же о смерти Александра, Дионисий поставил в городе статую Радости. ⁴ В дальнейшем Лисимах уже сознательно ведет агрессивную политику по отношению к западно-причерноморскому побережью и оставляет в греческих городах гарнизоны.

В борьбе за независимость греческие города поднимают восстание. Жители Каллатии, колонии Гераклеи, затем Одессоса, Истра и других городов первыми в 313 г. изгоняют македонский гарнизон; они заключают союз для совместной борьбы против Лисимаха. Жители этих городов привлекают на свою сторону туземные племена фракийцев и скифов. Узнав о восстании, Лисимах спешит с войсками во Фракию, берет Одессос, Истр и осаждает Каллатию. В течение двух лет сопротивлялись каллатиане, но в конце концов были принуждены к сдаче города. ⁵

Не случайно также оказался Лисимах и поблизости Гераклеи. Скорее всего это явилось следствием его политики, направленной к дальнейшему завоеванию Понтийского побережья. Целесообразнее всего было начать завоевание городов южного берега с Гераклеи. Но Гераклея в то время была в расцвете сил, и лишь искусная политика Лисимаха (о нем Мемнон пишет: «он был самым искусным человеком в скрывании своих замыслов») ⁶ довела город до полного подчинения. Характерно, что при всей краткости сообщения о взаимоотношениях Гераклеи с Лисимахом Мемнон трижды упоминает о зависимости Гераклеи от Лисимаха. Впервые он говорит о «захвате» Гераклеи после вторичного брака Лисимаха с дочерью Птолемея Филадельфа — Арсиной. ⁷ Затем он упоминает о «подчинении» города Лисимаху после убийства Амастриды сыновьями. ⁸ И, наконец, рассказывая о той радости, которую испытали гераклеоты, освободившись в 281 г. от тирании, он говорит, что гераклеоты были лишены свободы в течение 84 лет, «находясь под властью собственных тиранов, а затем Лисимаха». ⁹

Несколько неясно, в чем выразился «захват» Гераклеи в первом случае. Это произошло, как упоминалось выше, после брака Лисимаха с Арсиной. В то время Амастрида находилась в Сардах, куда выписал ее из Гераклеи Лисимах; после случившегося она вернулась в Гераклеийскую область и основала город Амастрию, Лисимах же «захватил» Гераклею. ¹⁰ Может быть, в городе был оставлен македонский гарнизон, как это было во многих городах западного побережья Понта и Малой Азии? Во всяком случае Гераклея продолжала управляться собственными тиранами: в то время у власти находились достигшие совершеннолетия сыновья Амастриды — Клеарх и Оксатр. Они правили около 15 лет и были убиты Лисимахом. Убийство

¹ В одной из его последних работ об ольвийских монетах из раскопок 1935 г. (Ольвия, Киев, 1940, стр. 218).

² Там же.

³ М е м н., IV, 1.

⁴ М е м н., IV, 2.

⁵ D i o d., XIX, 73; XX, 25.

⁶ М е м н., VI.

⁷ М е м н., IV, 10.

⁸ М е м н., VI.

⁹ М е м н., IX, 1.

¹⁰ М е м н., IV, 10.

Клеарха и Оксатра в свою очередь явилось следствием убийства ими своей матери Амастриды.¹ Когда Лисимах узнал об этом, он поспешил в Гераклею и, убив сыновей, «подчинил» город своей власти.² Очевидно, в городе был оставлен македонский гарнизон (если он не находился в нем ранее), хотя на словах, как это было обычно в то время, была восстановлена демократическая форма правления. Не свидетельствует ли факт матереубийства о том, что тирания к тому времени свелась в Гераклее лишь к тирании по своему происхождению, на самом же деле город находился в полной зависимости от Лисимаха, и действия сыновей следует расценивать как первую попытку гераклеотов сбросить чужеземное иго? Что в городе было неспокойно и что там существовали различные группировки, это ясно из последующего рассказа Мемнона о том, что Лисимах вскоре после вторичного подчинения Гераклеи, уступая настойчивым просьбам Арсинои, передает ей город. Но Арсиноя не решается переселиться сама в Гераклею, а посылает для управления городом своего приближенного кинейца Гераклида, и тот, «явившись в город, круто повернул дело, возведши обвинения на многих граждан».³ Не содействовала ли Амастрида, с которой Лисимах не прерывал дружественных отношений, укреплению влияния Лисимаха среди гераклеотов, чем и было вызвано убийство матери сыновьями, возглавлявшими партию противников Лисимаха? Определенных данных для ответа у нас нет, но дальнейшее развертывание событий в Гераклее, а также то, что нам известно о деятельности Лисимаха в других городах, высказанное предположение как будто бы не опровергают.

Мы уже упоминали о восстаниях против Лисимаха во многих городах Фракии; целый ряд восстаний в начале III в. до н. э. известен и в малоазийских городах, попадавших под его власть. Так, например, Лисимах, вопреки желанию жителей, соединил Эфес с Колофоном и Лебедом и дал городу новое наименование «Арсиноя». Когда же после его смерти жители Эфеса восстали против македонского ига, они не только изгнали из города жену Лисимаха Арсиною, но, вернувшись на старое место, переименовали город в Эфес и до основания разрушили построенную Лисимахом цитадель, стремясь с корнем уничтожить все, напомилавшее о чужеземной зависимости.

Аналогичную картину наблюдаем мы и в самой Гераклее. С водворением в ней кинейца Гераклида «с трудом восстановившееся благополучие было вновь утеряно».⁴ Недовольство политикой кинейца, вокруг которого группировались наиболее знатные слои населения, все более нарастало. Об этом свидетельствует то, что в войсках Селевка против Лисимаха сражались гераклеоты, хотя Гераклея официально в то время сражалась на стороне Лисимаха.⁵

Все нараставшее недовольство привело, наконец, к восстанию 281 г., которое произошло в тот год, когда в битве при Курупедии Лисимах был убит. Весьма характерно, что Лисимах был убит гераклеотом Малаконом, сражавшимся на стороне Селевка.⁶ Негреческое имя «Μαλακῶν» выдает его туземное происхождение; имя это засвидетельствовано только один раз в сочинении Мемнона о Гераклее.⁷ Приведенный факт представляет особый

¹ М е т п., V, 2.

² М е т п., VI.

³ М е т п., VII, 3.

⁴ М е т п., VII, 3.

⁵ М е т п., VIII, 2.

⁶ М е т п., VIII, 2.

⁷ Ср. Pape-Benseler s. v. Μαλακῶν. То, что в оппозиции против Лисимаха были и туземцы, вполне вероятно. Диадохи в своей завоевательной политике держались совсем иной позиции, чем Александр. Александр пытался опереться на туземную знать, и этим в известной мере был продиктован его брак с Роксаной, дочерью согдийского

интерес. Дело в том, что Б. Н. Граков, высказывающий предположение, что центром производства амфор с энглифическими клеймами является Гераклея Понтийская, отмечает среди «имен греческих и туземных, встречающихся только здесь или представляющих некоторую редкость»,¹ имена *Μαλαχός* и *Μαλαχῶν*, которые «вообще довольно редкие, особенно второе, для нашей группы обычны». ² Сопоставление наблюдений Гракова с вышеприведенными фактами о Гераклее Понтийской подтверждает его догадку о гераклейском происхождении амфор с энглифическими клеймами. ³ Дополнительным аргументом в его пользу служит то, что среди клейм, встречающихся только в этой группе, имеется сокращение *Κρῶν*, происходящее от города *Κρῶνα*. ⁴ Между тем, известно, что малоазийские Кромны были расположены в Гераклейской области и в самом начале III в. до н. э. вошли в качестве составной части наряду с Сезамом, Китором и Тиеем в основанный Амастридой город Амастрию. Зато довод, приводимый Б. Н. Граковым в пользу возможности производства энглифических амфор не в Гераклее, а в Каллатии («факт прекращения клеймения в третьей четверти III в. — время захирения этого города»), ⁵ может быть отброшен: и для Гераклеи конец III в. до н. э., когда она лишается части своих владений, является периодом некоторого упадка, правда, непродолжительного, но подорвавшего значение города. ⁶

Но вернемся к истории Гераклеи. Когда жители города узнали о смерти Лисимаха и о том, что убил его гераклеот, «исполнившись мужества и отваги в борьбе за свободу, они решили действовать». ⁷ Часть гераклеотов пришла к Гераклиду, убеждая его покинуть город, обещая полную безопасность и даже роскошные подарки на дорогу. Но когда Гераклид в ответ на эти обещания пытался некоторых из граждан «подвергнуть наказанию», гераклеоты, «сговорившись со стражей и пообещав им права гражданства, схватили Гераклида и держали некоторое время под стражей. Затем, вполне удостоверившись в своей безопасности, они до основания разрушили стены акрополя и отправили послов к Селевку...». ⁸ Бросается в глаза первоначальная попытка добиться удаления Гераклида мирным путем, а затем решительный натиск с разрушением до основания стен акрополя, являвшегося оплотом могущества господствующего класса рабовладельцев; в данном случае акрополь, на котором был, вероятно, расположен македонский гарнизон, служил опорным пунктом чужеземцев, захвативших власть в городе. Гераклеоты, подобно жителям Эфеса, до основания разрушили стены городской крепости, желая с корнем уничтожить все, напомилавшее им о чужеземной зависимости.

Не затрагивая вопроса дальнейшего развития событий 281 г., их значения для истории Гераклеи и их оценки, обратимся к ранее поставленному вопросу о взаимосвязи событий 281 г. с событиями в Херсонесе, нашедшими свое отражение в присяге.

царя. Преемники же его открыто рвут с туземцами. Еще при жизни Александра был вскрыт целый ряд заговоров, шедших со стороны полководцев, недовольных политической сближения с негреческим населением, хотя бы и в части его правящей знати.

¹ Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 181.

² Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 181.

³ К сожалению, нам не известны данные, которыми располагал Б. Н. Граков, говоря, что имя «*Μαλαχῶν*» «довольно редкое», т. е. очевидно, встречается все же и в других местах.

⁴ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 181.

⁵ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 191.

⁶ Метп., XXIII, 1, 2.

⁷ Метп., IX, 1.

⁸ Метп., IX, 2, 3.

Из нее мы знаем, что в Херсонесе была сделана попытка посягнуть на демократическую форму правления, которую отстаивали граждане херсонесской общины, обещая бороться с врагами демократии, как с эллинами, так и с варварами (§ 2).¹ Еще акад. С. А. Жебелев в специальной работе, посвященной Херсонесской присяге, отметил, что присяга «возникла в связи с назревавшим или происшедшим, но неудавшимся внутренним переворотом в Херсонесе на рубеже IV—III вв. или в первые десятилетия последнего». ² Ставя в дальнейшем вопрос, о какой новой форме правления могла идти речь — об олигархии или тирании, С. А. Жебелев приходит к выводу, что «ответ напрашивается скорее в пользу тирании». ³ Одним из двух доводов, приводимых им, является то, что «в метрополии Херсонеса, Геракле Понтийской, еще с середины IV в. утвердилось тираническое правление, продолжавшаяся там вплоть до 261 [281] г. ⁴ Пример метрополии мог оказать воздействие на ту или иную группу херсонесских граждан, которые и последовали примеру Гераклеи, причем в данном случае дело, быть может, не обошлось без своего рода нажима со стороны самого гераклеийского тирана и его сторонников». ⁵

Остается неясным вопрос: со стороны какого тирана мог произойти нажим и каковы были обстоятельства, обусловившие такое воздействие? Этот вопрос тесно связан с тем — о каких эллинах могла идти речь в дважды повторяющейся формулировке клятвы «ни эллину, ни варвару» (§ 2 и § 6). Нам кажется, что эта фраза не является трафаретом надписи, а таит в себе нечто большее: она отражает конкретную историческую обстановку, сложившуюся к тому времени в Херсонесе. Акад. С. А. Жебелев обратил внимание на эту формулировку и отметил, что упоминание о варварах наряду с греками свидетельствует, что «в заговоре какую-то роль играли варвары, привлеченные на свою сторону отпавшими». ⁶ Он говорит также, что под варварами надо разуметь более отдаленных соседей города, скифов степной полосы, но не затрагивает вопроса о том, кого в данном конкретном случае надо понимать под эллинами. Могли ли быть «эллины» Херсонесской присяги греками, давно жившими в Херсонесе?

Известно, что в древности жители того или иного города именовались обычно по имени этого города: афиняне, спартанцы, милетцы, родосцы, даже более широко — лакадемоняне, пелопонесцы и т. д. Но никогда не подлежало сомнению, что все они эллины и постоянно именуется таковыми. Это может быть иллюстрировано многочисленными свидетельствами древних авторов.

Несколько сложнее обстояло дело в городах-колониях, основанных вдалеке от собственно Греции, одиноких пунктах на общем фоне окружавших их многочисленных туземных поселений. «Итак и здесь есть, кто мог бы этому поверить: греческие города между именами бесчеловечного варварства», ⁷ пишет Овидий о колониях западного побережья Понта. На всем протяжении южного побережья от Трапезунда до Гераклеи насчитывается менее десятка греческих городов. В еще большей мере это относится к Северному Причерноморью. Вполне естественно, что варварское окружение не могло не отложить своего отпечатка на греков. Еще Т. Н. Книпович отметила, что «греки Боспора в глазах греков метрополии уже представляли

¹ Херсонесская присяга дается в дальнейшем по переводу акад. С. А. Жебелева.

² С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. ИОН, 1935, № 10, стр. 918.

³ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 921.

⁴ Речь идет о тирании, утвердившейся в Геракле с 363 г. Следует отметить досадную опечатку — 261 г. вместо 281 г., как год окончания тирании.

⁵ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 921.

⁶ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 928.

⁷ Ovid., Trist., III, с. 9, перевод В. В. Латышева.

нечто иное, чем они сами». ¹ Несомненно, что население этих греческих городов представляло собой настолько сложный конгломерат, что не может быть перекрыто общим наименованием «эллинов» в обычном понимании этого слова. ²

Херсонес более, чем какой-либо другой город Северного Причерноморья, сохранял и чистоту греческой речи и греческие обычаи, но это не значит, что херсонесцы, как совершенно правильно указал акад. С. А. Жебелев, отгородились китайской стеной от окружавших их варваров. ³ Взаимосвязи наложили, конечно, свой отпечаток на быт и нравы колонистов. «Эллины» Херсонесской присяги не могли быть греками, давно жившими в городе; к III в. до н. э. они стали уже не эллинами, а херсонесцами, которые в присяге противопоставляют себя, граждан херсонесской общины, «эллинам» наряду с «варварами». Могли ли под эллинами подразумеваться жители других греческих городов, часто посещавшие с торговыми целями по преимуществу область Северного Причерноморья? В надписях они зовутся обычно либо «иностранцами», либо по имени своего города — гераклеотами, амисийцами, синопцами, родосцами и т. д. и т. д. Примеры такого рода в надписях Северного Причерноморья бесчисленны. Но, кроме присяги херсонесцев, нам известно всего четыре случая, когда в надписях Северного Причерноморья упоминается об «эллинах».

Одна из этих надписей (конец II — начало III в. н. э.) в честь Феокла, сына Сатира, найдена в Ольвии. В ней говорится, что Феокл «любовью к отечеству и гостеприимством к эллинам превзошел своих предков». ⁴ Наряду с этим о греках, более или менее постоянно живущих в городе, в этой же надписи говорится как о «пребывающих у нас иностранцах» или как о византийцах, томийцах, никомидийцах и т. д. ⁵ Очевидно, под «эллинами» здесь подразумеваются вновь прибывающие греки, а не греки, постоянно живущие в городе.

В другой надписи с о. Левке в честь Ольвиополита (датируемой III в. до н. э.) мы читаем: «... и морских разбойников, грабивших эллинов, убил и бывших с ними выгнал с острова...»; за это и за другие заслуги город Ольвиополитов поставил ему статую, «дабы деяния его оставались в памяти и город сделал очевидным для эллинов, что он и об острове имеет большое попечение». ⁶

Общеизвестно, что священный остров Левке, т. е. Ахиллов остров, был необитаем, но у мореплавателей было в обычае, проплывая мимо него, останавливаться и приносить жертву владыке морей Ахиллу. Иногда загоняла

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у ст. Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. Сборн. «Из истории Боспора». ИГАИМК, вып. 104, стр. 196.

² Это особенно верно для более позднего времени, когда почти повсеместно наблюдается усиление туземных элементов и когда долговременное совместное бытование греков с туземцами привело к сильному взаимовлиянию. «Внутри города внушает страх смешанная с греками толпа варваров: ведь вместе с нами без всякого различия живут варвары и занимают большую часть домов», пишет Овидий о Томи I в. до н. э. и далее: «у немногих еще существуют остатки греческого языка, но и они уже стали варварскими под влиянием гетских звуков» (O v i d., Trist., V, c. 10, 25; V, c. 7, 50, перевод В. В. Латышева). Арриан не решается даже назвать Трапезунт греческим городом: «Мы прибыли в Трапезунт, город эллинский», и сразу делает оговорку: «как называет его Ксенофонт» (A r r i a n., 1). См. дальнейший текст Арриана, а также 36-ю речь Диона Хрисостома.

³ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 923.

⁴ IosPE, I, № 40. Как эта, так и другие надписи издаются в переводе В. В. Латышева.

⁵ Как о «пребывающих у нас иностранцах» в надписи упоминается дважды, три раза говорится просто об «иностранцах», а по имени города перечисляются эллины из 19 городов.

⁶ IosPE, I, № 326.

их на остров непогода, а иногда, быть может, они и специально приезжали для этой цели. «Людей на острове нет, пасутся на нем лишь немногие козы; этих коз, говорят, посвящают Ахиллу пристающие к острову». ¹

Таким образом, эллины, об ограблении которых упоминает надпись, были не жителями острова, а случайными, проплывавшими мимо него греками. В третьей надписи, найденной в Пантикапее и относящейся к римскому времени (221 г. н. э.), говорится об одном из постановлений «народа амасстриан, в честь Тиверия Юлия Рискупорида, царя Боспора и окрестных народов, друга римлян и друга эллинов». ² Здесь упоминание об «эллинах» также дается в общей форме без сопоставления их с каким-либо определенным поселением Северного Причерноморья. Особняком стоит надпись из Танаиса, ³ давно обратившая на себя внимание специалистов и вызвавшая различные толкования. Текст ее следующий: «В царствование царя Саврамата, сына великого царя Римиталка, и при посланнике Юлии Менестрате, главном спальнике, Еллины и Танаиты, временем испорченную башню отстроив, восстановили торжищу попечением». Эта надпись явно свидетельствует, что часть населения Танаиса именовалась эллинами, и как будто бы опровергает ранее высказанное нами суждение.

Вопрос о том, кого надо понимать под «эллинами» и «танаитами» Танаиса, неоднократно подымался в печати. Мы не имеем возможности входить здесь в рассмотрение всех высказываний по этому вопросу, остающемуся и сейчас дискуссионным. ⁴ Т. Н. Книпович в своей большой монографии, посвященной Танаису, весьма убедительно показала, что это деление, которому предшествовала борьба, являлось компромиссом «между верхушками двух групп, туземной и колонизаторской». ⁵ На конкретном материале автор вскрывает постепенное уничтожение первоначального членения этих групп, приведшее к почти полному их срастанию. ⁶ Подчеркивая далее, что сами «эллины» Танаиса были «выходцами» из Боспора, которые «жили уже некоторое время в тесном общении с туземными племенами и сами не могли никак сохранить чистоту эллинского происхождения и эллинских обычаев», Т. Н. Книпович указывает, «с какими бесконечными оговорками надо подходить к «эллинам» Танаиса». ⁷

Во всяком случае ясно, что Танаис представляет настолько своеобразное явление, что может лишь с большими оговорками сопоставляться с другими колониями Северного Причерноморья.

¹ А г г., Пер., 32.

² IosPE, II, № 42.

³ Также римского времени (IosPE, II, № 428).

⁴ Акад. С. А. Жебелев, базируясь на сопоставлении формул «эллины» и «танаиты» с формулировкой «городу и купцам», считает несомненным, «что под первыми разумеются именно танаидские граждане, под танаитами же приходится понимать тех туземцев, а также приезжавших в Танаис греческих и римских купцов не из Боспора, которые постоянно или временно проживали с торговыми целями в Танаисе» (С. А. Жебелев. Был ли Танаис разрушен Полемоном? Сборн. «Из истории Боспора», ИГАИМК, вып. 104, стр. 43 сл.). Точка зрения акад. С. А. Жебелева кажется нам необоснованной и малоубедительной. Почему основное население города, подавляющее большинство которого составляли туземцы, именуется эллинами и в то же время танаитами называется временно пребывавшие в городе купцы, при этом не только туземцы, но и приезжие из Греции и Рима. Это противоречит общей традиции, идущей из глубокой древности. В. В. Латышев указывает на сосуществование двух отдельных этнических групп — эллинов с эллинархом во главе и танаитов с особым архонтом, но, как и большинство других исследователей, понимает под танаитами туземцев (В. В. Латышев. *попытки*. СПб., 1909, стр. 128). Более подробно см.: Т. Н. Книпович. Танаис. (Рукопись, подготовленная к печати, стр. 132 сл.), а также: К. М. Колбова. К вопросу о судоправлении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61, стр. 69 сл. Там же см. по вопросу о сопоставлении формулы «эллины» и «танаиты» с формулировкой «городу и купцам».

⁵ Т. Н. Книпович. Танаис, ук. рукопись, стр. 146.

⁶ Т. Н. Книпович, ук. рукопись, стр. 142.

⁷ Т. Н. Книпович, ук. рукопись, стр. 146, 147.

Итак, «эллины» Херсонесской присяги не могли быть греками-колонистами, ставшими к тому времени уже не «эллинами», а «херсонесцами», «херсонесским народом», «гражданами херсонесской общины»;¹ не могли ими быть и представители других греческих городов, с которыми они имели постоянную торговую связь. «Эллинами», которым наряду с «варварами» херсонесцы противопоставляют себя, как жителей херсонесской общины, могли быть в данном конкретном случае только люди, недавно появившиеся в городе, ему чуждые.

Перед нами встает вопрос: не следует ли в эллинах, вторгшихся в Херсонес с целью уничтожения демократии и захвата власти, усмотреть кинейца Гераклида и его приверженцев? Ведь Гераклид не был убит гераклеотами. Хотя о дальнейшей судьбе его после события 281 г. ничего неизвестно, но подчеркивание Мемнона, что он «вначале» был схвачен,² заставляет предполагать, что в дальнейшем, когда гераклеоты почувствовали достаточную силу и Гераклид стал безопасен, они или изгнали его, как это обычно имело место, или он сам удалился в изгнание вместе со своими приверженцами.

Мы знаем, что еще ранее македонская знать пыталась включить в сферу своего влияния и Северное Причерноморье. Выше уже упоминалось о неудавшемся походе Зопириона на Ольвию. Золотые статеры Лисимаха имели широкое распространение не только в Северном Причерноморье, но и на восточном его побережье. Насколько прочно они вошли в быт, свидетельствуют позднейшие подражания этим статерам, находимые в большом количестве на Боспоре и на Кавказе.³ В нумизматике Боспора III—II вв. до н. э. монеты лисимаховского типа особенно многочисленны. С другой стороны, тот факт, что при осаде Каллатии Лисимахом боспорский тиран Евмел принимает у себя 1000 беженцев каллатиан и дает им целую область для поселения,⁴ как будто свидетельствует об антимакедонских настроениях, царивших и в Северном Причерноморье.

Не исключена возможность, что Гераклид, который, очевидно, еще ранее установил тесные взаимоотношения с определенной группой херсонесских граждан, удалился вместе со своими приверженцами в Херсонес и пытался, используя обострившиеся в нем противоречия между отдельными группами населения, захватить власть, утерянную в метрополии. С другой стороны, и скифы, достаточно окрепшие к тому времени, учитывая напряженность обстановки, сделали попытку отторгнуть херсонесские владения, чтобы выйти к морю. Часть последних ко времени опубликования присяги уже была отторгнута («и из остальной территории, которой херсонесцы управляют или управляли»). Акад. С. А. Жебелев считает, что скифы, привлеченные на свою сторону «врагами» херсонесского народа, действовали заодно с ними. Однако не исключена возможность, что речь в присяге идет о двух опасностях, угрожавших городу: со стороны эллинов и со стороны варваров. Поэтому и упоминаются они, как враги народа, раздельно: «ни эллина, ни варвару». Это можно усмотреть и в § 4 присяги, где враг делится на «злоумышляющего и предающего или отторгающего». Если первые два определения могли относиться к эллинам и их единомышленникам, среди которых могли быть и туземцы, то последнее могло относиться к скифам, уже овладевшим к тому времени отдельными укрепленными пунктами области. Мы знаем, что скифы неоднократно тревожили город в течение III в. до н. э. В одной из надписей, описывающей чудесное явление богини Девы,

¹ См. формулировки присяги.

² См. выше.

³ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана, вып. 3, стр. 16.

⁴ D i o d., XXV.

говорится о неожиданном набеге варваров: «и набег совершили неожиданно (соседние) варвары». ¹ Рассказ Полиэна об «Амаго» также является отражением того факта, что херсонесцы во второй половине III в. до н. э. ищут союза с сарматами против скифов.

Борьба в Херсонесе, которую вскрывает присяга, в основном явилась, как и в Гераклее, борьбой за свободу против попыток чужеземцев-македонян захватить власть в свои руки. К этому, возможно, присоединился и поход скифов. Но народ херсонесский, т. е. тот сложный конгломерат населения, в который входили и туземцы и греки, давно жившие в городе, с честью вышел из испытания и дал должный отпор «эллинам» и «варварам» и присоединившимся к ним «отпавшим» жителям Херсонеса, посягнувшим на его государственную свободу.

Еще одно соображение может быть высказано в пользу сопоставления описываемых событий в Херсонесе с событиями 281 г. в Гераклее, даже если и не ставить вопроса о непосредственном участии в них Гераклида. При том тесном контакте, который существовал между этими городами, вполне естественно, что «чрезвычайные» события метрополии не могли не найти отклика в его колонии. Мы знаем два напряженных момента в истории борьбы в Гераклее, предшествовавшие внутренним переворотам: 1) когда в 363 г. Клеарх установил тиранию и 2) когда тирания в 281 г. сменилась новой формой правления. Вряд ли в Херсонесе, основанном всего лишь в конце V в. до н. э., уже в 60-х годах IV в. противоречия внутри общины достигли той остроты, чтобы результатом их могли явиться события, о которых повествует присяга. К тому же Клеарх был слишком занят восстановлением спокойствия в собственном городе, подавлением целого ряда заговоров и едва ли имел возможность активно вмешиваться в дела своей колонии. Вероятнее всего, что отклик в Херсонесе нашли события, связанные с уничтожением тирании в Гераклее.

Если ход наших рассуждений правилен и события, отраженные в Херсонесской присяге, действительно следует сопоставлять с событиями 281 г., происшедшими в Гераклее, то тем самым устанавливается и более точная дата присяги: она была опубликована в ближайшее время после уничтожения тирании в Гераклее, т. е. в 281—280 гг. до н. э.

Датировка присяги на основании анализа письма («или первые десятилетия III в.») находит себе подтверждение при анализе исторических событий этого периода в метрополии Херсонеса — Гераклее Понтийской.

E. LEVI

SUR LA QUESTION DE LA DATE DU SERMENT DE CHERSONÈSE

Résumé

La Chersonèse Taurique, fondée par la ville de Héraclée du Pont Euxin, se trouvait en relations permanentes avec sa métropole. Les événements qui se déroulaient à Héraclée devaient avoir un écho dans la vie de sa colonie.

À l'au commencement du IV-e siècle avant notre ère Héraclée avait atteint une grande puissance politique et économique. Le développement rapide de la ville favorisait l'accentuation des contradictions qui aboutirent à l'insurrection de 363, terminée par l'institution de la tyrannie de Cléarque.

¹ IosPE, I, № 343.

Dans la suite Héraclée, comme plusieurs autres villes, tomba sous la domination de Lycimaque.

En 281 les Héracléotes se soulevèrent contre le joug étranger et abolirent la tyrannie des partisans de Lycimaque à la tête desquels se trouvait Héraclide.

Une question se pose d'elle-même quand on examine les événements de 281 à Héraclée: n'y a-t-il pas quelque rapport entre ces événements-là et ceux qui ont été reflétés dans le serment des habitants de Chersonèse?

Le serment nous parle d'une tentative de renversement du gouvernement démocratique, que défendent les citoyens de la commune de Chersonèse. Ils prêtent serment de combattre tous les ennemis de la démocratie, les «Hellènes» aussi bien que les «Barbares». Le nom de «Barbares», comme l'a démontré l'académicien S. A. Zebelev, désigne les Scythes de la région des steppes, mais on ne sait au juste à qui se rapporte le nom d'«Hellènes». Il ne peut se rapporter aux Grecs habitant depuis longtemps la ville. Au III-e siècle avant notre ère ils étaient déjà devenus des «Chersonésiens», le «peuple chersonésien» s'opposant comme citoyens de la commune de Chersonèse aux «Hellènes» et aux «Barbares». L'examen des inscriptions du Nord de la région de la mer Noire a montré que le terme «Hellène» ne s'y emploie que très rarement. En général les Grecs qui n'étaient pas des habitants de la ville, mais qui y séjournaient depuis un temps plus ou moins long étaient appelés des «étrangers» (v. l'inscription en l'honneur de Théocle, fils de Satyre d'Olbie) s'ils ne portaient pas le nom de leur ville natale. Le terme «Hellène» est employé dans l'inscription en l'honneur de l'Olviopolite de l'île Leuca, où l'on parle des Grecs qui avaient par hasard passé près de l'île, et dans les décrets du peuple d'Amastrie en l'honneur de Tiberius Julius Riskouporidos, où l'on ne parle des Grecs que d'une manière générale. L'inscription de Tanaïs est une exception; on y parle des Hellènes de même que des Tanaïdes en les considérant comme des habitants de la ville. On ne peut définir jusqu'à présent ce qu'il faut comprendre sous le nom des «Hellènes» de Tanaïs. Mais il est certain que Tanaïs représente un phénomène tellement particulier, que ce n'est qu'avec de grandes restrictions qu'il peut être comparé avec les autres colonies de la région du Nord de la mer Noire. Ainsi, le nom d'«Hellènes» du serment de Chersonèse, si l'on prend en considération les autres inscriptions de la région du Nord de la mer Noire, se rapporte le plus probablement aux Grecs fixés depuis peu dans la ville qui leur demeure étrangère. On peut supposer que c'étaient des adhérents du parti de Lycimaque dirigé par Héraclide et qu'ils avaient été exilés de Héraclée ou avaient fui en 281.

La campagne entreprise par Zopirion contre Olbie prouve assez que l'aristocratie macédonienne tentait d'étendre son influence sur la région du Nord de la mer Noire. D'un autre côté on peut voir la preuve de dispositions anti-macédoniennes dans l'accueil fait par Eumèle de Bosphore à mille Callatiens qui s'étaient sauvés de la ville de Callatis lors de la prise de la ville par Lycimaque.

Il est possible que le serment de Chersonèse reflète de même que les événements de 281 à Héraclée la lutte des Chersonésiens contre les étrangers. Macédoniens, qui tentaient de s'emparer du pouvoir en se servant des contradictions, qui s'étaient accentuées à l'intérieur de la commune. De l'autre côté les Barbares avaient commencé leurs offensives contre Chersonèse et représentaient ainsi un nouveau danger pour la ville. Si les événements reflétés dans le serment de Chersonèse se rapportent réellement aux événements de 281 à Héraclée, il est nécessaire de dater ce document d'une époque moins avancée, c'est à dire des années 281—280 avant notre ère, ce qui confirme la date du serment, basée sur l'écriture de l'inscription.

Н. Б. БАКЛАНОВ

ГЕРИХ

Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения

Основным и наиболее характерным элементом архитектуры Средней Азии (в значительной степени и всего Переднего Востока) с древнейших времен является стена. Стены доминируют в любом сооружении, охватывая весь периметр здания, ограничивая его от внешнего пространства; стены поддерживают покрытия здания, стены расчленяют внутренние объемы. Плоскости стен большей частью непосредственно переходят в кривые поверхности сводчатых покрытий. При этом и плоскости стен и кривые поверхности сводов остаются в большинстве случаев гладкими — без каких-либо рельефных членений. Мастера тщательно берегут гладь стен и покрытий как наиболее сильное выражение стены, массива. Если и встречаются стрельчатые ниши или вертикальные лопатки, то их рельеф настолько незначителен сравнительно с общей массой стен и сводов, что совершенно не нарушает впечатления глади.

Эта особенность архитектуры Средней Азии находит себе объяснение в характере строительных материалов и в технических приемах их использования в постройках. Основным материалом — лёссовая глина — применялся для сооружений или сырьем в виде глинобитных стен, набиваемых слоями (пахса), или в виде сырца, т. е. кирпичей, высушенных на солнце, или, наконец, в виде обычных обожженных кирпичей. Все эти виды техники не позволяют придавать стене сильного рельефа, а первые два приема требуют большей частью дополнительной обмазки для предохранения сырой глины от атмосферных воздействий. Эти обмазки, осуществляемые из той же глины или с помощью штукатурки из алебастра (ганч), придают стенам и сводам еще большую гладь. Кладка из обожженного кирпича обычно ничем не покрывается, так как этот материал сам по себе хорошо выдерживает воздействия местного климата.

При таком значении стены, как основного архитектурного элемента здания, она не могла оставаться без какой-либо обработки, чтобы не казаться скучной. Выполнение этого условия — орнаментации поверхности стен и сводов — при громадных их площадях (до 1000 кв. м) без рельефного их расчленения, при сохранении глади, с точки зрения европейского искусства, как будто бы является неразрешимой задачей. Но для искусства Средней Азии, возникшего в значительной степени среди кочевников, это оказалось возможным. С незапамятных времен кочевники пользовались тканями с ковровыми узорами для устройства стен своего подвижного жилища — юрты, палатки. Привычка видеть ковровые орнаменты на стенах и покрытиях юрты помогла перенести эти текстильные мотивы на глиняные или кирпичные стены монументальных сооружений. Перенос этот совершался не механически, путем простого копирования. Мастера, отлично знакомые со свойствами новых материалов, учитывая различные масштабы орнаментируемых

поверхностей, умели приспособить текстильную орнаментику к свойствам твердого материала и к художественным задачам обработки монументального сооружения. От первоисточника — текстильного узора — были сохранены лишь его плоскостной характер и основные приемы композиции узора.

Первоначально эти узоры, возможно, носили магический характер — они служили охраной или символами долговечности здания и благополучия его обитателей. Подобные узоры встречаются и в современных глиняных сооружениях — жилых домах и оградах, или «дувалах». Среди них круг или свастика — символы солнца — встречаются наиболее часто. Вполне вероятно, что именно на глинобитных стенах древних сооружений и получил свое начало стенной архитектурный орнамент. Но, к сожалению, хрупкость материала не сохранила нам этих древнейших образцов.

Параллельно с резьбой в глине развивался орнамент, резанный в ганче — в алебастровой штукатурке. Этот материал, более прочный, сохранил отдельные фрагменты из дворца IV в. в Варахш (неподалеку от Бухары). Но эти остатки все же не дают возможности судить об ансамбле орнаментальной отделки.

Небольшие остатки архитектурных узоров из сырца сохранились в зданиях, раскопанных в Афросиабе. Однако слишком малое количество их не дает возможности выявить характер орнаментики в сырце. Но если судить по наиболее ранним образцам кирпичного узорочья (мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре начала X в., мечеть Талхатан-Баба в Мерве XI в. и др.), выполненного еще в традициях сырца, то можно себе представить, что отделка в сырце ограничивалась различными способами выкладки кирпича: кладка двойными рядами в перевязку, кладка в ёлку, вставки резных бантиков, наконец, впадины различных форм в кладке. Последние, очень разнообразные по форме и технике выполнения, покрывают стены мавзолея Исмаила сеткой разнохарактерного пунктира, оживляющего, но не уничтожающего глади стен и арок. Ограничение декорации сырцовой стены лишь впадинами, а не рельефами сырца, может быть легко объяснено его малой устойчивостью против размывов.

Переход к кладке из жженого кирпича позволил выработать новую технику декорации стен введением уже линейного орнамента геометрического характера, составленного из переплетения ломаных линий или лент, образованных выпуском кирпича. Этот орнамент, называемый «герих» (в отличие от растительного орнамента — «ислими»), получает большое распространение. В X—XII вв., а иногда и позже, он воспроизводится рельефом из кирпича. По своему характеру он сближается и преемственно связан с резным по ганчу герихом, но в то же время имеет и свои особенности. В ганчевом герихе формообразующая лента может иметь любое начертание — кривой или ломаной линии и различную ширину. Кирпич ограничивает ширину ленты своей толщиной, а кривая линия из кирпича не выполнима. Мастер был вынужден ограничиться лишь ломаными линиями, что придавало орнаменту некоторую сухость. Компартименты гериха, образованные пересечением формообразующих лент, украшались вставками растительного или геометрического характера: розетками, листиками, стебельками и т. п. Как в ганчевом, так и в кирпичном герихах они выделялись большей частью из ганча.

Следующая стадия развития гериха, давшая наиболее блестящие его образцы, — это герих из цветного поливного кирпича. Естественно, что, перенося ковровые узоры с текстиля на кирпичные стены, мастер не мог быть вполне удовлетворен только одними линиями узора. Для его выразительности не хватало цветной гаммы ковра или вышивки. Монументальные сооружения XII—XIII вв., преимущественно религиозного назначения

(мавзолей-мазары, мечети), должны были обладать максимальной выразительностью для усиления эмоционального воздействия.

Поливной кирпич, у которого одна грань была покрыта цветной глазурью, давал возможность ввести разнообразие цвета в узоры и вместе с тем являлся более прочным материалом, чем простой обожженный кирпич. Поэтому наиболее ранние примеры облицовок поливным кирпичом дают покрытия сооружений: шатры, купола, т. е. те места здания, где кирпич наиболее подвержен коррозии (мазары Куня-Ургенча XIII в.). В Азербайджане уже в XII в. поливной кирпич встречается помимо покрытий в настенных узорах. В XIV в. и далее поливной кирпич широко применяется для орнаментации стен. Наиболее ранним цветом поливы на кирпичах был зелено-бирюзовый, затем к нему присоединились белый, синий, бурый — марганцевый. Последний цвет не получил большого употребления, а первые три — бирюзовый, белый и синий — вместе с натуральным охристым тоном кирпича и дали наиболее излюбленную гамму цветов для выкладки разнообразнейших герихов из поливного кирпича.

Этот новый материал вполне отвечал основной задаче среднеазиатского зодчества — создать такую декорацию, которая подчеркивала бы значение стены, организовала бы грандиозные поверхности, без рельефных членений. Поливной кирпич решал задачу членения, разбивки поверхности стен исключительно путем цвета, почти без применения рельефа. Но в то же время введение облицовок из поливного кирпича создавало и некоторые затруднения в осуществлении нового приема декорации. Уже в рельефном орнаменте

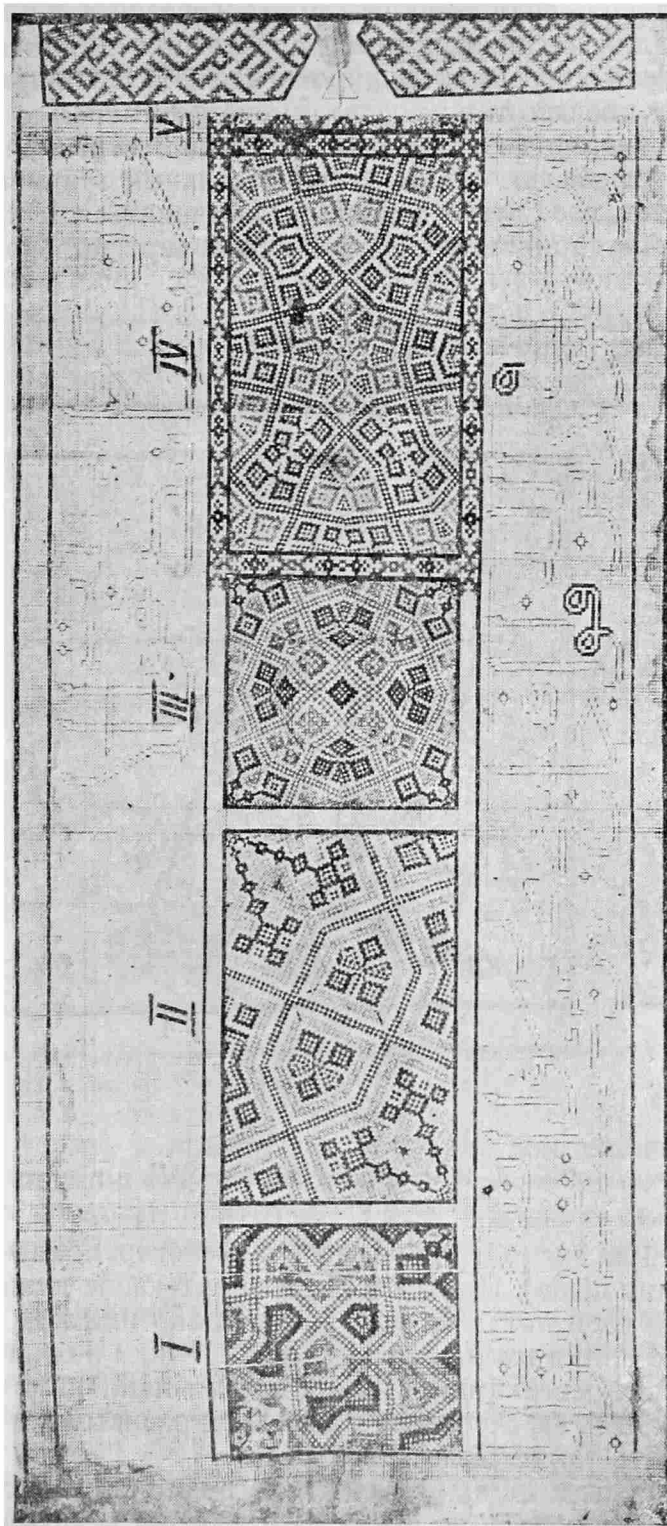

Рис. 1. Рукописный альбом XVI в. Вторая часть свитка. (Из собрания Гос. Публичной библиотеки Узбекистана).

из кирпича приходилось, как сказано выше, учитывать размеры кирпича. При облицовке же поливным кирпичом приходилось в еще бóльшей степени считаться с его размерами, от которых зависели размеры не только толщины, но и длины основных формообразующих линий гериха. Кладка облицовочного слоя в первые века широкого использования поливного кирпича (XIV—XV вв.) велась так же, как и конструктивная кладка стен — горизонтальными рядами со вставками кирпича и вертикально (кладка ёлкой). Этот прием требовал, чтобы длина отдельных кирпичей была кратна толщине кирпича, т. е. длина должна была равняться 1, 2, 3, 4, 5, 6 толщинам кирпича. Тогда при постановке кирпича вертикально, он отвечал 1, 2, 3 и т. д.

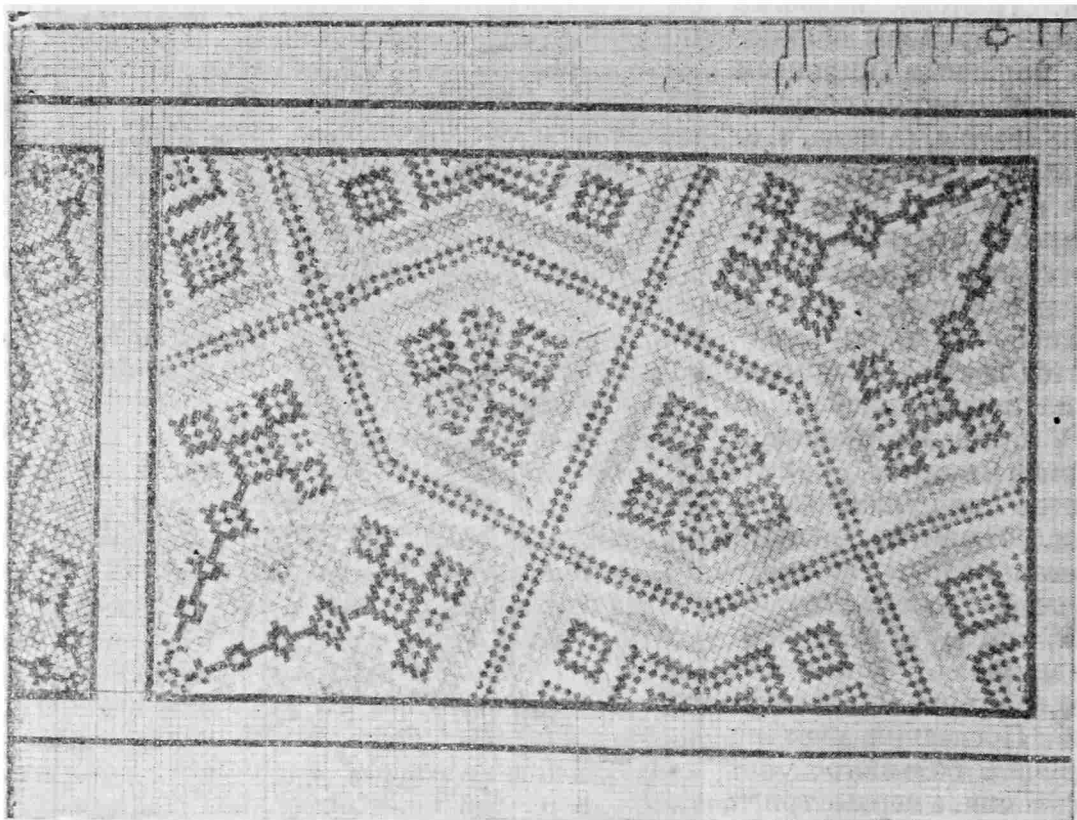

Рис. 2. Рукописный альбом XVI в.; деталь II рисунка 1.

рядам кладки (плюс, разумеется, некоторая очень небольшая прибавка на толщину швов). При этом формообразующие линии могли быть направлены только горизонтально или вертикально или под углом в 45° . В последнем случае линия имела зубчатый край — как в орнаментах на коврах или вышивках крестиками. Линии с иными наклонами (больше или меньше 45°) получались бы очень нечеткими и некрасивыми, а кривых линий из кирпича получить также было невозможно.

Фигуры и компартименты, которые получались от пересечения основных линий орнамента, не могли иметь любые величины и формы, как в резном ганче или терракоте, но должны были иметь размеры, кратные длине (а, следовательно, и толщине) кирпича. При взгляде на чертежи или фотографии кирпичных герихов это сразу становится ясным. В кирпиче, как и в текстиле, до выкладки гериха в натуре было необходимо рассчитать размеры всех его линий, чтобы они «сошлись», чтобы могло быть выполнено заполнение фигуры между линиями — надписью, либо орнаментом. При этом основной единицей расчета была толщина кирпича — квадратик или клеточка, с по-

мощью которых можно было изобразить весь орнамент (рис. 2, 5 и 8). Зная толщину кирпича в натуре, можно было определить величину всего гериха; обратно, чтобы выложить герих определенного размера для данного участка стены, нужно было выделывать кирпич соответствующего размера.

Эти расчеты были бы невероятно громоздкими и сложными для больших поверхностей стен, иногда в сотни квадратных метров, если бы герихи не состояли из повторяющихся частей — рапортов, подобно текстильным узорам. Значит, достаточно было рассчитать одну из подобных частей, определить размеры составляющих ее линий, чтобы определился весь участок декорируемой поверхности. Связь между текстильным первоисточником и его производным — архитектурной декорацией — выступает благодаря этому обстоятельству очень четко. Рапорт для создания так называемого «коврового» узора (как в текстиле, так и в любом другом материале) должен удовлетворять определенным геометрическим условиям. Фигуры рапорта

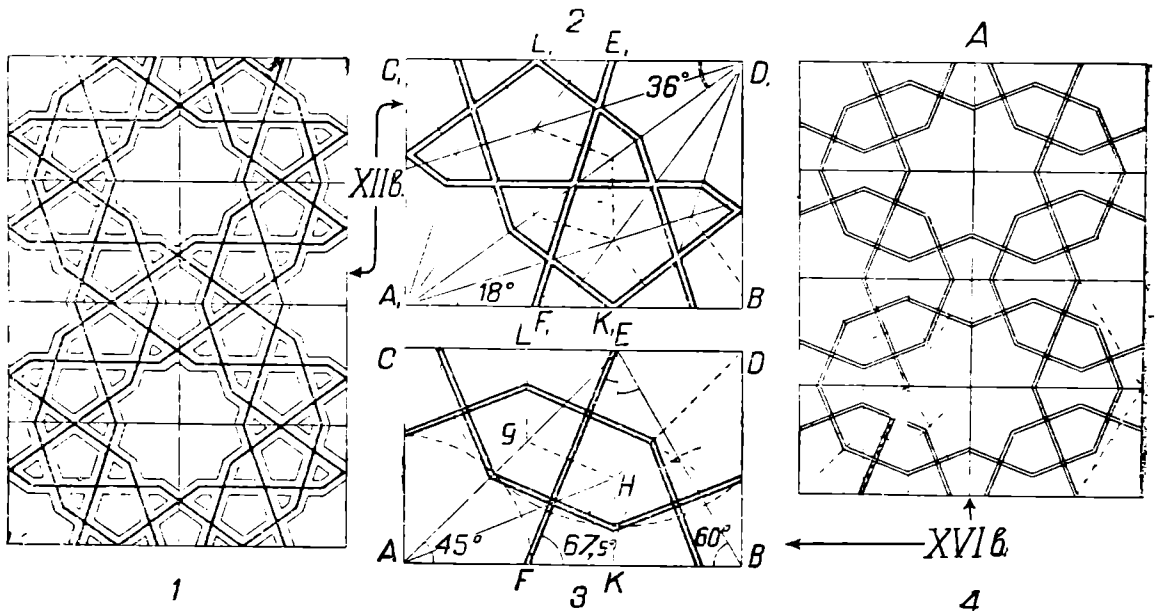

Рис. 3. Схемы герихов и их рапорты с показанием способов построения.

1, 2 — герихи XII в. из Термеза; 3, 4 — герихи XVI в. из альбома.

должны иметь одинаковую форму, и притом такую, чтобы она заполнила декорируемую поверхность сплошь, без промежутков, и в то же время при повторении не перекрывала соседних рапортов. Рисунок рапорта должен при этом помещаться весь целиком внутри избранного очертания рапорта, не выходя за его пределы.

Возможность различных очертаний рапорта не так велика, как может показаться с первого взгляда. Из геометрии известно, что одинаковыми фигурами, сплошь, без промежутков, заполняющими плоскость, могут быть или четырехугольники различных видов или треугольники. Отсюда мы можем иметь пять видов «сеток», каждая ячейка которых и представляет собой начертание рапорта. Ячейки или рапорты могут иметь формы: 1) квадрата, 2) прямоугольника, 3) параллелограмма, 4) ромба, 5) равностороннего треугольника; из двух последних фигур могут быть образованы вторичные рапорты шестиугольной формы.

Рапорты могут повторяться во все стороны бесконечно — путем *простого переноса*, т. е. повторения его рядом, справа и слева, вверх и вниз (*T*), или же путем *зеркального повторения* во все стороны (*M*), считая плоскости зеркального отражения проходящими перпендикулярно плоскости рапорта по линиям его очертаний (по сторонам рапорта).

Создание рапорта, вернее, его заимствование из текстильной техники, очень облегчило расчеты архитектурных герихов, но при больших размерах, а иногда и большой сложности рисунка в рапорте нелегко было исполнять их выкладку на стенах. Эту выкладку производили простые рабочие, для облегчения которых было необходимо упростить линии узора и подсчеты числа кирпичей до наибольшей степени. Иначе это неминуемо должно было привести к ошибкам (их примеры встречаются, хотя и редко, в исполненных кирпичных герихах). Возможно, что именно это соображение заставило мастеров Средней Азии с давних пор (IX—X вв.) ввести особый прием в композицию рапортов гериха. Этот именно прием и является типичным для среднеазиатской (и, повидимому, для всего мусульманского Востока) орнаментики. Прием этот заключается в расчленении самого рапорта как бы на второстепенные рапорты — *элементы*, из которых он складывается. Эти

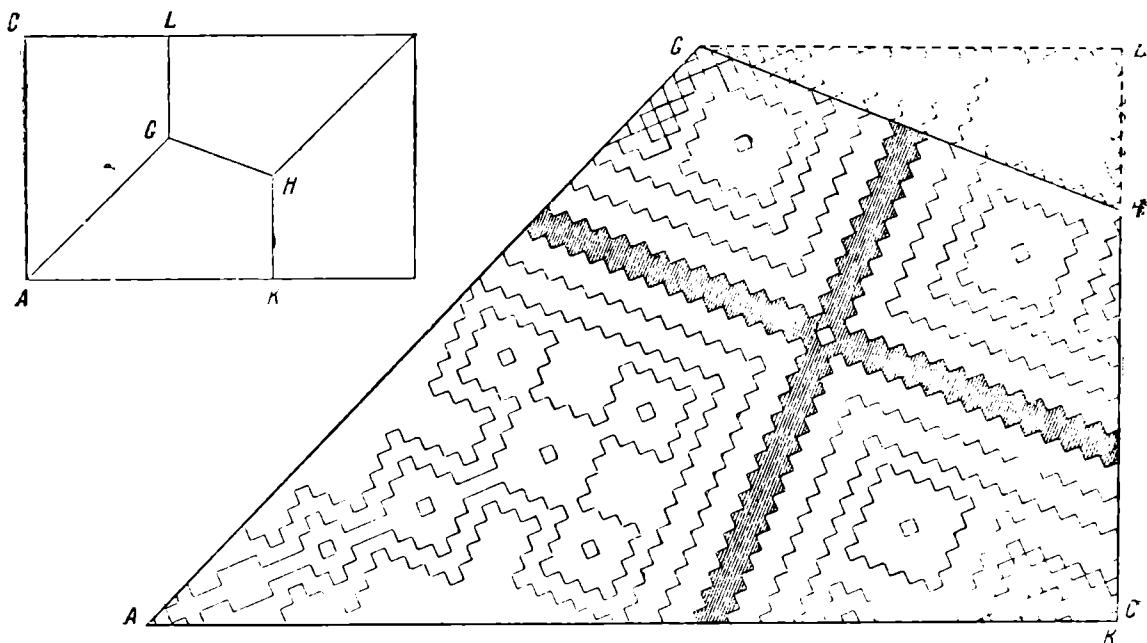

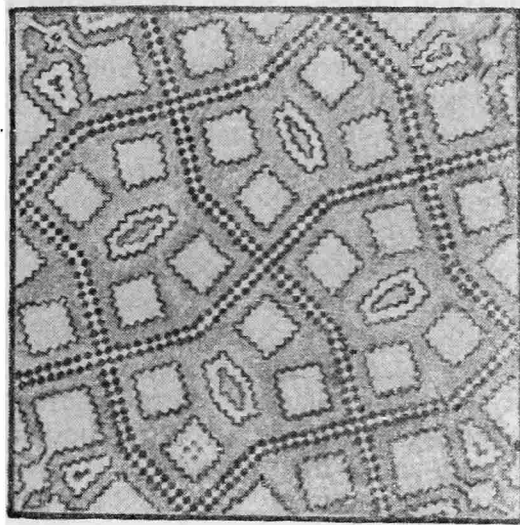
Рис. 4. Элемент гериха XVI в. с показанием счета кирпичей.

элементы повторяются в рапорте или путем зеркального отражения (*M*), или путем вращения (*R*) около какой-либо оси, проходящей перпендикулярно их плоскости, или, наконец, сочетаются в более сложных комбинациях. Этим рапорты среднеазиатских герихов отличаются от рапортов, обычных для текстильных орнаментов всех времен и народов.

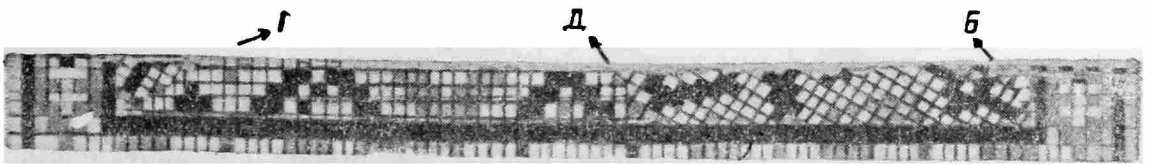
Введение приема составления архитектурных орнаментов сначала путем комбинации сравнительно простых элементов (для получения рапорта) и затем повторения рапортов другими способами — с одной стороны, упрощает компоновку и осуществление орнамента, а с другой — обогащает возможности композиции. Один и тот же элемент в различных комбинациях дает различные рисунки в рапорте и таким образом создает и герихи различного вида (рис. 9). Введение элемента с целью упрощения работы исполнителя герихов в натуре имело значение уже в ранние периоды разработки орнаментики, выполненной в ганче или путем выкладки рельефной кирпичной ленты (XI—XII вв.), хотя размеры герихов в это время были невелики; впрочем, среди них уже тогда встречались очень сложные по построению орнаменты, с чрезвычайно хитроумными переплетениями ганчевых или кирпичных формообразующих лент (ср. герихи дворца в Термезе, минарета

Калян или мечети Магок-и-Аттари в Бухаре).¹ В этот период рапорт чаще всего составлялся путем двукратного или четырехкратного повторения одного и того же элемента, реже состоял из двух. Но рисунок в элементе давал довольно сложные ломаные линии (рис. 11). Позже рисунки в элементе постепенно упрощались, но зато увеличивалось или число повторений одного элемента в рапорте или число самих элементов, доходя до 6—7, согласовавшихся в определенной комбинации для образования рапорта.

При сложности композиции орнамента необходимо было, очевидно, заранее готовить его рисунок. При резьбе по ганчу или по высушенной глине:

2

А ↑ Б

Г

↑ В

Рис. 5. Остаток гериха на обрывке свитка XVI в. (1) и реконструкция его рапорта (2).

(для терракоты), при сравнительно небольшом размере орнамента можно было нанести его на самой доске из ганча или глины (следы этих предварительных рисунков можно видеть на сохранившихся в Термезе герихах). То же можно было сделать и по отношению к рельефному кирпичному орнаменту, который выполнялся отдельными частями — плитами, а затем, в виде облицовки, прикреплялся раствором к стене. Так же выполнялись и ранние образцы герихов из поливного кирпича, подбиравшегося и скреплявшегося в виде отдельных небольших плит (в мавзолее Шейха Ахмада некрополя Шах-и-Зинда — середины XIV в. — отчетливо видна эта техника, причем одну из плит, вероятно, при ремонте, поставили на свое место неправильно).

Но с увеличением размера сооружений увеличиваются и размеры рапортов гериха, доходя к XVII в. до размеров 4—5 м в стороне. Выполнение их

¹ См.: Б. П. Д е н и к е. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, рис. 11, 33—66, 105.

осложнялось еще тем, что с середины XV в. ряды кладки кирпича в облицовочном слое нередко уже не сохраняли горизонтальности или вертикальности, а отдельные элементы рапорта имели кладку, наклоненную к горизонту под разными углами. Это давало большое разнообразие направлений линий орнамента (рис. 1 и 2), но создавало и большие затруднения при выкладке его в натуре. Для выработки и выполнения подобных герихов необходимо было предварительное составление рисунков мастером-специалистом. В соответствии с композицией герихов этот «проект» должен был быть точно вычерчен, рассчитан и уж затем в копиях передан рабочим для выполнения на постройке. Там десятник или опытный рабочий разбивал на подготовленной кладке стены, согласно рисунку, рапорты, их элементы, сообразуясь с размерами кирпича; намечал направления рядов кирпичей; возможно, выкладывал сам первые образцы элементов данного гериха. Затем, так как остальные элементы являлись повторением первого (или двух-трех элементов), то рабочим было уже нетрудно копировать их, видоизменяя лишь их ориентировку.

Предварительные рисунки герихов и целые «альбомы» их, в виде свитков, имеются еще и сейчас у стариков «уста»-мастеров кирпичной кладки или резьбы по ганчу. Рисунки эти, видимо, скопированы с более старых. Иногда мастера по сохранившимся традициям пытаются создать и свои новые рисунки. Но все же древняя теория композиции гериха, видимо, забыта, и лишь какие-то отголоски ее еще доживают донныне. Это можно видеть из сравнения новых рисунков современных «уста»-мастеров и более древних. Среди последних мной был изучен один свиток из Государственной Публичной библиотеки Узбекистана за № 16.¹ Свиток из плотной лощеной бумаги самаркандского изделия, имеет в ширину около 38 см, в длину около 160 см. Свиток склеен из двух, несколько разнящихся по характеру, частей. На обеих частях находятся рукописные рисунки герихов из цветного кирпича. Никаких пояснительных надписей в свитке не имеется. Датируется рукопись XVI в. Дата эта была указана проф. А. А. Семеновым и подтверждена, при исследовании бумаги свитка, лабораторией консервации и реставрации документов при Библиотеке АН СССР.

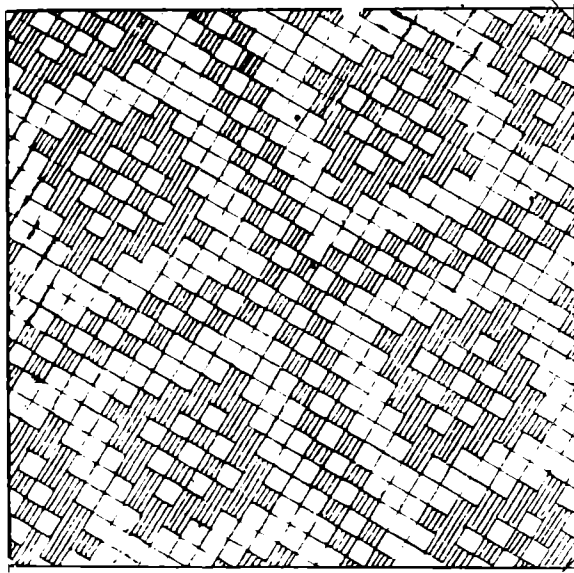
Одна половина свитка дает только узорные надписи в рамочках-каймах.

Интереснее оказалась другая половина. Она сплошь расчерчена на квадратные клеточки в 1,5—2 мм (вследствие неаккуратности чертежа клеточки не одинаковы). По краям свитка, вдоль, оставлены две полосы, около $\frac{1}{3}$ ширины свитка каждая. На них намечены кufические буквы монументальной надписи. Местами буквы обведены, но в общем надпись не закончена. По самому краю свитка оставлены полосы для каймы, совершенно не выработанной. Средняя треть свитка занята четырьмя рисунками, дающими четыре рапорта различных герихов, поочередно прямоугольного и квадратного очертания (рис. 1). На том краю, где эта часть свитка приклеена к первой, сохранилась узкая полоска пятого гериха, продолжение которого было оторвано. Каждый герих окаймлен узенькой рамочкой-бордюром, только часть которого прорисована. Эта половина свитка в общем имеет вид незаконченной, и, возможно, что ее предполагалось еще продолжить.

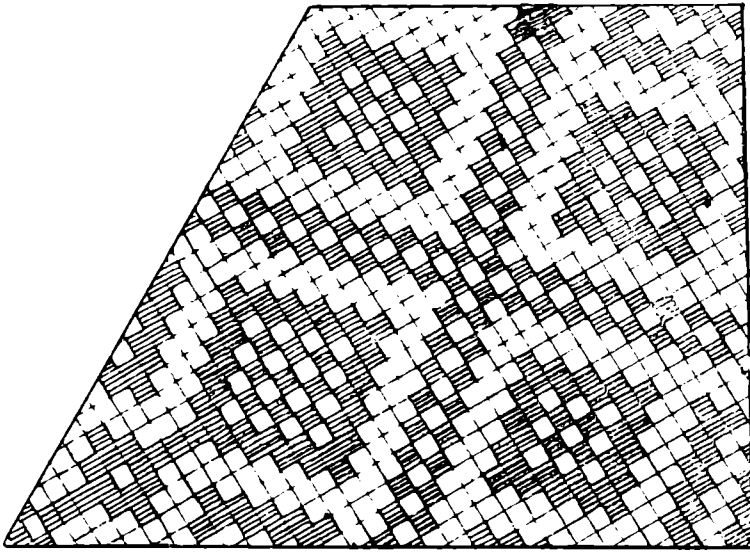
Рисунки на обеих половинах свитка выполнены в красках: линии черные, а клеточки герихов и надписей расцвечены черной, красной, желтой и, в одном случае, зеленой красками. Окраска эта чисто условная, так как в постройках поливного кирпича таких цветов не существует. Ряды кладки кирпичей в герихах показаны под разными углами. Подобно мастеру, копировавшему эти рисунки с какого-либо оригинала, пришлось расчерчи-

¹ Наличие этого свитка была указана мне хранителем отдела рукописей библиотеки, проф. А. А. Семеновым. Пользуюсь случаем высказать проф. А. А. Семенову свою искреннюю благодарность.

вать и клетки под этими углами. Для выполнения такой работы требуются и большое чертежное умение, и аккуратность, и очень хорошие инструменты. Всего этого, очевидно, у мастера не было, и потому клетки у него вышли и

А

Б

Рис. 6. Элементы реконструированного гериха с показанием счета кирпичей.

неквдратными и разной величины (рис. 2). А это вызвало в свою очередь кривизну основных линий орнамента.

Изучение рисунков этой части рукописного альбома показало, что все они изображают рапорты кирпичных герихов, предназначенных для декорации стен. Если их повторять, получаются герихи, напоминающие текстильные узоры, причем основные формообразующие линии дают новые неожиданные сочетания, образуя замкнутые компартименты: многоугольники,

звезды, неправильные фигурки. Симметричные рапорты (как III и IV на рис. 1) можно повторять, просто перенося и располагая один рядом с другим, во все стороны (рис. 8). Несимметричные, т. е. те рапорты, у которых правая и левая стороны не одинаковы (I и II на рис. 1), необходимо переносить путем их зеркального отражения по сторонам рапорта, как показано на схеме гериха рис. 3-А. Получившиеся компартименты заполнялись или стилизованными цветами или чаще надписями «квадратным» шрифтом куфи (рис. 8).

Если теперь обратиться к рисунку самого рапорта, то окажется, что он являлся результатом сложного геометрического построения. Кроме того, чтобы выполнить его в кирпиче, надо было в точности рассчитать длину

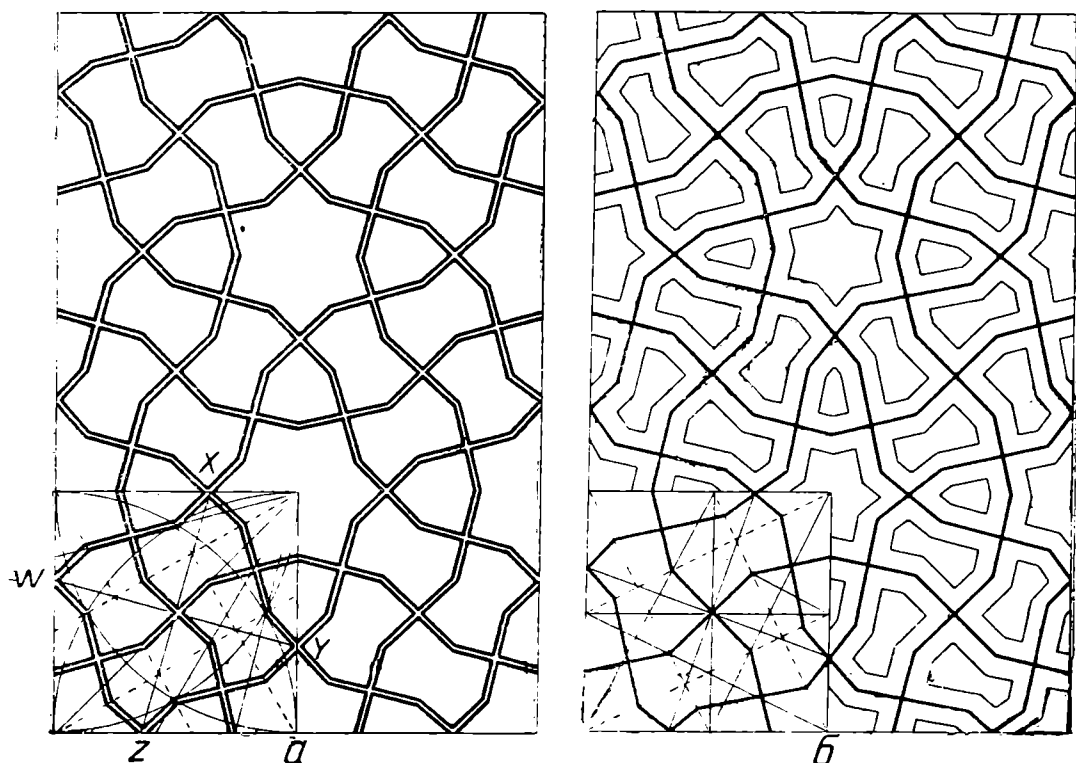

Рис. 7. Схемы герихов и приемы построения их рапортов:

а — реконструированный герих XVI в.; б — существующий герих XII в. в Термезе.

основных формообразующих линий. Необходимо обратить внимание на то, что кирпичи, образующие герих, в данном случае сложены не горизонтально и вертикально, а рядами, наклоненными под разными углами к горизонту. Можно заметить, что углы наклона рядов повторяются дважды. В двух противоположных углах наклоны кирпичей разделены биссектрисой угла, в двух других углах наклоны одинаковы. Линии раздела наклонных рядов показаны пунктирными прямыми на схеме рапорта (рис. 3). Сравнивая фигуры, очерченные этими пунктирами, мы увидим, что все они (4 фигуры) почти одинаковы зеркально и являются элементами, образующими рапорт.

Отдельный элемент изображен на рис. 4. Он представляет собой неправильный ромб. Формообразующие линии в элементе образуют крест, с почти равными ветвями, пересекающимися под прямым углом.¹ Из этих элементов, повторяемых зеркально по длинным сторонам ромба, и образован весь герих в целом, как показано пунктиром на общей схеме А (рис. 3). Простота

¹ На всех схемах герихов показаны лишь оси основных линий — двойной чертой, ординарные тонкие линии и пунктирные — вспомогательные.

рисунка (креста) в элементе настолько неожиданна, что глаз отказывается верить по первому взгляду, что весь общий довольно сложный рисунок гериха образован лишь сочетаниями крестов в различных наклонах. Но на самом деле это так; это обстоятельство и облегчает выполнение узора в натуре простому рабочему. Расчертить на стене простую прямоугольную сетку рапортов по данным размерам, затем разбить полученные прямоугольники на элементы также по данным размерам, с помощью отвесов и причалок (шнура) очень нетрудно. А затем дело рабочего сводилось к повторению одного и того же узора с одинаковым счетом кирпичей в каждом начерченном ромбе. При такой организации работы выполнение облицовки могло поручаться любому кладчику, вся же сложность композиции герихов ложилась на мастера-орнаментиста, художника и обязательно хорошего чертежника, знавшего геометрию и даже, как увидим далее, тригонометрию.

Построение рапорта выясняется только путем тщательного изучения чертежа. Ход построения (рис. 3, середина, внизу) таков: на прямой линии из точек *A* и *B* проводятся две наклонных линии, одна под углом в 45° , другая — 60° к горизонту, до их встречи в точке *E*. Через эту точку проводится горизонтальная *CD* параллельно *AB*, а из *A* и *B* восстанавливаются перпендикуляры до пересечения с *CD*. В полученном прямоугольнике рапорта отделяем квадрат, опустив из точки *E* перпендикуляр на *AB*. Затем из углов *A* и *D*, как из центров, описываем четверти окружности радиусом, равным $ED = AF$. Приняв точки *E* и *F* за центры, описываем еще две дуги окружности, касательно к первым. В эти последние дуги вписываем три стороны правильного восьмиугольника, т. е. проводим хорды в секторах с центральным углом в 45° . Затем проводим линию *EF*. Эта последняя вместе с шестью хордами и дают оси основных формообразующих линий гериха. Пунктирная ломаная линия *AGHD* и два вертикальных отрезка *GL* и *HK* показывают границы расчленения рапорта на элементы. При этом два «стоячие» элемента имеют малые стороны ромба над прямыми углами, а в двух «лежачих» эти стороны сходятся под тупым углом, так как прямые уголки их срезаны линией *GH* (рис. 4).

Если бы герих ограничивался при осуществлении в кирпиче только выкладкой основных линий, то задача выработки его была бы закончена, оставалось бы подобрать некоторое количество кирпичей, чтобы выложить крестики, все ветви которых одинаковы (за исключением двух, отрезанных

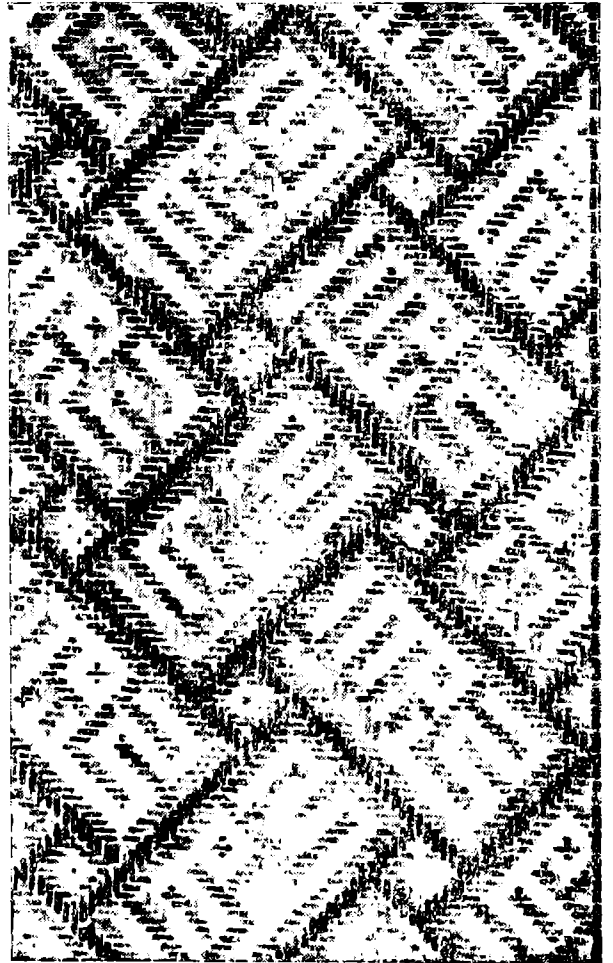

Рис. 8. Герих из поливных кирпичей на стене мечети Биби-Ханым XV в. в Самарканде.

линий GH). Это было бы не трудно. Но на деле, все компартименты (фигуры), образованные пересечением основных линий, заполнены в данном случае очень упрощенно-стилизированными букетами или цветами. Для их выполнения требуется определенное число клеточек, т. е. рядов кирпичной кладки. В случае заполнения надписями задача их вписывания в компартимент еще более усложнялась, так как необходимо было вместить строго определенное число букв с их штрихами определенной величины. Обычно и штрихи букв и интервалы между ними равнялись трем рядам кирпича, т. е. трем квадратикам. Значит, и размеры компартимента должны были быть кратными трем единицам. Так устанавливался основной модуль размеров всех линий гериха.

После построения гериха мастеру-художнику было необходимо *рассчитать* его, т. е. определить размеры всех его линий и выразить их в модуле, т. е. толщине кирпича. Проводить расчет было легче, исходя из геометрических закономерностей построения. В данном случае можно произвести расчет размеров всех линий, исходя из величины линии EB , проведенной под углом 60° к горизонту.

Приняв величину EB равной 1.000 и исходя из формул, определяющих стороны прямоугольного треугольника, получим:

$$BD = \cos 30^\circ = 0.866,$$

$$KB = \sin 30^\circ = 0.500,$$

затем:

$$AB = BD + KB = 1.366,$$

$$FK = AB - 2KB = 0.366,$$

$$EF = \sqrt{BD^2 + FK^2} = 0.940.$$

Диагональ квадрата $AE = BD \times \sqrt{2} = 1.226$; отсюда радиус R восьмиугольника равен $AE - AF = 0.726$ и сторона вписанного восьмиугольника $a_8 = 0.765 R = 0.555$. Но a_8 равна двум ветвям крестов в элементах; отсюда нормальная ветвь крестов равна $\frac{0.555}{2} = 0.277$, а укороченная ветвь равна $\frac{EF - a_8}{2} = 0.193$. Размеры сторон элементов: $AC = AK$ и $CL = KB$ уже

известны; сторона $AG = HD = KB \times \sqrt{2} = 0.707$, сторона $KH = LG = FK = 0.366$, сторона $GH = 2 \times GF \times \cos 67^\circ 30' = 0.383$.

Таким образом, размеры всех главных линий гериха, его рапорта и элементов определены, но в отвлеченных цифрах, выраженных в отношении к длине линии EB . Чтобы перейти к размерам кирпича и определить конкретные размеры главных линий в любых единицах измерения, мастер должен был учесть число рядов кирпичей в одной из линий гериха. Для этого лучше всего взять большую ось ромба элемента, к которой ряды кирпичной кладки направлены перпендикулярно (см. выкладку рапорта, рис. 4). Эта ось $AH = DG$, равна в то же время $EF = 0.940$. На ней, как можно видеть на рисунке XVI в. или на выполненной нами детали (рис. 2 или 4), помещается 70 рядов кирпичей, или 70 клеток.¹ Исходя из этого подсчета, получим размер толщины кирпича; он равняется $\frac{1.000}{70} = 0.0134$. Если принять толщину кирпича для круглого счета равной 0.05 м (в натуре она

¹ В оригинальном альбоме XVI в. чертеж выполнен, по неаккуратности копирования шегостера, не точно и в одной половине его на оси умещено 70 рядов, на другой половине 73 ряда. Мастер, подгоняя клеточки к рисунку, сделал их неодинаковыми.

в XV—XVI вв. немного меньше = 0.046—0.048 м), то получим размеры основных линий рапорта гериха.

$$\begin{aligned}
 EB &= 75 \text{ кирпич.} \times 0.05 = 3.75 \text{ м,} \\
 AB &= 102.4 \text{ »} \times 0.05 = 5.03 \text{ » ,} \\
 BD &= 65 \text{ »} \times 0.05 = 3.25 \text{ » ,} \\
 KB &= 37.5 \text{ »} \times 0.05 = 1.83 \text{ » .}
 \end{aligned}$$

Имея эти размеры, мастер может произвести разбивку гериха на стене здания, а если будет необходимо изменить размеры гериха, то этого можно

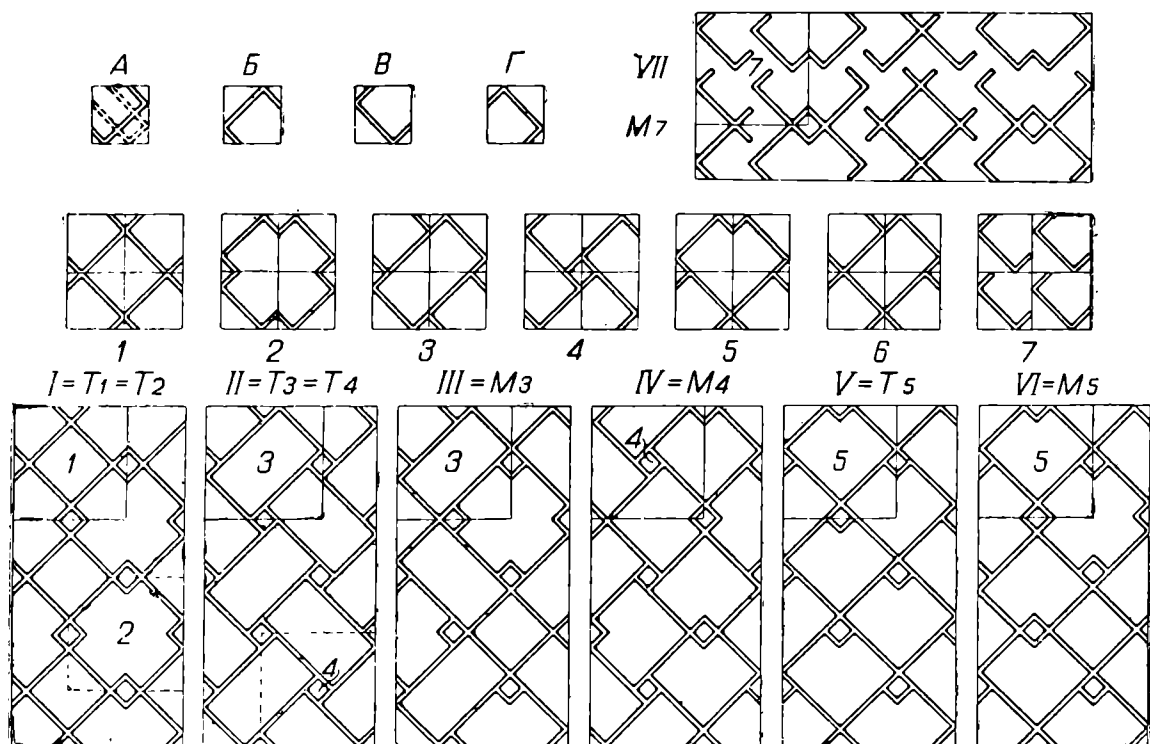

Рис. 9. Анализ комбинаций, составляемых из одного элемента.

A, Б, В, Г — четыре возможных положения элементов; 1—7 — рапорты из разных сочетаний элементов; I—VII — схема герихов, получаемых путем переноса (Т) или отражения (М) рапортов 1—7

достигнуть, изменяя количество рядов кирпича в основных линиях, или изменяя размеры самого кирпича, или, наконец, «разгоняя» слегка размеры на швах кладки. Во всяком случае герих может быть точно пригнан к площади стены любого размера.

Изучение других образцов герихов этого «альбома» показало, что все они компонованы по тому же принципу. Все рисунки являются рапортами, повторяющимися, для образования общего узора, или зеркально (I и II) или простым переносом (III и IV). Из них рапорт IV составлен из ромбов неправильной, но симметричной формы, рапорт III составлен из элементов двух видов: по краям из ромбов (почти той же формы, как в IV) и квадратиков. Рапорт I составлен из элементов четырех видов ромбоидальных и трапециoidalных форм в сложной комбинации. Но внутри всех элементов этих рапортов имеются основные линии гериха, пересекающиеся в виде креста, подобного крестам рапорта II.

В конце этой части свитка, как уже было сказано, сохранился обрывок рисунка рапорта V, представленный на детальном снимке (рис. 5, внизу).

На нем ясно виден оборванный край, наклеенный на первую часть свитка, от которой на снимок попали края рамок. На оборванной части рапорта V сохранились начала трех формообразующих линий гериха, обозначенные буквами АВ и Б, а также начала линий, разграничивавших элементы рапорта, обозначенные стрелками с буквами Г, Д, Е. Для проверки найденных и описанных выше приемов композиции нами была сделана попытка реконструкции утраченного орнамента. Основой для этой работы послужили отмеченные остатки линий, а также предположение, что рапорт V, судя по чередованию форм в альбоме, должен был иметь квадратное начертание. На рис. 5 вверху дана репродукция восстановленного рапорта гериха. Рапорт образован комбинацией из двух элементов. В середине — квадрат, по краям рапорта — ромбиды и половины их. Формы элементов, с показанием их выкладки из кирпича, даны на рис. 6 А и Б.

Рапорт для образования общего узора стены, ввиду несимметричности его сторон, повторяется зеркально, как показано на схеме (рис. 7, а). На той же схеме, в левом нижнем углу показаны приемы построения основных линий рапорта и линий, делящих его на элементы. Здесь нет возможности подробно разобрать эти приемы, можно лишь указать, что в основу построения положено деление всех четырех углов рапорта на 6 частей, по 15° каждая. Пересечения радиусов, делящих углы квадрата, определяют все точки основных линий (на схеме проведены не все делящие радиусы). Только четыре точки определяются иначе, именно *w*, *x*, *y*, *z*, отмечаемые диагоналями малого квадрата — среднего элемента, показанного пунктиром.

Расчет гериха, т. е. выяснение размеров всех его основных линий, не представляет труда, поскольку известны все углы наклона этих линий к горизонту. За единицу можно принять диагональ квадрата рапорта, а затем с помощью тригонометрических формул определить, как это вычислено выше, сначала размеры сторон элементов (пунктирных линий на схеме), потом величины линий крестов — среднего и боковых. Эти линии, кстати, все равны между собою. По длине осей полуромбов и количеству кирпичей в них (41) определяются конкретные размеры линий. При толщине кирпича в 0.05 м квадрат рапорта имеет в стороне 3.54 м.

Удача в реконструкции гериха V альбома показала, что принцип композиции был уловлен правильно. Но важно было выяснить, являлись ли рисунки «альбома» только теоретическими упражнениями или эти же принципы композиции применялись мастерами и для осуществления стенной декорации герихами на практике. С этой целью было предпринято изучение узоров на сохранившихся памятниках архитектуры. Работа была начата с зданий XVII в. (медресе Регистана в Самарканде), затем изучение перешло к памятникам времени Улуг-бека, Тимура и, наконец, еще более ранним, до X в. включительно. Кроме герихов из поливного кирпича, были изучены геометрические орнаменты из поливной мозаики, резной терракоты, ганча и рельефные из кирпича. В результате обработки почти 150 герихов из различных материалов и разного времени выяснилось, что принципы композиции гериха с теми или иными отличиями в деталях построения и расчета вырабатывались мастерами, начиная с IX в.

Во время этой работы, при изучении богатейшего собрания герихов, сохранившихся на развалинах дворца в Термезе XII в., нам удалось обнаружить осуществленные аналогии герихов II и V альбома XVI в. Репродукции этих герихов, резанных в ганчевых плитах, изданы в отчетах Термезской археологической экспедиции.¹ Рис. 14 отчета дает герих второго пилона северной стороны тронного зала дворца (рис. 3.7). Если сравнить его

¹ Тр. Узбекск. ФАН, сер. I, вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Изд. УзФАН, Ташкент, 1940, стр. 45, 47, рис. 14, 15.

с образцом рукописи XVI в., схема которого изображена рядом, то можно видеть, что по замыслу оба гериха аналогичны. Но в герихе XII в. звезды имеют 10 лучей, а в герихе XVI в. — 8 лучей. Первый поэтому строится на основе линий, делящих прямые углы на 5 частей, а второй на 4. Вследствие этого лучи крестов в элементах XII в. пересекаются под углами 108° и 72° , что возможно для ганчевого гериха и невозможно для кирпича. Кроме того, в ганчевом герихе имеются три формы элементов, сложно комбинирующихся для образования рапорта, а в герихе XVI в. — всего одна форма элемента. Вообще последний более четок и является как бы исправленной, продуманной и более изящной вариацией гериха XII в. из Термеза.

На рис. 15 указанного издания изображен герих юго-восточного пилона. Этот герих вполне аналогичен реконструированному выше, хотя прием его построения отличается, как это видно на нашем чертеже схемы (рис. 7, б). Для начертания гериха XII в. мастер, разделив рапорт средними линиями, проводит в каждой половине его по две диагонали и пользуется их пересечениями как для разделения на элементы, так и для построения основных линий. Но вследствие этого, из-за неравных углов, получились кресты с неравными ветвями, пересеченные не под прямыми углами, и компартименты гериха, также неправильными. Для резьбы в ганче это не имело значения, но в кирпиче было не выполнимо и, кроме того, затрудняло расчет гериха. Интересно, что на рис. 15 отчета на плоскости формообразующих лент гериха хорошо сохранились следы осевых и других вспомогательных линий, указывающих, что мастер предварительно вычерчивал на ганчевой плите вспомогательную схему так же, как это сделано на нашем чертеже (и при этом иногда ошибался).

При сравнении чертежей схем на рис. 7 следует помнить, что в натуре величина стороны рапорта XVI в. равна 3.54 м, а рапорта XII в. — около 0.36 м, т. е. почти в 10 раз *меньше*. Поэтому неправильности, допущенные в построении XII в., при малой величине гериха не особенно заметны, при увеличении же в 10 раз и пропорциональном утонении основных линий были бы очень заметны.

Из строительства времени Тимура здесь дается образец гериха на стене мечети Биби-Ханым в Самарканде (1398 г.) (рис. 8), точно повторенный затем на пилонах портала медресе Улуг-бека в том же городе (1420 г.). Он выполнен из поливного кирпича, сложенного горизонтально и вертикально. Основные линии даны темносиним кирпичом, надписи в компартиментах — из бирюзового, а фон — из неполированного шлифованного. Рисунок гериха имеет вид плетенки из широких, неплотно прилегающих одна к другой полос или лент. Очень может быть, что так именно он и был задуман мастером. Но, как будет видно дальше, возможно, что композиция его выработалась иным путем. Как и в предыдущих случаях, герих может быть расчленен на рапорты, а рапорт, в свою очередь, составлен из элементов. Рапорт этого гериха имеет форму квадрата, элемент — также. Но любопытно то, что начертания рапорта могут быть приняты разные (рис. 9, черт. 3 и 4), в зависимости от того, каким образом его выделить и как затем его переносить — просто или зеркально. На том же рисунке схема II повторяет фотографию гериха с природы (рис. 8). На схемах III и IV взяты те же рапорты (3 и 4), но повторены зеркально. В результате получился герих иного рисунка.

Элементы, из которых составлен рапорт, во всех случаях одинаковы. Это прямая скобочка (рис. 9, черт. А, Б, В, Г). Как и в предыдущих анализах (с фигурой креста в элементе), глаз сразу отказывается признать, что из этой скобки и при помощи очень простых сочетаний могут быть составлены столь разнообразные узоры. В этом и заключается творческая сила старых восточных мастеров. Нам теперь уже ясно, что простота начертания элемента была необходима для возможности выполнения герихов на громадных

поверхностях стен простыми, малоквалифицированными рабочими. На нашем рисунке под буквами А, Б, В, Г даны четыре возможные положения скобки (при условии, что ветви ее взаимно перпендикулярны и направлены под углом в 45° к горизонту — это обязательно при кладке кирпича вертикальными и горизонтальными рядами). Форма скобки, т. е. отношения размеров ее ветвей, в данном случае не имеет значения, и она может быть и та-

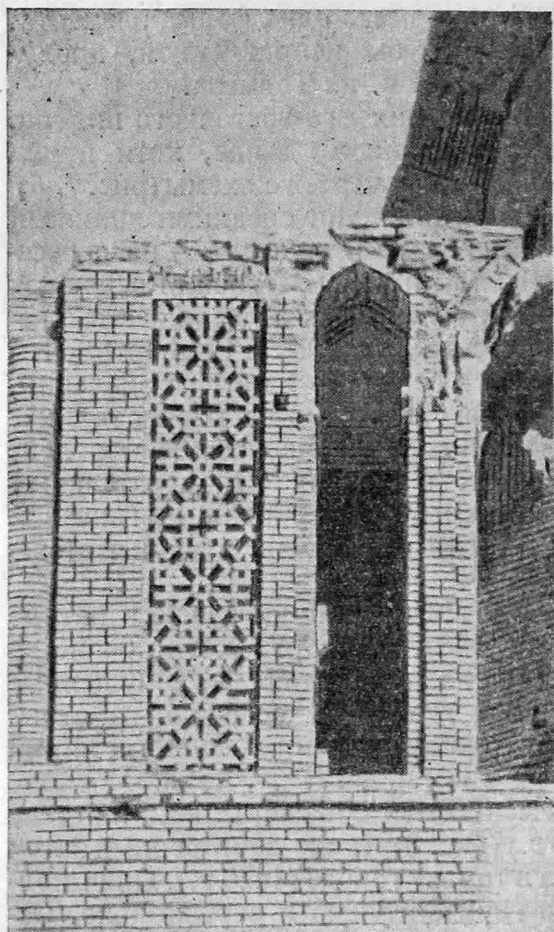

Рис. 10. Кирпичный герих на столбе мавзолея XII в. султана Санджар в Старом Мерве.

кой, как показано пунктиром в черт. А. Из этих четырех положений скобки может быть создан ряд комбинаций для рапортов. На рис. 9 показано 7 комбинаций, но далеко не все возможные. Ниже приведены схемы семи герихов, составленных из этих рапортов. На этих схемах видно, что иногда два рапорта различного начертания могут дать один рисунок гериха (герих I из 1 или 2, герих II из 3 или 4) и, наоборот, один рапорт может дать два разных гериха, в зависимости от способа его повторения (герих II и III из рапорта 3, герих I. и IV из рапорта 3, герих V и VI из рапорта 5).¹

Из изображенных схем наиболее четкими и ясными по композиции являются герихи I, II и IV (или V — близкий к IV). Как раз все эти герихи имеются и в натуре. О герихе II уже сказано выше. Герих IV выполнен рельефом из жженого неполированного кирпича на минарете Калян XII в. в Бухаре в различных комбинациях — из простой кладки рядами и из кирпичных квадратиков в виде цепочки $\diamond\diamond\diamond$. Из поливного кирпича он встречается на пор-

тале мечети Биби-Ханым в XV в., на медресе Шир-Дор XVII в. в Самарканде. Герих I воспроизведен на наружных и внутренних стенах медресе Шир-Дор, медресе Тилля-Кари и Улуг-бека, повторяясь много раз с вариантами пропорции и величины скобочки. Других изображенных редакций гериха пока нам не встречалось.

Приведенные образцы герихов свидетельствуют, как нам кажется, что мастера не просто по интуиции рисовали орнамент в виде плетенки или пересекающихся квадратов (герих I), но несомненно прибегали в своем творчестве и к геометрическому анализу, часть которого дана на рис. 9, и сознательно выбирали наиболее удачные результаты. Трудно предположить, чтобы мастер мог интуитивно придумать комбинацию гериха IV (V) — настолько она далека от какого-либо реального предмета. А между тем, именно эта комбинация встречается ранее других и чаще других повторяется и

¹ Буквы Т и М, поставленные при цифрах рапорта, обозначают способ повторения рапорта: Т — простой перенос (Transport), М — перенос зеркальный (Miroir), т. е. МЗ — обозначает зеркальное повторение рапорта 3.

в XII и в XIV, XV, XVII вв. Среди других образцов элементов имеется еще более простой по начертанию, в виде треугольной скобочки «<», допускающей еще большее количество вариантов рапортов и составленных из них герихов. Орнаменты из этих элементов выполнялись и в XIV, и в XV, и в XVII вв. Но рамки настоящей статьи не позволяют на них остановиться.

Из ранних образцов гериха приведу здесь лишь один (не считая уже приведенного ганчевого гериха из Термеза). На мавзолее султана Санджар XII в. в Старом Мерве имеются кирпичные столбы, когда-то поддерживавшие арки галлерей на квадратном массиве мавзолея (рис. 10). Они декорированы ажурным узором из кирпича, помещенного горизонтально, вертикально и наклонно под углом в 45° к горизонту. Весь узор в целом имеет вид узкого панно, но может быть продолжен и развернут в виде бесконечного текстильного орнамента. Анализ его показывает, что узор составлен из квадратных рапортов, как показано на общей схеме (рис. 11, а) и отдельном рисунке рапорта (рис. 11, б). Последний имеет форму квадрата и, в свою очередь, составляется из четырех элементов, т. е. вернее, из одного, но повторенного четыре раза. Элемент (рис. 11, в) имеет форму равнобедренного прямоугольного треугольника и повторяется в рапорте зеркально (М). Сам рапорт в орнаменте переносится также зеркально. Фигура в элементе довольно сложна по начертанию, несколько напоминает форму цифры «4».

Для построения этой фигуры и всего рапорта его сторона (квадрата) разделена на 8 частей, и линии деления послужили осями основных линий гериха. Вместе с тем, как это видно на рисунке, величина деления равна толщине кирпича, т. е. в данном случае построение гериха и его расчет ведутся одновременно и тесно связаны друг с другом. Этот факт можно отметить для большинства изученных нами ранних герихов, выполненных рельефом из кирпича. Другая особенность герихов X—XII вв. — это простота формы их элементов (большую часть треугольник или квадрат), но с довольно сложным начертанием в нем формообразующей линии. Элемент обычно один, он повторялся в рапорте зеркально или вращением, дважды или четырежды. Ближе к XVII в. форма элементов усложняется, число их увеличивается, доходя до 5—6 в одном рапорте; усложняется также и комбинирование. Впрочем, это усложнение наблюдается довольно рано — уже в герихах, резанных из ганча или терракоты (например в Термезе, Узгене в XI—XII вв.), т. е. из тех материалов, которые не требовали расчета величины основных линий и рапортов.

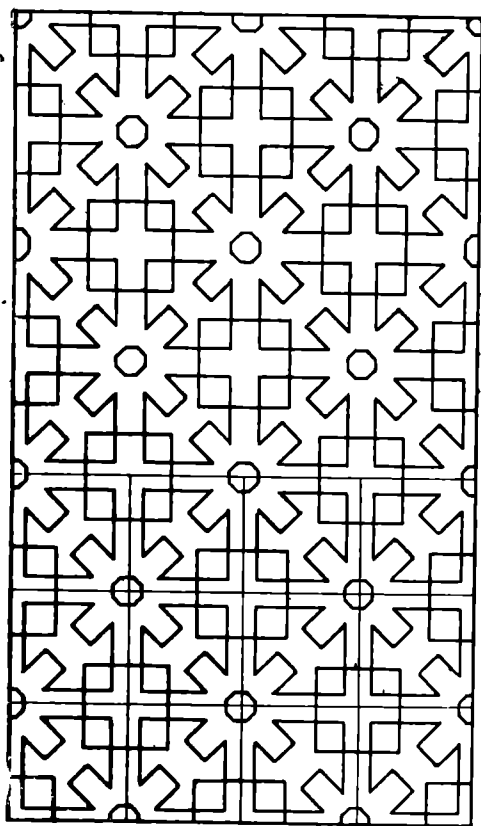
Другое заметное изменение во времени претерпевают размеры герихов. В ранние периоды архитектуры в X—XII вв. рапорты часто измеряются восьмью-двенадцатью кирпичами, т. е. имеют около 40—60 см в стороне и редко доходят до метра. При Тимуре, с его грандиозным размахом строительства, рапорты гериха редко бывали меньше одного метра в стороне и доходили до 3—3.5 м. В XV—XVII вв. нередки герихи, имеющие в стороне 4—5 м, но имеются и очень малые — в 15—20 см. Эти изменения в сложности рисунков и комбинаций элементов, в их величине хорошо объясняются изменениями производственных отношений, техники и, наконец, идеологии общества в различные периоды его развития. Этими изменениями можно пользоваться до известной степени и для датировки памятников — настолько они характерны для указанных периодов.

Сжатые размеры настоящей статьи не дали возможности показать еще две особенности среднеазиатского (и вообще восточного) орнамента, сильно отличающие его от западноевропейского (начиная с античного). Необходимо хотя бы вкратце отметить эти особенности. Первая из них — это применение в композиции орнамента большого количества осей симметрии. Западноевропейская орнаментика довольствуется в громадном большинстве случаев четырьмя осями: вертикальной, горизонтальной и двумя наклонными

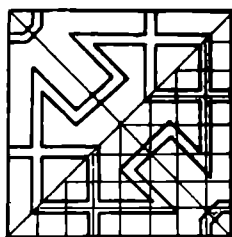
под углом в 45° . Число возможных комбинаций из них по 1, по 2 и по 4 оси равно 16. На Востоке, кроме указанных, так же часто встречаются еще пары осей под 10° , 15° , 18° , 22.5° ; под 30° , 36° , 60° ; 67.5° , 72° , 75° и др. Это дает возможности комбинаций по 2, 4, 6 и т. д. осям из 22, что доводит их количество до цифры более чем 6000. Этим фактом отчасти объясняется богатство восточной орнаментики.

Второй особенностью декорации Востока является постоянный учет мастером того места на здании, где будет находиться герих, и видимости его. Композиция узора дается так, чтобы он все время воздействовал на зрителя. Поэтому основные линии выделяются и размером и цветом, чтобы они

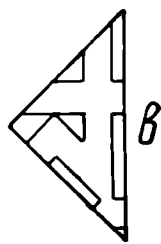
были видны на больших расстояниях. В зависимости от расположения здания, эти линии видны иногда с отдаления в 200—300 м. По мере приближения они понемногу утрачивают свое значение, уходят из поля зрения, а на их место выступают на расстоянии от 20 до 4—5 м детали, заполняющие компартименты узора в виде надписей, стилизованных цветов и т. д. Для более близких дистанций мастер применяет узорную роспись отдельных изразцов, плиток, хорошо видимую только на 1.5—0.5 м и совершенно исчезающую на больших расстояниях. Благодаря этим приемам зри-

а

б

в

Рис. 11. Схема, рапорт и элемент гериха мавзолея султана Санджар.

тель все время находится под эмоциональным воздействием декорации — как вблизи, так и вдали от здания. Это обстоятельство также увеличивает впечатление богатства восточной орнаментики, отмечаемое всеми исследователями. Вполне оценить этот прием можно лишь наблюдением памятников в натуре, так как репродукции бессильны передать это впечатление.

Здесь невозможно иллюстрировать и подтвердить примерами все сделанные нами выводы. Но большое количество проанализированных герихов, взятых из памятников от IX до XVII вв. включительно, позволяет утверждать, что методы композиции гериха были очень устойчивы, изменяясь лишь в деталях. С целью самопроверки, образцы герихов брались с некоторых зданий без выбора, подряд, как они были расположены на какой-либо части здания (боковые фасады максуры Биби-Ханым, медресе Улугбека). Все анализы этих герихов, как и других, приводили неизменно к одинаковым результатам. Начало этих приемов декоративной композиции лежит, повидимому, в IX—X вв. — в период арабского господства в Средней Азии. На ганчевых плитах, найденных на Афросиабе, датированных этим

временем, вырезаны орнаменты сасанидского характера. Часть из них построена просто по законам симметрии, подобно обычным орнаментам, в других уже имеется расчленение рапортов на элементы по приемам, развитым впоследствии. Начало этих приемов можно уловить и в резном ганчевом орнаменте мавзолея Хакима IX в. в Термезе.¹ Результаты работы могут быть вкратце сведены к следующим положениям.

1. Вскрыты приемы творчества старых среднеазиатских мастеров («уста») в композиции и выполнении герихов — геометрических архитектурных орнаментов. Изучение этих приемов дает новый чисто объективный метод в историко-художественном исследовании. Выяснение этих приемов, в свою очередь, помогает датировке памятников и позволяет положить начало (вместе с теорией симметрии, разработанной проф. А. В. Шубниковым) выработке научной теории композиции орнамента.

2. Вскрыты новые факты, указывающие на высокий уровень культуры народов Востока и еще раз опровергающие утверждения фашистской псевдонауки об их отсталости и обнаруживающие несостоятельность расовых «теорий».

3. Получены новые методы композиции орнаментов, которые могут быть использованы в практике нашего современного строительства. Геометрический орнамент может быть очень легко превращен в растительный; сухие прямые и ломаные линии, обусловленные неподатливостью кирпичной кладки, могут быть в живописной технике и мозаике превращены в плавные кривые. При этом методы построения герихов могут быть использованы в полной мере. Особенно важно будет при громадных размерах сооружаемых ныне зданий применять принцип учета видимости орнамента с различных дистанций и объединять в общей композиции орнаментику разных масштабов для разных порогов видимости. Возможно также введение в новую орнаментику большего количества осей симметрии, что может значительно обогатить, как указано выше, орнаментальные композиции.

4. Работа по изучению и анализу среднеазиатского орнамента затронула пока только геометрический его вид — герих; впереди — продолжение ее в не менее богатую область, область орнамента растительного — «ислими». В его композиции, как показало беглое ознакомление, также имеются свои закономерности, иные, чем у гериха. Затем работа по изучению обоих видов орнамента должна коснуться и образцов искусства зарубежных стран: иранского, арабского, Индии. По всей вероятности, закономерности, обнаруженные в искусстве Средней Азии, окажутся и там, хотя и с некоторыми, возможно, местными особенностями. Наконец, необходимо будет проделать ряд опытов композиции орнаментов для практических целей современной художественной промышленности и архитектурного строительства на базе изученных композиционных методов старых мастеров. Тогда только работа будет, если и не доведена до конца, то по крайней мере развернута в должной степени.

N. BAKLANOV

LE GUÉRIKH

Ornement géométrique de l'Asie Centrale et les modes de sa construction

Résumé

La tradition des constructions en pisé, longtemps très répandue dans l'Asie Centrale, y a déterminé la prédominance des murs nus sans sectionnements, d'où naquit le problème d'une décoration murale qui ne devait

¹ Этот орнамент, как и плиты из Афросиаба, репродуцированы в работе Б. П. Де-ни и к е. Архитектурный орнамент в Средней Азии, стр. 37 сл., рис. 22—25.

pas troubler la surface unie du mur. Pour résoudre ce problème fut mise à profit l'ancienne tradition, celle des nomades qui décoraient leurs tentes, ou leurs yourtes de différents tissus. Les dessins de ces tissus furent reportés sur les murs des bâtiments, soit reproduits en maçonnerie de briques à couverture polychrome, soit taillés dans le stuc. L'ornement prédominant était le guérikh, un dessin à base géométrique.

L'exécution d'un ornement en maçonnerie de briques exigeait une épure et un calcul préalable de ses lignes et tracés, sinon l'ornement ne pourrait s'adopter fidèlement à la forme précise d'un mur ou d'une voûte. Les briques étaient de dimensions différentes, leur épaisseur se rapportant à leur longueur comme 1, 2, 3, 4 etc. et se posaient verticalement et horizontalement pour former le dessin d'un ornement. Un carré à côtés égaux à l'épaisseur d'une brique servait de module au calcul.

On a conservé de vieux albums en rouleaux, contenant des épures de guérikhs du XVIe siècle (fig. 1). Dans ces dessins le maître ornemaniste traçait le motif-type, ou pièce de rapport, comme pour les tissus. Le motif-type pouvait être répété, soit par répétition simple (*T*), soit par répétition symétrique (*M*). Ce procédé facilitait le travail de l'ouvrier maçon, qui n'avait qu'à assembler les briques selon un seul dessin répété.

Parfois, pourtant, le motif-type était lui-même d'un dessin assez compliqué. Cela porta les ornemanistes de l'Asie Centrale à subdiviser le motif-type en éléments, répétés à leur tour soit symétriquement (*M*), soit par rotation (transposition de l'axe = *R*).

L'introduction d'éléments répétés permit de créer des compositions de dessins d'une grande variété, vu qu'un même élément, ordonné selon des compositions différentes, formait des ornements divers (fig. 2). Le nombre d'éléments répétés varie, en commençant par un seul, répété 2 ou 4 fois, jusqu'à 6 et 7, répétés 2, 3 et 4 fois dans des combinaisons différentes (fig. 3, 7).

La composition d'un ornement s'opérait selon les différentes règles géométriques; le mode de construction d'un guérikh est montré à la fig. 3 (en bas), le calcul de ses tracés est indiqué à la page 92. Dans un album de dessins des ornements en briques, datant du XVIe siècle, un des guérikh ne s'est conservé qu'en un fragment (fig. 5, en bas). L'auteur de l'article présent a essayé de faire la reconstruction complète de ce guérikh, y ayant appliqué l'ancien principe de composition (fig. 5, en haut; fig. 6 *A* et *B*). La justesse de cette reconstruction a été affirmée par la découverte d'un pareil ornement sur le mur d'un bâtiment du XIIe siècle — les ruines du palais de Termez (fig. 7-Б).

La fig. 8 reproduit un guérikh d'une mosquée de Samarkand de l'époque de Tamerlan; la fig. 9 fait voir comment les mêmes éléments servirent à la composition d'ornements d'un aspect tout différent. Plusieurs de ces derniers ont été aussi exécutés sur des bâtiments de l'Asie Centrale au XIIe, XIVe et XVIIe siècles.

Les fig. 10 et 11 reproduisent un guérikh du XIIe siècle du mausolée du sultan Sandjar, dans l'ancienne ville de Merv; nous y donnons aussi l'analyse de sa composition. Nous avons soumis à l'analyse plus de 150 guérikhs divers, datant à partir du IXe, jusqu'au XVIIIe siècle; tous étaient à motif-types, subdivisés à leur tour en éléments répétés; seuls les modes de composition variaient, ainsi que la grandeur des motif-types, qui atteignirent leur maximum (4—5 mètres de longueur) aux XVe—XVIe siècles.

Il est donc permis d'affirmer qu'on a réussi à découvrir un des procédés de composition décorative des anciens maîtres-ornemanistes de l'Asie Centrale.

И. И. ЛЯПУШКИН

О ДАТИРОВКЕ ГОРОДИЩ РОМЕНСКО-БОРШЕВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

В ходе полевых археолого-разведочных работ летом 1940 г. в бассейне среднего течения р. Ворсклы (левый приток Днепра) в числе других памятников нами было обследовано два городища — в селах Опошня и Глинск (Полтавская обл.). Городище в с. Опошня частично было раскопано, было вскрыто три землянки.¹ Местоположение городищ, их внешний облик, размер, характер жилищ и их внутреннее убранство, вещественный материал — все дает основание причислить их к группе роменских городищ (по раскопкам Н. Е. Макаренко) и воронежских (по раскопкам П. П. Ефименко). Обследованные городища не дали материалов для непосредственной датировки этих памятников, а также для этнической характеристики обитателей поселений. Для решения этих вопросов пришлось обратиться к материалам и исследованиям, связанным с роменскими и воронежскими городищами, бесспорное родство которых с исследуемыми нами поселениями очевидно. Изучение этих материалов показало, что при наличии четкой и обоснованной датировки памятников воронежской группы, установленной П. П. Ефименко,² дата городищ роменской группы исследована недостаточно. Воронежскую группу городищ и курганных могильников П. П. Ефименко рассматривает как памятники славянской культуры IX—X вв.,³ с чем нет оснований не согласиться. К этим выводам П. П. Ефименко пришел в 1928—1929 гг. в результате исследования Большого Боршевского и других городищ и курганных могильников в районе гор. Воронежа. Основанием датировки послужили материалы раскопок: арабские монеты, металлические украшения, керамика, и некоторые другие данные.⁴

Тождество памятников воронежской и роменской групп, принадлежность их к одной — Роменской, или, точнее, Роменско-боршевской культуре, дает основание распространить датировку городищ воронежской группы и на городища роменской группы (Монастырище, Вашкевича, Медвежье, Замчище), а тем самым и на исследованные нами городища бассейна р. Ворсклы — Опошнянское и Глинское. Конечно, IX—X вв. — лишь общая дата, дата основных слоев Роменско-боршевской культуры. Датировка отдельных городищ этой культуры должна быть строго индиви-

¹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X столетий. КС ИИМК, вып. XII.

² П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 6—7.

³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древне-русские поселения на Дону (рукопись). В настоящей работе я широко использовал материалы этой рукописи, любезно предоставленной мне П. П. Ефименко, за что приношу ему большую благодарность.

⁴ П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2. — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч.

дуализирована. Одни из городищ, содержащие роменские слои, содержат более поздние слои — великокняжеской поры, другие возникли, повидимому, несколько ранее, чем группа воронежских городищ. Таким образом, хронологические рамки отдельных поселений должны быть расширены как вниз (например для Опошнянского городища до VIII в. ¹), так и вверх (например для Монастырища — до XI в., о чем ниже).

Однако датировка П. П. Ефименко не является единственной и не имеет широкого распространения. В печати чаще наблюдается для этой группы памятников иная дата — VI—VII вв. Наиболее широкую известность такая датировка приобрела со времени выхода в свет статьи Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь». ² По мнению Б. А. Рыбакова, «основные слои» городищ роменского типа, к которым он причисляет и Большое Боршевское городище, относятся к VI—VII вв. и принадлежат антам. Эту мысль автор повторяет и позднее, в 1943 г. «Городища роменского типа, — пишет он, — с их рядовыми комплексами жилищ, никак не могут считаться типичными для всей антской территории: роменские городища представляют только периферийную, провинциальную культуру восточных окраин антской земли». ³ Повидимому, этой же датировки роменских городищ VI—VII вв. придерживается и А. В. Арциховский. ⁴ К ней же склоняется и В. В. Мавродин. ⁵

Таким образом, налицо две трактовки одних и тех же памятников. Одни исследователи датируют их IX—X вв. и связывают с собственно славянами, другие VI—VII вв. и приурочивают их к антам. Кто же прав? Попытаемся разобраться.

I

Как известно, культура городищ роменского типа впервые была обнаружена Н. Е. Макаренко в 1901 г. на городище Монастырище близ гор. Ромен Полтавской области, на правом берегу р. Ромен (правом притоке р. Сула) при пробных его раскопках. ⁶ В 1906 г. работа на городище была продолжена. Одновременно с исследованием городища Монастырище в том же 1906 г., в пределах того же Роменского уезда, был обследован еще ряд городищ, оказавшихся принадлежащими к той же, Роменской, культуре, что и городище Монастырище. Это были: городище в имении Вашкевича, на правом берегу р. Сула, против с. Москалевки; городище Медвежье, у с. Медвежьего, на правом берегу р. Ромен, и городище «Замчище» в г. Глинске. ⁷ К полевым исследованиям этих пунктов Н. Е. Макаренко впоследствии возвращался не раз. По заявлению автора, раскопки производились им в 1910, 1912, 1915, 1922 и, наконец, 1924 гг. ⁸

Четверть века полевых исследований и наблюдений, казалось бы, — время вполне достаточное как для суммирования накопленного материала, так и для некоторых выводов и заключений общего порядка, например об этническом облике культуры, датировке памятников и т. д. К сожалению, такой итоговой работы по Роменской культуре Н. Е. Макаренко не дал, хотя, по его словам, она им подготовлялась. ⁹

¹ И. И. Ляпушкин, ук. соч.

² ВДИ, 1939, № 1 (6).

³ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 73—80.

⁴ А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 99.

⁵ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, Л., 1940, стр. 32.

⁶ Н. Е. Макаренко, ИАК, вып. 22, 1907, стр. 56.

⁷ Н. Макаренко, там же, стр. 68—76.

⁸ М. Макаренко. Орнаментация керамічних виробів в культурі городищ Роменського типу. Sbornik Niederluy, стр. 323.

⁹ Микола Макаренко. Городище Монастырище. Наук. збірн. істор. секції УАН, 1924, т. XIX (отдельн. оттиск. стр. 8).

Просматривая частные работы Н. Е. Макаренко по этому вопросу, можно заключить, что он очень осторожно подходил к интересующим нас вопросам — датировке памятников и определению их народности. Безусловно, исследованные им городища Монастырище, Вашкевича, Медвежье, Замчище содержали такой комплекс вещей, который очень мало давал как для относительной, так и для абсолютной датировки, а еще менее для определения их этнического облика. Однако, как ни незначительны были эти данные, трудно согласиться с таким заключением, какое дано по этому вопросу в Отчете археологической комиссии за 1906 г.: «Время городищ, — отмечается в отчете, — не может быть определено, так как в них пока что не отыскано характерных находок». ¹ Формулировка этого положения принадлежит, безусловно, автору раскопок, Н. Е. Макаренко. Между тем, в руках Макаренко находились вещи, которые в какой-то степени все же указывали на одну из хронологических вех. К числу этих вещей в первую очередь принадлежат шиферные пряслица (овручские), найденные в различных местах культурного слоя при раскопках городища Монастырище в 1906 г. ² Датировка шиферных пряслиц довольно основательно разработана в славяно-русской археологии. Они датируются XI—XII вв. Это давало полное основание XI—XII вв. считать наиболее ранней датой прекращения жизни на городище Монастырище. Достоверность этой даты подтверждалась рядом других вещей, обнаруженных Н. Е. Макаренко при раскопках. Среди керамического материала можно указать на фрагменты сосудов с линейным и волнистым орнаментом, лепных и гончарных, так наз. славянского типа. ³ Если датировка лепной керамики во всем ее многообразии продолжает еще оставаться довольно-таки темной областью, то этого нельзя сказать о времени появления славянской керамики с линейным и волнистым орнаментом, сделанной на гончарном круге. Для Среднего Поднепровья — это рубеж I и II тысячелетий н. э. Совместные находки керамики указанной группы с шиферными пряслицами давали автору исследования все основания для заключения, что эти вещи не случайны для обследованных им городищ.

В свете материалов, которыми располагал автор как из городища Монастырище, так и родственных ему — Вашкевича, Медвежье и др., не было также никаких оснований отодвигать в глубь веков и нижнюю хронологическую границу. При мощности культурных отложений в среднем 1—1.5 м, при непрерывном процессе жизни на городище, оно едва ли существовало более двух-трех столетий. При наличии верхней хронологической границы не ранее XI в. нижняя граница должна была проходить где-то между VIII и IX вв. Но Н. Е. Макаренко, повидимому, не мог примириться с подобной датировкой. Над ним властвовал «примитивный уклад» исследуемой им культуры, который, как правильно указал в свое время П. П. Ефименко, «побуждает относить ее остатки ко времени, гораздо более раннему, и рассматривать их как памятники ранней поры». ⁴ В угоду этой архайке Н. Е. Макаренко шел даже на пересмотр и понижение датировки керамики с линейным и волнистым орнаментом великокняжеской поры. В работе «Археологические исследования 1907—1909 г.», характеризую керамику городища «Снітин» Полтавской губернии, Н. Макаренко писал: «Черепки сосудов с орнаментом такого характера [линейным и волнистым —

¹ ОАК за 1906 г., стр. 113.

² Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 58 и 67.

³ Н. Е. Макаренко. Там же, стр. 58, 67 и др. — Он же. Орнаментація..., стр. 338. — Он же. Городище Монастырище ..., стр. 14.

⁴ П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 6—7.

И. Л.] в археологической номенклатуре обычно носят название славянских и датируются XII—XIII вв. Насколько соответствует действительности подобное определение, скажет будущее, но думается, что хронологические границы их придется отодвинуть в глубь веков». «Особенного внимания в этом смысле, — писал он далее, — заслуживают черепки с волнистым орнаментом группами в несколько параллельных рядов, найденные мною в городище Вашкевича..., в нижних культурных слоях его, и в других городищах роменского типа, имеющих за собой неоспоримое право считаться древнее не только XII, но и X века». ¹ «Один вывод остается несомненным, — пишет он о роменских памятниках в другом месте, — это не есть культура славянского курганного периода, поскольку мы ее знаем в этих местах. Это — культура значительно старше, как можно о том судить на основе остатков ее, которые удалось собрать». ²

Не внесли определенности в его взгляды на вопрос датировки роменских городищ и последующие его раскопки, проведенные в 1910, 1912, 1915, 1922 и 1924 гг. Он попрежнему пребывал в области предположений и догадок. Свою работу 1924 г. он заканчивает таким предположительным заключением: «И когда лишь будет открыто и исследовано больше памятников, нежели нам известно их сейчас, тогда будет иметься полная возможность думать и про заселение края до IX—X вв., например VI—VIII вв., к какому времени возможно будет принадлежать и наше городище». ³ Эту же мысль повторяет автор и в работе следующего, 1925 года. ⁴

Естественно, что такая неуверенность в датировке исследуемой культуры лишала автора возможности решить вопрос и об этническом лице этой культуры. Для этой цели автор располагал еще меньшими данными, чем для вопроса хронологии. Правда, у Макаренко имелся своего рода ключ к пониманию этого вопроса, но им он не только не воспользовался, но даже не пытался этого сделать. Мы имеем в виду достаточно определенное географическое местоположение памятников этой культуры — почти центр Переяславской земли XI—XII вв. При наличии находок вещей (керамики) собственно Роменской культуры совместно с керамикой, по признанию самого автора, безусловно славянской XI—XII вв. географическое местоположение говорило за многое. Подобные совместные находки Н. Е. Макаренко отмечает в раскопках на городище около озера Буромки Сосницкого уезда на Черниговщине, городище Монастырище и в ряде других пунктов. Но в каких отношениях находятся эти две группы керамики, он и здесь сказать не решался. ⁵

Если сам Н. Е. Макаренко был так осторожен и нерешителен в вопросах датировки и определения этнического лица Роменской культуры, а об обоснованиях своих предположений и догадок умалчивал совсем, то другие исследователи без особых объяснений вводили роменские памятники в круг славянской культуры. Так, автор работы «Славянские курганы и городища как исторический источник» еще в 1914 г., характеризуя славянские городища, в числе других указывает и городище «Монастырище» близ Ромен. ⁶ А. А. Спицын в статье «Археология в темах начальной русской истории» ⁷ замечает: «древним городищем, скорее всего северянским,

¹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 112.

² М. Макаренко. Городище «Монастырище», стр. 5.

³ М. Макаренко, там же, стр. 23.

⁴ М. Макаренко. Орнаментація..., стр. 338.

⁵ М. Макаренко, там же, стр. 335.

⁶ В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник. Киев, 1914, стр. 17—18.

⁷ Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, 1922, стр. 10.

следует считать Роменское, раскапываемое Макаренко (ИАК, вып. 22), Может быть, оно IX в.».

В таком состоянии вопрос датировки культуры городищ роменского типа оставался пока Н. Е. Макаренко монополюльно владел материалами этой культуры, т. е. до 1928—1929 гг.

Что касается материалов из городищ той же культуры или близких ей по своему вещественному облику, раскопанных другими исследователями, как, например, Большого Боршевского городища (раскопки А. А. Спицына),¹ Буромского (раскопки В. Е. Козловской),² Калядинского (раскопки Гендуне) и др., то они были еще менее значительными и уже совершенно не давали возможности разобраться ни в вопросах хронологии городищ, ни их этническом облике.

Между прочим, следует заметить, что, несмотря на незначительность раскопок на Боршевском городище и курганном могильнике и небольшое число находок, среди последних оказались такие вещи (например бронзовая бляшка), которые автор раскопок А. А. Спицын датировал вполне согласно с данными, полученными при раскопках того же городища П. П. Ефименко в 1928—1929 гг.³

Итак, семь раз принимался Н. Е. Макаренко за полевые исследования городищ роменской культуры. Четверть века держал он в своих руках материал из этих городищ. Не раз останавливался он в раздумье над вопросами датировки этих памятников и народности, оставившей их, но так и ушел из жизни, не оставив по интересующим нас вопросам ничего, кроме предположений и догадок, не показав даже и тех доводов, которые клал в обоснование этих предположений.

I

Но эти предположения вскоре оказались несостоятельными. В 1928—1929 гг. П. П. Ефименко были предприняты раскопки Большого Боршевского и смежных с ним городищ и курганных могильников на Дону, близ Воронежа. В 1905 г. это городище и прилегающий к нему курганный могильник раскапывались А. А. Спицыным. Раскопки А. А. Спицына по существу носили разведочный характер и дали незначительный материал. Но и эти данные уже тогда позволили подойти к правильной датировке боршевских курганов.⁴ Добытый материал позволил даже осторожному Н. Е. Макаренко сделать заключение, что культура Боршевского городища стоит близко к культуре городищ роменского типа. Об этом он писал в работе 1924 г., где указывал, что в керамике и костяных изделиях Боршевского городища и могильника «отразилась культура роменских городищ».⁵ Еще определеннее об этом сходстве писал он в работе 1925 г.⁶

Раскопанные одновременно с Большим Боршевским другие городища и курганные могильники близ Воронежа (городище у Кузнецовой дачи, городище у Михайловского кордона, Малое Боршевское городище) дали вещи совершенно аналогичные вещам Большого Боршевского городища. В итоге этих работ был получен обильный материал как для характеристики жизни и быта населения, определения этнического облика обитателей поселения,

¹ ОАК за 1905 г., стр. 82—83.

² В. Е. Козловская. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромка Черниговской губернии Сосницкого уезда. ИТУАК, вып. 47.

³ ОАК за 1905 г., стр. 83.

⁴ Там же.

⁵ М. Макаренко. Городище «Монастырище», стр. 5.

⁶ М. Макаренко. Орнаментація..., стр. 354

так и для датировки исследованных памятников.¹ Вместе с тем материалы эти подтвердили положение Н. Е. Макаренко о сходстве городищ роменской группы с Большим Боршевским городищем, а следовательно, и со всей воронежской группой. К сожалению, авторы фундаментальной работы «Древне-русские поселения на Дону» — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков — мало коснулись этого интересного и весьма важного вопроса. В ней мы находим лишь общие замечания о синхронности поселений, о сходстве жилищ Большого Боршевского городища с жилищами городищ роменской группы и несколько сравнений отдельных типов керамики.² Поэтому очень трудно судить, в какой мере авторы разделяют взгляды Н. Е. Макаренко по этому вопросу. Хотя из работы явствует, что авторы признают сходство этих памятников между собой, однако, один из соавторов этой работы — П. Н. Третьяков — выступает с несколько иной трактовкой этого вопроса. Он рассматривает роменскую и воронежскую группы как памятники, принадлежащие к различным культурам: роменские — к Северянской, а воронежские — к Вятической, или, — как он называет ее, — к культуре «курганов с деревянными камерами», принимая за характерный отличительный признак последнее захоронение трупосожжений в курганах с деревянными камерами.³ Несколько позднее, в другой своей работе, касаясь археологических памятников славянских племен, П. Н. Третьяков должен был признать наличие захоронений трупосожжений в «деревянных камерах» не только в верховьях Дона, но и в районе Ромен, т. е. как раз в том месте, где сконцентрированы роменские городища. «Следы столь же характерных погребальных сооружений северного типа, — пишет он, — встречены около с. Малые Будки, в окрестностях Ромен, под остатками распаханых курганов. Здесь были найдены сосуды с жжеными костями, бусами и другими мелкими украшениями VIII—X ст. Вокруг сосудов обнаружены остатки деревянных столбов, расположенных, по сообщению Н. Е. Макаренко, по полукругу, а по мнению В. Ф. Беспальчева — по четырехугольнику. Очевидно, эти столбы представляют собой деревянную ограду, известную по курганам верховьев Оки и Дона».⁴ Таким образом, основной признак, по которому П. Н. Третьяков отделял донские славянские поселения (т. е. вятические) от роменских (т. е. северянских), — именно, наличие курганов с деревянными камерами, — оказывается, характерен не только для района Воронежа, верховьев Оки и т. д., но и для района роменских городищ. Очевидно, что указанная автором распространенность курганов с деревянными камерами на территории, занятой роменскими городищами, делает противопоставление памятников роменской и воронежской группы неубедительным. Автор, однако, пытается найти выход из создавшегося положения в сближении культур северян и вятичей. В последней своей работе, посвященной происхождению северных восточнославянских племен, он пишет, что «судя по материалам роменских городищ, культура северянских племен, сложившаяся на Десне, близко напоминала культуру вятичей, отличаясь от нее лишь в деталях».⁵

Этим новым положением автор, во-первых, совершенно невольно подчеркивает полное сходство памятников роменской и воронежской групп, а во-вторых, показывает, насколько неясны и субъективны критерии су-

¹ П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2. — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древне-русские поселения на Дону (рукопись).

² Там же, стр. 22.

³ П. Н. Третьяков. Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза. КС ИИМК, II, 1939.

⁴ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 33.

⁵ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 53.

ждения — к какому славянскому племени отнести те или иные археологические памятники. На самом деле, почему отличительным признаком кривичей, славян новгородских и вятичей автор признает обряд захоронения (длинные курганы, сопки, курганы с деревянными камерами), а для вятичей и северян этот признак отбрасывает и все различие сводит лишь к «деталям»? Почему автор не учитывает различия в деталях для длинных курганов и сопок? Но об этом после, ибо это иная тема.

Итак, все различие между памятниками роменской группы и воронежской, даже по П. Н. Третьякову, сводится лишь к деталям, причем и они остаются неразъясненными.

Замечания П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова в работе «Древне-русские поселения на Дону» и выводы П. Н. Третьякова в цитированных работах облегчают нашу задачу обоснования сходства материальной культуры памятников роменской и воронежской групп. Сходство основных черт этих памятников: местоположения поселений в недоступных местах (в лесной чаще, среди болотистых низин и озер, в окружении оврагов и т. п.),¹ наличие там и здесь полуземляночного типа жилищ,² общий облик керамики,³ захоронение в курганах с деревянными камерами⁴ и некоторые другие общие признаки, признанные авторами, позволяют остановиться лишь на деталях.

Наиболее многочисленным материалом в обеих группах памятников является керамика. Поскольку родство керамического комплекса в целом не вызывает сомнений, остановимся лишь на отдельных типах сосудов, показывающих — насколько они сближают эти группы памятников и отдаляют их от других, близких, но не тождественных им. На городищах роменской группы, наряду с повсюду бытующими в это время формами сосудов — горшками, мисками и т. д., встречены глиняные тарелки (сковородки), которые нигде на других поселениях этой поры, насколько нам известно, кроме Саркела,⁵ не встречены. На городищах воронежской группы, в том числе на Большом Боршевском, тарелки (сковородки) обнаружены в большом количестве. Часть из них орнаментирована по краю тем же зубчатым чеканом и веревочкой, что и на городищах роменской группы.

Здесь следует остановиться на одном привходящем вопросе. П. Н. Третьяков утверждает, что южные памятники Роменской культуры (на Ворскле и в прилегающих районах) имеют северное (деснинское) происхождение. К этой южной группе роменских памятников он относит и курганы, раскопанные В. Е. Данилевичем у с. Буд и хутора Березовка, основываясь на родстве инвентаря из этих курганов с деснинскими вещами. В числе прочих вещей из курганных захоронений имеются и глиняные тарелки-сковородки, которые П. Н. Третьяков принял за родственные роменским. «Инвентарь курганов у с. Буд и хут. Березовки, — пишет он, — имеет, повидимому, деснинское происхождение. Здесь встречена грубая лепная посуда в виде плоскодонных горшков и, наконец, тарелок... Все эти черты характерны

¹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 27.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Там же, стр. 35—36.

⁵ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА СССР, вып. 6, стр. 216 и табл. VI, 3. — Между прочим, там же (в Саркеле) можно отметить и некоторые другие черты, свойственные памятникам Роменско-боршевской культуры, например, курганы с коллективными захоронениями (Большой курган, раскопанный М. И. Артамоновым в 1935—1936 гг., дал 231 погребение, но уже новым обрядом — труположением, вместо трупосожения, как это имело место в курганах с так наз. деревянными камерами. Археологические исследования РСФСР в 1934—1935 гг. Ростовская обл., 56. Стан. Цымлянская, ср. 198).

для керамики деснинских городищ VII—VIII ст., лежащей в основании роменского слоя». ¹ Но П. Н. Третьяков ошибся; нетрудно убедиться, что тарелки из раскопок В. Е. Данилевича ничего общего с тарелками роменских памятников не имеют, как, повидимому, и самые курганы не имеют никакой связи с Роменской культурой. Тарелки из курганов у с. Буд, как описывает их Данилевич, «сделаны из хорошей темносерой глины, не содержащей никаких искусственных примесей и мелко просеянной. Они обожжены отлично и имеют ту типичную блестящую поверхность, которой отличаются серые сосуды скифских курганов. Да и самые тарелки совершенно похожи на те каменные тарелки (и блюда), которые находят очень часто в скифских курганах». ²

Вместе с автором раскопок В. Е. Данилевичем П. Н. Третьяков сделал и вторую ошибку. Тщательный анализ опубликованных В. Е. Данилевичем материалов из раскопок курганов у с. Буд ³ позволил нам, как показано в другом месте, установить, что В. Е. Данилевич раскопал самые настоящие зольники скифского времени, а не курганы каменного века, как думает он, и не курганы VII—VIII столетия, с деревянными камерами северного (деснинского) типа, как утверждает П. Н. Третьяков. ⁴

Еще более ярким свидетельством родства керамических изделий роменской и воронежской групп памятников является наличие там и здесь сосудов, орнаментированных вертикальными желобками (или каннелюрами) по всему корпусу. Сосуды этого типа на территории СССР, кроме городищ роменской и воронежской групп, пока неизвестны. ⁵

Едва ли можно пройти мимо полного родства орнаментации керамики как по технике, так и по сюжету. Правда, процент орнаментированной керамики в роменской группе памятников, повидимому, выше, чем в воронежской, да и орнаментальные мотивы посложнее, что объясняется более длительным существованием городищ роменской группы (в частности, городища Монастырище, которое просуществовало, повидимому, до XI в.). Подобное явление наблюдается и в других местах. Так, Гочевское городище, просуществовавшее вплоть до великокняжеской поры, дает еще более пышную орнаментацию, чем собственно роменские городища, тогда как городища по р. Ворскле, например Опошнянское, жизнь на котором прекратилась на одно-два столетия раньше, дают более бедную орнаментацию, но совершенно родственную как по технике, так и по сюжетам (хотя и более простым) орнаментации собственно роменских поселений.

В керамическом комплексе воронежской группы есть еще одна важная особенность, именно, наличие достаточно большого числа сосудов привозной керамики из южных районов — нижнего течения Дона, Приазовья и т. д. Это преимущественно амфоры, высокие кувшины с одной ручкой и, наконец, лощеные сосуды салтово-маяцкого типа. ⁶ Это, по существу, не что иное, как комплекс керамики Салтово-маяцкой культуры, ⁷ поселения которой граничили с донскими славянскими поселениями. Среди керамических материалов собственно роменских поселений сосудов этого комплекса, повидимому, нет. Тем не менее, это обстоятельство ни в какой мере не

¹ П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, вып. 6, стр. 33.

² В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки. Тр. XII АС, т. I, стр. 413—415.

³ В. Е. Данилевич, ук. соч., стр. 411—427.

⁴ И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 года в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. (Рукопись).

⁵ Н. Е. Макаренко. Отчет... ИАК, вып. 22, 1906.

⁶ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древне-русские поселения на Дону (рукопись), стр. 91 и 93.

⁷ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения..., стр. 208—210.

нарушает родства городищ обеих групп в их самобытности. Наносные черты культуры городищ воронежской группы были обусловлены ее удачным географическим расположением на большой водной магистрали, связывающей торговый юг с природными богатствами севера. Этого было лишено роменское захолустье. Собственно роменские поселения были удалены и от поселений Салтово-маяцкой культуры. Зато в более южных поселениях, расположенных в бассейне Ворсклы, т. е. на границе с поселениями Салтово-маяцкой культуры, отдельные типы этого импортированного керамического комплекса были обнаружены. Так, при раскопках Опошнянского городища нами обнаружены фрагменты туземных (салтово-маяцких) амфор.¹ В отношении других городищ есть или нет в них керамика Салтово-маяцкой культуры, сведениями мы не располагаем.

Таковы те детали культуры городищ роменской и воронежской групп, которые свидетельствуют о сходстве этих памятников. Их роднят не импортированные вещи, не чужое, наносное, а именно свое, самобытное.

III

Если раскопки городищ роменской группы на протяжении более четверти века так и не дали достаточно материалов для надежной абсолютной датировки этих памятников, то раскопки памятников воронежской группы, главным образом Большого Боршевского городища, в первые же годы работы (1928—1929 гг.) оказались в этом отношении несравненно плодотворнее. Среди датирующих материалов особенное значение имеет комплекс привозной керамики Салтово-маяцкой культуры (салтовские лощеные сосуды из черной глины, амфоры так наз. туземного типа, высокие сосуды с одной плоской ручкой), дата которого — VIII—X вв. многократно засвидетельствована совместными находками с восточными и византийскими монетами на Северном Кавказе, на Тамани, в Крыму, на Нижнем Дону, в Салтове и в других местах.² В раскопках Большого Боршевского городища керамика этого комплекса была неоднократно вскрыта на полу жилых и хозяйственных построек (например в помещениях №№ 17 и 18), датируя тем самым последний этап жизни Большого Боршевского городища. В этих же жилых и хозяйственных постройках (№№ 17 и 18) были найдены арабские монеты Аббасида Мустаин (862—866 гг.), в виде подвески с припаянной трапециевидной пластинкой, и подражание диргему Саманида-ибн-Ахмеди (914—943 гг.).³ Совместное нахождение этих датирующих материалов (керамики и монет) дали авторам исследования основание утверждать, что конец жизни городища никак нельзя датировать временем ранее конца X в. Кстати заметим, что эти совместные находки керамики Салтово-маяцкой культуры с восточными монетами IX—X вв. дают еще одно подтверждение установившейся даты ее бытования. Кроме того, на Большом Боршевском городище были найдены бляшка венгерского типа и несколько бус, бытовавшие в IX—X вв., что подтверждает выводы, сделанные авторами на основе керамики и монет.

Исходя из мощности культурного слоя, длительность существования городища авторы определяют приблизительно в одно-два столетия, не более,⁴ и в соответствии с этим датируют городище IX—X вв.⁵ Так же датируется и раскопанный прилегающий курганный могильник, керамика которого

¹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КС ИИМК, XII.

² И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения..., МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 210.

³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч. (рукопись), стр. 109.

⁴ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч. (рукопись), стр. 109.

⁵ Там же, стр. 23 и 109.

оказалась совершенно тождественной керамике городища. IX веком, как отмечено, А. А. Спицыным была датирована найденная в одном из курганов бронзовая бляшка.¹ Совокупность данных, полученных при раскопках городища и курганного могильника (в частности, обряд захоронения), позволила определить и народность населения, обитавшего в районе Воронежа в IX—X вв. Выводы, сделанные авторами по этому вопросу, не были неожиданными, они лишь подтвердили предположения местных, воронежских исследователей, которые еще в 1906 г. на основе материалов, полученных при раскопках курганов «Хозарского городища» (под Воронежом), выдвинули положение о принадлежности этих курганов славянам.²

За последнее десятилетие количество памятников культуры городищ роменско-боршевского типа значительно возросло. Слои этой культуры обнаружены на Гочевском городище (б. Обоянский уезд Курской губернии), на р. Псле.³ Ряд городищ обнаружен на р. Ворскле — городище у с. Петровского,⁴ в с. Глинске, в с. Опошне⁵ и др. Эти новые памятники дали дополнительные материалы, значительно расширившие наш кругозор в понимании этой культуры как в отношении жизни и быта населения городищ, так и хронологических рамок их существования. Они подтвердили выдвинутую П. П. Ефименко датировку. Так, при раскопках Гочевского городища в 1937 г. в его наиболее ранних слоях были найдены: серьга с привеской из шариков, представляющих стилизацию виноградной кисти (типа найденной Е. Н. Мельник при раскопках в земле Лучан в 1897—1898 гг.); роговая поделка в виде кривого острия, хорошо отполированная с обработанным тыльным концом в виде головки зверька (типа найденной П. П. Ефименко при раскопках Боршевского городища). Первая из этих вещей датируется временем VIII—X вв.,⁶ вторая IX—XI вв., не ранее.⁷ При раскопках Опошнянского городища в числе других вещей, как мы отмечали выше, обнаружены фрагменты амфор салтовского типа, время бытования которых ограничивается VIII—X вв.⁸

Казалось бы, что в свете этих данных вопрос о датировке и этническом облике населения собственно роменских городищ должен быть решен путем распространения на них выводов П. П. Ефименко для воронежской группы, т. е. признания их славянскими, что было уже давно сделано некоторыми исследователями, хотя и без доказательств и датирования их тем же временем (IX—X вв.) с внесением там, где имеются для этого данные, соответствующих поправок в эти хронологические границы. Однако такое безоговорочное решение вопроса оказывается невозможным. Новые данные не только не привели к упрочению положения датировки, предложенной П. П. Ефименко, но даже дали повод к ее пересмотру. Б. А. Рыбаков предложил датировать роменские городища VI—VII вв.

IV

«Из археологических памятников в пределах очерченной территории [от устья Припяти до порогов — с севера на юг и от Днепра до Дона

¹ ОАК за 1905 г., стр. 82—83.

² А. Н. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хозарского городища в 1906 г. Тр. Воронежск. Учен. архивн. комиссии, вып. IV.

³ Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1938, № 1/2, стр. 143.

⁴ КС ИИМК, I, стр. 22.

⁵ КС ИИМК, XII, 1946.

⁶ Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан. Тр. XI АС, т. I, стр. 479—514.

⁷ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч. (рукопись), стр. 100—101.

⁸ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КС ИИМК, XII, 1946.

с запада на восток — *И. Л.*] особенно интересны городища, основные слои которых относятся к VI—VII вв. Такие городища исследовались Н. Е. Макаренко около Ромен, мною около Суджи (Гочевское городище) и П. Н. Третьяковым на Ворскле.

Городища роменского типа исследованы еще недостаточно, их распространение еще не выяснено, но при современном состоянии наших знаний можно установить, что они тяготеют к лесостепи.

Северной границей городищ, характерных для антской культуры, можно приблизительно считать северную границу лесостепи, а южной — южную границу лесостепной полосы. На востоке пределом является (так же, как и для кладов и погребений) река Дон, где П. П. Ефименко исследовал интереснейшее Боршевское городище. На юго-востоке антские городища соприкасаются с памятниками Салтовской культуры на Северном Донце». ¹

Чем же обосновывает Б. А. Рыбаков выдвинутые им положения, которые здесь приведены в полном их объеме? Какие новые данные позволили автору противопоставить достаточно обоснованной датировке П. П. Ефименко — новую?

Мы неоднократно и внимательно просмотрели только что цитированную работу автора; просмотрели другие его работы, но нигде не нашли ни обоснования выдвинутой им датировки, ни повода для опровержения точки зрения П. П. Ефименко. Не нашли мы также никаких указаний и ссылок на работы других исследователей, которые бы развили и обосновали изложенную автором концепцию. Это обстоятельство заставило нас обратиться к другим археологическим памятникам, которые автор рассматривает в той же связи и датирует их тем же антским временем, т. е. VI—VII вв., и попытаться проследить — нет ли какой-либо косвенной связи между ними и городищами роменско-боршевского типа. Наше внимание привлекла таблица вещей «из кладов и погребений антской эпохи в сравнении с вещами из славянских курганов эпохи Киевской Руси», ² где среди других предметов помещены радимические височные кольца из Железницкого клада, который автор датирует VII в. ³ Мы были несколько удивлены тем, что кольца этого типа, датируемые не ранее как концом X в., ⁴ почему-то оказываются в кладах VII в. Связи между радимическими височными кольцами и памятниками роменской культуры до сего времени не отмечалось. Правда, в свое время раскопками Д. Я. Самоквасова ⁵ и П. С. Рыкова в курганах около Гочевского городища, где бесспорно имеются слои Роменско-боршевской культуры, обнаруженные раскопками Б. А. Рыбакова в 1937 и 1938 гг., радимические кольца были найдены и притом в большом количестве, но лишь в курганах XI—XII вв. В собственно роменских слоях городища, насколько нам известно по раскопкам 1937 г. (в которых мы принимали непосредственное участие), подвески этого типа обнаружены не были. Результаты раскопок 1938 г., к сожалению, до сего времени не опубликованы, и мы ничего сказать о них не можем.

Обратимся же к Железницкому кладу в целом.

Клад был найден в 1856 г. близ с. Железниц Зарайского уезда (на р. Остре). Он содержал: «Два витые шейные обруча, вятического типа, 6 браслетов, кольца, 5 серег, 8 височных подвесок, наконечник пояса, 258 кувшичек

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 322.

² Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 336, рис. 4.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Праці сэкцыі археолёгіі, т. III, Менск, 1932.

⁵ Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в 1909 г. М., 1915 (с приложением альбома древностей).

монет 618—878 гг.»¹ Таким образом, клад можно датировать временем никак не ранее 878 г.; фактически же эту дату нужно, конечно, повысить минимум на четверть века, а то и более, т. е. до начала X в. Как видим, очевидная дата зарытия клада не имеет ничего общего с датировкой этого же клада Б. А. Рыбаковым, т. е. VII в.

Подобной проверке мы старались подвергнуть и некоторые другие даты, установленные Б. А. Рыбаковым для рассматриваемых им памятников. Так, оказалось возможным проверить датировку золотых аграфов из ст. Романовской на Дону, относимых автором к V—VI вв. (см. его табл. 4, д). По поводу этих вещей В. И. Сизов писал «...В Историческом музее, находятся золотые, ромбической формы, застёжки, украшенные жемчугом и сапфирами; застёжки эти найдены верстах в 20 от городища (правобережного Цымлянского. — *И. Л.*) в Романовской станице в гробнице кургана; вместе с ними найдена золотая монета Льва III Исаврянина (714—741 гг.)...».² Таким образом, дата погребения в достаточной степени ясна: она не ранее второй половины VIII в., а Б. А. Рыбаков без всяких оснований датирует аграфы, найденные в погребении, почему-то V—VI вв.

К сожалению, мы не смогли произвести подобной проверки датировки других вещей из его таблицы или из-за отсутствия паспорта вещей (рис. 4, в и г) или из-за отсутствия четкой документации, как, например, для вещей из Пастерского городища (рис. 4, а, б, е), где при наличии культурных напластований от первых веков нашей эры до великокняжеской поры³ и отсутствии привязки вещей к определенному культурному слою трудно решать — к какому времени относится та или иная вещь. С тем же основанием, с каким Б. А. Рыбаков датирует подвески на рис. 4, а, б и стилизованное изображение коней на рис. 4, е — VI веком, мы можем датировать их X—XII вв. И мы будем, пожалуй, ближе к истине, имея в материалах X—XII вв. аналогии этим вещам, чего не имеет Б. А. Рыбаков в материалах VI в. Опасность использования вещей из Пастерского городища в качестве исторического источника обуславливается еще и тем, что, помимо вещей, добытых В. В. Хвойко при раскопках и в какой-то степени документированных, коллекция содержит большое количество вещей покупных, о чем подробно писал сам В. В. Хвойко.⁴ О хронологии остальных вещей, помещенных на рисунке, которые Б. А. Рыбаков датирует также античным временем (V—VII вв.), судить из-за отсутствия документации не беремся. Но и их датировка в свете разобранных нами фактов может быть поставлена под сомнение, тем более, что подобный прием датировки допущен автором по отношению еще к некоторым памятникам, например к Большому Бельскому городищу, исследованному в свое время В. А. Городцовым⁵ и использованному Б. А. Рыбаковым в рассматриваемой работе.

Как ни спорна датировка этого памятника, однако, верхняя хронологическая грань его существования, кажется, никем не относилась ко времени после начала I в. до н. э. Б. А. Рыбаков полагает иначе. По его мнению, «... наряду с небольшими городищами, возникшими в V—VII вв. (читай — роменскими. — *И. Л.*), мы видим использование местным населением (читай — антами. — *И. Л.*) старых городищ скифской и сарматской эпохи, что дока-

¹ А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении. ЗРАО, т. XII, стр. 63—64.

² В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цымлянской станицы на Дону. Тр. VI АС, т. IV, стр. 279—280.

³ В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья. Тр. XII АС, ст. I, стр. 102.

⁴ В. В. Хвойко, ук. соч., стр. 96.

⁵ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. Исследование Бельского городища. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93—161.

зывается наличием слоев V—VII вв. на больших городищах типа Бельского, Пастерского, Матронинского и др.»¹ Мы останавливаемся сейчас только на Бельском городище. И здесь, как и в предыдущих случаях, автор никак не обосновывает выдвинутое им положение о наличии там слоев V—VII вв. Между тем, материалы раскопок Бельского городища, опубликованные В. А. Городцовым,² как известно, не содержат вещей V—VII вв. и тем самым не дают основания для предположения Б. А. Рыбакова, а после раскопок В. А. Городцова (в 1906 г.) других исследований там, как будто, не производилось. Обследование нами в 1940 г. Бельского городища и ряда других поселений с зольниками в районе, прилегающем к Бельскому городищу (по р. Ворскле), не дало никаких поводов к пересмотру датировки, выдвинутой В. А. Городцовым для поселений этого типа.

В итоге изучения работы Б. А. Рыбакова мы можем констатировать следующее:

1. Пересмотр датировок был произведен Б. А. Рыбаковым не только для городищ Роменско-боршевской культуры, но и для ряда других памятников той же территории.

2. Ни в одном случае новой датировки отдельного памятника, так же как и городищ Роменско-боршевской культуры, автор совершенно не дает обоснования.

3. В некоторых случаях автор позволяет себе изменять даже абсолютно бесспорные датировки, например, кладов, нижняя хронологическая граница которых основана на нумизматических данных (Железницкий клад).

4. Все изменения датировок произведены в определенном направлении с целью приближения памятников к антскому времени, т. е. к V—VII вв. Датировка памятников более ранних (например Бельского городища) повышена; датировка памятников более поздних (например Железницкого клада) снижена. Отсюда следует, что приемы и методы, положенные Б. А. Рыбаковым в основу датировок рассмотренных им археологических памятников, в том числе и городищ Роменско-боршевской культуры, являются чисто субъективными, подчиненными определенной предвзятой мысли, что дает нам полное право утверждать, что выдвинутая Б. А. Рыбаковым новая дата — VI—VII вв. — «основных слоев» городищ Роменско-боршевской культуры ни на чем не основана, а следовательно, и не может быть принятой.

Передатировка роменско-боршевских памятников понадобилась Б. А. Рыбакову для доказательства некоторых общих положений, которыми он заключил свою работу «Анты и Киевская Русь»: «Материальная культура древне-русских племен IX—XI вв., — пишет он, — сохранила много общих черт с материальной культурой антов. Непосредственная преемственность чувствуется во многом. Височные кольца, подвески, бусы и т. д. сближают антские клады с курганами Киевской Руси...

Вещественные памятники свидетельствуют, что культура, созданная в VI столетии антскими племенами, послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси...

Анты — не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры».³ Для подобных обобщающих заключений о сущности антской культуры и ее взаимосвязи с культурой Киевской Руси нужно располагать достаточно надежными данными из области антских древностей, чего, как хорошо известно, славяно-русская археология пока не имеет. Древности антов остаются неизученными, да, пожалуй, и малоизвестными. Б. А. Рыбаков, взявшись за обобщающую работу, должен был как-то преодолеть

¹ Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 322.

² В. А. Городцов, ук. соч.

³ Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 335—337.

этот недостаток вещественных источников. Однако путь, избранный автором, оказался крайне субъективным.

Кратко подведем итоги.

1. Материалы собственно роменских городищ (Монастырище и др.) не содержат непосредственно датирующих вещей. На их основе можно установить лишь верхнюю хронологическую границу для некоторых поселений. Что касается нижней хронологической границы, то она может быть установлена лишь приблизительно, исходя из стратиграфии и мощности культурного слоя.

2. Более определенная абсолютная дата жизни населения роменских городищ выявляется лишь на основе датировки ранне-славянских памятников воронежской группы, которые, как показано выше, принадлежат к той же, Роменской или, точнее, Роменско-боршевской культуре.

3. Основываясь на датировке памятников воронежской группы, содержащих исключительно лишь слои Роменско-боршевской культуры (например Большое Боршевское городище, где нет ни слоев великокняжеских времен, ни слоев, предшествующих Роменско-боршевской культуре), мы датируем городища роменской группы IX—X вв. с некоторым отклонением от этих границ вниз и вверх для отдельных городищ.

4. Выдвинутое Б. А. Рыбаковым в работе «Анты и Киевская Русь» [ВДИ, 1939, № 1 (6)] положение, что «основные слои» городищ роменского типа, в том числе и Большого Боршевского, относятся к VI—VII вв. и что городища принадлежали антам, ничем не обосновано, не опровергает датировки П. П. Ефименко, и поэтому не может быть принято.

Положение о необоснованности выдвинутой Б. А. Рыбаковым датировки городищ Роменско-боршевской культуры находит подтверждение и еще в одном весьма существенном факте. Если мы обратимся к древностям антского времени, т. е. времени VI—VII вв.,¹ исследованным А. А. Спицыным (зооморфные и антропоморфные фибулы; подвески в виде трапеций, лунниц, широких колокольчиков; браслеты с расширенными концами, гладкие прорезные бляшки от поясов),² географическое размещение которых очень близко совпадает с географическим размещением роменско-боршевских памятников, то заметим, что ни на одном из этих городищ, ни в одном из курганов, связанных с ними, не было найдено не только комплексов этих вещей, но даже и отдельных предметов. С нашей точки зрения это явление не случайное. Повидимому, время существования памятников Роменско-боршевской культуры и «антское время» (VI—VII вв.) не совместимы.

Хотя исследователи и знают отдельные вещи VI—VII вв. и даже комплексы вещей этой поры с территории, которую по письменным источникам следует считать антской и которая в какой-то мере частично совпадает с территорией распространения Роменско-боршевской культуры, но все это случайные находки (преимущественно клады), случайные в том смысле, что они не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками сседлого населения, каковым должно считать антов, по данным византийских источников. Поэтому очень трудно судить, в какой мере эти вещи свойственны антской культуре, тем более, что памятники последующей поры (VIII—X вв.) этой территории, так наз. городища Роменско-боршевской культуры, принадлежащие бесспорно славянскому населению, т. е., повидимому, потомкам антов, по своему вещественному составу ни в какой мере не увязываются с ними.

¹ Я подчеркиваю: «антского времени», а не «древностям антов», как это у А. А. Спицына, Б. А. Рыбакова и у некоторых других исследователей.

² А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского.

Поиски поселений и могильников VI—VII вв. в области Левобережья Среднего Поднепровья, таким образом, продолжают оставаться насущной и почетной задачей, но поиски эти не следует направлять по пути, предложенному Б. А. Рыбаковым.

I. LIAROUCHKIN

SUR LA QUESTION DE LA DATE DES GORODISTCHES DE
LA CULTURE ROMENSKO-BORCHEVSKAIA

R é s u m é

L'auteur du présent article, ayant entrepris en 1940 l'étude des monuments archéologiques de la région du bassin de la rivière de Vorscla (la région de Poltava) y avait découvert deux gorodistchés de l'époque slave — ceux d'Opochnja et de Glinskoje. L'analyse des matériaux archéologiques qui y furent recueillis permet de constater leur analogie frappante avec ceux des gorodistchés de Romny (v. les fouilles de N. E. Makarenko) et de Voronež (v. les travaux archéologiques de P. P. Efimenko). N'ayant pas parmi ceux qui y furent recueillis d'objets qui pouvaient en donner la date, l'auteur a été obligé de se remettre aux matériaux archéologiques des gorodistchés de Romny et de Voronež.

Quant à la question de la date de ces derniers, les opinions qu'émettent nos savants, sont bien différentes. Ainsi P. Efimenko attribue le groupe des gorodistchés de Voronež aux Slaves et les considère comme monuments slaves des IX—X siècles; le groupe de Romny il considère comme synchrone à celui de Voronež. Toute autre est l'opinion de B. Rybakov (v. son article «Les Antes et la Russie Kiévienne», ВДИ, 1939, № 1). Il croit que les gorodistchés du type de Romny (y compris celui de Borchevo) appartiennent à la culture des Antes des VI—VII-e siècles. Cette différence de points de vue a obligé l'auteur du présent article d'examiner de nouveau tous les matériaux, pouvant fixer la date des gorodistchés des groupes de Romny et de Voronež.

L'auteur analyse l'histoire des études des gorodistchés de la culture dite Romny depuis la découverte, en 1901, par N. Makarenko du premier gorodistché de cette culture, celui de Monastyrišče. L'auteur fait voir que malgré la pauvreté des matériaux archéologiques recueillis pendant les fouilles des gorodistchés de ce groupe (Monastyrišče, Vachkevitch, Medvežje etc.), on y avait trouvé assez de matériaux, pouvant fixer la limite supérieure de leur existence. L'auteur indique aussi quelques données qui permettent de fixer leur limite inférieure. C'est seulement l'indécision exorbitante de N. Makarenko, selon l'avis de l'auteur, qui ne lui avait pas permis d'éluder nettement la question de la date du groupe des gorodistchés de Romny, ainsi que la question de l'attribution ethnique de la culture qu'il avait découverte.

Ensuite l'auteur passe à l'analyse des matériaux du groupe des gorodistchés de Voronež et des cimetières à tumulus, découverts par P. Efimenko. Se basant sur les données du monument le plus brillant de ce groupe, — celui de Borchevo, — l'auteur affirme la ressemblance complète des gorodistchés des groupes de Voronež et de Romny et les attribue à une même culture, celle de Romny-Borchevo, dite «Romensko-Borchevskaja», et polémise sur ce point avec P. Tretiakov, qui les considère comme deux groupes différents. Ayant fait l'analyse des matériaux qui ont servi à P. Efimenko de

base pour fixer la date, ainsi que l'attribution ethnique des gorodistchés de Voronež, l'auteur considère l'opinion de P. Efimenko les attribuant aux IX—X siècles comme bien fondée. L'auteur passe ensuite à l'analyse de l'étude de B. Rybakov «Les Antes et la Russie Kiévienne», et n'y ayant trouvé aucun fait direct ou indirect, dans lequel on pourrait puiser un fondement pour son opinion — l'auteur arrive à la conclusion, que l'assertion de B. Rybakov, attribuant les gorodistchés de Romny aux Antes des VI—VIII siècles, ne peut être admise, comme n'étant pas fondée.

L'auteur fait en même temps noter, que nous ne connaissons pas encore de monuments de la culture des Antes et que les recherches de ces monuments sont des plus urgentes.

«Ainsi, — conclue l'auteur, — les gorodistchés de la culture dite Romensko-Borchevskaia doivent être datés par les IX—X-e siècles — date proposée par P. Efimenko, — tandis que les limites chronologiques de certains d'eux peuvent être reculées tantôt en haut, tantôt en bas — ainsi pour le gorodistché d'Opochnia jusqu'au VIII-e siècle, pour celui de Monastyrišče jusqu'au XI-e siècle.

М. К. КАРГЕР

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

I

Дореволюционная археология очень мало интересовалась Новгородом. Привлекая внимание исследователей древне-русского зодчества и живописи, являясь с начала второго десятилетия XX в. ареной исключительных открытий в области монументальной и станковой живописи, Новгород до недавнего времени не был ни разу объектом больших археологических исследований.

Можно без преувеличения сказать, что в дореволюционное время археологические исследования почти не коснулись территории города и лишь в незначительной степени затронули его ближайшие окрестности.

Как показывает докладная записка графа А. С. Уварова по вопросу о раскопках в Суздале, поданная в феврале 1851 г. графу Перовскому, заведывавшему тогда всеми археологическими разысканиями в России, существовал проект больших раскопок в Новгороде, против чего А. С. Уваров возражал, считая, что «Новгород подвергся значительному иноземному влиянию, много терпел от пожаров и нападений, наконец, богатства его были вывезены в Москву, а остатки позднее в Петербург при посредстве новейших торговцев древностями».¹ Записка эта показывает, чего ждал А. С. Уваров от раскопок древне-русского города.

Памятью сокрушительный характер раскопок Уварова в Суздальской земле, раскопавшего в течение четырех лет 7729 курганов, почти без дневников, при совершенно неудовлетворительной фиксации раскопок, без сбора массового материала, можно только порадоваться, что проект раскопок в Новгороде не был осуществлен.

Докладная записка Уварова оставалась, повидимому, руководящим документом для официальной археологической науки, почему вопрос о раскопках в Новгороде никогда не стоял в повестке дня деятельности Археологической комиссии. Единственная попытка раскопок в Новгороде была осуществлена в 1911 г. на средства Музея допетровского искусства Б. К. Рерихом и Н. Е. Макаренко. К сожалению, эти раскопки не оставили почти никакого следа ни в научной литературе, ни в музейных коллекциях. От этих раскопок не сохранилось ни официального отчета, ни чертежей, ни фотографий. Раскопки 1911 г. были произведены на нескольких участках Рюрикова Городища и в южной части Детинца.

Местные новгородские любители-краеведы (среди них в первую очередь В. С. Передольский) с большим энтузиазмом наблюдали за всеми земля-

¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. I. Раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева. ИАК, 1905, вып. 15, стр. 84.—А. С. Уваров. Сборник. Материалы для биографии, т. III, М., 1910, стр. 23.

ными работами в городе, собирая случайный археологический материал, который выбрасывала богатая археологическими памятниками новгородская почва. Еще в самом начале XIX в. митрополит Евгений (Болховитинов), по его словам, «испытывал пошву земли» и утверждал, что «на Торговой стороне по набережным местам инде аршин 8, или 9 должно копать до материка». ¹

Эти случайные наблюдения давали нередко повод к необузданной фантазии в отношении археологических возможностей Новгорода. Так, В. С. Передольский серьезно утверждал, что культурный слой на Торговой стороне равен семи сажням. ²

В первые годы после Октябрьской Революции, еще в обстановке некончившейся гражданской войны, Новгород становится ареной больших по размаху реставрационных работ над памятниками архитектуры, монументальной и станковой живописи. Достаточно вспомнить ремонтно-реставрационные работы в Нередице, расчистку фресок церкви Спаса на Торговой стороне, расчистку фресок в церкви Спаса на Ковалеве, чтобы понять значение и размах этих работ, произведенных только что сформировавшимися органами охраны памятников Народного Комиссариата просвещения — в условиях гражданской войны и интервенции.

Но археологическое изучение Новгорода в эти годы все еще не стояло на повестке дня, значительно отстав от изучения «наземных» памятников Новгорода. Начало систематических и плановых археологических работ в Новгороде относится только к 1932 г., если не считать небольших разведывательных работ, проведенных экспедицией ГИМ (под руководством А. В. Арциховского) на территории Городища 8—15 июля 1929 г. Работой экспедиции ГАИМК и ГИМ 1932 г. на Славне начинается непрерывающаяся с тех пор цепь систематических, согласованных между собой археологических исследований Новгорода, посильно разрешающих задачи, выдвигаемые советской исторической наукой. Эта подчиненность плана археологических исследований важнейшим проблемам, выдвигаемым исторической наукой, представляется нам наиболее существенной новой чертой советской археологической науки вообще и археологического изучения Новгорода, в частности.

Систематические археологические исследования на территории Новгорода с 1932 г. ведутся тремя научно-исследовательскими учреждениями — Государственной Академией истории материальной культуры (с 1937 г. Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР), Государственным Историческим музеем (Москва) и Новгородским Государственным музеем.

В настоящей статье делается попытка кратко подвести первые итоги археологических исследований Новгорода.

С 1932 по 1940 г. в Новгороде проведено пятнадцать археологических экспедиций.

- 1932 г. Раскопки на Славне. — Экспедиция ГАИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского и М. К. Каргера.
- 1932 г. Раскопки на Холопьев улице (ул. Декабристов). — Экспедиция НГМ под руководством С. М. Смирнова и Б. К. Мантейфеля.
- 1933 г. Раскопки в Юрьевом монастыре. — Экспедиция ГАИМК и НГМ под руководством М. К. Каргера.
- 1934 г. Раскопки на Славне. — Экспедиция ГАИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова.

¹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1803, стр. 2.

² В. С. Передольский. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Вып. I. Новгород, 1898, стр. 52.

- 1934 г. Раскопки на Городище и в церкви Спаса на Ковалеве. — Экспедиция ГАИМК под руководством М. К. Каргера.
- 1935 г. Раскопки на Городище. — Экспедиция ГАИМК и НГМ под руководством В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова.
- 1935 г. Раскопки в Юрьевом монастыре. — Экспедиция НГМ под руководством М. К. Каргера.
- 1936 г. Раскопки на Славне. — Экспедиция ГАИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского.
- 1937 г. Раскопки на Ярославовом Дворище. — Экспедиция НГМ под руководством А. А. Строкова и В. А. Богусевича.
- 1937 г. Раскопки на Славне. — Экспедиция ИИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского.
- 1938 г. Раскопки на Ярославовом Дворище. — Экспедиция ИИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского.
- 1938 г. Раскопки в Детинце. — Экспедиция НГМ под руководством А. А. Строкова и В. А. Богусевича.
- 1939 г. Раскопки на Ярославовом Дворище. — Экспедиция ИИМК, ГИМ и МГУ под руководством А. В. Арциховского.
- 1939 г. Раскопки в Детинце. — Экспедиция НГМ под руководством А. А. Строкова и В. А. Богусевича.
- 1940 г. Раскопки в Детинце и на Ярославовом Дворище. — Экспедиция НГМ под руководством А. А. Строкова.

II

Систематические археологические работы в Новгороде, продолжавшиеся с большими результатами до Великой Отечественной войны, начались, как сказано, в 1932 г. В этом году Новгородская экспедиция ГАИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского и М. К. Каргера¹ приступила к раскопкам Славенского холма в Новгороде. В 1934 г. работы на Славне были продолжены под руководством А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова,² а в 1936—1937 гг. закончены А. В. Арциховским.³

Систематические четырехлетние раскопки на Славне увенчались крупным успехом. К числу наиболее значительных открытий, сделанных на Славне, нужно отнести каменную крепостную стену, прослеженную на протяжении около 200 м (рис. 1). Стена эта, выстроенная в 1335 г. архиепископом Василием, посадником Федором Даниловичем и тысяцким Евстафьем,⁴ представляла новую оборонительную линию острога, ограждавшего Торговую сторону. Стена эта шла параллельно старой линии земляного вала, ограждавшего Славенский конец, и являлась, повидимому, дополнительным укреплением внешней линии обороны города. Думаем, что эту стену предполагалось продолжить и дальше, вокруг всей Торговой стороны, но работа эта не была закончена. Стена, судя по летописному известию, начиналась у церкви Ильи на Славне и имела направление к Павлову

¹ А. В. Арциховский и М. К. Каргер. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом. Проблемы, 1933, № 1—2, стр. 60—64.

² А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. Сов. археология, III, 1937, стр. 179—193. — А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде Великом летом 1934 г. Историк-марксист, 1935, № 1 (41).

³ П. Засурцев. Археологические раскопки на Славне в Новгороде. Историк-марксист, 1938, № 3 (67), стр. 157—160; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Изд. ИИМК, 1941, стр. 25—28.

⁴ «Того же лѣта заложи владыка Василій съ своими детми съ посадникомъ Федоромъ Даниловичемъ и съ тысяцкимъ Остафьемъ и со всемъ Новымъ городомъ острогъ камень по оной сторонѣ отъ Ильи Святаго къ Павлу Святому при Великомъ князи Иванѣ Даниловици». I Новгор. летопись 1335 (6843) г.

монастырю. От этой стены на поверхности земли не сохранилось ни одной части. Впервые эта стена была обнаружена раскопками 1932 г. Раскопки последующих лет позволили проследить стену на большом протяже-

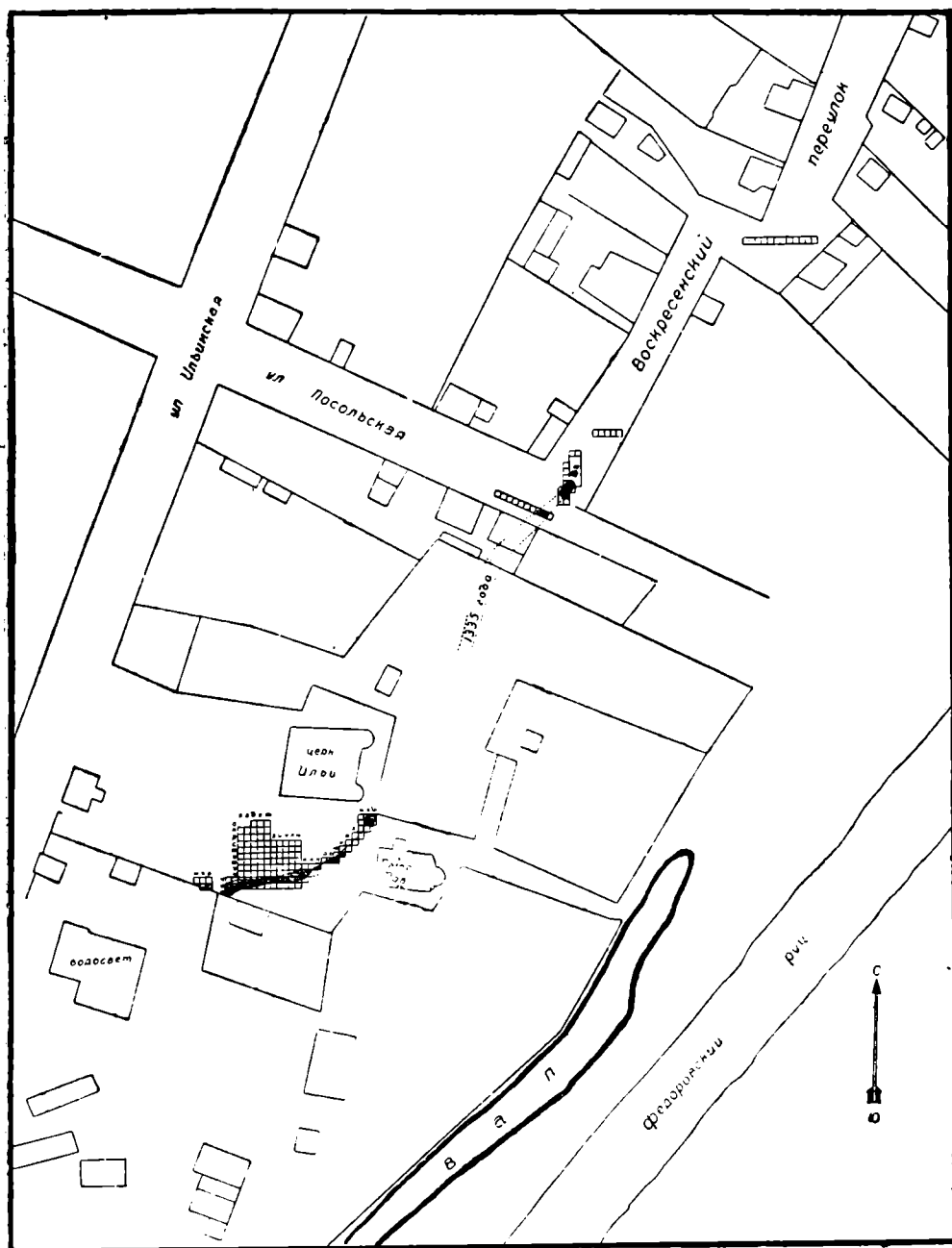

Рис. 1. Новгород. Генеральный план раскопок на Славне (по А. В. Арциховскому).

нии. В Воскресенском переулке стена, повидимому, обрывается. Найденные здесь валуны, предназначенные для закладки фундамента, лежали выше основания стены в качестве заготовленного строительного материала.

Стена сохранилась на различную высоту, достигая иногда 2 м (рис. 2). Толщина ее достигает 3 м, что для крепостных сооружений XIV в. представляет исключительное явление; обычно стены были значительно тоньше. Материал и кладка стены не оставляют никаких сомнений в ее дате. Это

обычная для новгородского зодчества XIV в. система кладки из плит известняка на растворе извести с примесью песка. Фундамент стены сложен из больших валунов. Характерно заложение фундамента на очень незначительной глубине. Валуны лежат почти на уровне древней поверхности XIV в. Как известно, многие церковные постройки XIV в. в Новгороде также имели крайне неглубокое заложение фундамента. Поверхность стены облицована квадратными известняковыми плитами очень грубой тески. Средняя часть стены представляет забутовку необработанным камнем на растворе.

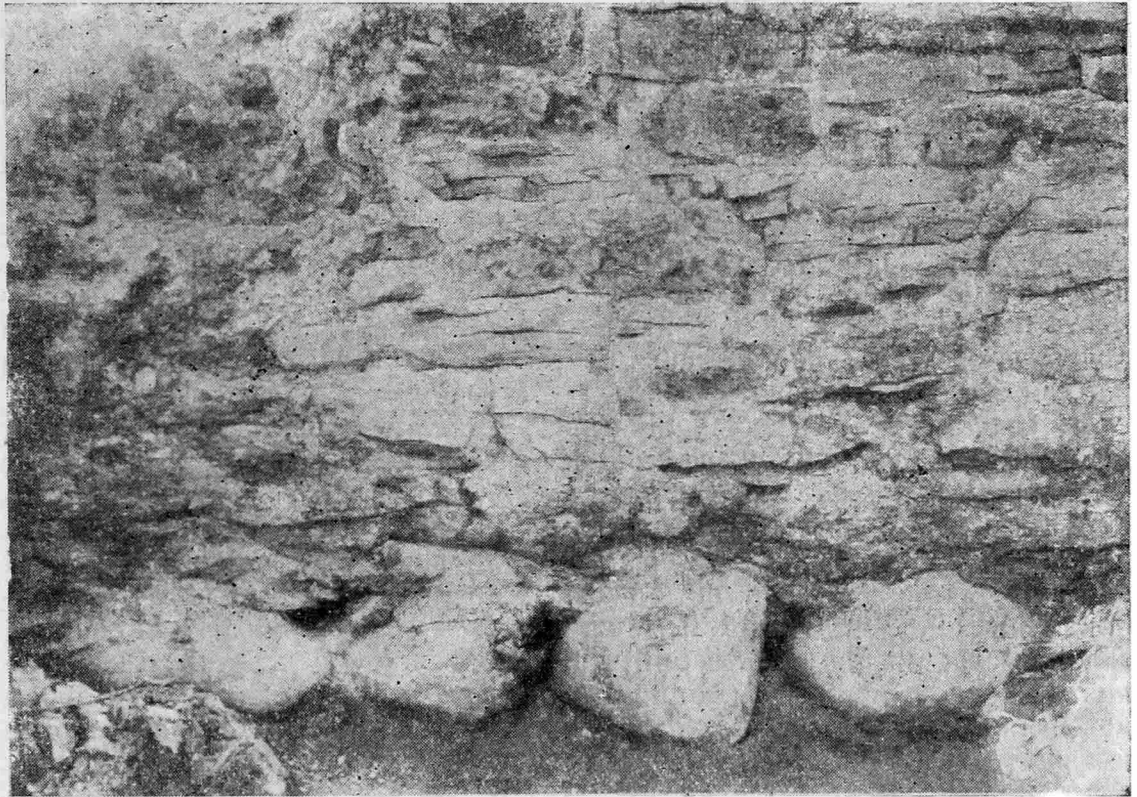

Рис. 2. Новгород. Каменные стены Острога 1335 г.

Стена имела форму неправильного овала, повторяя форму земляного вала, параллельно которому она шла. Никаких башен на вскрытом участке не найдено.

Значение этого памятника, впервые открытого раскопками, заключается в том, что оборонительные сооружения XIV в. (т. е. относящиеся ко времени до введения огненного боя) известны нам в незначительном количестве, так как большая часть их перестроена в более позднее время. Стена новгородского острога, выстроенная в 1335 г. в одном из крупнейших центров тогдашней Руси, уже в силу этого представляет памятник исключительного интереса.

Не меньший интерес вызывают комплексы деревянных жилых и хозяйственных сооружений, раскрытые в 1932 и 1934 гг. Остатки деревянных сооружений представляли три яруса построек. Верхний (первый) ярус состоял всего из двух бревен, связанных с каменной стеной XIV в. Средний и нижний ярусы (особенно средний) содержали, наоборот, отлично сохранившиеся остатки жилых и хозяйственных комплексов.

Средний ярус представлял собой нижние венцы большой избы с примыкающими к ней хозяйственными пристройками. Сруб избы (размером 5.60 ×

× 5.30 м) рублен в облó. In situ сохранился только нижний венец, но у северной стены сруба лежали развалившиеся бревна еще пяти венцов. Внутри избы найдено одиннадцать сосновых столбов, от которых сохранились только нижние части, заостренные топором. Диаметр столбов от 0.15 до 0.35 м. Столбы расположены в три линии, идущие параллельно южной и северной стенам. По предположению А. В. Арциховского, часть столбов была предназначена для скамей, другие для печи, от которой в средней части избы сохранилось лишь большое количество обожженной глины.

В юго-восточном углу избы на бревнах сруба были найдены массивная железная дверная накладка и железный же дверной крючок, что, повидимому, можно принять за указание на существование двери в избу именно в этой части. В том же углу в 1.30 м от южной стены было прослежено бревно, лежавшее перпендикулярно к восточной стене. Высказывалось предположение, что это остатки стенки, отделявшей избу от сеней.

Внутри избы и вокруг нее было найдено несколько тысяч обрывков и обрезков кожи и кожаной обуви. Встречены и целые заготовки, вырезки, подошвы, ремни и пр. Среди находок, кроме того, нужно отметить сапожные ножи и точильные бруски. Все это позволило определить, что хозяином избы был сапожник. Изба эта стратиграфически лежит ниже фундамента каменной стены 1335 г.; развалины ее находились уже под уровнем почвы во время постройки стены. Состав находок слоя, в котором вскрыта изба, позволяет установить ее дату — XII в.

К южной части западной стены избы вплотную примыкал небольшой ящик, южная стенка которого была раскопана еще в 1932 г. В 1934 г. ящик был расчищен полностью. Он представлял собой четыре врытых в землю столба с пазами, в которые были вставлены стенки ящика, состоявшие из колотых плах. Плахи налегали одна на другую, причем в нижней части налегающей плахи сделан продольный газ. Пол ящика был дощатый. Глубина ящика 0.50 м, длина 1.35 м, ширина 1.00 м. Дно ящика было покрыто толстым слоем шерсти и извести, что и позволило определить его назначение. Подобные ящики до настоящего времени употребляются в кустарном кожевенном производстве для удаления волос со шкур при помощи золы и извести. Они называются зольниками. Находку зольника, примыкавшего вплотную к избе сапожника, несомненно, можно признать свидетельством того, что сапожник, живший в раскопанной избе, был в то же время и кожевник, т. е. сам обрабатывал кожу, необходимую для его основного ремесла.

К югу от избы раскрыт участок, несомненно, служивший двором. С востока он был огражден частоколом: основание частокола из тринадцати столбиков (диаметр 0.15—0.20 м), вбитых заостренными концами в землю, было обнаружено еще в 1932 г. (рис. 3). Один участок двора, покрытый толстым слоем навоза, представлял, несомненно, помещение для скота. Остатки сруба этого помещения сохранились плохо. Двор продолжался, несомненно, и дальше на юг, но эта часть его впоследствии попала под каменную стену острога.

Нижний (третий) ярус деревянных сооружений отличался еще лучшей сохранностью дерева. К северу от избы был раскрыт небольшой квадратный в плане сруб (3.40 × 3.40 м) (рис. 4, 5). In situ сохранились два венца, рубленные также в облó. Два следующие венца были расчищены в развале. Бревна этого сруба имели продольные пазы, причем не по нижней части бревна, как это было принято в деревянных постройках, а по верхней. Назначение сруба установить не удалось. Никаких следов печи или каких-либо иных сооружений внутри сруба не обнаружено. Повидимому, сруб имел какое-либо хозяйственное назначение. На это указывает и его незначительный размер. Сруб расположен ниже второго яруса построек и был

уже в разрушенном состоянии при постройке избы, т. е., повидимому, был выстроен значительно ранее.

Рядом с избой сапожника были в разное время найдены пять маслобойных жомов. Это — толстые сосновые столбы диаметром свыше полуметра. Этнографические параллели позволили реконструировать технику применения этих жомов. Жомы ставились попарно; между ними ставился

Рис. 3. Новгород. Раскопки на Славне. Частокол.

ящик, в котором выжимали масло. Подле жомов было обнаружено конопляное семя и в большом количестве ореховая скорлупа. Конопляное семя и лесной орех, повидимому, служили для выработки растительного масла. Пользование жомами отнюдь не является свидетельством ремесленного характера этого производства. Жомы употреблялись еще недавно в крестьянском домашнем хозяйстве.

Вещевые находки из раскопок на Славне исчисляются десятками тысяч. В кратком очерке мы лишены возможности дать их подробную характеристику. В ожидании исчерпывающей публикации этих материалов, подготавливаемых А. В. Арциховским, мы считаем необходимым кратко отметить лишь важнейшие памятники.

Основной шкалой для изучения стратиграфии древне-русских городищ является керамика. На Славне фрагменты керамики найдены в огромном количестве. Вся керамика сделана на гончарном круге. Лепной керамики на Славне нет, что является неоспоримым свидетельством сравнительной молодости этого района города. Старые предположения, высказанные на основе анализа терминов Холм — *Holmgårdr*, о том, что Славенский холм это — *Holmgårdr* норманских источников,¹ ныне приходится оканчательно оставить. Никакого поселения IX—X вв. на той территории, которая в XII—XIII вв. носила название Славно или Холм, не было. Это не решает конечно, вопроса о заселении Славенского холма в целом; территория его, несомненно, была значительно больше, но раскопки и в других районах Славенского конца (в частности, на Ярославовом Дворище) пока не дали бесспорных данных о заселении этой территории раньше XI в.

Возвращаясь к керамике из славенских раскопок, необходимо отметить, что характерным типом глиняной посуды являются горшки с резко отогнутыми краями и выступающими плечиками. Нижняя часть сосудов имеет усеченно-коническую форму, днища присыпаны песком. Орнамент — линейный или волнистый, реже зубчатый. Клейма на днищах сравнительно редки. Из других глиняных предметов часты находки глиняных грузил (рыболовных) и пряслиц. Наряду с глиняными пряслицами, широкое распространение имели и шиферные.

Как и раскопки других древне-русских городов XII—XIII вв. от Тму-таракани и до Новгорода, раскопки на Славне дали огромное количество стеклянных браслетов. Браслеты эти, самых разнообразных цветов и оттенков, были излюбленным массовым украшением русских горожанок. Высказывалось предположение, что стеклянные браслеты носили не только женщины, но и мужчины. Что они были широко распространены в качестве детского украшения, об этом свидетельствуют находки браслетов малого диаметра. В раскопках 1938 г. в Киеве нами был найден подле землянки начала XIII в. детский скелет; на руке ребенка было три браслета.² Браслеты, найденные на Славне, лежали в тех слоях, которые датируются XII—XIII вв. Выше и ниже они почти не встречаются. Браслеты встречаются витые, гладкие и очень редко ребристые. Наряду со стеклянными браслетами, раскопки на Славне дали и стеклянные перстни и бусы.

Из тысяч найденных железных предметов интерес представляют серп, два топора (один X—XI вв., другой XIV—XV вв.), два втульчатых копья, несколько наконечников стрел, кресала, два скобеля (плотничий инструмент), несколько десятков ножей и различного типа замки. Среди железных предметов особый интерес представляют находки, характеризующие кузнечное ремесло. Среди них — молоток-ручник XIV в., являющийся едва ли не единственной находкой этого рода кузнечных инструментов. Молоток не имеет отверстия для ручки, вместо него сделан штырь, который вколачивался в деревянную ручку. Наряду с кузнечным молотком были найдены клещи и крица, т. е. кусок железа, полученный из руды сыродутым способом.

Из числа деревянных изделий большой интерес представляют находки ступы, повидимому, для льна или конопли, бочки, ковша, ложки с резным узором на ручке и небольшой цилиндрической коробочки. Все эти деревянные предметы, найденные в слоях не моложе XV в., являются редчайшими памятниками деревообделочного ремесла в древней Руси.

Интереснейшими находками на Славне являются типичные для Новгорода свинцовые и медные печати и свинцовые пломбы. В слое XII—XIII вв.

¹ Е. А. Рыдзевская. Холм в Новгороде и древне-северный *Holmgårdr*. Изв. РАИМК, т. II, 1922, стр. 105—112.

² М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева (1938—1946 гг.). Изд. Инст. археологии АН УССР. (Печатается.)

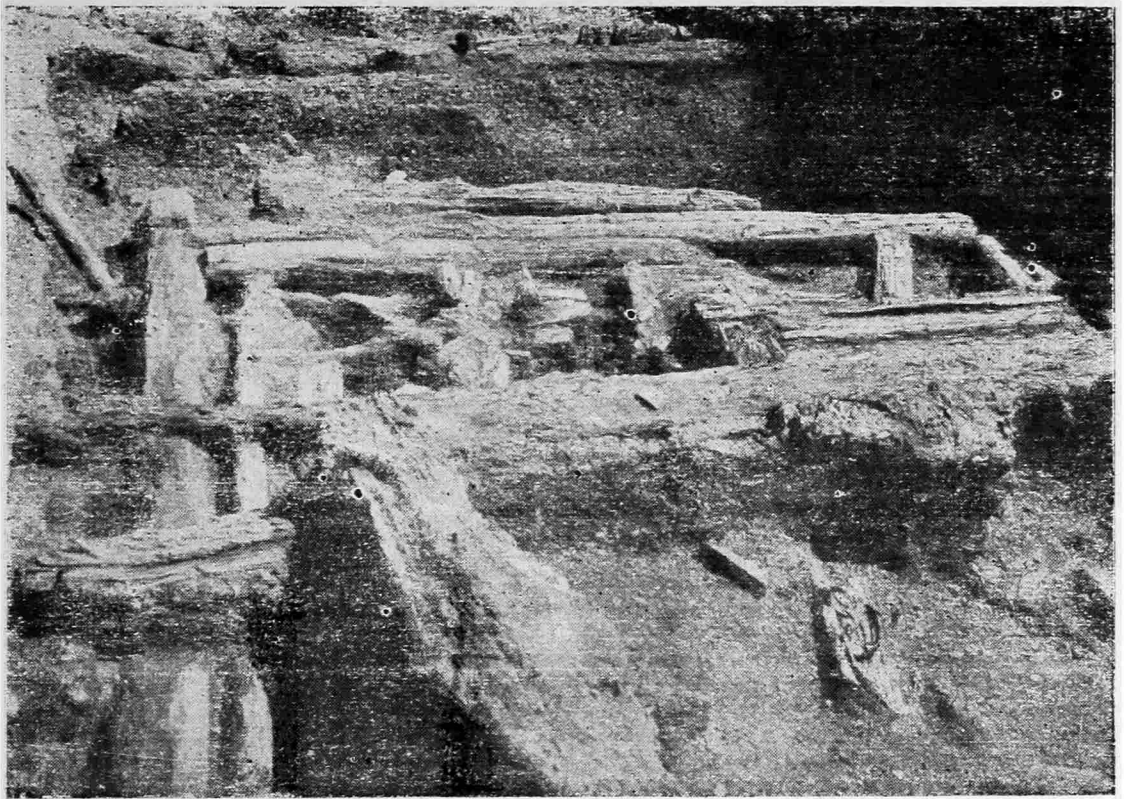

Рис. 4. Новгород. Раскопки на Славне. Комплекс деревянных хозяйственных сооружений XII в.

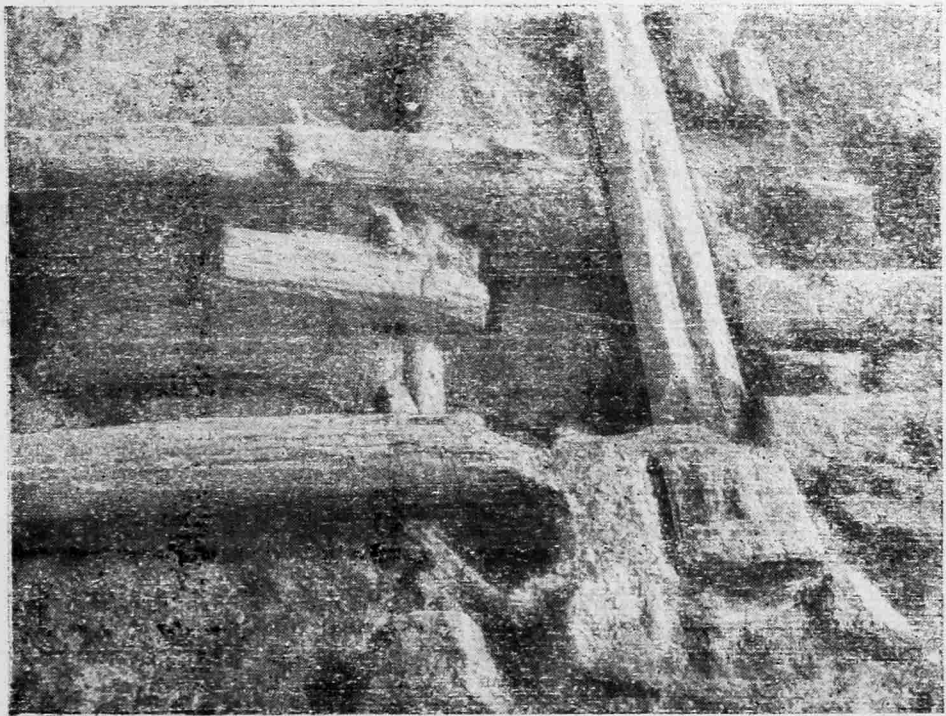

Рис. 5. Новгород. Раскопки на Славне. Деталь сруба.

были найдены четыре свинцовых печати, две из которых прекрасной сохранности. На одной печати надпись «савина печать», на обороте «чтнюна новгородского». На второй печати надпись: «печать новгородского наместника» на обороте — изображение мужской фигуры в княжеской шапке с нимбом. У головы надпись — «ДВД».

В довольно большом количестве найдены монеты. Древнейшими из них являются новгородские, тверские и псковские пулы, относящиеся к XV в.

Чрезвычайно интересен материал по прикладному искусству древнего Новгорода. Как известно, памятники этого рода очень плохо известны и еще хуже изучены, если не считать церковных предметов из новгородских ризниц.

Особенно интересны в этом отношении костяные предметы с резьбой, среди которых выделяются гребень, орнаментированный гравированными кружочками, овальная пластинка с изображением звериной морды (льва?), костяная палочка с изображением петуха и пр. Рядом с избой сапожника были найдены 8 глиняных детских игрушек, изображающих птичек. Глиняные фигурки птиц окрашены в один цвет (зеленый, желтый, вишневый). Интересно, что рядом с этими фигурками были найдены и глиняные заготовки подобных же птичек.

Возле юго-восточного угла церкви Ильи пророка было раскрыто свыше двадцати погребений XV в. Находки в погребениях этого времени, как известно, немногочисленны и невыразительны. При многих погребениях были найдены медные монеты XV в. — пулы новгородские, псковские, московские и тверские. Под некоторыми костяками были найдены хлебные зерна, что свидетельствует о древности обычая, существовавшего еще недавно, сыпать в могилу зерно.

III

Одной из важнейших задач археологического изучения Новгорода, несомненно, является установление территории древнейшего поселения. Попытки найти это поселение IX—X вв. на Славенском холме не увенчались успехом. Пришлось перенести поиски поселения на другую территорию. Именно эту цель и преследовали раскопки 1934 г., проведенные Новгородской экспедицией ГАИМК под руководством М. К. Каргера¹ на Рюриковом Городище и продолженные В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым² в 1935 г. «Рюриково Городище» находится в 3 км к югу от современного Новгорода, почти у истока р. Волхова из оз. Ильмень. Название «Рюриково Городище» не восходит к древности. В древних новгородских летописях оно называлось просто «Городищем». Впервые это название встречается в 1103 г. в связи с постройкой церкви Благовещения на Городище.³ По вопросу о времени возникновения последнего высказывались различные точки зрения, но ни одна из них не была обоснована широким археологическим изучением Городища.

А. А. Спицын, выступая по докладу Н. Е. Макаренко «О раскопках в Новгороде летом 1910 г.»,⁴ доказывал, что «черепки, найденные у Городища, можно приписать финнам и относить к эпохе до прихода в Новгород русских». Трудно сказать, какие черепки имел в виду А. А. Спицын. В докладе самого Н. Е. Макаренко о раскопках 1910 г. ни о каких обломках, кроме «черепков с волнистым орнаментом», не говорится. Мысль о «перво-

¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., 1941, стр. 18—22.

² Краткий отчет об этих раскопках см. Сов. археология, I, 1936, стр. 279—280.

³ «Въ то же лето заложиха церковь Благовещеніе Мьстиславъ князь на Городищи». I Новгород. летопись, 1103 г. (6611); то же известие повторяется в II, III, IV и V Новгородских летописях, и в ряде других.

⁴ ЗОРСА, т. IX, 1913, протокол заседания 28 февраля 1911 г., стр. 354—356.

начальном финском населении» на Городище А. А. Спицын развивал и в собственном докладе «О новейших раскопках и археологических открытиях в Новгородской области».¹

Высказывалась даже мысль, что Городище было поселением норманских завоевателей, захвативших Новгород в IX в.² Единственным основанием для этого утверждения было самое наименование Городища «Рюриковым» — наименование, не восходящее глубже начала XIX в.

Наконец, в совсем недавнее время А. В. Арциховский, основываясь на результатах своих небольших разведок на Городище в 1929 г., подверг сомнению древность Городища. «Мне кажется невероятным, — писал он, — чтобы Городищенский холм был заселен уже в IX в., как на этом настаивает традиция. Гораздо вероятнее, что основателями этой маленькой крепости были князья, выселенные в XII в. в связи с ростом республиканских тенденций из Новгорода. Известно, что в XII, XIII, XIV, XV вв. они жили на Городище. Среди найденных предметов нет ни одного, который определенно указывал бы на время более древнее, чем XII век».³

Кроме небольших раскопок Н. К. Рериха и Н. Е. Макаренко в 1910 г., отчеты и материалы которых, повидимому, бесследно пропали для науки,⁴ на Городище были произведены, как сказано, два небольших разведочных раскопа в 1929 г. экспедицией ГИМ под руководством А. В. Арциховского. Раскопки 1934 г., проведенные в трех различных участках Городища, позволили установить основные вехи развития этого поселения. Верхние слои Городища относятся к тому периоду его истории, когда в результате известных политических событий, связанных со сложением новгородского вечевого строя, Городище становится резиденцией княжеской власти. Эти слои представлены огромным количеством керамики XII—XV вв., сделанной на круге с типичным линейным, волнистым или зубчатым орнаментом.

В тех же слоях найдено большое количество стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, глиняных грузиков, деревянных гребней, предметов христианского культа и, наконец, несколько печатей XII—XIII вв. Все эти предметы являются характерным инвентарем русских городищ XI—XIII вв. по всей территории Восточной Европы.

Ниже, раскопками 1934 г. был вскрыт слой, состоящий из плотной зеленовато-коричневой глины с большим количеством находок, резко отличающихся от находок вышележащих слоев. Для этого слоя типична грубая лепная керамика, техника изготовления которой, наряду с баночной формой сосудов, позволяет датировать ее IX—X вв. Наряду с лепной керамикой, в этом же слое попадает и гончарная посуда, сделанная на круге, но более архаичных типов по сравнению с керамикой верхнего слоя. Раскопками 1934 г. в этом слое были вскрыты дишь развалившиеся бревна какой-то деревянной постройки. В 1935 г. рядом с участком 1934 г. была раскопана другая небольшая плохо сохранившаяся деревянная постройка. Судя по составу находок, ее можно датировать IX—X вв.

Ниже слоя IX—X вв. раскопками 1934 г. был обнаружен мощный пласт глины с характерной неолитической ямчатой и гребенчатой керамикой, большим количеством кремневых отщепов, с разнообразными кремневыми и сланцевыми орудиями. В 1935 г. удалось установить, что вскрытый в 1934 г. пласт с неолитическими находками лежал не *in situ*, а представлял боль-

¹ ЗОРСА, т. IX, 1913, протокол заседания 28 февраля 1911 г. стр. 356—357.

² И. Куприянов. Ярославово дворище в Новгороде. Пам. кн. Новгородской губ. на 1860 г. Новгород, 1860, стр. 2.

³ А. В. Арциховский. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. Материалы и исследования. Изд. НГМ, Новгород, 1930, стр. 30.

⁴ Единственной информацией об этих раскопках был доклад Н. Е. Макаренко в РАО 28 февраля 1911 г. ЗОРСА, т. IX, 1913, Протоколы, стр. 354—356. Отчета о раскопках в архиве Археологической комиссии нет.

шой оползень. Тогда же на более значительной глубине был вскрыт (частично) и несдвинувшийся неолитический слой, давший, однако, значительно меньшее количество находок.

Раскопки 1934 г. на другом участке Городища позволили обнаружить остатки древней церкви Благовещения. Церковь Благовещения на Городище была заложена в 1103 г. князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха.¹ Но постройка начала XII в. до нас не дошла. В 1342—1343 гг. на месте разрушенной перед тем церкви XII в. новгородским архиепископом Василием была поставлена новая,² существующая с некоторыми более поздними переделками до настоящего времени.³ Высказывалась мысль, что церковь XIV в. не только была поставлена на старых фундаментах, но сохранила даже старые стены.⁴ Ошибочность этого утверждения была нами доказана на основании изучения кладки памятника и его плана.⁵ Раскоп 1934 г. имел задачей не столько доказать эту и без того ясную картину истории ныне существующего памятника, сколько попытаться найти подле нынешней церкви остатки церкви 1103 г. Интерес памятника заключается не только в том, что это древнейший после Софии памятник каменного зодчества в Новгороде, но и в том, что находка древней церкви повлечет за собой и определение территории княжеского двора, находившегося, несомненно, в непосредственной близости к церкви.

Раскоп был заложен у северной стены существующей церкви. Верхний слой раскопа сплошь состоял из каменного щебня, больших известняковых камней, известкового раствора с примесью песка и изредка кирпичей XIV в., встречающихся и в ныне существующей церкви, в кладке пилястр, оконных проемов, арок и пр. Все это, несомненно, — продукты разрушения верхних частей ныне существующей церкви. Известно, что в нынешней церкви Благовещения своды и купол некогда упали и были заменены деревянным потолком и фальшивым железным барабаном.

Первый слой отделен от нижележащего отчетливо выраженной гумусной прослойкой. Ниже ее лежит опять слой строительного мусора, но совершенно иного характера благодаря обилию розоватого от примеси мелко толченого кирпича известкового раствора. В этом слое встречается большое количество плоских, почти квадратных по форме, кирпичей XII в., много фрагментов штукатурки с фресковой росписью. Этот слой, образовавшийся, несомненно, в результате разрушения памятника XII в., подстилается на глубине 0.75 м ясно выраженной гумусной прослойкой, отмечающей, повидимому, дату разрушения (разборки) церкви XII в. Ниже этой прослойки лежит тот же строительный мусор, получившийся в результате частичных разрушений церкви XII в. еще до ее сломки в XIV в. В этом последнем слое попадаются стеклянные витые браслеты, керамика XII—XIII вв. и фрагменты железных предметов.

¹ I, II, III, IV и V Новгородские летописи и Никоновская летопись под 1103 г. (6611 г.). В Супрасльской летописи и в Летописи Авраамки закладка относится к 1102 г. (6610 г.). В Тверской, Софийской I и Воскресенской летописях о закладке церкви сообщается под 1099 г.

² I, II, IV, V Новгородские летописи, Летопись Авраамки под 1343 г. (6851 г.) — об окончании. В III Новгородской летописи окончание ошибочно отнесено к 1345 г. (6853 г.).

³ В 1941—1943 гг. церковь Благовещения была почти полностью разрушена немецкими захватчиками.

⁴ Мысль эта высказана А. И. Некрасовым в докладе, прочитанном в 1931 г. в Новгородском обществе любителей древности. Позже эта же мысль повторена тем же автором в Очерках по истории древне-русского зодчества XI—XVII вв. (М., 1936, стр. 66), где сказано: «Сильно изуродована в XIV в. церковь Рюрикова Городища, под Новгородом 1099—1103 гг., поставленная на княжеской усадьбе Мстиславом, заказавшим для нее знаменитое Мстиславово Евангелие».

⁵ Наш доклад на открытом заседании НГМ 25 августа 1931 г.

На глубине 1.25 м обнаружен завал больших тесаных камней и плоского кирпича, под которым были вскрыты остатки стены здания начала XII в. Стена эта идет под углом к стене здания XIV в. и с ней совершенно не связана. В восточной части она уходит под здание XIV в., к западной продолжается на северо-запад. Обнаружение остатков этой стены ставит задачу вскрытия всего памятника и его непосредственного окружения. Находка древнейшего памятника княжеского строительства на Городище дает надежду найти поблизости от него и остатки княжеского двора новгородских князей, перебравшихся на Городище с потерей власти над Детинцем.

Значение раскопок на Городище, несмотря на их небольшие размеры, исключительно велико. Эти раскопки положили конец необоснованному скептицизму в отношении древности Городища. Теперь полностью отпала возможность предполагать, что Городище основано новгородскими князьями в начале XII в., в связи с потерей ими власти над Детинцем. Городище выступает теперь как одно из древнейших, а может быть, и древнейшее поселение, по отношению к которому город, передвинувшийся на 3 км к северу, стал Новым городом.

IV

Осенью 1932 г. в связи со строительными работами на территории мастерских Северо-западного речного пароходства Новгородский Государственный музей провел небольшие археологические работы, давшие, однако, чрезвычайно ценные результаты.¹

Раскопки, проведенные на правом берегу Волхова у начала улицы Декабристов, вскрыли одну из древнейших улиц Новгорода, направление которой не менялось в течение очень длительного времени. На раскопанном участке было вскрыто восемнадцать рядов деревянных мостовых, последовательно сменявшихся с XI по конец XVII в. Трасса древней улицы была вскрыта на участке 12 м длиной. Толщина культурного слоя достигала 6 м. Ниже последнего настила (XVIII) мостовой лежал слой навоза, толщиной в 0.5 м, а у самого материка были обнаружены следы пожара.

На настилах было найдено много различных вещей: фрагменты керамики, обломки стеклянных браслетов, костяной гребень, много обрывков кожи, целые подошвы и каблуки.

Мостовые состояли из положенных поперек улицы плах, плотно пригнанных одна к другой, обращенных плоской частью наверх, а закругленной книзу (рис. 6, 7). В закругленной части вырубались три поперечных выемки, которыми плахи клялись на тонкие бревна (лаги), положенные вдоль дороги тремя параллельными рядами. Плахи для настилов и лаги делались обычно из сосны. Ширина деревянного настила не превышала 3.5 м. Между настилами лежал жирный гумусный слой, состоявший нередко из уплотненного навоза.

По сторонам улицы были вскрыты разновременные жилые и хозяйственные постройки, стратиграфически соответствующие верхним настилам улицы (рис. 8, 9). На участке к югу от дороги были раскопаны шесть разновременных срубов, остатки которых залегали на различной глубине.

¹ Отчет о раскопках был заслушан на заседании Археологического комитета ГАИМК осенью 1932 г. На материалах этого отчета и основаны излагаемые ниже краткие характеристики основных результатов раскопок.

В 1936 г. Отчет о раскопках на улице Декабристов был опубликован А. А. Строковым в 1-м выпуске Новгородского исторического сборника (стр. 41—64). С некоторыми сокращениями этот отчет вторично издан в брошюре А. Строкова и В. Богусевича «Археологические исследования Новгорода» (Новгород, 1939). В третий раз переиздан теми же авторами в путеводителе «Новгород Великий», Л., 1939.

Второй и четвертый срубы почти целиком сгорели. Срубы были отгорожены от улицы деревянным забором.

В срубах был найден разнообразный инвентарь: керамика, стеклянные бусы, янтарные подвески, различные предметы из дерева, костяная рукоять ножа, много разнообразных сапожных инструментов и огромное количество обрезков кожи. К сожалению, почти весь этот материал в 1935 г. бесследно пропал из хранилищ НГМ.

С северной стороны от дороги были обнаружены лишь незначительные части трех деревянных построек. По техническим условиям раскопки 1932 г. были доведены до материка только на небольшом участке на трассе древней улицы. Раскопки построек по сторонам улицы не были доведены до конца.

V

В 1937 г. начались археологические раскопки на территории Ярославова Дворища.

Ярославово Дворище представляло собой один из важнейших участков политической жизни древнего Новгорода. Здесь собиралось новгородское вече; здесь, судя по названию, находился княжеский двор. В ближайшем соседстве с Дворищем размещались новгородский Торг, немецкий и готский торговые дворы. В XII—XIII вв. на Дворище и на Торгу было выстроено несколько каменных и деревянных храмов, от которых до настоящего времени сохранились ц. Николая на Дворище (1113 г.), ц. Ивана на Опоках (1127 г., перестроенная в XV в.), ц. Успения на Торгу (1135 г., многократно перестраивавшаяся) и ц. Параскевы-Пятницы (1207 г., перестроенная в XIV и XVI вв.). В XVI в. на Дворище были выстроены еще несколько церквей, из которых сохранились ц. Прокопия и ц. Жен-мироносиц.

Раскопки на Дворище и Торгу, начатые в 1937 г., велись экспедицией НГМ (под руководством А. А. Строкова и В. А. Богусевича) и продолжены экспедицией ИИМК и ГИМ (под руководством А. В. Арциховского) в 1938 и 1939 гг.

Раскопками 1937 г. вскрыты два участка по 72 кв. м каждый, первый

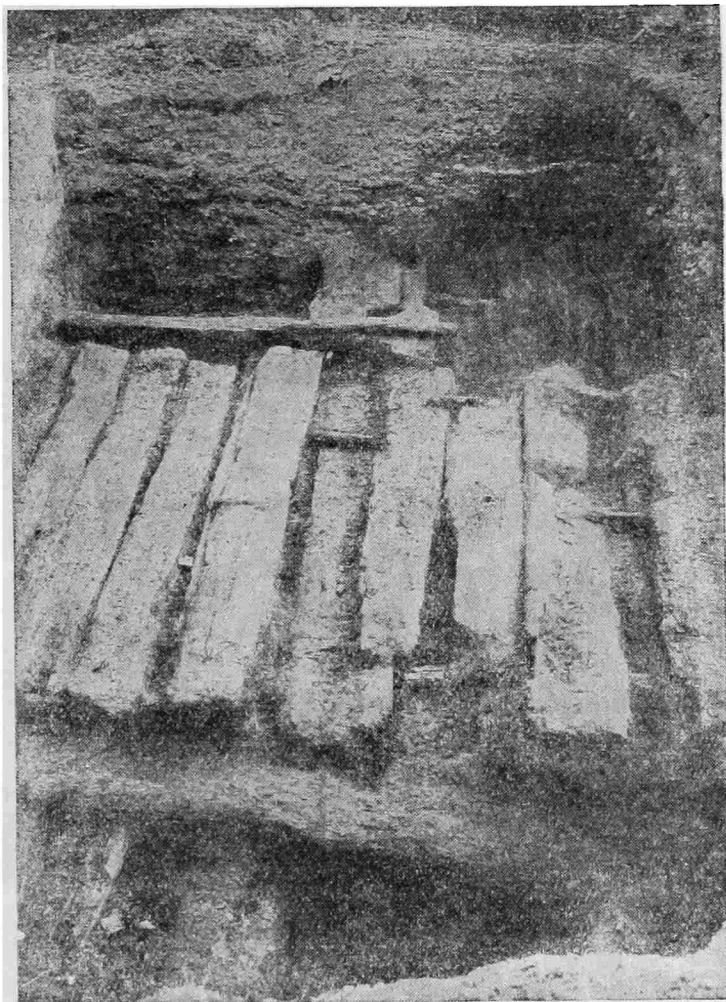

Рис. 6. Новгород. Раскопки на улице Декабристов. Деревянные мостовые.

к юго-востоку от апсид ц. Прокопия, второй между ц. Параскевы-Пятницы и Николо-Дворищенским собором.¹

На глубине около 2 м в раскопе у ц. Прокопия был обнаружен сруб из двенадцати венцов отличной сохранности, внутри которого лежали его рухнувшие верхние части (рис. 10, 11, 12). Сруб, рубленный из тонких бревен (диаметр около 0.17 м) «в облò», представлял собой в основном подземную часть какой-то постройки («подызбицу»), надземная часть которой была уничтожена пожаром. Четвертый венец в западной и восточной стенах сруба имел по два паза для балок, поддерживавших пол.

Из этого следует, что верхние четыре венца входили в состав надземной части постройки, а нижние восемь составляли подызбицу. В юго-восточном углу сруба были обнаружены лежавшие беспорядочной грудой кирпичи

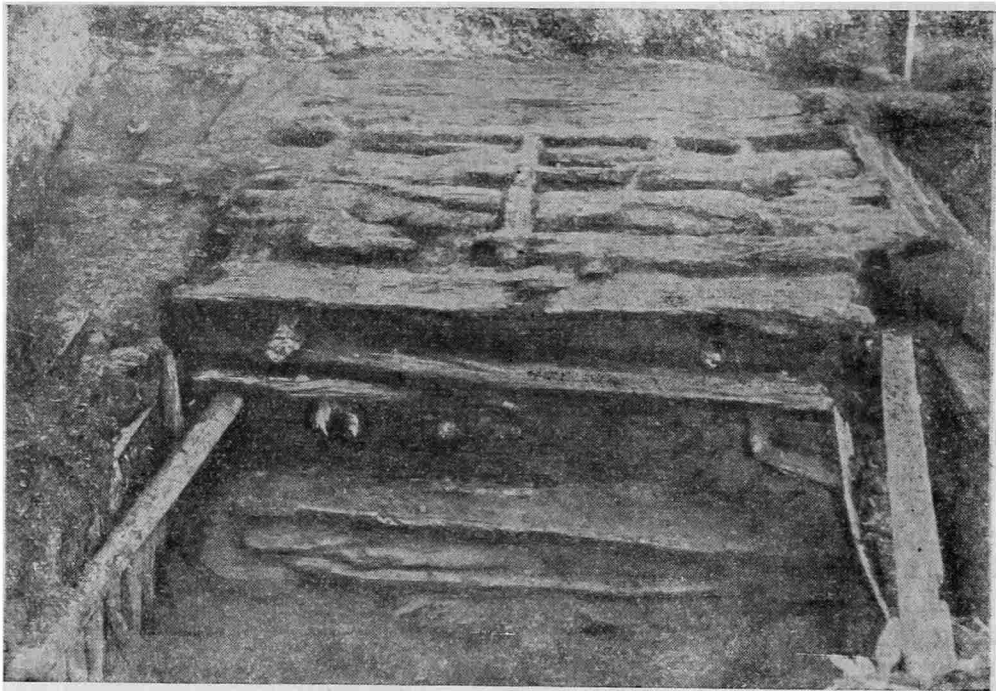

Рис. 7. Новгород. Раскопки на улице Декабристов. Деревянные мостовые.

и камни, представлявшие остатки обрушившейся из надземной части постройки печи. В подызбице были найдены: два деревянных маслобойных жома, толстые плахи, два больших камня, конопляные зерна, несколько десятков глиняных сосудов с узким горлом, пряслице, каменные грузила, кусок веревки из липового лыка, два лыковых лукошка, много обломков разноцветных стеклянных браслетов, значительное количество остатков обуви, среди которых небольшой туфель на высоком тонком каблучке, детская глиняная игрушка, изображающая барана с изогнутыми рогами, и т. д.

Среди находок особо должна быть отмечена слюда, попавшая в подызбицу, очевидно, из окон, существовавших в надземной части постройки. В срубе обнаружен смятый костяк человека, погибшего под обвалом постройки во время пожара; череп его носил явные следы огня.

¹ А. Строков, В. Богусевич и Б. Мантейфель. Раскопки на Ярославом Дворище. Новгород. истор. сборн., вып. III — IV, Новгород, 1938, стр. 183—210. — Позже дословно перепечатано в брошюре А. Строкова и В. Богусевича, Археологическое исследование Новгорода, Новгород, 1939, стр. 8—18.

Вход в подызбицу был сделан в полу в юго-западной части постройки. Под отверстием в полу, через которое спускались в подызбицу, на полу последней были положены в виде приступка крупные камни и плиты.

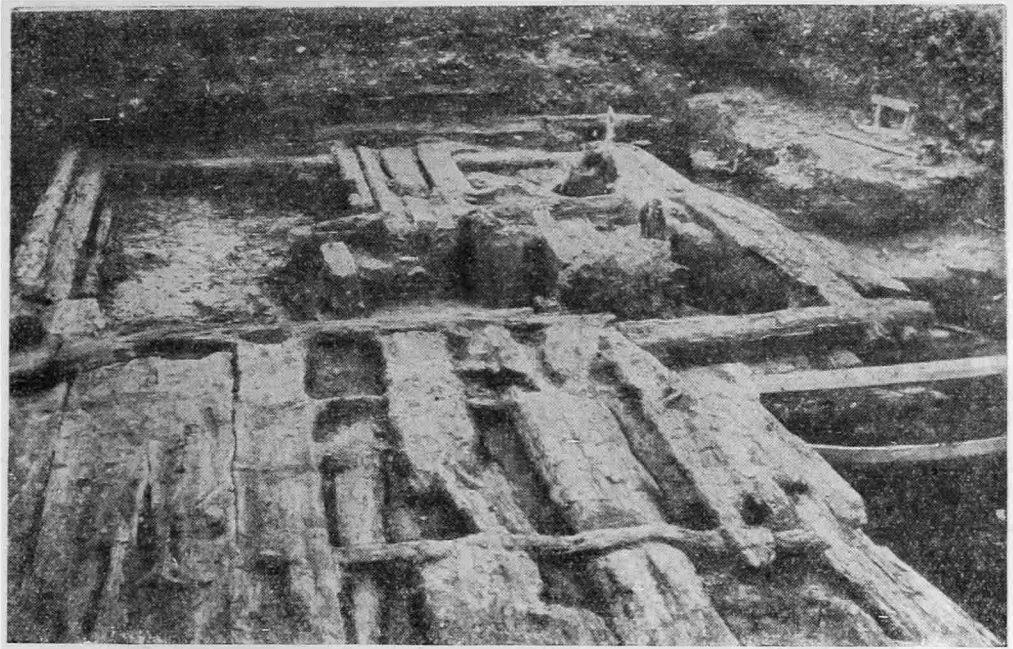

Рис. 8. Новгород. Раскопки на улице Декабристов. Деревянные мостовые и примыкающий комплекс построек.

Найденные в срубе два маслобойных жома, толстые плахи, два больших камня, конопляное семя и несколько десятков различной формы глиняных

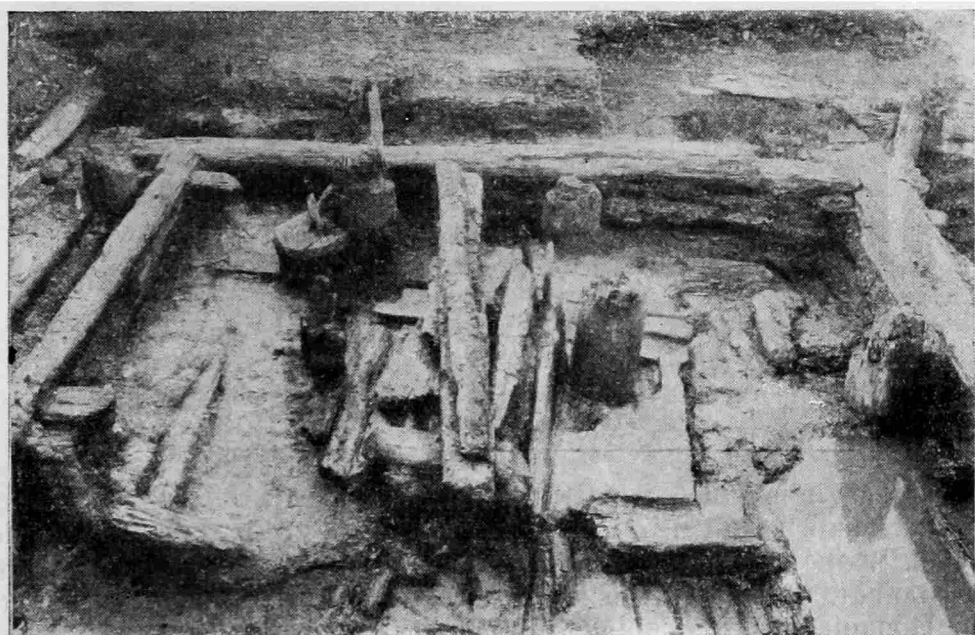

Рис. 9. Новгород. Раскопки на улице Декабристов. Общий вид южного комплекса построек.

сосудов позволили установить, что раскопанная постройка была, повидимому, маслобойней. Авторы отчета о раскопках относят постройку к XVI в.,

считая ее маслобойней московских купцов Сырковых; однако они утверждают это без всяких доказательств. Не публикуя никаких вещественных материалов, могущих подкрепить ту или иную датировку, не делая даже попытки охарактеризовать, хотя бы в основных чертах, керамику, стеклян-

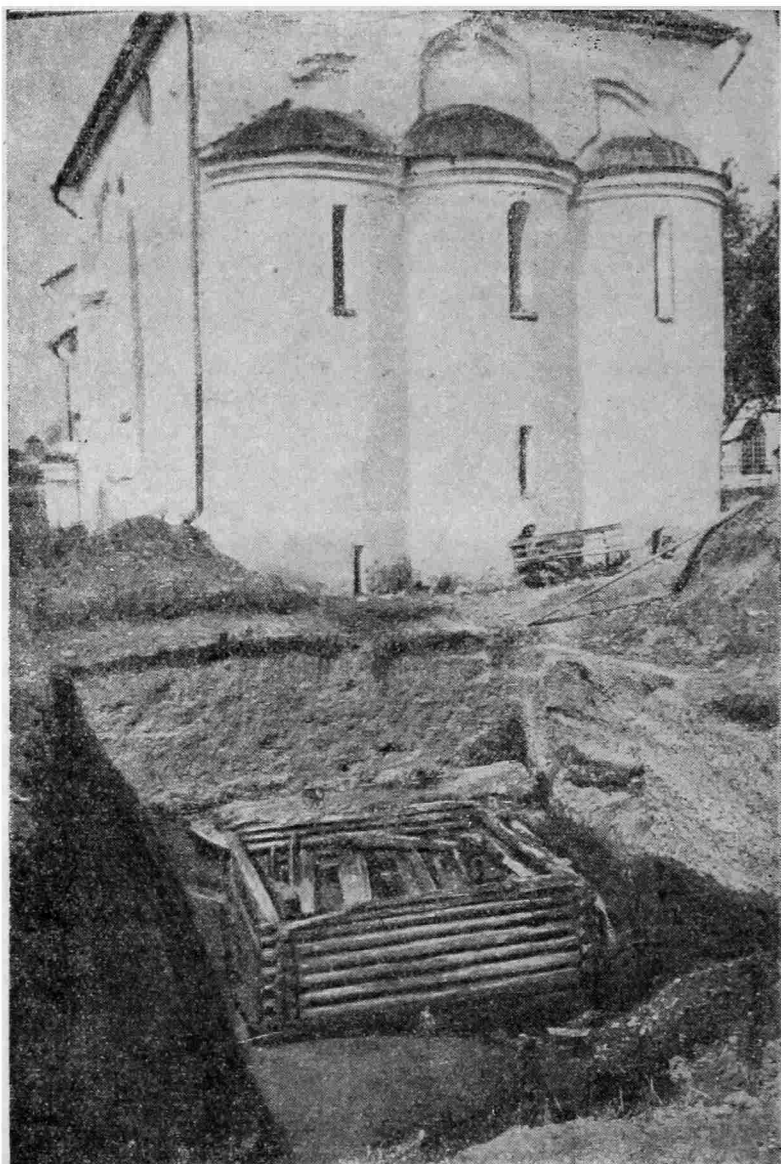

Рис. 10. Новгород. Раскопки на Ярославовом Дворище.
Сруб у церкви Прокопия.

ные браслеты, пряслицы, найденные в подызбице, не давая, наконец, ни одного указания на характер стратиграфии участка, авторы отчета заставляют свои хронологические определения принимать на веру. Расположение постройки, примыкающей почти вплотную в апсидам (т. е. к алтарю) церкви Прокопия, выстроенной в 1529 г. Дмитрием Сырковым, едва ли может служить подтверждением мысли о принадлежности маслобойни Сырковым и во всяком случае требует объяснения. Крайне досадно также, что прекрасно сохранившаяся постройка была раскопана небольшим колодезем, не позволившим изучить связь постройки с ее окружением и стратиграфию участка.

Второй раскоп был заложен на участке между южной стеной церкви Параскевы-Пятницы и северной стеной церкви Николая на Дворище. На

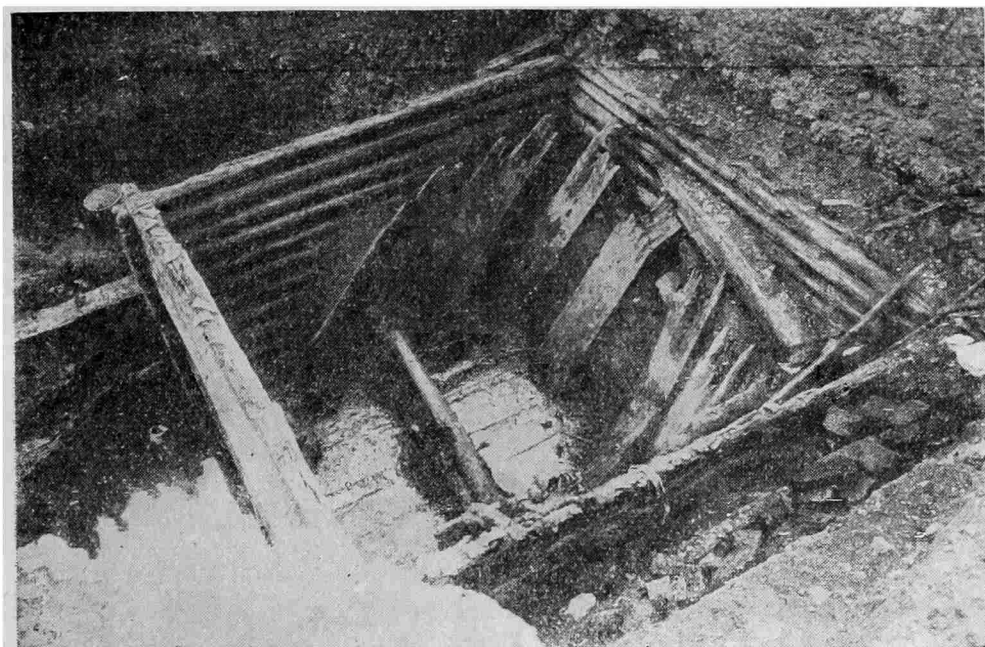

Рис. 11. Новгород. Раскопки на Ярославовом Дворище. Внутренность сруба у церкви Прокопия.

глубине около 1 м был обнаружен загадочный слой, состоявший из мелкого строительного мусора, керамики и огромного скопления костей животных,

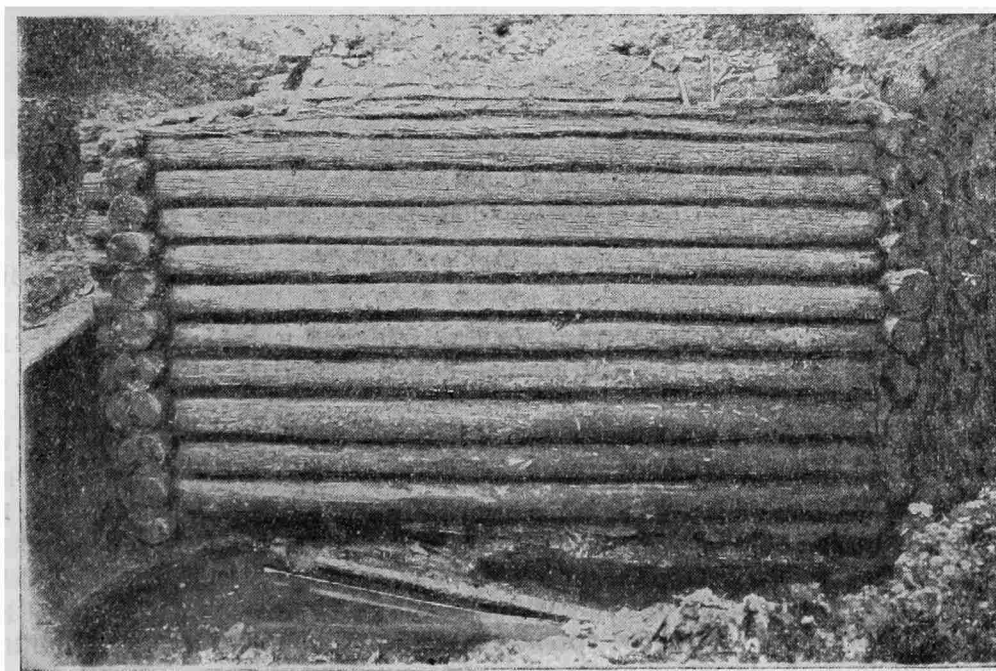

Рис. 12. Новгород. Раскопки на Ярославовом Дворище. Сруб у церкви Прокопия.

общее количество которых достигало пяти тонн. Но наиболее загадочным было то, что это огромное скопление костей состояло почти исключительно

из челюстей коров, и только в единичных случаях попадались челюсти лошади, барана и свиньи. Мощность этого слоя достигала в восточной части раскопа 1.25 м, постепенно уменьшаясь к западу до 0.5 м. Тот же слой был изучен на значительно бóльшей площади и в раскопках 1938 г., в связи с которыми мы должны будем вновь возвратиться к этому загадочному скоплению костей.

Под слоем костей были обнаружены остатки пяти настилов деревянных мостовых (рис. 13). Второй настил дал на раскопанном участке перекресток двух дорог, одна из которых шла от Волхова в юго-восточном направлении мимо юго-западного угла церкви Параскевы-Пятницы и северо-восточной части Николо-Дворищенского собора, другая пересекала раскоп в направлении с юго-запада на северо-восток. Дороги пересекали одна другую под прямым углом. Нижележащие мостовые дали то же направление обеих

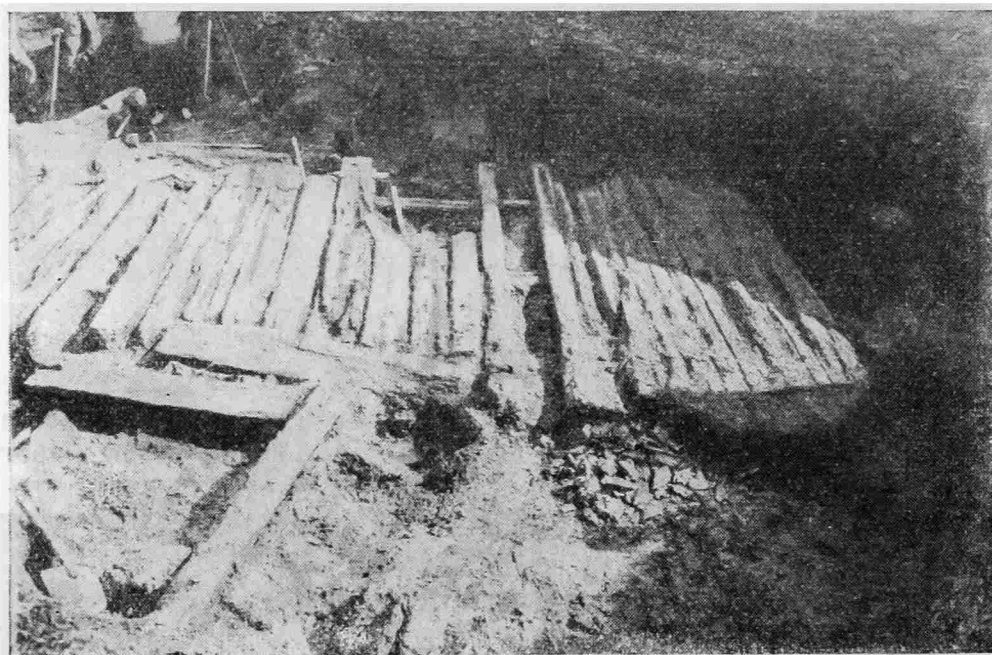

Рис. 13. Новгород. Раскопки на Ярославовом Дворище. Мостовая.

дорог и пересекались в том же месте. По сторонам дорог были найдены остатки тына.

Нижние ряды мостовых авторы отчета относят к XII или первой половине XIII в., однако, и в этом случае совершенно не аргументируя свою датировку.

Ниже уровня деревянных мостовых на глубине 2.90 м в восточной части раскопа были обнаружены аморфные зольные пятна и большое количество следов от вертикально врытых деревянных столбов. Зольные пятна, имевшие удлиненную неправильную форму, были расположены на песке и состояли из древесной золы и угля. Среди золы и угля при зачистке были найдены камни и остатки костей человека и животных (установлены кости лошади). В этих же зольных пятнах были найдены фрагменты глиняной посуды, сделанной на гончарном круге с волнистым и линейным орнаментом. В одном из пятен были найдены, кроме того, птичьи и рыбьи кости, глиняное изделие в форме груза с выцарапанными на нем знаками и арабский дирхем. Авторы отчета о раскопках считают зольные пятна погребальными кострищами могильника X в. Территория могильника, по их мнению, была, кроме того, культовым урочищем древнего Новгорода. Эта

интерпретация с несколько большими подробностями была повторена А. Строковым в краткой заметке «Дохристианский могильник». ¹ Из этой заметки мы узнаем о том, что «среди многочисленных погребальных кострищ, занимавших большую площадь Ярославова двора (напомним, что раскопками обнаружено всего пять зольных скоплений. — М. К.) стоял идол, которому поклонялись в то время». ² (Курсив наш. — М. К.). В заметке находим, наконец, необоснованное мнение о том, что вертикальные столбы, обнаруженные на том же участке, «служили для цели культа». ³ К этому выводу автор приходит на основании текста Ибн-Фадлана, который писал об обычаях руссов: «с хлебом, мясом, молоком идут они на поклонение к высокому вставленному столбу, имеющему лицо, похожее на человеческое, а кругом его малые изображения; позади этих изображений вставлены в землю высокие столбы». ⁴

В 1938 г. после окончания раскопок на Славенском холме на территорию Ярославова Дворища были переброшены работы археологической экспедиции ИИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского. ⁵

Раскопки были развернуты на трех несомкнувшихся участках. Первый из них расположен между церквями Параскевы-Пятницы и Николо-Дворищенским собором, второй — между церквями Николы и Прокопия, третий — к востоку от церкви Николы.

На первом участке раскрылась довольно загадочная картина жизни площади в XIV—XVI вв. На большом пространстве площадь оказалась покрытой своеобразным «настилом» из костей животных, причем главным образом из челюстей. Примерно 70% костей оказались челюстями коров, 25% челюстями лошадей и 5% других костей, среди которых челюсти медведя, овцы, кабана, лося. Кроме челюстей, встречались и другие кости, но только плоские. Челюсти расколоты на части и уложены плашмя. Этот факт позволил исследователю считать, что кости не были здесь просто свалены, а были уложены в качестве своеобразного «строительного» материала. Выше отмечалось, что раскопками НГМ 1937 г. было вскрыто продолжение этого же «настила». Мостовая из челюстей является совершенной неожиданностью; ничего подобного неизвестно ни в одном из городов мира. Объяснение использования этого своеобразного материала бедностью Новгорода строительным камнем едва ли можно признать убедительным, имея в виду наличие волховской плиты, широко использовавшейся в церковном и военном строительстве Новгорода. Причина использования костей в качестве строительного материала остается пока загадкой.

Под настилом из челюстей были обнаружены обычные для Новгорода деревянные настилы из плах различной ширины, положенных на продольные лаги. У края деревянного настила было найдено много столбов, часть которых исследователь трактует как остатки прилавков и лавок, часть как заборы.

На втором участке были обнаружены интересные материалы, относящиеся к кузнечному ремеслу в Новгороде. В слое, который можно отнести к XIV—XV вв., была найдена целая кузница: много шлака, несколько кусков крицы, клещи, молоток с тонким штырем, который вбивался в ручку. Эти находки вместе с кузнечными инструментами и крицей, найденными на Славне (см. выше), представляют ценнейшие, чрезвычайно редкие па-

¹ Новгор. истор. сборн., вып. VI, Новгород, 1939, стр. 51—53.

² Ук. соч., стр. 52.

³ Ук. соч., стр. 53.

⁴ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1890, стр. 95.

⁵ А. Монгайт. Раскопки 1938 г. на Ярославовом Дворище в Новгороде. Историк-марксист, 1938, кн. 6 (70), стр. 192—195.

мятники, характеризующие одно из важнейших ремесл древне-русских городов. Ниже уровня кузнечной мастерской и здесь была найдена деревянная мостовая.

На этом же участке, как и на третьем, был обнаружен древний новгородский водопровод. Это, несомненно, важнейшее открытие. Деревянная водопроводная труба, прослеженная пока далеко не полностью, состоит из двух половин, наложенных одна на другую, плотно пригнанных, но не скрепленных. На местах изгиба труба была тщательно обернута берестой. Береста вообще применена в качестве изоляции. По трубе шла, повидимому, родниковая вода. Труба, вероятно, вела на княжеский двор. Помимо водопровода, на Ярославовом Дворище было найдено еще одно деревянное сооружение но другой конструкции, служившее в качестве дренажной трубы. Каждая из ее стенок состоит из четырех бревен, уложенных одно на другое; сверху труба прикрыта досками и берестой.

К востоку от апсид церкви Николы был раскопан деревянный сруб хорошей сохранности. Сохранилось 15 венцов на высоту около 3 м, рубленных в обло. Сруб представлял подземную часть какой-то постройки. Прекрасно сохранился нижний пол (подвала). На высоте восьмого венца от нижнего пола был второй пол; он не сохранился, но сохранились два бревна, врубленные в стену, на которые он опирался.

Водопроводная труба, прослеженная и на этом участке, была обрублена у самого сруба; следовательно, сруб моложе водопровода. Керамика, найденная в срубе, позволила датировать его XII в. Отсюда исследователь сделал вывод, что водопровод нужно отнести к еще более ранней поре, т. е. к XI в.

В том же году при земляных работах в одном из зданий завода «Крестьянин», находящемся между церковью Жен-мироносиц и колокольной Николо-Дворищенского собора, были обнаружены сруб смотрового колодца и две деревянные трубы, входившие в этот колодец. Наблюдение за земляными работами и дополнительный небольшой раскоп, произведенный вслед за этим НГМ,¹ позволили установить, что труба водопровода, раскопанная А. В. Арциховским у стены Николо-Дворищенского собора, и трубы с колодцем, обнаруженные у церкви Жен-мироносиц, составляют часть одной системы самотечного водопровода конца XI или начала XII в. Осталось, однако, не вполне выясненным назначение этого водопровода, а именно — служил ли он лишь для отвода воды с территории, находившейся к востоку от Ярославова Дворища по направлению к Волхову, или же питал водой княжеский двор, т. е. был водопроводом в собственном смысле слова.

В 1940 г. в небольшом раскопе, произведенном НГМ между церквями Прокопия и Жен-мироносиц, был обнаружен сруб еще одного смотрового колодца с деревянной трубой, входившей в его северную стенку и выходившей из южной его стенки. По конструктивным особенностям этот колодец и трубы отличались от открытых в 1938 г., что не позволило рассматривать этот колодец и трубу как часть ранее открытой системы. Направление вновь открытой трубы также не связано с трубами, открытыми в 1938 г. Дата этого сооружения осталась невыясненной.²

VI

В 1938 г. начались археологические раскопки в южной части Новгородского Детинца. Южная половина Детинца однажды уже подвергалась рас-

¹ А. С т р о к о в. Раскопки на Ярославовом дворе в 1940 г. Новгород. истор. сборн., вып. VIII. Новгород, 1940, стр. 3—11.

² А. С т р о к о в. Отчет о раскопках древне-русского водопровода. Новгород. истор. сборн., вып. VI, Новгород, 1939, стр. 16—21.

копкам еще в дореволюционное время. В 1910 г. Н. Е. Макаренко и Б. К. Рерих сделали незначительный шурф около Княжей башни. Были обнаружены фундаменты какой-то каменной постройки, примыкавшей к башне. Постройка эта по ширине равнялась башне, выступая от стены ее на 10 м. При раскопках было найдено много железных бытовых предметов — петли, замки, ножи и гвозди. Однако траншея не была доведена до материка из опасения за сохранность башни. Только в одном углу раскопа были раскрыты остатки деревянного настила.¹ Обмеры, фотографии и дневники раскопок 1910 г. не были опубликованы, и местонахождение их неизвестно, равно как неизвестно и местонахождение вещей, найденных при раскопках.

Раскопки, организованные Новгородским Государственным музеем в 1938 г., были развернуты в южной части Детинца подле Спасской башни. Раскопками были вскрыты разновременные комплексы жилых и производственных сооружений, расположенные по сторонам древней улицы.² Остатки первого яруса деревянной мостовой, идущей по направлению от проездных ворот Спасской башни в северную часть Детинца, были вскрыты на глубине 1.90 м. Ниже было вскрыто еще четырнадцать настилов; последний из них лежал на материковой глине. Все пятнадцать настилов имели совершенно одинаковое направление, что свидетельствует о том, что трасса древней улицы не менялась в течение ряда столетий. Древнейший (15-й) настил, судя по находкам, датируется концом X в. По сторонам мостовой второго (сверху) настила были обнаружены водостоки—деревянная труба с восточной стороны дороги и кирпичный жолоб с западной. Начиная с третьего настила, по обеим сторонам улицы найдены различные жилые и хозяйственные деревянные сооружения. Раскопки позволили детально изучить структуру деревянных мостовых. Особый интерес в этом отношении представлял самый нижний настил. Он состоял из плах различных пород дерева (сосна, ель, дуб, береза), положенных на продольные лаги. Наряду с плахами, в настиле были обнаружены и нерасколотые круглые тонкие бревна. Разный характер обработки бревен и различные породы дерева в составе настила свидетельствуют о том, что мостовая поддерживалась при помощи частичной замены обветшавших бревен. По сторонам дороги были обнаружены остатки массивного ограждения, состоявшего из толстых вертикальных столбов с пазами, в которые были вставлены стесанные концы горизонтальных бревен. Диаметр вертикальных столбов 0.22 м, а горизонтальных бревен 0.15 м. Высота сохранившейся части изгороди достигала 0.40 м.

Ширина мощеной улицы в верхних ярусах не превышала 4 м, а в нижних доходила даже до 2.50 м. Каждый ярус мостовых состоял из лежавших поперек улицы плах, плотно пригнанных одна к другой, положенных стесанной частью наверх; в нижней закругленной части плах вырубались три глубоких поперечных выемки. Под плахами клались вдоль улицы три продольных бревна (лаги). Выемки на плахах приходились именно на эти три лаги.

Открытую в 1938 г. улицу, безусловно, можно считать древней Пискуплей улицей, упоминаемой в Новгородских летописях в связи с известием о пожаре деревянной Софии, которая по летописному выражению стояла «конец Пискуплѣ улицѣ» (I Новгород. летопись 1049 г.).

На мостовых были найдены фрагменты керамики, куски кожи, гвозди и некоторые другие предметы. На 14-м настиле улицы была найдена кожа-

¹ Б. К. Р е р и х. Новгородские стены. Тр. IV Съезда русск. зодчих, СПб., 1911, стр. 53.

² А. Стр о к о в, В. Б о г у с е в и ч и Б. М а н т е й ф е л ь. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. Новгород. истор. сборн., вып. V, Новгород, 1939, стр. 3—17; в том же году дословно перепечатано в брошюре А. Стр о к о в а и В. Б о г у с е в и ч а «Археологическое исследование Новгорода» (стр. 18—32).

ная сумка с интересным набором вещей. Внутри сумки были найдены: две бронзовые чашечки небольших весов, бронзовый диргем X в. с ушком для подвески, часть бронзовой иглы, бронзовая пряжка, бусина, бронзовый перстень и двадцать бронзовых разновесов.

По сторонам от дороги на различных уровнях были обнаружены различные хозяйственные сооружения. В восточной части раскопа на глубине 2.47—2.67 м были обнаружены остатки деревянного сруба, в котором, повидимому, находилась мастерская по обработке шерсти, расположенная у восточного края дороги. К срубам примыкали сени с дощатым полом. В сенях на полу была найдена деревянная бочка, выдолбленная из одного осинового обрубка. И в самом срубе и в сенях было обнаружено большое количество шерсти, лежавшей сплошным слоем, толщиной от 0.15 до 0.20 м. В юго-западном углу сруба сохранились остатки очага. К югу от сруба были найдены остатки другого очага, вокруг которого обнаружены: значительное скопление обрезков кожи, подошвы, подметки, задники, остатки поршней, ремни, каблуки и сапожные ножи. Повидимому, рядом с мастерской по обработке шерсти находилась мастерская сапожника. Обе эти мастерские, по указанию авторов отчета о раскопках, можно отнести к XVI в. К сожалению, однако, и в этом случае авторы отчетов не подтверждают своих датировок никакими доказательствами. К западу от мостовой на глубине 2.20 м были обнаружены остатки кузнечной мастерской, по мнению авторов отчета, более поздней по сравнению с мастерскими, найденными по другую сторону дороги. В центре раскопанной площади был найден хорошо сохранившийся деревянный постамент для наковальни, вокруг которого лежал мощный (до 0.70 м) слой угля, шлака и железных отходов. Авторы отчета датируют остатки кузницы XVI—XVII вв.

В северо-западном углу раскопа на глубине 2.70 м был раскрыт небольшой сруб из пяти венцов. В срубе обнаружено 405 штук пиленых костей и несколько костяных изделий. Мастерская, находившаяся в этом срубе, изготовляла, повидимому, костяные предметы массового характера — рукояти ножей, навершия посохов и орнаментированные пластинки для их украшения. Среди предметов, обнаруженных в срубе, наиболее интересны: костяная рукоять ножа, орнаментированная кружочками, крестиками и рядом поперечных линий, костяное навершие посоха в виде головы животного (барана?) и костяной гребень хорошей сохранности. Мастерская по обработке кости датируется авторами отчета первой половиной XVI в.

По всей площади раскопа на глубине 3.10—3.25 м лежал слой строительного мусора, состоявший из обломков известняка, кирпича и извести с примесью песка. Этот слой авторы отчета правильно связывают с периодом крупных работ по реконструкции всей линии стен Детинца, которые велись московским правительством в конце XV в. Слой этот в раскопках 1938 г. являлся наиболее устойчивой вехой для хронологических определений, надежно отделяя период XVI—XVIII вв. от периода X—конца XV в. Датировка отдельных слоев внутри этих весьма значительных хронологических отрезков дается авторами отчета, к сожалению, без достаточно веских доказательств, а нередко и совершенно лишена какой-либо аргументации.

В восточной части раскопа на глубине 3.50 м был раскрыт деревянный сруб, от которого сохранились лишь нижние концы. Под уровнем деревянного пола этой постройки обнаружен глиняный пол, неоднократно подвергавшийся подмазкам; деревянный пол, повидимому, заменил этот глиняный пол в более позднее время. В срубе был найден ряд предметов, свидетельствующих о жилом характере постройки. Из находок наиболее характерны: жернов, шиферная пряслица, железный ключ, медный замок, обломок деревянной ложки, точильный брусок, часть большой сковороды и

ряд фрагментов различных деревянных предметов. Постройка отделена от улицы частоколом. Ниже этой постройки были обнаружены остатки другой постройки, от которой сохранился только нижний конец. При расчистке этого сруба были найдены стеклянные и янтарные бусы, костяной орнаментированный гребень, большое количество фрагментов керамики, фрагмент деревянной чашки, грузила и обломок косы. Обе описанные постройки авторы отчета датируют XIV—XV вв. Небольшие части более ранних срубов были обнаружены к западу от мостовой, но раскрытие их полностью не было осуществлено.

Раскопки 1938 г. показали воочию не только чрезвычайную мощность культурного слоя в Детинце, достигавшего пяти метров, но и крайнюю насыщенность слоя, особенно в верхних горизонтах. Наиболее ценным результатом раскопок 1938 г. было обнаружение трассы одной из древнейших улиц Великого Новгорода и отлично сохранившихся деревянных мостовых на этой улице. Особый интерес, естественно, вызывают, древнейшие ярусы мостовых и те сооружения и вещевые находки, которые синхронны этим ярусам. К сожалению, именно эти пласты описаны авторами отчета предельно скупо и не подтверждены документацией вещевых находок. Датировка древнейших ярусов мостовых вызывает поэтому очень много вопросов и недоумений.

Раскопки Детинца были продолжены в 1939 г.¹ Новый раскоп был заложен рядом с раскопом 1938 г., примыкая к последнему с востока. Площадь раскопа 1939 г. (352 кв. м) значительно превышала раскоп 1938 г. (102 кв. м).

На глубине от 0.64 до 0.95 м по всему раскопу выявился первый строительный комплекс, состоявший из деревянных срубов жилых и хозяйственных сооружений, расположенных по сторонам деревянной мостовой, тянувшейся по диагонали через весь раскоп. Открытая улица соединяла Спасскую башню с Борисоглебской и примыкала у самой Спасской башни к Пискупле улице, раскрытой в предыдущем году. К юго-востоку от мостовой был открыт квадратный сруб избы (около 28 кв. м) с четырьмя вертикальными столбами в юго-восточном углу, служившими для поддержания печи. У юго-западного угла сруба отлично сохранился деревянный сруб колодца, прорезавшего почти все ниже лежащие слои до материка. К северо-востоку от сруба был расположен въезд с остатками деревянной вымостки, который вел с улицы во двор, примыкавший к описываемой избе. В 2 м к востоку от избы были раскрыты остатки какой-то хозяйственной дворовой постройки, сохранившейся довольно плохо.

Второй сруб, почти равный по величине срубам только что описанной избы, был раскрыт в юго-западном углу раскопа. Значительная часть его уходила за границы раскопа и осталась нераскрытой. Судя по северо-восточной стороне сруба, площадь его была более 25 кв. м. Вдоль северо-восточной стороны второго сруба, как и подле первого, находилась деревянная вымостка въезда, который вел с улицы во двор, примыкающий ко второй избе.

В северо-восточном углу раскопа к востоку от мостовой были обнаружены остатки плохо сохранившегося сруба, площадью около 20 кв. м. Весь участок раскопа к востоку от мостовой был пересечен вертикально врытыми в землю толстыми кольями тына, прорезавшего срубы более древних построек. Он появился на месте разрушенных дворов и зданий, когда последние были, повидимому, заброшены, а весь участок кардинально перепла-

¹ А. Строков и В. Богусевич. Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (жнкая часть Кремля). Новгор. истор. сборн., вып. VII., Новгород, 1940, стр. 3—18.

нирован. Авторы отчета о раскопках справедливо предполагают, что это произошло в середине XVIII в.

К западу от мостовой вскрыты два жилых сруба и остатки двух дворовых построек. Сруб большой избы (около 25 кв. м) с хорошо сохранившимися нижними венцами имел деревянный сильно обгоревший пол. Описанный строительный комплекс дал значительное количество разнообразных находок, которые позволили датировать его первой половиной XVIII в.

Углубление раскопа от 0.95 до 1.20 м показало, что общее расположение деревянных сооружений менялось лишь в отдельных частях, сохраняя основу планировки. По снятии первой мостовой под нею был вскрыт второй деревянный настил, состоявший также из поперечных плах и продольных лаг хорошей сохранности. Эту мостовую авторы отчета отнесли, как и предыдущую, к первой половине XVIII в. На глубине от 0.95 до 1.20 м раскрылась третья мостовая со следами пожара. Постройки, примыкавшие к ней, также горели, повидимому, в XVIII в., и были заменены новыми, принадлежащими верхнему комплексу. Большой сруб жилой избы, примыкавшей к мостовой с востока, в ниже лежащем слое оказался примерно такого же размера, только четыре столба для печи расположены не в юго-восточном углу, как в срубе начала XVIII в., а в юго-западном. В этом срубе, среди многочисленных находок (железные ножи, гвозди, пряслица, остатки кожаной обуви и пр.) была найдена вислая свинцовая печать с изображением грифона и надписью «печать великаго новгорода». К юго-востоку от жилого сруба расположены две дворовых постройки; первая из них, стоявшая от дома на расстоянии 3.5 м, имела форму продолговатого прямоугольника (4 × 8 кв. м), вторая была раскопана не полностью. Между домом и хозяйственными постройками найдены: большое количество кожаной обуви, обрывки веревок, две деревянных ложки, куски войлока, пряслица, фрагменты деревянной посуды и пр.

В северо-восточном углу раскопа был обнаружен жом, около которого лежали скорлупа лесных орехов и зеленовато-желтая масса. Сруб, в котором был обнаружен этот жом, сложен из тонких бревен и имел, повидимому, производственное назначение.

В юго-западном углу раскопа под описанным выше срубом оказался другой, более древний, в котором найдена еще одна вислая печать с изображением грифона. Кроме того, среди инвентаря заслуживают внимания деревянная каталка для белья, небольшой глиняный сосуд, железные ножи и пр. К западу от мостовой, так же как и в верхнем строительном комплексе, раскрыт большой хорошо сохранившийся сруб со следами пожара; рядом с этим жилым домом были расположены остатки хозяйственных построек. На юго-запад от сруба шла дворовая вымостка. Небольшой сруб, сохранивший два венца, частично был вскрыт у северной стенки раскопа.

После раскрытия второго строительного комплекса раскоп был углублен до 1.55 м. Четвертая мостовая почти не сохранилась, от пятой сохранилось только несколько отдельных плах, которые лежали на остатках продольных лаг шестой мостовой. К востоку от пятой и шестой мостовой раскрыт третий, считая сверху, отлично сохранившийся сруб в три венца, по размерам и по планировке в основном повторявший выше лежащие, только четыре столбика от печи находились в северо-восточном углу. В срубе обнаружены: орнаментированная костяная рукоятка ножа, пряслице, железный нож, деревянный блок, сковородка, днище от кадушки и пр. Близ этого сруба в юго-восточном углу был расчищен другой квадратный сруб, уходивший в южную стенку раскопа, с хорошо сохранившимся тесовым полом.

В юго-западном углу раскопа был расчищен небольшой сруб, в который вела деревянная составная труба, лежавшая на глубине 1.37 м. К юго-востоку от трубы на площади около 16 кв. м залегал мощный пласт шерсти,

представлявший долгие отходы шерстобитного производства. В некоторых местах по краям мостовой был обнаружен тын, огораживающий дворовые участки. В западной части раскопа сохранившихся построек обнаружено не было.

Этот третий строительный комплекс был отнесен к XVI в., так же как и нижележащий, в котором на глубине 1.55—1.85 м были раскрыты остатки от седьмой мостовой. К востоку от мостовой на том же месте, где были раскопаны три более ранних, последовательно сменявших друг друга сруба, был обнаружен еще четвертый, довольно плохой сохранности. Печь в нем находилась в северо-западном углу. К юго-востоку от сруба сохранились сильно разрушенные остатки различных хозяйственных построек.

В северной части раскопа, к западу от мостовой, был открыт большой сруб, под которым находился сруб меньшего размера. На различных участках раскопа на дворах было найдено несколько деревянных кадусек, повидимому, являвшихся противопожарным инвентарем.

Ниже этого комплекса на глубине 1.85—2.25 м были обнаружены остатки от седьмой мостовой, к востоку от которой вновь был обнаружен на старом месте пятый (считая сверху) сруб избы с печью в северо-западном углу. Как и прежде, к северу от избы находилась дворовая вымостка. В северной части раскопа были открыты сильно поврежденные пожаром остатки большого сруба. Среди многочисленных находок этого слоя заслуживают внимания: железные кузнечные клещи, железные ножи, печать свинцовая с изображением Оранты и креста, нож в кожаном футляре, костяной гребень, фрагмент бронзового браслета и пр.

Описанным выше строительным комплексом заканчиваются культурные слои XVI — первой половины XVIII в., характерной особенностью которых является устойчивость не только основной планировки района, но и расположение отдельных основных сооружений, как, например, пятикратно повторенная изба к востоку от дороги. Ниже описанного комплекса на глубине 2.25 м по всей площади раскопа лежал слой мощностью от 0.15 до 0.20 м, состоявший из строительного мусора, волховской плиты, кирпича и извести. Этот слой, встреченный и в раскопках 1938 г. у Спасской башни, относится к капитальной перестройке Детинца в 1484—1490 гг., предпринятой по инициативе великого князя Ивана Васильевича при участии новгородского владыки.

Под слоем строительного мусора на глубине 2.45—2.90 м открылась совсем новая планировка участка, резко отличающаяся от планировки XVI — начала XVIII вв., раскрытой в вышележащих слоях. Прежде всего исчезла мощеная улица, пересекавшая раскоп по диагонали, шедшая от Спасской башни в направлении к Борисоглебской башне. Наряду с этим, появилась новая улица, пересекавшая раскоп с востока на запад по направлению от Дворцовой к Княжьей башне. Соответственно изменилась и вся планировка жилых и хозяйственных сооружений, примыкавших к улице с северной и южной сторон. Верхние настилы новой улицы залегли на глубине 2.91 м. На более высоких горизонтах северной и южной частей раскопа были раскрыты остатки нескольких деревянных сооружений. На глубине 2.33 м обнаружен верхний венец маленького колодца, который прорезал все нижележащие слои до материка и имел двенадцать венцов хорошей сохранности. К востоку от колодца обнаружены остатки нескольких срубов. Между западной стенкой раскопа и этими срубами параллельно северной стенке раскопа проходил частокол. В южной части раскопа на глубине 2.60 м оказался большой сруб, раскрытый лишь частично.

Дальнейшая расчистка показала значительную насыщенность культурного слоя деревянными строительными остатками. На глубине до 3.30 м полностью была расчищена упомянутая выше мостовая. Она отличалась

по своему характеру от мостовых XVI—XVIII вв.: настил ее состоял не из плах, а из круглых жердей, упирившихся своими концами в крайние лаги, в которых делались для этого выемки. Мостовая состояла из нескольких довольно плохо сохранившихся настилов. Ширина ее немного более 3 м.

В северной части раскопа обнаружены остатки нескольких деревянных сооружений, перекрывавших друг друга. В южной части раскопа был раскрыт сруб, повторявший по размерам и планировке два вышележащих. Среди деревянных сооружений, раскрытых под слоем строительного мусора конца XV в., на глубине от 2.45 до 3.30 м обнаружен ряд интересных предметов, среди которых следует особо отметить: маленькую каменную формочку для отливки ювелирных изделий, целый глиняный сосуд, фрагмент стеклянного витого браслета, ковш из березы, кожаные ножны для кинжала, шиферное пряслице, деревянные гребни, днище сосуда с клеймом в виде круга с крестом, бронзовую шейную гривну и др.

На глубине 3.60 м показался материк, на котором лежали остатки мостовых и отдельные части деревянных срубов. Трасса мостовой на этой глубине несколько изменилась: она проходит в последнем слое на 2 м севернее. С востока к этой мостовой примыкала мостовая другой улицы, имевшей направление с юго-востока на северо-запад. Устройство этих деревянных мостовых отличается от вышеописанных: они имеют в основании не три, а пять лаг, настил состоит из ровных жердей шириной 2.25 м. К югу от мостовой найдены три сруба, каждый площадью по 16 кв. м.

В этом древнейшем слое (на глубине 3.30—3.60 м) обнаружены: костяные орнаментированные гребни, деревянные вилы, деревянная чашка, остатки кожаной обуви, фрагменты керамики — как сделанной на круге, так и лепной, деревянные палочки с головою зверя на конце. Этот древнейший культурный слой Детинца относится, повидимому, к концу X в.

Раскопками 1938—1939 гг. в южной части Детинца вскрыт весьма интересный участок, который бросил пока лишь первый луч на многовековую историю южной половины Детинца. История этой части Детинца резко делится на два периода: с X по конец XV в. и с начала XVI по начало XVIII в. Многочисленные предметы ремесленного производства и различные ремесленные мастерские, обнаруженные раскопками, свидетельствуют о том, что в московское время здесь находилось довольно значительное ремесленное население. Наоборот, в слоях, относящихся к X—XV вв., никаких ремесленных мастерских обнаружено не было — ни в раскопках 1938 г., ни в раскопках 1939 г.

Вывод автора отчета, что в X—XI вв. возле Спасской башни существовал Торг, на что якобы указывает найденный на этом участке в 1938 г. купеческий кошелек с бронзовыми весами и разновесами и свинцовый безмен, едва ли может быть признан серьезным. Еще менее убедителен довод, что «небольшие срубы, в которых были найдены большие ключи», надо считать постройками «лавочного типа». Едва ли серьезно можно говорить о том, что находка дубовой мотыги и вил свидетельствует «о явных связях древнейших обитателей на территории Новгородского Кремля с сельским хозяйством».

Раскопки 1938—1939 гг. дают действительную возможность выяснить ряд вопросов древней топографии Детинца. Раскопками вскрыто несколько древнейших новгородских улиц. От Спасской проездной башни шла в направлении к северу Пискуля (Епископская) улица, трасса которой не менялась с X по XVIII в. С востока к Пискупле улице в XVI—XVII вв. примыкала в районе Спасской башни боковая улица, соединявшая Спасскую башню с Борисоглебской. В X—XV вв. этой улицы еще не было, но Епископская улица пересекалась другой древнейшей улицей, шедшей с востока на запад, повидимому, от Дворцовой башни к Княжой.

В конце XV в. после капитальной перестройки стен Детинца, предпринятой московским правительством, южный участок Детинца был совершенно перепланирован и заселен новыми по своему социальному составу жителями. Преобладающим населением стали ремесленники различных специальностей.

Интересны наблюдения над техникой сооружения мостовых. Древнейшие мостовые X—XV вв. по техническим особенностям отличаются от более поздних. Древнейшие мостовые имеют в ширину не более 2.5 м, настил их состоит из круглых, неотесанных жердей, концы которых входят в пазы боковых лаг; вместо обычных трех лаг применяются пять. Мостовые московской эпохи шире (3.5—4 м), настил их состоит из толстых и широких плах, стесанных сверху и тщательно пригнанных друг к другу. Каждая плаха снизу имеет три выемки для пригонки к продольным подстилающим лагам.

Чрезвычайно ценна установленная раскопками устойчивость планировки дворовых мест и отдельных построек на протяжении двух-трех столетий (пять срубов, сменявших друг друга на одном участке к востоку от улицы с начала XVI по начало XVIII в.).

Количество вещевых находок из раскопок в Детинце огромно, но они еще ждут систематизации и публикации.

Раскопки в Кремле были продолжены и в 1940 г. Итоги раскопок этого года остались неопубликованными в связи с началом войны, если не считать небольшой заметки А. Строкова, напечатанной в XI выпуске «Кратких сообщений ИИМК».¹ В ожидании публикации результатов этих раскопок считаем возможным привести здесь лишь самые краткие о них сведения.

Раскопки 1940 г. охватили значительную площадь (около 1100 кв. м) к северо-востоку и к юго-востоку от церкви Андрея Стратилата. В итоге этих раскопок были вскрыты развалины известной по Новгородским летописям церкви Бориса и Глеба, заложенной в 1167 г. Сотко Сытиничем и разрушившейся во второй половине XVII в. В конце XVII в. или в XVIII в. часть фундаментов собора была выбрана в качестве строительного материала, а рвы от фундаментов засыпаны. Раскопками было установлено, что развалины собора перекрыты несколькими слоями, связанными с разновременными перестройками и различными стадиями его разрушения. Уже в самом верхнем слое были обнаружены верхние части сохранившихся стен северной и центральной апсид. Ниже, на глубине от 0.73 м до 1.14 м лежал слой строительного мусора, состоявший из крупного плитняка, целого и битого кирпича и фрагментов штукатурки. Этот слой образовался в результате разрушения и разборки собора во второй половине XVII в. Раскопками было установлено, что южная стена собора упала плашмя. В нижних частях развалин этой стены встречен кирпич XII в., в верхних — XV в. Как известно, в 1441 г. храм был перестроен архиепископом Евфимием. У северной стены церкви Андрея Стратилата была обнаружена кладка нижней части южной стены Борисоглебской церкви. Оказалось, что северная стена церкви Андрея Стратилата была поставлена на сохранившейся нижней части южной стены церкви Бориса и Глеба. Стены церкви Андрея Стратилата сложены из кирпича конца XVII или начала XVIII в.; постройка возникла не раньше этого времени на разобранных развалинах Борисоглебской церкви.

Следующий слой (толщиной около 0.20 м) состоял из остатков горелого деревянного пола, лежавшего на кирпичной вымостке. На этой глубине были расчищены надгробные плиты и погребения у северной, восточной и южной стен собора. У северной стены собора был обнаружен каменный саркофаг, плиты которого были разбиты при падении стен церкви.

¹ А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 г. КС ИИМК, XI, 1945, стр. 65—73.

Следующий слой (глубина 1.50 м), состоящий из мелкого строительного мусора и фрагментов фресок, повидимому, относится ко времени ремонтных работ церкви, произведенных архиепископом Евфимием в 1441 г. В центральной апсиде были раскрыты остатки епископского места, с примыкающими к нему по сторонам сидениями, сложенными из плит и кирпича. В этом же слое в западной части собора были расчищены первый ярус погребений и значительное количество погребений у северной и восточной стен храма. Из вещевых находок большой интерес представляет печать с изображением грифона и с надписью «печать великаго новгорода», подобная двум аналогичным печатям, найденным в южной части Детинца в 1939 г.

Ниже лежала известковая заливка на подстилке из песка и гравия. В западной части храма на этом горизонте обнаружен второй ярус погребений, одно из которых находилось в саркофаге из каменных плит, внутри которого помещался деревянный гроб с костяком. Еще ниже лежала подстилка под пол, состоявшая из глины с битым кирпичом, лежавшая на заливке из известки с примесью толченого кирпича. В западной части собора на этом горизонте был открыт третий ярус погребений; некоторые из них — в деревянных дубовых колодах, обернутых берестой. При одном из погребений найдены янтарное ожерелье и две серьги. При женском погребении в каменном саркофаге найдены фрагменты ткани. Саркофаг вытесан из целого камня известняка, имеет форму несколько расширенную в средней части и суживающуюся по концам.

В материке были раскрыты засыпанные мусором после выборки фундаментов рвы, на дне которых найдены остатки деревянных субструкций, состоявшие из трех толстых дубовых бревен, залитых раствором известки с примесью толченого кирпича. В местах фасадных лопаток на их толщину выпущены поперечные лежни. В южной апсиде лежни перекрещивались. Деревянные субструкции под фундаментами, значительно более сложной конструкции, хорошо известны в архитектурных памятниках Киева X—XI вв. Известна подобная особенность и во владими́ро-суздальском зодчестве. В Новгороде эта конструкция зарегистрирована впервые. На лежнях клался фундамент из булыжных камней на растворе известки с примесью толченого кирпича. Глубина залегания фундамента не превышала одного метра.

Западная часть храма не была раскопана полностью, что затрудняет реконструкцию архитектурного облика здания. Первоочередной задачей дальнейшего изучения борисоглебских развалин является раскрытие западной части здания.

Из многочисленных погребений в западной части собора заслуживают особого внимания четыре погребения, содержавшие богато украшенные головные повязки — диадемы. Не исключена связь этих погребений с фамилией ктитора храма.

Значение вновь открытого памятника новгородского зодчества второй половины XII в. очень велико. Это прежде всего новое звено, восполняющее значительную лауну между последним памятником княжеского строительства первой половины XII в. (церковь Успенья на Торгу, выстроенная в 1135 г.) и первым дошедшим до нас памятником нового стиля — церковью Благовещения в Аркаже, выстроенной в 1179 г. Постройка церкви Бориса и Глеба, заложенной в 1165 г., происходила в то время, когда формировался новый стиль в архитектуре Новгорода, только что пережившего глубокие изменения в социально-политическом строе. Чрезвычайно интересен облик строителя церкви Сотко Сытинича. Отождествление этого знатного боярина, имя которого упоминается летописью с отчеством, с былинным гостем Садко, давно принятое в исторической и археологической литературе, требует еще серьезных обоснований.

Расширение площади раскопок церкви Бориса и Глеба настоятельно необходимо не только в связи с задачей окончательного раскрытия всей постройки, но и для решения еще более значительной задачи — поисков пожарища дубовой тринадцатиглавой Софии, на месте которой по летописному указанию была выстроена ц. Бориса и Глеба.

VII

Наряду с раскопками на различных участках древнего города, археологические исследования в Новгороде развернулись также внутри древних церковных зданий, нередко служивших в качестве усыпальниц. Экспедиция 1933 г. под руководством М. К. Каргера произвела раскопки внутри Георгиевского собора Юрьева монастыря.¹ Юрьев монастырь является одним из древнейших новгородских монастырей. Связанный с княжеской резиденцией на Городище, он сам был крупным политическим центром Новгорода. С XII в. Юрьев монастырь становится центром княжеского летописания, монастырский собор Георгия, заменяя Софию, становится княжеской усыпальницей. Раскопки 1933 г., помимо задач, связанных с реставрацией собора, имели целью исследование древнейших погребений в соборе. Раскопками вскрыты четыре погребения в каменных саркофагах и три в склепах.

Дополнительные раскопки, произведенные в 1935 г., вскрыли еще два погребения в деревянных колодах. Все погребения относятся к XII—XIII вв. Изучение инвентаря и костных остатков погребений, сопоставление топографии погребений с летописными данными о захоронениях в соборе позволили установить персональную атрибуцию всех погребений. Среди них оказались крупные деятели новгородской политической жизни XII—XIII вв. — посадники Мирон Нездич, более известный в Новгородских летописях под именем Мирошки, его сын Дмитр Мирошкинич и Семен Борисович. Среди княжеских по-

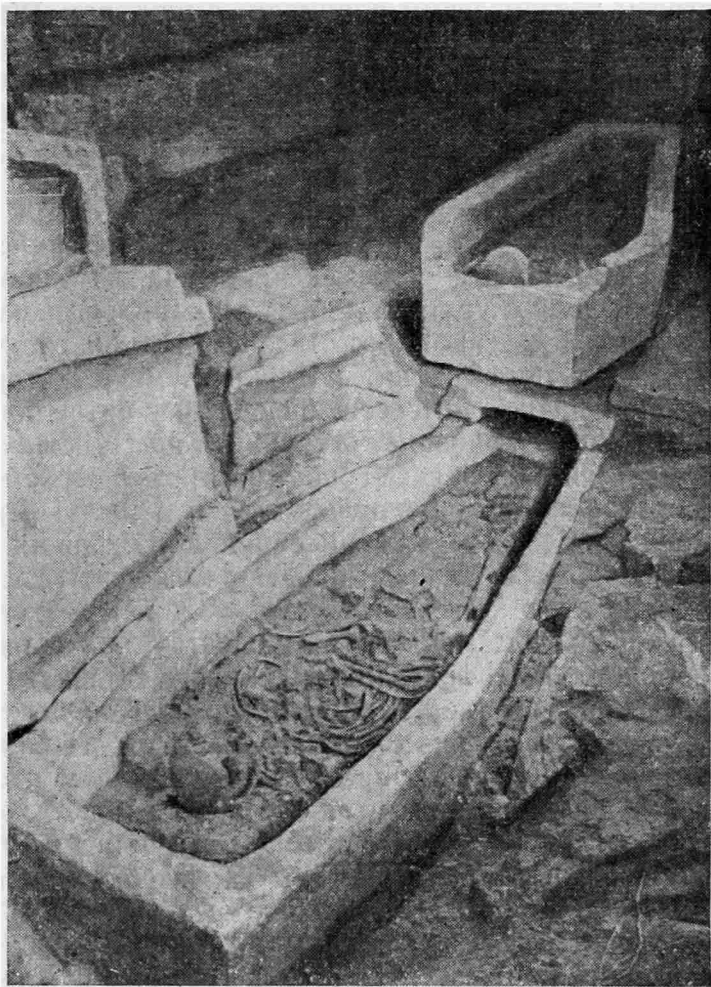

Рис 14. Новгород. Саркофаги в южном притворе церкви Спаса на Ковалеве (в процессе раскопок).

гребения в каменных саркофагах и три в склепах. Дополнительные раскопки, произведенные в 1935 г., вскрыли еще два погребения в деревянных колодах. Все погребения относятся к XII—XIII вв. Изучение инвентаря и костных остатков погребений, сопоставление топографии погребений с летописными данными о захоронениях в соборе позволили установить персональную атрибуцию всех погребений. Среди них оказались крупные деятели новгородской политической жизни XII—XIII вв. — посадники Мирон Нездич, более известный в Новгородских летописях под именем Мирошки, его сын Дмитр Мирошкинич и Семен Борисович. Среди княжеских по-

¹ М. К. К а р г е р. Раскопки и реставрационные работы в Новгородском Юрьеве монастыре (1933—1935 г.г.) Сов. археология, VIII, 1946, стр. 175—224.

гребений большой интерес представляют погребения князя Федора, брата Александра Невского, и его матери княгини Евфросинии. Изучение инвентаря погребений посадников позволило установить, что в погребальном обряде даже социальной верхушки новгородского общества конца XII—XIII вв. были очень сильны языческие реминисценции. В склепе Дмитра Мирошкинича и Семена Борисовича были найдены ножны от мечей (мечи, повидимому, были похищены). В погребении Дмитра были найдены берестяной бурак с яйцами и рыбой и большой глиняный сосуд; остатки рыбы и яиц были найдены и в погребении Семена Борисовича.

В 1934 г. экспедицией ГАИМК под руководством М. К. Каргера был исследован южный притвор ц. Спаса на Ковалеве. Монастырь был выстроен новгородским боярином Анцифором Жабиным в середине XIV в.¹ Еще в 1908 г. случайно при ремонте в южном приделе церкви были обнаружены два каменных саркофага, один из которых был тогда же раскрыт.² Раскопками 1934 г. были обнаружены четыре каменных саркофага, по форме повторяющие деревянную колоду-гроб, хорошо известную в могильниках этой поры (рис. 14).

Саркофаги были, несомненно, разграблены, о чем свидетельствовали и перемешанность костей в трех из них и разлом крышек на двух из них. Третий был совсем без крышки. Только четвертый саркофаг (в северо-западном углу притвора) сохранился значительно лучше. Его крышка цела и костяк лежал *in situ*. В этом саркофаге были найдены фрагменты кожаной обуви, подобные тем, о которых упоминает Романцев.³

Но наиболее интересным оказалось пятое погребение, вскрытое в центре притвора. В отличие от остальных, кости лежали не в каменном саркофаге, а в деревянной колоде-гробу, обернутой берестой. От самой колоды ничего не сохранилось, она превратилась в пыль, береста местами сохранилась хорошо. Помимо кожаной обуви и маленьких кусочков кожаного пояса, в этом погребении были найдены фрагменты шелковых тканей. Интересной особенностью этого погребения, сближающей его с погребениями посадников в Юрьевом монастыре, являются найденные в нем рыбы кости, яичная скорлупа и фрагменты глиняного горшка.

Южный притвор церкви Спаса на Ковалеве был, очевидно, фамильным склепом строителя и хозяина монастыря. Ковалевский монастырь представлял собой типичный боярский укрепленный монастырек, выполнявший функции хозяйственного центра боярской земли. Упомянутые выше погребения, найденные в западной части церкви Бориса и Глеба в Детинце, также дали новые ценные материалы для характеристики погребального обряда новгородской знати XII—XV вв.

Плодотворное и увлекательное археологическое исследование Новгорода, расширявшееся из года в год, оборвалось в июне 1941 г. Страшное испепеляющее дыхание войны день ото дня приближалось к стенам древнего русского города. В конце августа 1941 г. немецкие захватчики ворвались в город. В течение двух с половиной лет немцы хозяйничали в Новгороде. Методично, со свойственным им вандализмом и ненавистью к русскому народу и его культуре, они жгли, взрывали, расстреливали артиллерийским огнем великий город нашей Родины, славный памятник ее тысячелетней истории. Немцы превратили в груды руин всемирноизвестные архитектурные памятники Новгорода. Они разворовали или сожгли богатейшее убранство древних новгородских храмов. Они уничто-

¹ II, III, IV, V Новгородские летописи, Летопись Авраамки, Никоновская летопись под 1345 (6853) г.

² Романцев. Ковалевская находка. Сборн. Новгор. общ. любит. древности, вып. I, 1908, 78—84.

³ Там же, стр. 81.

жили или разворовали значительную часть музейных коллекций Новгорода.

Мощными ударами Красной Армии 20 января 1944 г. немцы были выбиты из Новгорода. Началась работа по восстановлению города и его древних памятников. Город был еще в прифронтовой полосе, когда начались неотложные работы по ремонту и консервации наиболее пострадавших памятников древнего зодчества и монументальной живописи. Летом 1944 г. в Новгороде уже кипела реставрационная и музейная работа.

Недалеко то время, когда Великий Новгород снова станет кафедрой истории древнейшего периода нашей славной Родины.

M. KARGER

RÉSULTATS ESSENTIELS DES ÉTUDES DE L'ANCIEN NOVGOROD

R é s u m é

L'auteur passe en revue les recherches archéologiques de l'ancien Novgorod, entreprises depuis 1932 et opérées systématiquement jusqu'à la Grande guerre pour la Patrie.

Des fouilles de quatre ans sur la colline Slavenski ont mis à jour un mur de 200 m construit en 1335 pour défendre le quartier du Commerce (Torgovaja storona) de la ville.

On y a découvert des ensembles de bâtiments d'habitation et de service en bois, disposés en trois couches superposées. Celle du milieu contenait une maison de cordonnier du XII-e siècle et six pressoirs à huile. On y a trouvé aussi une grande quantité de vases en argile travaillés au tour avec des ornements linéaires ou en ligne ondulée et plus rarement à ornement dentelé, un nombre considérable de bracelets en verre, des outils de fer, d'instruments de forge etc., des sceaux, des monnaies, des balles du XV-e siècle, des jouets en argile et des objets en os sculpté. L'absence de céramique travaillée à main fait réfuter l'ancienne supposition affirmant que le monticule slavenski est le Holmgårdr des sources scandinaves: ici il n'y avait pas de station habitée aux IX—X siècles.

Les fouilles du Gorodistché de Rurik, situé à 3 km de Novgorod, près de la source de la rivière Volchov ont été opérées de 1934 à 1935 et ont mis à découverte des couches du XI—XIII-e siècles et au dessous d'elles une couche du IX—X siècles, avec des débris de constructions en bois, ainsi que de la céramique travaillée à main en forme de pots, de bœux et de la poterie archaïque travaillée au tour.

On a pu établir, grâce à ces fouilles, que cette station n'a pas été fondée par les princes de Novgorod au commencement du XII-e siècle, mais qu'elle était une des stations les plus anciennes et que c'est par rapport à elle que la ville de Novgorod devint vraiment la «Nouvelle ville».

Les fouilles d'une autre partie du gorodistché susdit, entreprises en 1934, ont fait découvrir les débris d'une ancienne église de l'Annonciation, fondée en 1103 par le prince Mstislav.

En 1932 les fouilles entreprises sur la rive droite de la rivière Volchov à cause des travaux de construction qui s'y opéraient à la rue des Décabristes, ont découvert sur une longueur de 12 m le terrain d'une des plus anciennes rues de Novgorod avec 18 rangées de pavés de bois, s'étant succédées du XI-e au XVII-e siècles.

Les recherches faites sur le territoire de la Grande cour de Jaroslav (Jaroslavovo Dvorišče) de 1937 à 1939 ont découvert les parties souterraines de la

cave d'une huilerie, un étrange pavé, trouvé à deux reprises, et composé de mâchoires de vaches et, en partie, de chevaux, puis plus bas des restes d'un pavé de bois. A part cela on y a trouvé une forge avec des instruments et un conduit d'eau en bois, datant du XVe siècle. Les fouilles des années 1938—1939 dans la partie Sud du territoire du Detinec ont permis de constater deux périodes très distinctes de son histoire: 1° la période du Xe à la fin du XVe siècle. Dans les couches de cette époque on n'a pas découvert d'ateliers d'artisans; 2° la période qui va du commencement du XVIe au commencement du XVIIIe siècle et dont les couches gardent des traces d'ateliers et d'instruments de métier, ce qui prouve la présence d'un assez grand nombre d'artisans, habitant la ville à l'époque moscovienne. Ces fouilles ont aussi donné beaucoup de renseignements sur l'ancienne topographie et les reconstructions du Detinec à la fin du XVe siècle, ainsi que sur les changements dans la technique du pavage des rues.

En 1940 les fouilles reprises dans le Kremlin ont mis à jour la célèbre église de Boris et Glèbe, fondée en 1167.

L'auteur souligne aussi les résultats qu'ont amenés les fouilles entreprises à Novgorod à l'intérieur des anciennes constructions d'église ayant servi de tombeaux.

Pendant les années 1933—1935 on a opéré des fouilles de la cathédrale St. Georges du monastère Jouriev et on y a découvert des sépultures dans des sarcophages en pierre et des cercueils-billots, découpés tout d'une pièce dans des troncs d'arbre, sépultures datant du XIIe et du XIIIe siècles.

Parmi ces tombeaux se trouvaient ceux des grands personnages de Novgorod, comme le prince Théodore et la princesse Euphrosyne.

En 1934 on a fait des recherches au parvis du sud de l'église de la Transfiguration à Kovalev et on y a découvert quatre sarcophages de pierre et un cercueil-billot.

L'auteur considère le monastère Kovalev, construit au milieu du XIVe siècle comme un modèle caractéristique d'un monastère fortifié de «boyard» et le parvis sud de l'église de la Transfiguration comme un sépulcre de famille.

МАТЕРИАЛЫ

М. Я. РУДИНСКИЙ

ПУШКАРИ

(Материалы к истории изучения палеолитических стоянок у с. Пушкари Новгород-Северского района на Черниговщине)

Открытие палеолитического нахождения у с. Пушкарей и первые раскопки на ур. Погон продиктованы Мезинской проблемой.

Несмотря на широкое развитие палеолитических исследований в СССР и открытие многочисленных новых стоянок в соседящих с Мезином областях, палеолитический Мезин продолжает оставаться обособленным и своеобразным палеолитическим памятником, параллелей которому все еще не находится.

Планируя исследования на Черниговщине в 1932 г. и на вторую пятилетку, я ставил как первоочередное задание организацию широких разведывательных изысканий на среднем течении Десны. Происходящие оттуда обильные находки костных остатков крупных четвертичных животных, ряд наблюдений и новых археологических документов, добытых во время моих разведок в Подесенье в 1925—1927 гг., и отдельные указания на палеолитические остатки между Новгород-Северским и Вишеньками настоятельно требовали расширения палеолитических изысканий на этом участке Десненского побережья. Вот почему одной из основных задач Мезинской палеолитической экспедиции Украинской Академии Наук 1932 г. была поставлена проверка прежних сообщений о палеолитических остатках и поиски новых палеолитических находений. «Мезинский вопрос» в какой-то степени приблизится к своему разъяснению только тогда, когда в близком к нему соседстве будут найдены новые палеолитические стоянки с соответствующими культурно-историческими проявлениями. Настойчивое и планомерное отыскание этих соседей и этих параллелей Мезину имеет не меньшее значение, чем раскопки Мезинской стоянки, возобновленные после долгого перерыва в 1930 г. и вновь оборвавшиеся в 1932 г.

После экскурсии в Дегтяревку для проверки сообщения Д. Я. Самоквасова о палеолитических остатках, оставшегося неподтвержденным с 70-х годов прошлого столетия, экспедиция наметила обследование небольшого участка правого берега Десны между Пушкарями, окрестности которых не были обследованы в моих экскурсиях по северу Черниговщины в 1925—1927 гг., Роговкой и Лисконогами — Мамекиным на р. Смячке с ее богатейшими эпипалеолитическими и неолитическими стоянками. Намеченный план оправдал себя полностью и притом с результатами, которые превысили всякие ожидания. С первых же шагов в южном направлении от с. Пушкари на ур. Погон 23 сентября 1932 г. мною были обнаружены обильные палеолитические остатки, сначала в северной части урочища (п. I), а затем далее по его краям в ряде пунктов.

Ур. Погон, по крайней мере в центральной своей части, является одним из наиболее высоких пунктов побережья от северных окрестностей Пушка-

рей и до Мамекина и представляет собой отчетливо обособленный участок второй террасы правого берега Десны, вычерченный в ней глубокими оврагами. На севере, в направлении с запада на восток, проходит ряд оврагов, впадающих в долину реки (Шолободов ров, Крейдян, Кудин ров); на западе — овраги системы Харьковского рва, южную границу Погона проводит Мосолов ров, впадающая в Десну широкая балка — долина мертвого потока, погребенного под позднейшими наносами (рис. 1).¹

Ур. Погон в его современных очертаниях, по крайней мере южная его оконечность, сформирован в основном до появления на нем первобытных охотников. Оставляя в стороне склоны берега к Десне и обочье Мосолова рва, указания на древние очертания нынешнего Погона мы находим и в менее глубоких оврагах западной его границы, которые на первый взгляд

Рис. 1. Тальвег Мосолова рва.

кажутся образованиями недавнего времени, но на самом деле прочерчивают давние контуры его поверхности.

Перед началом раскопок 1933 г. я произвел дополнительное обследование оврагов системы Мосолова рва, которое дало несколько новых наблюдений и находок. Наиболее интересной из них была находка в западной части Погона в овраге Погонском, который впадает в Мосолов ров, ограничивая с запада ур. Аникеево поле. В осыпи восточного склона оврага (в северной его части) встречены многочисленные остатки ископаемой фауны, главным образом костей мамонта, несколько кремневых осколков и фрагмент ребра мамонта (?) с зашлифованным концом. На поверхности мелового обнажения отчетливо вырисовывались очертания двух мамонтовых бивней, окончательно разрушенных, однако, не сдвинутых с места. Зачистка, которая была сделана тут впоследствии, кроме выразительного фаунистического комплекса

¹ Названия некоторых оврагов заслуживают внимания: Крейдян — овраг с меловыми обнажениями, Мосолов ров — овраг, в котором часто находили и находят «мослы» — крупные кости животных (мосол, мослак).

(*Eleph. prim.*, *Rhinoc. tichorh.*, *Equus cab. foss.*, *Canis lupus*) в сопровождении нескольких кремневых объектов, показала, что палеолитические остатки лежат почти непосредственно на поверхности мела, поднимающейся к востоку в сторону Погона (рис. 2—3). Скопление культурных остатков на Аникеевом поле над Погонским рвом и далее у так наз. «Сосонницких ровков», впадающих в Мосолов ров, с очевидностью доказывает, что впадина Погонского оврага существовала уже во времена пребывания на Погоне первобытных охотников и представляла собой западную границу того обширного стойбища, которое они тут имели. Далее на запад от Погонского рова культурных остатков в 1932—1933 гг. обнаружено не было.

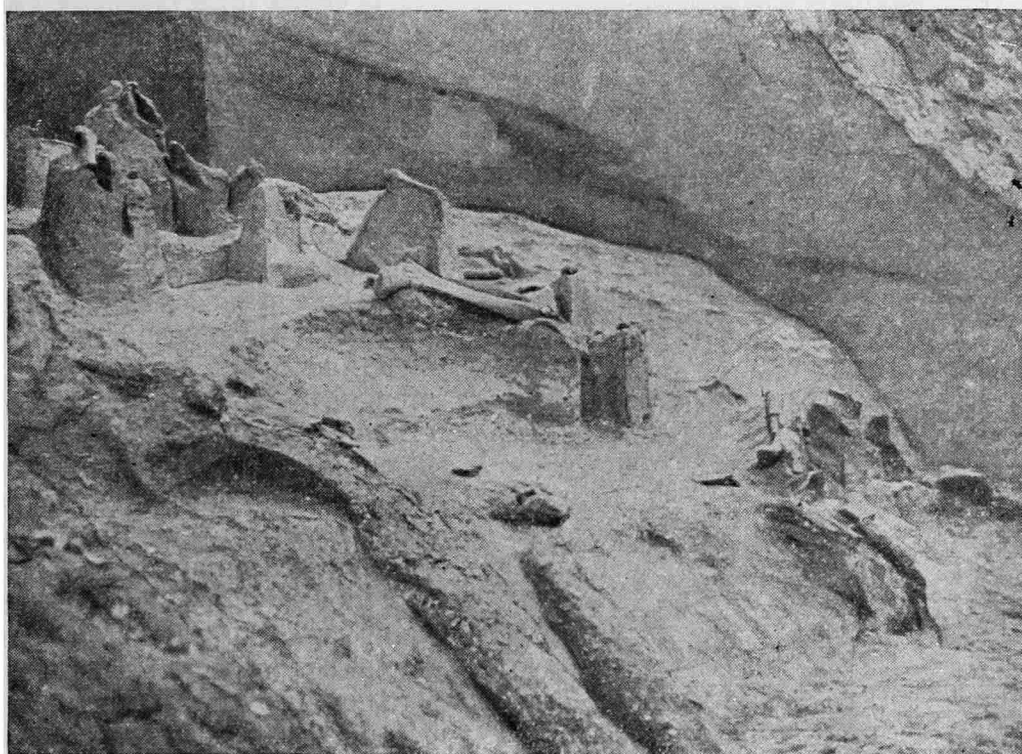

Рис. 2. Зачистки в Погонском овраге (Харьковский ров). Поверхность с культурными остатками (на переднем плане раскрошившиеся, но не сдвинувшиеся с места бивни мамонта).

Таким образом, ур. Погон вырисовывается перед нами как более или менее ясно очерченный высокий полуостров — мыс правого берега между Шолободовым рвом (север и северо-восток), Десною (восток), Мосоловым рвом (юг) и Погонским рвом (юго-запад), ориентированный в сторону востока и юга.

На этом обширном полуострове, площадь которого достигает 1 кв. км, почти повсюду встречаются отдельные палеолитические находки и скопления культурных остатков одного типа и одного приблизительно времени, красноречиво свидетельствующие о том, что в целом Погон представлял собой стойбище большого охотничьего коллектива. В 1932—1933 гг. я отметил на нем 6 пунктов, где культурные остатки выступают на его поверхности с особой четкостью: 1) возле колхозных сараев (п. I, где были произведены первые раскопки); 2) в 200 м на СЗ от пункта I в сторону западной околицы села; 3) в таком же приблизительно расстоянии от пункта I на ЮВ в наиболее высском пункте Погона; 4) у Сосонницких ровков в юго-западной части

урочища; 5) на Аникеевом поле над Погонским рвом и, наконец, 6) по склону между Крейдяном и Кудиным рвом в северо-восточной части Погона¹.

Мне кажется, что уже эти общие сведения о Пушкаревском нахождении дают определенное представление о значении его для наших палеолитических исследований.

Более глубокое ознакомление с ним убеждает нас в том, что в Пушкарях мы имеем палеолитический памятник всесоюзного, а быть может, и всевропейского значения.

В своих отчетах Академии о результатах раскопок в Пушкарях в 1932 и 1933 гг. я указывал, что открытие Пушкаревского нахождения в первую очередь представляет исключительный интерес для изучения истории первобытного общества в пределах центральной черноземной полосы РСФСР и Белоруссии, являясь блестящей параллелью Костенковско-Боршевской группе стоянок, — с одной стороны, и Бердыжской стоянке, — с другой. Но еще большее значение приобретает оно для изучения палеолита украинских лёссовых просторов. Пушкаревская стоянка (или пушкаревские стоянки) является исключительно ценным памятником, освещающим значительную часть этих пространств с заключенными в них палеолитическими остатками. Мне кажется, что значение этого памятника распространяется и на соседнюю Белорусь и Воронежские местонахождения. По-моему, в Пушкарях, по крайней мере в пункте I, мы

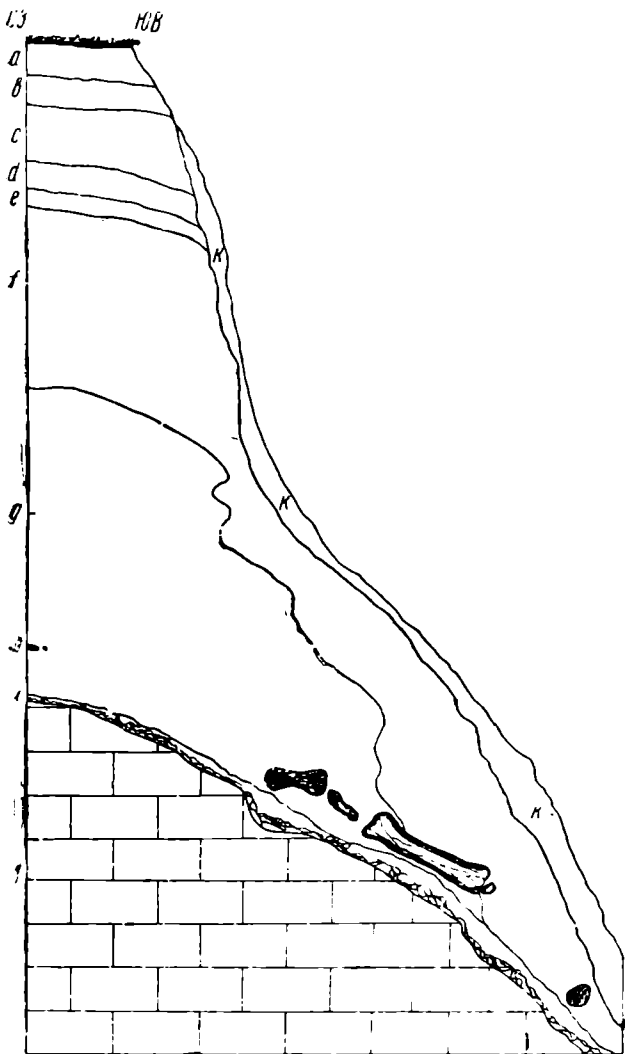

Рис. 3. Пушкари. Зачистки в Погонском овраге (Харьковский ров). Разрез по линии СЗ—ЮВ.

a — гумус; *b* — песок; *c* — красноватая глина; *d* — белый песок с красными включениями; *e* — красный песок; *f* — светложелтый лёссовидный материал, слабо слоистый; *g* — темносерый глинистый песок; *h* — культурный слой; *i* — слой меловой гальки с песком; *j* — мел; *k* — осыпь.

находим недостающее звено, предшествующее солютрейской фазе с ее руководящей формой — листовидным наконечником (*pointe foliacée*) и двусторонней обработкой орудий. Наконец, есть третье направление и третья группа находений, с которыми они перекликаются. Пушкари являются интересной со всех точек зрения параллелью к более ранним находкам на Западной Подолии, где встречены несомненные указания на индустрии средне-ориньякской фазы с типическими формами *birgins busqués* и *grattoirs saépés* (Китайгород II, Колачкивцы II, Калюс) и где следует, повидимому, искать более древних проявлений ориньякской культуры.

¹ Продолжатели моих раскопок на Погоне открыли их, кажется, значительно больше. К сожалению, публикации, обобщающей результаты последующих исследований в Пушкарях в конце 30-х годов, до сих пор не появилось.

Первые раскопки в Пушкарях были произведены 24—27 сентября 1932 г. Пробный раскоп, размером 3×4 м, был заложен за южной межей колхозного сада у колхозных сараев, на месте наиболее мощного скопления культурных остатков.

Культурный слой обнаруживается уже в гумусе, на глубине 15—25 см от поверхности и достигает мощности до 20—25 см, залегая в слое зернистого суглинка темножелтого цвета. В раскопе была обнаружена часть большого кострища, ориентированного по линии СЗ—ЮВ, заполненного культурными остатками в виде мощного слоя перепала черного цвета, с вкрапленными в него мелкими обломками костей, угольками и массой кремневых объектов. Костные остатки крупных животных были обнаружены по западному краю кострища вместе с несколькими небольшими валунами, предназначенными, по видимому, для раскалывания или дробления костей. Чтобы судить о богатстве культурного слоя, достаточно сказать, что на площади около 12 кв. м (раскоп охватил собою и одну из выкопанных для посадки деревьев яму) было извлечено около 17 тысяч кремневых объектов (16 958).

Исследования 1933 г. имели своей целью осветить необычные условия залегания культурного слоя почти на поверх-

ности земли. Ближайшие аналогии этим условиям мы находим в Дегтяревке и на Смячке (п. XIV), а затем лишь в Западной Подолии. Лёссовые просторы центральной и южной Украины подобных условий представить не могут. Вот почему в своих исследованиях 1933 г. я акцентировал эту сторону вопроса. Меня интересовала не столько обнаруженная в Пушкарях культура (она с полной очевидностью проявила себя уже в пробном раскопе предшествующего года), как именно те условия, в которых она отложилась. К сожалению, мы не могли добиться посещения Пушкарей в 1933 г. геологами-четвертичниками, однако геологическому изучению Пушкарей было уделено столько же внимания и времени, как и археологическим раскопкам. И. Г. Пидопличка, включенный в состав экспедиции как ассистент-палеонтолог, сделал все, что было в его средствах, чтобы выяснить геологическое строение Погона и его место на

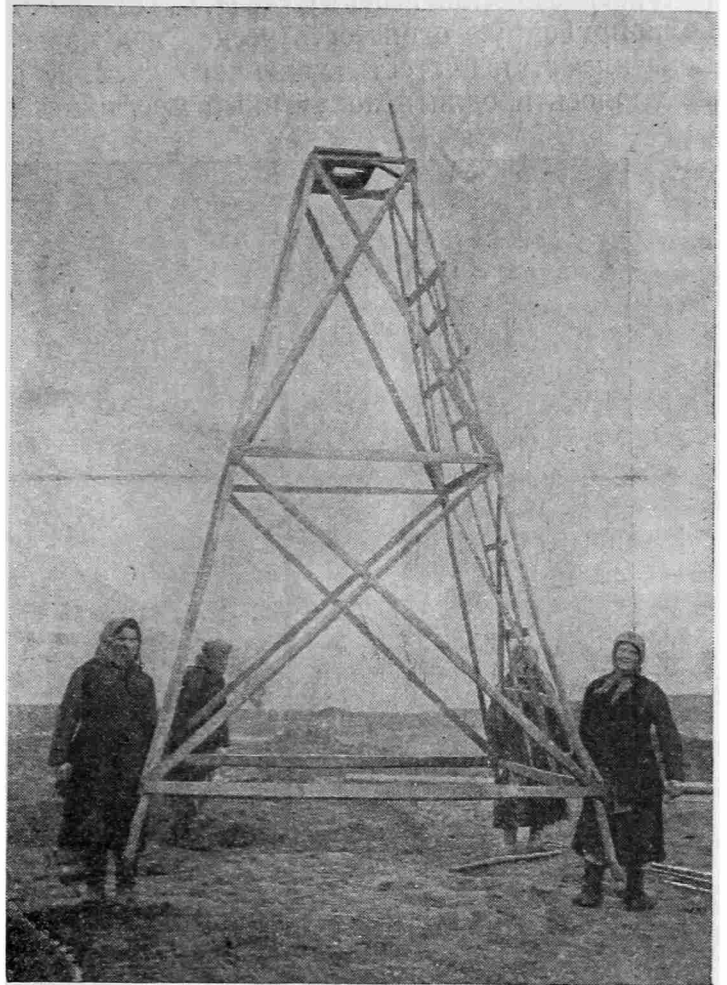

Рис. 4. Переносная вышка для производства ортогональных снимков.

перегоне между Гремячим (р. Судость) и Лисконогами (р. Смячка). Во всяком случае большое число бурений (10) и зачисток (20), вместе с данными наших зондажей и раскопок, дало достаточный материал для того, чтобы уяснить географические условия Погона во времена появления на нем первобытных охотников.

Кроме упомянутой зачистки в Погонском овраге, которая была проведена методом археологических раскопок, таким же способом под моим руководством была сделана и зачистка в одном из оврагов берега Десны (у топографической вышки), где И. Г. Пидопличка обнаружил так наз. косую волноприбойную слоистость песков над моренной поверхностью. Зачистка показала ступенчатость моренного склона, размытого пра-Десною. Нам не удалось продлить полученный профиль далее на запад, чтобы просле-

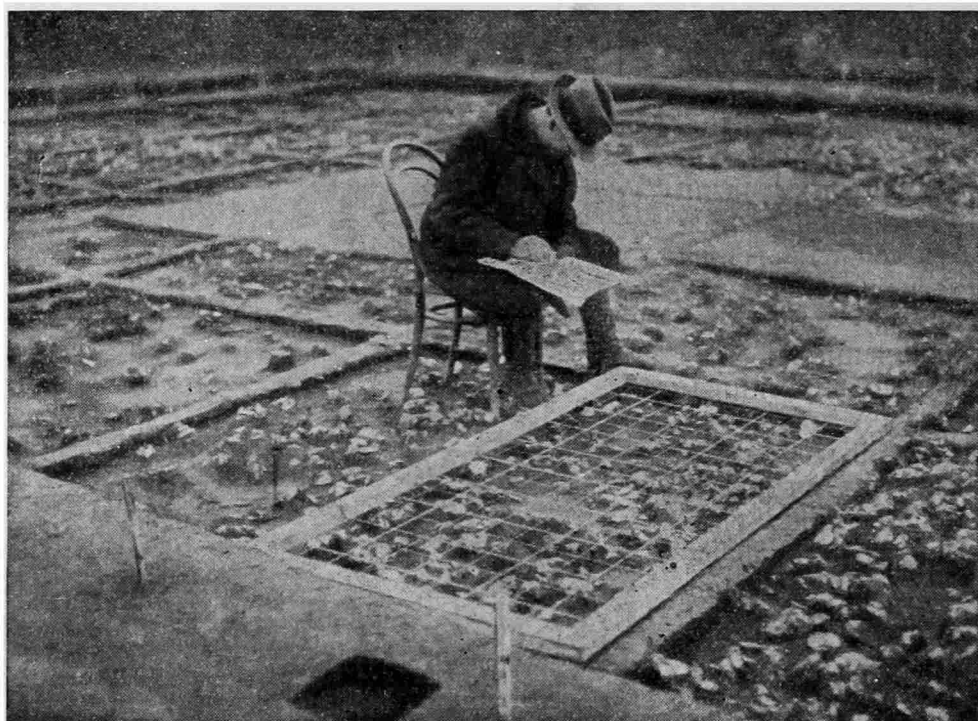

Рис. 5. Сетка для нанесения на планшеты обнаруженных в раскопе объектов.

дить эту ступенчатость моренной поверхности еще выше, но и на основании этой зачистки мы убеждаемся в том, что стихия пра-Десны подступала к Погону самое меньшее на 30 м выше современного русла.

Однако наиболее интересные наблюдения с точки зрения изучения поверхности древнего Погона дали раскопки на пункте I.

Поставив своей задачей возможно шире охватить раскопками обнаруженное в 1932 г. кострище, в следующем году на пункте I был заложен раскоп, размером 12×12 м, ориентированный по странам света. В целях получения возможно большего числа разрезов культурного слоя, раскоп был разработан четырехметровыми кессонами до предельной глубины. Для получения уточненных документаций были применены некоторые специальные приспособления, между прочим — переносная вышка для ортогональных снимков расчищаемых кессонов и сетка для нанесения на планшеты чрезвычайно обильных находок (рис. 4—5). Литический материал из раскопок (общим числом 58 350 объектов) предварительно разобран на месте. Отобранные материалы (14 180 объектов) привезены в Академию Наук, архив (44 170 объектов) оставлен в Новгород-Северском музее. Кроме остеологи-

ческих материалов, в Академию Наук было привезено значительное число обнаруженных в культурном слое камней (90), уголь и образцы красящих веществ. Материалы из раскопок 1933 г. обработаны мною не были.

Кроме основного раскопа, который ставил своей задачей выяснение общего характера культурного слоя вокруг кострища, прилегающая к нему с севера площадь, занятая колхозным садом, была зондирована многочисленными метровыми шурфами и дополнительным контрольным шурфом (1 × 3 м), заложенным как продолжение

ХII—Х метров основного раскопа на расстоянии 20 м от его северной стены. Зондажи ставили своей целью: 1) установить распространение культурных остатков за пределами основного раскопа и 2) проследить их залегание. Контрольный шурф должен был подтвердить наше заключение о неразделенности культурного слоя. Культурные остатки встречены во всех зондажах. Более многочисленны они к В и к СВ от раскопанной площади стоянки, в меньшем количестве они были обнаружены в направлении севера и востока. Условия залегания их те же: они обнаруживаются в верхнем отделе подпочвы, и глубина залегания их диктуется неровностями поверхности, в общем мало ощутимыми.

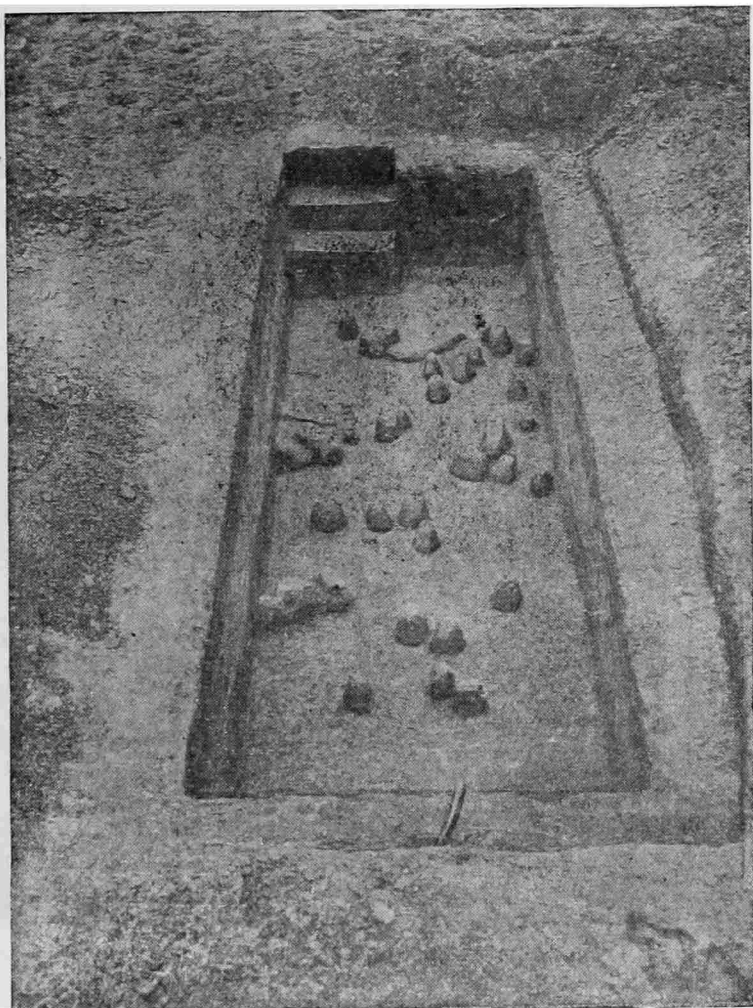

Рис. 6. Пушкари. Контрольный раскоп. Расположение культурных остатков.

Наиболее интересным, что дал нам контрольный шурф, было обнаружение в верхнем отделе подпочвы густой сетки полигональных трещин, которые отчетливо вырисовываются на глубине 0.45 м от современной поверхности и исчезают на глубине 0.65—0.80 м, прочерчивая горизонт с культурными остатками. В дальнейшем они были прослежены и в основном раскопе, в особенности в южных его квадратах. Они с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что географические условия Погона в эпоху появления на нем первобытных охотников близко напоминали обстановку тундры. Не исключена возможность, что некоторое число кремневых объектов, обнаруженных раскопками ниже компактного культурного слоя, проникли туда благодаря этим трещинам. Из контрольного раскопа была взята вырезка, которая показывает одну из таких трещин в плане и в профиле. Костных материалов в контрольном шурфе не обнаружено (рис. 6—7).

Находки в зондажных шурфах свидетельствуют о цельности культурного слоя, и в ансамблях с разной глубины никаких индустриальных различий не обнаруживают.

Что касается основного раскопа, то наши наблюдения сводятся к следующему.

Как явствует из приложенных иллюстраций, из которых первая фиксирует общее расположение культурных остатков на глубине 0.25—0.30 м (рис. 8, 8а), наиболее обильные скопления их обнаружены в северной, западной и южной сторонах раскопанной площади по периферии кострища, частично выявленного раскопками 1932 г. (рис 9). Поверхность с культурными остатками в пределах раскопа имеет некоторый склон в сторону юга. Расположение культурных остатков на глубине 0.45—0.50 м дает несколько иную картину: они становятся малочисленнее в северо-западной части раскрытой площади и сосредоточиваются главным образом на западном и южном участках ее (рис. 10).

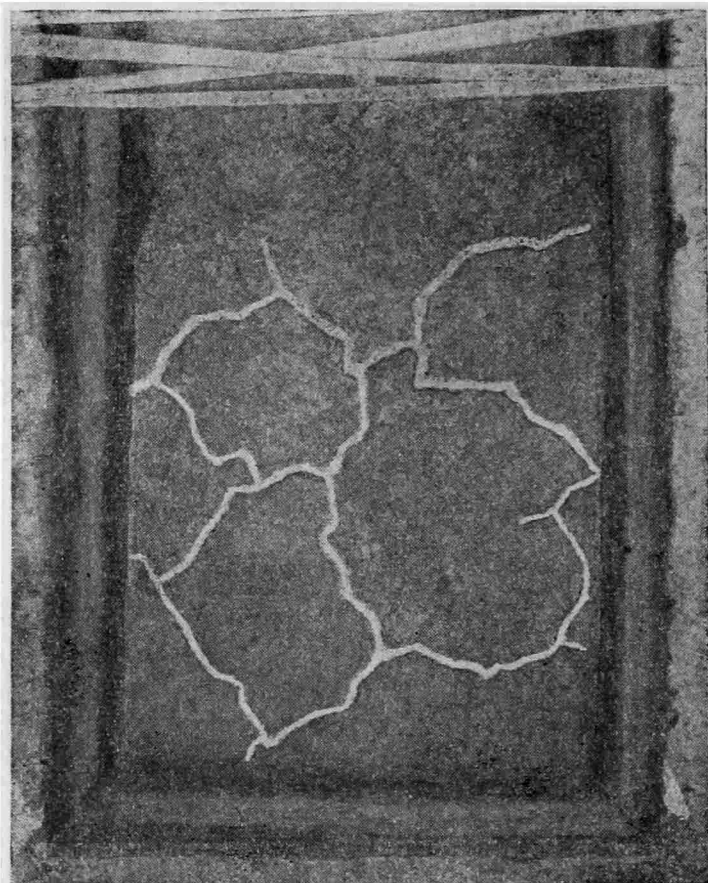

Рис. 7. Пушкари. Полигональные трещины, обнаруженные в контрольном шурфе, после снятия культурных остатков (подчеркнуты присыпкой мела). Ортогональный снимок дна первого раскопа.

Почти в центре раскопанной площади обнаружено большое кострище в форме вытянутого с ССЗ на ЮЮВ овала длиной до 3.5 м и поперечником до 2.0 м, расположенного на несколько углубленной поверхности.

Центр, или, лучше сказать, исходная точка этого кострища, находится в южной его части и представляет собой округлое углубление (0.12—0.15 м максимум), диаметром в 0.6 м, с отчетливо выраженным ровным дном. Отсюда, повидимому, кострище постепенно передвигалось в сторону северо-запада и расширялось в своих контурах. Доказательством этому служит указанное выше расположение культурных остатков на глубине 0.25—0.30 м и на глубине 0.45—0.50 м.

Каких-либо указаний на «очаг» получить не удалось. Никаких особых находок, отмечающих или просто обозначающих это безусловно сознательно сделанное в земле углубление, не встречено. Наоборот, общее впечатление таково, что в данном случае мы имеем дело с остатками обычного большого кострища: на расчищенном и, следовательно, несколько углубленном месте, быть может, сыром и вязком, было сделано небольшое углубление — возможный результат простого втаптывания земли. Раскладывание огня, разжигание костра, который затем поддерживался очень долгое время,

быть может, все время, было делом не легким. Пребывание на незащищенном, открытом для всех ветров, высоком берегу представляло еще больше трудностей для создания источника тепла. Возможно, что без такого углубления, без такой ямки его и не удалось бы создать.

Точно так же в раскопе не было встречено и указаний на какие-либо заслоны от ветра или иные сооружения вокруг кострища. В наших суждениях о связи его с наполняющими и окружающими его культурными остатками мы остаемся без руководящих находок, и потому наши высказывания по этому вопросу останутся малоубедительными.

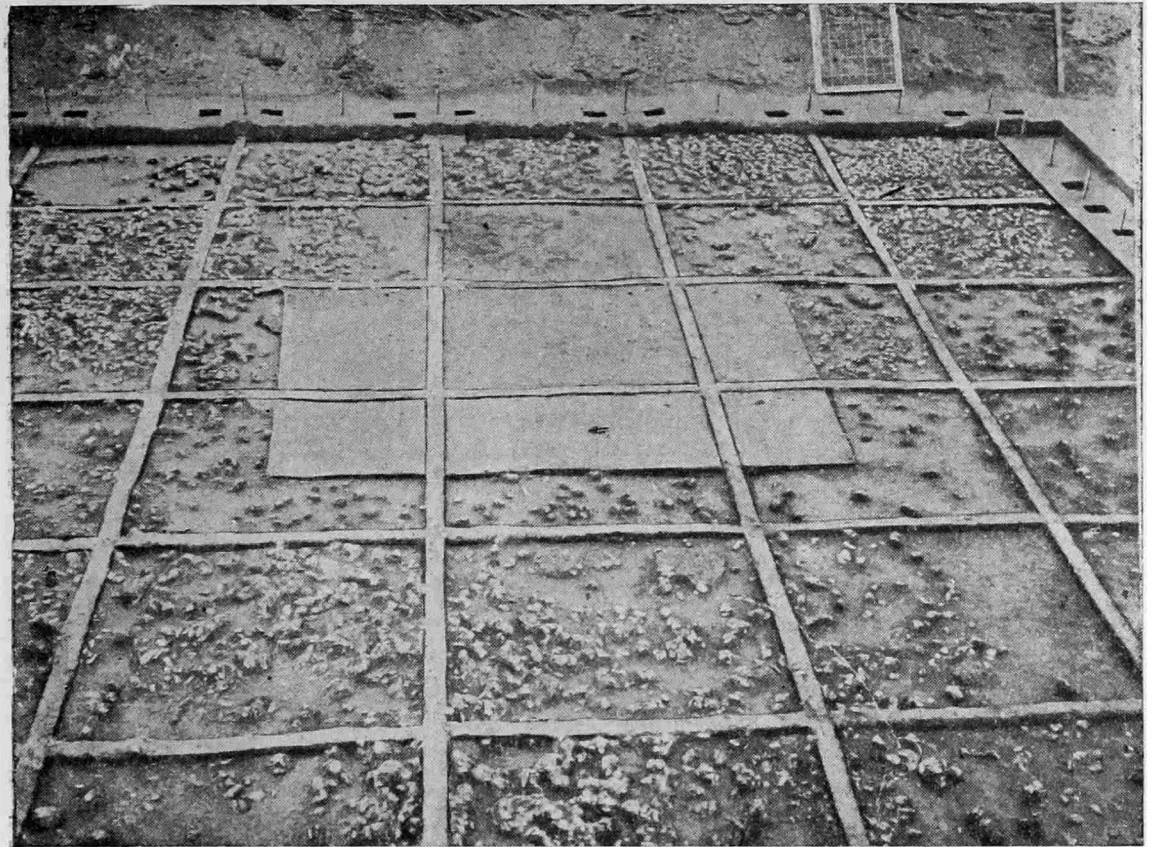

Рис. 8. Пушкари. Общий вид основного раскопа 1933 г. на глубине 0.25 — 0.30 м. Вид с южной стороны.

Несмотря на то, что раскоп 1933 г. охватил значительную площадь стоянки, он оказался явно недостаточным для такого мощного и такого обширного скопления культурных остатков.

Это обстоятельство не позволяет нам высказаться о выявленных остатках с большей категоричностью и говорить о них, как о едином комплексе. Хотя наша документация и дает нам право, как кажется, связать с этим комплексом большинство находок, не исключена возможность, что некоторая часть их принадлежит периферии иных скоплений, связанных с другими кострищами, находящимися, возможно, за пределами исследованного участка (ср. скопления остатков в юго-западном углу раскопа).

В расстоянии 3.5 м к ЮВ от большого кострища, у восточной стены раскопа (квадрат XII—8), были выявлены следы другого кострища (?) совершенно иного типа (рис. 11). В противоположность первому, представляющему собой скопление кальцинированного материала с малым числом костных остатков и массой кремня, с едва намеченным небольшим углублением поверхности контурами, второе кострище выделяется на поверхности

стоянки и своей отчетливой формой и составом обнаруженных в нем культурных остатков. В глубокой ямке, диаметром около 0.80 м, с округлым дном, обнаружено скопление древесного угля, обломков костей мамонта и кремневых объектов. Над ними, на уровне залегания культурного слоя, в нескольких местах — кусочки мела и красной краски. Яма плотно покрыта крупными костями мамонта. Среди найденных здесь предметов, кроме крем-

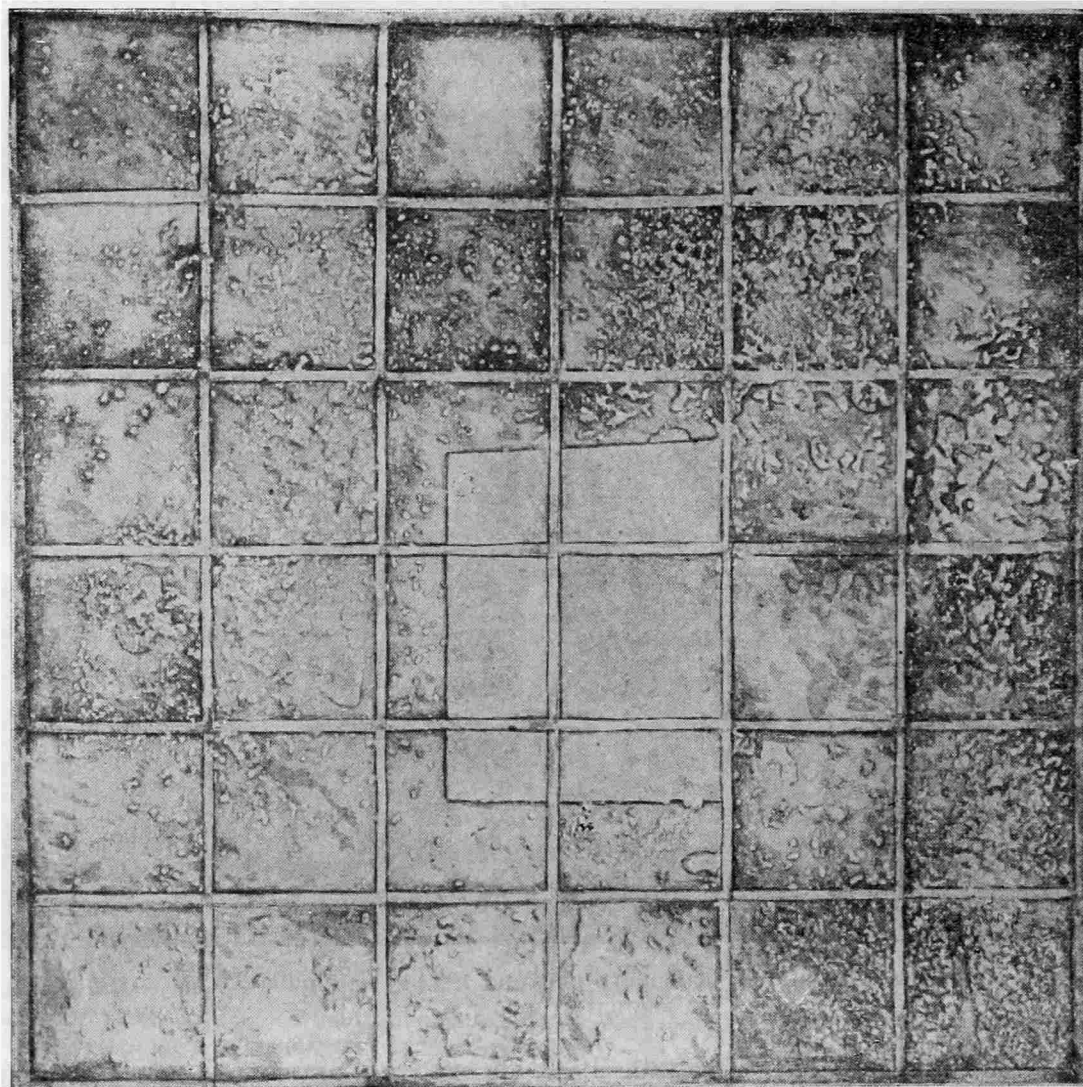

Рис. 8а. Пушкари. Планшета, составленная из 36 ортогональных снимков с 36 кессонов 2×2 м. В центре — раскоп 1932 г. В 4-м кессоне 2-го ряда (сверху) — пятно могильной ямы. Глубина 0.25 — 0.30 м.

невых орудий, заслуживает упоминания проколка (чуть ли не единственная в материалах 1933 г.), сделанная из *tibiae* мелкого хищника. Иных находок, которые можно было бы связать с этими отчетливыми следами какого-то вполне осознанного акта, не установлено.

Такова общая картина обнаруженных в раскопе находок. Остается остановиться еще на одной из них, сделанной в конце раскопок и не имеющей отношения к изучаемому памятнику.

На чертежах с нанесенными находками в квадратах III—1, III—2, IV—1, IV—2 осталась незаполненной находками площадь, приближающаяся в своих очертаниях к форме неправильного овала. Дело в том, что уже сразу

После расчистки верхнего слоя в указанных квадратах вырисовалось темное пятно какого-то большого углубления, заполненного перепалом черного цвета с вкрапленными в него углями. Оно скрывало под собой погребение бронзовой эпохи, прорезавшее стоянку и затронувшее северный край центрального кострища. В яме субовальных контуров (1.42×2.10 м), на глубине 0.94, был обнаружен скелет мужчины, лежавший на правом боку в

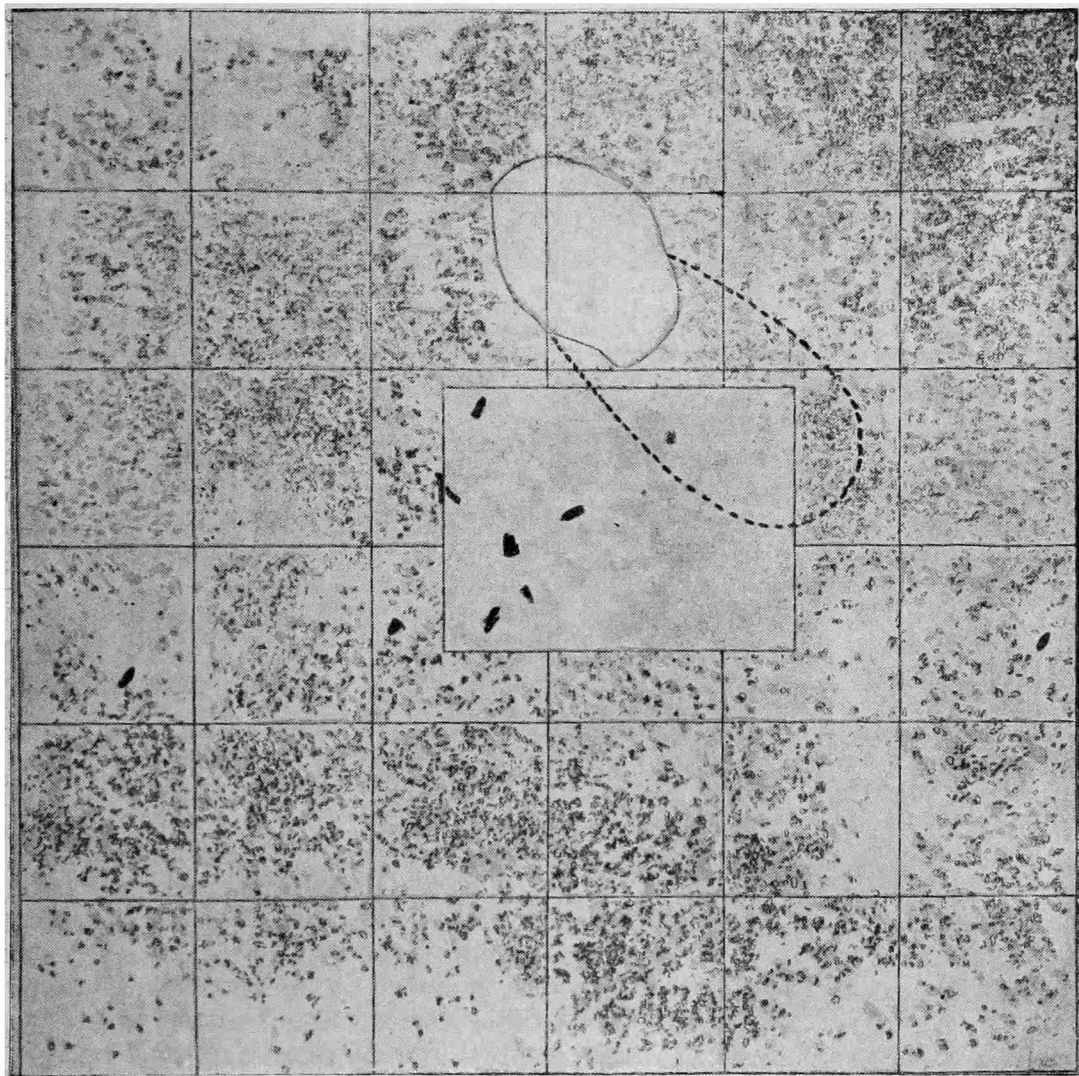

Рис. 9. Пушкари. Расположение культурных остатков в основном раскопе 1932 г. на глубине 0.25–0.30 м.

Пунктиром показаны границы кострища, черным — костные остатки.

сильно скорченном положении, головой на юго-восток. За головой скелета лежал орнаментированный глиняный горшочек. Правая рука, согнутая в локте, притянута к лицу; против согнутой в локте и несколько вытянутой левой руки лежал овечий астрагал. В наполнявшей яму земле встречено свыше 1500 кремневых объектов, фрагменты мамонтовых костей, угли (рис. 12).

Обнаруженное раскопками скопление культурных остатков является необычным для украинских палеолитических находений документом. С одной стороны, поражают размеры центрального кострища и насыщенность слоя культурными остатками, параллелей которым на других украинских стоянках мы не находим. С другой стороны, не менее своеобразны

и самое размещение остатков на раскрытой площади и, что особенно следует подчеркнуть, их состав.

Костные остатки животных встречены лишь за пределами кострища. К сожалению, упомянутое погребение эпохи бронзы, затронувшее его северо-западный край, не дает возможности установить картину размеще-

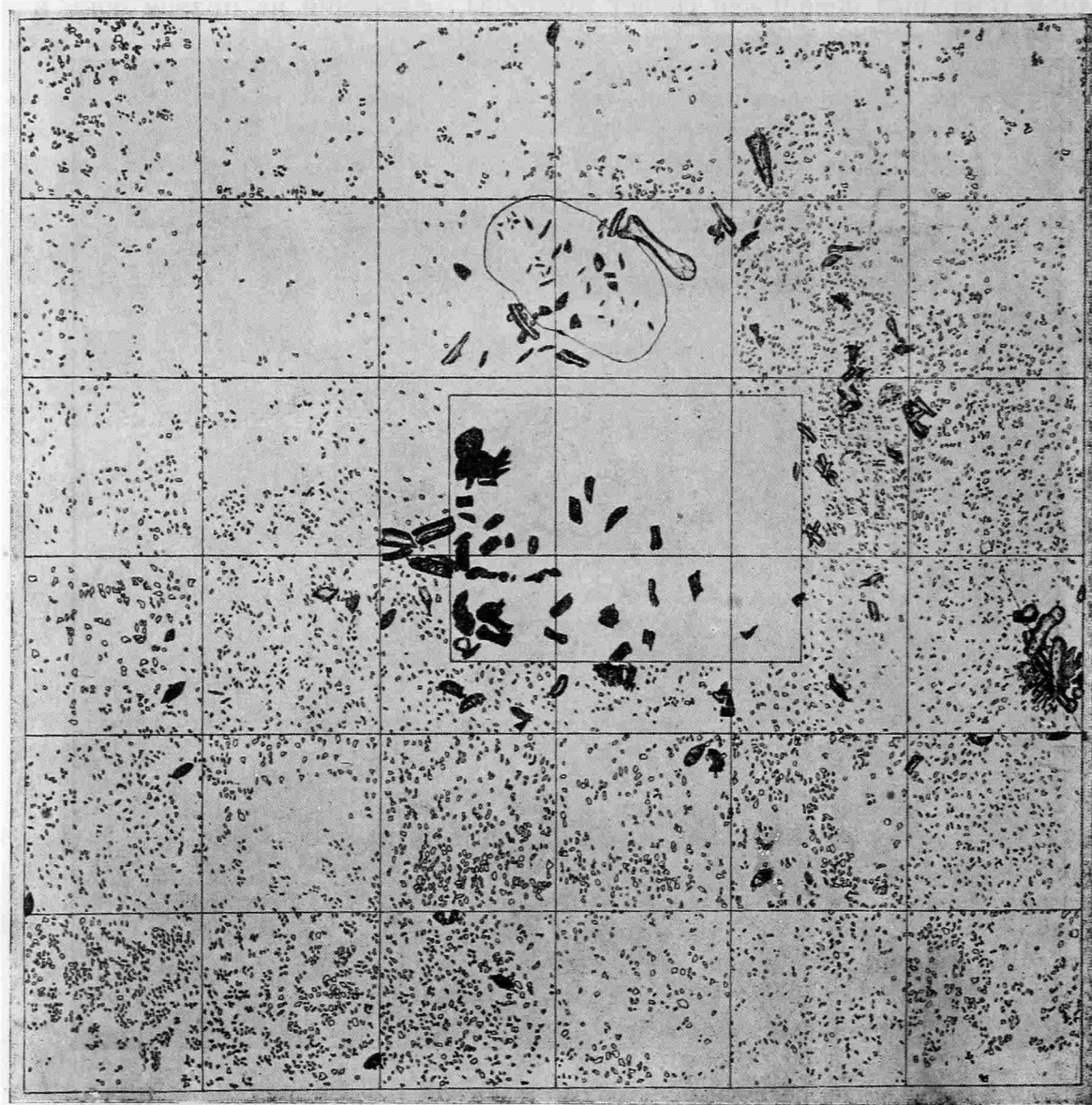

Рис. 10. Пушкари. Расположение культурных остатков на глубине 0.45–0.50 м.

ния их с полной отчетливостью. Во всяком случае, более всего костных остатков выявлено по юго-западной его стороне. В содержимом самого кострища их не встретилось. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в пределах раскопа не встречено фрагментов обугленных костей. Если справедливо предположение, что разожженный костер поддерживали костями животных (?), можно думать, что это костное топливо предварительно раздроблялось и что на это топливо шли не все кости. Только так можно объяснить факт отсутствия крупных костей в содержимом костра и, наоборот, нахождение их за его пределами.

Обнаруженные раскопками фаунистические остатки представляют крайне ограниченное число видов. Кроме мамонта, отмечены единичные указа-

ния на носорога, волка, песца. Чем объясняется эта крайняя ограниченность представленной в материалах фауны? В разрешении этого вопроса может быть выдвинуто два предположения: или фаунистическое окружение, в силу определенных условий, было ограничено малым числом видов или иные представители этого окружения были неинтересны для стоявших на Погоне охотников, внимание которых всецело было приковано к мамонту. Однако первобытные охотники — «мамонтофаги» по преимуществу, в совершенстве освоившие, повидимому, способы охоты на мамонтов, не могли ограничиваться только этим видом добычи. Достаточно вспомнить Мезин, с почти исчерпывающей полнотой показывающий современную ему фауну, от лемминга (впервые показанного в материалах из моих раскопок 1932 г.) и до носорога и мамонта. Едва ли это можно объяснить только тем, что к тому времени наличие мамонтов сократилось, а его обитатели расширили круг своих навыков и усвоили новые способы охоты.

Я склоняюсь к первому предположению — о географических условиях и изменении фаунистического окружения в связи с тем или иным сезоном. Нет никакого сомнения в том, что разница между «мясными» и «пушными» породами добычи не могла не быть осознанной. Короче говоря, при оценке тех или иных скопленных палеолитических

остатков не следует забывать о том, что результаты охоты в различные времена года не могли быть одинаковыми.

Что касается индустриальных остатков, то они представлены в материалах с пункта I исключительно кремневыми орудиями, укладываемыми, при всем многообразии их форм, в две основные категории инструментов — режущих (или колющих и режущих) и скоблящих.

Я могу оперировать только материалами, добытыми в раскопе 1932 г.; впрочем, находки 1933 г. лишь дополнили данные предшествующего года, не внося в них существенных коррективов.

Основной чертой индустрии с пункта I является обработка орудий с одной поверхности при помощи уверенной и отчетливой ретуши, применяемой, как правило, для обработки лишь одного края инструмента или его рабочего конца. Орудия, ретушированные по всему периметру, представляют редкие исключения. В зависимости от назначения инструмента угол, образуемый ретушированным краем или обработанным концом и плоской стороной откола, меняется, но в ретушировании необходимо подчеркнуть умение сглаживать неровности выпуклой стороны и утончать обработанный участок края поверхностной ретушью, что указывает на высокое освоение этой техники (табл. I, 7, 8; II, 2, 10, 18, 24).

В общем обнаруженная на пункте I индустрия характеризуется небольшими размерами орудий. Инструменты, изготовленные из крупных пластинок (табл. IV, 1, 3, 10, 13), равно как и резец, показанный на табл. VII, 3, и дискоидальное орудие (табл. VIII, 3), сработанные из крупных отколов

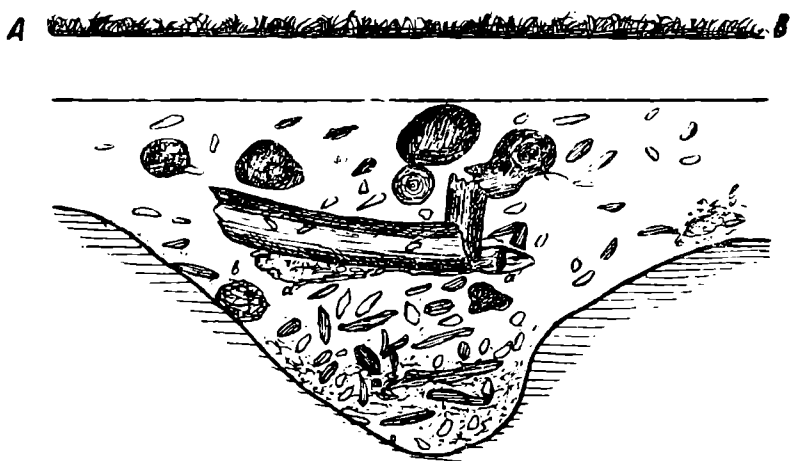

Рис. 11. Пушкарн. Разрез кострища № 2.

a, a — мел; *b, b* — красная краска (точками обозначен уголь; заштрихованные объекты — кости; без штриховки — кремни).

встречаются очень редко. Общий характер индустрии лучше всего иллюстрируют многочисленные нуклеусы, в большинстве своем обработанные в виде крепких резцов или скобелей (*rabots*).

Материалом для орудий служил местный кремьен черного цвета, который в изобилии встречается в ближайших окрестностях стоянки. Неглубокое залегание культурных остатков в малокомпактном слое зернистого суглинка было причиной полной кашолонизации орудий, покрывшихся толстым слоем патины белого цвета.

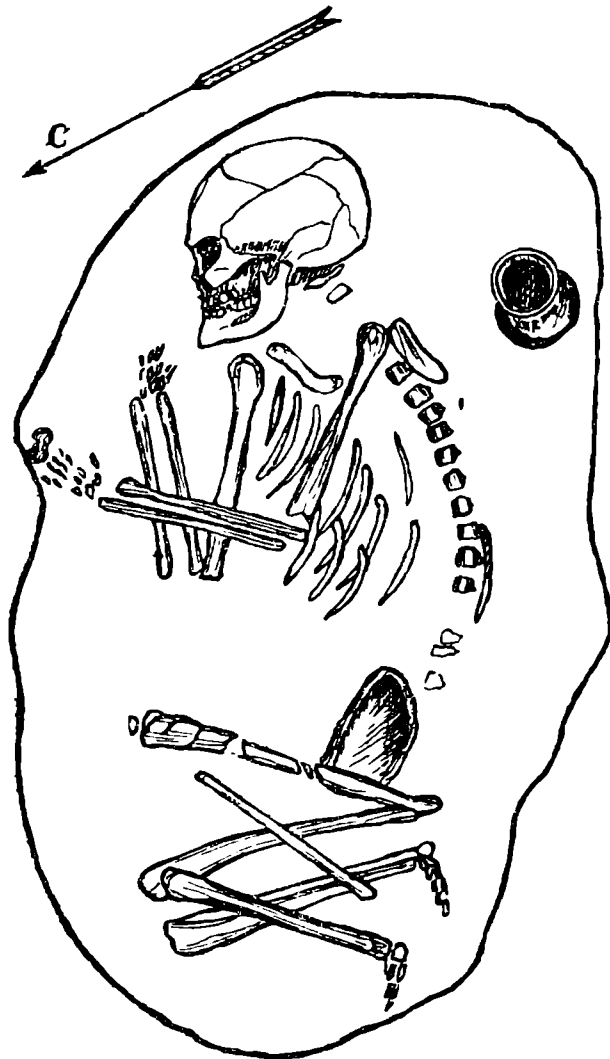

Рис. 12. Пушкари. Погребение эпохи бронзы, прорезавшее северный край центрального кострища.

Наиболее полно представлена в кремневом инвентаре стоянки так наз. пластинка со стесанным краем во всех ее видоизменениях, от крупных и широких орудий типа Шательперрон (находки 1933 г.) и до микролитических инструментов, со всеми разновидностями стесанного края, от дугообразного или обработанного под углом (табл. I, 9, 10, 11, 12) и прямого до вогнутого по всему краю (табл. II, 16—17) или только в нижней его части напоминающего край *pointe à sape* (табл. III, 13—14). Для изготовления их часто использовались широкие и короткие отколы (*éclats*) подтреугольной формы, в иных случаях значительной (до 0.01) толщины (табл. I, 14, 20) и короткие широкие пластинки. Орудия этой категории, сработанные из узких и тонких пластинок, встречаются значительно реже. В эту группу инструментов следует включить и поперечные отколы от нуклеусов и отколы, получаемые при острении скобелей, которые являлись готовым инструментом, полученным в результате одного

умелого удара (табл. I, 21, 23, 24). В непосредственной связи с пластинками со стесанным краем стоят *lames retouchées en biais* (табл. I, 15, 17, 18; II, 18—20) и маленькие орудия, изготовленные из поломанных пластинок с обработкой одного края и обоих концов (табл. III, 18—24).

В этой большой группе необходимо подчеркнуть и обособить очень выразительную серию острий листовидной формы (*pointes à face plane* французских археологов), режущий край которых образован кривой, а противоположный сглажен поверхностной ретушью (табл. III, 2, 5—7, 9—10). Представителем этой серии инструментов является острие, в котором, кроме левого края, подправлен ретушью и верхний, колющий конец (табл. III, 10).

Вторую выразительную группу инструментов, быть может, самую выразительную во всем инвентаре, составляют многообразные формы задстренных пластинок (*lames appointées*), от простых, с обработкой одного края

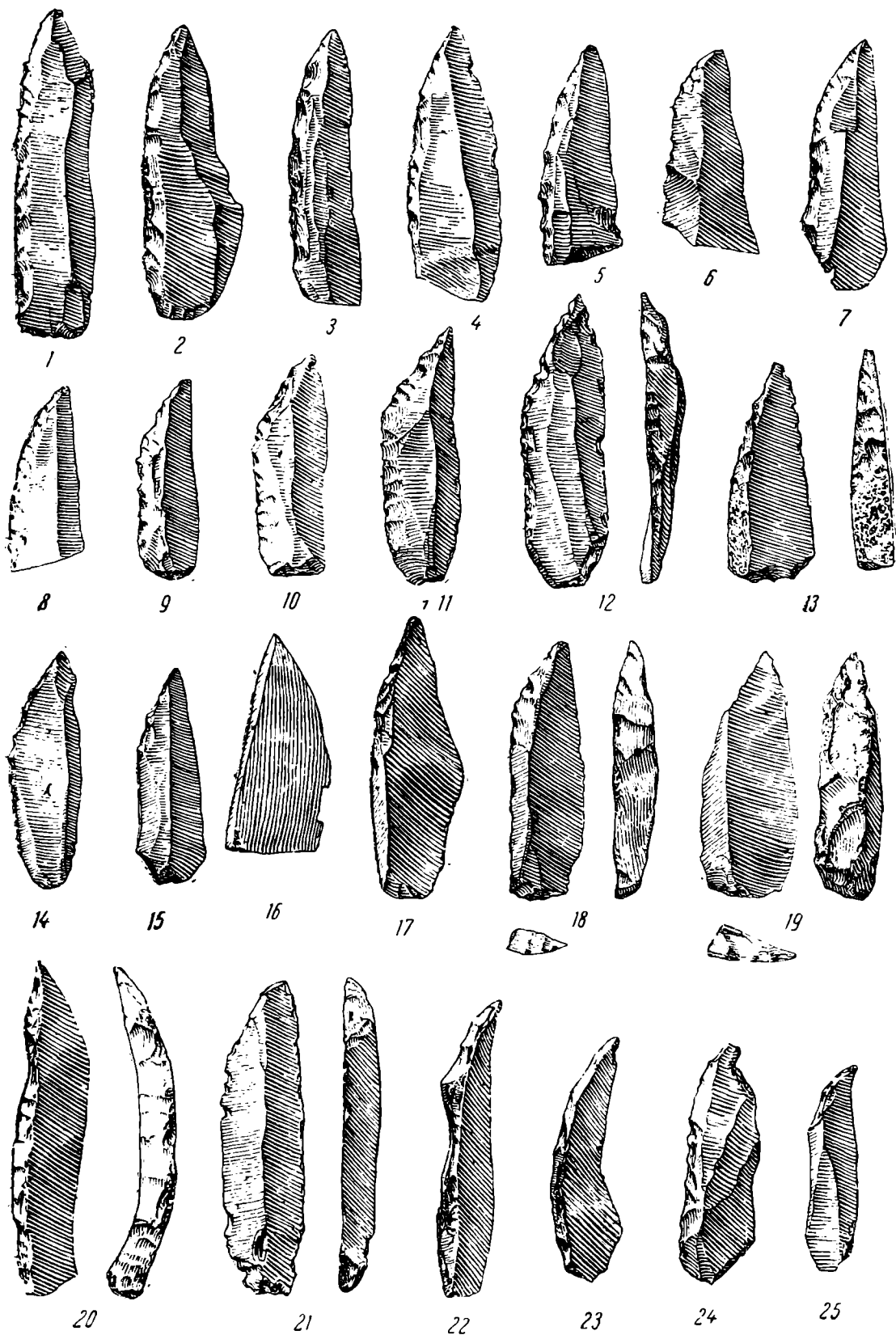

Табл. I. Пушкари. Кремневые орудия (3/5 н. в.).

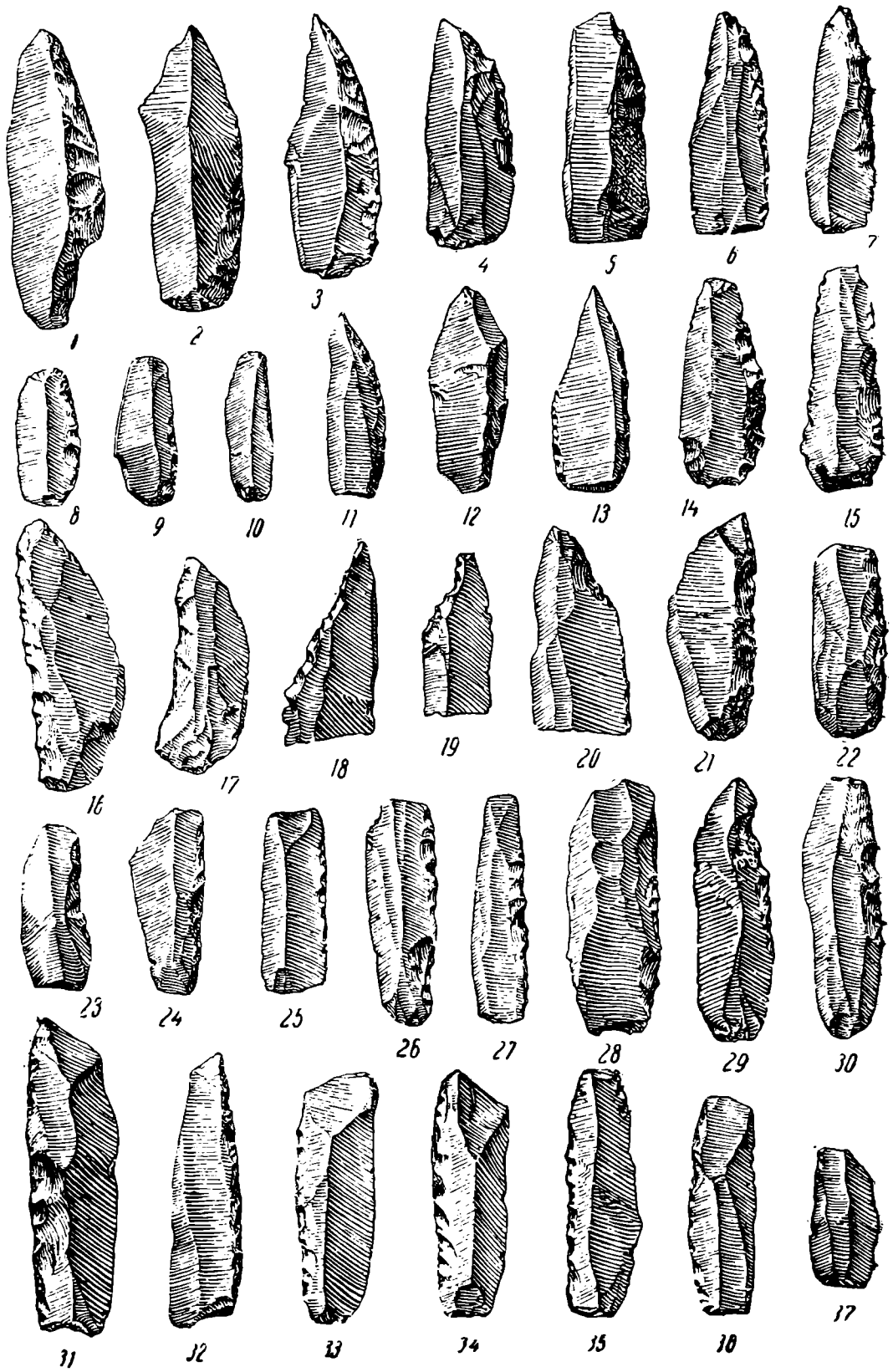

Табл. II. Пушкари. Кремневые орудия в $(\frac{3}{5}$ н. в.).

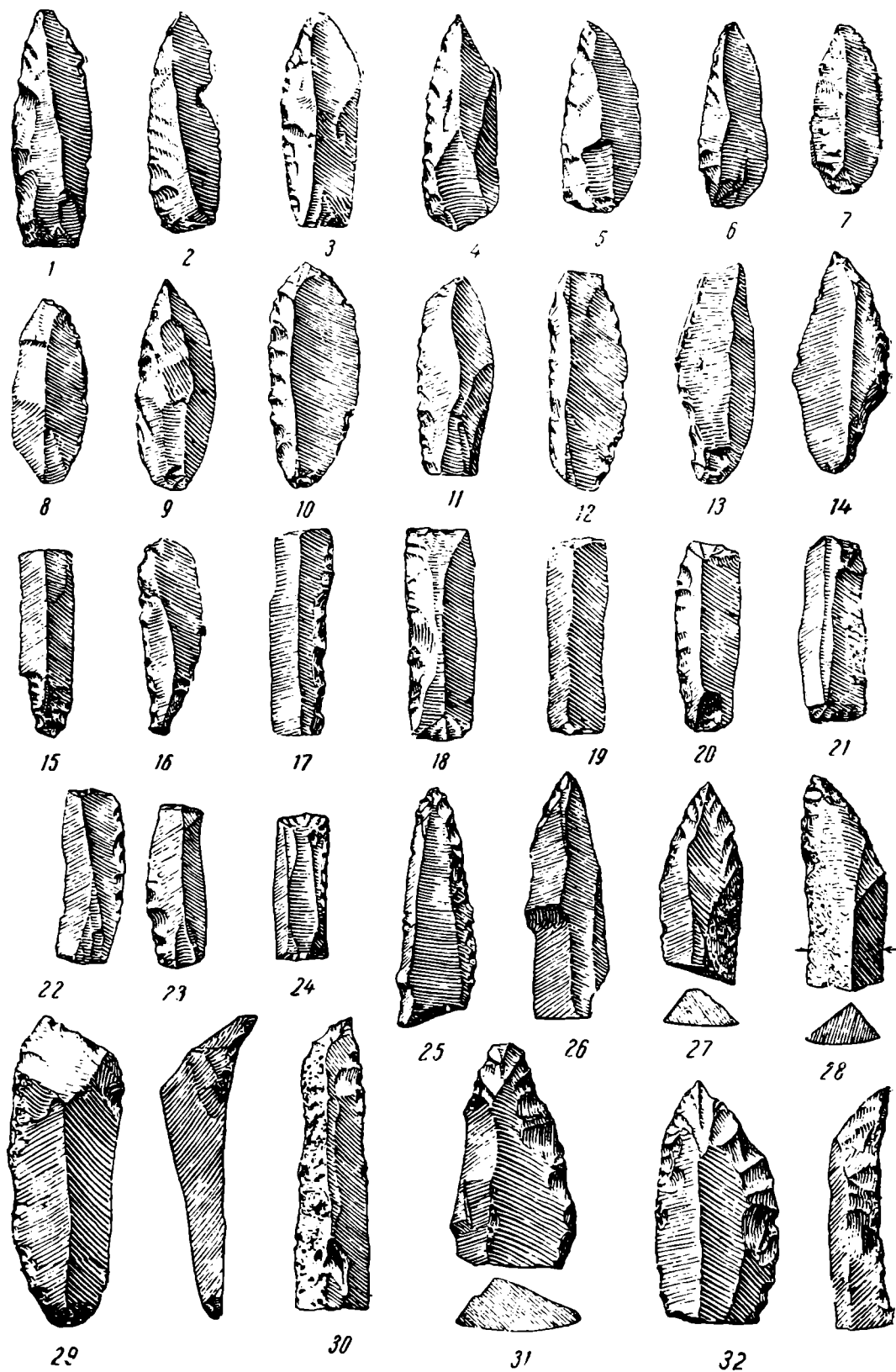

Табл. III. Пушкари. Кремневые орудия (3/5 н. в.).

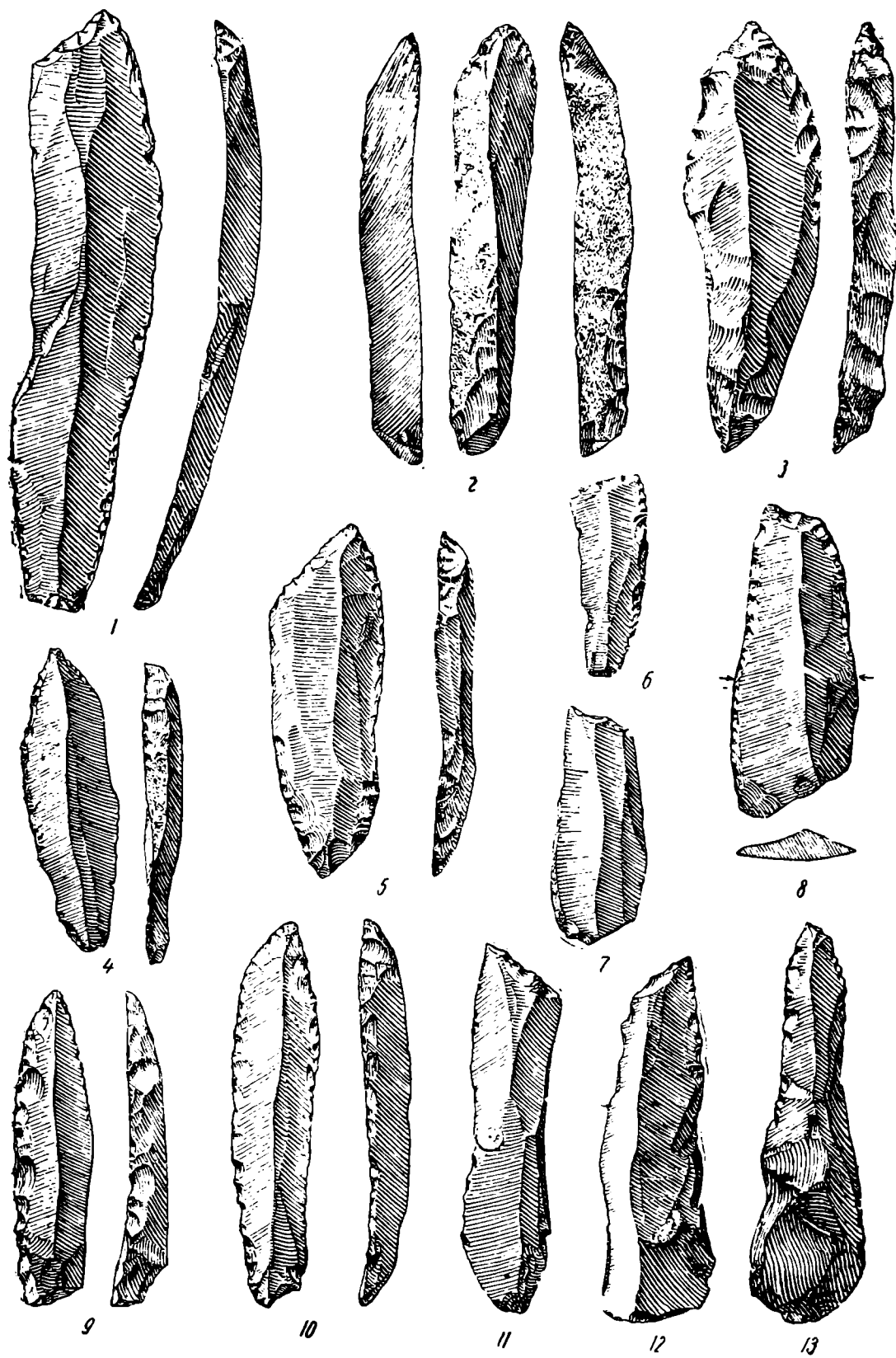

Табл. IV. Пушкари. Кремневые орудия (3/8 н. в.).

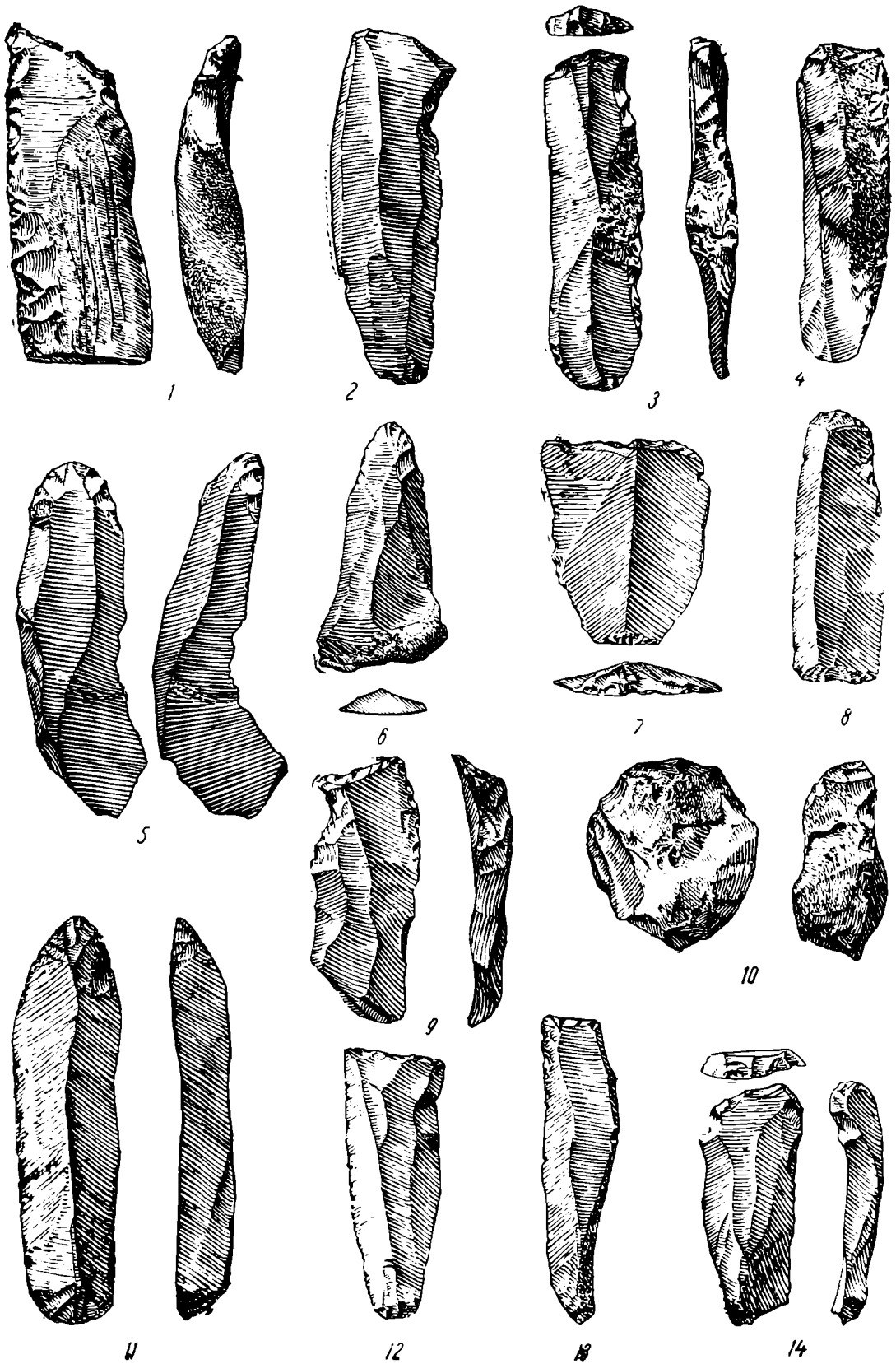

Табл. V. Пушкари. Кремневые орудия (3/5 н. в.)

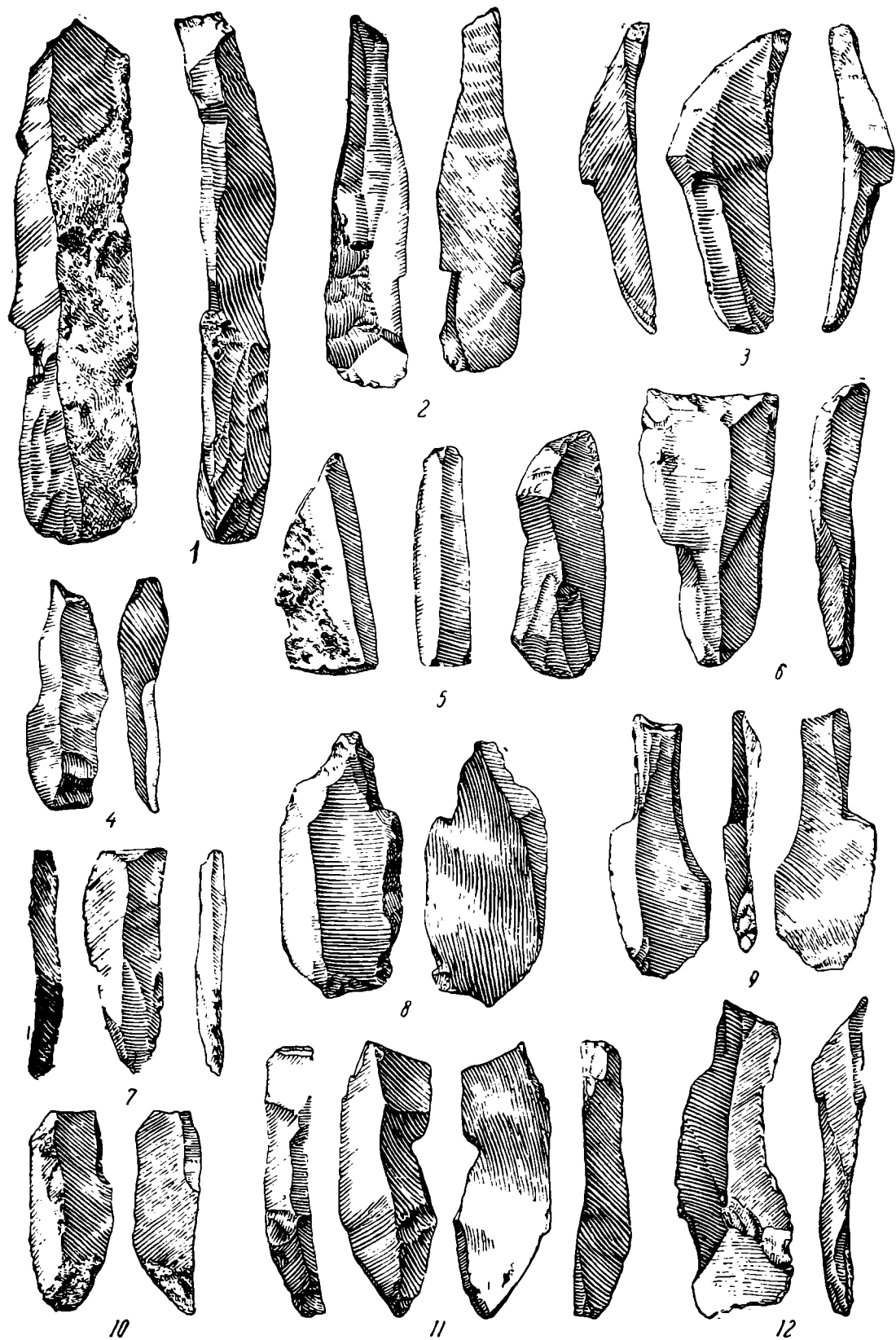

Табл. VI. Пушкири. Кремневые орудия (3/5 н. в.).

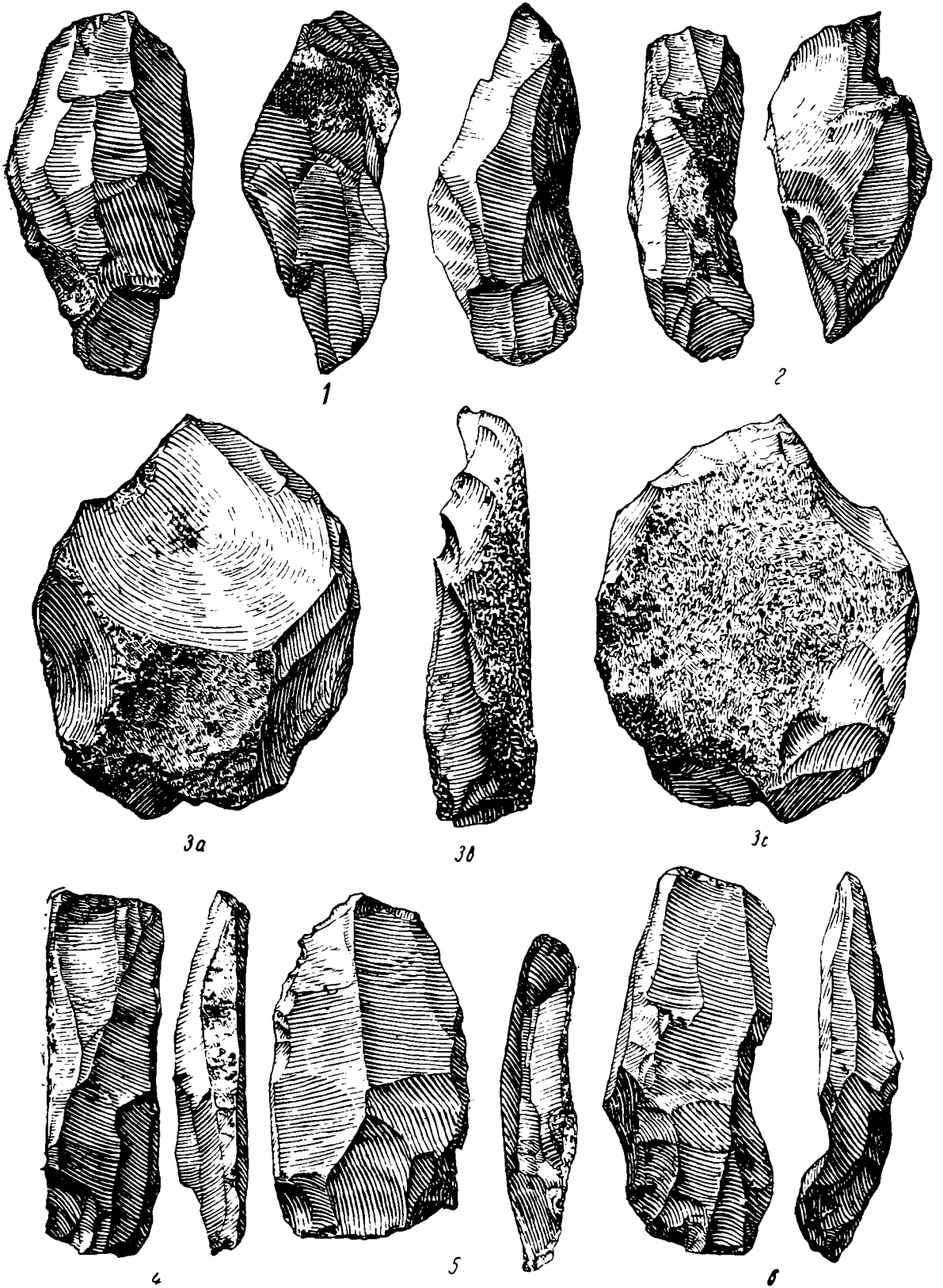

Табл. VII. Пушкари. Кремневые орудия (3/8 н. в.).

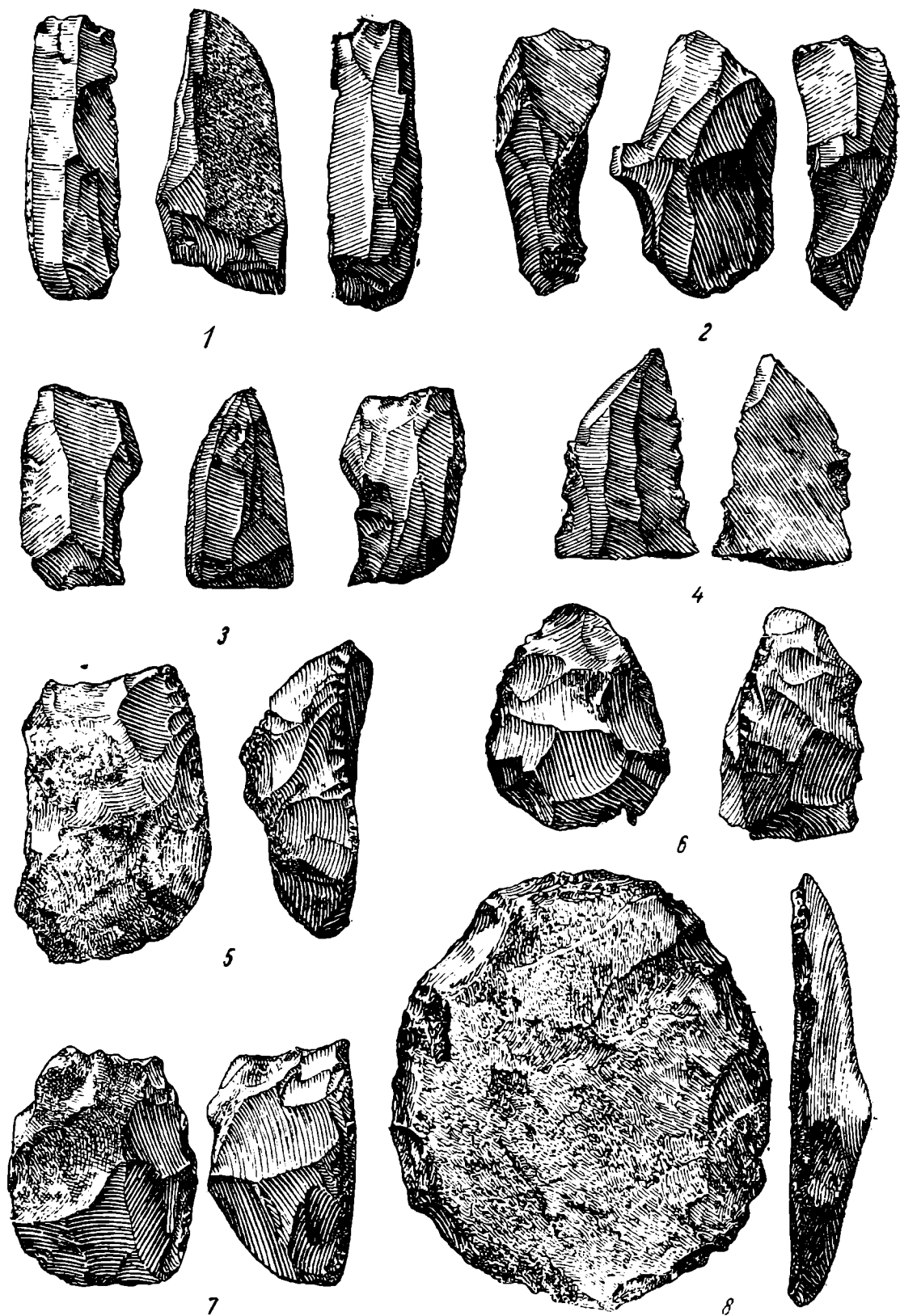

Табл. VIII. Пушкари. Кремневые орудия ($\frac{3}{5}$ н. в.).

и колющего конца (табл. III, 25—28; IV, 4, 9, 13) очень часто стрельчатой формы (*à terminaison ogivale*) до обработанных по обоим краям (табл. IV, 10) и дублированных (табл. IV, 3, 5). К ним примыкают, с одной стороны, короткие и широкие острия (*pointes à main*) типа, показанного на табл. III, 32, а с другой, — инструменты с выгнутым в проколку и откинутым в сторону концом (табл. III, 29—30; IV, 8, 12).

Очень интересны в находках 1932—1933 гг. скребки, примыкающие к перечисленным выше группам орудий. Первой и основной чертой пушкаревских скребков является то, что почти все они изготовлены из длинных пластинок и обработаны лишь на рабочем конце. По существу, большинство из этих скребков должно быть отнесено к категории пластинок, подправленных вверху прямолинейной ретушью (*lames à retouche terminale rectiligne*). Обычно эта ретушь наносится несколько наискось, хотя не редки пластинки, у которых верхний конец стесывается ретушью по прямой линии, перпендикулярной к оси орудий (табл. V, 7, 12—13). Это теснейшим образом настолько связывает их, с одной стороны, с *lames retouchées en biais*, а с другой — с *lames arpointées*, что в некоторых случаях затрудняет их определение. Совершенно своеобразными формами скребков являются пластинки с обработанным ретушью четырехугольным рабочим концом (*lames-grattoirs à bout carré*; табл. IV, 1; V, 9), противоположный конец которых имеет стрельчатое (*en ogive*) заострение.

Закругленные скребки являются выскребывающими инструментами, в которых рабочий конец отчетливо подчеркнут ретушью и вытянут в *miseau* (табл. III, 31; V, 6). Встречены дублированные скребки прекрасной формы с обработкой рабочего конца лямеллярной ретушью и нетронутыми подправкой краями (табл. V, 8—11). В разряде скребущих должны быть упомянуты инструменты из толстых кремневых отколов, подправленных крутой ретушью с одного края (табл. VIII, 5—7).

В немногочисленных резцах, относящихся в большинстве случаев к типу угловых, сработанных на пластинках с ретушированным концом, заслуживает подчеркивания отжимание при *coup de burin* длинных отколов. Более значительную группу этих инструментов составляют резцы на нуклеусах и массивных отколах (табл. VIII, 1—3), часто не отделимые от нуклеусов, обработанных в скобели (табл. VII, 1—2).

Таков в общих чертах кремневый инвентарь, добытый на Погоне раскопками 1932—1933 гг. В оценке его мы должны исходить из принадлежности его к определенной фазе и применения его в определенной работе.

Показанный инвентарь не оставляет сомнения в том, что принадлежит он к последним этапам в развитии ориньякской индустрии. Брежущая заря нового индустриального этапа только угадывается в нескольких остриях типа «*pointes à face plane*» и первых намеках на «*pointe à cran atypique*». Необходимо подчеркнуть прочную связь пушкаревской индустрии с предшествующими этапами, проявляющуюся, прежде всего, в многообразных *lames arpointées* со стрельчатым концом острия или с откинутым в сторону острием, далее, в присутствии широких пластинок со стесанным краем типа Шательперрон и превалировании дугообразного края в многочисленных модификациях пластинки со стесанным краем, наконец, в «*grattoirs à miseaux*» и скребках с четырехугольным рабочим концом (*à bout carré*).

Что касается ассортимента собранных орудий, то мне кажется, он не дает полной и всесторонней характеристики жизни и занятий того коллектива, который оставил свои следы у большого костра на пункте I Погона, и отражает в себе лишь одну какую-то сторону его деятельности.

Обилие колющих и режущих инструментов, найденных у костра вместе с остатками нескольких мамонтов, в первую очередь говорит о трапезе или трапезах. Резать, отрезать, отделять от костей мясо поедаемой добычи —

такова цель, таково основное устремление. Обилие орудий свидетельствует, конечно, о большом числе едоков и о многих трапезах. Обилие остатков производства их в такой же мере свидетельствует о том, что изготовлялись они тут же, у костра, и что, повидимому, изготовление их не требовало большого труда и большой затраты времени. Многие из добытых орудий не носят следов долгого употребления в работе. Очень вероятно, что их бросали у костра сразу же после того, как непосредственная потребность в орудии прекращалась. Совершенно очевидно, что лишь некоторые, наиболее тщательно сработанные, инструменты служили дольше.

Среди собранных орудий, за самым небольшим исключением (несколько крупных *lames appointées*, дискообразный инструмент), мы не находим орудий, которые могли бы быть применены в охоте, а в особенности в охоте на таких крупных животных, как мамонт или носорог. В массе они служили целям разделки туши или отдельных ее частей.

Невольно возникает вопрос, при помощи каких инструментов производились снятие шкуры, если таковое имело место, и разрезание больших кусков мяса. Конечно же, не маленькими орудиями микролитического облика с лезвиями современных перочинных ножииков (*lames de canif*). На этом следует остановиться.

Многие из орудий этой категории, кроме обработки одного края, имеют тщательно подправленное ретушью основание (табл. I, 1, 2, 9, 10, 16, 18; II, 2, 4, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 21, 22, 26, 31, 34, 35, 36; III, 1, 2, 3, 5, 10) или верхний конец (табл. II, 8, 9, 10, 14, 25, 30; III, 12). В инвентаре стоянки не единичны так наз. *silices géométriques du type paléolithique* — геометрические орудия палеолитического облика, изготовленные из поломанных пластинок с обработкой одного края и двух концов (табл. III, 18—24).

Л. Капитан и Д. Пейрони (во время своих раскопок в Ля Ферасси в 1920 г.) впервые обратили внимание на безусловную связь этих «орудий» и выдвинули совершенно справедливое предположение о том, что многие из этих пластинок со стесанным краем и геометрических кремней являются частями составленного из них орудия, «которое имеет форму большого ножа или кинжала».¹ Я думаю, что вернее говорить о «ноже»; для «кинжала» не хватает главной и основной части — крепкого и преодолевающего сопротивление острия. В пушкаревских находках эти острия встречены в *lames appointées*, назначение которых, возможно, и заключалось в том, чтобы, преодолев сопротивление, проколоть массу и начать ее разрезание. Дальнейшее отделение длинных полос мяса и отрезывание от них кусков легко производились ножом.

В этой связи следовало бы задержаться на истолковании атипических наконечников с боковой выемкой и в особенности тех из них, несколько более поздних, которые имеют подправленное ретушью острие. В наших находках в Пушкарях первые наконечники с боковой выемкой теснейшим образом связаны с пластинкой со стесанным краем, представляя собой лишь разновидность этого типа орудий. Нет никакого сомнения, что наконечники с выемкой развиваются именно из этой формы. Листовидные солотрейские наконечники развиваются из иной формы, так наз. «*pointe à face plane*».

Следует подчеркнуть, что и в более ранних, малых наконечниках с боковой выемкой, с подправкой лишь по краю, и в более поздних, с двусторонней обработкой острия, противоположный край остается нетронутым ретушью или заостряется иным типом ретуши, скользящей по поверхности орудия. Несомненно, таким образом, что в изготовлении атипического

¹ D-r C a p i t a n e t P e y r o n y. Nouvelles fouilles à La Ferrassie. Rapport présenté au Congrès de Strasbourg de l'Association Française pour l'Avancement des Sciences, Année 1921. Paris, 1921, стр. 7 (рис. 7).

наконечника с боковой выемкой учтены две функции — колоть и резать. Заслуживает всяческого внимания тот факт, что в некоторых крупных экземплярах такого наконечника выемка оставляет совсем небольшое острие (всего 1/5 длины орудия), значительно удлинняя тем самым противоположный режущий край.

Я думаю, что крупные наконечники с выемкой являются лезвиями усовершенствованных охотничьих ножей, объединивших в себе острие «*lame appointée*» (кинжал) и режущий край пластинки со стесанным краем (нож).

Небольшое количество скребков, назначение которых было многообразно, не противоречит нашему впечатлению, что на Погоне мы имеем остатки обильных трапез после удачной охоты. Тем менее диссонируют с ним многочисленные скребели и иные скребущие инструменты (массивные скребки и стамески из коротких и толстых пластин, приведенные на табл. VII, 4—6, как и резцы на пластинках, нуклеусах и крупных отколах (табл. VII, 3), служившие для обработки деревянных предметов и, в первую очередь, для изготовления различного рода рукояток для колющих и режущих орудий.

Само собой разумеется, материалы из моих раскопок на Погоне явно недостаточны для суждения об этом исключительном палеолитическом находении, таком обширном по охваченной им площади и таком богатом обнаруженными на нем культурными остатками. Однако они дают мне право точнее определить его значение.

Значение палеолитического местонахождения Пушкарей перерастает наши границы. На Пушкаревском Погоне добыты новые дополнительные документы, которые с очевидностью доказывают всю неосновательность прежних утверждений о «своеобразности» восточноевропейского палеолита, посеявших такую путаницу в суждениях о верхне-палеолитических стоянках Украины и, в частности, о Мезине, в котором видели и «финальный ориньяк», и «дегенирированное ориньякское искусство», и проявление «солютрейского времени», и, наконец, пресловутый *Mizynien* (в «цикле» *Faustkeilkultur!*) О. Менгина.

Правда, последние исследования в Воронежской области РСФСР и в Белоруссии внесли определенную ясность в суждения о верхне-палеолитических проявлениях на востоке Европы, однако высказывания о них все еще недостаточно тверды. Можно ли говорить о «солютре» в приложении к Костенкам, где мы имеем дело с логически развивающейся ориньякской индустрией? Двусторонняя обработка орудий не является решающим в этом отношении указанием. Гораздо большее значение имеет появление новых форм орудий, в первую очередь появление листовидных наконечников, развивающихся из *pointes à face plane*. Мы не имеем данных об этой форме в опубликованных до сего времени материалах из палеолитических стоянок Воронежской области и Белоруссии и встречаемся с нею впервые в Пушкарях.

На этом, факте, заслуживающем всяческого внимания, следует остановиться. Генетическая связь *pointes à face plane* с листовидными солютрейскими наконечниками несомненна, и, по-моему, отсутствие первых ставит под вопрос и самое утверждение о наличии в Костенках I «листовидных» или даже «лавролистных» наконечников «примитивно-солютрейского облика».¹ Заслуживает внимания то обстоятельство, что некоторые «лавролистные» наконечники из Костенок (между прочим, приведенный у Л. Савицкого на табл. III, 20² и повторенный у П. Ефимен-

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 455.

² L. Sawicki. Materjały do znajomości prehistorji Rosji. P. 1928.

ко на рис. 179), ретушированные лишь на острие и в базальной части орудия, сохраняют свои острые края. Это роднит их с пушкаревскими *lames arçonnées doubles*, приведенными у нас на табл. IV, 3 и 5, в особенности с последней. Строго говоря, разница сводится лишь к отсутствию стрелчатого заострения концов и появлению ретуши на обратной стороне орудий.

В инвентаре стоянок финального ориньяка наблюдаются различия узколокального характера, проявляющиеся то в развитии двусторонней ретуши, то в выкристаллизовании определенного типа характерных для этого горизонта пластинок со стесанным краем (тип Граветт), то в появлении острий с черешком (тип Фон Робер). Какого-либо общего для всех, единго ансамбля орудий установить невозможно, как невозможно и распределить находения по определенным хронологическим горизонталям.

Это относится и к Пушкаревскому палеолитическому местонахождению, которое должно быть поставлено в ряд пресолютрейских стоянок Восточной Европы. Значение Пушкарей в том, по-моему, и заключается, что в богатейшем кремневом инвентаре этой стоянки мы находим то проявление изживающей себя ориньякской индустрии — отличное от иных параллельных ему находений центральной и Восточной Европы, — которое не было нам до Пушкарей известно и которое ведет нас к истокам западноевропейского пресолютре. Именно в Пушкарях зарождающиеся черты последующего этапа развития кремневого инвентаря проявляют себя в ряде типичных для него форм с наибольшей выразительностью.

Задача заключается в том, чтобы обнаружить у нас этот новый этап на следующей за Пушкарями ступени. Вопрос в том, проявил ли себя где-либо на востоке Европы этот новый этап в том своеобразии, которое дает нам европейский Запад, или развитие ориньякской индустрии на Востоке задержалось на ступени Пушкар — Боршево — Костенки — Гагарино — Бердыж и вылилось затем в эпиориньякские проявления Воронежской области, Украины и Крыма.

M. RUDINSKI

PUŠKARI

(Découverte et premières fouilles de la station paléolithique près du village de Puškari, district de Novgorod-Seversk, région de Černigov)

R é s u m é

La station paléolithique de Puškari a été découverte par l'auteur en 1932 à peu de distance au sud du village de ce nom, au lieu dit Pohon, un cap élevé de la rive droite de la Desna, d'un espace de près de 1 km², limité de trois côtés par des escarpements descendant vers la rivière et de profonds ravins.

Le massif du Pohon est constitué dans l'essentiel par une moraine recouverte de dépôts remaniés d'origine morainique.

Les restes paléolithiques, constatés par l'auteur en 6 points du Pohon, gisaient à faible profondeur; au point I, par exemple, ils gisent immédiatement sous la couche d'humus, dans la partie supérieure d'une couche de limon d'une couleur jaune foncé.

Des fouilles préliminaires furent exécutées en 1932 au point I sur une surface de 4 × 3 m. En 1933 la partie explorée fut élargie et atteignit 12 × 12 m (fig. 8—10). En outre, sur le Pohon dans le terrain contigu aux fouilles, furent effectués de nombreux sondages.

Le fait le plus intéressant concernant les conditions géographiques de la contrée à l'époque où elle était fréquentée par les chasseurs primitifs est la constatation dans les couches supérieures du sous-sol de fissures dites polygonales (fig. 6 et 7), qui attestent les conditions géographiques de la toundra.

A peu près au centre de la surface explorée fut découvert un grand foyer en forme d'ovale allongé (3.5×2.0 m), avec une légère dépression (jusqu'à 0.15 m) dans sa partie sud, remplie par une couche épaisse de matériaux calcinés mêlés de menus fragments d'os et d'une quantité de pièces de silex. Des restes de faune, appartenant surtout au mammoth, ne se rencontrent qu'en dehors des limites du foyer, sur son côté sud-ouest. On n'a pas décelé de gros os dans le contenu du foyer.

Les os ne portent pas de traces de feu; il en est de même des silex, récoltés en très grand nombre (72 323), et des assez nombreux galets de dimension moyenne, qui servaient apparemment à broyer les os. La partie nord du foyer a été détruite par une sépulture de l'époque de bronze.

Les fouilles n'ont fourni aucune indication de l'existence autour du foyer d'écrans contre le vent ou d'autres dispositifs. On a l'impression générale qu'il s'agit ici de restes d'un grand feu à ciel ouvert. A une distance de 3—3.5 m au sud-est furent découverts des vestiges d'un autre foyer de forme différente. C'est une profonde cavité à fond circulaire, qui renfermait du charbon, des fragments d'os, des silices, des instruments (entre autres un poinçon en os du tibia d'un petit carnassier). Plus haut, au niveau de la couche archéologique compacte, on y a constaté de nombreux morceaux de la craie et de la couleur rouge. La fosse a été couverte par de gros os de mammoth (fig. 11).

L'amas de restes paléolithiques mis au jour par les fouilles à Puškari est peu ordinaire pour les stations paléolithiques de l'Ukraine tant par les dimensions du foyer central que par l'ensemble des trouvailles. Les restes osseux ne donnent pas une image intégrale de la faune contemporaine, de même que l'outillage recueilli ne permet pas de se faire une idée complète des occupations de la collectivité de chasseurs primitifs qui a laissé ses traces auprès du grand foyer au point I du Pohon.

Selon l'auteur, ces restes doivent être considérés comme des débris de repas copieux auxquels prenait part un grand nombre de convives après des chasses heureuses au mammoth, dans les saisons favorables à la chasse.

Il est intéressant de noter que la plupart des instruments recueillis près du foyer appartient à deux types principaux: lames appointées et lames à dos, qui servaient probablement à découper l'animal tué et à détacher de gros morceaux de viande. Il est tout à fait évident que ce travail s'effectuait non pas à l'aide de petits instruments tels que la majorité des lames à dos ici trouvées, qui sont de véritables lames de canif. L'auteur se range à l'avis de L. Capitan et D. Peyrony, qui présumant que beaucoup de lames à dos, en particulier celles retouchées à leur base, constituaient, en combinaison avec les silices géométriques du type paléolithique, des lames de grands couteaux — mais non des lames de poignards toutefois, comme le supposaient aussi ces auteurs, vu que pour être un poignard il manque à cet instrument une pointe solide capable de vaincre la forte résistance de la matière. Pareilles pointes présentent les lames appointées ainsi que dans les pointes à cran atypiques, quand elles sont façonnées par retouches bifaciales. Etant donné que, d'une part, la majorité des lames appointées fournies par les fouilles conservent leur tranchant sur les deux bords ou sur l'un d'eux et que, d'autre part, les pointes à cran sont génétiquement liées aux lames à dos rabattu, l'auteur estime que les gros échan-

tillons de pointes à cran atypiques, et surtout celles dont la pointe a été retouchée sur les deux faces, ne sont autre chose que des lames de couteaux-poignards perfectionnés.

L'outillage de silex découvert à Puškari atteste d'une manière indiscutable l'âge présolutréen de cette station. Se rattachant étroitement par plusieurs formes typiques à l'industrie lithique qui l'a précédé, il présente en même temps la première ébauche des formes typiques du niveau solutréen inférieur des stations de l'Europe occidentale. La station de Puškari nous témoigne une fois de plus l'insuffisance des arguments en faveur du caractère spécifique du paléolithique de l'Europe orientale — affirmation qui a introduit tant de confusion dans notre jugement sur les stations du paléolithique supérieur de l'Ukraine, en particulier sur la station de Mizyn.

La station de Puškari est un monument très important qui éclaire d'un jour nouveau les restes paléolithiques connus sur les vastes territoires de loess en Ukraine. Son importance à cet égard s'étend aussi à la zone de la terre noire de la Russie et de la Russie Blanche, elle souligne le caractère aurignacien de l'outillage de silex de la station paléolithique de Kostenki I, où l'on n'a constaté ni pointes à face plane, ni pointes foliacées. Enfin, elle fournit des indications dans la direction du sud-ouest vers la Podolie, où l'auteur a découvert précédemment plusieurs stations dont l'industrie offre des survivances de l'Aurignacien moyen tout à fait indiscutables.

А. В. ЗБРУЕВА

МАЛО-ОКУЛОВСКИЕ КУРГАНЫ

Мало-Окуловские курганы были открыты местным учителем-краеведом И. П. Гусевым во время археологического обследования окрестностей известной Волосовской стоянки, летом 1927 г.

Курганы расположены на невысокой песчаной возвышенности в пойме р. Оки на левом берегу р. Велетьмы в расстоянии около 2 км на север от дер. Малое Окулово и в таком же расстоянии на юго-запад от дер. Волосово Муромского района Горьковского края, на земле крестьян дер. Малое Окулово. К западу от курганного могильника, не дальше 0.5 км, находится дюнная стоянка, раскопанная Ф. Я. Селезневым в 1926 г., с северо-запада к курганам непосредственно примыкает славянское селище.

Могильник состоит из 14 курганов, вытянутых в северо-восточном направлении и поросших молодым дубняком и кустарником. Высота курганов незначительна (не более 1 м), вследствие чего они почти незаметны. Курганы расположены неправильными рядами, сильно оплыли, и некоторые из них имеют неясные очертания (рис. 1).

Ровики сохранились только между курганами. Большинство курганов имеет слабые следы ровиков, а некоторые (3 кургана) не сохранили даже и следов их. Диаметр курганов от 8 до 11 м, высота от 0.5 до 1 м.

Раскопки Мало-Окуловского могильника были начаты экспедицией Антропологического научно-исследовательского института при Московском Государственном университете (МГУ) в 1927 г. с целью выяснения связи между обследованным отрядом экспедиции славянским селищем и курганной группой. В 1927 г. был вскрыт курган № 1, исследование которого показало, что могильник относится к гораздо более раннему времени, чем славянское селище, — к эпохе бронзы.

Дальнейшие раскопки на территории, занятой курганной группой, показали, что здесь находится целый комплекс памятников: поселение неолитической эпохи, отчасти разрушенное в связи с устройством курганов, поселение эпохи бронзы с каменными орудиями и глиняной посудой того же типа, как и в погребениях, также разрушенное в тех местах, где были вырыты могильные ямы и насыпаны курганы, и курганный могильник. В настоящем очерке будут описаны лишь последний и те предметы из насыпи курганов, которые непосредственно относятся к погребениям; об остальных находках будет лишь вскользь упомянуто, так как описание стоянок должно явиться предметом специальной работы.

Материал из раскопок Мало-Окуловских курганов и обеих стоянок хранится в Государственном Музее антропологии.

В настоящее время можно считать установленным, что на территории Восточной Европы в послеледниковое время существовал период с более теплым и сухим климатом, чем теперь, — суббореальный период с эпохой климатического оптимума, носящий название ксеротермического периода. Время существования периода засушливости — ксеротермического периода,

благодаря наблюдениям некоторых русских почвоведов и геологов, основанным на исследованиях почв и ландшафтов Днепра и Дона, можно синхронизировать с эпохой бронзы. Согласно хронологической схеме шведских и финляндских ученых, основанной главным образом на изучении ленточных глин и торфяников, время ксеротермического периода также совпадает с эпохой бронзы.

Итак, в эпоху бронзы господствовал более сухой и теплый климат, чем в настоящее время, и полоса степей распространялась гораздо дальше к северу, чем теперь. Особенно существенной для данной темы является работа Д. А. Герасимова «Изменение климата и история лесов Тверской

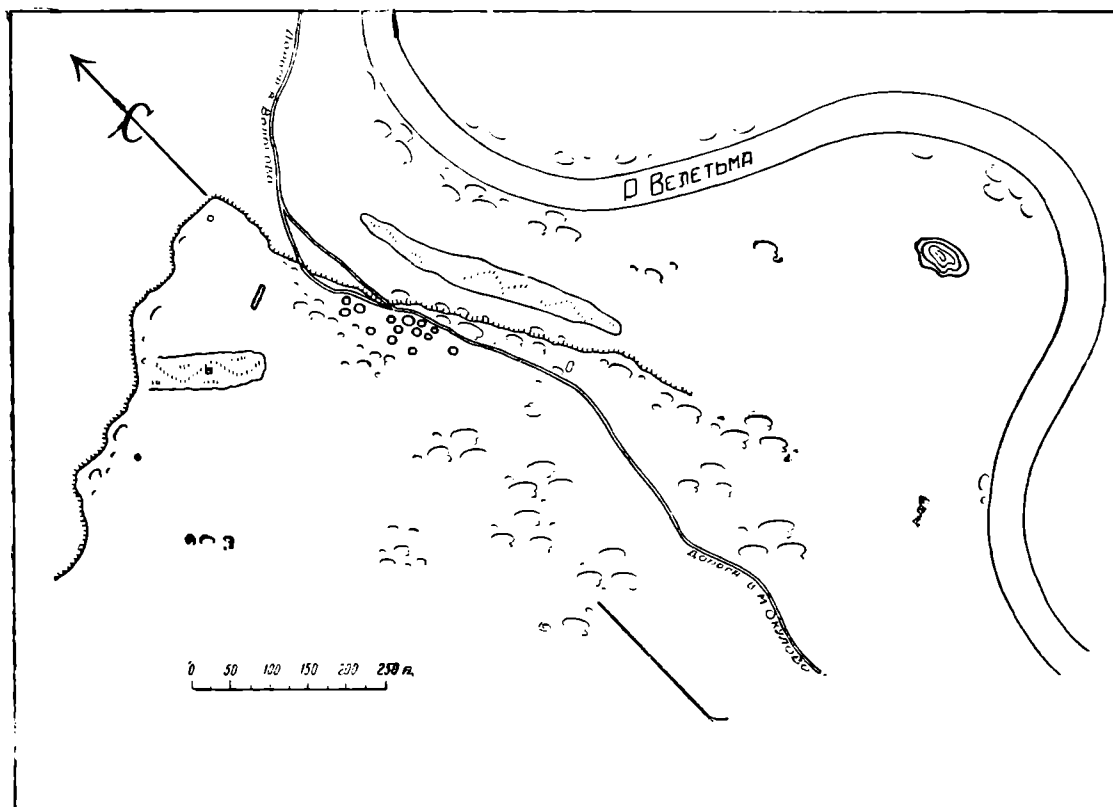

Рис. 1. Мало-Окуловский могильник. План.

губернии в послеледниковую эпоху по данным изучения торфяных болот»,¹ в которой автор, рассматривая распространение смешанно дубовых лесов в суббореальный период, считает, что районы б. Пензенской, Калужской, Московской и Тверской губерний частично входили в зону лесостепей. О том, что смещение зон в ксеротермическое время было очень значительно, достигая 5° , и, следовательно, лесостепь доходила почти до Ленинграда и Вологды, есть указания в работе Н. Н. Соколова «О возрасте и эволюции почв в связи с возрастом материнских пород и рельефа».² Геоботанические работы Коржинского и Танфильева на территории б. Казанской и Пензенской губерний также приводят нас к выводу, что степи в этих районах в период засушливости распространялись гораздо дальше к северу, чем в настоящее время. Так, в бассейне р. Камы степи доходили примерно до гор. Малмыжа на р. Вятке. Все вышеприведенные данные подводят нас к выводу, что в период засушливости, совпадающий на территории Восточ-

¹ Изв. Гл. ботан. сада СССР, т. XXV, вып. IV, Л., 1926.

² Тр. Почв. инст. им. В. В. Докучаева АН СССР, вып. 6, 1932, стр. 24.

ной Европы с эпохой бронзы, Муромский район Горьковского края, в котором в эпоху Киевского княжества были известны знаменитые муромские леса, где, по былинам, скрывался Соловей-разбойник, во время существования поселений эпохи бронзы и появления Мало-Окуловских курганов входил в зону лесостепи.

Раскопки Мало-Окуловского могильника производились экспедицией Антропологического научно-исследовательского института при МГУ под руководством Б. С. Жукова в 1927 и 1928 гг. Всего было вскрыто 5 курганов. В 1927 г. был вскрыт курган № 1, в 1928 г. было вскрыто 4 кургана (№№ 2, 8, 9 и 12; см. план). Раскопки курганов производились следующим образом. Курган № 1 (диаметр около 1 м, высота 0.75 м) был разделен пополам по диаметру, идущему с севера на юг, и для выяснения строения насыпи западная половина последней была взята на снос до грунта. В насыпи попадались обломки неолитических сосудов и осколки кремня. Вследствие этого, работа велась чрезвычайно осторожно, с точной регистрацией найденного материала. После того как раскопки были доведены до грунта, согласно данным разреза насыпи в центре кургана, была взята площадь 4×4 м (с ориентировкой стенок по странам света), которая захватила как снятую, так и не снятую часть насыпи. На глубине 0.75 м от вершины кургана (линия горизонта) в восточной части раскопа появились неясные очертания могильного пятна, вытянутого с севера на юг. По мере углубления пятно становилось более резко очерченным. На глубине 1.02 м оно имело коричнево-серый цвет с землистыми вкраплениями. На глубине 1.05 м в южной части могильного пятна показались края сосуда. Могильное пятно имело вид довольно правильного четырехугольника, слегка расширяющегося по направлению к северу, около 2 м длиною и от 0.93 м (с южной стороны) до 1 м (с северной стороны) шириною. Несмотря на чрезвычайно тонкую послонную зачистку, следов костяка обнаружено не было. На глубине 1.17 м могильное пятно исчезло; следовательно, глубина могильной ямы равна 0.42 м. В могильном пятне, так же как и в насыпи кургана, попадались обломки глиняной посуды и кремневые осколки.

Сосуд, найденный в могиле кургана № 1, — плоскодонный, острореберный, чрезвычайно массивный, — сделан из глины без примесей. На наружной поверхности имеются следы заглаживания зубчатым штампом; на внутренней — заглаживания тряпкой или кожей. В верхней части сосуда находится шнуровой орнамент, на венчике он состоит из косых полосок. На шейке и плечах расположены 2 пояска из трех горизонтальных рядов шнура, между которыми — двойная волнистая линия. По самому ребру идут косые шнуровые вдавления. Высота 10.7 см, диаметр горла 14.2 см, диаметр дна 7.5 (наибольший диаметр 9), ширина 14 см. Толщина шейки 6 мм, стенок — 11—16 мм, дна — 10 мм (рис. 2, 1).

Раскопки остальных курганов велись следующим образом. По середине кургана, по линии восток — запад, оставлялся гребень шириной в 1 м. Затем вскрывались северная и южная половины курганов на снос до появления могильных пятен, расположенных с севера на юг. После профилирования северной и южной стенок гребня снималась центральная их часть. В дальнейшем углублялся четырехугольник, внутри которого находилось могильное пятно, до дна могильной ямы. В насыпи курганов встречались обломки глиняных сосудов как неолитической, так и бронзовой эпохи. Особенно много фрагментов неолитической посуды попадалось при раскопках кургана № 2, могила которого была вырыта в культурном слое неолитической стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой и каменными орудиями. В стенках гребней всех четырех курганов можно было наблюдать хорошо выраженный слой погребенной почвы, прикрытый насыпью курганов и разорванный могильными ямами. Поверхность этого слоя соот-

ветствует древней поверхности почвы и дает представление об ее неровности.

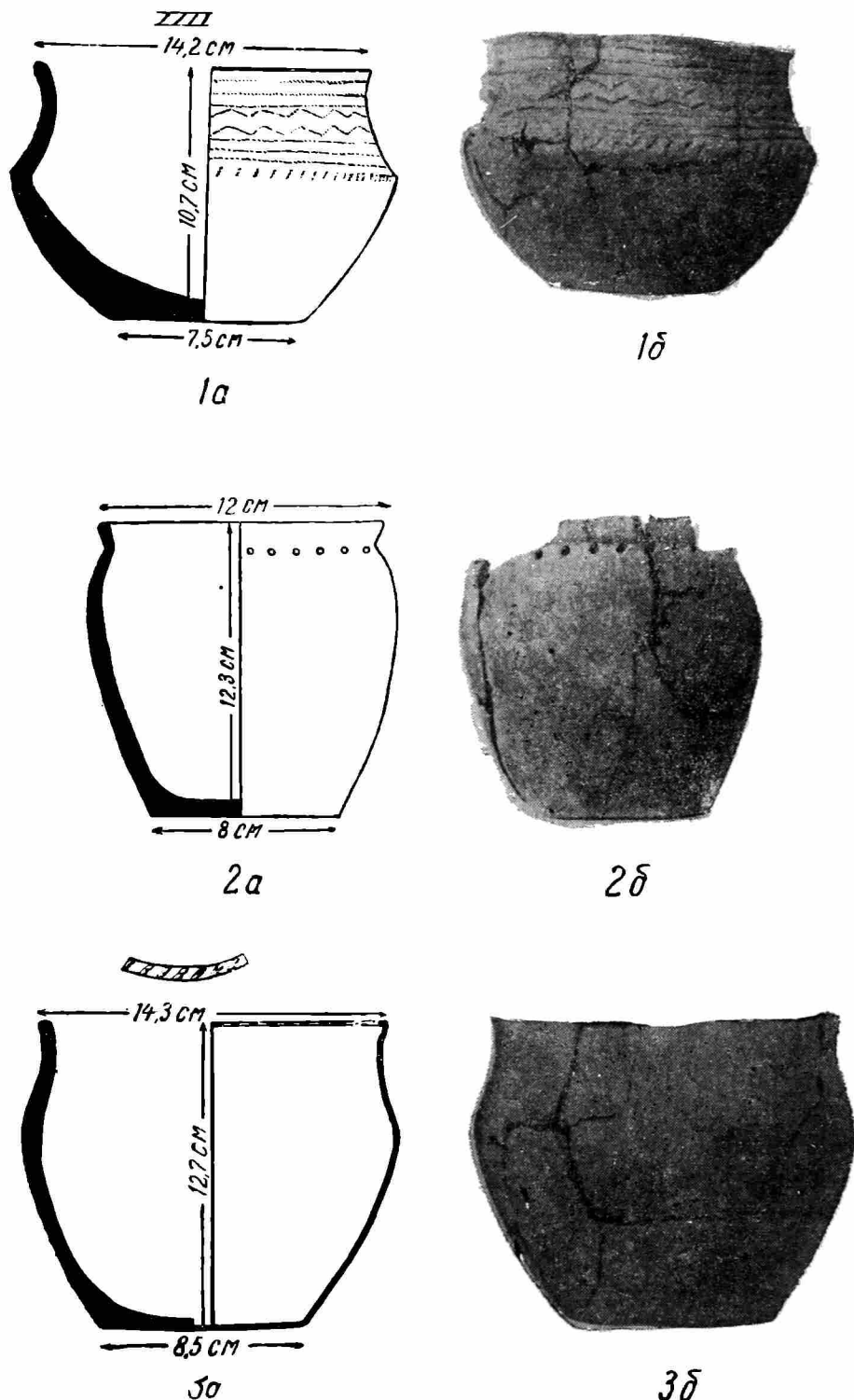

Рис. 2. Мало-Окуловский могильник. Керамика.

1 — сосуд из кургана № 1; 2 — сосуд из кургана № 2; 3 — сосуд из кургана № 2.

В насыпи кургана № 2 (диаметр около 13 м, высота 1 м) было обнаружено 4 глиняных сосуда. Два из них были найдены рядом в восточной половине насыпи, на расстоянии около 2 м от вершины кургана, на глубине 0.33 м от поверхности. Третий сосуд находился в восточной части насыпи,

в расстоянии 3.5 м от центра кургана, на глубине 0.30 м от поверхности. Четвертый был обнаружен в западной части кургана, в расстоянии около 3 м от вершины, на глубине 0.7 м от поверхности — на горизонте. Все сосуды стояли более или менее вертикально и были наполнены землей и корнями растений.

Первый сосуд близок к баночной форме, плоскодонный, со слабо выпуклыми стенками, с узкой, слегка отогнутой наружу шейкой. Внешняя его поверхность покрыта вертикальными штрихами от сглаживания зубчатым штампом; на внутренней поверхности — следы заглаживания тряпкой или кожей. По линии отгиба шейки идет ряд круглых ямок. Высота его 12.3 см, диаметр горла 12 см, диаметр дна 8 см, толщина шейки 5 мм, стенки — 6—7 мм, дна — 8 мм (рис. 2, 2).

Второй сосуд плоскодонный, острореберный, со слегка отведенной внутрь шейкой. На обеих поверхностях следы сглаживания тряпкой или кожей. Орнамент состоит из вытянутых прямоугольных ямок, идущих в один ряд по краю шейки и острому ребру. От верхнего ряда спускаются треугольники из трех ямок. По краю обреза венчика идет ряд косых насечек. Диаметр горла 16.3 см, диаметр дна 7.5 см, высота 11.5 см. Толщина стенок, шейки и дна 7 мм (рис. 3, 1).

Третий сосуд отличается от первого отсутствием орнамента на шейке и размерами. На внешней поверхности — следы сглаживания в виде грубых вертикальных штрихов, на внутренней — следы сглаживания тряпкой или кожей. По обреза венчика идет ряд косых насечек. Высота около 13 см, диаметр горла 14.3 см, диаметр дна 8.5 см, толщина шейки 5 мм, стенок — 7 мм, дна — 8 мм (рис. 2, 3).

Четвертый сосуд плоскодонный, острореберный, сильно суживающийся ко дну. Шейка слегка отогнута наружу. В глине очень небольшая примесь шамота. На обеих поверхностях — следы сглаживания при помощи тряпки или кожи. На нижней части шейки расположен резной орнамент из широких коротких полос, составляющих сложный меандр. Диаметр горла 14.5 см, диаметр дна 9.5 см, высота 10.5 см. Толщина шейки и стенок 6 мм, дна 10 мм (рис. 3, 2).

В кургане № 2 могильное пятно имело очень неясные очертания.

В южной части насыпи на глубине около 1 м от поверхности (линии горизонта) неясно обозначалось могильное пятно, длиной около 2 м, шириной около 1 м. При дальнейшем углублении раскопа пятно пропало. На основании зарисованных очертаний пятна и профиля южной стенки гребня, в центре кургана была намечена площадь 4×2 м, которая и разбиралась как могильная яма. На глубине 1.18 м в северной части предполагаемого могильного пятна был обнаружен острореберный сосуд. На глубине 1.20 м недалеко от сосуда был найден кремневый отщеп. Несмотря на тщательные поиски и чрезвычайно тонкую расчистку могильной ямы, следов костяка обнаружить не удалось. При дальнейшем углублении недалеко от сосуда, на глубине 1.59 м, были найдены мелкие косточки птицы очень плохой сохранности. На глубине 1.60 м на дне раскопа показалась плотная материковая глина. Таким образом, несомненно, к погребению относится лишь сосуд; кремневый отщеп и косточки птицы могли относиться к культурному слою неолитической стоянки, остатки которой были вскрыты под всей насыпью кургана до глубины 1.60 м.

Сосуд острореберный с уплощенным дном. В глине очень небольшая примесь шамота. На внешней и внутренней поверхности — следы сглаживания (может быть, травой) в виде неправильных полос, внутри которых наблюдаются отдельные штрихи. Орнамент располагается на венчике и шейке сосуда. По обреза венчика идет ряд грубых поперечных насечек. В верхней и нижней частях шейки находятся две полосы, состоящие из

трех горизонтальных шнуровых линий каждая. Между ними в средней части шейки помещены две зигзагообразные резные линии, состоящие из

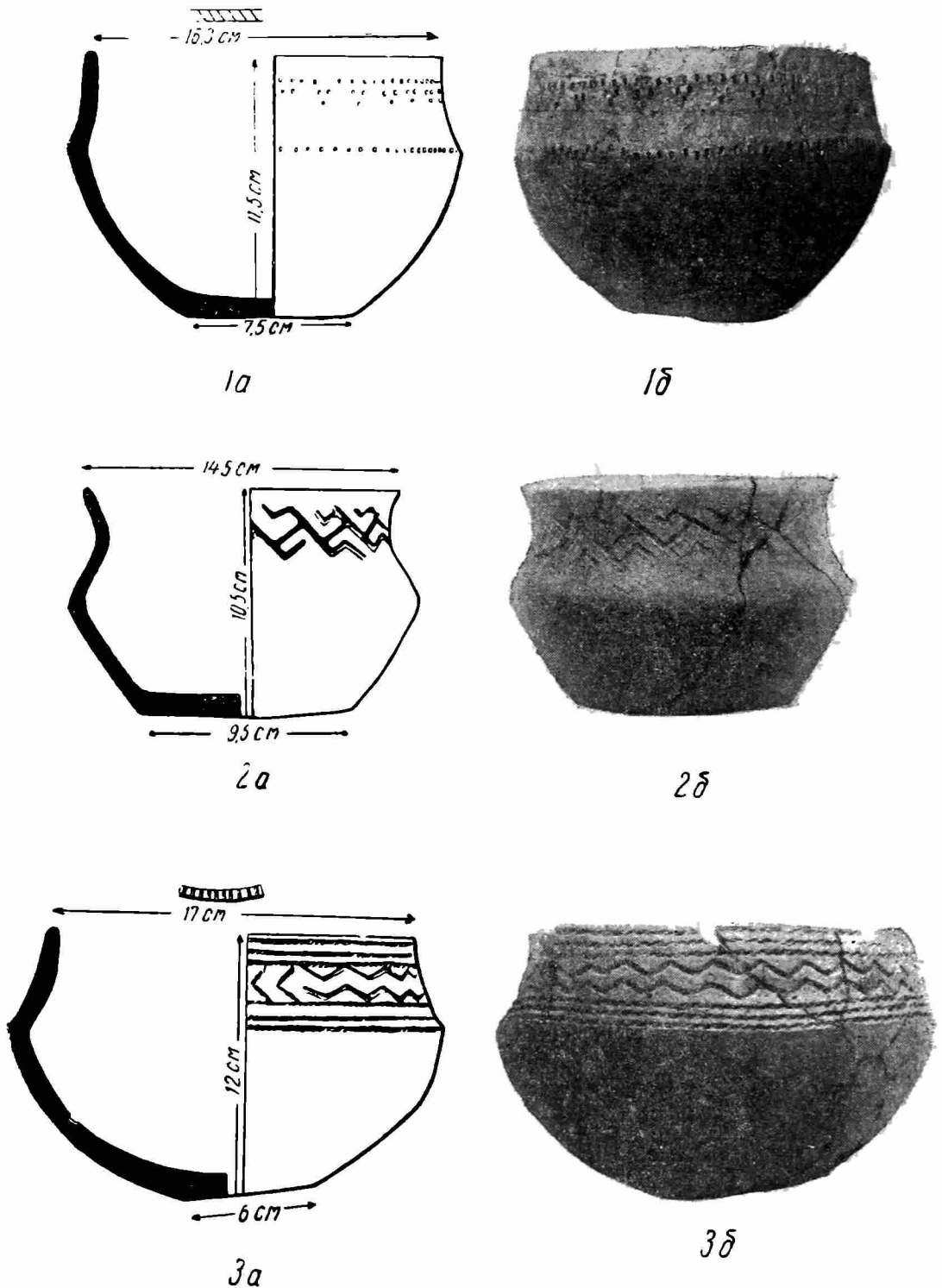

Рис. 3. Мало-Окуловский могильник. Керамика.

1 — сосуд из насыпи кургана № 2; 2 — сосуд из насыпи кургана № 2; 3 — сосуд из основного погребения кургана № 2.

широких коротких насечек, в одной части замененных шнуровыми отпечатками, образующими острые углы. Диаметр горла 17 см, диаметр дна 6 см, высота 12 см, толщина шейки 6 мм, стенок — 6—8 мм, дна — 11 мм (рис. 3, 3).

Итак, в кургане № 2 могильного пятна, сколько-нибудь ясно выраженного, проследить не удалось. Повидимому, могила не простиралась к северу за пределы четырехугольника, который раскапывался как могильная яма, так как на северной границе его, на глубине 1.05—1.20 м, находилось не потревоженное углистое пятно с массой обломков неолитических глиняных сосудов, по всем данным лежавшее за пределами могильной ямы. В южной половине того же четырехугольника, заходя отчасти и в северную половину, находились 2 не потревоженных темных пятна со скоплениями неолитической глиняной посуды, также, очевидно, лежавшие за пределами могилы. Следовательно, могила помещалась в центре кургана и имела около 2 м длины, из которых около полутора метров лежало к северу от средней линии и около 0.5 м — к югу от нее. О ширине могилы судить невозможно за отсутствием данных. Судя по высоте сосуда, погребение находилось на глубине 1.18—1.40 м, причем сосуд помещался, примерно, в середине могильной ямы. Никаких следов костяка обнаружено не было, что, повидимому, объясняется свойствами песчаной почвы.

Что касается кремневого отщепа, он мог принадлежать также и к инвентарю погребения, так как кремневые орудия и отщепы встречаются почти во всех типах погребений эпохи бронзы Восточной Европы.

В насыпи кургана № 8 (диаметр около 10 м, высота около 0.70 м) уже в дерновом слое начали попадаться сбломки глиняной посуды и кремнь. Эти находки встречались во всей насыпи до глубины 1.05 м, причем обломков сосудов, относящихся к неолитической стоянке, встречалось немного; большая часть посуды, найденной в насыпи, принадлежала к стоянке эпохи бронзы, из культурного слоя которой главным образом и состояла насыпь кургана. В профиле южной и северной частей стенок гребня, так же как и в разрезах стенок других курганов, отчетливо можно было наблюдать ленту погребенного растительного слоя, которая была разорвана могильной ямой, и древнюю неровную поверхность почвы.

Для выяснения вопроса о существовании ровиков, которые были совершенно незаметны на поверхности, были проведены траншеи за пределы очертаний кургана по линии восток — запад, северные стенки которых дали ясное представление о глубине и ширине ровиков.

На глубине 0.65 м в северной половине кургана, в центральной части насыпи, расплывчатыми очертаниями обрисовалась часть могильного пятна серовато-коричневого цвета, уходящая в стенку гребня. На глубине 0.80 м могильное пятно приняло немного более ясные очертания, в дальнейшем же его проследить не удалось. Так как профиль северной и южной стенок гребня давал ясные следы перекопа в центральной части гребня, особенно в южной стенке, и в то же время в южной части кургана не было видно могильного пятна, в центральной части кургана, на основании данных профиля и зафиксированных на глубине 0.80 м очертаний могильного пятна, была взята площадь 4×3 м и расчищалась как могильное пятно. В это время обвалилась центральная часть гребня.

При зачистке обвалившейся земли в центральной части раскапываемой площади, на глубине около 1.10 м, были найдены обломки острореберного сосуда, повидимому, связанного с погребением (рис. 4, 7). При дальнейшем углублении той же площади выяснить могильного пятна не удалось. На глубине 1.70 м началась материковая глина без каких-либо следов перекопа.

Наиболее интересный материал был получен при раскопках кургана № 9, крайней южной насыпи в этом могильнике, диаметром около 9 м и высотой в 0.65 м. Обе половины насыпи этого кургана снимались одновременно.

После снятия дернового слоя в обеих частях насыпи были обнаружены пятна серо-зольного цвета, которые при углублении раскопа получили

более ясные очертания и уменьшились в размерах. В насыпи было обнаружено довольно большое количество (свыше 500) обломков глиняной

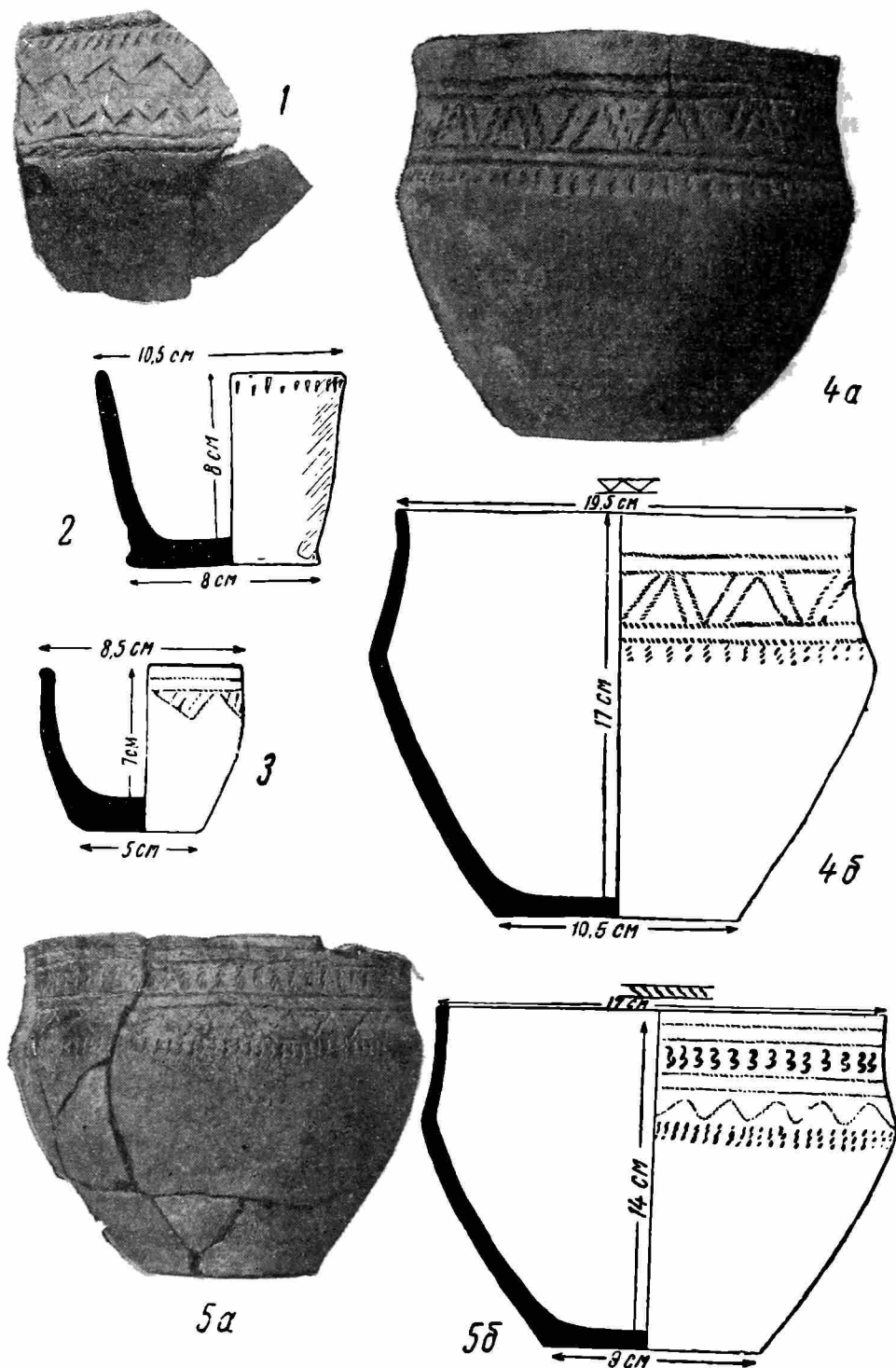

Рис. 4. Мало-Окуловский могильник. Керамика.

1 — сосуд из кургана № 8; 2 — сосуд из кургана № 9; 3 — сосуд из кургана № 9; 4 а, б — сосуд из кургана № 9; 5а, б — сосуд из кургана № 12.

посуды, а также кремневых отщепов и каменные орудия, относящиеся к стоянке бронзовой эпохи. Обломков неолитических сосудов здесь найдено не было. Повидимому, курган был вне границы распространения слоя с культурными остатками неолитической стоянки.

На глубине 0.95 м находки прекратились. В южной половине насыпи, в расстоянии 3.30 м от центра на юго-юго-восток, на глубине 0.25 м от поверхности был найден небольшой сосуд баночной формы, серо-оранжевого цвета, слегка суживающийся книзу, края его дна слегка выступают

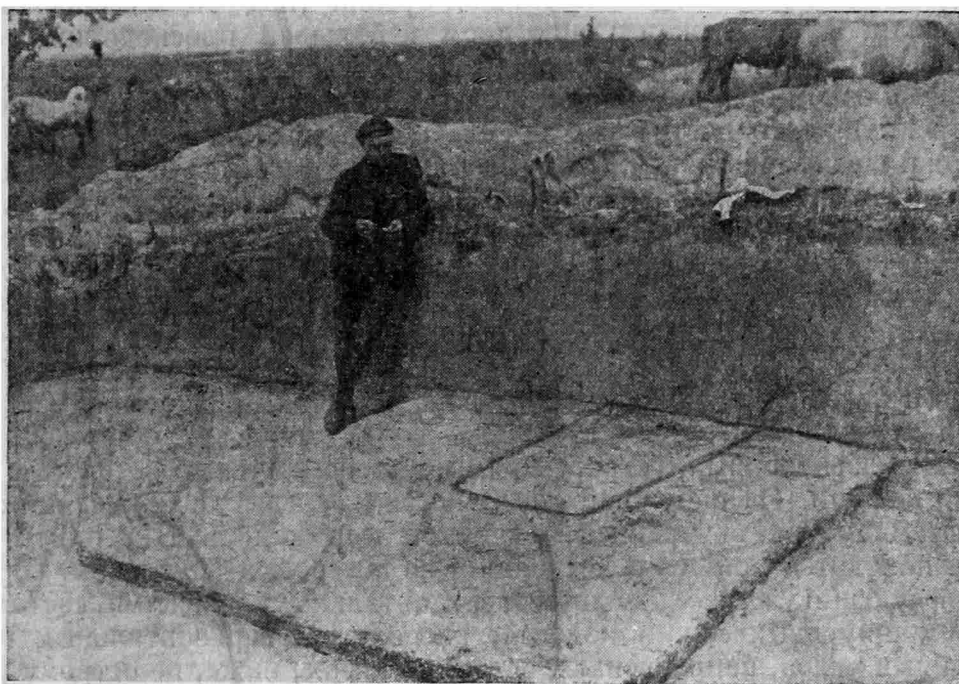

Рис. 5. Мало-Окуловский могильник. Курган № 9, могильное пятно.

за пределы стенок. На внутренней и наружной поверхностях — следы сглаживания тряпкой или кожей в виде тонких штрихов. В верхней части сосуда находится орнамент, состоящий из горизонтального пояса треугольных ямочных вдавлений. Диаметр горла 10.5 см, диаметр дна 8 см, высота 8 см, толщина стенок 6—8 мм, дна 11 мм (рис. 4, 2).

На глубине 0.95 м в южной половине кургана было обнаружено могильное пятно, размерами 1.20 × 0.80 м, отличавшееся от окружающего

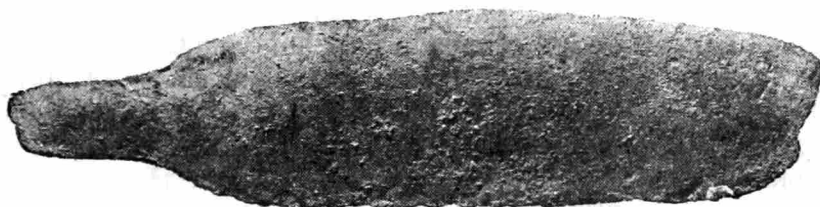

Рис. 6. Мало-Окуловский могильник. Двулезвийный кованный нож из кургана № 9.

грунта более светлой окраской и северной своей частью уходившее в гребень, оставленный для наблюдения за строением насыпи (рис. 5). После профилирования стенок гребня была снята его центральная часть, и могильное пятно получило ясные очертания в северной своей части. Длина его 1.95 м, ширина 0.80 — 1 м. При зачистке могильного пятна на глубине 0.95 м показался край небольшого сосуда баночной формы, относящегося к погребению. Могила была ориентирована строго на север — юг. В могиле

были обнаружены следующие вещи. В северной части могилы, почти у самого края, ближе к северо-восточному углу лежал бронзовый плоский двулезвийный кованый нож с обломанным верхним концом и нижней частью рукоятки (рис. 6; на рис. 7 под № 18).

В северной части могилы, недалеко от края, ближе к северо-западному углу (рис. 7) была найдена небольшая бусина (под № 2), впоследствии утраченная. Ниже лежал вверх дном небольшой плоскодонный сосуд, близкий к баночной форме, оранжево-коричневого цвета с массивным дном, небольшой прямой шейкой и слегка выпуклыми стенками. Внешняя и внутренняя поверхности его имеют следы сглаживания при помощи тряпки или кожи в виде тонких штрихов. В верхней части сосуда находится шнуровой орнамент, состоящий из двух горизонтальных линий, ниже которых расположены углы, направленные остриями вниз и заштрихованные косыми линиями. Диаметр горла 8.5 см, диаметр дна 5 см, высота 7 см. Толщина шейки 5 мм, стенок — от 5 до 10 мм, дна — 14 мм (рис. 4,3). Недалеко от сосуда обнаружены ясные следы тлена.

В южной части могилы, на глубине 1.10 м, обнаружен большой сосуд, лежащий на боку, внутри которого находились мелкие кости чрезвычайно плохой сохранности.

Сосуд плоскодонный, остросереберный, красно-коричневого цвета с почти прямой шейкой. На наружной поверхности — следы заглаживания зубчатым штампом, на внутренней — тряпкой или кожей. В верхней части сосуда находится орнамент, состоящий из шнуровых вдавлений, образующих следующий узор: между двумя горизонтальными поясками, состоящими из двух шнуровых линий каждый, расположен горизонтальный поясик из двойных углов, направленных остриями вверх; ниже, по острому ребру, идет ряд косых шнуровых вдавлений; по обрезу венчика расположена зигзагообразная линия, нанесенная движением острого предмета. Диаметр горла 19.5 см, диаметр дна 10.5 см, высота 17 см. Толщина шейки 6 мм, стенки и дна — 8 мм (рис. 4, 4а,б).

Кроме того, в могиле были обнаружены мелкие угольки и углистые пятна, обломки глиняной посуды и обломок ножевидной пластинки. Последние относятся не к погребению, а к культурному слою стоянки, в котором была вырыта могила. Ввиду полного отсутствия костей человека, почти ничего нельзя сказать относительно ориентировки погребения.

В насыпи кургана №12 (диаметр около 12 м, высота около 1 м) встречалось небольшое количество обломков глиняной посуды, большая часть которых относилась к неолитической стоянке.

На глубине 0.60—0.70 м в северной половине насыпи неясными очертаниями обрисовалось могильное пятно, отличавшееся от окружающего грунта более светлой окраской. На глубине 0.97 м пятно обозначалось яснее, но края его оставались расплывчатыми. Так как могильное пятно уходило в южную стенку гребня, гребень был снят. На глубине 1.20 м в середине могильного пятна выделилось другое пятно еще более светлой окраски. По мере углубления оно принимало все более резкие очертания. На глубине 1.35 м могильное пятно имело овальную форму, на глубине 1.50 м оно приняло вид четырехугольника в 2.70 м длины и 1 м ширины в южной части и 1.5 м в северной, ориентированного строго на север — юг. В северо-западной части могилы, на глубине 1.50 м, был обнаружен раздавленный сосуд, который при реставрации оказался неполным.

Сосуд плоскодонный, остросереберный, серо-оранжевого цвета с почти прямой шейкой и слегка выпуклыми стенками. На наружной поверхности — следы сглаживания травой и тряпкой или кожей и остатки красной краски. На внутренней поверхности — следы сглаживания травой. В верхней части сосуда расположен шнуровой орнамент, образующий узор: по обрезу

венчика — косые шнуровые вдавления; на шейке, между двумя поясками двойных горизонтальных линий расположена полоса горизонтальных шнуровых вдавлений; ниже, в верхней части плеч, идет поясok из волнистой шнуровой линии, под которой, на остром ребре сосуда, находится ряд

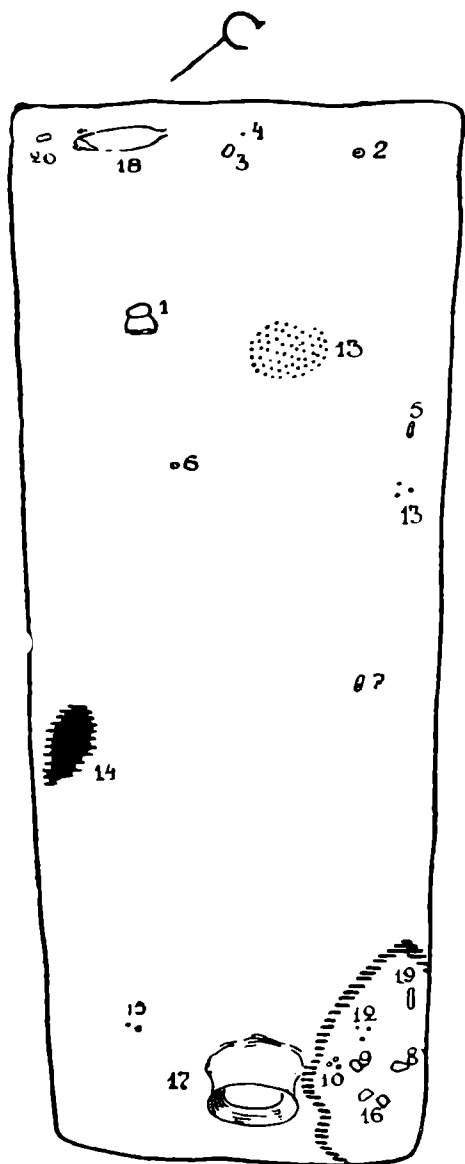

Рис. 7. Мало-Окуловский могильник. План погребения в кургане № 9.

№№ обозначают отдельные находки; 13 — следы тлена; 14 — углистое пятно.

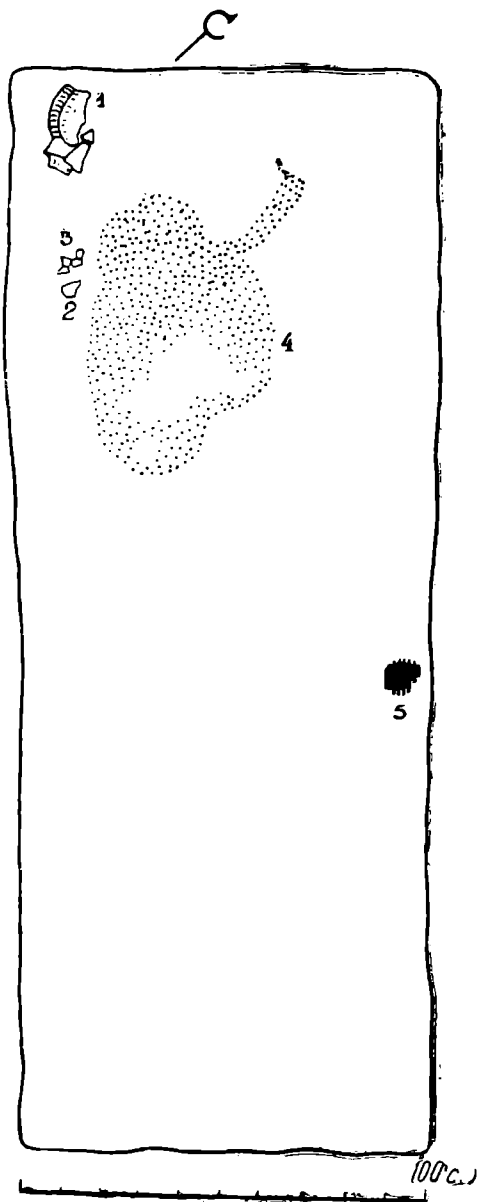

Рис. 8. Мало-Окуловский могильник. План погребения в кургане № 12.

1, 2, 3 — фрагменты керамики; 4 — темнокоричневое пятно с включениями мелкого угля; 5 — углистое пятно.

косых шнуровых вдавлениях. Диаметр горла 17 см, диаметр дна 9 см, высота 14 см, толщина шейки 5 мм, стенки — 6—7 мм, дна — 8 мм (рис. 4, а, б).

На глубине 1.50 м в северной части могилы обрисовалось темнокоричневое пятно неправильных очертаний с включением угля. Длина его около 0.70 м, ширина около 0.5 м. К западу от пятна лежало несколько мелких обломков глиняной посуды. В южной части могилы, около середины восточной границы, находилось небольшое углистое пятно. Никаких других находок в могиле обнаружено не было (рис. 8).

Таким образом, во время раскопок Мало-Окуловского могильника было вскрыто 5 погребений, причем в трех случаях удалось проследить хорошо очерченные могилы. Все три могилы имели вид удлиненного четырехугольника, вытянутого с севера на юг. Величина могил различная. В кургане № 1 могильная яма имела почти 2.5 м длины; ширина ее в южной части равнялась 0.93 м, в северной 1 м. В кургане № 9 могильная яма имела 1.95 м длины; ширина ее в южной части достигала 0.80 м, в северной — 1 м. В кургане № 12 могильная яма была длиной 2.70 м и шириной в южной части 1 м, в северной — 1.5 м. Все три могилы немного расширялись к северу. Сосуды располагались и в южной (курган № 1) и в северной части могилы (курганы №№ 2 и 12). В кургане № 9 один сосуд был в южной части могилы, другой — в северной. Относительно ориентировки костяков трудно сказать что-либо определенное, но, учитывая наблюдавшееся во всех трех случаях расширение могилы к северу, можно думать, что они лежали головой на север. находка бронзового ножа в северной части могилы кургана № 9 как будто подтверждает это предположение, так как в погребениях бронзовой эпохи ножи обычно находились в верхней части могилы.

О положении костяков, ввиду полного отсутствия костей человека, нельзя сказать ничего положительного. Длина могильных ям как будто свидетельствует о вытянутом положении умерших, но иногда могилы со скорченными костяками также имели значительные размеры.

Инвентарь погребений Мало-Окуловского могильника довольно беден; в большинстве могил при умерших находились лишь глиняные сосуды, и только в могиле кургана № 9 был обнаружен бронзовый нож. Из 11 глиняных сосудов, найденных в могилах и насыпях курганов, 4 имеют баночную и 7 острореберную форму.

Комплекс предметов из раскопок Мало-Окуловского могильника настолько своеобразен, что позволяет отнести их к определенному типу погребений эпохи бронзы.

Плоскодонные острореберные сосуды характерны для погребений в деревянных срубках, широко распространенных на юге России и в Поволжье. Сосуды баночной формы также встречаются при этом типе погребений. Характеризуя глиняную посуду из срубных погребений в Харьковской области (б. Изюмский у. Харьковской губ.), В. А. Городцов пишет, что большинство сосудов «является с острыми или слегка округлыми плечевыми выступами, и лишь небольшая часть их имеет баночную форму».¹

Небольшая примесь мелких комочков глины в глиняном тесте также характерна для посуды из погребений в срубках.

Относительно орнамента сосудов, найденных в погребениях срубного типа, В. А. Городцов в той же работе писал: «Орнамент часто совсем отсутствует. Когда же имеется, то состоит почти исключительно из городков, наносимых зубчатым чеканом или перевитой веревочкой или прочерченных острием».

В орнаментации сосудов из Мало-Окуловского могильника почти совсем не встречены узоры, состоящие из вдавлений зубчатого штампа, зато часто встречаются шнуровые узоры (из 10 орнаментированных сосудов 4 имеют лишь шнуровой узор и один — сочетание шнуровых вдавлений с резными линиями).

Шнуровой орнамент, типичный для погребений в катакомбах, в срубных могилах встречается сравнительно редко, хотя в указанной работе В. А. Городцова упоминается при одном из погребений в срубках сосуд, «отличающийся красивым веревочным орнаментом».

¹ В. А. Г о р о д ц о в. Материалы археологических исследований на берегах реки Донца Изюмского уезда Харьковской губ. Тр. XII АС, т. I, стр. 202.

Следы красной краски, которые можно было наблюдать на внешней поверхности одного из сосудов Мало-Окуловского могильника (погребение в кургане № 12), имеются также на поверхности сосуда из раскопок В. А. Городцова в б. Бахмутском уезде Екатеринославской губ. (Камышевский курган № 7, погребение 1-е).¹

Глиняные сосуды, аналогичные сосудам из погребений Мало-Окуловского могильника, имеются в экспозиции ГИМ среди других предметов срубной культуры. Так, сосуд из погребения в кургане № 2 Мало-Окуловского могильника аналогичен по форме сосуду из погребения 6-го в кургане 4 из с. Кайбелы б. Мелекесского у. Самарской губ. (зал 3, витрина 7). В той же витрине находится сосуд из коллекции Бурачкова (граница б. Херсонской и Таврической губ.) с орнаментом из зубчатых вдавлений, образующих сложный меандр, как на сосуде из насыпи кургана № 2 Мало-Окуловского могильника. Неорнаментированный сосуд из Мало-Окуловского могильника, на наружной поверхности которого имеются грубые вертикальные штрихи от заглаживания (насыпь кургана № 2), аналогичен сосуду из срубного погребения 3-го кургана № 10 у дер. Шпаковки Харьковской области, раскопанного В. А. Городцовым (зал 3, витрина 7). Наконец, небольшая банка из насыпи кургана № 9 Мало-Окуловского могильника по форме и по орнаменту подобна сосуду из раскопок В. А. Городцова 1925 г. у с. Кайбелы б. Мелекесского у. Самарской губ. Приведенных аналогий достаточно, чтобы установить сходство глиняной посуды Мало-Окуловского могильника и погребений в срубах на юге России и в Поволжье. Форма Мало-Окуловских сосудов и орнамент их, особенно обилие шнурового орнамента, заставляют относить их к ранней эпохе существования срубной культуры.

Плоский двулезвийный бронзовый нож из Мало-Окуловского могильника подобен бронзовым ножам из поздних погребений в катакомбах [например нож из курганов у гор. Новочеркаска, выставленный в 3 зале ГИМ, а также нож из раскопок В. А. Городцова в Изюмском у. (Тр. XII АС, т. I, табл. VI)].

Таким образом, анализ формы и орнамента сосудов и бронзового ножа из Мало-Окуловского могильника заставляет отнести последний к более ранним памятникам срубной культуры.

Ориентировка погребений Мало-Окуловского могильника, если считать доказанным, что умершие лежали головой на север, также является одной (правда, более редкой) из ориентировок погребений в срубах. Согласно диаграмме, приложенной к цитированной работе В. А. Городцова, господствует положение умерших головой на северо-запад и северо-восток, но есть небольшая группа погребений, ориентированных строго на север.

Существенным различием погребений Мало-Окуловского могильника и погребений срубного типа на юге России и в Поволжье является отсутствие срубов и каких-либо деревянных сооружений в курганах Мало-Окуловского могильника, а также размеры самих курганов.

Но сходство погребального инвентаря, особенно глиняных сосудов, настолько велико, что позволяет считать Мало-Окуловский могильник местным вариантом срубной культуры, одним из крайних пунктов ее распространения к северу.

¹ В. А. Г о р о д ц о в. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. Тр. XIII АС, т. I, стр. 237.

A. ZBRUEVA

LES TUMULUS DE MALOE OKULOVO

Résumé

Le cimetière à tumulus situé près du village de Maloe Okulovo (district de Murom, région de Gorkij) fut découvert en 1927 par un habitant du pays s'occupant d'études locales, I. Gusev. Le cimetière en question comprend 14 tumulus peu élevés ayant pris avec le temps une forme fortement étalée.

Des fouilles y furent exécutées en 1927—1928 par une mission de l'Institut d'Anthropologie de Moscou, qui explora 5 tumulus. Sous chaque tertre se trouve une sépulture. Les fosses funéraires sont nettement reconnaissables dans trois cas. Elles ont une forme rectangulaire allongée, orientée du nord au sud et légèrement élargie au nord. Il ne subsiste pas d'ossements humains dans les tombes.

Le mobilier funéraire consiste uniquement en vases d'argile et dans une seule sépulture, celle du tumulus № 9, on a trouvé en outre un couteau en bronze.

La forme et l'ornementation des vases d'argile ainsi que la forme du couteau permettent de rapporter ce monument à la fin de l'époque du bronze et de le considérer comme une variante locale de la culture dite des «tombes charpentées» représentant un des points extrêmes de son extension vers le nord.

В. И. СМЕРНОВ

ГОВЯДИНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Говядиновский могильник находится близ дер. Говядиново, расположенной в 1 км от правого берега р. Волги, под гор. Костромой. Могильник лежит на краю высокой 4-й волжской террасы, господствующей над поймой рек Костромы и Волги. Высота этой террасы над меженным уровнем р. Волги равна 43 м, что соответствует абсолютной высоте 120 м.¹ В своем основании терраса сложена валунным суглинком, местами покрытым крупнозернистыми песками. Расстилающаяся внизу Костромская впадина представляет собой низину, выработка рельефа которой закончилась ко времени неолита, на что указывает присутствие в этой пойме неолитических стоянок.

В 400 м к югу от дер. Говядиново терраса образует мыс. Этот песчаный мыс и был выбран местом для могильника (рис. 1). Вся терраса, за исключением неширокой кромки по краю, распахана. Внизу террасы также лежат поля.

На той же террасе расположены соседние фатьяновского типа могильники—Чижевский в 4.5 км, где при раскопках Костромской Архивной комиссии в 1893 г. найден был сосуд фатьяновского типа при обстоятельствах, оставшихся неизвестными, и Малышковский могильник в 2 км от дер. Говядиново, открытый в 1935 г. при прокладке насыпи для железнодорожного полотна. И тот и другой могильники, так же как и Говядиновский, удалены от реки: Чижевский — на 3 км от р. Волги, Малышковский — на 1 км (рис. 2).

В 1925 г. в ур. «Ямы» в песчаном карьере у дер. Говядиново, где брался песок при прокладке железной дороги, были найдены местными детьми два фатьяновских сверленных молотка. Один из них полированный фатьяновского лопастного типа с выпуклой полоской по длине его. В тыльной

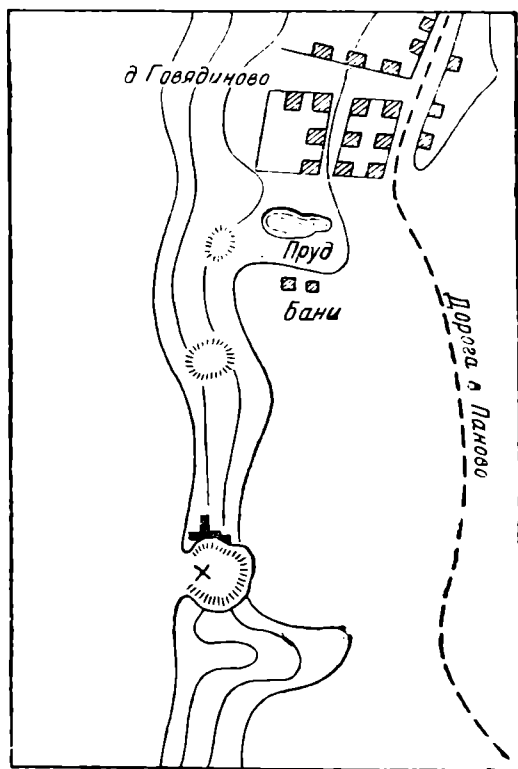

Рис. 1. Говядиновский могильник. Месторасположение (X).

¹ Н. Н. Соколов. О рельефе Костромского Поволжья. Тр. Почв. инст. им. В. В. Докучаева АН СССР, вып. 3—4, стр. 285—294.

части молотка заметный изгиб. Лезвие расширено и превосходно отточено. Длина молотка 18 см. Он прекрасной сохранности, без следов рабочего употребления (табл. I, 1). Подобные молотки найдены были в Фатьяновском и Великосельском могильниках.

Другой молоток меньших размеров (длина 12.5 см) с несколько расширенным лезвием. Сохранность хуже: видимо, он был испорчен после того, как его нашли, о чем свидетельствует свежесть отколов (табл. I, 2). Ближайший пункт находки топора аналогичного типа — у дер. Святое, в 3 км от гор. Костромы.

Позднее теми же ребятами были выкопаны два цельных глиняных сосуда, из которых один распался, когда его вынимали, другой был разбит уже впоследствии. Часть черепков от этих горшков ребята разыскали и передали нам.

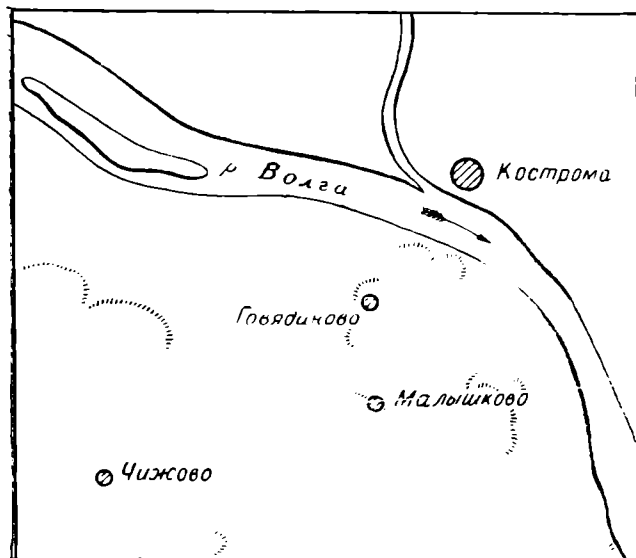

Рис. 2. Фатьяновские могильники близ гор. Костромы.

Костромским Государственным музеем производилось обследование памятника (одно время при участии А. А. Спицына). Был перебран песок осыпи, прорыта в самой яме траншея (длина 4 м, ширина 1.5 м, глубина 2.2 м) и две траншеи общей площадью 18 кв. м в северном направлении от ямы. Работы, вследствие небольшого размера произведенных раскопок, далеко не выяснили всей картины. Цельного погребения не удалось встретить. Оказалось, что могильник, заключавший, вероятно, не одно погребение, совершенно разрушен работами по выемке песка для железной дороги, захватившими площадь в 1500 приблизительно метров. На месте могильника, помимо этого, несколько лет тому назад было скотское кладбище. Наконец, раскопки местных ребят внесли новый хаос, довершив порчу памятника. Несмотря на это, работы Музея дали довольно интересный материал по Фатьяновской культуре и выяснили наличие следов еще двух культур на том же месте.

Фатьяновская культура Говядиновского могильника представлена немногими предметами. Кроме указанных выше молотков, во время работ завода силикатного кирпича в 1936 г. был найден еще молоток, совершенно подобный описанному ранее второму молотку (табл. I, 3), только лезвие расширено у него больше, а размеры самого молотка несколько меньше (длина 10.5 см). В песчаной осыпи на глубине 2.80 м от поверхности (от линии почвы до выемки здесь песка для железной дороги) найден был при раскопках Музея кремневый шлифованный топорик-клин обычного фатьяновского типа с прекрасно заточенным острием (табл. I, 4). Длина его 9.5 см. Он найден при перекопке песка осыпи в том месте, где, по словам ребят, найдены были два горшка. Здесь встретились также фрагменты горшка с ромбическим орнаментом по краю, который распался, когда его вынули ребята (табл. II, 6), и черепки других культур. Можно думать, что все эти предметы найдены уже не *in situ*; они, видимо, сползли по осыпи с более высоких горизонтов.

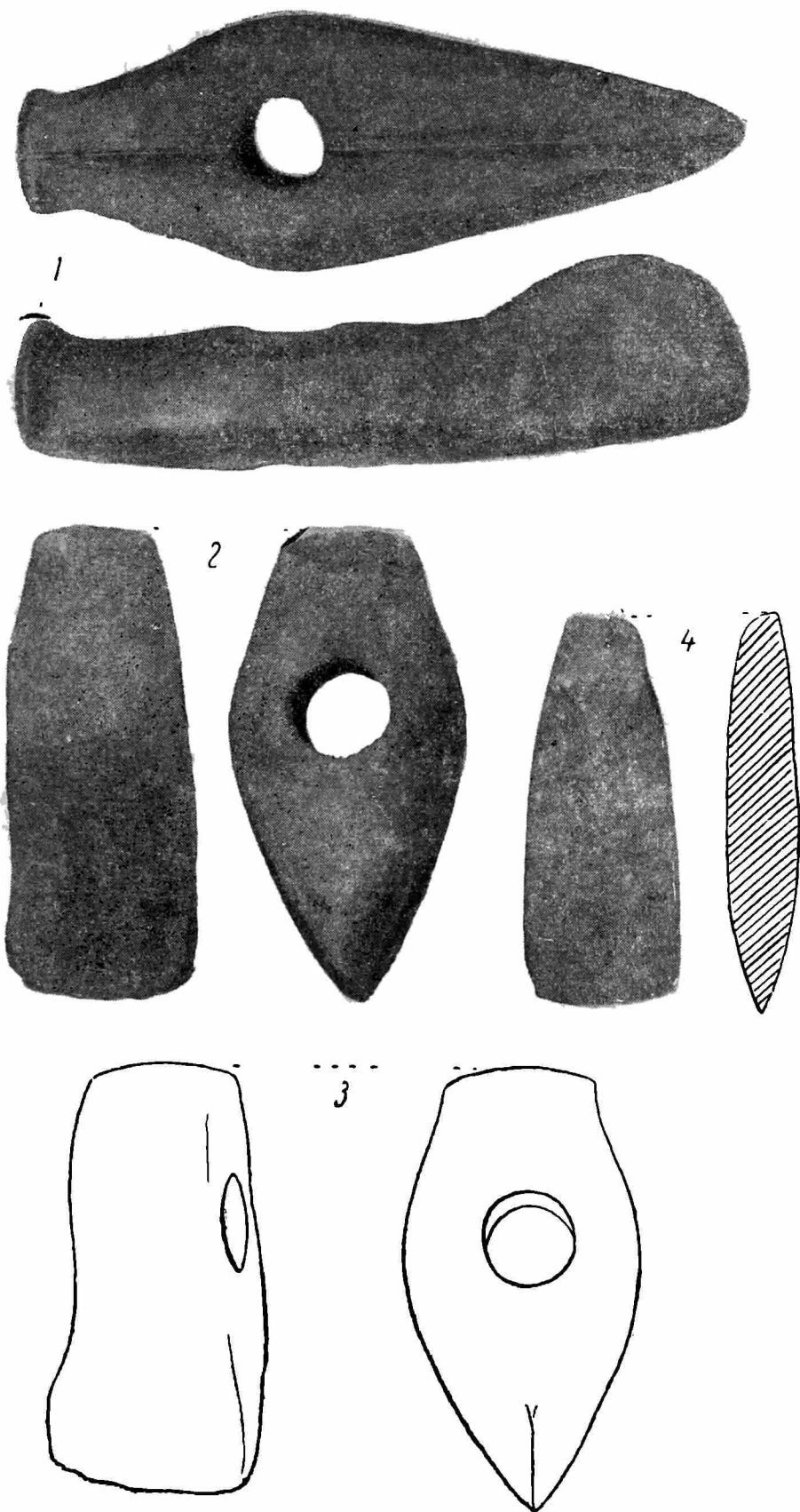

Табл. I. Находки Говядиновского могильника.

1—3 — сверленые полированные молотки фатьяновского типа; 4 — кремневый шлифованный топорик-клин фатьяновского типа.

Ниже в песчаной осыпи была найдена часть «жерновка» из светлого гранита. Он представляет собой часть округлой плитки, 16 см в диаметре,

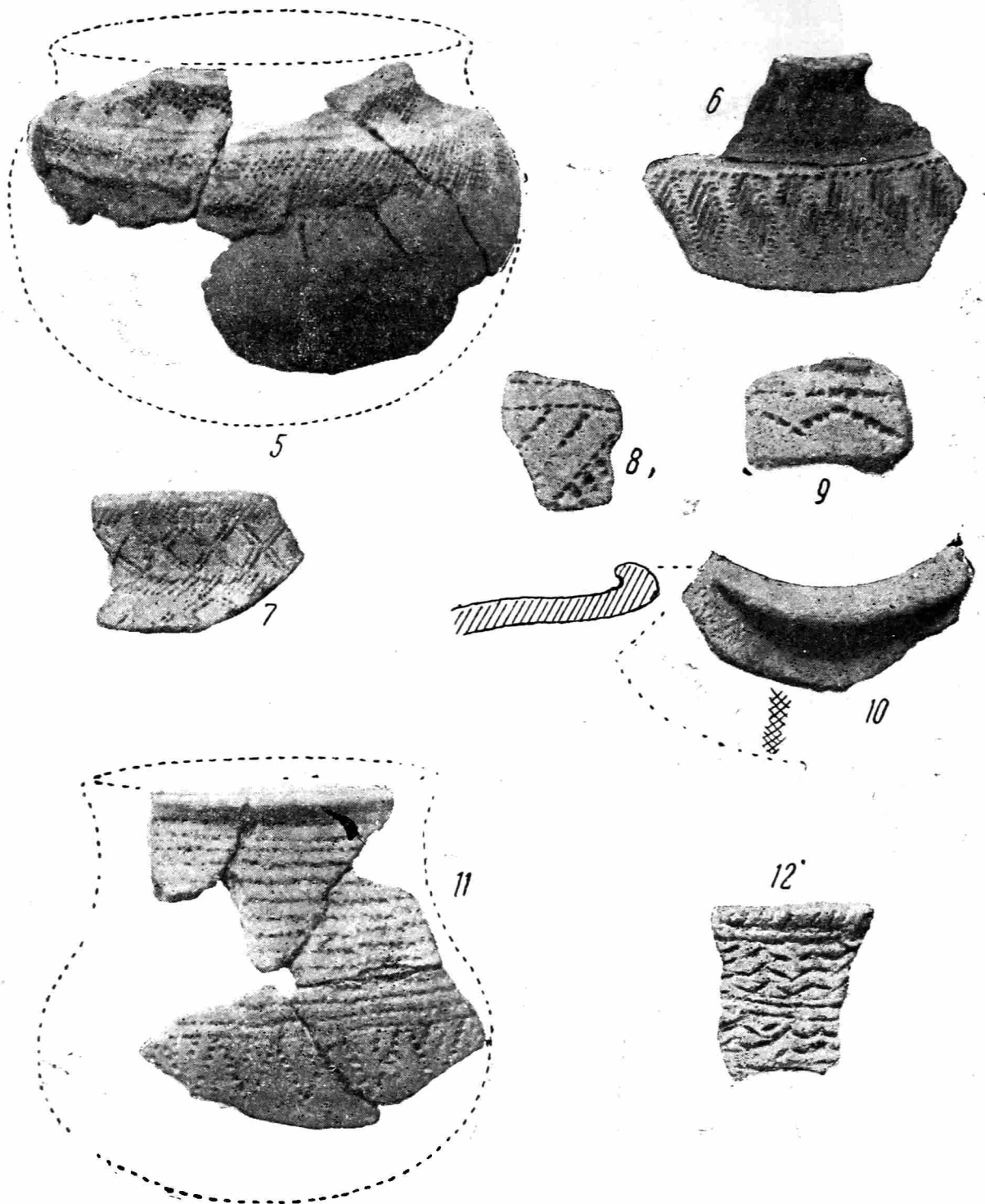

Табл. II. Керамика фатьяновского типа из Говядиновского могильника.

зашлифованной с одной стороны и несколько выпуклой [с другой]. Мы не можем утверждать, что этот жерновок относится к культуре могильника. Среди изящных фатьяновских предметов обломок жерновка выглядит необычным. Может быть, его следует отнести к одной из верхних культур, залегавших над могильником.

В северной стороне от ямы в обресе заложеной здесь траншеи было подмечено едва заметное для глаза коричневатое пятно — след ямы в 80 см шириною. На глубине 70 см от поверхности было обнаружено захоронение козленка. Обращаем внимание на то, что как раз в этом горизонте попадаются черепки второй культуры, о которой будет сказано ниже.

Найденная фатьяновская керамика принадлежит нескольким сосудам — во всяком случае не менее семи. Три из них представляли собой типичную фатьяновскую шарообразную тонкостенную посуду, богато орнаментированную неглубокими вдавлениями зубчатых штампов, образующих главным образом цепь ромбов и полосок. Насколько удастся восстановить по небольшим фрагментам, размер их был приблизительно следующий: высота 9 см, диаметр горла 9 см, диаметр наиболее широкой части (середины горшка) 11 см. Толщина стенок 3—5 мм. Посуда производит впечатление лощеной (табл. II, 5, 6, 7). Подобную керамику дали Великосельский и Чуркинский могильники.¹ К этому типу керамики относится еще несколько мелких обломков (табл. II, 8, 9).

Одновременно с этими черепками были встречены фрагменты горшка иного вида, также шарообразного, но без шейки, с отогнутым наружу венчиком, сравнительно толстостенного и с бедным орнаментом у венчика в виде пересекающихся коротких наклоненных в разные стороны линий. Насечка выполнена очень тонким инструментом. Толщина стенок 6—9 мм (табл. II, 10). Такие сосуды встречаются в Фатьяновском и некоторых других могильниках. Отметим кстати, что у сосуда из Чижовского могильника, имеющего аналогии также в сосудах Фатьяновского могильника, довольно высокая шейка.²

В Говядинове были найдены остатки еще одного горшка с иным профилем и орнаментом (табл. II, 11). Горшок сделан из той же массы, как и тонкостенные шарообразные сосуды. Он имеет удлиненное горло, сплошь покрытое орнаментом. Последний производит впечатление шнурового, хотя он выполнен зубчатым штампом. Ниже, на плечике, нанесены тем же штампом мыски или зубцы остриями вниз. Может быть, подобному же сосуду принадлежал еще один поднятый черепок (табл. II, 12).

По принципу орнаментации этот сосуд напоминает шнуровую керамику, главным образом, Северной Европы. Аналогии встретим среди южноскандинавского неолита и среди материалов так наз. «одинокых могил». Необходимо заметить, что в целом ряде фатьяновских могильников Московской области, открытых в последние годы, также встречена керамика со шнуровым орнаментом.

При расчистке осыпи ямы и дальнейших раскопках ее северного борта мы встретили керамику еще двух культур. В обресе борта ямы и в траншее ясно выступили два культурных слоя. Один из них проходил на глубине 60—70 см от поверхности едва заметным коричневатым слоем не более 10 см мощности. Он содержал интересную штриховую и сетчатую керамику. Другой слой, темносерый, залегал сверху по всему северному краю ямы, сразу под дерновым слоем разной мощности — от 45 до 60 см и глубже, — с неорнаментированными черепками грубой посуды.

Керамика второго слоя, проходящего в горизонте на глубине 60—70 см, могла залегать над Фатьяновским могильником, если захоронение здесь было ниже, так как в песчаной осыпи, где найдены были предметы Фатьяновской культуры, было поднято значительное количество черепков культуры второго слоя. Отметим, однако, что в самом Фатьянове были вскрыты не-

¹ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, т. V, вып. I. СПб., 1903.

² Издан там же, стр. 89.

которые могилы на глубине 70—80 см. Керамика второго слоя Говядинова представлена несколькими видами.

1. Сосуды, сплошь заштрихованные беспорядочно расположенными полосами неглубоких штрихов с поясками редких ямок и несложным зубчатый орнаментом. Ямки наносились поочередно снаружи сосуда и изнутри. Один из таких сосудов удалось реставрировать (табл. III, 13). Сосуд круглодонный с широким горлом и едва выпуклыми боками. В глиняной массе — заметное количество дресвы. Высота сосуда 20 см, диаметр горла 20 см; толщина стенок 6 мм. Помимо трех полосок ямок, сосуд под шейкой украшен тройной полоской мысков, выполненных зубчатым штампом. Некоторые сосуды этого типа, судя по отдельным черепкам, имели большие размеры (табл. III, 14). Нам кажется, что весьма близкую аналогию этим сосудам представляют сосуды липкинской стоянки, исследованной А. В. Збруевой.¹

2. Сосуды с глубокой штриховкой (табл. III, 15) из такой же массы. Отдельные фрагменты не дают возможности судить о форме сосудов.

3. Сетчатые сосуды из такой же массы, также с редкими рядами ямок. Необходимо заметить, что сетка сосудов Говядинова иная, нежели сетка плоскодонных сосудов ближайших городищ и стоянок (табл. III, 16). Мы полагаем, что сетчатые сосуды Говядинова были тоже круглодонные, по крайней мере обломков плоских днищ не найдено. Представляется вероятным, что сетка наносилась также каким-то штампом.

4. Небольшие сосуды, чаще с отогнутым несколько наружу венчиком, как и у сосудов со штриховым орнаментом. Верх венчика этих сосудов орнаментирован зубчатым редким штампом, ниже располагается ряд редких ямок, также чередующихся снаружи и изнутри. В последнем случае на внешней стороне сосуда образуются выпуклости. Ямки не конические. Некоторые сосуды украшены еще угловатыми вдавлениями, вытянутыми сверху вниз, расположенными группами или рядами (табл. III, 17, 19). У других сосудов мы видим различные комбинации зубчатого орнамента (табл. III, 20, 21, 22).

Второй культурный слой в некоторых местах перекрывается верхним культурным слоем, когда последний спускается глубже этой линии. Близ самой осыпи, в начале траншеи, на глубине 80 см от поверхности, в темном пятне верхнего культурного слоя был найден толстый черепок с ямочным и тонкозубчатым орнаментом, изображенный на табл. III, 18. Мы отнесли бы его к керамике второго слоя.

Вся описанная керамика второго слоя тождественна с керамикой стоянки у дер. Овинцы, расположенной на сухой песчаной террасе в бассейне р. Костромы, так же вдали от самой реки. Такая же керамика встречается на другой стоянке в той же пойме — у оз. Стойка близ с. Саметь.

Размеры площади, занятой второй культурой, невелики. Площадь, вероятно, совпадает с площадью самого могильника. По крайней мере далее пункта погребения козленка (примерно около метра от обрыва осыпи) ни в траншеях, ни в шурфах, сделанных в разных местах по площади, следов этой культуры не было встречено.

Отношение культуры второго слоя Говядинова к культуре могильника еще не ясно. Представляет ли эта культура дальнейшее развитие Фатьяновской, или она не связана с нею последовательностью, — это могут выяснить только дальнейшие исследования как могильников фатьяновского типа, так и стоянок с культурой второго слоя Говядинова.

Каким образом мог оказаться второй культурный слой погребенным на указанную глубину? Если мы не имеем здесь дела с погребением в искус-

¹ А. В. Збруева. Der Wohnplatz von Lioki. ESA, Helsinki, 1929, IV, стр. 102—115.

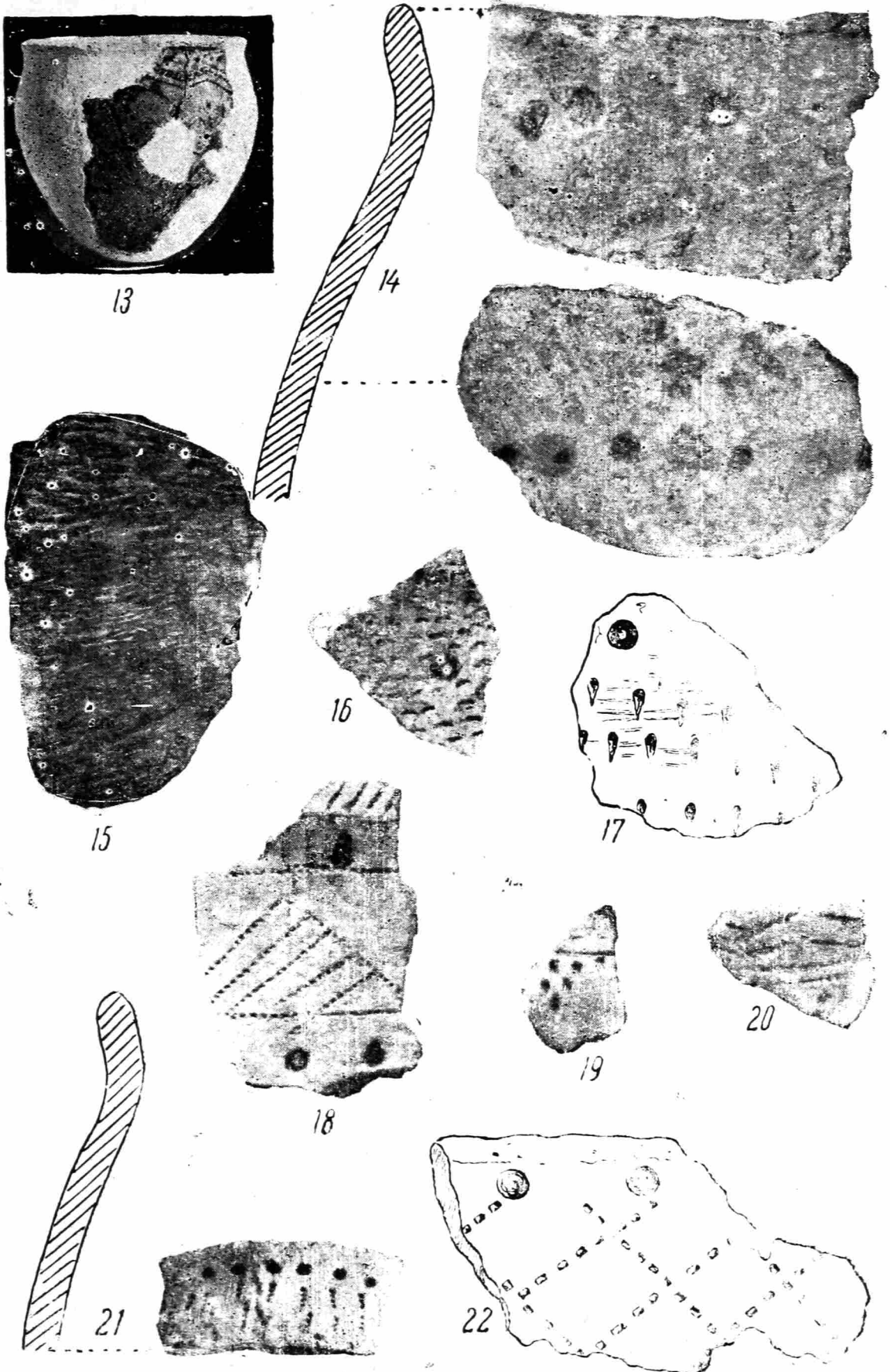

Табл. III. Керамика фатьяновского типа из Говядиновского могильника.

ственно вырытой яме, это могло быть в результате эоловых и денудационных процессов, вследствие сползания песка с вышележащих полей и даже с более высокой террасы. Принимая такое объяснение данного явления, найденное захоронение козленка в яме, профиль которой прослеживается на стенке траншеи, приходится относить к более позднему времени, нежели время культуры второго слоя. Возможно, могильник когда-то был превращен в скотское кладбище. Мы уже упомянули, что здесь встретили совсем недавнее захоронение свиньи.

Верхний культурный слой, залегающий над могильником, представлен массой грубых черепков плоскодонных сосудов почти сплошь без орнамента. На одном из черепков по загнутому венчику имеется несложный орнамент косой насечкой. В этом слое найдены были: кончик железного серпа на глубине 45 см от поверхности, железное шило (47 см глубины), два зуба лошади, горелые кости, обожженные колотые камни и угли. Был обнаружен большой очаг или яма кострища длиной до 3 м при ширине несколько более метра. Черно-зольный слой очага, чередующийся с более светлыми прослойками, залегает на глубину 150—170 см от поверхности. Внизу в очаге лежали 7 больших камней, сильно закопченных, имеющих в диаметре от 25 до 40 см.

Надо думать, что эта верхняя культура представляет следы весьма интересного мерянского селища, так как селищ до сих пор в крае не раскапывалось, но ничего общего с культурой Фатьяновского могильника не имеющего. Площадь, занятая селищем, простирается в направлении к деревне на 200 м, как это было выяснено посредством шурфов.

Что же дает самый могильник для выяснения проблемы Фатьяновской культуры? Высокая художественная керамика, изящная, тонкая и точная обработка камня не оставляют сомнения, что это культура оседлого населения. Как уже было указано, для подобного рода памятников,¹ расположение Говядиновского и соседних Чижевского и Малышковского могильников вдали от реки на высокой террасе говорит о том, что хозяйство фатьяновского времени было иным, нежели в эпоху неолита, стоянки которого располагались в низине, близ рек и озер. Несмотря на сомнительность принадлежности «жерновка» и остатков козленка фатьяновскому времени, мы считаем, что фатьяновскому человеку известно было земледелие и скотоводство. Это не значит, что фатьяновцы не занимались также охотой и рыбной ловлей. Обильная рыбой и птицей пойма рек Волги и Костромы несомненно эксплуатировалась в этом отношении, о чем свидетельствуют находки керамики в верхних слоях приозерных смежных стоянок, например, «Борань» — керамики, весьма близкой к фатьяновской.

V. SMIRNOV

LE CIMETIÈRE GOVIADINOVO

R é s u m é

Le cimetière se trouve près du village Goviadinovo à 1 km de la rive droite de la Volga, non loin de la ville Kostroma. Grâce à des travaux de recherche on y a découvert les restes de trois cultures: la culture Fatianovo, à laquelle se rapporte le cimetière même, et encore deux autres. L'une d'elle est représentée par des restes trouvés dans la couche

¹ О. Н. Б а д е р. Лихачевский могильник. Сов. археология, II, 1937, стр. 19—38.

située au-dessus du cimetière à la profondeur de 115—156 cm, la seconde au-dessous du cimetière à la profondeur de 60—70 cm.

La couche supérieure contient des traces d'une station slave, qui n'a aucun trait commun avec la culture du cimetière. La seconde couche porte des indices d'une culture ressemblant par sa céramique à la culture de la station près du village Ovinen dans le bassin de la rivière Kostroma et à la culture du lac Stojka près du village Samet de la même région. Le rapport qui peut exister entre cette seconde culture de Goviadinovo et la culture du cimetière est un problème peu clair et qui reste à résoudre.

Quant au cimetière lui-même, il se rapporte à la culture dite Fatianovo et il la caractérise comme celle d'une population sédentaire et dont l'économie est autre que celle de la période néolithique. La preuve en est la disposition du cimetière: il se trouve sur une haute terrasse à une grande distance de la rivière, tandis que les stations néolithiques au contraire sont toujours placées près des rivières et des lacs.

Ce qui distingue encore cette culture Fatianovo de la culture néolithique ce sont sa céramique et ses outils en pierre, finement travaillés.

Les matériaux des fouilles du cimetière de Goviadinovo permettent de caractériser la culture Fatianovo, comme la culture d'un peuple, dont les principaux moyens d'existence étaient l'agriculture et l'élevage.

К. В. САЛЬНИКОВ

ГОРОДИЩЕ „ЧУДАКИ“ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО РАСКОПКАМ 1937 г.

В 2.5 км к ССЗ от с. Горохова Юргамышского района Челябинской области расположено городище, известное у местных жителей под названием «Чудаки», или «Городок». Городище хорошо знакомо старшему поколению жителей окрестных сел и деревень, так как площадь городища, представляющая собой большую поляну среди леса, раньше использовалась крестьянами для гулянья, игр, борьбы, устраивавшихся здесь ежегодно на третий день «Троицы», в традиционный сельский праздник.

Из археологов первым его отметил еще Р. Г. Игнатьев.¹ Включено оно и в «Сведения 1873 г. о городищах и курганах», опубликованные А. А. Спицыным.² Но описания Р. Г. Игнатьева и «Сведения» не дают представления о действительном виде городища.

В 1937 г. по поручению Челябинского областного музея оно было мною обследовано; кроме того, здесь была произведена небольшая раскопка.³

Городище расположено на высшей точке 20-метровой возвышенности, которая ограничена с С и Ю логами, спускающимися к З. Вершины этих логов частично охватывают городище и с восточной стороны, где возвышенность имеет едва заметный склон. Северо-западный крутой склон возвышенности переходит в долину, по которой протекает ручей Падун, впадающий в р. Юргамыш. Последняя находится метрах в 700 к ЮЗ от городища.

Склоны логов и площадь к востоку от городища, а также рвы и отчасти валы покрыты сосновым лесом с редкими березками. Свободны от леса двор городища и небольшие полянки, расположенные вне валов к В и Ю от городища.

Собственно городище имеет неправильно-овальную форму и окружено рвом, идущим не по окружности, а уступами, придающими городищу вид многоугольника (рис. 1). По обе стороны рва насыпаны небольшие валы, высотой в среднем 50 см, при ширине 7—10 м. Благодаря тому, что валы насыпаны с обеих сторон рва, последний кажется более глубоким, достигая местами глубины 2 м, считая от высшей точки более высокого вала. В различных пунктах наиболее высоким является то внешний, то внутренний вал. Ширина рва (от вершины одного вала до вершины другого) 12—16 м.

На СЗ и З, где валы помещаются на начинающемся склоне возвышенности, внешний вал часто не отличим от естественного склона, сливаясь с последним.

¹ И. А. К а с т а н ь е. Древности Киргизской степи и Оренбургского края, стр. 25.

² ИАК, вып. 5.

³ В работах участвовали также сотрудники Челябинского музея П. В. Мещеряков, А. Я. Крымский и краевед В. А. Королев.

С ЮВ во двор городища ведут ворота, шириной 6 м, представляющие собой разрыв в валах и перемышку по рву. В северо-западной части через ров заметен переход, который едва ли является остатком ворот, а скорее следом выхода к ручью, протекающему в логу с этой стороны городища. Такой же небольшой переход имеется в юго-западной части — в точке, ближайшей к р. Юргамыш.

Несколько отступя к В от середины южной стороны, извне от городища отходит такого же рода пара валов со рвом между ними, лишь меньших размеров. Эти валы и ров, — также зигзагообразно, шестью уступами, образуя незаконченный полукруг (вернее, многоугольник), — прирезают к городищу дополнительную площадь приблизительно в 2300 кв. м — «юго-восточную слободу». Восточная сторона этой слободы прилегает к воротам городища и остается незащищенной валами и рвом. На

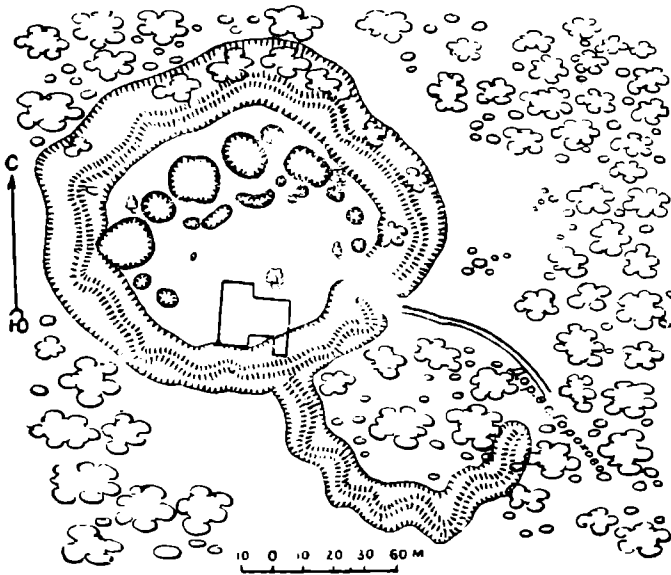

Рис. 1. Городище «Чудаки». Общий план.

площади двора городища насчитывается до 20 ям, от незначительных впадин, глубиной 30—40 см при диаметре 2.5 м, и до больших, глубиной свыше 1 м при диаметре до 16 м. Ямы расположены по окружности городища, местами непосредственно примыкая к внутреннему валу (рис. 1). Самый же центр двора представляет собой абсолютно ровную площадку. Такого же рода ямы замечены и вне валов — на площадках, примыкающих к городищу с СВ — «северо-восточная слобода» и Ю — «южная слобода». Площадки двух последних слобод также почти свободны от лесной растительности.

Площадь собственно городища, «двора» определяется ориентировочно в 7000—7500 кв. м, а вместе с тремя окружающими его слободами площадь всего поселения достигает приблизительно 20 000 кв. м. Вся поверхность, включая и ямы, плотно задернована. Наличие культурного слоя было обнаружено лишь после заложения шурфа. Первый же шурф в южной части двора городища, размером 2 × 2 м, дал многочисленные находки: 334 обломка костей животных и 4 черепка с примесью талька.

Здесь же заложен раскоп I, площадью в 144 кв. м, позднее расширенный прирезкой к нему раскопа II, площадью в 200 кв. м, и проведением через внутренний вал траншеи, шириной в 4 м и длиной в 6 м, с небольшим останцем в ней. Вся вскрытая площадь равна 364 кв. м (рис. 1). Культурный слой залегал сразу же под дерном с глубины 10—15 см и имел мощность до 20 см.

Стратиграфический разрез на площади городища дает такую картину:

дерн толщиной	. 10—13 см
чернозем	12—20 »
чернозем с примесью «орешника» (известковый гравий)	. 10—13 »
ниже суглинок с «орешником».	

Культурный слой пронизывает чернозем, начинаясь сразу же под дерном и оканчиваясь или в самом нижнем горизонте чернозема или на слое чернозема с «орешником». В самостоятельный слой он не выделяется.

В центральной и южной частях раскопов в грунтовом суглинке оказалось несколько углублений, в которых культурный слой залегал непосредственно на суглинке. Таких углублений расчищено четыре. Самое большое оказалось в центральной части раскопа I и имело корытообразную форму. К С и В оно, полого повышаясь, незаметно сливается с окружающей площадкой; к Ю углубление уходит под неснятую часть вала, а западная граница его в южной своей части представляет собой отвесную стенку высотой (до уровня зачистки) около 40 см, причем к С высота стенки уменьшается и, наконец, сходит на нет.

К 3 от этого углубления расположены в ряд одно за другим три меньших, неправильно-овальной формы, размером: 2.2×2 м, 1.75×1.25 м и 1×0.75 м, глубиной до 80 см от современной поверхности.

Помимо того было расчищено 4 очага, и 2 очага начали обнаруживаться в юго-восточных и юго-западных углах раскопа II. Поскольку последние уходили под стенку, от расчистки их за недостатком времени пришлось отказаться, и эти части раскопа в целях предохранения от разрушения снова были засыпаны.

Расчищенные очаги представляют собой грудки золы, толщиной 8—12 см, площадью 60×60 , 90×90 , 115×65 см, залегающие на слое чернозема, толщиной 7—15 см. Никаких сооружений, даже ямок у очагов нет. Наоборот, они несколько возвышаются над окружающим полом (рис. 2 и 3).

Площадь раскопов была подвергнута повторной тщательной зачистке ввиду возможного наличия здесь ямок от столбов жилых сооружений. Предварительно же по зачистке раскопа I была проведена нивелировка в трех направлениях (рис. 4 и 5 А — В, В — Г, Д — Е), так как повторная зачистка, снимавшая некоторую толщу грунтового суглинка, искусственно углубила бы зачистившиеся в грунте выемки.

Ямок от столбов на площади раскопов обнаружено 92, глубиной от 8 до 58 см (от уровня зачистки), диаметром от 15 до 50 см. Но основная масса ямок имела глубину 20—30 см и диаметр 20—25 см. Форма некоторых ямок не оставляла сомнения, что в них помещались наклонные подпорки.

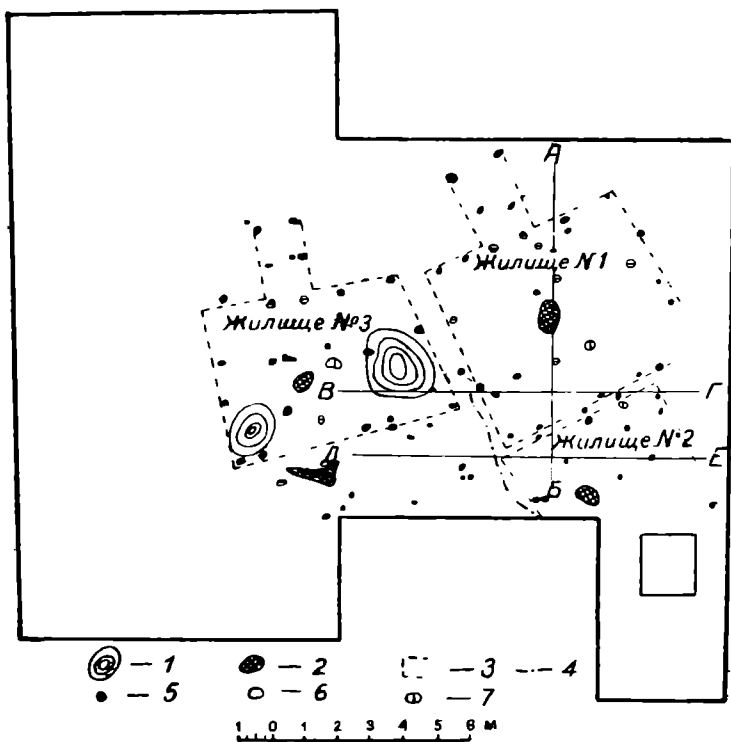

Рис. 2. Городище «Чудики». План раскопа.

1 — углубления в полу жилища; 2 — очаги; 3 — предполагаемые границы жилищ; 4 — западная стенка выемки в грунте; 5 — ямки от столбов глубиной до 30 см; 6 — ямки глубиной 30—45 см; 7 — ямки глубиной 45—60 см.

В нескольких ямках сохранились гнилушки, большинство же заполнял культурный слой с отдельными находками костей и поделок.

Соотношение очагов, углублений в грунте и расположение ямок от столбов дают достаточно оснований для конструкции плана жилищ (рис. 2).

Полностью восстанавливается план двух жилищ и частично третьего. В плане жилища имеют очертания неправильного прямоугольника площадью 35—40 кв. м с узким коридором-входом, шириной 1.5 м при длине

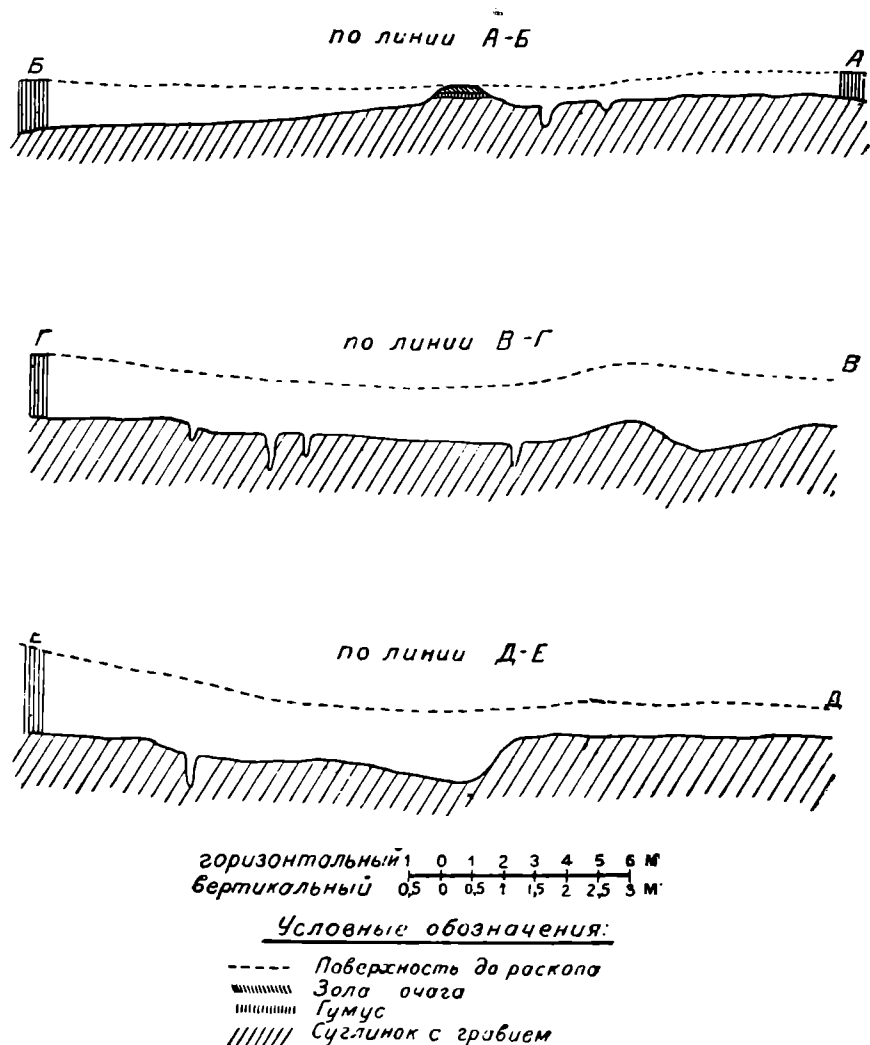

Рис. 3. Городище «Чудаки». Профили раскопа I.

2.5 м. Вертикально стоявшие столбы, ямки-гнезда когорых зафиксированы при раскопке, ограничивают жилище извне, являясь стойками стен. Другая часть столбов, расположенная внутри строения, служила, вероятно, для укрепления нар, шедших вдоль задней и боковых стен, и для поддержания крыши. Подпорками для крыши, всего вероятнее, являлись столбы центральной части жилища, окружавшие очаг. Пол жилища несколько углублялся в землю (рис. 3). Привлекая этнографический материал, можно довольно ясно представить себе как внутренний, так и внешний вид жилища и его конструкцию.

Близкими по конструкции являются жилища гиляков.

Зимнюю юрту гиляков Шренк описывает так:

«Земляная юрта, ториф гиляков, построена совершенно наподобие палатки; она, собственно, не что иное, как палатка более или менее про-

сторная, прочная, наполовину опущенная в землю и покрытая балками. Если нужна большая юрта, роют в земле яму около 20—22 футов в квад-

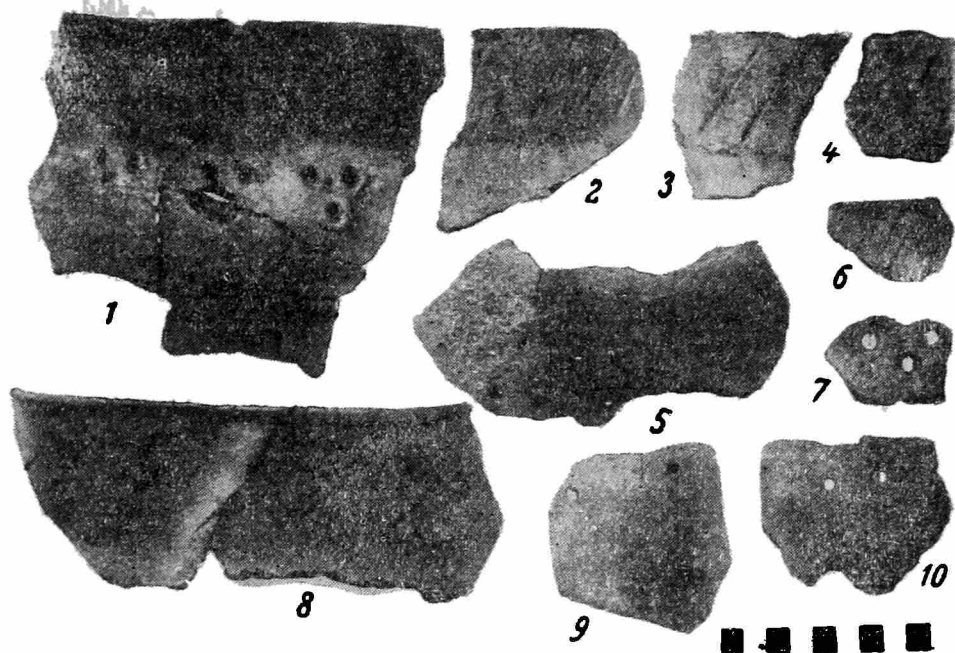

Рис. 4. Городище «Чудаки». Керамика.

рате и приблизительно 3—4 фута глубины; стены ее сглаживаются и даже, по крайней мере в верхней части, обкладываются тонкими бревнами. Над этой ямой сооружается пирамидальная крыша, равномерно наклонно поднятая со всех сторон; эта крыша состоит из тонких, тесно друг к другу

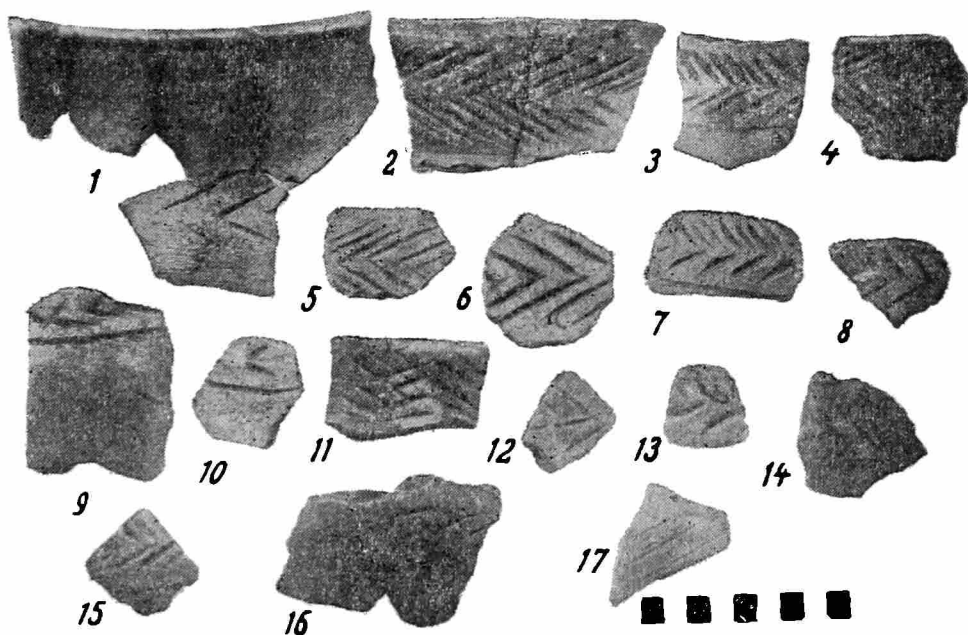

Рис. 5. Городище «Чудаки». Керамика.

приставленных бревен, лежащих на четырех поперечных балках, которые в свою очередь поддерживаются находящимися внутри юрты четырьмя подпорками. Только на самом верху крыши оставляется отверстие, служащее вместо дымовой трубы. Снаружи крышу покрывают еще сухой тра-

вой и земель, чтобы сделать ее совершенно непроницаемой для воздуха. Когда осенью на нее ляжет снег, вся юрта имеет вид покрытого снегом холма, слегка почерневшего на верхушке от выходящего дыма. На той стороне юрты, которая противоположна господствующим ветрам или вообще лучше защищена от ветра, находится вход. Но он ведет не прямо в юрту, а сначала в довольно узкий, низкий проход, также покрытый тонкими балками или сучьями и сухой травой; по обеим сторонам его поставлена некоторая домашняя утварь и устроено убежище для собак. В конце этого прохода находится дверь, которая, как обыкновенно, ходит вертикально на петлях, или состоит из горизонтально положенной доски, отодвигаемой в сторону. Непосредственно за нею ведут вниз несколько ступеней на плотно утрамбованный земляной пол юрты. Внутри юрты, по обе стороны и сзади, между подпорками и земляной стеной, тянется, приблизительно $1\frac{1}{2}$ ф. высоты и 5—6 ф. ширины, скамья для сиденья и спанья, притша, которая прерывается только в обоих задних углах юрты. Эти углы так же, как и передние, большею частью закруглены и служат для установки различной утвари, ящиков и сундуков, ручных саней и т. д. Среди юрты, между тремя притшами и на расстоянии около 3 ф. от каждой находится очаг, платформа фута в три ширины и вдвое длины, одной высоты со скамьями. Она очень простого устройства: деревянная, сбита из досок рама, наполненная плотно утрамбованной землей... Наверху, как раз над очагом, находится дымовая труба в виде удлиненного четырехугольника, который своим поперечным диаметром в длину или соответствует очагу, или поставлен немного наискось против него». ¹

Нам представляется, что описанные Морганом дома северо-американских индейцев-манданов также очень близки по конструкции с жилищами городища «Чудаки», хотя и имеют другой план.

По словам Моргана, имевшего возможность в 1862 г. видеть развалины незадолго перед тем покинутой деревни манданов и вычертить план и разрез дома на основании лично им сделанных измерений, жилища манданов выглядели следующим образом. ²

«Диаметр домов доходил иногда до 40 футов, а пол был устроен на один фут слишком ниже поверхности земли. Высота дома составляла шесть футов по линии стены и 12—15 футов в центральной части. В землю врывалось по окружности круга и на равном расстоянии друг от друга 12 столбов в 6—8 дюймов в диаметре и около 6 футов высоты. Столбы соединялись вилообразными связями, врубленными в концы, и вся постройка получала, таким образом, форму многоугольника. Столбы и связи прочно укреплялись наклонными подпорками, врытыми в землю на расстоянии около 4-х футов. Между ними укладывались доски под таким же наклоном, и получалась деревянная стена, окружавшая все сооружение. В середине стояло четыре круглых столба в 6—8 дюймов в диаметре и 10—15 футов высоты, врытых в землю квадратом на расстоянии 10 футов друг от друга и точно так же соединенных вилообразными деревянными связями.

От наружной стены к связям шли балки толщиной в три-четыре дюйма, уложенные настолько тесно, чтобы крыша могла выдерживать давление лежащего на ней слоя земли. Этот скат покрывался ивовой корой, поверх которой делалась травяная настилка, которая заваливалась землей. В центре оставалось отверстие приблизительно в четыре фута в диаметре для выхода дыма и пропуска света. Внутри дом был просторен и довольно светел, хотя свет мог проникать только через щель в крыше и через единственный вход, который был устроен по системе так называемых эскимосских дверей.

¹ Г. Шурц. История первобытной культуры, вып. II. М., 1923, стр. 472—473.

² Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 85—86.

Это был навес в пять футов ширины, десять-двенадцать футов длины и примерно шесть футов высоты, сделанный из бревен и заваленный землей».

Жилища городища «Чудаки» имеют много общих черт с домами гиляков и отчасти домами манданов. Здесь мы видим тот же вход — коридор, несколько углубленный в землю пол, даже по глубине совпадающий с полом домов манданов: там глубина 1 фут, здесь 40—50 см. Основой стен являются в обоих случаях вертикально врытые в землю бревна, диаметром 20—25 см. Сами стены жилищ на городище, вероятно, также состояли из прикрепленных снаружи горизонтальных бревен или плах. Плетневые стены в этой, достаточно богатой лесом, местности маловероятны. В пользу же горизонтально положенных бревен говорит факт находки небольшой гнилушки, шедшей вдоль западной земляной стенки жилища № 1. Крыша, надо полагать, была коническая же из бревен, опиравшихся одним концом в перекладины на ственных столбах, а другим — в перекладины на центральных столбах, окружающих четырехугольником очаг в середине жилища и образующих дымоход. Характерно, что большинство наиболее глубоких ямок расположено или у очага или у входа из коридора в жилище. Из 92 ямок мы имеем только 18 ямок глубже 30 см и из них 11 являются или центральными подпорками крыши, расположенными вокруг очагов, или «косяками» внутренних дверей (рис. 2). Снаружи стены и крыша, наверное, покрывались для тепла землей.

Бесспорным и наиболее выдержанным, по нашему мнению, является план жилища № 1. В этом помещении вдоль задней и восточной стенки, а также в углу слева от входа были, видимо, нары, о чем свидетельствует расположение ямок от столбов. Правый же от входа угол свободен от нар.

Менее ясен план жилища № 3. Не так ясны его границы, а тем более назначение внутренних столбов. В задних углах этого помещения находились небольшие (20—30 см от пола) углубления неопределенного назначения.

Жилище № 2 не полностью вскрыто раскопкой, и его устройство остается также неясным, хотя некоторые контуры и намечаются (рис. 2). Четвертый вскрытый очаг и прилегающие к нему ямки от столбов не дают понятной картины.

Бросается в глаза, что все реконструированные нами жилища тесно примыкают друг к другу. Не исключена возможность, что мы имеем здесь остатки не четырех жилищ, а одного большого с несколькими входами и очагами, или, что более вероятно, двух. В последнем случае жилища № 1 и № 2 составят один дом. В пользу этого говорят общая земляная стенка этих жилищ с запада и расположение их в одном общем углублении в земле. Поэтому, если они и не составляли одного жилища, то были сооружены одновременно, по общему плану.

Расположение четвертого очага в непосредственной близости к предполагаемой задней стенке жилища № 3 наводит на мысль, что этот очаг и столбы к югу от жилища № 3 являются частью последнего.

Дальнейшие раскопки на городище «Чудаки» должны внести большую ясность в вопрос об устройстве жилищ и их взаимоотношении.

По данным же раскопок 1937 г., можно лишь предположительно реконструировать план отдельных жилищ.

Траншея длиной 6 м, шириной 4 м, заложенная в разрезе внутреннего вала возле раскопа, не дала никаких находок, за исключением ближайших к раскопу частей. Ни в толще вала, ни под ним культурных остатков не обнаружено. Сложен он из чернозема. Собственно в месте пересечения вала траншеей трудно говорить о вале, так как высота его здесь равняется всего 20 см над уровнем центра городища, и лишь благодаря тому, что изнутри

к нему примыкает здесь углубление (след жилища), он ясно заметен. При виде незначительной высоты вала напрашивается мысль, что укреплением являлся не он, а ров и какие-то деревянные сооружения, хотя следов последних при разрезе вала не обнаружено.

Западная стенка траншеи и прилегающая к ней часть южной стенки раскопа показали, что жилище № 2 уходит под стенку раскопа и, видимо, частично под вал, так как под наиболее высокой частью вала находится яма, диаметром до 2 м и глубиной до 90 см от современного уровня городища.

Культурный слой городища состоял преимущественно из разбитых костей домашних животных, небольшого числа костей диких животных, значительного количества керамики и нескольких десятков поделок из бронзы, кости и камня.

Бронзовые: трехгранный со скрытой втулкой наконечник стрелы «скифо-сарматского типа» и обоймица, длиной в 7 см при ширине 1.5 см.

Каменные: 7 обломков точильных плит и ручных жерновов; 6 вырезанных из талька грузиков, боченкообразных, грушевидных, круглых, некоторые со сквозным круглым отверстием в середине; фрагмент выточенной из талька небольшой чашечки, может быть, тигелька с бороздкой вдоль венчика; обломок тальковой же литейной формочки, видимо, для отливки наконечника копья, хотя сохранившаяся часть формочки не дает возможности утверждать это безоговорочно; кремневый концевой скребок, сильно сработанный.

Костяные: 5 поделок из подвздошной кости лошади в виде так наз. «тупиков» для выделки кожи, аналогичных встречающимся в памятниках срубно-хвалынской культуры, изготовленных из нижней челюсти коровы; полуовальная в сечении палочка, 8.5 см длиной; острие-шило и обломок (верхняя часть) лучевой кости овцы с двумя круглыми отверстиями со стороны суставной впадины.

Глиняные: 7 целых, 5 обломков и одно недоделанное «пряслице» из черепков.

Обнаружено также два небольших куска железного шлака. Разведочные шурфы, заложенные в северной части двора городища вне ям (шурф № 2) и на площадях слобод северо-восточной (шурф № 3), южной (шурф № 4) и юго-восточной (шурф № 5), а также к западу от южной слободы (шурф № 6), дали за исключением последнего культурный слой того же типа, что и основной раскоп. Наиболее насыщенным находками оказался шурф № 2. В нем найдено 64 фрагмента керамики и 368 костей. Шурфы же в слободах содержали незначительное число находок — всего по несколько штук черепков и костей. Лишь в шурфе № 3 число костей было выше. В нем обнаружено 79 осколков. В этом же шурфе найден незначительный бесформенный кусочек сильно окислившейся меди и маленький кусочек обожженной глины.

Общее число фрагментов керамики, найденных при раскопке, равняется почти 1000 экземплярам. По фактуре керамика четко делится на два вида: 1) с более или менее большой примесью талька (85%) и 2) без примеси талька (15%).

Небольшая часть фрагментов керамики первого вида настолько насыщена мелко истолченным тальком, что кажется «жирной» на ощупь.

В фрагментах керамики второго типа встречаются только редкие, едва заметные блески талька или слюды, вероятнее всего, естественной примеси, обнаруживаемой лишь при тщательном исследовании состава глины.

Пропорциональное соотношение указанных видов керамики одинаково для всех глубин культурного слоя.

Ни одного полного сосуда составить не удалось. Составилось лишь несколько достаточно крупных фрагментов верхней части сосудов без

дна. Благодаря этому явилась возможность более или менее точно представить форму сосудов. Труднее решить вопрос о форме дна. На всю массу керамики, добытой на городище, имеется только один фрагмент уплощенного днища и несколько фрагментов, дающих основание рассматривать их как днища круглодонных сосудов. Факт отсутствия осколков плоских днищ при наличии такого большого количества найденной на городище керамики заставляет считать основную массу сосудов круглодонными. Все они изготовлены без применения гончарного круга.

Устанавливаются следующие виды сосудов: горшки двух типов, плоские, небольшие блюдца и прямостенные чашечки.

Оба типа горшков имеют гола, прямые или несколько расширяющиеся кверху в виде характерных «воротничков». Различие в форме тулова. Первый тип имеет более или менее сильно раздутые бока и круглые плечики с четко выраженной шейкой. У второго типа бока менее раздуты, плечики не столь круты, и горло иногда почти незаметно переходит в пологие плечики без четко выраженной шейки (рис. 4, 7). Оба типа горшков в большинстве, видимо, круглодонны, реже имеют слегка уплощенное днище. Размеры, судя по величине стверстий горла, различны. Диаметр горла колеблется от 11 до 30 см.

Блюдца представлены всего лишь одним фрагментом небольшого экземпляра (диаметр 8.6 см) с округлым снаружи и плоским изнутри дном и невысоким прямым бортиком. Сверху бортик орнаментирован резной елочкой, а дно снаружи покрыто беспорядочно расположенными овальными вдавлениями, нанесенными концом косо поставленного стека.

От чашечки имеется также только часть прямой, несколько наклоненной внутрь стенки. Форма дна не выяснена. Вдоль края идет поясок орнамента в виде клиновидных наклоненных чеканных вдавлений и ниже них бугорков, образованных путем вдавливания изнутри сосуда круглым острием. Этот бугорчатый орнамент встречен только на данном фрагменте. На других видах сосудов с городища он не наблюдался.

Следует отметить еще один интересный, но непонятного назначения фрагмент. Он представляет собой обломок как бы круглой (диаметр 13.7 см) без бортиков тарелки с совершенно плоской одной стороной и сильно выпуклой другой. Внешние края обломка острые и с одной стороны имеются следы трех круглых сквозных отверстий. Учитывая сильную выпуклость дна этого предмета, трудно рассматривать его как тарелку, более вероятным можно считать предположение, что это — крышка.

Таким образом, основная масса керамики является фрагментами горшков двух вышеописанных типов. Фрагментов с орнаментом насчитывается только 16% от общего числа черепков. Это части горла и плечиков. Орнамент располагался только по верху сосудов. По технике нанесения выявляются следующие типы орнамента:

1) резной	74 %
2) ямочный	16 "
3) чеканный	9 "
4) бугорчатый	1 "

Резной иногда комбинируется на одном и том же сосуде с ямочным и чеканным.

Под ямочным мною подразумевается орнамент в виде небольших углублений неправильной, но близкой в большинстве случаев к овалу, формы, нанесенный концом какого-либо острого или притупленного инструмента. Наиболее распространенной группировкой ямок на поверхности сосуда является расположение их вокруг верхней части плечиков в виде пояса. Иногда этот поясок состоит не из единичных вдавлений, а из групп по 3

ямки (рис. 4, 7). Реже ямки покрывают плечики сплошной рябью, заполняют резные треугольники и углы между ними, или располагаются по плечикам попарно, образуя псевдозащипки и клювовидные выступы.

Резной орнамент наносился острием, иногда настолько притупленным, что оставляемые им бороздки имеют сравнительно большую ширину.

Таким путем нанесены: пояски вокруг шейки и плечиков (рис. 5, 3, 9); треугольники на плечиках же, иногда заштрихованные; сетка из неправильных ромбов, образованных перекрещивающимися прямыми; ряды лучевидных бороздок по нижней части горла; пояски из наклонных утолщающихся книзу насечек на горле же (рис. 4, 2, 3, 4, 6); наиболее распространенным мотивом резного орнамента является «елочка» вокруг горла или плечиков (рис. 5).

Чеканным именуется орнамент, состоящий из одинаковых четких очертаний вдавлений, нанесенных чеканом или штампом. Эти вдавления имеют форму удлинённых овалов или клиновидны. Группируются они также в пояски или «елочку» вокруг плечиков и шейки (рис. 5, 3, 7, 11). Внутри чеканных углублений видны параллельные поперечные штрихи на одинаковом друг от друга расстоянии. Думается, что это следы годовых колец служившей чеканом деревянной палочки, концу которой была придана форма описанных вдавлений.

Встреченный только один раз на единственном экземпляре фрагмента прямостенной чашечки бугорчатый орнамент представляет собой выпуклые округлые шишечки, выдавленные изнутри сосуда круглым тупым инструментом.

Наиболее распространенными элементами орнамента на керамике городища «Чудаки» являются пояски из ямок и удлиненно-овальных чеканных вдавлений; резные треугольники, заштрихованные или заполненные ямками, с группами ямок же в углах между треугольниками, и резная или из чеканных вдавлений елочка. Орнамент располагается обычно по плечикам, но елочкой часто покрыто и горло.

На некоторых фрагментах керамики встречаются круглые отверстия, расположенные в большинстве случаев в одиночку или парами, но иногда и группами по несколько штук. Группами они встречаются на фрагментах, имеющих признаки принадлежности их к днищу и прилегающим частям стенок сосудов (утолщенность). Одиночные же и парные отверстия наблюдаются чаще на горле сосудов (рис. 4, 8). Сделаны они еще на необожженном сосуде. Повидимому, расположенные на горле отверстия служили для продевания в них ручек. Для отверстий же, расположенных в донной части сосудов (рис. 4, 5, 7), возможно только одно толкование: они были сделаны в сосудах специального назначения — для переработки молочных продуктов — и служили для стока жидкости. Но имеются и такие отверстия, которые просверлены уже на обожженном сосуде. На одном фрагменте наравне с просверленным имеется еще недосверленное отверстие, представляющее собой лишь коническую ямку (рис. 4, 9). Отверстия на обожженных сосудах делались, надо полагать, для скрепления поломанных сосудов.

Инвентарь городища, как сказано выше, представлен преимущественно керамикой и костями животных. Прочие находки составляют совершенно незначительное число при почти полном к тому же отсутствии датирующих вещей. Исключением является один экземпляр трехгранного бронзового наконечника стрелы «скифо-сарматского типа» со скрытой (не выступающей) втулкой. Единичность этой находки и условия залегания ее (наконечник был встречен на глубине всего 7 см непосредственно под дерном) делают ее шатким основанием для датировки памятника.

Поэтому приходится обратиться к массовому материалу, каковым на городище «Чудаки» является керамика.

Городища Зауралья почти не исследованы, а материал тех немногих, которые подвергались изучению, или совершенно не опубликован или опубликован настолько отрывочно, что оперировать им чрезвычайно трудно. В несколько лучшем положении находится курганный инвентарь Зауралья. Среди разновременных курганов Южного Приуралья, Зауралья и Западной Сибири ряд курганов довольно четко выделяется в особую группу с устойчивым инвентарем, в особенности керамикой, и определенной датировкой. Мы подразумеваем так наз. сарматские курганы Зауралья и Западной Сибири, характеризующиеся прежде всего особым типом керамики, свойственной именно этой территории. Для «сарматских» курганов Зауралья характерны круглодонные сосуды с горлом, всегда более или менее расширяющимся кверху, часто в виде типичного для этой керамики «стоячего воротничка». ¹ Высота и диаметр горла варьируются, причем, чем уже диаметр горла, тем больше его высота. Варьируются и размеры сосудов — от крупных, высотой в 30 см, до небольших, высотой 10—12 см. Последние встречаются чаще.

Среди керамики с городища «Чудаки» ряд фрагментов верхних частей сосудов — горла и плечиков — находит себе полную аналогию в большинстве круглодонных сосудов сарматских курганов Зауралья как по форме, так и по орнаменту.

Большой, почти исчерпывающий список сарматских курганов Зауралья с характеристикой их инвентаря приводится П. А. Дмитриевым в его статье «Мысовские курганы и стоянки». ²

Мы ограничимся рассмотрением только тех курганов Зауралья, которые, с одной стороны, имеют керамику, совершенно аналогичную или очень близкую по форме и орнаменту к керамике городища «Чудаки», с другой, — инвентарь, дающий возможность отнести их к одной определенной эпохе. При этом, кроме литературных данных, нами привлекается и вещевой материал из коллекций Челябинского музея, пополняющий и корректирующий сведения литературных источников. Сюда прежде всего относится ряд курганов близ гор. Челябинска, раскопанных Н. К. Минко.

Так как сохранившаяся часть добытых раскопками Н. К. Минко археологических коллекций поступила через его жену М. А. Минко в Челябинский музей в 1918 г. в разрушенном состоянии и без всякой документации, то восстановить комплексы в большинстве случаев невозможно. Исключение составляют те комплексы, которые упоминаются в дореволюционной археологической литературе. К этим немногим относятся из числа курганов интересующего нас типа — раскопанные в 1909 г. курганы №№ 20 и 23 у пос. Исаковского, курган № 25 у пос. Синеглазова, курган раскопок 1906 г. на 11-й версте почтового тракта из гор. Челябинска в станицу Миасскую.

В курганах №№ 20 и 23 у пос. Исаковского обнаружены: «бронзовые наконечники стрел, лошадиные кости, бусы и характерные горшки с круглым дном и скромным орнаментом по плечикам». ³ По сохранившимся пометкам на сосудах нам удалось разыскать эти горшки среди коллекций Н. К. Минко в Челябинском музее и, таким образом, точно установить форму и орнамент этих сосудов. Оба они круглодонные, шаровидные с горлышками «воротничком». «Скромный орнамент» по плечикам на сосуде кургана № 20 состоит из пояса насечковидных вдавлений, на сосуде кур-

¹ Ср.: П. А. Дмитриев. Мысовские курганы и стоянки. ТСА РАНИОН. IV, рис. 1 и 2.

² Там же.

³ ОАК за 1903—1910 гг., стр. 192.

гана № 23 — из резных треугольников и групп овальных ямок, заполняющих углы между треугольниками (рис. 6, 5, 6).

В кургане № 25 у пос. Синеглазова найдены берестяной колчан с 40 бронзовыми наконечниками стрел, длинный железный меч, часть песчаникового блюда, 2 железных и один медный крючок, черепки, скорлупа от гусиных яиц, лошадиные кости.¹ В Челябинском музее хранятся фрагменты горшка и чашечки с едва различимыми надписями «к. № 25/09 г.».

В такой форме помечены сосуды самим Н. К. Минко. Без сомнения, это те черепки, о которых упоминает Отчет Археологической комиссии. Фрагменты горшка дают возможность до некоторой степени восстановить его форму. Это был сосуд с прямым, несколько отклоненным вонне горлом

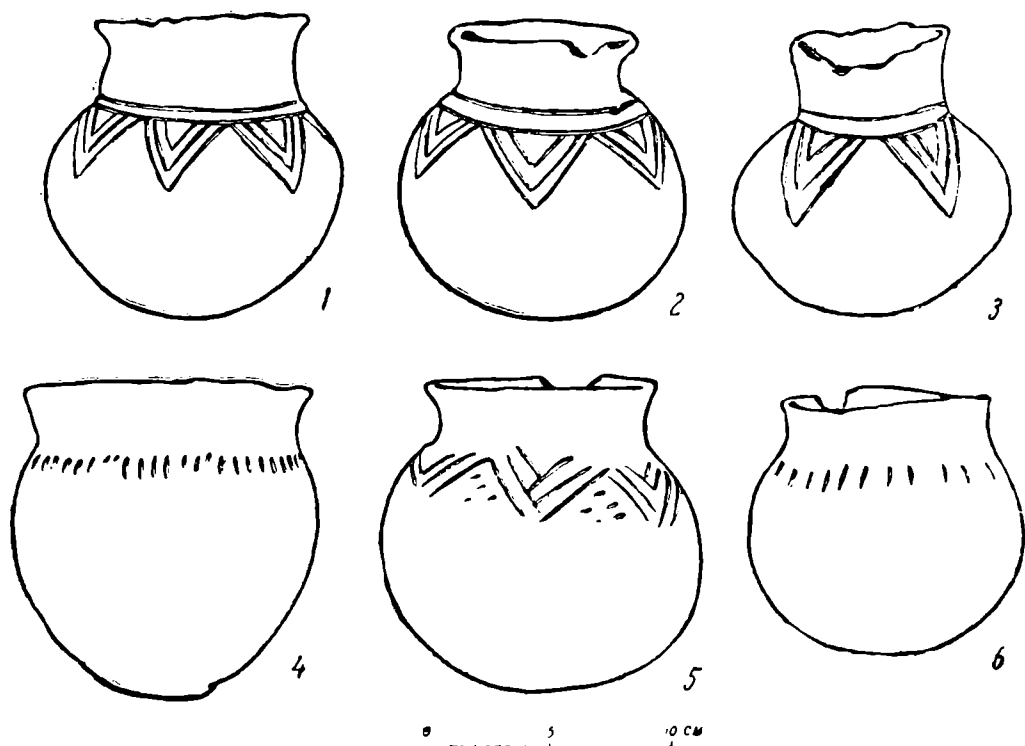

Рис. 6. Керамика сарматских курганов Зауралья (Челябинская обл.).

1—4 — керамика из кургана у с. Пивкино; 5, 6 — керамика из могильника у пос. Исаковского.

и крутыми плечиками; видимо, круглодонный. По плечикам расположен резной орнамент: поясok из «елочки», а ниже поясok из двойных зигзагов, заключенных в линейной рамке.

Чашечка круглодонная, прямостенная, высотой 6 см при диаметре 7.5 см, с едва заметным орнаментом в виде пунктира вдоль края.

Курган на 11-й версте Миасского тракта содержал, судя по описанию Н. К. Минко, несколько погребений. Инвентарь погребений состоял из бронзовых наконечников стрел, железного ножа, фрагментов медного предмета в виде тарелки, пряслица, куска мела и керамики. Из числа последней в томе XXVI «Записок Уральского общества любителей естествознания», где опубликована статья Н. К. Минко об этих раскопках, помещены рисунки полного сосуда, части другого и тарелки. Первый сосуд с круглым, точнее — коническим, дном имеет характерное горло «ворот, ничком» и орнамент на плечиках в виде пояса из крупных треугольников

¹ ОАК за 1909—1910 гг.

заштрихованных крест-на-крест, отчего внутри треугольников образуется сетка из ромбов.¹

Орнамент в виде сетки из ромбов, образованных перекрывающимися нарезками, имеется на плечиках одного фрагмента с городища «Чудаки». Второй сосуд из кургана на 11-й версте, сохранившийся только в своей верхней части, имеет поясok из насечек или ямок по плечикам.²

Глиняные круглые тарелки — не редкость среди инвентаря курганов этого типа.³

К этой же группе курганов нужно отнести и курган у с. Пивкино Шучанского района Челябинской области.

Курган у с. Пивкино был раскопан в 1925 г. местными комсомольцами из желания развеять ходившую в селе легенду о горящих на нем свечах. Он имел в высоту, по словам участников, приблизительно 1 м при диаметре 15—20 м. По словам свидетеля раскопок — избача Л. А. Сапельцева, у костяка было найдено 4 глиняных сосуда — по два в головах и в ногах и пряслице из черепка на груди; слева от костяка человека находился полный костяк лошади. В сосудах были обнаружены птичьи черепа, клювы и яичная скорлупа. По словам другого свидетеля раскопок — учителя И. А. Матушкина, кроме перечисленного, в погребении найдены были еще две бронзовые овальные выпуклые бляшки с тремя прямоугольными отверстиями, расположенными по продольной оси бляшек. Эти бляшки, длиной около 4 см и толщиной в 2 мм, извлечены были, по его словам, из одного из горшков. Из находок в Челябинский музей поступили 4 сосуда и пряслице.⁴ Костяк лежал на спине, но относительно его ориентировки имеются разногласия: Л. А. Сапельцев указывает западную, а И. А. Матушкин утверждает, что участниками раскопок было обращено внимание на то, что костяк лежал «не по-христиански, а наоборот»; следовательно, был ориентирован на восток.⁵

Три сосуда из этого кургана имеют суженные высокие горла, расширяющиеся кверху, крутые плечики и круглые днища. На плечиках резной орнамент — пояски и тройные треугольники (рис. 6, 1, 2, 3). Четвертый пивкинский сосуд — со слегка уплощенным дном, плечики не столь круты, как у первых, горло широкое, расширяющееся кверху «воротничком» (рис. 6, 4). Орнамент его состоит из пояска чеканных насечковидных вдавлений вокруг плечиков.

Из более удаленных от городища районов нужно упомянуть Мысовский курган № 6, Прохоровские курганы, а также курган на Бердинской горе под гор. Оренбургом.

Инвентарь кургана № 6 у с. Мыс состоял из 5 круглодонных сосудов — три находились на краях могильной ямы и два у головы в яме, — глиняной тарелки, пряслица, железного крючка и трехгранных наконечников стрел.

П. А. Дмитриев характеризует форму сосудов так: «круглодонные, с высокими расширяющимися краями и более или менее сильно выраженными шейками и плечиками. Горло всегда уже, чем средняя часть сосуда».⁶ По форме эти сосуды аналогичны сосудам из вышеописанных подчелябин-

¹ ЗУОЛЕ, т. XXVI, табл., рис. 3. Рисунок неточно передает орнамент. По сохранившимся в Челябинском областном музее фрагментам этого сосуда (инв. № 154) мною установлен орнамент, вышеописанный.

² ЗУОЛЕ, т. XXVI, табл., рис. 4.

³ ЗУОЛЕ, т. XXVI, табл.

⁴ Инв. №№ 169—173.

⁵ Протоколы поступлений Челябинского областного музея, №№ 31 и 31а.

⁶ ТСА РАНИОН. IV. стр. 183, рис. 1.

ских курганов. Два из них и по орнаменту относятся к той же группе. Орнамент их состоит из пояска косых нарезок на шейке.¹

Третий сосуд этого кургана имеет другую форму: «Стенки его прямые, слегка наклоненные к центру и очень толстые. Дно сосуда круглое». Это описание напоминает прямостенную чашечку из кургана № 25 у пос. Синеглазова и фрагмент сходного сосуда с городища. Тарелка из Мысовского кургана № 6 круглая глиняная с приподнятыми краями. По краю сверху резные косые кресты, а снизу ряд треугольников, обращенных вершинами к центру.

Сосуды из 4-го Прохоровского кургана² и кургана на Бердинской горе³ имеют характерную круглодонную форму с горлом «воротничком» и орнамент в виде треугольников по плечикам.

Таким образом, в перечисленных курганах те же виды керамики, что и на городище:

1) круглодонные горшки с раздутым туловом, более или менее круглыми плечиками и прямым, несколько расширяющимся кверху горлом в виде «воротничка»;

2) глиняные тарелки-блюда;

3) круглодонные, прямостенные небольшие чашки.

По орнаменту горшки принадлежат трем типам: а) орнаментированные по плечикам резными треугольниками, заштрихованными или заполненными овальными ямками, причем последние заполняют и углы, образованные соседними треугольниками (рис. 6, 1, 2, 5); б) орнаментированные по плечикам пояском наклонных насечек, чеканных вдавлений или овальных ямок (рис. 6, 4, 6); в) покрытые другими элементами орнамента.

К первому типу горшков относятся происходящие из курганов: сосуд кургана № 23 у пос. Исаковского (рис. 6, 5),⁴ три сосуда из кургана у с. Пивкино (рис. 6, 1, 2, 3),⁵ один из сосудов из кургана на 11-й версте Миасского тракта,⁶ близки сосуды из 4-го Прохоровского кургана и с Бердинской горы.⁷ Из городища к этой группе относится ряд фрагментов.

Второй тип горшков представлен сосудами из курганов № 20 у пос. Исаковского (рис. 6, 6),⁸ четвертым сосудом из Пивкинского кургана (рис. 6, 4).⁹ Вторым из курганов с 11-й версты,¹⁰ двумя из Мысовского кургана № 6.¹¹ Среди городищенской керамики также имеются подобные фрагменты.

К третьему типу нужно отнести фрагмент сосуда из кургана № 25 у пос. Синеглазова, орнаментированный резными елочкой и зигзагом на плечиках.¹² Орнамент в виде елочки связывает этот фрагмент с многочисленной группой городищенской керамики, покрытой по плечикам или горлу елочкой (рис. 5).

¹ ТСА РАНИОН, IV, стр. 183, рис. 1.

² М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, табл. V, рис. 13.

³ ОАК за 1903 г., стр. 128, рис. 258.

⁴ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 192. Сосуд хранится в Челябинском областном музее, инв. № 85.

⁵ Хранятся в Челябинском областном музее, инв. №№ 169, 170, 171.

⁶ ЗУОЛЕ, т. XXVI, табл., рис. 3.

⁷ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, табл. V, рис. 13. — ОАК за 1903 г., стр. 128, рис. 258.

⁸ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 192. Сосуд хранится в Челябинском областном музее, инв. № 46.

⁹ Сосуд хранится в Челябинском областном музее, инв. № 172.

¹⁰ ЗУОЛЕ, т. XXVI, табл., рис. 4.

¹¹ ТСА РАНИОН, IV, стр. 183, рис. 1.

¹² ОАК за 1909—1910 гг., стр. 192. Фрагмент хранится в Челябинском областном музее, инв. № 52.

Глиняные тарелки-блюдца найдены в Мысовском кургане № 6 и в кургане на 11-й версте Миасского тракта. С городищенской керамикой их связывает единственный встреченный на городище фрагмент подобного блюда. Орнамент мысовского блюда в виде резных треугольников также характерен для сосудов городища.

Сосуды в форме чашечки из Мысовского кургана № 6 и Синеглазовского № 25 объединяются в одну группу с фрагментом чашечки с городища.

Таким образом, подавляющее большинство керамики городища находит себе аналогию среди керамики курганов Зауралья. Благодаря этому городище «Чудаки» можно смело отнести к той же эпохе, что и зауральские «сарматские» курганы с круглодонными сосудами. Датировка же последних не вызывает сомнений. Инвентарь их — трехгранные бронзовые наконечники стрел, длинные мечи с прямым перекрестьем, железные удила с кольцами — заставляет отнести эти курганы к сарматской эпохе, иначе говоря, к последним векам до н. э., первым векам н. э. Более точная датировка при современном уровне их изученности невозможна.

Немногочисленный вещевой инвентарь городища не противоречит этой датировке. Несколько необычна находка кремневого скребочка, но, мне думается, все же нет основания считать эту находку случайной и относящейся к более раннему времени. В сарматских памятниках этого времени в Приуралье встречаются орудия из камня. Так, в 1936 г. близ аула Джанатан Орского района мною найден *in situ* в детском погребении кургана № 14 каменный, тщательно отретушированный наконечник копья, причем в этой же могиле обнаружен и поздний сарматский сосуд с ручкой.¹

Из 1307 экземпляров определимых костей, по заключению В. И. Громовой, 98.6% принадлежат домашним животным (лошадь, корова, овца, верблюд) и лишь 1.4% — диким животным (кабан, косуля, бобр, сурик, лось, лисица). Кости по отдельным видам животных распределяются следующим образом:

Наименование животных	Число костей	% к общему числу костей	Минимальное число особей
Лошадь	608	46.5	15
Крупный рогатый скот	400	30.5	10
Овца	247	19.1	13
Верблюд	32	2.5	3
Дикий кабан	3	0.2	1
Косуля	4	0.3	1
Бобр.	3	0.2	1
Сурик	6	0.5	3
Лось.	2	0.1	1
Лисица	2	0.1	1
	1307	100%	49

Уже простое количественное соотношение костей домашних и диких животных говорит о большой роли скотоводства в экономике населения

¹ Неизданный отчет Орской экспедиции ГАИМК 1936 г.

ков городища. Все виды домашних животных употреблялись в пищу, так как все крупные и часть средних костей оказались расколотыми. Интересно, что среди костей коровы преобладают кости молодых особей (но не телят), а среди костей лошади — взрослых особей. Нельзя ли в этом факте видеть лишнее подтверждение скотоводческого характера хозяйства городища, когда лошадью прежде всего дорожили как ездовым животным и в пищу употребляли уже пожилых особей? Что лошадь ценилась и культивировалась как ездовое, точнее — как верховое животное, причем культивировалось в течение продолжительного времени, видно из самого типа ее. По определению В. И. Громовой, лошадь у населения городища «Чудаки» была крупная, со стройными ногами и длинными и тонкими бабками, чем резко отличалась от карликовых пород городищ Прикамья ананьинской эпохи. Такая порода лошади весьма подходила конным воинам для нередких, надо думать, набегов на соседние племена в целях захвата их богатств, в первую очередь угона скота. Что вооруженные столкновения и набеги были обычны для насельников городищ, видно как из самого факта стремления создать укрепленные поселения, так и из наличия в одновременных с ними курганах многочисленного оружия: мечей, колчанов со стрелами и т. п. Большое число костей домашних животных при незначительном количестве костей диких животных говорит о ведущей роли в экономике насельников городища «Чудаки» скотоводства. На переработку продуктов животноводства указывает ряд других находок на городище. Сюда прежде всего надо отнести «тупики»-скребла из подвздошных костей лошади, костяное шило, кремневый скребок. Сосуды с отверстиями в нижней части также обычно рассматриваются как служащие для переработки молочных продуктов. Грузики, довольно тщательно вырезанные из талька, мы склонны считать принадлежностью примитивного вертикального ткацкого станка, на котором изготовлялись шерстяные ткани. Так наз. пряслица связать с текстильным производством рискованно, так как некоторые из них настолько малы и с такими маленькими отверстиями, что не могли служить на пряслами.

По той же причине их нельзя считать маховичками станка для добывания огня. Не были ли они просто пуговицами? Охста играла в хозяйстве совершенно ничтожную роль.

Не чуждо было населению городища и земледелие, что видно из находок обломков ручных жерновов. К сожалению, обломки эти настолько малы, что судить о размерах и форме жерновов трудно. Лишь один обломок, имея очертания сектора, указывает на круглую форму жернова, диаметром, наверное, около 0.5 м при толщине 1.8 см.

Металлургическое производство представлено кусками железного шлака, обломком литейной формочки и фрагментом тигля(?) из талька. Было бы рискованно на основании результатов раскопок 1937 г. делать широкие обобщающие выводы социально-экономического порядка об обществе, оставившем городище «Чудаки». По полученным данным, мы можем лишь сделать заключение, что городище является остатком укрепленного поселения, состоявшего приблизительно из двух десятков стоявших кругом прямоугольных в плане, слегка углубленных в землю жилищ со входами-коридорами, обращенными к центральной площади. Вне основного укрепления полукругом к городищу примыкали также площадки с жилищами, менее защищенные или вовсе незащищенные, возникшие, надо полагать, в результате роста населения городища.

Большую, может быть, ведущую роль в экономике населения городища играло скотоводство, но занимались и земледелием, а также немного охотой. Из металлов обрабатывались медь и железо. Для выделки орудий применялись также камень и кость.

Хорошая сохранность городища «Чудаки», его размеры, наличие остатков жилищ определенной конструкции и плана, установленность взаимной распланировки, синхронность его с такими многочисленными памятниками, как «сарматские» курганы, и почти полная неизученность городищ всего района выдвигают это городище как интереснейший памятник, дальнейшие исследования которого должны дать богатые материалы для изучения целой эпохи древней истории населения Зауралья.

K. SALNIKOV

LE GORODISTCHÉ «ČOUDAKI»
(RÉGION ČĚLJABINSK) D'APRÈS LES FOUILLES DE 1937

R é s u m é

Le gorodistché Čoudaki ou «Gorodok» est situé à 2.5 km NNE du village Gorochov du district Jourgamičev (région Čeljabinsk). Il est entouré de fossés bordés des deux côtés de remparts (vallums) d'hauteur moyenne de 50 cm et d'une largeur de 7—10 m. Au SE se trouve la porte de la ville formée par une coupure dans les remparts et un linteau placé sur le fossé, la couche habitée d'une épaisseur de 20 cm se trouvant à la profondeur de 10—15 cm immédiatement sous la terre végétale.

Deux foyers ont été complètement déblayés et deux autres à moitié. Ils forment un amoncellement de cendre d'une épaisseur de 8—12 cm et d'une surface de 60×60 , 90×90 et 115×65 cm et s'élèvent au-dessus du plancher. On a aussi découvert 92 trous creusés pour des poteaux et 4 cavités dans la couche argileuse du terrain. A l'aide de ces données on peut, reconstruire le plan complet de deux habitations et le plan partiel d'une troisième.

La première habitation est en forme d'un carré irrégulier de 35—40 cm², avec un corridor d'un mètre et demi de largeur et de 2.5 m de longueur. A l'intérieur, l'habitation est entourée de poteaux qui servent de soutien aux murs. D'autres poteaux s'élèvent à l'intérieur du bâtiment et ont dû servir probablement à soutenir le toit et des lits de planches qui longeaient les murs latéraux et celui du fond. Au centre de l'habitation se trouvait le foyer entouré de poteaux soutenant le toit. Le plancher devait être légèrement enfoncé dans le sol.

Toute la construction rappelle les habitations des Guiljaks et les maisons des Indiens de l'Amérique du Nord (les Mandans) que L. G. Morgan décrit dans son oeuvre «Les maisons et la vie domestique des indigènes de l'Amérique» (Leningrad, 1934, p. 85—86). La couche habitée est en grande partie formée d'os d'animaux domestiques, d'une certaine quantité de céramique et de quelques douzaines de menus objets de bronze, d'os et de pierre. La céramique est représentée par des pots à ornement en fossettes, à ciseau et à tubercules, par de petites soucoupes et de petites écuelles aux bords droits.

D'après le type de la céramique le gorodistché peut être daté de la même période que les tumulus Sarmates au delà de l'Oural, c'est-à-dire des derniers siècles avant notre ère.

La grande quantité d'animaux domestiques, surtout la quantité d'os de chevaux et du gros et menu bétail à cornes dans la couche habitée du gorodistché prouve que l'élevage était la principale base économique de ses

habitants. Les restes de meules à main montrent que l'agriculture y jouait aussi un certain rôle. La métallurgie y est représentée par des morceaux de scorie en talc.

En se basant sur tous les matériaux des fouilles on peut conclure que nous sommes en présence des restes d'une station fortifiée contenant environ vingt demeures se dressant autour d'une place centrale.

Son économie était représentée en premier lieu par l'élevage. L'agriculture y jouait un rôle auxiliaire, ainsi qu'en partie la chasse. Quant à la métallurgie on devait travailler le cuivre et le fer. On se servait aussi de la pierre et des os pour en faire des outils.

А. Ф. ТЕПЛОУХОВ

О ДРЕВНЕМ ШАМАНСКОМ ИЗОБРАЖЕНИИ ИЗ БРОНЗЫ, БЫТОВАВШЕМ НА КОНДЕ СРЕДИ ВОГУЛ И ОСТЯКОВ

А. В. Шмидт в своей статье «Олово на севере европейской части СССР» 1935 г.,¹ ссылаясь на Л. Р. Шульца и меня, упоминает об обнаруженных на реках Салыме и Конде, притоках Иртыша, где живут остяки и вогулы, древних изделий из «бронзы», хранящихся в культовых местах этих народностей или в домах в качестве шайтанов, иначе тонхов (остяки), т. е. предметов религиозного значения.

Археологические находки вообще, особенно же с изображениями людей и животных, пользуются у остяков почетом.²

Здесь я приведу несколько известных мне данных об этих изделиях, как на указанных реках, так и на других в местах жительства упомянутых народностей, остановившись главным образом на нахрачинском шайтане, по поводу которого существует целая литература, связывающая его — основательно или нет — с одним из трех «первоначальных» идолов во всей остяцкой стране — кондийским — начала XVIII в., а с другой стороны, с героем вогульского эпоса Виш-Отером.

При этом я должен оговориться, что располагаю только старыми данными, а потому, если и были за последние 10—12 лет выявлены какие-либо из относящихся сюда вещей, я их касаться не буду.

На р. Салыме (остяки) древние изделия из «бронзы» известны из двух мест.

1. В юртах Соровских в 1911 г. Л. Р. Шулец указывает на двух местных богов — «тонхов»: «оба изображают всадников на небольших пластинках белой бронзы и, очевидно, являются давно сделанными археологическими находками: остяки считают, что они упали с неба».³

В тех же юртах он же (год не приведен) упоминает еще о двух находках: а) круглая пластинка из красной бронзы с горельфом человеческой фигуры, держащей в руках круглый сосуд с отверстием (у остяка Баяндина), б) тоже краснобронзовая пластинка, раньше служившая, повидимому, пряжкой, с орнаментом звериного стиля и сквозными узорами (у остяка Темлякова).⁴

2. В юртах Кинтусовских (на карте Дунина-Горкавича — Кандосовы) в особом амбаре вместе с тонхом (деревянная фигура с жестяным лицом) находились две археологических находки, тоже свалившиеся, по рассказам остяков, с неба⁵: а) круглая пластинка из белой бронзы,

¹ Археологические работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 гг., II, 1935, стр. 211.

² Л. Р. Шулец. Салымские остяки. Зап. Тюменск. общ. научн. изучения местн. края, 1924, № 1, стр. 195.

³ Он же. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда. Ежегодник Тобольск. Губ. музея, вып. XXI (1911), Тобольск, 1913, стр. 7.

⁴ Он же. Салымские остяки, стр. 195—196.

⁵ Остяки (юрт Кинтусовских) недовольны, что русские тонхов зовут шайтанами. Тонхов они (применительно к христианству) сравнивают со святыми, а деревянные

диаметром 3—5 вершков, с выпукло отлитым геометрическим орнаментом, и б) тоже белобронзовая привеска в виде палочки 2—2.5 вершка, с двумя лосиными головами, симметрично расположенными на концах, и с ушком в середине.¹

На р. Ляпине, или Сыгве, или Сакъ-е — притоке р. северной Сосьвы (вогулы) в 1910 г. С. И. Руденко в Лобом-вож-пауле приобрел бронзовую бляху с изображением двух медвежьих голов между лапами в рамке со шнуровым орнаментом, очень напоминающую найденные в 1896 г. С. К. Кузнецовым бляхи в кургане возле самого гор. Томска (там было три головы).² Она хранилась, по словам С. И. Руденко, в особом амбарчике и на время медвежьего праздника, справлявшегося в избе, была положена на стол, а затем унесена на прежнее место. Бляха хранится в Государственном Этнографическом музее в Ленинграде.

На р. Иртыше, выше устья Конды, в юртах Сотниковских (остяки) из развалившегося шайтанного амбарчика добыта была бронзовая бляха (время не указано) с изображением медвежьей головы между лапами, судя по рисунку, помещенному К. Ф. Каргяляйненом в его «Die Religion der Jugra Völker»³, в деталях (рамка) очень похожа на известную бляху, найденную вместе с другими на р. Кын (приок р. Чусовой) и впервые изданную еще С. Ешевским (1859 г.),⁴ а в последнее время в виде открытки — Эрмитажем (сер. IV, № 7), где она теперь находится. По размерам они (если рисунки сделаны в натуральную величину) также близки сотниковским, только уже на 3 мм и короче почти на 1.5 см.⁵ А. А. Спицын относил одну из кыновских блях к VIII—IX вв. н. э., а на открытке указывается I—II вв. н. э.

Вместе с сотниковской бляхой найдено и компактное бронзовое изображение птицы (рисунок помещен там же).⁶

На Конде аналогичные находки известны мне в трех местах.

1. В 1926 г., по словам нахрачинского милиционера В. К. Клетцова, взяты были на р. Юконде, или Яхве, левом притоке Конды, литые шайтаны: а) из Яхвот Пауля — медный в виде пластинки с изображением человека; б) такой же из неизвестного металла с р. Левдыма, притока Юконды, и в) подобный же «но серебристого цвета», найденный на улице дер. Карым на Юконде. Эти шайтаны отправлены были в Тобольский скружюм на имя гр. Искры, но о судьбе их я узнать не мог.

2. В том же году я приобрел в юртах Старо-Катышинских на Конде (пониже с. Нахрачи) из разрушенного (до меня) шайтанного амбарчика двустороннюю медную прорезную пластинку с просветом 8 см длины, изображающую двух симметрично расположенных животных, касающихся своими длинными головами, лапами и хвостом разделяющего их стержня с ушком наверху. Бляха не производит впечатления древней. Патканов

изображения их — с иконами. Сила, по их словам, не в этих изображениях, а в древних атрибутах археологических находок (Л. Р. Шульц. Салымские остяки, стр. 195).

¹ Там же, стр. 195.

² Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, т. XI, СПб., 1899, вып. 1 и 2, стр. 311—335, табл. I, рис. 12.

³ К. Ф. Каргяляйнен. Die Religion der Jugra Völker, II. Helsinki, 1922, стр. 72.

⁴ С. Ешевский. Заметки о пермских древностях. Пермск. сборн., М., 1859, стр. 132—142, рис. 15.

⁵ Пользуюсь случаем исправить ошибку, допущенную мною в 1914 г. (Тр. Пермск. Уч. архивн. ком., XI, Пермь, 1914, стр. 75): бляху нашей коллекции с р. Кына (Древности Волжской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, 1902, табл. XVII, 12) я назвал серебряной, тогда как она белобронзовая. Напечатанное «Камы», вместо «Кына», — корректорский недосмотр.

⁶ К. Ф. Каргяляйнен, ук. соч., стр. 69.

предполагал, что литые божки завезены на Обь и Иртыш зырянами,¹ и сообщил, что в Тобольске один поляк Р. отливал их для остяков по образцам, большей частью зырянского происхождения, взятым им с севера от остяков же и самоедов.

3. Одновременно (в 1926 г.) в «Очерке Кондинского края»² Л. Р. Шульц указал, что «к археологическим находкам принадлежит известный шайтан, хранившийся в с. Нахрачинском на Конде (Виш-Отер, или старик в большой шапке); он состоит из белой бронзовой пластинки в виде полумесяца, на передней стороне которой изображено человеческое лицо, представляющее, по мнению проф. А. А. Спицына, крылатое солнце».

Вскоре после этого сообщения я приехал в Нахрачи с целью набрать рабочих для руководимой мной экспедиции по обследованию правого притока Конды — р. Кумы, с точки зрения возможности колонизации ее.³

Владелец шайтана вогул Дмитрий Пакин рассказал мне, что божок издревле находился в их семье, что дед его был шаман и временами ездил с ним вниз по Конде до Оби к остякам, что ему давали за него несколько лошадей. Затем перед смертью, видя, что дети его уже не интересуются шайтаном, старик куда-то спрятал его. Когда несколько лет тому назад стали перекрывать крышу на избе, на чердаке нашли шайтана, завернутого в шелковую ветошь. Пакин добавил, что его считают изображением Виш-Отера. Прежде чем говорить о шайтане, я вкратце изложу относящуюся к нему литературу, связывающую его — может быть, без достаточных оснований — с началом введения христианства в Сибири.

По сообщению Григория Новицкого,⁴ в 1714 г. в Нахрачевых юртах находился кумир — «изсечен бе из древа, одеян одеждою зеленою злообразное лицо белым железом обложено, на главе его черная лисица положена». Около него в «чтилище» предстояли меньшие кумиры — его служители. «Обские и прочих протоков шайтанщики» просили «державца скверного сего истукана» Нахрача Евплаева отпустить кумира в их селения. Зная, что русские миссионеры явились с целью уничтожить его и окрестить их, туземцы просили «окрестить и шайтана крестом», обещая построить церковь, но с тем, чтобы между иконами поставить и его. Миссионеры не соглашались, и споры продолжались до ночи, затем туземцы самого идола украли, подставили и выдали для сожжения другого, а украденного отнесли в дальнейшее место.

В тексте «Краткого описания» напечатана приписка, что об этом кумире сказано выше, где сообщалось, что «три первоначальные» бога было во всей остяцкой стране — «Старык Обский, Гусь и Кондийский».

Первый находился недалеко от Самарова (ныне Остяко-Вогульск) на устье Иртыша, «первоначальный же и паче всех настоящий кумир заедино з гусем бысть во единой кумирни в Белогорских юртах» (на Оби, ниже устья Иртыша). «Егда искореняшесь идолобесие сохраниша сего истукана и унесоша в Конду, откуда же и Кондийским нарекоша. Там же Вагулитом, зловерия своего союзником в соблюдение даша... и доселе тамо пребывает почитаем...»

В 1891 г. Патканов писал, что в Тобольском уезде в большом почете два старых богатыря — это прежние вогульские князья Нахрачинских юрт — *Äi-ürt* (вог. *Visi-öter*) — малый богатырь и *Êne-ürt* — большой князь (бо-

¹ S. Patkanov. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. СПб., 1897, стр. 107.

² Л. Р. Шульц. Очерк Кондинского края. Урал, вып. 8, ч. I. Свердловск, 1926, стр. 25.

³ Бассейн р. Кумы в колонизационном отношении. Уральское Краеведение, I, 1927, стр. 88—92.

⁴ Г. Новицкий. Краткое описание о народе остячком. СПб., 1884, стр. 55—58, 100—107, 115—116.

гатырь), который у вогул известен под именем «старик в большой шапке», потому, что его изображают в этом виде. К сказанному он добавил, что и теперь Нахрачинские юрты являются центром языческого культа на Тобольском севере и что имеется достаточно оснований предполагать, что еще и сейчас у вогул этих юрт находятся божки, главного из которых называют «пупи», и возможно, что идол, которого скрыли от миссионеров вогулы и «пупи» — только изображения Ai-ûrt'a. Некоторые из туземцев считают, что божок сделан из меди. Сообщение Г. Новицкого об идоле, стоявшем вместе с гусем в Белогорских юртах и унесенном на Конду, по мнению Патканова, подтверждается преданием кондинских остяков, по которому святилище Ai-ûrt'a находилось прежде в Белогорских юртах.

Несмотря на 177 лет (1714—1891), истекших с того времени, и Белогорские юрты и Нахрачи пользуются у остяков тем же почетом, как и у их предков.¹

За несколько лет до Патканова Б. Мункачи 29 октября 1888 г. со слов вогула Л. К. Катмышева из дер. Рахт-паул записал в дер. Сатычиной песню о двух братьях-богатырях с низовьев Конды: Jâni-óter — старший князь и Visi-óter — младший князь,² за изображение которого, как указано, считают нахрачинского шайтана. По моей просьбе проф. А. И. Емельянов перевел с вогульского языка эту песнь, напечатанную Мункачи в его четырехтомном труде по мансийскому фольклору, и ниже она приводится.

Недавно, в октябре 1933 г., сказку про Виш-Отера богатыря записал со слов В. Кайданова из Тан-ват-пауля (на р. Тап, левом притоке Конды) В. Чернецов и напечатал ее (1935).³ Он считает, что Виш-Отер — родовой предок манси селения Нахрачи на Конде.

У К. Ф. Карьяляйнена, прошедшего 4 года (1898—1902) среди остяков, в вышедшей уже после его смерти «Религии югорских народов» (1922) также отводится место божествам Кондинского края. На основании слов Новицкого и Патканова высказывается предположение, что избежавшее сожжения миссионерами и унесенное на Конду знаменитое божество находится в дер. Нахрачи, но не одно, а с брагом и матерью. Его имя у остяков «большой князь», а у вогул «большой старик в шапке», в то время как брат его называется «малый князь». Область почитания их не ограничивается Кондой, но простирается до Оби. Раз в году зимой их жрецы, должность которых переходит от отца к сыну, ездят за сбором жертвенных даров, и результатом одной такой поездки может быть дюжина лошадей, не считая другого дохода.⁴

В остяцком словаре Х. Паасонена 1926 г.⁵ под словом *rt-tagattä-xui* значится, что верховный остяцкий жрец, живущий в Нахрачах, под охраной своей имеет амбарчик с живущим там божком, называемым ai-ûrt (малый князь), а в обычной речи enä-ikä (большой старик). Этот жрец ежегодно объезжает все остяцкие селения по берегам Конды и Иртыша. Остяки везде дарят ему лошадей, коров, шубы, платки, деньги. Полученные деньги он клал на хранение в амбарчике ai-ûrt'a. По словам остяка, у которого Паасонен обучался языку, в амбарчике находилось изображение божка ai-ûrt — серебряное, как он думает, величиной с фут, на столе. Жрец возил его с собой и давал народу целовать его правую ручку, за что взимал 10—15 коп. Нахрачинского божка ai-ûrt'a, или enä-ikä, все остяки чтут потому, что он был первый посланный богом богатырь (сведения относятся к 1900 г.).

¹ S. Patkanov, ук. соч., стр. 200.

² Vogul nepköltési gyütemény Kötet, II, стр. 510.

³ В. Чернецов. Вогульские сказки. Л., 1935, стр. 123—137.

⁴ К. Ф. Карьяляйнен, ук. соч., стр. 200.

⁵ H. Paasonen. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konde und am Jugan. Helsingfors, 1926.

Как видно из изложенного по Патканову и Карьяляйнену, было два богатыря — малый богатырь, или князь, и большой князь, или, по-вогульски «старик в большой шапке», иначе, «большой старик в шапке», а по Паасонену и Шульцу — малый князь ai-ürt — Виш-Отер и «большой старик» или «старик в большой шапке» — одно и то же. Патканов при этом допускает, что в Нахрачах есть изображение Ай-урт'а, иначе Виш-Отера, по словам некоторых туземцев, медное, по преданию когда-то находившееся в Белогорских юртах, а Паасонен, со слов остяка, что оно серебряное, величиной с фут, и с руками. Кроме того, Патканов утверждает, что большой князь изображается в шапке.

Повидимому, никто из писавших о Виш-Отере (Мункачи, Патканов, Карьяляйнен, Паасонен) изображений, приписываемых ему, не видели, и Л. Р. Шульц был первым из нетуземцев, которому шайтан был показан.

Нахрачинский шайтан (рис. 1), которого мне удалось приобрести у Д. Пакина, ¹ по заключению радиолaborатории имени проф. В. П. Вологодина, отлит из сплава меди с оловом, причем сверх того с лицевой стороны он лужен оловом. Задняя сторона его шершавая.

Медь и олово в сплаве и, кроме того, нанесенное сверху олово, по словам А. В. Шмидта и А. А. Иессена, типично для поделок VI—VIII вв. с Северного Урала (бронзовое изображение медведя близ дер. Подбобыки на Колве, изображения животных с р. Подчерема). Когда я показал шайтана А. В. Шмидту, то он признал его древним изделием, обратив внимание на орнамент вдоль

Рис. 1. Прорезная пластинка — «Шайтан» из с. Нахрачи.

края его, но относительно датировки мнения не высказал. А. А. Спицыну показать его мне не пришлось. Л. Р. Шульц, ездивший в 1926 г. в Ленинград, повидимому, показывал ему рисунок божка. Как видно из прилагаемых иллюстраций, нахрачинский шайтан несколько напоминает шаманское изображение, приобретенное А. К. Сыромятовым из дер. Русиново между Вишерой и Камой (оно хранится в Молотовском университете). Общее между ними ограничивается тем, что оба они представляют собой лунницы — подвески закругленной формы с лицом человека, орнаментом вдоль края и ушком, но шайтан имеет вид полумесяца, рога которого возвышаются над лицом, орнамент проходит по всему краю без перерыва, на лице хорошо заметны нос, большой рот с толстыми губами, глаза и оттопыренные уши, задняя сторона его не гладкая, а у русиновской находки «рога» обращены книзу, почти сходятся, орнамент вдоль края прерывается, давая место нижней части лица, выступающего за край лунницы и имеющего треугольную форму, без ушей, с круглым отверстием вместо рта, громадными глазами в виде круглых пуговиц и линейным носом, а задняя сторона имеет три параллельных наружному краю вдавленных полоски.

Как некоторое, хотя и отдаленное, сходство в композиции с шаманским изображением из Русинова, так и нанесенное сверху олово на лицевой стороне заставляют прийти к заключению, что и нахрачинский шайтан

¹ Нейрон. В делях Урала. Газ. «Вечерняя Москва», 1927, № 65.

по происхождению своему также с западного склона Урала, и я не считал бы невозможным предположить, что он занесен на восточный склон в глубокой древности, может быть, вместе с названиями рек, принесенными вогулами и остяками из Прикамья: среди притоков Конды имеются Кама,

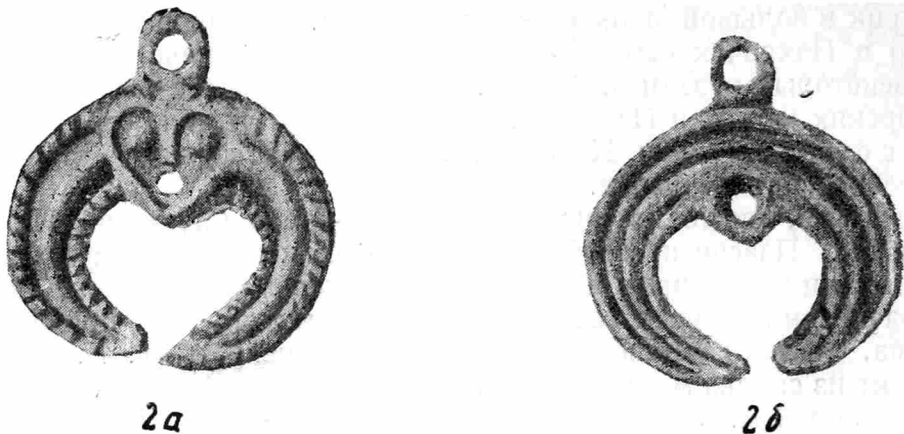

Рис. 2. Шаманское изображение на пластинке из с. Русиново (собр. Молотовского университета).

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

Вачкур, Морторма, Мулымья, Улья, Лемья, Пупи-е, Касынья, которым в Верхоямье отвечают Кама, Вашкур, Муртым, Бортом, Лолым, Уль, Лемья, Буб, Козым. Обь и Обва, приток Камы, тоже, конечно, связаны между собой.

Сотниковская бляха с медвежьей головой, тождественная с кыновской, тоже, конечно, из Приуралья.

В заключение упомяну еще о двух находках, найденных на восточном склоне Урала, но, несомненно, занесенных сюда с западного.

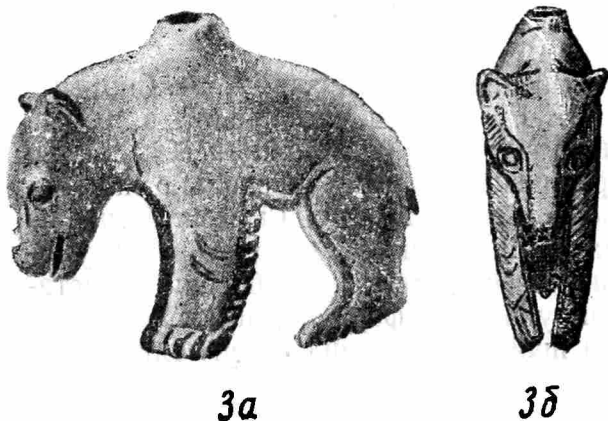

Рис. 3. Полая фигурка медведя, найденная в бассейне р. Южная Сосьва.

а — в профиль; б — в фас.

1913 г. в бассейне р. Южная Сосьва, шаманское изображение орла, клюющего животное (из нашей коллекции; МАР, вып. 26, табл. IV, 13); сходен и орнамент на задней стороне передних ног медведя.¹

В указанной вначале статье А. В. Шмидта, с моих слов, сообщается еще о бронзовой коньковой подвеске XI—XII вв. на Лозье, привезенной из Приуралья. Ее нашли в 1925 г. возле дер. Кузиной; на ней 5 цепочек с лапками, состоящих из пяти колечек каждая (чаще в Приуралье бывает 6 цепочек). Между головами коней расстояние немногим более 3 см; обычно бывают более крупные.

Другая находка — это великолепное полое изображение медведя (рис. 3) с отверстием для продевания, найденное при лесоустроительных работах в

¹ С другой стороны, есть и сходство с медведем из Турбинского клада, 1926 г. — Н. А. Прокошев. Селище у дер. Турбино. Сборн. Археол. памятники Урала и Приуралья — МИА СССР, 1, 1940, стр. 118.

Оно поступило в коллекцию Зеликмана. По А. А. Спицыну, изображение это должно быть отнесено к VIII—IX вв. Карьяляйнен также отмечает, что литые изображения, находимые на старых местах жительства и на жертвенных местах вогул и остяков, одинаковы с теми, которые находят в области заселения пермских племен, так что их происхождение определено надо искать там.¹

В заключение приношу глубокую благодарность проф. А. И. Емельянову, переведшему с вогульского языка песнь о двух богатырях и с финского — сообщение Паасонена об Ай-урте, проф. В. П. Вологдину за дачу радиолобораторией заключения о сплаве, из которого отлит шайтан, и за фотографию его и Н. А. Прокошеву за указание новейших работ по археологии.

Рис. 2 получен мной в 1914 г. от Ф. С. Теплова, рис. 3 выполнен А. А. Вологдиным в Ильинске и рис. 3а П. В. Сюзевым в Добрянке в 1914 г.

Приложение

ПЕСНЬ О ДВУХ БРАТЬЯХ-БОГАТЫРЯХ С НИЗОВИЙ РЕКИ КОНДЫ

Живут, поживают два брата-богатыря в низовьях реки Конды.

1. Младший богатырь однажды вышел из дому. На краю города, на краю деревни живут старуха со стариком. Старик говорит младшему брату богатырю: «Богатырь, в далекой земле, в далекой стране живет богатырь по имени «На краю света 50 богатырей». У него есть дочь по имени «Серебряная смородина — золотая смородина — хитрая девушка». Ты качал ее берестяную колыбель о трех концах, ты качал ее детскую люльку о трех концах. На берегу Оби живет «Трехсаженный лесной болван», он силой похитил ее и держит у себя». ² Младший богатырь домой пришел, потом к старшему брату пошел. Старшему брату говорит: «Идет молва о дочке богатыря «На краю света 50 богатырей». Я качал ее берестяную колыбель о трех концах, я качал ее детскую люльку о трех концах. Не пойдешь ли, говорит, со мной сватом-дружкою; весь в нас, говорит, ни конец иголки не пройдет, ни острие сабли не пройдет. «Серебряную смородину — золотую смородину — хитрую девицу» «Трехсаженный лесной болван» утащил. [Старший брат-богатырь говорит ему]: «Город «Трехсаженного лесного болвана» при семи плесах реки Оби стоит; верхние бревна ограды его до верхнего неба доходят, нижние бревна ограды его в нижнее небо [землю] упираются. С ним живет много народу, самоедов столько, сколько у оленя и собаки шерсти. Он чарует свой народ чарами двухсуставного муравья, он чарует свой народ чарами трехсуставного муравья. ³ Нет, братец, не пойду».

2. [Младший брат говорит]: «Знаешь, брат, тебе бы родиться точильным камнем. Если кто кверху плывет, и иступится сабля его, — о тебя выточил бы; если кто книзу плывет и иступится сабля его, — о тебя выточил бы. Тебе бы родиться бабой с двумя задами (rodex), кто кверху плывет, тот свою мужскую потребность на тебе удовлетворил бы, кто книзу плывет,

¹ К. Ф. Карьяляйнен, ук. соч., стр. 70.

Старик, очевидно, хочет напомнить младшему богатырю о том, что помянутая им девушка была подругой детства младшего богатыря, и последнему не следовало бы допускать такого насилия, какое произвел над ней «Трехсаженный лесной болван» (Мункачи).

³ Выражение, которое мы переводим словом «чарует», для Мункачи осталось не совсем ясным. По поводу его он упоминает только о том, что и в Калевале (IX, песня 241 с. ?) муравью приписывается способность действовать чарами. (Примечание переводчика.)

тот свою мужскую потребность на тебе удовлетворил бы». Младший богатырь воротился домой и один в дорогу собрался. Долго ли шел, коротко ли шел, однажды говорит сам себе: «если так я пойду, далеко ли уйду?». Оборотился медведем. Бежал — бежал, остановился, говорит: «если так я побегу, далеко ли убегу?». Оборотился змеем. Полз — полз, остановился, говорит: «если так я поползу, далеко ли уползу?». Оборотился ястребом, вверх поднялся. Летел — летел, до города «Трехсаженного лесного болвана» долетел и думает: «Как мне подняться по этой ограде, что в верхнее небо уперлась?». Обернулся горностаем. Вверх по городской ограде полез. Лез — лез, — все когти на ногах в другую сторону выворотил. Стал в землю подкапываться, нашел дыру вниз, подкопался внутрь города и вышел.

3. Войдя в город «Трехсаженного лесного болвана», младший богатырь взмолился небесному отцу послать на землю зной, который продолжался бы в течение семи недель. Когда сделалось жарко, жена «Трехсаженного лесного болвана» «Серебряная смородина — золотая смородина — хитрая девушка» пошла на берег Оби купаться и взяла с собою семь служанок. Разделась, спустилась в воду. Выкупавшись, вышла на берег и говорит служанке: «В мою одежду какой-то зверь забился». А туда спрятался младший богатырь. Когда служанка стала трясти одежду, ему уже нельзя стало там оставаться; он выскочил, оборотился медведем, схватил зубами «Серебряную смородину — золотую смородину — хитрую девушку» и утащил в лес к себе, где он жил.

4. А «Трехсаженный лесной болван» спит себе — посыпает. Пробудился, жены нигде нет. Спрашивает людей: «Куда моя жена ушла, кто знает?» — «Да пока ты спал, — говорят ему, — сделался семинедельный зной, твоя жена пошла на берег Оби купаться, и ее проглотил водяной». «Трехсаженный лесной болван» надел кольчугу и саблю, бросился в Обь, только рябь по воде пошла. Принялся он рубить водяных. Рубил, рубил. Неделя прошла, от водяных остались только кусочки. «У моей жены, — говорит, — были две семисаженные косы, а в брюхе водяных их нет». Пошел домой и опять допрашивает народ: «Куда, — говорит, — мою жену девали?». Те говорят: «Леший ее унес». «Трехсаженный лесной болван» надел кольчугу и саблю и пошел в лес драться с лешим. Прошла неделя, от лешего только куски в город попадали. «У моей жены, — говорит, — были две семисаженные косы, в брюхе лешего нет их». Летит ворона. «Ворона, голубушка, не видала ли где моей жены?». Ворона говорит: «А и знаю — так не скажу, и не знаю — так не скажу. Ты когда охотишься в лесу и убиваешь лося, а я хочу капельку крови его попить, то ты идешь на меня с стрелами и луком».

«Трехсаженный лесной болван» дальше идет. Много ли шел, мало ли шел, кто его знает. Летит ворон. «Голубчик, ворон, не видел ли где моей жены?» — «А и знаю — не скажу, и не знаю — не скажу». Опять дальше идет. Летит сорока. «Голубушка, сорока, не видала ли где моей жены?» — «Видала, видала», — говорит сорока. «Я тебе, — говорит «Трехсаженный лесной болван, — выставлю бурак с жиром в семь четвертей». Сорока спустилась, жиру носом поклевала и говорит: «Твоя жена у Кондинского младшего богатыря». «Трехсаженный лесной болван» схватил сороку за хвост и убил о землю.

5. «Трехсаженный лесной болван» воротился домой и стал готовиться воевать с младшим богатырем. Когда он начал набирать войско, луна была величиною с крышку бабьего лукошка с иголками и нитками, а когда кончил набор, луна уже растаяла. И пошел воевать с младшим богатырем. Жена младшего богатыря вышла из дому, обратно воротилась, и говорит младшему богатырю: «То ли войско идет, то ли гости едут к нам, словно лесной мысок со срубленными верхушками деревьев движется».

Младший богатырь оделся, надел кольчугу и саблю и вышел из дому. Вот уже и подошли. «Трехсаженный лесной болван» впереди бежит, руками по бедрам ударяет: «Свояк мой, младший богатырь, — говорит, — долго или коротко будет стоять город твой, огороженный тычинками и травой?». Подошел к городу и ну рубить его своею большою секирой, которой рубят лошадиный зад (vilvam). Младший богатырь натянул лук свой и выстрелил. «Трехсаженного лесного болвана» на три версты вдаль унесло, на аршин глубины в землю он ушел. Вывернулся, опять назад прибежал, рубится под городом. Младший богатырь опять натянул свой лук и выстрелил. «Трехсаженного лесного болвана» на версту отнесло и на три четверти в землю вкопало. Опять вывернулся, к городу прибежал и рубится. Младший богатырь опять свой лук натянул и выстрелил. «Трехсаженного лесного болвана» вихрем унесло за поле сраженья, подхватило, как мякину ветром. Младший богатырь начал сражаться с войском «Трехсаженного лесного болвана». Через три дня посылает он одну из своих жен к старшему своему брату. Жена младшего богатыря приходит к старшему богатырю и говорит: «Не придешь ли, слушай, на помощь: у брата твоего на конце пальца кожа лопнула?». Старший богатырь как лежал, так, не вставая, и говорит: «Если у моего брата иступился нож, пусть придет ко мне повострить». Ворстилась жена младшего богатыря, говорит ему: «Твой брат не идет, если, де», говорит, «у него нож иступился, то пусть придет ко мне повострить». Младший богатырь опять начал сражаться. Через три дня посылает вторую свою жену к старшему брату. А тот отвечает: «Если, де, у моего брата сабля иступилась, то пусть об меня поострит и укрепится». Опять младший богатырь начал сражаться. Через три дня посылает к брату свою новую молодую в правой руке с чашкой полной мяса двухгодовалого жеребенка, в левой руке с новым сукном цвета пламени.¹ Новая жена младшего богатыря пошла к старшему его брату; вошла в дом. Старший богатырь с нижней подушки, на которой лежал, поднялся на верхнюю: «Ступай, — говорит, — обратно, я стану собираться». Собрался, оседлал двух лошадей и поехал войско набирать. Долго ли, коротко ли ехал,² спустился под землю. Ехал, ехал в темноте, приехал к семи своим братьям на том свете. Потом поехал к матери семи братьев и к отцу их. А затем поднялся вверх к творцу вышнего неба и говорит ему: «Милый боженька, не одолжишь ли ты мне золотого бича; милый батюшка Торым, не одолжишь ли ты мне золотого молотка, Владыка семи миров дорогой тятенька, не дашь ли ты мне мех с живой водой?» И дал ему батюшка Нуми Торым золотой бич, золотой молоток и мех с водой. Пошел он обратно, пришел к семи братьям. А тех уже и дома нет. Все уехали помогать младшему богатырю. Старший брат пустился в погоню за войском «Трехсаженного лесного болвана». Однажды как посмотрит он вдаль и видит: семь братьев его, их мать, их отец убитыми лежат. У младшего брата глаз вырван, ухо отрезано, ноги и руки пополам пересечены. Положены в мешок из лошадиной кожи и везутся войском «Трехсаженного лесного болвана» в город его³.

6. Старший богатырь опередил войско и прежде него доехал до города «Трехсаженного лесного болвана». В том городе были живые болваны. Старший богатырь забрался в дом живых болванов, перебил их всех, сам уселся вместо них. А женщины пришли к нему с жертвами. Вскоре и войско воротилось в свой город. Чтобы накормить своих живых болванов, бросили им в окошко мешок из лошадиной кожи: «Мы, — говорят, — принесли тебе живых глаз, живых ушей, живых ног, живых рук». А старший бога-

¹ Одна из обычных деталей языческого ритуала молений вогулов.

² Так как родственников его в живых уже не было.

³ Так обычно поступали с врагом вогулы, остяки и самоеды в старые времена.

тырь сидит себе в доме живых болванов. Брошенный мешок из лошадиной кожи он развязал, взглянул, а там лежит младший брат его. Вынул он его оттуда, помочил живой водой, принесенной сверху, и брат его каким прежде был, таким и ожил. На другой день встали и начали опять сражаться.

7. Старший богатырь сражается, сражается, — людей не стает, деревьев не стает и кустов не стает. Долго ли, коротко ли сражались они — вдруг молот его попадает в какого-то силача. Ударился молот и разлетелся надвое. Спрашивает его: «Кто ты такой?» Тот отвечает: «Я, де, богатырь подземного мира». Снова начали биться, наконец богатырь подземного мира провалился сквозь землю. Старший богатырь опять сражается. Снова попадает ему какой-то силач. «Кто ты?» — спрашивает. — «Я, де, Обский старик». Продолжают биться. Долго ли, коротко ли бились, — Обский старик прыгнул в воду, только пузыри кверху пошли. Старший богатырь опять сражается: людей не стает, деревьев не стает и кустов не стает. Только глянул вперед, видит: младший богатырь бежит, а два человека — «Трехсаженный лесной болван» и «Обитатель города могучий богатырь с глазами величиной с мельничный жернов» — гонятся за ним. Как только увидели они старшего богатыря, свернули с дороги и побежали в разные стороны. Оба брата богатыря с низовьев Конды встретились. Старший говорит брату: «Ты ступай, де, в погоню за своим свояком «Трехсаженным лесным болваном», а я буду преследовать «Обитателя города могучего богатыря с глазами величиной с мельничный жернов». И погнался. Гнался, гнался — где его настиг, тут и убил. Воротился. А младший богатырь с «Трехсаженным лесным болваном» бьются там, где встретились. «Трехсаженный лесной болван» повалил младшего богатыря на спину и сел на грудь ему, достал из кармана священный нож, чтобы перерезать горло младшему богатырю. А младший богатырь ему и говорит: «Что же ты меня хочешь резать не так, как следует? Ведь я человек божьего рода, на свет появившийся в третий день. ¹ Ты бы покричал о моей душе вверх к батюшке моему Нуми Торым». «Трехсаженный лесной болван» поднял свою голову кверху, а младший богатырь тем временем ударил его в живот. «Трехсаженный лесной болван» упал на спину. Младший богатырь вскочил на него. «Трехсаженный лесной болван» говорит ему: «А ты покричи вверх о моей душе». Младший богатырь говорит ему: «Ты только мясо для пищи вшам. Кому ты известен? И бог тебя не знает». И с этими словами перерезал ему горло.

8. Убив «Трехсаженного лесного болвана», младший богатырь встретился с старшим братом и поехали домой. Доехали до места, где были оставлены семь убитых братьев. Оживили их живой водой, принесенной с неба. Потом доехали до матери семи братьев и ее оживили, затем приехали к отцу семи братьев, оживили и его. Дальше поехали. Долго ли, коротко ли ехали два нижнекондинских брата богатыря, — приехали в свой город, домой. Вина наготовили, пива наварили, неделю ели, неделю пили. И я там ел, и я там пил. И песня моя кончилась, и сказка моя кончилась.

¹ А не так, как все остальные смертные — через 9 месяцев.

A. ТЕРПЛОУHOV

SUR UNE ANCIENNE REPRÉSENTATION DE CHAMAN RÉVERÉE
CHEZ LES VOGOULS ET LES OSTIAKS DE LA KONDA

R é s u m é

Dans les régions habitées par les Vogouls et les Ostiaks, on a découvert des objets en «bronze» anciens, gardés dans les lieux de culte de ces peuples ou dans leurs habitations en qualité d'objets de caractère religieux. Les figurations d'hommes et d'animaux en métal fondu sont particulièrement vénérées chez les Ostiaks.

Semblables objets sont connus sur le cours de la Salyma, affluent de l'Irtyš, peuplé par les Ostiaks—dans les yourtes Sarovskie et Kintusovskie (L. Schultz), sur le cours de la rivière Ljapin, affluent de la Sosva septentrionale, habité par les Vogouls — à Lobomvož — paul (S. Rudenko), sur l'Irtyš en amont du confluent de la Konda — dans les yourtes Sotnikovskie, habitées par les Ostiaks (K. Karjalainen), enfin sur la Konda et son affluent la Jukonda — dans les yourtes de Staryj Katyš et au village de Nahači (L. Schultz).

Il existe toute une littérature concernant le chaïtan de Nahači, qui le rattache, peut-être sans raisons suffisantes, à l'une des trois principales idoles du pays des Ostiaks — l'idole de la Konda, qui date du début du XVIII-e siècle, et d'autre part au héros de l'épopée vogoule Viš-Oter.

En 1914 il y avait à Nahači, au dire de G. Novickiy, une idole qui se trouvait autrefois dans les yourtes Belogorskie sur l'Ob et fut transportée plus tard par les Ostiaks en lieu plus sûr, sur la Konda, chez les Vogouls. Lorsque les missionnaires russes parurent ici et exigèrent que l'idole leur fut livrée pour être détruite, les indigènes leur remirent à sa place une fausse idole et cachèrent la vraie.

Patkanov indiqua en 1891 que les prêtres des principales idoles du pays résident à Nahači et aux yourtes Belogorskie et qu'à Nahači les gardiens héréditaires de ces idoles sont les Vogouls Pakin, descendants des anciens chamans ou princes. Il communiqua aussi que dans le district de Tobolsk deux héros légendaires sont l'objet d'une grande vénération — les anciens princes des yourtes de Nahači: Viš-Oter (en vogoul) ou Aj-Urt (en ostiak), le «petit héros» et le «grand héros» ou le «vieillard au grand bonnet». Patkanov émit la supposition que l'idole cachée aux missionnaires par les Vogouls figurait Aj-Urt.

En 1888 B. Munkači nota au village de Satygi sur la Konda une chanson vogoule sur ces deux héros légendaires et la publia — l'auteur en donne la traduction, faite par le prof. A. Jemeljanov.

En 1933, V. Černetsov nota un conte sur Viš-Oter, qu'il publia ensuite. Karjalainen et Paasonen mentionnent aussi les héros de Nahači. En 1926, le chaïtan de Nahači fut acheté au petit-fils du chaman, D. Pakin. C'est un croissant muni d'une oreillette pour la suspension, sur la face antérieure duquel est représenté un visage humain; il est coulé en alliage de cuivre et d'étain et recouvert en outre, sur la face, d'une mince couche d'étain, ce qui est caractéristique pour les objets en «bronze» des VI — VIII-e siècles (et aussi des IX—X-e siècles) du nord de la région Subouralienne, comme l'a établi V. Danilevskij. Ce fait, ainsi qu'une certaine ressemblance de composition avec la représentation de chaman trouvée au village de Rusinova, sur le cours inférieur de la Visšra (région Subouralienne), donne à supposer que le chaïtan de Nahači, lui aussi, a été apporté par les Vo-

gouls et les Ostiaks sur le versant est de l'Oural du versant ouest, où ils habitaient autrefois — peut-être à une époque ancienne, en même temps que les noms des rivières: parmi les affluents de la Konda, on a les rivières Kama, Vačkur, Mortom'ja, Ul'ja, Lem'ja, Pupi-e, Kasyn'ja, auxquelles correspondent, sur le cours supérieur de la Kama, les noms de Kama, Vaškur, Murтым, Bortom, Lolym, Ulj, Lem'ja, Bub, Kosым. Semblable lien existe également entre l'affluent de la Kama l'Obva et l'Ob.

L'auteur mentionne encore une petite pendeloque en forme de patins du XI—XII-e siècle, trouvée en 1925 sur la Lozjva et une figurine d'ours creuse, trouvée en 1913 sur la Sosva méridionale, qui proviennent également du versant ouest de l'Oural.

С. С. ЧЕРНИКОВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕРХОВИЙ ИРТЫША

В 1935 и 1937 гг. мною было произведено археологическое обследование верховий Иртыша, от устья р. Кизыл-су и почти до китайской границы, захватившее главным образом Калбинский и Нарымский хребты. Наряду с большим количеством разнообразных курганов и следами древних горных работ, при обследовании обнаружены и наскальные изображения. Найдено 19 пунктов (рис. 1), где отдельные камни или целые скалы покрыты множеством разнообразных рисунков.

Все наскальные изображения находятся на холмах, окаймляющих долины рек,¹ и выбиты на камнях, обращенных к воде. Техника нанесения изображения на поверхность камня повсюду одна и та же (за исключением пункта Тамураши II, о чем подробнее остановимся ниже). Рисунки делались при помощи многократных ударов по камню металлическим орудием с рабочей площадкой не свыше 0.3 кв. см. Каждый такой удар давал на камне углубление, около 0.5 см глубиной, снимая только верхнюю выветренную корку. В результате получалась шероховатая поверхность, резко отличающаяся по цвету от основного тона камня. Значительная часть рисунков сделана сплошным силуэтом. Изображения высечены в большинстве случаев на гладких, серовато-коричневых плоскостях метаморфизированного сланца. Есть они также на розовато-сером, среднезернистом граните (Кула-Журга), розовом песчанике (Казанчункур), аплите (Кальджир) и порфирите (Боко).

Наскальные изображения Верхнего Прииртышья уже обращали на себя внимание некоторых исследователей. Ледебур отметил рисунки архаров и оленей, на южных склонах гор Долон-Кара.² Кастанье³ приводит сведения о 15 изображениях животных и людей в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах. Н. Гуляев дал описание двух групп изображений у дер. Таловки в долине р. Нарыма.⁴ Адрианов, проводивший специальное археологическое обследование западного Алтая, дает в своей работе описание целого ряда пунктов наскальных изображений, частью виденных им самим, частью со слов местных жителей. Его указания были использованы нами при обследовании группы изображений на р. Кальджир.⁵

В. Ризниченко⁶ посвятил особую статью найденным им наскальным изображениям в долине р. Дженешке, правом притоке Курчума. Опубли-

¹ За исключением пунктов в логу Курсай и у гор. Долон-Кара. В обоих случаях число рисунков крайне незначительно.

² Н. F. L e d e b u r g. Reise durch das Altaigebirge und die Soongarische Steppe (im Jahre 1826). Berlin, 1829.

³ И. А. К а с т а н ь е. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 136.

⁴ Н. Гуляев. «Писанные камни» Усть-Каменогорского уезда. Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО, т. XXXVIII, 1916.

⁵ А. Адрианов. К археологии Западного Алтая. ИАК, вып. 62, 1916.

⁶ В. Р і з н и ч е н к о. Зразки первісного мистецтва на межі пустель Гобі. Антропологія. Річник кабінету, Київ, 1928.

ковав ряд интересных рисунков, он относит их к палеолиту и сравнивает их с знаменитыми пещерными рисунками Франции и Испании. Это утверждение, на наш взгляд, ничем не обосновано, так как изображения на р. Дженешке решительно ничем не отличаются от остальных изображений всего западного Алтая. В его публикации особенно интересна фигура хищника (табл. II, б), напоминающая по технике и стилю аналогичные изображения группы Тамураши II.

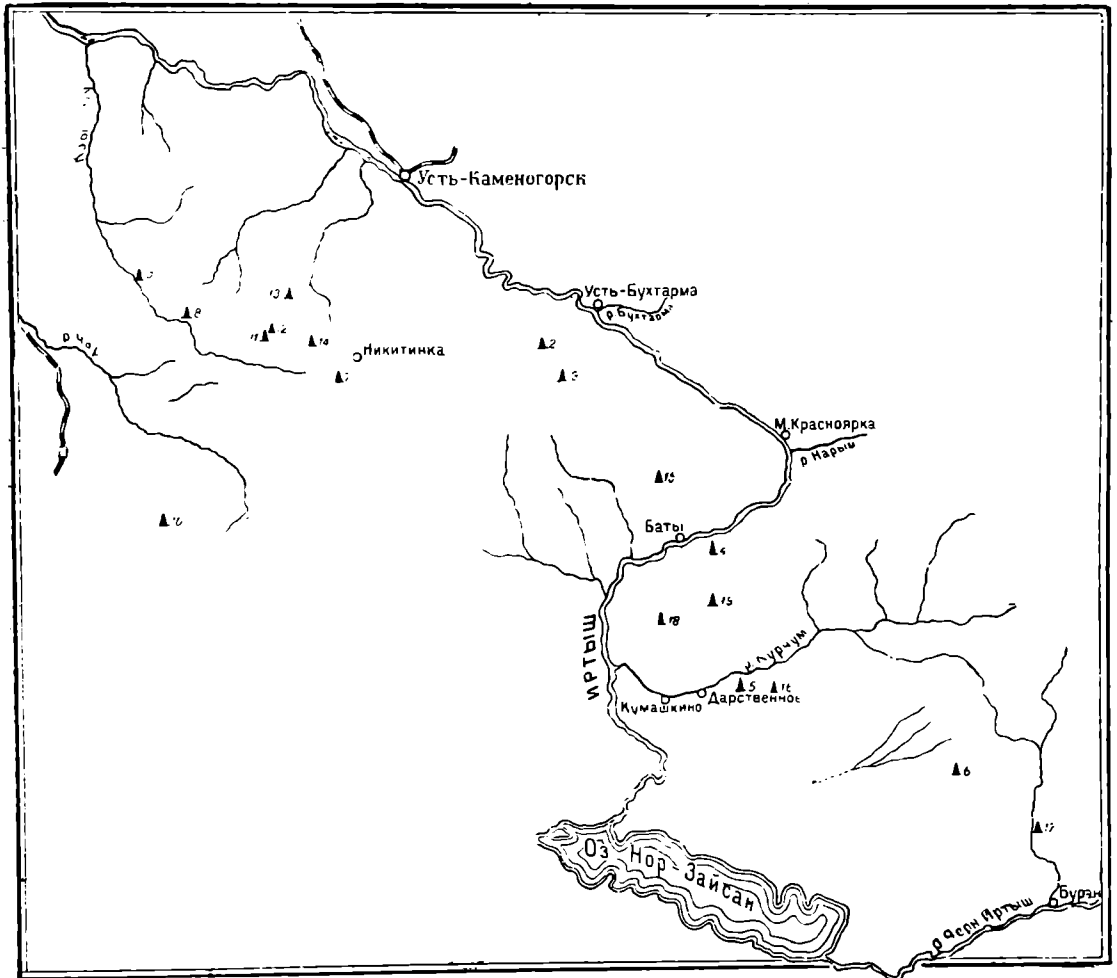

Рис. 1. Пункты наскальных изображений в верховьях Иртыша, обследованных в 1935 и 1937 гг.

1 — ключ Кочунай; 2 — р. Атымбек; 3 — лог Курсай; 4 — ур. Кула-Журга; 5 — сопка Туль-Куне; 6 — р. Такыр; 7 — ур. Сары-Булак; 8 — Казанчункур; 9 — дер. Остриково; 10 — рудник Бок; 11 — Тамураши I; 12 — Тамураши II; 13 — аул Калабай; 14 — ключ Алибек; 15 — дер. Уразбай; 16 — горы Долон-Кара; 17 — р. Кальджир; 18 — Сергеевка I; 19 — Сергеевка II.

После этих предварительных замечаний приведем описание всех пунктов наскальных изображений в порядке их обнаружения.

1. **К о ч у н а й.** По течению ключа Кочунай в 2 км от впадения его в р. Урунхайку, на гладкой плоскости сланца, близко от воды, выбиты тупым орудием изображения горного козла, неопределенного животного и трех всадников. Один из всадников сидит на горном козле, держа его за рога. Фигуры небольших размеров и выбиты сплошным силуэтом (рис. 2, 1).

2. **А т ы м б е к.** По течению р. Атымбек, в 6 км от рудника Калаи-Топкан, на гладкой отдельности сланца, лицом к воде, выбиты изображения трех оленей (маралов). Два марала стоят друг против друга, у одного ветвистые рога, растущие вверх, другой безрогий. Третий марал внизу, под первыми

двумя, также с рогами вверх, повернут мордой направо. Размер каждой фигуры около 30 см.

3. К у р с а й. В 6 км на северо-восток от ур. Бухтыр, по логоу Курсай, на вершине невысокой сланцевой сопки — группа наскальных изображений.

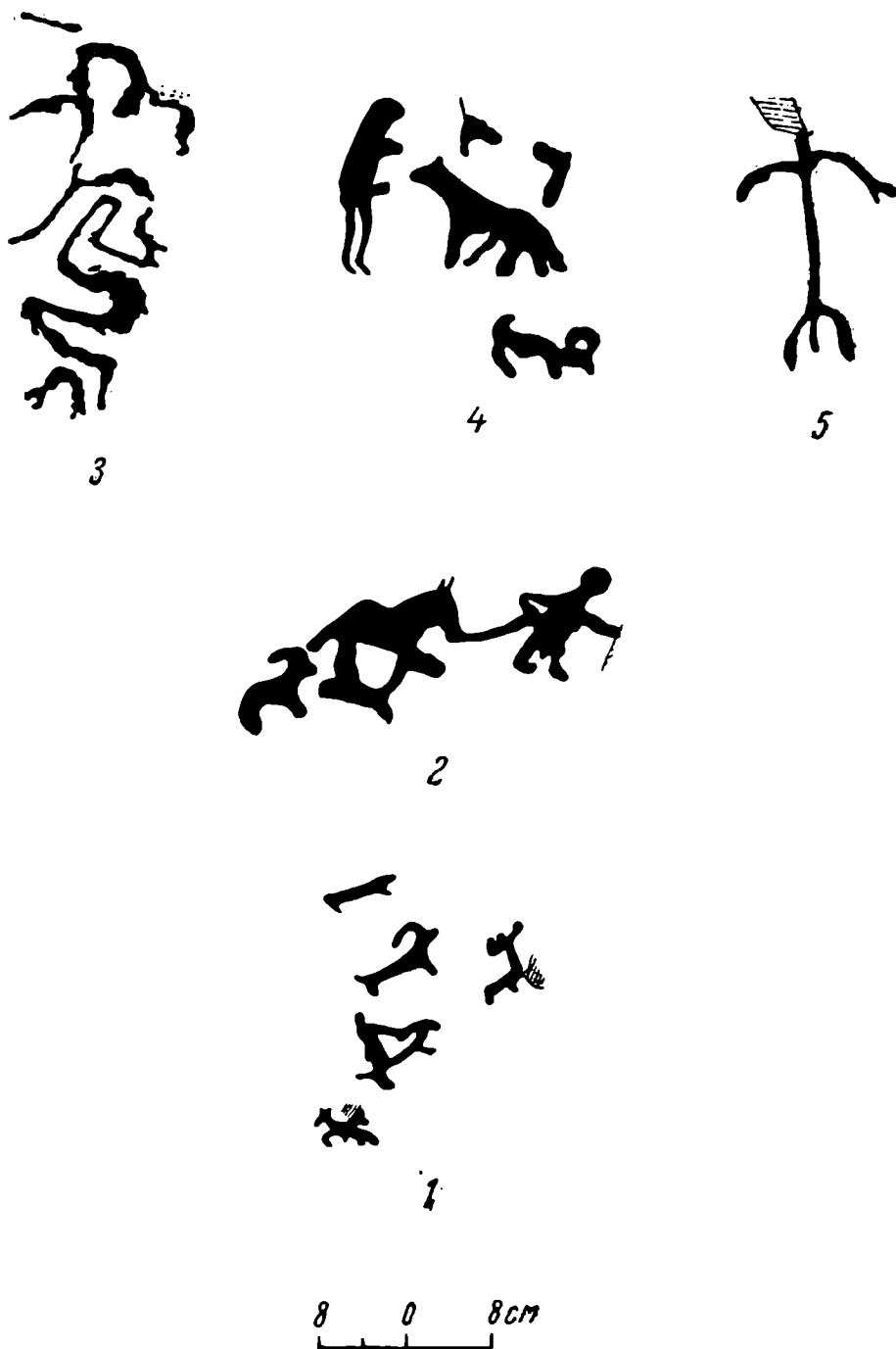

Рис. 2. Наскальные изображения на р. Кочунай и на холмах Туль-Куне.

1 — ключ Кочунай; 2—5 — Туль-Куне, северный холм (2 — группа 2-я; 3—группа 16-я; 4 — группа 15-я; 5 — группа 14-я).

Изображения выбиты на небольших гладких камнях, лежащих почти горизонтально. Все фигуры сильно выветрены и почти незаметны. Изображения встречены на пяти камнях: а) горный козел; б) 4 горных козла, по два друг над другом; в) 4 горных козла, расположенных в беспорядке;

г) неопределенное животное с очень ветвистыми рогами; д) 2 горных козла (очень неясно). Средняя величина фигур 10—12 см.

4. У р о ч и щ е К у л а-Ж у р г а. На пространстве 2—3 км отмечено 8 групп наскальных изображений:

1-я группа. Два, стоящие друг против друга горных козла (рис. 8, 1).

2-я группа. Ряд фигур, изображающих маралов с ветвистыми рогами. Фигура человека, стреляющего из сложного лука в горного козла (рис. 7, 2). Фигура человека с распростертыми руками. Ниже — фигура человека, стреляющего из сложного лука и ведущего на поводу неопределенное животное, с большим ухом и коротким хвостом; перед человеком, спиной к нему, — фигура горного козла с поджатыми ногами; над ним неопределенное изображение, напоминающее птицу, сидящую на рогах козла. Рядом неопределенное животное (рис. 7, 3).

3-я группа. Фигуры горных козлов и неопределенные ломаные линии.

4-я группа. Фигуры горных козлов и человеческая фигура.

5-я группа. Фигура сильно вытянутого в длину оленя. Под брюхом у него неопределенное животное с длинной шеей и неясное изображение какого-то предмета. Под ними, ногами вверх, изображения двух также вытянутых оленей, у одного из них большие, ветвистые рога, у другого только 2 отростка (рис. 7, 1).

На остальных точках преобладают изображения горных козлов. Все рисунки нанесены сплошным контуром, углублениями (до 0,5 см), на ровной поверхности гранита в естественных нишах (так наз. «карманах выдувания»). Большая часть рисунков подверглась дальнейшему выдуванию, причем видно, что за время существования изображений был выдут слой гранита от 0,3 до 0,5 см. При этом некоторые рисунки настолько сгладились, что разобрать их невозможно. Изображения находятся на невысоких гранитных скалах, ограничивающих здесь долину Иртыша.

5. С о п к а Т у л ь-К у н е. Изображения находятся в южном конце небольшого сланцевого хребта на двух невысоких холмах в 4 км восточнее с. Дарственное. Изображения выбиты на гладких плоскостях небольших сланцевых выходов и частично выветрены. На обоих холмах находится свыше 40 групп изображений, причем отдельные фигуры горных козлов и неопределенных животных встречаются по всему хребту. Ввиду краткости времени, зарисовать полностью все изображения было невозможно. Приведу описание наиболее интересных из них.

Северный холм

1. Изображение женщины с очень широким тазом (рис. 5, 7).

2. На большой плоскости сланца, вверху, фигура человека, ведущего за узду стреноженную лошадь; внизу изображения архаров и неопределенных животных (рис. 2, 2).

3. Фигура человека с руками, упертыми в раздвинутые колени, переходящая внизу в фигуру неопределенного толстого животного, повернутого мордой вниз. Под ним изображение человека во весь рост, держащего на вытянутых руках за горло горного козла, и неопределенное, видимо, хищное животное (рис. 5, 2).

4. На самой вершине холма, на горизонтальной плоскости сланца, изображение двух кругов с точками в центре (рис. 5, 4). На соседнем выходе сланца — несколько фигур горных козлов.

5. Два стрелка из лука (простого), расположенные по вертикали. Нижний из них достигает стрелой стоящего к нему спиной горного козла (рис. 4, 3).

6. Группа горных козлов и неопределенных животных, над которыми выбиты широкие перекрещивающиеся и закругляющиеся линии.

7. Фигуры двух людей и неопределенное животное.

8. Фигуры двух сражающихся людей. Один из них больших размеров и в длинной одежде, вооружен луком и стрелой, другой, повидимому, с топором (рис. 5, 5).

9. Группа из 22 фигур животных и человека, держащего под уздцы лошадь. Среди животных можно различить верблюда, хищное животное семейства кошачьих, волка, белку (?), горного козла, птицу (?) и лошадь. Остальные животные неопределенны (рис. 4, 1).

10. Две фигуры животных, расположенных одна над другой и смотрящих в разные стороны; одно из животных напоминает лося (рис. 5, 6).

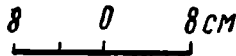
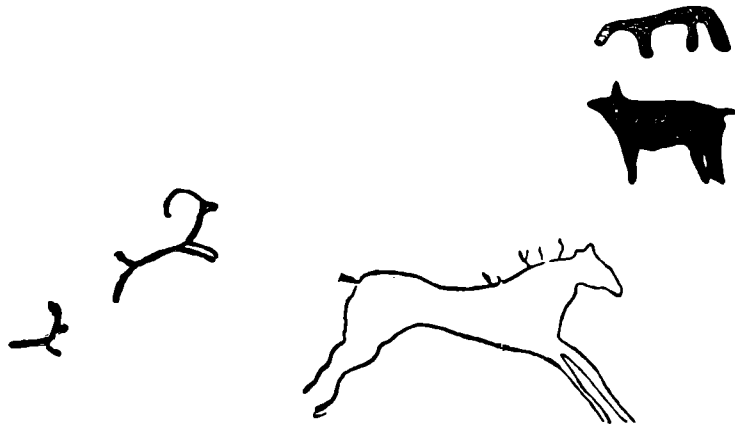

Рис. 3. Наскальные изображения на северном холме Туль-Куне (группа 18-я).

11. Изображение животного с опущенным длинным хвостом и острой мордой (рис. 4, 5)

12. Фигура человека с поднятой рукой и с звериной или птичьей мордой, повернутой вправо. Другой рукой эта фигура удерживает маленькую человеческую фигуру (видимо, женскую), стоящую сзади первой, также с поднятой рукой. Ноги второй фигуры связаны. Обе фигуры соединены между собой линией, идущей на уровне пояса, а между ними, начинаясь от плеч, находится неопределенное изображение, напоминающее человека, держащего перед собой какое-то орудие. Перед этими фигурами справа стоит третья человеческая фигура такой же величины, как и первая; одна рука поднята, другая протянута вперед и, расширяясь, соединена с рукой первой фигуры. Еще правее изображены стоящие одна над другой две лошади, нижняя из них стреножена. Вся сцена производит впечатление борьбы между двумя центральными фигурами (рис. 5, 1).

13. Группа из 11 неопределенных зверей, среди которых можно узнать большого оленя с растущими вверх ветвистыми рогами и маленького гор-

ного козла. С левой стороны вверху выбиты 3 изображения (одно неполностью), напоминающие следы человеческих ног (рис. 4, 4). На соседнем

Рис. 4. Наскальные изображения на северном холме Туль-Куне.

1 — группа 9-я; 2 — группа 19-я; 3 — группа 5-я; 4 — группа 13-я; 5 — группа 11-я.

выходе сланца выбито правильное изображение человеческого следа обутой ноги, пересеченного внутри двумя линиями.

14. Схематичное, нанесенное выбитой линией изображение человеческой фигуры с раздвинутыми руками. Голова изображения отбита (рис. 2, 5).

15. Стоящая человеческая фигура в высоком головном уборе (или с надетой на голову шкурой); против него изображен волк (?). Над спиной волка два неопределенных знака. Ниже — фигура горного козла, повернутая мордой вправо (рис. 2, 4).

16. Неопределенные линии, немного напоминающие китайские иероглифы (рис. 2, 3).

17. Фигуры четырех горных козлов, высеченных на сильно наклонной внутрь плоскости сланца, близко от земли. Для того чтобы их увидеть, необходимо лечь на землю.

18. Изображение скачущей вправо лошади, сделанное узкой выбитой линией, и шести горных козлов, также скачущих вправо, разделенных на две группы. В правой нижней группе, состоящей из четырех козлов, выбито сплошным силуэтом изображение неопределенного животного, мордой влево, перекрывающее голову одного и ноги другого козла. Над мордой лошади, также сплошным силуэтом, выбиты фигуры двух неопределенных животных мордой влево. Последние 3 фигуры выбиты явно позднее, чем первые (рис. 3).

19. Изображены слева направо: две фигуры горных козлов один над другим, повернутые мордами в разные стороны. У верхнего козла ноги соединены линией. Правее — неопределенные линии и еще далее — большая фигура горного козла, выбитая сплошным контуром, которая перекрывает изображение еще двух горных козлов, переданных очень схематично (рис. 4, 2).

Южный холм

1. Изображение человека и горного козла.

2. Семь отдельных плоскостей сланца с изображениями горных козлов и неопределенных животных.

3. На вершине холма, на горизонтальной плоскости сланца, выбитый круг с двумя перекрещивающимися линиями. Рядом изображений нет.

4. Изображение неправильного круга. Над ним неопределенное, по видимому, хищное животное (рис. 5, 3).

Холмы Туль-Куне являются наиболее богатыми по количеству изображений из всех обследованных пунктов.

6. Р е к а Т а к ы р. Изображения находятся в 3 км от ключа Тапор-Булак, вниз по течению р. Такыр. Всего отмечено 4 группы изображений, три из них находятся на одной скале; четвертая в 1 км вверх по Такыру. Все фигуры выбиты на вертикальных отдельностях сланца.

1-я группа. Человек, повернутый вправо, стреляющий из сложного лука вслед неопределенному хищному животному и горному козлу; выше — еще одно неопределенное животное. За стрелком из лука, несколько выше — 4 фигуры людей с расставленными в стороны руками (рис. 6).

2-я группа. Сплошь покрытая изображениями скала, площадью около 5 кв. м. Изображены фигуры людей, горных козлов, маралов, лошадей, верблюдов и неопределенных животных, без видимой связи отдельных изображений друг с другом.

3-я группа. Аналогична второй, но изображения выветрены и неясны.

4-я группа. Фигуры нескольких горных козлов и неопределенных животных. Все изображения выбиты сплошным силуэтом.

7. С а р ы - Б у л а к. В ур. Сары-Булак, по течению р. Бердыбай на отдельной сопке, сложенной гладкими плитами сланца, изображены фигуры горных козлов, маралов и неопределенных животных. Все изображения выбиты сплошным силуэтом.

8. К а з а н ч у н к у р. Изображения находятся в 0.5 км от золотого рудника Казанчункур (на котором имеются следы древних работ), на одной из сопок, окаймляющих долину реки. На гладкой плоскости песчаника

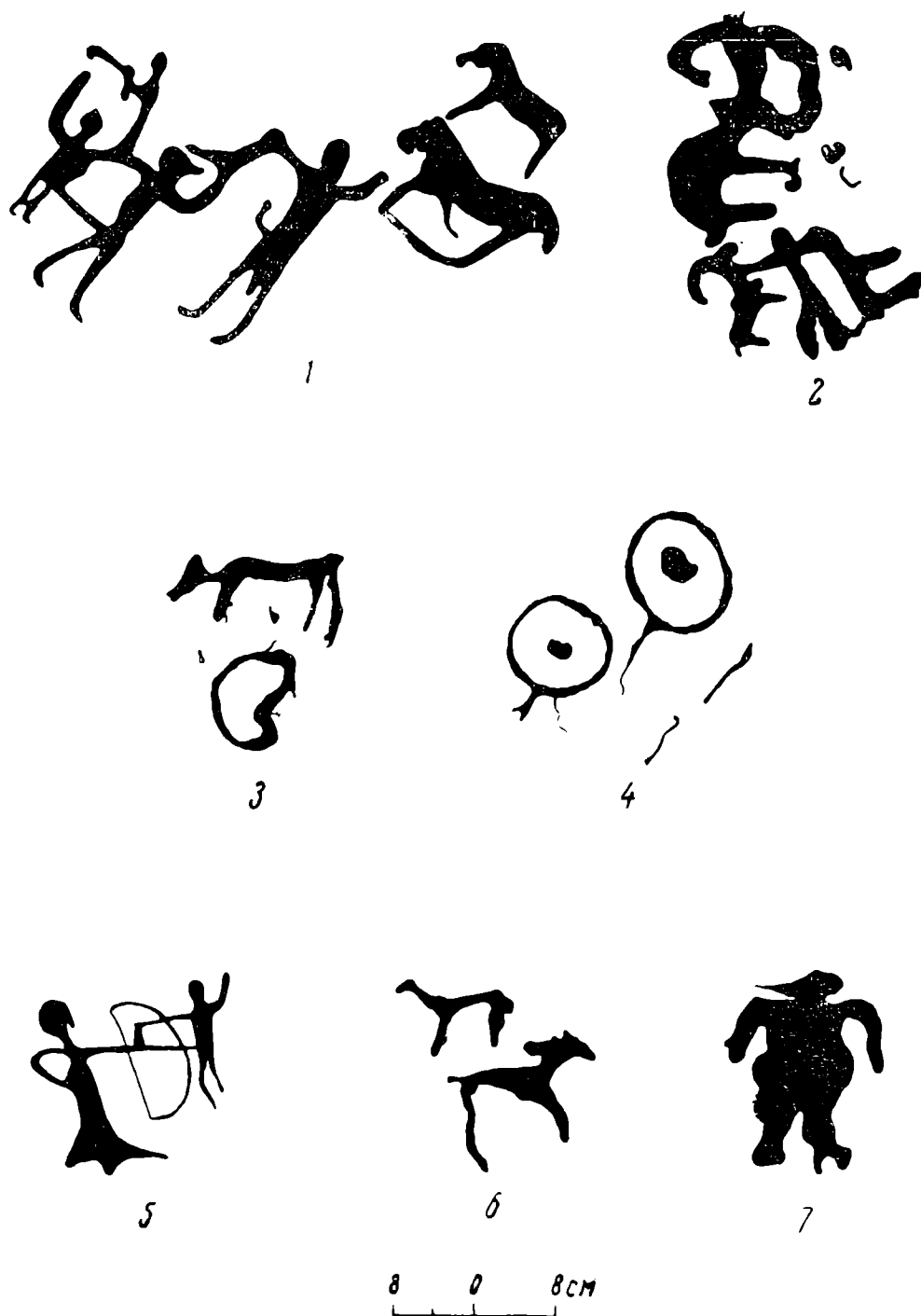

Рис. 5. Наскальные изображения на Туль-Куне;

1 — северный холм, группа 12-я; 2 — северный холм, группа 3-я; 3 — южный холм, группа 4-я;
4 — северный холм, группа 4-я; 5 — северный холм, группа 8-я; 6 — северный холм, группа 10-я;
7 — северный холм, группа 1-я.

лицом к реке выбито неопределенное изображение, напоминающее голову человека с плечами (плечи можно трактовать и как изображения горных козлов). Ниже неопределенные линии и фигуры, напоминающие головы

животных (горного козла и лошади) и еще ниже — схематические изображения человека, перевернутого вверх ногами, и горного козла.

9. О с т р и к о в о. Изображения находятся в 1 км от дер. Остриково, вверх по р. Кизыл-су, на вершине сланцевой сопки с топографическим знаком, поставленным на кургане с каменной насыпью. Изображения выбиты на отдельностях невысоких выходов сланца. Всего отмечено 4 группы изображений.

1-я группа. В логу между сопками 4 горных козла и неопределенное животное.

2-я группа. Два горных козла и одно неопределенное животное.

3-я группа. Два горных козла, один против другого.

Рис. 6. Наскальные изображения на р. Такыр (группа 1-я).

4-я группа. Трещиноватая отдельность сланца, шириной в 3 м, сплошь покрытая рисунками, разбивающимися на 9 участков (рис. 8, 2): а) неясные изображения четырех травоядных животных; б) изображение круга, под ним три неопределенных животных; в) три травоядных животных с чертой внизу ног (путы?) и один горный козел; г) семь неопределенных животных и фигура человека; д) три изображения травоядных животных с путами на ногах и один верблюд, рисунки выбиты один над другим (рис. 9, 3); е) фигуры двух травоядных животных с путами и два неопределенных изображения; ж) изображение горного козла (?) с двумя рогами, соединяющимися за спиной; ниже — фигура человека, ведущего за повод двугорбого верблюда; еще ниже — изображение верблюда (рис. 9, 2); з) изображения трех животных с путами на ногах и одного двугорбого верблюда, расположенные в вертикальном ряду; и) изображение хищного животного, перевернутого вправо в профиль с вытянутыми вперед лапами и длинным хвостом, свернутым на конце в кольцо; над ним (ближе к хвосту) изображения горного козла и неопределенного животного; перед мордой хищника — животное, напоминающее горного козла, над которым выбита неясная фигура (рис. 9, 1).

10. Б о к о. Изображения находятся в 2 км на юго-запад от золотого рудника Боко. На трех плоскостях порфирировидных пород, обращенных

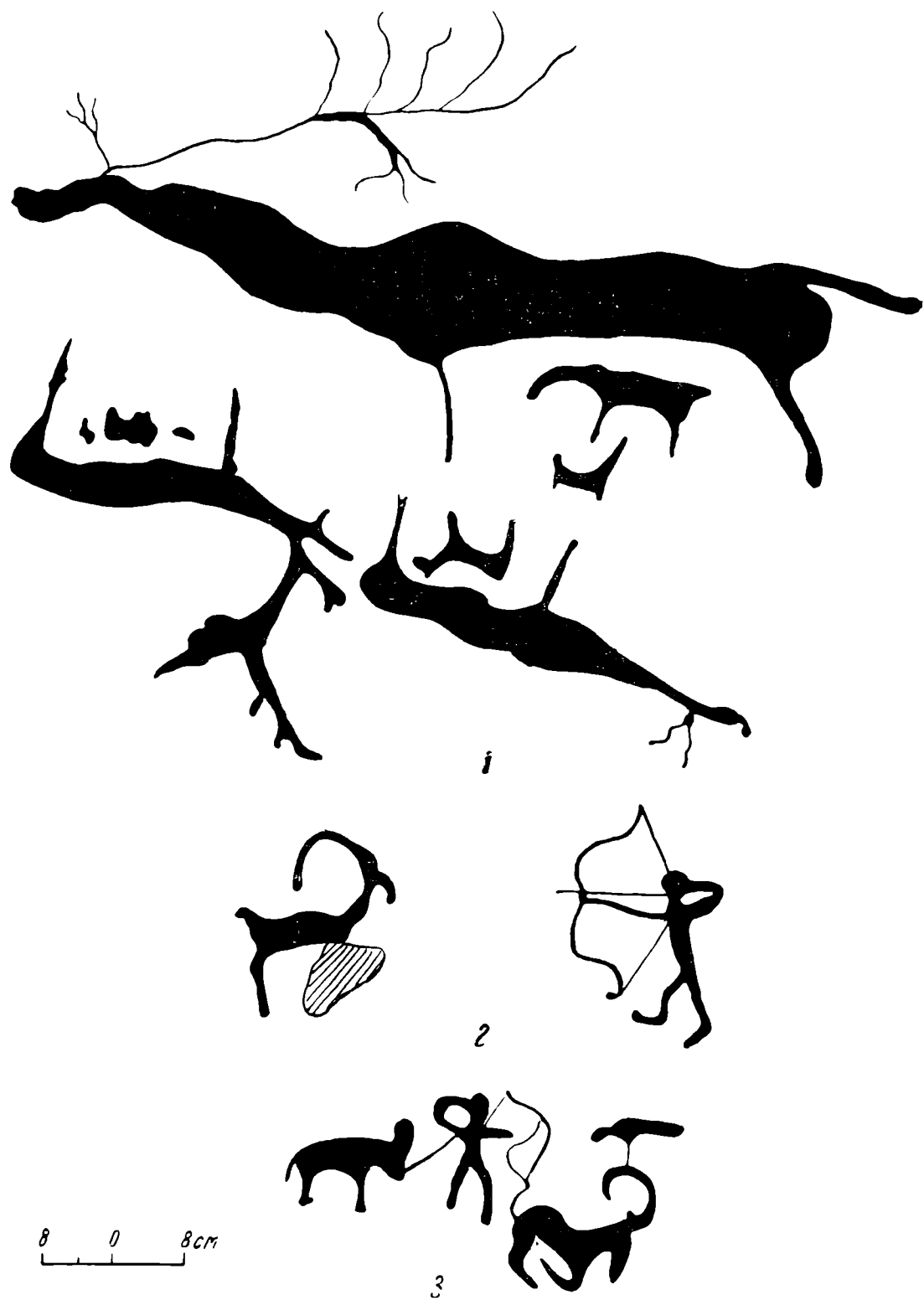
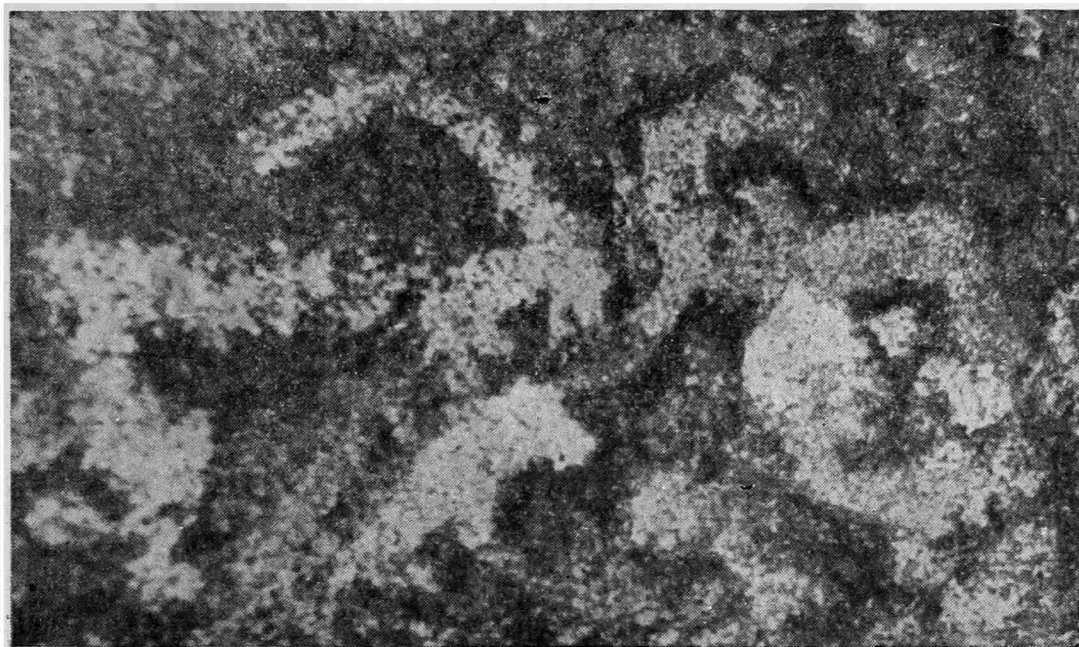

Рис. 7 Наскальные изображения в ур. Кула-Журга

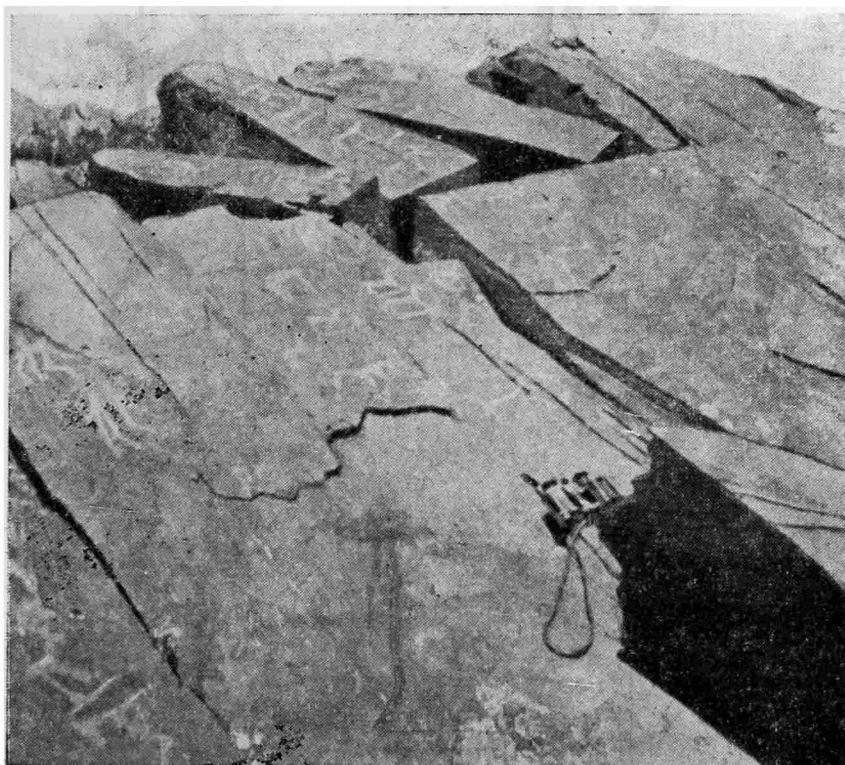
1 — группа 5-я; 2 — группа 2-я (левый участок камня); 3 — группа 2-я (нижний участок камня).

к востоку, выбиты изображения восьми горных козлов и трех неопределенных животных.

11. Тамураши I. В долине ключа Тамураши (в 5 км к югу от рудника Мынчункур) отмечены изображения на двух невысоких сланцевых

1

2

Рис. 8. Наскальные изображения.

1 — ур. Кула-Журга, группа 1-я; 2 — дер. Остриково, общий вид наскальных изображений группы 4-й.

холмиках, идущих в широтном направлении. Изображения выбиты на плоских отдельностях сланца и настолько сглажены от времени, что с трудом поддаются изучению; они разбросаны как группами, так и отдельными

фигурами, по всей длине обоих холмиков. Лучше всего сохранились 5 групп изображений.

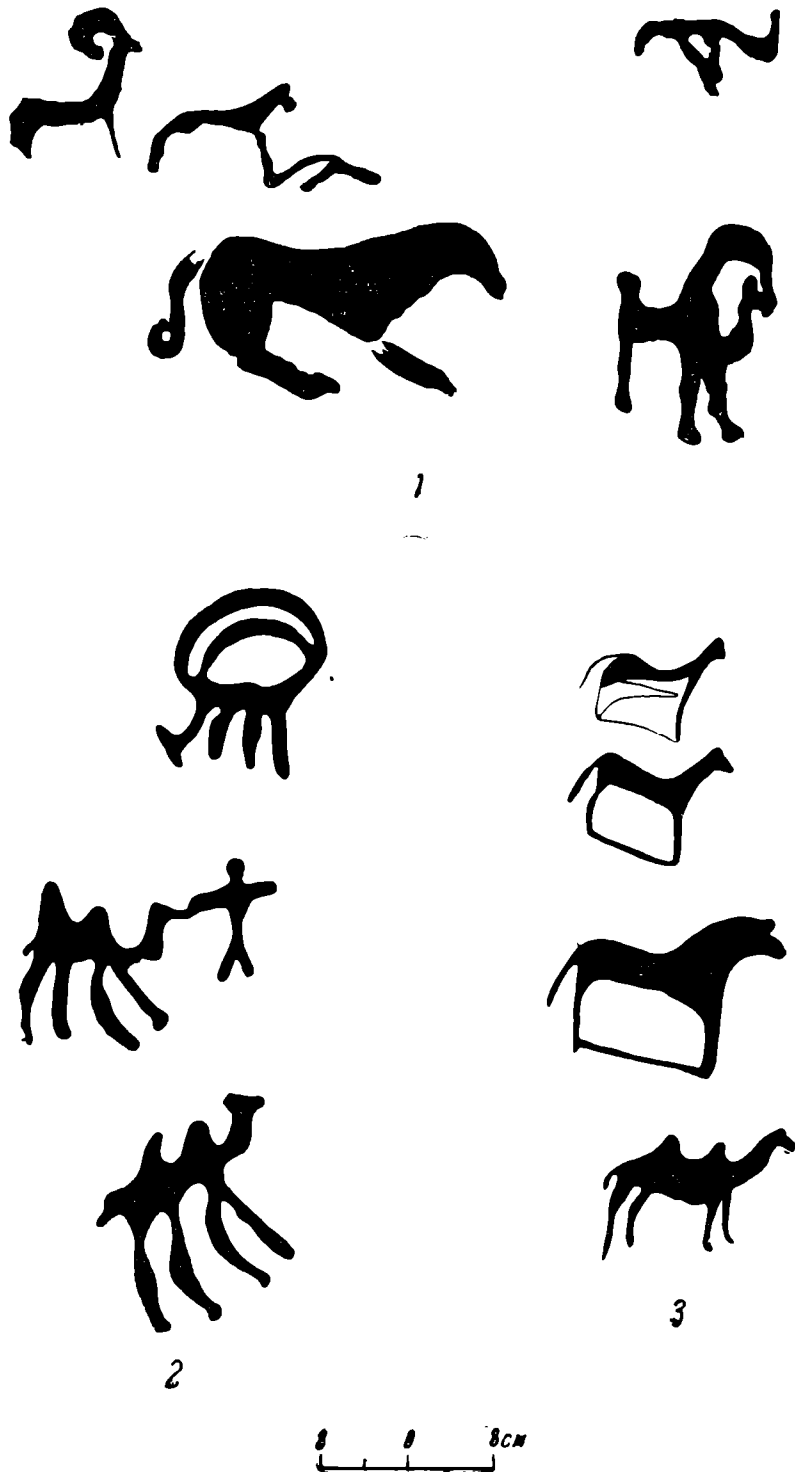

Рис. 9. Наскальные изображения у дер. Остриково.

1 — группа 4-я, участок и; 2 — группа 4-я, участок ж; 3 — группа 4-я, участок д.

1-я группа. Три или четыре, расположенные горизонтально, человеческие фигуры с расставленными руками и ногами; выбиты глубоко, широкой рваной линией (рис. 10, 2).

2-я группа. Изображение человека, который, согнувшись, стреляет из лука. Перед ним — два неопределенных животных с длинными хвостами.

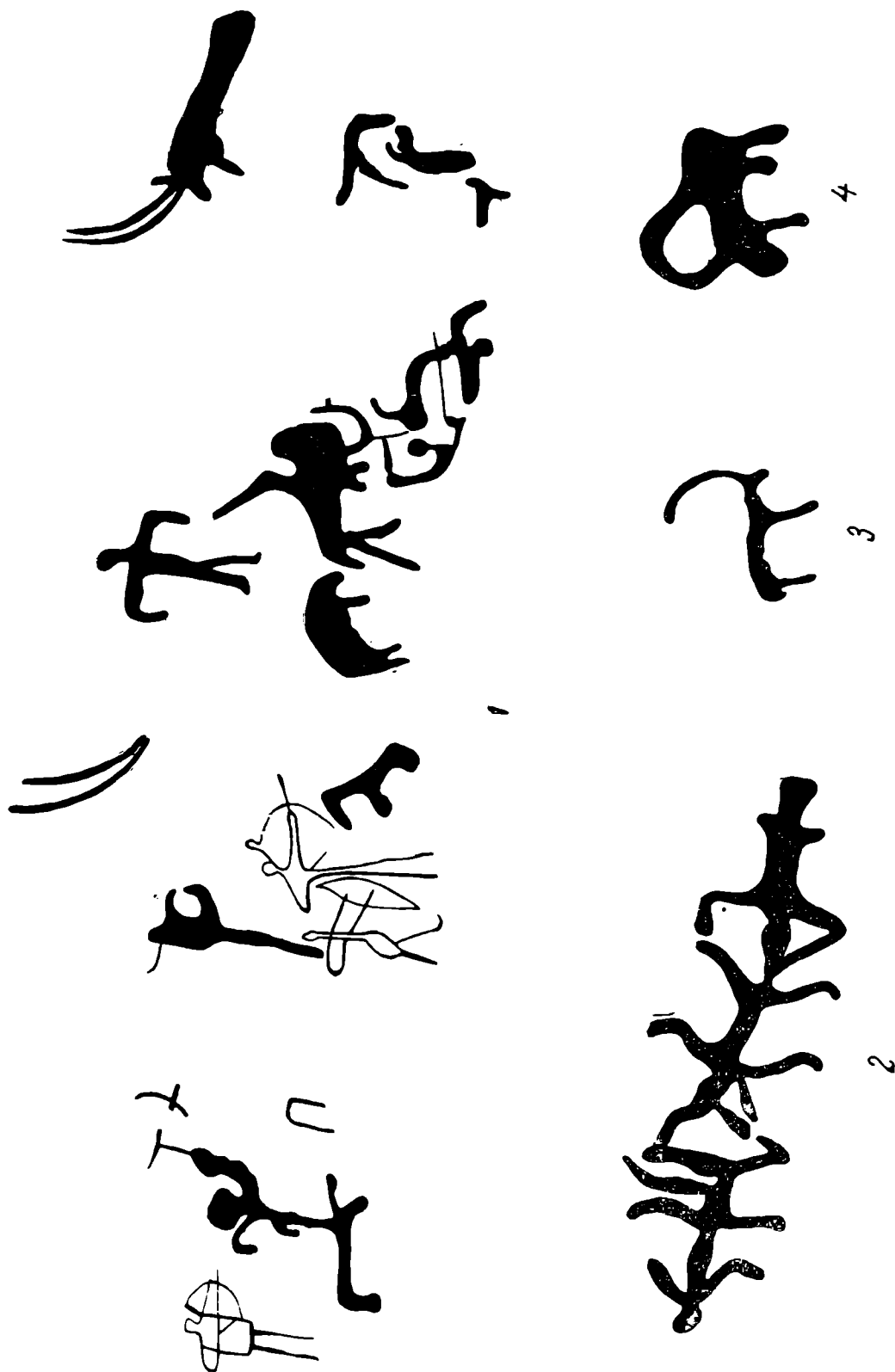

Рис. 10. Наскальные изображения в Тамураши 1.

1 — группа 3-я; 2 — группа 1-я; 3, 4 — отдельные изображения.

За фигурой стрелка изображение горного козла, а выше — человеческой фигуры, сделанной выбитой линией, с согнутыми ногами и с расставленными руками. Все эти изображения повернуты вправо. На 1 м правее — изображение неопределенного животного с длинным хвостом (аналогичное пер-

вым), повернутое мордой налево (рис. 11, 1); еще на 2 м правее — изображение трех человеческих фигур с расставленными руками, без ног.

3-я группа. Изображены слева направо: схематичная, сделанная врезанной линией, фигура человека, стреляющего из лука; сделанная выбивкой

1

Рис. 11. Наскальные изображения в Тамураши I.

1 — группа 3-я; 2 — группа 4-я.

фигура получеловека — полуживотного, повернутого вправо с поднятой рукой, держащей какое-то орудие (эту фигуру возможно трактовать и как всадника). Перед фигурой два неопределенных знака, сделанные выбивкой. Человеческая фигура с расставленными в стороны руками и поднятой ногой (с неправильными пропорциями тела). Под этой фигурой — изображения двух стрелков из лука (повернутые вправо, сделанные врезанной линией). Интересно отметить, что один стрелок стреляет из простого лука, а другой — из сложного; перед ними выбито неопределенное животное;

выше — пара длинных прямых рогов какого-то животного; далее идет изображение человеческой фигуры с раздвинутыми руками; под ним —

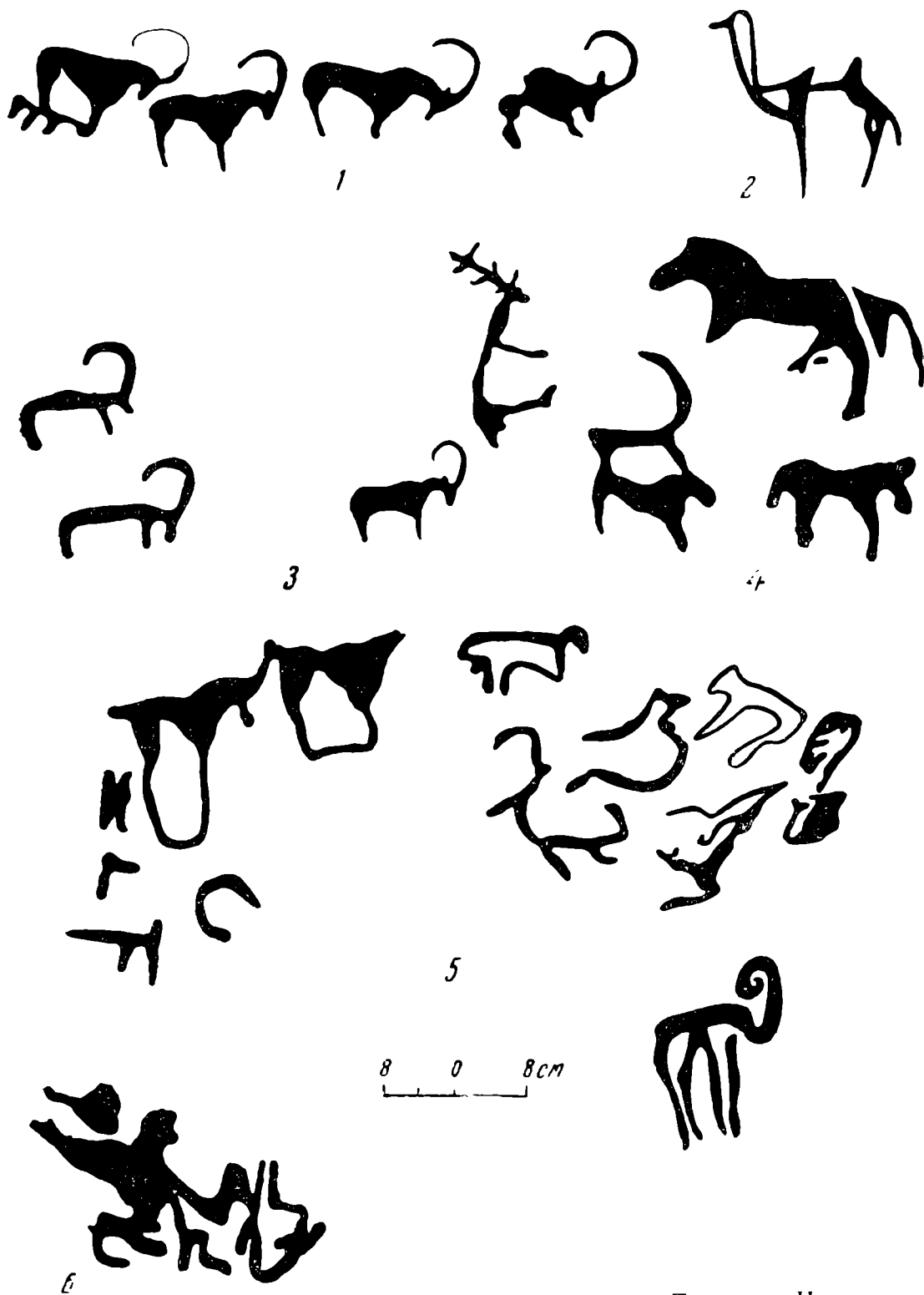
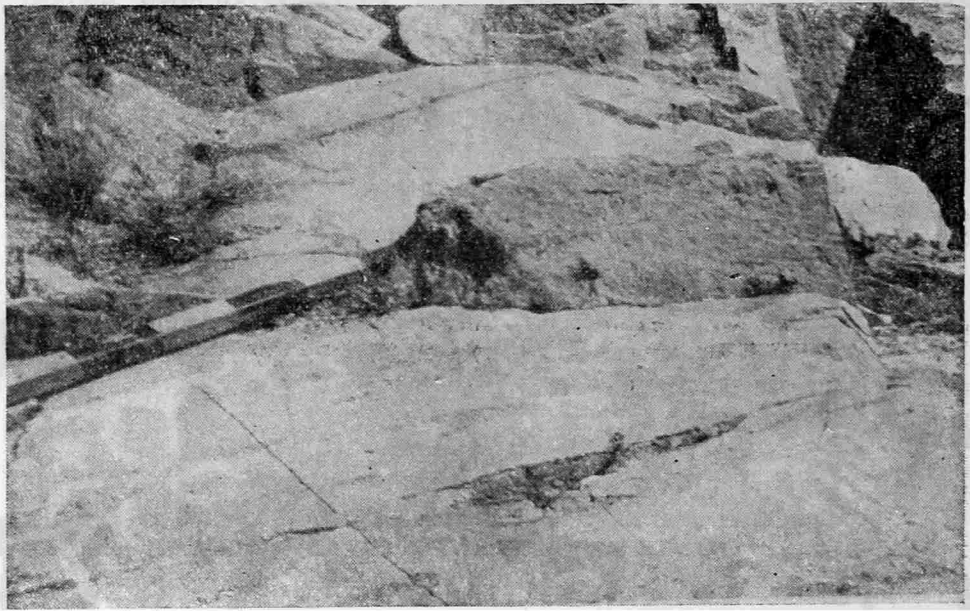

Рис. 12. Наскальные изображения аула Калабай и Тамураши II.

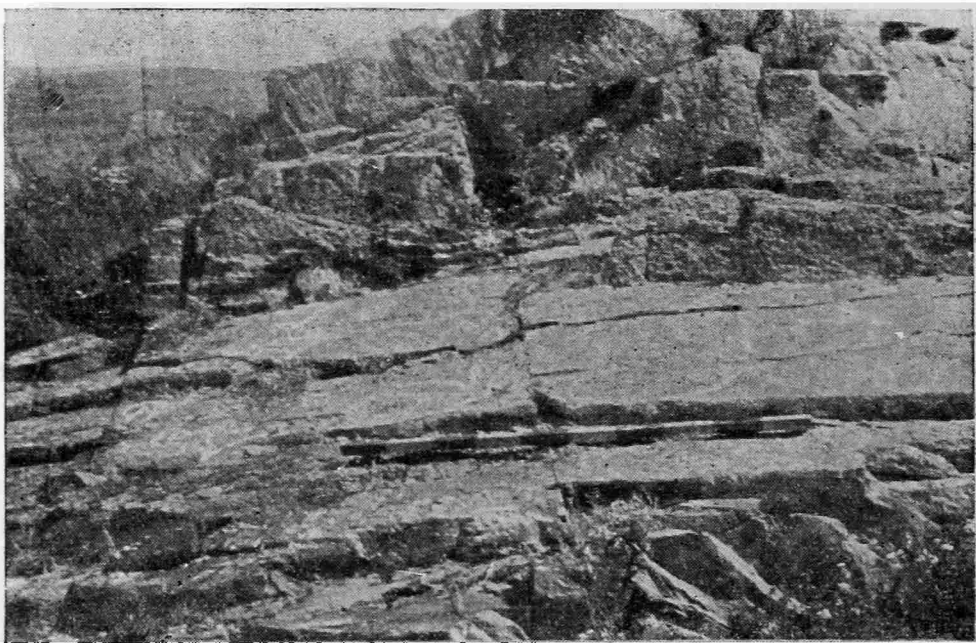
1—4 — в ауле Калабай (1 — группа 1-я; 2 — группа 2-я; 3 — группа 3-я; 4 — группа 4-я);
5—6 — в Тамураши II (5 — группа 1-я; 6 — группа 2-я).

неопределенное животное и сложный рисунок, среди которого можно различить голову человека с поднятой рукой, держащей какое-то орудие; правее — изображение животного с длинными прямыми рогами (такими

же, как и изображенные левее). Под этим животным — 3 неопределенных нака (рис. 10, 1).

1

2

Рис. 13. Наскальные изображения в Тамураши II.

1 — общий вид группы 1-й; 2 — общий вид группы 3-й.

4-я группа. Изображение человеческой фигуры, сделанное выбитой линией с расставленными в стороны руками. Одна рука переходит в линию, соединяющуюся со спиной неопределенного животного. Левее — задние ноги другого животного; направо — фигура животного с длинными рогами, аналогичными изображению 3-й группы (рис. 11, 2).

5-я группа. Две человеческих фигуры; одна с расставленными в стороны руками, другая с руками, упертыми в бока; правее — изображение

двух горных козлов (один из них расположен вертикально) и неопределенного животного.

12. Тамураши II. Изображения находятся на правом обрывистом берегу ключа Тамураши, на гладких выходах сланца. Отмечено 4 группы.

1-я группа. Изображено справа налево: 4 неопределенных знака, 2 травоядных животных, повернутых вправо, соприкасаются друг с другом голова к хвосту. Ноги у обоих животных соединены линией (спутаны ?). Переднее

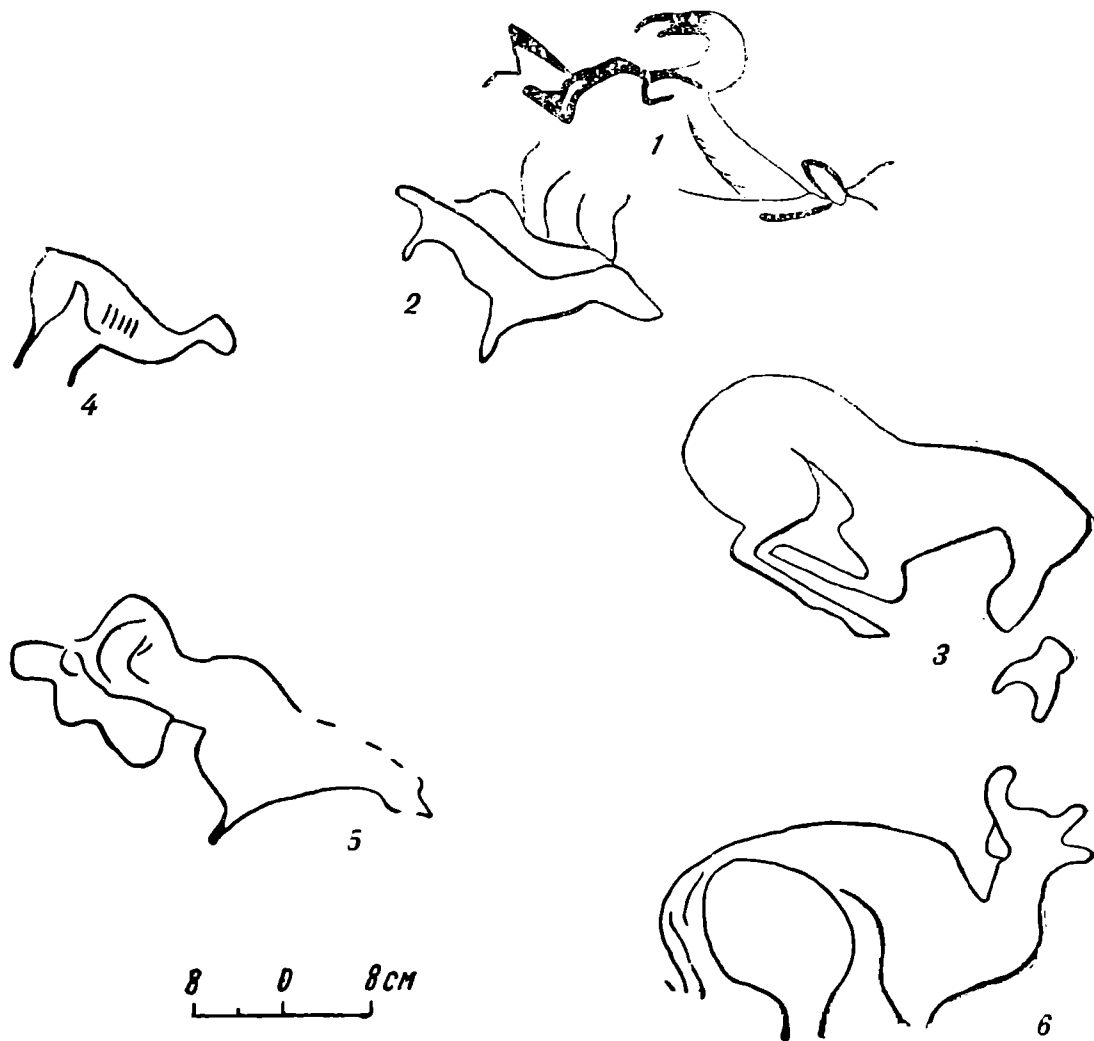

Рис. 14. Наскальные изображения в Тамураши II (группа 3-я, левая сторона).

животное без головы. Правее находится группа из семи изображений, из которых можно различить 3 неопределенных животных. У нижнего из них на ухе (или роге?) находится изображение, отдаленно напоминающее птицу. Одна из фигур сделана выбитым контуром, остальные — сплошной выбивкой. Ниже этой группы — фигура горного козла, сделанная очень схематично и неумело. Изображения выбиты на горизонтальной плоскости сланца, сильно выветрены и заросли мхом (рис. 13, 1 и рис. 12, 5).

2-я группа. Неясное изображение, выбитое сплошным силуэтом (рис. 12, 6).

3-я группа (рис. 13, 2). На горизонтальной плоскости сланца, разделенной примерно пополам трещиной, глубокой врезанной линией нанесены следующие изображения: по левую сторону трещины — неопределенное изображение, напоминающее поднятую на дыбы лошадь; часть рисунка (морда и перед-

ние ноги), видимо, позднее дополнена выбивкой (1); олень с закинутыми за спину ветвистыми рогами (2); лошадь, лежащая с поджатыми ногами. Перед мордой изображение, напоминающее перевернутый вверх дном сосуд (3); животное с обозначенными черточками ребрами, вероятно, самка оленя или козули (4); неопределенное изображение (5); травоядное животное с повернутой en face мордой (6). Изображения 2, 3, 4 и 6 повернуты вправо, остальные влево (рис. 14). По правую сторону трещины: вверху фигура кабана, под ним лежащий олень с закинутыми на спину рогами и хищное животное с обозначенными черточками когтями на обеих лапах и мордой, повернутой en face. За хвостом кабана — неопределенное животное без головы (рис. 15, 1).

4-я группа. В 200 м на север от 3-й группы на холме врезанной линией, на вертикальных плоскостях сланца, изображены горный козел и неопределенное животное (рис. 15, 2)

Все изображения сильно заросли мхом и мало заметны. Техника нанесения рисунка и стиль изображений последних двух групп резко отличаются от всех обследованных в этих районах петроглифов.

13. А у л К а л а б а й. В 300 м на запад от аула Калабай на холме выбиты сплошным силуэтом на гладких выходах сланца 4 группы изображений.

1-я группа. 4 горных козла головами вправо, расположенные один за другим; у переднего неясно передана задняя часть тела, у заднего ноги соединены гребенкообразной фигурой (рис. 12, 1).

2-я группа. Схематическое изображение двугорбого верблюда, повернутого вправо. Рисунок дан выбитой точками линией (рис. 12, 2). В 2 м от него — неопределенное изображение в виде креста с изогнутой перекладиной.

3-я группа. Фигуры трех горных козлов, повернутых направо, и одного оленя с растущими прямо рогами, нарисованного вертикально (рис. 12, 3).

4-я группа. Изображение лошади, головой влево, с недорисованной передней ногой, и двух неопределенных животных (направо) (рис. 12, 4).

14. К л ю ч А л и б е к. В 5 км на запад от пос. Никитинка на вертикальных обрывах сланцевого берега ключа Алибек выбиты изображения: шести верблюдов, нарисованных частью прямо, частью боком, двух горных козлов, оленя и десяти неопределенных животных. Ниже, почти у самой воды, фигуры двух горных козлов (рис. 16, 1).

15. Д е р. У р а з б а й. В 50 м южнее деревни на вертикальных отдельных плоскостях сланца выбиты изображения пяти горных козлов, схематической человеческой фигуры и неопределенной фигуры в виде буквы Т (рис. 16, 2).

16. Г о р ы Д о л о н - К а р а. У начала подъема на западные отроги гор Долон-Кара, в 2 м слева от дороги, на горизонтальной плоскости сланца, среди ровной долины, находятся изображения, выбитые на двух камнях в 5 м друг от друга:

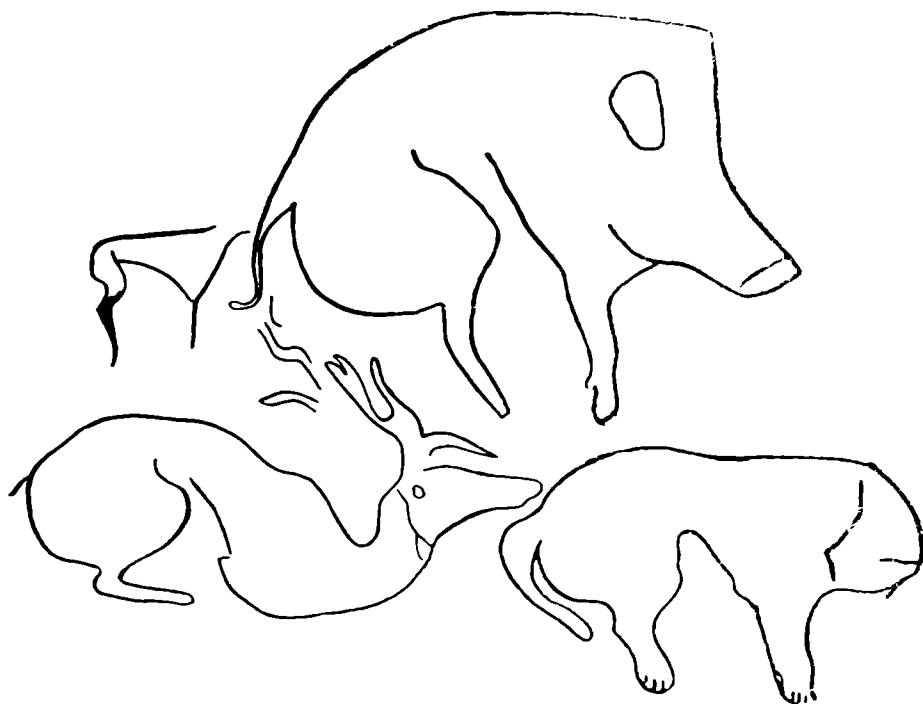
1-я группа: фигура горного козла, неопределенное животное и неясные знаки (рис. 17, 1);

2-я группа: фигура архара, прямоугольник с точкой в центре и отростком с правой стороны и неопределенные линии и знаки (рис. 17, 2). Сохранность обеих групп изображений очень плохая. Рисунки сильно выветрены.

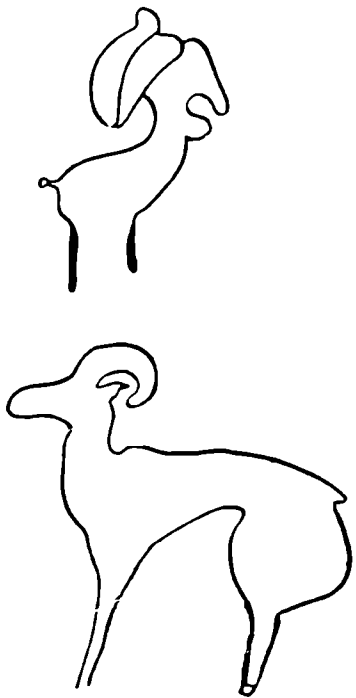
17. Р е к а К а л ь д ж и р. Изображения находятся на правом берегу р. Кальджира (в том месте, где река вырывается из гор на Зайсанскую равнину) и выбиты на разбросанных по берегу больших валунах аплита и обломках сланца. На большинстве валунов выбиты только отдельные фигуры горных козлов, иногда группами по 2—3 штуки. Наиболее интересны две группы.

1-я группа. Изображение двух архаров, упершихся лбами друг в друга.

За первым архаром — фигура человека, накинувшего ему на рога аркан. Внизу — неопределенное животное и линии (рис. 17, 5).

1

2

Рис. 15. Наскальные изображения в Тамураши II.

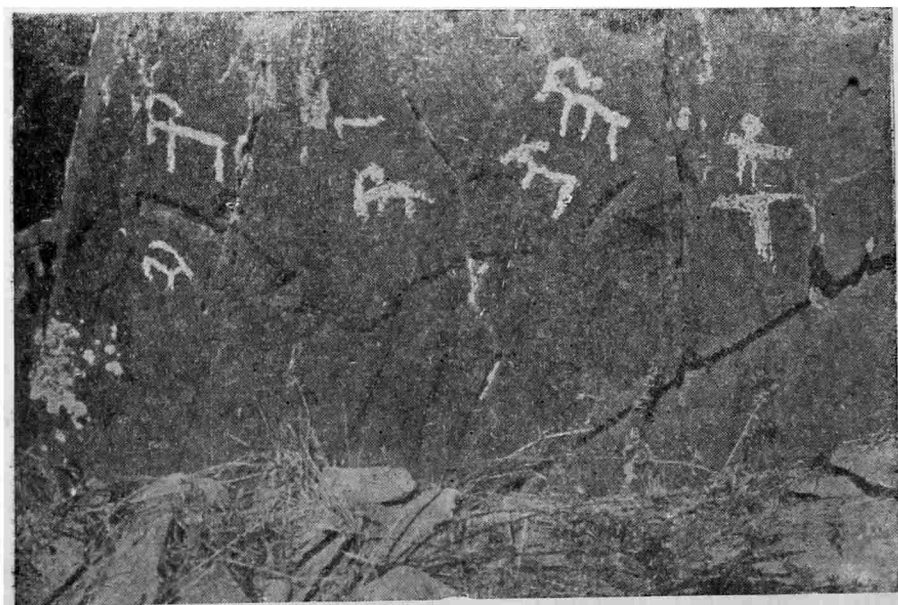
1 — группа 3-я (правая сторона); 2 — группа 4-я.

2-я группа. Неправильный круг с линиями внутри. Правее — выбитая кривая линия с отростками, напоминающая ветку или рог оленя, и неопре-

деленное изображение. Справа — схематическое изображение горного козла. На валуне выбиты еще 2 фигуры горных козлов и неопределенные изображения (рис. 18).

1

2

Рис. 16. Наскальные изображения в ключа Алибек (1) и у дер. Уразбай (2)

18. Сергеевка I. У дороги к р. Курчуму, на гладких вертикальных отдельностях сланца выбито 4 группы изображений.

Рис. 17. Наскальные изображения:

а) у горы Долон ара: 1 — группа 1-я; 2 — группа 2-я; б) у дер. Сергеевка: 3 — группа 4-я; 4 — группа 3-я; в) на р. Кальджир: 5 — группа 1-я.

1-я группа. Две человеческие фигуры, стоящие друг против друга; ниже — изображение горного козла; под ним — фигура человека, стреляющего из простого лука, и еще одна человеческая фигура. На этом же камне вырезана надпись на казахском языке арабскими буквами, передающая песню о Ленине.

2-я группа. Изображение человека с упертыми в бока руками; ниже — изображения четырех неопределенных животных; правее и еще ниже — человеческая фигура, стрелок с простым луком, олень и верблюд.

3-я группа. Изображение оленя, повернутого вправо. Ветвистые рога идут параллельно туловищу (рис. 17, 4). Рядом фигуры нескольких горных козлов и неопределенное животное.

4-я группа. Изображение трех горных козлов, повернутых вправо. Под ними — изображение получеловека-полузверя (туловище и голова человека, ниже идет туловище горного козла), поднявшего вверх руки с растопыренными тремя пальцами. Правее — стрелок с луком, от половины туловища которого идут перекрещивающиеся линии, переходящие в неопределенное изображение (рис. 17, 3).

19. С е р г е е в к а II. В 5 км от дер. Сергеевка изображения, выбитые на гладких отдельностях гранита, идущих под углом 30°. Изображены 5 горных козлов и фигура человека, упершего руки в бока, и 2 неопределенных животных.

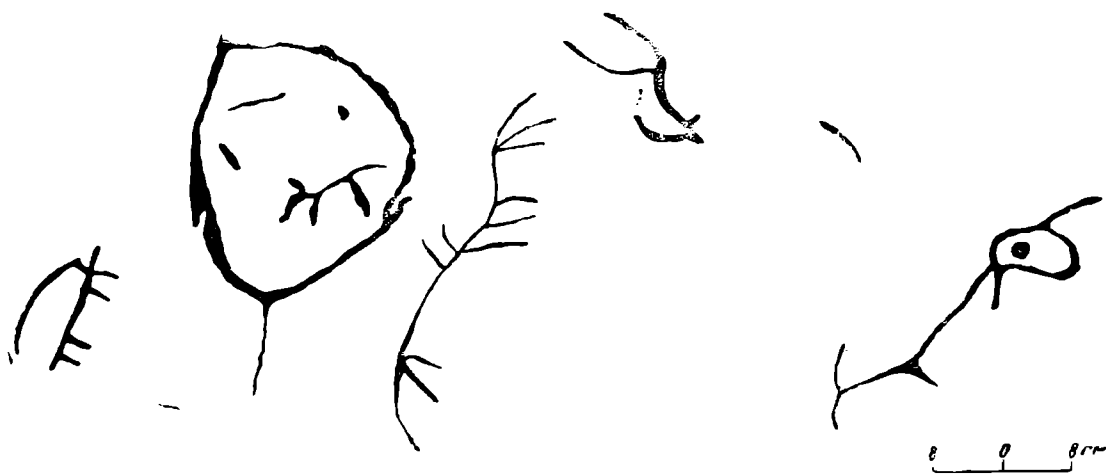

Рис. 18. Наскальные изображения на р. Кальджир (группа 2-я).

В перечисленные группы вошли только изображения, обследованные нами лично. Помимо них, в этом районе безусловно имеется значительное количество пунктов наскальных изображений, оставшихся неучтенными. О многих из них мы слышали рассказы местных жителей, весьма, впрочем, неясные, как в отношении места, так и содержания рисунков.

По ознакомлении со всеми 19 пунктами наскальных изображений, можно отметить следующее.

1. Стиль и сюжеты изображений, а также и техника нанесения рисунка — на всех пунктах одни и те же. Исключение, но и то только в отношении техники и стиля представляют Тамураши II. Все рисунки сделаны очень схематично, часто неумело, но всегда с хорошим знанием особенностей изображаемых животных (рога козла и оленя, голова верблюда и т. п.). Изображения человека удавались древним художникам меньше. Голова изображается всегда неправильным кружком, ноги, руки и туловище в виде палочек, фигуры статичные, движение и мускулатура человеческого тела переданы плохо. Фигуры же животных сделаны с большой наблюдательностью. Видно, что художник сумел схватить их характерные особенности. Рисунки разбросаны по поверхности камня без всякого видимого порядка и соблюдения законов перспективы, и мы встали бы на опасный путь, если

бы начали искать в них каких-либо сложных сюжетных композиций. Исключение составляют группы, довольно немногочисленные, связанные между собой определенными линиями, указывающими на единство композиции. Далеко не всегда соблюдается и горизонтальность фигур: попадаются изображения, выбитые боком или вверх ногами, т. е. совершенно произвольно.

2. При взгляде на расположение рисунков становится ясно, что изображения делались не с эстетической целью. Часто встречаются отдельные фигуры, выбитые почти у самой земли, на наклонной плоскости камня, обращенной к земле (например Туль-Куне), или на горизонтальных плоскостях (Кур-сай, Долон-Кара, Туль-Куне) и т. п. Цель изображений была, безусловно, только магическая, что давно уже доказано для целого ряда наскальных изображений, находящихся в других районах. Подтверждение этому положению, как мне кажется, с убедительностью вытекает из ознакомления с сюжетами наших изображений, к которым мы и перейдем.

Чаще всего встречаются профильные изображения горного козла (*Sarpa sibirica*), которого всегда легко можно узнать по характерным загнутым назад рогам. Козлы изображались по одному или группами. Реже встречается олень (*Cervus elaphus Maral*) с ветвистыми большими рогами, обращенными вверх или закинутыми на спину. В некоторых фигурах (например Остриково и Тамураши I) можно видеть безрогих самок марала. Интересно отметить, что они изображены стреноженными. В двух пунктах (Долон-Кара и Кальджир) изображены горные бараны (*Ovis Argali*).¹ Примерно так же часто встречаются изображения лошадей и двугорбых верблюдов (*Camelus bactrianus*). На то, что это домашние, а не дикие животные, указывают путы на ногах лошади (Туль-Куне, группа 12-я) и человеческие фигуры, держащие за узду лошадь (Туль-Куне, группа 2-я) и верблюда (Остриково, группа 7-я). В двух местах (Остриково, группа 9-я и Тамураши II, группа 3-я) мы имеем изображения хищных животных семейства кошачьих,² в спокойных позах с подогнутыми лапами, и в одном случае, повидимому, волка (Туль-куне, группа 15-я). Надо отметить также большую группу животных, определить которых с точностью невозможно. Изображений рыб, ящериц, змей и растений встречено не было. Нет также и изображений домашнего быка, овцы и птиц. Помимо животных изображались фигуры людей, иногда по одной, иногда объединенные в какую-то определенную сюжетную композицию. Часто встречается фигура человека, стреляющего из лука.

Таковы основные сюжеты многочисленных отдельных изображений, никак композиционно между собой не связанных. Несомненно, что в эпоху ранних кочевников (которой мы и датируем большинство иртышских изображений)³ олень, горный козел, архар и тигр считались предками-тотемами племен, населявших территорию южной Сибири и Казахстана. Излюбленным сюжетом всего изобразительного искусства того времени являются именно эти животные. Пережитки подобных представлений до недавнего времени сохранились у алтайцев в виде связи шамана и его бубна с оленем, почитания архара как духа гор, и в целом ряде других обрядов и верований.⁴ Естественно, что человек, выбивавший на камнях изображение своего тотема, делал это с вполне определенной целью — получить его помощь в своей практической деятельности. Наиболее пригодными для этого считались определенные возвышенные места, где мы и встречаем боль-

¹ Архары встречаются и на других пунктах наскальных изображений, но не столь явно выраженными рогами. Необходимо отметить, что в целом ряде случаев бывает очень трудно определить, какое животное изображено — козел или баран.

² Вероятно, тигр (*Felis tigris*) или ирбис (*Uncia uncia*), последнее вероятнее.

³ На вопросах датировки наскальных изображений я остановлюсь ниже.

⁴ Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этнография, 1935, № 4—5.

шинство изображений. Некоторым подтверждением этой мысли является тот факт, что человеческие фигуры на наших наскальных рисунках часто изображались стреляющими из лука, который является, по сути дела, единственным ясно различимым оружием. Л. П. Потаповым доказано, что в шаманстве алтайцев лук и стрела предшествовали бубну и с древнейших времен играли определенную магическую роль.¹ Исходя из этого, мы можем поставить вопрос: не являются ли те композиции, которые нам кажутся сценами охоты, изображением каких-то магических действий человека перед своим тотемом?

Особо нужно остановиться на отдельных изображениях и группах, которые в какой-то степени отражают религиозно-магические представления людей, их сделавших. Сюда, по нашему мнению, относятся следующие композиции.

1. Т у л ь-К у н е, г р у п п а 12-я. Изображена сцена, видимо, иллюстрирующая какой-то миф. Человеческая фигура с головой животного или птицы (судя по длинному вытянутому носу) удерживает на привязи сходящую сзади женщину (если выступ на теле трактовать как грудь) со связанными ногами. С первой фигурой борется человек (оружие изображено неясно), за которым стоят две лошади, одна из которых стреножена. Невольно приходят на ум мотивы сказок самых разнообразных народов, где герой после долгих поисков отбивает от чудовища похищенную им красавицу. Не настаивая именно на такой трактовке данной группы, все же нельзя не признать, что здесь мы имеем дело с определенной сюжетной композицией.

2. Т у л ь-К у н е, г р у п п а 3-я. Изображен человек, держащий на вытянутых руках за шею горного козла и неопределенное, повидимому, хищное животное (судя по короткой, круглой морде).

3. Т у л ь-К у н е, г р у п п а 15-я. Человеческая фигура, одетая в звериную шкуру или маску, стоящая напротив животного, напоминающего волка. Ниже — изображение горного козла. Над фигурой волка — два неопределенных знака, могущие быть трактованными как лунарные. Вся сцена производит впечатление одного из моментов первобытной магии.

4. К у л а-Ж у р г а, г р у п п а 2-я. Фигура человека, натягивающего простой лук и ведущего сзади себя на поводу неопределенное животное с большим ухом и коротким хвостом. Нижняя часть тетивы лука разорвана и соединяется с хвостом лежащего с подогнутыми ногами горного козла. На рогах у этого последнего — неясное изображение, напоминающее хищную птицу. Здесь любопытна связь горного козла с птицей, наблюдаемая также и в скифском искусстве.²

5. К л ю ч К о ч у н а й. Изображение человека верхом на горном козле. Впереди — фигура, которую можно понять как кентавра (получеловека-полуживотное), с поднятыми вверх руками. Ниже — изображение всадника на лошади.

6. Д е р. С е р г е е в к а I, г р у п п а 4-я. Под изображениями трех горных козлов находится фигура, у которой верхняя часть туловища человеческая с поднятыми вверх руками, а нижняя, от пояса, горного козла (что можно определить по трактовке задней части туловища).

7. К этому же сюжету надо отнести и изображение не то кентавра, не то всадника в сложной композиции Т а м у р а ш и I, г р у п п а 3-я. Человеческая фигура с поднятой рукой, держащей какой-то предмет в виде буквы Т, поставлена на туловище животного со змеиной (?) головой.

¹ Л. П. П о т а п о в. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. Сов. этнография, 1934, № 3.

² Например, золотое изображение орла, держащего в когтях горного козла из Сибирской коллекции Эрмитажа (см.: Т о л с т о й и К о н д а к о в. Древности эпохи переселения народов.). Аналогия здесь, конечно, не формальная, а смысловая.

Все эти композиции характеризуются тесной связью и взаимодействием человека и животного, причем в большинстве их мы имеем того же горного козла. Наряду с реалистическими изображениями, здесь мы имеем фантастические фигуры полулюдей, полуживотных. Подобные сюжеты для эпохи ранних кочевников (а также и в более позднее время) не могли быть ничем иным, как отображением в искусстве тотемистических представлений. Наряду с тотемизмом, мы видим также отображения и космических представлений первобытного мышления, к которым следует отнести изображения, как мне кажется, солнца на вершине холмов Туль-Куне (группа 4-я и 1-я южная). Это изображения неправильных кругов с отростками (лучами?) и с точкой в центре или с поперечными перекладинами. Около одного из этих кругов — фигура неопределенного животного. Характерно, что эти изображения находятся на самой вершине обоих холмов, на горизонтальной плоскости сланца, как бы венчая все комплексы рисунков. Сюда же можно отнести и изображение круга на р. Кальджир.

Наконец, многочисленнейшие изображения горных козлов, помимо их тотемного значения, подобно оленю, также, видимо, были связаны с солнечным культом.¹ Они часто встречаются в степях на громадном пространстве от Монголии до Афганистана.² Столь широкое распространение изображений именно горного козла, да к тому же и сделанных в одной манере и одной техникой, на такой большой территории, а также сходство других сюжетов — явление безусловно не случайное. Вероятно, мы здесь имеем дело с большим сходством первобытных религиозно-магических представлений, в какой-то отрезок времени одинаковых для всех этих территорий.³

Наконец необходимо остановиться на композиции Кула-Журга, группа 5-я. На вертикальной плоскости гранита, на высоте 2—3 м находится изображение оленя, сильно вытянутого в длину, стонкими ветвистыми рогами, закинутыми за спину. Под брюхом у него — небольшое животное с длинной шеей. Ниже — две фигуры оленей (один с ветвистыми рогами, другой только с двумя отростками), перевернутые вверх ногами. Под брюхом у правого оленя, также вверх ногами, — изображение маленького, неопределенного животного. Вся композиция, по стилю рисунков и по степени выветренности гранита, производит впечатление одновременности исполнения. Расположение фигур этих оленей служит ярким доказательством того, что все наскальные изображения не есть зарисовки с натуры, а являются определенными религиозно-магическими представлениями первобытного мышления, запечатленными в рисунке. Многие исследователи, становясь на путь чисто рационалистического объяснения наскальных изображений, принуждены делать большие натяжки и применять изрядную дозу воображения, чтобы увидеть, например, собиравшие птичьих яиц,⁴ торговый караван⁵ или облавную охоту.⁶ Из этого, конечно, не следует,

¹ Н. Я. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи. Избр. работы, т. III, стр. 59.

² См. Г. И. Боровко. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сев. Монголия, II, 1927. — *Arpelggen-Kivalo, Altaltaische Kunstdenkmäler*, Helsingfors, 1931, рис. 314 (изображения козлов на р. Чарыш — притоке Енисея). — В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, I, М., 1926. — Н. И. Вавилов и Д. Д. Букенич. Земледельческий Афганистан, стр. 111.

³ В этой связи очень любопытен факт пережитков древнего тотемного культа горного козла в Таджикистане. См. статью Н. Кислякова «Бурхогорный козел» (Сов. этнография, 1934, № 1—2).

⁴ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. ТСА РАНИОН, т. V.

⁵ В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 46.

⁶ Г. П. Сосновский. Писаницы на гор. Кызых-тах. КС ИИМК, VI, 1940. — Нами взяты только последние высказывания по этому вопросу. Несостоя

что наскальные изображения ничего не дают для историка материальной культуры и никак не отражают жизни людей, их создавших. Наоборот, при условии точной их датировки они являются не только почти единственными памятниками монументального изобразительного искусства, но и ценным историческим источником, сохранившим нам такие детали давно минувшей жизни, которые не прослеживаются по другим видам памятников. Сошлемся для примера на знаменитую «Боярскую писаницу» с ее изображениями жилищ.¹ Но и там, несмотря на всю жизненность изображений, представлено явно не реальное поселение, а сцена, отображающая какие-то сложные, религиозно-магические представления, на что указывает, например, подгоняемое пастухом к поселку стадо оленей. Исходя из изложенного, нам думается, что и к совершенно, казалось бы, реальным сценам, лишенным каких-либо признаков сверхъестественности, надо подходить не как к памятникам чисто изобразительного искусства, а как к рисункам, отображающим какие-то идеологические моменты. К таким сценам в наших изображениях относятся следующие: 1) борьба двух архаров с трактованными в виде спиралей рогами и упершихся лбами друг в друга, одного из которых ловит арканом стоящий сзади человек (Кальджир); 2) фигура женщины (Туль-Куне, группа 1-я); 3) сцена борьбы двух человек, один из которых вооружен луком, а другой топором (Туль-Куне, группа 8-я); 4) человек, стреляющий вслед горному козлу (Туль-Куне, группа 5-я); 5) группа, видимо, танцующих людей (Тамураши I, группа 1-я); 6) человек, ведущий под уздцы лошадь (Туль-Куне, группа 2-я); 7) человек, ведущий под уздцы верблюда (Остриково, группа 7-я), и ряд других.

Встречаются и неопределенные рисунки, значение которых пока не может быть разгадано. К ним относится изображение, напоминающее китайский иероглиф (Туль-Куне, группа 16-я), фигуры в виде человеческих следов (Туль-Куне, группа 13-я) и неопределенные линии на Долон-Кара.

Таково в кратких чертах содержание верхнеиртышских наскальных изображений. Мы видим, что сюжет всех рисунков довольно однообразен. Преобладают фигуры животных как диких, так и домашних (последних гораздо меньше), реже встречаются фигуры людей. В целом ряде изображений мы можем проследить отражение тотемистических, а также и космических представлений, подробный разбор которых уже не входит в задачу настоящей статьи.

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство изображений повернуто вправо. Если мы произведем подсчет, то окажется, что головой направо изображены 126 животных, а головой налево только 37; 9 стрелков из лука обращены направо и только один налево. Человеческие фигуры (там, где это можно установить) в девяти случаях повернуты направо и в трех — налево. Это же наблюдение прослеживается и по наскальным изображениям других районов. На р. Мане (приток Енисея) из 51 животного 48 повернуты вправо.² На Онежском озере 138 фигур животных и птиц смотрят головой направо и 69 — налево;³ на Енисее (Сулек. Писанная гора) 133 фигуры — направо и 31 фигура — налево.⁴ Несмотря на то, что приведенные примеры разновременны (от неолита и до VII—VIII вв.), наблюдение это прослеживается всюду. Думается, что это не случайно. Н. Я. Марр указывает, что как раз на стадии тотемно-косми-

тельность подобных взглядов с наибольшей убедительностью показал В. И. Равдоникас в 1936 г. (см.: Сов. археология, I, III, IV).

¹ М. П. Грязнов. Боярская писаница. Проблемы, 1931, № 7/8.

² А. Адрианов. Писаницы на р. Мане. ЗОРСА, т. IX, стр. 1.

³ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. М.—Л., 1936, ч. I.

⁴ Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 66—77.

ческих представлений первобытного мышления левая сторона означает смерть, преисподнюю, неудачу, в противоположность правой.¹ Пережитки этого представления сохраняются и до настоящего времени, хотя бы в поговорке «левша — окаянная душа». То, что большинство изображений животных и людей смотрит вправо, может подчеркивать, что все они обращены к жизни и на жизнь влияют. Отмеченный факт нельзя объяснить рационалистически, так как удобнее, наоборот, рисовать профиль животных и людей налево, а не направо. Подтверждением этому могут служить наблюдения над детскими рисунками народностей Сибири, где произведенный подсчет дал 65 изображений животных, повернутых головой налево и 22 — направо (из них 8 в одном рисунке).² Следовательно, дети, как впрочем и взрослые, чаще рисуют фигуры людей и животных налево, чем направо. Отнюдь не считая этого вопроса решенным, я считаю необходимым выдвинуть его в качестве гипотезы.

Перейдем теперь к вопросу о датировке этих памятников. Прежде всего необходимо отметить трудность, а зачастую и невозможность, сколько-нибудь удовлетворительного разрешения этого вопроса. Подобные рисунки могли выбиваться и действительно выбивались в течение очень долгого времени, вплоть до современности. Выветренность камня — очень ненадежный признак, даже для относительной хронологии. Почти никаких памятников древности, которые позволили бы датировать изображения, рядом с ними нет.³ Позднекочевнические курганы с каменными насыпями, находящиеся рядом с некоторыми из пунктов, явно с ними не связаны и насыпаны позднее. Это видно у дер. Остриково, где такой курган насыпан из обломков плит, на которых выбивались изображения. Таким образом, верхняя хронологическая грань большинства этих рисунков определяется VIII—X вв. н. э.⁴ Из этого, конечно, не вытекает, что какая-то часть изображений не могла быть выбита и еще позднее. Однако и в самих изображениях есть кое-какие элементы для датировки. Если мы сравним наши рисунки с изображениями Карелии,⁵ то увидим, что сюжеты их становятся более сложными (хотя принципиально они и не выходят из того же круга образов). Появляются изображения домашних животных, людей, вооруженных луками (простыми и сложными) и топорами, и т. п. Все это заставляет нас относить иртышские изображения к значительно более позднему времени, чем неолит, с более развитой системой хозяйства и религиозно-магических представлений. Тот факт, что наряду с дикими часто встречаются и рисунки домашних животных, но зато совершенно нет земледельческих сюжетов, заставляет нас думать, что население, оставившее нам большинство этих изображений, вело уже кочевой образ жизни. Переход к кочеванию для Казахстана определяется VI—V вв. до н. э. Предшествующая здесь ранним кочевникам Андроновская культура была земледельческо-пастушеская, и у нас нет пока никаких оснований относить к ней наши изображения. Таким образом, у нас определяется, более или менее точно, верхняя и нижняя хронологическая граница: VI—V вв. до н. э. — VIII—X вв. н. э.

¹ Н. Я. Марр. 'Смерть' ← 'преисподняя' в месопотамско-эгейском мире. Избр. работы, т. II, 1936, стр. 141.

² П. Ф. Требуховский. Детский рисунок туземных народов Сибири. Сиб. Живая старина, вып. II (VI), Иркутск, 1926.

³ Например, памятников, подобных неолитическим стоянкам близ наскальных изображений Онежского озера. В. И. Равдоникас, ук. соч. (статья Б. Ф. Землякова, стр. 111).

⁴ С. А. Теплоухов. Опыт классификации культур Минусинского края. МЭР т. IV, вып. 2. Мои разведочные раскопки 1937 г. одного из этих курганов с каменной насыпью в ур. Кула-Журга подтвердили эту датировку и для Восточного Казахстана.

⁵ В. И. Равдоникас, ук. соч., М. — Л., 1936. — Он же. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Сов. археология, I, стр. 9.

В пределах этого большого отрезка времени мы и должны попытаться уточнить датировку. Прежде всего, нам необходимо выделить из всей остальной массы группу Тамураши II. По технике, стилю и мастерству исполнения эти изображения резко отличны от всех других, и на них нужно остановиться в первую очередь. Уже при первом взгляде бросаются в глаза мастерство рисунка и реалистичность стиля. Совершенно иная и техника нанесения изображений. Вместо сплошного силуэта, терпеливо выбитого частыми ударами, здесь мы имеем врезанную линию, глубиной 0.3—0.5 см, суживающуюся книзу. Линии прорезаны каким-то острым орудием, оставившим ровные края, уверенной рукой, без ошибок и поправок. Этим всем группа Тамураши II отличается от остальных наскальных изображений Прииртышья. Однако есть и черты сходства. Так же как и всюду, те же животные даны без всякой сюжетной связи друг с другом. И здесь мы видим фигуру горного козла, оленя, лошади и хищника, но выполненные в совершенно другой художественной манере.

В рисунке нет никакого схематизма. Животные нарисованы с большим реализмом и наблюдательностью. В фигурах хищника и лани художник пытался передать, как нам кажется, головы этих животных *en face*, что, однако, удалось ему не вполне.¹ Новым в этой группе является фигура кабана, отсутствующая на остальных пунктах наскальных изображений. При взгляде на эти мастерские рисунки невольно поражаешься и их сходством по стилю и сюжету с изображениями животных в скифском искусстве. Расположение поджатых ног у лошади (одна над другой) и расстановка фигур и животных в один ряд, головой к хвосту, — эти типические черты известны нам на весьма многих памятниках как скифского искусства, так и искусства ранних кочевников Сибири.² Наиболее близкими аналогиями к нашим изображениям являются следующие предметы: 1) костяная пластинка с врезанными изображениями двух оленей, лежащих с поджатыми ногами. Пластинка эта происходит из скифского кургана близ с. Жаботин б. Черкасского уезда Киевской губернии³ и датируется по остальному комплексу V в. до н. э.; 2) изображение кабана, вырезанное на овальном бронзовом зеркале из погребения 87 Зуевского могильника на западном Урале. Могильник, раскопанный А. А. Спицыным, относится к Ананьинскому времени⁴ — к III в. до н. э. Гораздо хуже обстоит дело с остальными, так сказать, «рядовыми» рисунками.

Здесь можно отметить лишь следующее: рисунки создавались неодновременно и без всякого плана, на что указывает перекрывание одних рисунков другими на Туль-Куне (группы 18 и 19). Нетрудно заметить, что в группе 18-й рисунки, выбитые линией, очень схематичные, но в то же время живые и динамичные, перекрыты изображениями, выбитыми сплошным контуром, и более статичными. Каких-либо общих выводов отсюда сделать нельзя, так как это различие стилей невозможно четко проследить на остальных

¹ Что фигуру хищника надо понимать именно так, убеждает сопоставление с фигурой льва из северо-восточной Африки, также вырезанной на скале. Несмотря на всю дальность расстояния, в правомочности такой аналогии (для понимания поворота головы) убеждает чрезвычайная схожесть техники и манеры передачи изображения. См. L. F o b e n i u s. L'art Africain, Cahiers d'Art, 1930, № 8—9, рис. 1. Есть и более близкие аналогии, но уже в металле. Это бронзовая бляшка, изображающая фигуру хищника с мордой, повернутой *en face*. Найдена в ур. Кумуртук на Чулышмане. Хранится в Барнаульском музее. Сведения о ней мне любезно сообщил М. П. Грязнов.

² Например Пазырыкский курган

³ Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, табл. XI, рис. 540.

⁴ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Матер. ГАИМК, вып. 2, 1933, стр. 9, рис. 3.

группах изображений.¹ Во всяком случае авторы вторых рисунков мало заботились о сохранении произведений своих предшественников.

Некоторым материалом для датировки изображений могут служить также и луки, из которых стреляют человеческие фигуры. Луки эти неодинаковые, и их можно отнести к следующим типам.

1. Маленький простой лук, длиной приблизительно сантиметров 70 (Туль-Куне, группа 5-я; Сергеевка I и II, Тамураши I).

2. Простой лук, длиной около 1.20 м (Туль-Куне, группа 8-я; Тамураши I, группы 2 и 3-я).

3. Большой сложный лук около 1.5 м длиной (Кула-Журга, группа 2; Такыр, группа 1-я). Такие луки появляются в Западной Сибири и Казахстане в I—II вв. н. э.² и существуют очень долго. О простых луках нельзя сказать что-либо определенное, так как они устрелялись, наравне со сложными, в течение очень длительного времени.

С известной долей вероятия, судя по некоторому изгибу наружу, в изображении Сергеевка I, мы можем усмотреть маленький сложный лук, знакомый нам по золотым бляхам сибирской коллекции Эрмитажа и по раскопкам ранне-кочевнических курганов. Находящееся поблизости изображение оленя, имеющее многочисленные аналогии в бронзе и золоте скифского времени как Сибири, так и Европейской части СССР,³ подтверждает наше предположение. Манера трактовки этого оленя показывает гораздо большую схематичность и условность, чем олень Тамураши II, однако, в нем сохраняются все типичные черты подобных изображений в скифском зверином стиле. Здесь мы имеем те же закинутые назад ветвистые рога, морду, поднятую вверх, и поджатые ноги, трактованные уже совершенно условно. Второе изображение, выбитое также в скифской манере, — это хищник из группы у дер. Остриково. Вытянутые вперед лапы и закрученный в кольцо хвост роднят его с изображением пантеры из Келермесского кургана. Техника выбивки и степень выветренности камня в обоих этих изображениях те же самые, что и в остальных фигурах, расположенных рядом с ними, но не имеющих таких характерных особенностей. Наконец, судя по технике нанесения рисунка, мы можем отнести наши изображения, по аналогии с енисейскими,⁴ в большей своей части к VI—I вв. до н. э., т. е. к скифскому времени. Некоторым подтверждением этому служат и сюжеты изображений (горные козлы, бараны, олени, хищники), повторяющиеся в золоте, бронзе и железе, именно ранне-кочевнического времени в Сибири. Особенно характерен здесь мотив двух животных, повернутых головами друг к другу,⁵ и фигуры горных козлов, оленей и хищников на рукоятках ножей этого времени. Из этого не следует, что все иртышские изображения относятся к ранне-кочевническому времени. Некоторые из них (как, например, изображение верблюда с четырьмя ногами у дер. Остриково) производят впечатление более поздних. Но на данном этапе наших знаний мы должны большинство иртышских изображений датировать временем ранних кочевников, так как в пользу этого можем привести

¹ За исключением группы Тамураши I, группа 3, где стрелки из лука изображены врезанной линией очень схематично, тогда как остальные фигуры выбиты сплошным силуэтом и, видимо, позднее первых.

² А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. II, 1940.

³ Например золотое изображение оленя из костромского кургана. ОАК за 1897 г., стр. 13, рис. 46.

⁴ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. ТСА РАНИОН, т. V

⁵ Например, на бронзовых кинжалах того же времени. См.: В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2 (МАР, № 5), 1801, табл. XI, XII, XIV.

некоторые (правда, недостаточные) доводы. В пользу же отнесения их к какому-либо другому времени у нас данных нет никаких.

Таким образом, хронологические рамки обоих отмеченных типов изображений как будто бы совпадают, и получается, что одновременно создаются и художественные, определенным образом стилизованные рисунки группы Тамураши II, и неумело выбитые фигуры остальных пунктов. Разрешить этот вопрос с исчерпывающей полнотой мне сейчас не представляется возможным. Отмечу лишь, что в пределах намечающегося отрезка времени группа Тамураши II, повидимому, является более ранней, чем остальные.

На основании всего вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

Наскальные изображения Верхнего Прииртышья находятся на отрогах гор, окаймляющих речные долины (за исключением двух, где количество фигур очень незначительно).

Все изображения (кроме Тамураши II) выполнены одной техникой, путем откалывания острым орудием мелких кусочков поверхности камня. Фигуры выбиты схематично, часто неумело, но в то же время верно передают характерные черты изображаемого (особенно животных).

Сюжеты изображений довольно однообразны и заимствованы большей частью из окружающей природы. Изображались главным образом фигуры животных как диких (горный козел, олень, архар, хищник кошачьей породы), так и домашних (лошадь и верблюд). Попадают также сцены с фигурами людей и большое количество неопределенных животных и непонятных знаков.

Наскальные изображения всегда делались с определенными магическими целями; степень видимости и художественность изображения не принимались во внимание. В сюжетах рисунков можно заметить отражение пережитков как космических, так и тотемистических представлений, а также и мифов. Рассматривать наскальные изображения как зарисовки с натуры каких-либо реальных сцен даже там, где это кажется возможным, будет неправильно, с магическими же целями большинство фигур и животных и людей повернуто направо (левая сторона символизировала смерть). Это наблюдение прослеживается и по наскальным изображениям других районов.

Наскальные изображения Верхнего Прииртышья имеют аналогии по технике, стилю и сюжету рисунков с изображениями Енисея, Казахстана, Средней Азии, Монголии и даже Афганистана. На основании этого мы можем поставить вопрос о сходстве первобытных, религиозно-магических представлений в какой-то период времени для всей этой громадной территории.

Расчленив хронологически и точно датировать отдельные группы изображений пока не представляется возможным. Большинство из них следует отнести к периоду ранних кочевников Казахстана, т. е. к VI—I вв. до н. э. Однако не исключено, что многие изображения появились значительно позднее. Тематика рисунков указывает на связь их с скотоводческим хозяйством, а не с земледельческим. Подобные изображения могли бытовать в степях очень долгое время.

Группа изображений Тамураши II резко отличается по технике и характеру рисунка от всех известных наскальных изображений, представляет собой прекрасный образец скифского, так наз. «звериного стиля» и может быть отнесена к V—III вв. до н. э.

В заключение необходимо отметить слабую изученность наскальных изображений в степной полосе и трудность их датировки и объяснения.

Для того чтобы преодолеть эти трудности, необходимо продолжать дальнейшее исследование этих интереснейших памятников древности.

S. ČERNIKOV

LES GRAVURES RUPESTRES DU COURS SUPÉRIEUR DE L'IRTYŠ

R é s u m é

Les gravures rupestres découvertes dans la région du cours supérieur de l'Irtyš se trouvent dans les contreforts des montagnes qui bordent les vallées (sauf deux, qui n'ont qu'un très petit nombre de figures).

Tous les groupes de dessins (à l'exception de Tamuraši II) sont faits par le même procédé, consistant à détacher de menus morceaux de la surface de la roche au moyen d'un instrument pointu. Les figures sont taillées schématiquement, souvent d'une manière inhabile, mais en même temps elles rendent avec vérité les traits caractéristiques du sujet représenté (surtout des animaux).

Les sujets reproduits sont assez uniformes et empruntés en majeure partie à la nature ambiante. Ce sont principalement des animaux, soit sauvages (*Capra sibirica*, *Cervus elaphus Maral*, *Ovis Argali*, un félin), soit domestiques (*Equus* et *Camelus bactrianus*). On y rencontre aussi des scènes où figurent des hommes et une grande quantité d'animaux indéterminés et de signes incompréhensibles.

Les dessins rupestres étaient faits toujours dans un certain but magiques; on ne tenait pas compte du degré de visibilité et du caractère artistique de l'image. Les motifs des dessins laissent refléter des survivances de concepts cosmiques ou totémiques ainsi que de mythes. Il serait faux d'y voir des dessins d'après nature de scènes réelles quelconques, même là où cela paraît possible. Dans une intention magique, la majorité des figures, tant humaines qu'animales, sont tournées à droite (le côté gauche symbolisait la mort); ce trait est constaté également dans les dessins rupestres des autres régions.

Les dessins rupestres du cours supérieur de l'Irtyš ont des analogies de technique, de style et de sujet avec ceux de l'Iénisséï, du Kazakhstan, de l'Asie Centrale, de la Mongolie et même de l'Afghanistan. Cela nous autorise à poser la question de la similitude à une période donnée des concepts religieux et magiques primitifs sur toute l'étendue de cet immense territoire.

Il n'est pas possible pour le moment de subdiviser chronologiquement et de dater avec précision les différents groupes de représentations. La majeure

partie doit être rapportée à la période des premiers nomades du Kasakhstan, c'est-à-dire aux VI—I-er siècles avant notre ère. Il se peut toutefois que beaucoup de ces dessins soient de date bien plus récente. Les sujets représentés révèlent un lien avec l'élevage du bétail et non avec l'agriculture. Ces dessins ont pu exister fort longtemps dans les steppes.

Le groupe de dessins de Tamuraši II diffère franchement par la technique et le style de tous les dessins rupestres connus. C'est un admirable spécimen du style scythique dit «style animal», qui peut être attribué aux V—III-e siècles avant notre ère.

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

РАСКОПКИ В ИНКЕРМАНЕ В 1940 г.

В ноябре 1940 г. Государственный Херсонесский музей был поставлен в известность о случайном обнаружении в Инкермане «пещеры с окнами и дверью», вырубленной в материке на значительной глубине. Предполагая наличие склепа, Дирекция музея направила для обследования памятника автора настоящей статьи. Предположение оправдалось. Совместно с Бахчисарайским музеем пещерных городов было произведено обследование памятника и его раскопки; работы велись с 20 по 27 ноября 1940 г.

Детальное обследование местности, прилегающей к обнаруженному склепу, выявило таврское поселение с характерными ямами, расширяющимися книзу, с большим количеством лепной керамики. Среди подъемного материала имеются фрагменты сосудов, принадлежащих разным эпохам и выполненных в различной технике. В основном это обломки сосудов, изготовленных без гончарного круга, из грубой, черной или темносерой глины с значительной примесью крупно-зернистого песка и белых вкраплений; обжиг слабый. Зачастую поверхность сосудов лощеная и украшена врезным линейным орнаментом, заполненным белой массой.

Наряду с этой лепной керамикой имеются фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге. Среди них фрагментированное горло амфоры с ручкой и обломок стенки плоского блюда, покрытого черным лаком плохого качества эллинистического времени. К римской поре относится несколько фрагментов тонкостенных краснолаковых сосудов. Поздне-римскими (III—IV вв.) являются: фрагмент узкогорлой амфоры с реберчатой ручкой и фрагмент солена с вертикальным бортом. Встречаются фрагменты и поздне-средневековой поливной керамики; наконец здесь же были найдены медная русская монета 1735 г. и осколки бутылок времени обороны Севастополя.

Таким образом, подъемный материал позволяет констатировать непрерывность жизни в этом районе начиная, по крайней мере, с III—II вв. до н. э. и вплоть до недавнего времени.

ТАВРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение это расположено на обращенном к ЮЗ пологом склоне небольшой безымянной балки, неподалеку от Инкерманской средневековой крепости. Размеры его (определены ориентировочно по склону балки) с В на З около 100 м и с Ю на С около 40—50 м. Помимо подъемного материала из земляных обреза, зафиксировано восемь ям хозяйственного назначения, с расширяющимися книзу стенками и плоским дном, а также большая землянка с обвалившимся потолком.

За недостатком времени зачищено только три ямы из восьми обнаруженных, сохранившиеся только в основании.

Яма № 1. Вырублена в материковой глине, сохранилась лишь половина ее дна; в плане она неправильной круглой формы; диаметр по дну около 1.10 м. Стенки сохранились на высоте от 0.10 до 0.30 м. Заполнение — почти чистая древесная зола с небольшим количеством земли и многочисленными культурными остатками. Следов действия огня ни на дне, ни на стенках ямы не обнаружено.

Находки:

1) 117 фрагментов стенок различных сосудов, большей частью крупных. Глина темносерая или черная с примесью песка и белыми вкраплениями; поверхность грубая, не лощеная. Несколько черепков покрыты светлой облицовкой. На некоторых обломках по плечикам — орнаментальный валик. Толщина стенок от 0.3 до 1.5 см.

2) 15 фрагментов стенок и плоское дно, округло-загибающееся к тулову. Глина та же. Поверхность лощеная, черного или темносерого цвета; фрагменты принадлежат одному или двум сосудам.

3) 9 фрагментов днищ крупных «баночной формы» плоскодонных сосудов, с грубой шероховатой поверхностью.

4) 20 фрагментов венчиков разных сосудов, округло-отогнутых наружу. Из них 12 от крупных сосудов, остальные принадлежат сосудам средних и небольших размеров. На одном следы лощения. Поверхность красная или серая.

5) Фрагмент верхней части горшка с отогнутым наружу венчиком и высокой ручкой. Глина такая же. Поверхность лощеная, темносерого и желтого цвета. Высота сохранившейся части около 15 см.

6) То же без ручки. Поверхность черная. Сосуд выполнен несколько грубее.

7) То же без ручки. Хорошей работы. Поверхность черная, хорошо лощеная, орнаментирована линейным врезным орнаментом, заполненным белой массой.

8) 9 фрагментов стенок сосудов, орнаментированных в том же стиле и технике.

Помимо керамики, найдено несколько обломков костей животных (не определены), несколько створок морской ракушки мидии, более 20 створок устриц, одна створка «гребешка», 4 небольших камня со следами огня, 2 куса точильных камней, кремневая галька. Здесь же найдены часть круглой плоской известняковой плитки с круглым сверленным отверстием в центре и осколок обгорелого камня серого цвета.

Яма № 2. Вырублена в материковой глине. Сохранилась на высоте 0.90 м. Дно плоское, в плане имеет овальную форму. Длина 1.80, ширина 1.50 м. Стенки суживаются кверху. Заполнение — земля с большим количеством обгоревших камней различной величины. Никаких следов обжига или действия огня ни на стенках ямы, ни на дне не обнаружено. В нижней части у дна огромное количество створок мидии, около 20 створок устриц и несколько раковин садовой улитки; здесь же найдены черепные кости мелкого животного, 5 обломков точильного камня и значительное количество фрагментов лепной керамики.

Среди керамики:

1) Сосуд шаровидной формы с плоским дном и отогнутым наружу венчиком; дно закопчено. На плечиках небольшой выступ. Глина коричневая с сильной примесью песка и белых вкраплений. Поверхность светлокоричневого тона со следами лощения. Сосуд по плечикам орнаментирован двумя горизонтальными рядами врезанных треугольников, расположенных вершинами книзу. Основные размеры: высота общая 10.7 см, горла 2 см, диаметр тулова 10.5 см, дна 3.6 см, горла 6.1 см.

- 2) 51 фрагмент стенок грубых сосудов без лощения. Глина темносерая или черная с примесью песка.
- 3) 7 фрагментов венчиков различных сосудов.
- 4) 3 фрагмента днищ сосудов «баночной формы».
- 5) 6 фрагментов стенок сосудов с прекрасно лощеной наружной поверхностью отличного черного цвета.
- 6) 6 аналогичных фрагментов несколько худшего качества.

Яма № 3. Сохранность плохая: уцелела только половина, стенки сохранились на высоте 0.32 м. Дно плоское, в плане неправильной овальной формы. Заполнение — земля с незначительной примесью золы и очень большое количество лепной керамики. Ни дно, ни стенки не имеют никаких следов обжига или действия огня.

Среди находок:

1) Свыше 400 фрагментов стенок грубых «баночной формы» сосудов крупных размеров; некоторые орнаментированы по горлу или по плечикам рельефными валиками или бороздками.

2) 2 фрагмента стенок сосудов с прекрасно лощеной черной поверхностью. Один из них украшен вертикальными рельефными выступами. Глина черная, хорошо промешанная.

Кроме керамики обнаружены: воловий (?) астрагал, зуб и другие кости неизвестных животных, 4 створки устриц, одно кремневое орудие (?) и отщеп, большая зернотерка (?), пережженная и разбитая на несколько кусков.

Судя по обрезам и материалу в них, остальные 5 незачищенных ям повторяют ту же форму и имеют то же заполнение, что и описанные. Характерный признак всех ям — отсутствие керамики, изготовленной на гончарном круге.

Землянка. Обнаружена в высоком земляном обрыве у верхнего его края, на высоте 5—6 м. В обрыве четко выделяются вертикальные стенки, высотой до 2 м, обвалившийся потолок и культурный слой на подошве землянки, толщиной до 0.50—0.80 м, с большим количеством золы (возможно, остатки очага) у западной стенки. В осыпавшейся земле обнаружены створки мидии и мелкие фрагменты лепных сосудов. Длина землянки около 6 м. Землянка осталась незачищенной.

Датировка поселения весьма затруднена. Сосуды по форме, технике и орнаменту имеют многочисленные аналогии. Через каменные ящики¹ они смыкаются с сосудами Кизил-Кобинской культуры;² вместе с тем они прослеживаются и в эллинистическом и римском слоях Херсонеса, дающих хорошо выраженные их аналогии, в особенности в эллинистическом слое.

Что касается ям, то аналогичные им постоянно встречаются в Кизил-Кобинской культуре и могут быть прослежены еще в палеолите. Подобные ямы были параллельно исследованы А. К. Тахтаем в 1940 г. над Балаклавой. Наконец аналогичные памятники известны и на сарматских городищах Северного Кавказа³.

Хозяйственное назначение исследованных ям несомненно; однако более подробное суждение о них, ввиду ограниченности материала, пока невозможно. Хронологическая неопределенность найденной керамики, отсутствие импортной керамики, неопределенность самих ям и незначительность

¹ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, стр. 144. — С. А. Семенов-Зусер, СГАИМК, 1931, № 7. — Он же. Таврские мегалиты. Наук. Зап. Харківськ. Держ. Педагог. інст., т. V, 1940.

² Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. «Крым», № 2, 1926.

³ А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924—1925 гг. СГАИМК, I, стр. 120 сл.

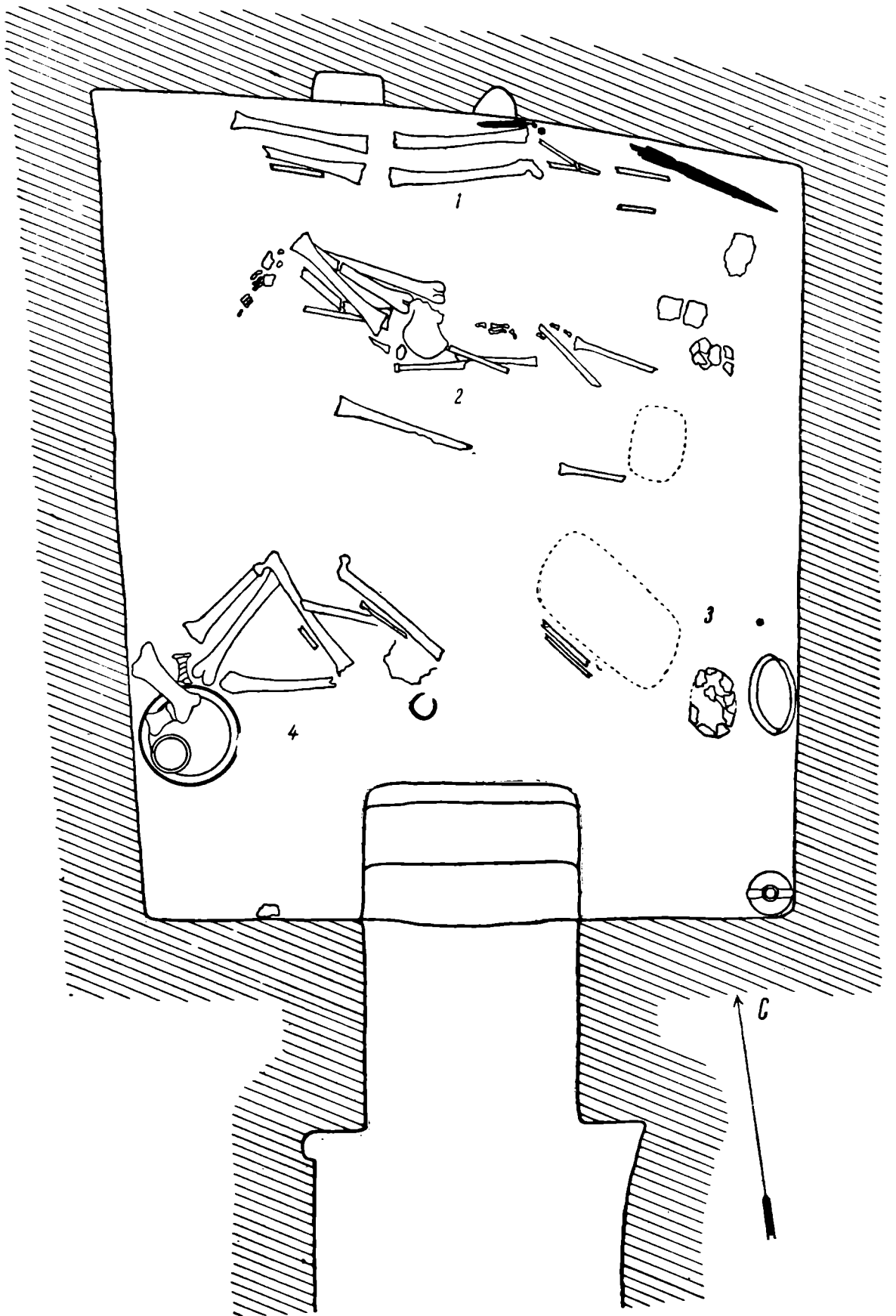

Рис. 1. План погребений в склепе.

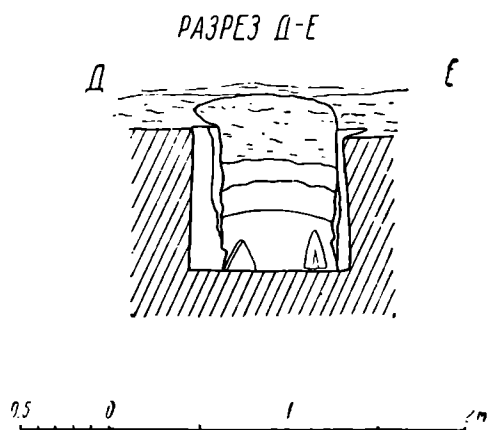
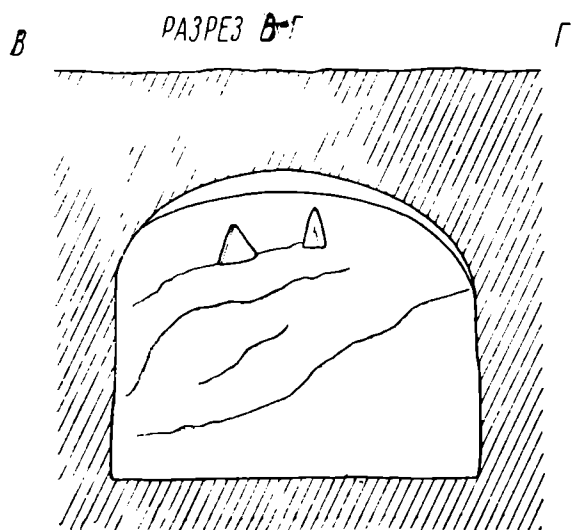
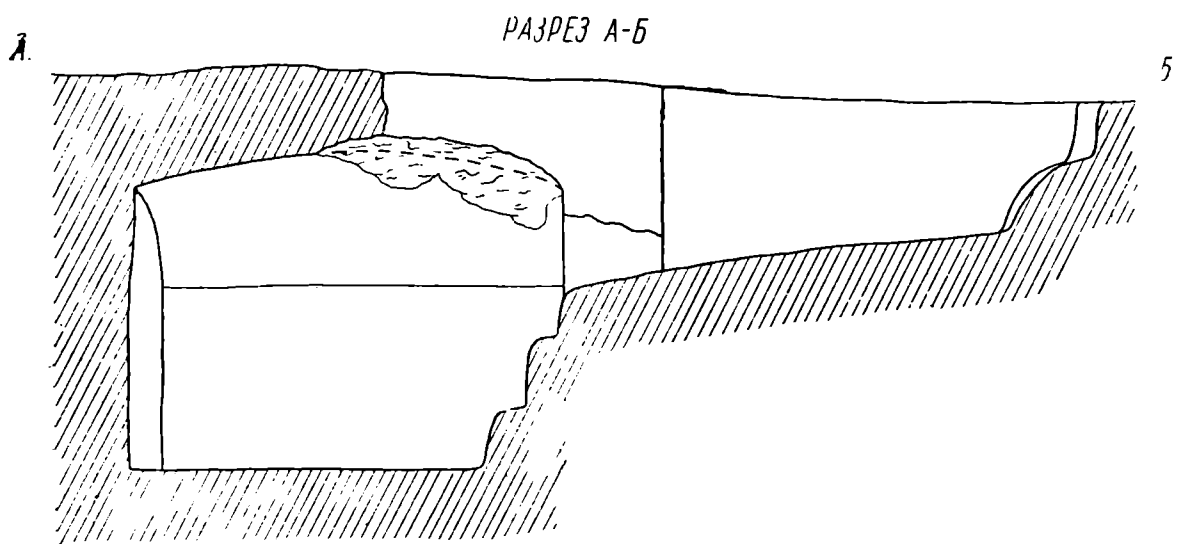
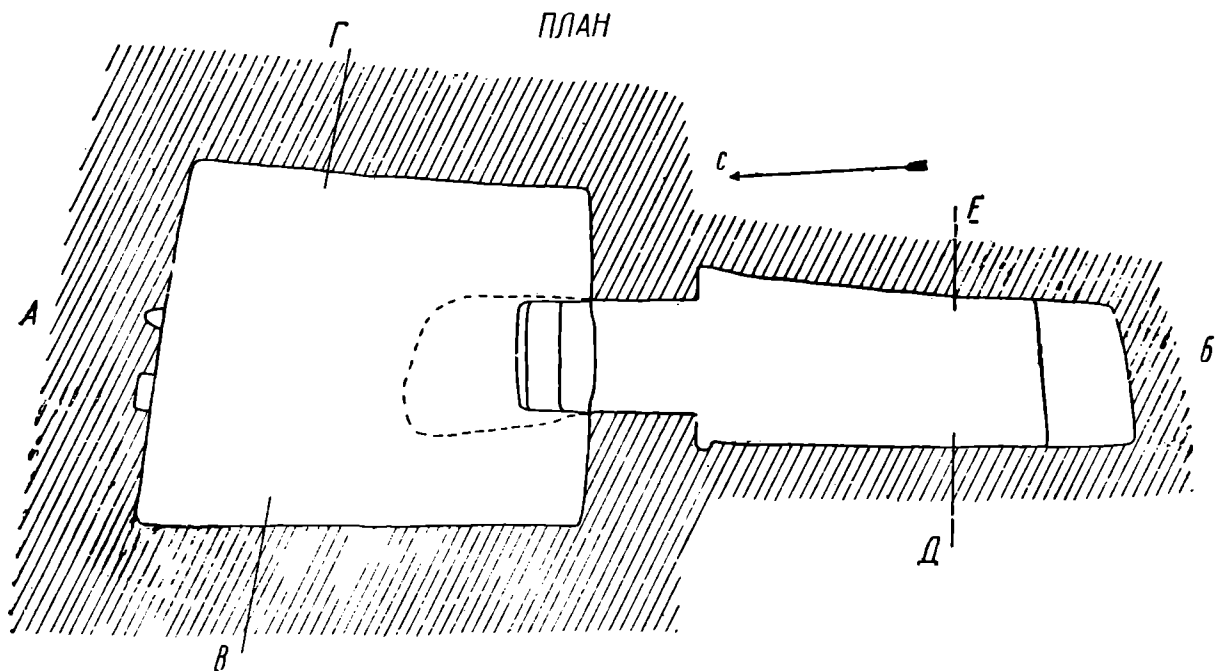

Рис. 2. Склеп в Инкермане. План и разрезы.

материала заставляют нас пока отказаться от точной датировки поселения. Вероятнее всего, что это таврское поселение уже существовало до греческой колонизации юго-западного Крыма. Сходство материала с инвентарем каменных ящиков и Кизил-Кобинской культурой позволяет, правда, с оговоркой, относить возникновение Инкерманского поселения к началу или первой половине I тысячелетия до н. э. Оговорка вызвана наблюдением А. А. Миллера над сарматским городищем у стан. Усть-Лабинской,¹ где отсутствует импортная керамика, зато в могильнике этого городища импортной керамике сопутствует керамика местная.

Несомненно и то, что поселение существовало и в эллинистический и в последующий периоды, о чем свидетельствует подъемный материал.

М о г и л ь н и к

Могильник расположен рядом с вышеописанным поселением в 50—60 м к С от него.²

Совместно с директором Музея пещерных городов И. Д. Шеренговым мною был раскопан склеп, земляная могила (в контрольной траншее) и обнаружена вторая могила.

З е м л я н о й с к л е п (рис. 1). На глубине около 2.5 м в материке обнаружен удлиненный дромос с покатым ко входу в склеп дном. В южном конце дромоса одна ступенька. В северо-западном углу вырублен паз, возможно, для заклада входа в склеп. В северном конце дромоса на уровне подошвы обнаружен вход неопределенной формы; разрушен обвалом. Ширина его в основании 0.62 м, толщина простенка 0.60 м. Плита заклада, грубо обтесанная и неправильной формы, вместе с обвалом провалилась внутрь склепа и лежала сверху натечной и обвалившейся земли.

Склеп в плане четырехугольной формы, с коробовым сводом, ориентированным по его продольной оси. Длина стенок: северной 2.13 м, южной 1.92 м, восточной 2.25 м, западной 2.50 м. Высота стенок: восточной 1.05 м, западной 1.15 м, северной 1.60 м. Высота склепа в центре 1.80 м.

Склеп углублен по отношению к дромосу на 1 м. В него ведут две высокие и узкие ступени. Склеп сработан тщательно и аккуратно. В северной стенке, под потолком, вырублены две ниши для ламп (рис. 1); восточная имеет закопченную и обгоревшую поверхность. На подошве склепа лежали четыре костяка различной сохранности.

Погребение № 1.³ Костяк плохой сохранности (лежит под северной стенкой склепа); хорошо сохранились лишь нижние конечности. Костяк лежит на левом боку, ориентирован почти с ЮВ на СЗ; ноги и, повидимому, руки в вытянутом положении (рис. 1, 2). При костяке найдены у правого плеча меч, рукояткой книзу; меч железный, в деревянных ножнах, без оправы, с деревянной рукояткой; разломан на 4 части; деревянные части совершенно истлели, длина его от острия до конца рукоятки около 50 см.

Пряжка бронзовая, овальной формы, с прямым суживающимся у конца язычком, заходящим за кольцо и загнутым почти под прямым углом. Кольцо пряжки спереди утолщается: общая длина 2.5 см, длина язычка 2.11 см. Пряжка найдена с правой стороны таза.

Кольцо бронзовое, круглое в сечении, на петле из тонкой бронзовой пластинки с штифтом для закрепления на ремне. Изгиб петли украшен двумя продольными желобками. Петля разломана на две части. Диаметр кольца 1.1 см, длина петли 1.4 см.

¹ А. А. Миллер, ук. соч., стр. 84.

Замер сделан от крайней западной ямы к обнаруженному склепу.

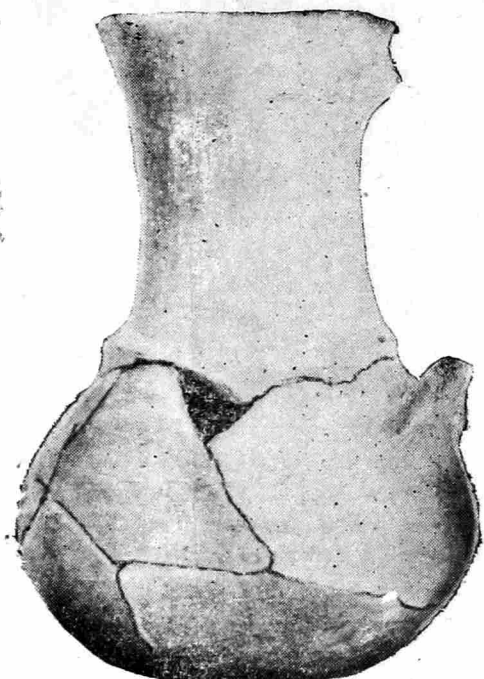
Нумерация погребений ведется начиная от северной стены склепа.

Нож железный. Черенок сохранился только у лезвия. Здесь же следы дерева, повидимому, от рукояти. Тыльная сторона лезвия толстая и массивная. Длина лезвия 14.3 см, ширина у рукояти 2.2 см, общая длина 15.3 см. Разломан на 3 части. Найден в верхней части бедра, с правой стороны.

Сосуд стеклянный в мелких фрагментах, повидимому, небольшого размера, с широким устьем, утолщенным и оттянутым наружу краем. Тулово округло спускалось ко дну на высокой кольцевой ножке. Диаметр по краю сосуда (судя по дуге обломков) около 6 см. Кольцевая подставка не совсем правильной формы; диаметр 2.4 см и 2.2 см. Найден у правого бедра.

Под костями спины были обнаружены остатки плотной шерстяной ткани черного цвета и слой золы (остатки подстилки?).

Погребение № 2. Костяк плохой сохранности; хорошо сохранились лишь нижние конечности. Лежит на спине, к югу от погребения № 1, ориентирован головой на ЮВ. Ноги скорчены, колени у таза. Череп не сохранился. Фаланги пальцев правой (?) руки находятся в области живота (рис. 1, 2). С правой стороны черепа обнаружены фрагменты лепного кувшина (рис. 3). Кувшин пло-

а

в

Рис. 3. а—кувшин из погребения № 2; в—горшок из погребения № 4.

скодонный с низким и округлым туловом, высоким, большого диаметра горлом, слегка расширяющимся вверх, и гладким венчиком. Ручка вертикально поднимается вверх, изгибаясь затем почти под прямым углом, в сечении плоско овальная с двумя продольными желобками. Наружная поверхность сосуда лощеная, пятнистая, коричнево-красного цвета. Глина красная с значительной примесью светлого песка. Высота 15.9 см, высота ручки около 8.5 см; диаметр тулова около 11.5 см, дна — около 7 см, горла — 7.3 см; толщина стенок 0.4—0.7 см, дна — 1.4 см, венчика — 0.3 см. На внутренней поверхности стен и горла и с одной стороны на тулове густой белый осадок органического вещества; несомненно, что сосуд был опрокинут во время захоронения; возможно, что тогда же он бы и разбит.

Погребение № 3. Женское. Костяк плохой сохранности: уцелели лишь сильно истлевшие кости правого бедра, левой руки и черепа. Лежит на спине, головой на ЮВ, параллельно погребению № 2, к Ю от него (рис. 1). У головы краснолаковое блюдо, прислоненное к восточной стене склепа (рис. 5 и 6). Блюдо большое и глубокое с высокими расширяющимися бортами, округлыми снаружи и слегка загнутыми внутрь, сходящими на

нет. Лаки довольно хорошего качества. С наружной стороны по борту имеются коричневые подтеки. Глина светлокрасная, плотная, хорошо промешанная. Наибольший диаметр 28.6 см, диаметр дна по подставке 20.5 см. Общая высота 5.4 см, высота подставки 0.3 см. Рядом с блюдом найдено пряслице биконическое с усеченными верхушками и лощеной поверхностью. Глина серая, плохо обожженная. Наибольший диаметр 2.6 см, диаметр оснований 1.4 и 1.5 см. Расстояние между основаниями 1.8 см. Под спиной костяка — тонкий слой золы с мелкими древесными угольками.

Рис. 4. Юго-восточный угол склепа.

Погребение № 4. Костяк плохой сохранности; хорошо сохранились лишь нижние конечности. Лежит на правом боку, в согнутом положении. Верхняя половина костяка (от таза) уничтожена натеком земли, проникшей через вход склепа. Слева от входа, под южной стеной обнаружен кусок черепной кости — повидимому, работа землеройки (рис. 2,4). В ногах костяка краснолаковое блюдо. В нем чашка, покрытая коричневым лаком, и кости воловьей ноги. На стенках блюда и чашки заметен коричневый осадок органического вещества. Рядом лежал разбитый одноручный стеклянный сосуд с высоким горлом. Под костями при разборке обнаружены три железных ножа, железная пряжка и кремень в железной оправе. У таза, со стороны входа в склеп, найден бронзовый браслет.

Блюдо раздавлено на 6 частей; по форме, технике, глине и лаку подобно блюду из погребения № 3. Снизу на дне еле заметна надпись коричневой краской крупными буквами: КУРО. Наибольший диаметр блюда 29.7 см, дна — 22.1 см, высота общая 5.8 см, высота подставки 0.3 см (рис. 6).

Чашка на кольцевой ножке, с сильно расширяющимися кверху стенками, сильно, но округло отогнутыми к краю, сходящему на нет и загнутом

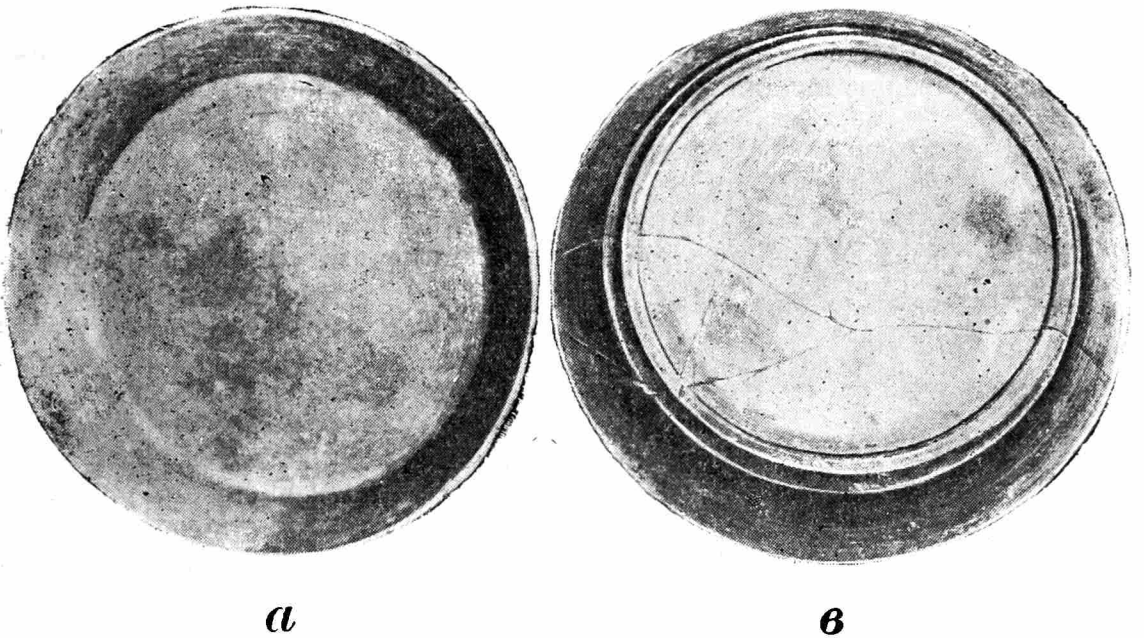

Рис. 5. Краснолаковые блюда; а — из погребения № 3; в — из погребения № 4.

внутри. Дно внутри выпуклое. Чашка покрыта коричневым пятнистым лаком. Наибольший диаметр 13.9 см; по краю — 12.8 см, диаметр ножки 5.9 см; высота общая 4.4 см, высота ножки 0.6 см.

Сосуд одноручный из тонкого стекла (раздавлен), с высоким горлом, заканчивающимся венчиком в виде раструба; книзу горло расширяется и постепенно переходит в плечики. Тулово книзу сужено и заканчивается плоским дном на кольцевой подставке. Ручка плоская, снаружи ребричатая, прикреплена к нижней стороне венчика, немного выступающая над ним завитком. Сосуд в верхней части орнаментирован накладной стеклянной нитью, обвивающей сосуд по спирали. Высота общая около 17—19 см, горла — 8.6 см, ручки — 10.6 см, диаметр венчика 5.7 см.

Рис. 6. Погребение № 4.

Браслет бронзовый, в сечении овальной формы, с несомкнутыми сходящими на нет острыми концами, с налипшими на него кусочками льняной ткани. Разломан на 9 частей. Диаметр около 7.2—7.5 см, ширина 0.4, толщина 0.3.

Пряжка железная, массивная, овальной формы. На передней стороне выемка, в которую входил конец язычка, загнутый книзу. Пряжка сильно окислившаяся. Ширина 4 см, длина 2.5 см, толщина конца около 1 см.

Рис. 7. Амфора V века из ЮВ угла склепа.

Нож железный с остатками деревянной рукоятки, прикрепленный к черенку бронзовым штифтом. Лезвие массивное, утончающееся и суживающееся к концу. Разломан на две части. Длина общая 14.5 см, длина лезвия 11.5 см, ширина лезвия у рукоятки около 2 см.

То же с остатками деревянной рукоятки. Лезвие широкое, суживается в острие только у самого конца. У рукоятки на лезвии сохранились кусочки дерева с прилипшими остатками льняной ткани. Длина общая 16.2 см, длина лезвия 10.5 см, ширина 1.8 см.

То же с остатками дерева рукоятки, укрепленной железным штифтом. Тыльная (?) сторона прямая. Лезвие постепенно суживается к концу. Длина общая 19.2 см, длина лезвия 13.5 см, ширина у рукоятки около 2 см.

Наконечник стрелы (?) ланцетовидный, железный, с остатками дерева вокруг черенка. Длина общая 6.6 см, длина наконечника 3.9 см.

Кремень для высекания огня, укреплен между двумя железными пластинами. Найден около таза.¹

Помимо вещей, связанных с определенными костяками, обнаружены следующие предметы: в юго-восточном углу склепа — амфора, в натечной земле — разбитые кувшины и горшок, железный предмет и два фрагмента стенок амфоры, судя по глине — возможно херсонесского производства.

Амфора остродонная, небольших размеров, с узким и высоким горлом. Венчик идет полуваликом по наружной стороне. Плечики округлые. Тулово коническое, желобчатое, в средней части заканчивается слегка уширенной кольцеобразной ножкой с цилиндрическим выступом снизу. Ручки по наружной стороне реберчатые. На горле нанесена красной краской неразборчивая монограмма, на плечиках курсивным письмом начертано $\Phi\omega\kappa\alpha$, по середине тулова короткая горизонтальная черта. Глина желтая с сильной примесью мелкого песка темного цвета. Диаметр тулова 13.5 см,

¹ Подобные находки зачастую встречаются в некрополях Херсонеса, Суук-су, у дер. Скеля, Эски-Кермена. Во всех прослеженных нами 43 случаях всегда были найдены в мужских погребениях.

диаметр горла (наружный) 5.5 см, диаметр ножки 4.3 см; высота общая 45 см, горла — 17 см, ручек — 14 см (рис. 7).

Кувшин сероглиняный с лощеной поверхностью. Горло высокое, под ручкой опоясанное рельефным валиком; заканчивается трехгранным венчиком, отогнутым наружу. Тулово широкое, округлое; дно плоское, на низкой, широкой, кольцевой подставке.

Ручка вертикальная, витая, глина серая с мелкими известковыми вкраплениями и очень редкими кварцевыми белыми песчинками. Местами поверхность сосуда порвана «дутиком». Сосуд сделан на гончарном круге. Верхняя часть изнутри и снаружи покрыта рыжевато коричневым налетом какого-то органического вещества. Внутри на горле этот осадок лежит слоем до 0.5 см. Сосуд был, несомненно, опрокинут во время погребения; возможно, что тогда же он был разбит. Высота общая 34.5 см, горла — 14 см, ручки — 15.5 см; диаметр тулова 25 см, дна — 13.8 см, венчика — 9.2 см (рис. 8).

Рис. 8. Сероглиняный сосуд с лощеной поверхностью.

Горшок плоскодонный, сделан без применения гончарного круга. Венчик почти вертикальный, плечики отчетливо выражены, тулово слегка выпуклое. Внутри и снаружи поверхность лощеная, черного цвета. Глина темносерая, почти черная, с большим количеством песка; хорошо вымешана. Горшок найден в обломках. Высота общая 8.5 см, венчика — 1.5 см. Диаметр тулова около 17.6 см, дна — около 13.0 см, горла — около 17 см. Толщина стенок от 0.5 до 1 см у дна (рис. 3, б).

Железный предмет округло-удлиненной формы в виде набалдашника. На одном конце отверстие, в котором заметны следы перегнившего дерева. Наибольший диаметр 3.5 см, диаметр отверстия 0.8 см.

Земляная могила № 1. Как указывалось, кроме склепа была раскопана одна земляная могила в 3 м к В от него. Вырублена в материке на глубине около 1 м (?) от поверхности земли до ее выборки. Длина могилы 1.90 м, ширина в западном конце 0.50 м, в восточном — 0.38 м. Костяк

плохой сохранности, лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на З. Вещей нет.

Земляная могила № 2. Находится в 3—4 м к З от склепа. Направление то же, как и у № 1. Залегает на глубине 0.55 м от поверхности. Обнаружена в обресе; не раскопана.

Сопоставление склепа, его погребений и сопровождающего их инвентаря с аналогичными памятниками дало возможность твердо датировать склеп, а также сделать ряд предварительных общеисторических выводов.

Наиболее близкими аналогиями Инкерманского склепа по форме, технике сооружения и грунту являются земляные склепы горного Крыма, исследованные Н. И. Репниковым в Суук-су,¹ у дер. Склея² и на Эски-Кермене.³ Вырублены эти склепы в материковой глине на значительной глубине; в плане представляют четырехугольные камеры без лежанок, с полукруглым коробовым сводом.⁴ Вход в склепы в Суук-су, как и в Инкермане, находится с южной стороны; в Эски-Кермене — с небольшим отклонением к В. Однако по своему времени эти склепы несколько позже Инкерманского.⁶ Хронологически с нашим склепом совпадают склепы Херсонесского некрополя III—IV вв. Среди последних многие не имеют лежанок,⁷ в плане они — неправильной формы и грубой работы. Некоторые склепы имеют коробовый свод.⁸

Таким образом, форма нашего склепа имеет аналогии начиная с I в. (склеп № 2139 в Херсонесе) и кончая склепами Горного Крыма VI—VII вв. Предметы, найденные в склепе, разделяются на две группы. Первая, хорошо датируемая, и вторая, для твердой датировки которой мы не нашли вполне убедительных аналогий.

К первой группе относятся следующие предметы: остродонная амфора с надписью краской *Φωχα* (рис. 7). Очень близка к ней по форме, размерам, технике и глине амфора из херсонесского склепа № 242 (18), раскопок Р. Х. Лепера.⁹ Херсонесская амфора имеет на горле монограмму, а на плечиках надпись ГОР. Склеп № 242 не был разграблен и хорошо датируется монетами с начала III в. (Каракалла) до середины IV в. (Юлиан), светильниками III—IV в.,¹⁰ а также краснолаковыми сосудами, характерными для Херсонесского некрополя III—IV вв. Нижняя часть такой же амфоры найдена во время раскопок 1934 г. в засыпи цистерны «В» вместе

¹ Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских гот. ИАК, вып. 19, стр. 1—80; ч. II, ЗООИД, XXVII, стр. 101—148.

² Н. И. Репников. Разведки и раскопки по южному берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, вып. 30, стр. 99—126.

³ Н. И. Репников. Раскопки Эски-керменского могильника в 1928—1929 гг. Готский сборн., ИГАИМҚ, т. XII, 1932, стр. 153—180.

⁴ См.: ИАК, вып. 19, стр. 32; вып. 30, стр. 119; Готский сборн., стр. 150 (склеп № 47), стр. 170 (склеп № 79), стр. 172 (склеп № 83); ЗООИД, XXVII, стр. 129.

⁵ За исключением склепов №№ 131, 153 и 169; ЗООИД, XXVII.

⁶ За исключением склепа № 131 в Суук-су, датируемого монетой конца III—начала IV в. См. ЗООИД, XXVII, стр. 111—112.

⁷ ОАК за 1891 г., склеп № 23; ОАК за 1893 г., № 343 с тремя деформированными черепами; ОАК за 1894 г., №№ 451 и 452; ОАК за 1896 г., №№ 643, 644, 681, 789; ОАК за 1898 г., №№ 936 и 981; ИАК, вып. 9, № 1283; вып. 16, № 1501; вып. 20, №№ 1567, 1578, 1600, 1610, 1618, 1619; вып. 25, №№ 1641, 1646, 1663, 1670, 1714, 2083, 2089, 2090, 2119; вып. 33, № 2139; Херсонесский сборн., II, стр. 181, склеп № 2815.

⁸ ИАК, вып. 16, склепы №№ 1480, 1503; вып. 20, №№ 1596, 1603, 1604; вып. 25, № 1663 и 2101; Херсонесский сборн., II, №№ 2682, 2684, 2789.

⁹ Р. Х. Лепер. Дневник раскопок Херсонесского некрополя. Херсонесск. сборн., II, стр. 252—254.

¹⁰ Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1934 г., стр. 22, рис. 16 (внизу слева), стр. 23, рис. 17 (вверху справа). — О н ж е, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., стр. 73, рис. 43 (второй светильник справа в верхнем ряду). — О. Ф. В а л ь д-г а у е р. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, табл. XLIV, №№ 469, 470, 472, 474; табл. XLV.

с фрагментами поздне-римских сосудов.¹ Аналогичная амфора из склепа могильника «Городок Николаевка» на Нижнем Днепре² любезно указана нам Л. А. Мацулевичем. На основании приведенных аналогий наша амфора может быть датирована второй половиной III, быть может, даже IV в.

К первой группе предметов относятся также оба блюда погребений №№ 3 и 4 (рис. 5). В фондах Херсонесского музея имеются совершенно сходное с ними беспаспортное блюдо и фрагменты блюд, происходящих из поздне-римского слоя. Аналогичные фрагменты найдены и в указанной цистерне «В» раскопок 1934 г.³ вместе с монетой Феодосия I. Таким образом, оба блюда относятся скорее всего также к IV в. По форме им близки красно-глиняные блюда из Суук-су: одно из склепа № 131 с монетой конца III — начала IV в., второе — из подбойной могилы № 154 с монетой Феодосия II (408—450).⁴

Бронзовая пряжка при погребении № 1, по мнению М. А. Тихановой и Л. А. Мацулевича,⁵ датируется, по аналогии с подобными ей из Северного Причерноморья, скорее всего концом IV в., быть может, даже началом V в.

Коричневолаковая чашка из погребения № 4 по аналогии с подобными ей из Херсонесского некрополя датируется III—IV вв. Наконец, стеклянные сосуды погребений №№ 1 и 4 находят себе полную аналогию в инвентаре вышеописанного склепа № 242 раскопок 1910 г.⁶ и датируются III—IV вв. Вторая группа вещей, хотя и не может быть хронологически определена столь же точно, все же представляет значительный исторический интерес.

Найденный при погребении № 1 короткий меч представляет собой прямую эллиптическую в разрезе, обоюдоострую полосу, длиной в 47.4 см (вместе с рукоятью). Рукоять (обломана) имеет боковые выступы у основания; длина сохранившейся части 4.2 см, ширина 1.5 см, толщина 0.7 см. Ширина меча у пяты 4.5 см, к концу симметрично сходит на нет. На поверхности заметны следы дерева от рукояти и деревянных ножен. Подобные мечи в горном Крыму неизвестны. К сожалению, встреченные в Херсонесском некрополе мечи, одновременные Инкерманским, не изучены и даже не описаны; сопоставить с ними нашу находку не представляется поэтому возможным.⁷ Мечи Керченского некрополя этого периода отличаются от нашего своей длиной и рукоятью. По длине инкерманский меч может быть сближен с сарматскими мечами из могильника у стан. Усть-Лабинской,⁸ с сарматским кинжалом или коротким мечом первых столетий н. э. из Терской области,⁹ а также с так наз. таврскими мечами.¹⁰

Боковой выступ у основания рукояти находит себе параллель только на Кавказе — у кинжалов Агойского могильника, ряд предметов из кото-

¹ Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1934 г., стр. 21, 20, рис. 15.

² M. E b e r t. Ausgrabungen bei «Gorodok Nikolajewka» am Dniepr, gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, 1913, N. 1/2 стр. 91, рис. 101a.

³ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 21.

⁴ Н. И. Репников. Некоторые могильники ЗООИД, XXVII, стр. 112 и 117.

⁵ Приношу искреннюю благодарность М. А. Тихановой и Л. А. Мацулевичу за оказанную помощь.

⁶ Херсонесский сборн., II, стр. 252—254, а также стр. 230, рис. 13, 1, 3.

⁷ См. ОАК за 1897 г., склеп № 888, III—IV вв.; ИАК, вып. 2, стр. 10 (гробница поздне-римской поры); Херсонесск. сборн., II, стр. 190 (поздне-римская могила № 2), стр. 244 (поздне-римский склеп № 204-09).

⁸ А. А. Миллер, ук. соч., стр. 93.

⁹ А. А. Спицын. Медная оправа кинжала из Терской области. ИАК, вып. 4, стр. 132. Между прочим, меч найден при скорченном погребении.

¹⁰ Н. И. Репников. О так называемых дольменах Крыма. ИТУАК, вып. 44, стр. 19. — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 305 340—341, табл. LXXVIII.

рого А. А. Миллер считал аналогичными находкам с Суук-су.¹ Со своей стороны, учитывая район нашей находки, мы склонны видеть предшественников нашего меча в коротких мечах каменных ящиков Крымского нагорья и в коротком мече пешего тавра из склепа II в. в Пантикапее.

Браслет из погребения № 4 принадлежит к типу, который бытовал очень долго. Так, браслеты этого типа встречаются в каменных ящиках Байдарской долины,² в некрополе Херсонеса³ и в погребениях Суук-су.⁴ Обращает внимание родство таврских «браслетов» из каменных ящиков с браслетами «готских» могильников горного Крыма.⁵ Родство это можно проследить также и в медных пронизях и глазчатых бусах.⁶ Среди этих групп наш браслет, как и херсонесский, хронологически занимает промежуточное место. Попутно отметим аналогичность медного спиралевидного браслета, найденного в таврском святилище Селим-бек у Ялты I—IV вв. н. э., с браслетом из каменных ящиков Байдарской долины.⁷

Значительный интерес представляют сосуды местной работы. Сероглиняный кувшин (рис. 8) с витой ручкой и лощеной поверхностью, сделанный на гончарном круге, весьма напоминает сарматские сосуды. Однако, учитывая местный материал, из которого выполнены инкерманские сосуды, нет надобности искать далеких аналогий на Кубани или на Дону. При раскопках Херсонеса и других причерноморско-греческих городов зафиксировано большое количество сероглиняной посуды, а также лепной, сделанной без гончарного круга. Т. Н. Книпович отмечает определенное влияние античных образцов на формы некоторых типов лепных сосудов.⁸ На херсонесском материале это положение не только подтверждается, но может быть расширено: укажем, например, на лепной сосуд в форме лутерия или на лепную чашу в форме краснолаковых блюд, аналогичных инкерманским.⁹ Одновременно Т. Н. Книпович отмечает и обратное влияние местных скифских форм на гончарную керамику.¹⁰ Позволим себе высказать предположение, что это влияние местных вкусов распространялось не только на форму, но и на технику изготовления сосудов. Если распространение в Херсонесе сероглиняной посуды II в. до н. э., покрытой серой глазурью, объяснялось вырождением чернолаковой техники, то этого, ведь, нельзя сказать о рыбных блюдах Ольвии в слое IV и III вв. до н. э.¹¹ В подтверждение этого вывода приведем тот факт, что в Ольвии и Херсонесе внедрение в быт сероглиняной посуды совпадает с усиленным нажимом на эти города варваров: в Ольвии — в III в. до н. э. и в Херсонесе — в III — половине II в. до н. э.¹²

¹ А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, стр. 94. — См. также ОАК за 1897 г. Случайные находки в Черноморской губ., стр. 83, рис. 202.

² Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, стр. 147 (рис. 28, 37) и стр. 249 (рис. 29, 14, 11).

³ Н. И. Репников. Некоторые могильники... ИАК, вып. 19, табл. XI, 1 и 3 (из погребений V—VII вв.) и табл. XII, 10 (из погребений IX—XI вв.).

⁴ Фонды Гос. Херсонесского музея.

⁵ Ср. ИАК, вып. 30, рис. 15, 16, 19, 29 с ИАК, вып. 19, табл. XI и XII.

⁶ Там же.

⁷ В. Н. Дьяков. Древняя Таврика до римской оккупации. ВДИ, 1939, № 3, стр. 83.

⁸ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Сборн. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 135 и 136.

⁹ В. П. Лисин. Античные хозяйства в районе Камышевой бухты (Диссертация. Рукопись, стр. 156—157). — Он же. Отчет о раскопках Камышевой бухты в 1937 г. (Рукопись).

¹⁰ Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 139 и 158.

¹¹ Там же, стр. 162.

¹² Для Ольвии и Херсонеса указанное время совпадает не только с военно-политическим нажимом варваров, но и с экономическим и культурным их влиянием. Для Херсонеса можно было бы привести целый ряд подтверждений, в том числе данные эпиграфики.

Сделанный экскурс в более раннее время был необходим для подтверждения того, что инкерманский сосуд скорее всего свидетельствует о дальнейшем влиянии античной техники на местную варварскую и о внедрении гончарного круга в варварскую среду, где выделяющееся ремесло (о чем свидетельствует гончарный круг) или еще не овладело полностью высокой техникой греческого Херсонеса или продолжает старую техническую традицию (серый цвет глины, лощение вместо глазуровки).

Лепному кувшину из погребения № 2 (рис. 3) мы не нашли точных аналогий. Черноглиняный кувшин из Суук-су по форме имеет лишь весьма отдаленное сходство.¹ Несколько ближе кувшины из упомянутого Агойского могильника², хотя и в этом случае можем сослаться только на некоторое сходство в форме и цвете глины. Сделаны ли эти кувшины на гончарном круге или нет, по описанию установить невозможно.

Перейдем к инкерманским погребениям.

1-е погребение: костяк лежит на левом боку с вытянутыми руками и ногами. Легкую согнутость в коленях мы склонны рассматривать как естественное следствие труположения на боку.

2-е погребение: костяк на спине, ноги скорчены, руки вытянуты вдоль туловища; кисть правой руки в области живота.

3-е погребение: костяк очень плохой сохранности; лежит на спине, с вытянутыми конечностями (?).

4-е погребение: костяк с явно скорченными ногами, на правом боку. Все костяки ориентированы головой на юго-восток.

Не останавливаясь на скорченных погребениях курганов, отметим таковые в каменных ящиках Байдарской долины³ и в некрополе V—IV вв. до н. э. на северном берегу Херсонеса.⁴ Эти погребения считаются принадлежащими местному таврскому населению.

Находки из скорченных погребений III—IV вв. н. э. и, тем более, в склепе заставили нас проверить весь изданный и доступный материал из некрополей юго-западного Крыма. Выяснилось, что скорченные погребения встречаются в могильниках различных эпох. В Херсонесе они известны в упомянутом некрополе V—IV вв. до н. э. Кроме того, нами прослежены следующие погребения: в гробницах эллинистического времени — №№ 1942⁵ и 1658,⁶ в земляных могилах римско-эллинистического времени — №№ 2516, 2552, 2570,⁷ в могилах римского времени — №№ 2816⁸ и 52 (раскопки Лепера в 1910 г.)⁹ и, наконец, в склепах III—IV вв. (раскопки Лепера) №№ 12 (19),¹⁰ 217 (102)¹¹ и 62 (А).¹² Помимо наличия скорченных погребений в III—IV вв. н. э., важно констатировать сочетание этого обряда с наличием костяков с деформированными черепами: имею в виду семейный склеп № 62а, из раскопок Лепера в 1909 г.: вместе с костяком (на полу) со «скрещенными ногами» здесь на лежанках были обнаружены два погребения с деформированными черепами. Могильник в Суук-су (V—VII вв.) дает

¹ Н. И. Репников, ук. соч., ИАК, вып. 30, стр. 106, рис. 9/139.

А. А. Миллер, ук. соч., ИАК, вып. 33, стр. 89, рис. 19.

³ Н. И. Репников, ук. соч.

⁴ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Некрополь.

⁵ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом. ИАК, вып. 25, стр. 93.

⁶ Там же, стр. 75.

⁷ Н. И. Репников. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. Херсонесск. сборн., II, стр. 153, 156, 157.

⁸ Там же, стр. 182.

⁹ Р. Х. Лепер. Дневник раскопок Херсонесского некрополя. Херсонесск. сборн., II, стр. 220.

¹⁰ Там же, стр. 92.

¹¹ Там же, стр. 246.

¹² Там же, стр. 199.

наиболее поздние из известных в горном Крыму скорченных погребений (могилы №№ 92, 73, 140).¹

В связи с фактом совместного захоронения скорченника с костяками с деформированными черепами (склеп № 62а) важно отметить в Херсонесском некрополе не только значительность количества погребений III—IV вв. с деформированными черепами, но и наличие аналогичного явления в погребениях IV—III вв. до н. э.

В 1891 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич раскопал гробницу (№ 5) из клейменных эллинистических черепиц с именем чиновника и эмблемой — орел на рыбе:² «внутри находился один остов с деформированным черепом». Заслуживает внимания погребение с деформированным черепом из Бельбекского могильника II—III вв.⁴

Как видим, в юго-западном Крыму обычай захоронения в скорченном положении прослеживается с древнейших времен и до VI—VII вв. н. э. Вместе с тем мы сталкиваемся здесь и с обычаем деформирования черепов, возникающим еще в эллинистическую эпоху. Широко распространяясь в IV—VI вв., этот обычай, судя по некрополям Суук-су и Эски-Кермене, постепенно отмирает, хотя пережиточно сохраняется вплоть до XVI—XVII вв. лишь в глухих районах горного Крыма.

Все сказанное относительно инвентаря и характера погребения Инкерманского склепа дает возможность датировать его концом IV в. н. э., а погребения в нем относить к местному тавро-скифскому населению. Погребальный обряд свидетельствует о распаде в местном обществе родовых отношений: выделившейся семье (склеп является семейным), об элементах общественно-экономической дифференциации тавро-скифов (на что указывают железный меч, значительное количество импортной посуды), а возможно также, и о выделении ремесла. Вместе с тем материалы того же склепа еще очень ярко и отчетливо отражают пережитки родового общества. На это указывают: обряд захоронения в скорченном положении,⁶ оставление пищи при погребенных — кувшины с жидким содержимым и блюдо с воловьими костями⁷ (причем вероятнее всего предполагать, что эти кувшины тут же были разбиты), наконец, наличие лепной посуды, наряду с импортной, и захоронение в склепе-землянке — земном жилище погребенных.

Перед нами семейный склеп представителей местного таврского или тавро-скифского населения, находящегося на высшей ступени варварства, на грани перехода к цивилизации, — той цивилизации, которая в V—VI вв. уже известна в ряде памятников горного Крыма.

Что касается земляных могил рядом со склепом, то, исходя из сходства с подобными погребениями в Суук-су и Эски-Кермене, мы склонны считать их принадлежащими более позднему могильнику.

¹ Н. И. Репников, ук. соч.; ИАК, вып. 19, стр. 28 и 22; ЗООИД, XXVII, стр. 112.

² Клейма с подобными эмблемами датируются Б. Н. Граковым концом IV—началом III в. до н. э. См. его работу «Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов».

³ К. К. Косцюшко-Валюжинич, ОАК за 1891 г., стр. 139, Ср. рукописный отчет его (Архив ГХМ, дело № 2, отчет за 1891 г., стр. 60), где подчеркнута деформация черепа.

⁴ Раскопки Е. В. Веймарна в 1938 г. Экспозиция Бахчисарайского музея пещерных городов, ныне восстановленная после разгрома музея немецко-фашистскими захватчиками.

⁵ Н. И. Репников. Некоторые могильники... ИАК, вып. 19, стр. 33.

⁶ В. В. Гольмстен. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. Проблемы ГАИМК, 1935, № 5—6.

⁷ А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924—1925 гг. СГАИМК, № 1, стр. 88—91 и 92.

В заключение остановимся на некоторых предварительных выводах из рассмотренного материала, позволяющего уже сейчас несколько иначе рассматривать ряд исторических явлений в жизни юго-западного Крыма.

Прежде всего следует подчеркнуть значение таких фактов, как пора-зительная живучесть обряда захоронения в скорченном положении, просле-живаемого вплоть до VI—VII вв., как уходящий далеко в глубь веков обы-чай деформирования черепов, его сосуществование и даже скрещивание с обрядом захоронения в скорченном положении, далее несомненное родство некоторых видов инвентаря каменных ящиков с инвентарем «готских» могильников горного Крыма.¹ Все это говорит о длительном развитии мест-ной культуры. Письменные и эпиграфические данные об исторических тав-рах и тавро-скифах, как известно, весьма многочисленны. Зато столь важ-ный археологический источник, как некрополи этих племен (исключаем каменные ящики, относящиеся к более раннему времени), отсутствует вовсе. Все же можно констатировать несомненно и значительное влияние местного варварского населения на греко-римский Херсонес. Подтверждением этого являются: 1) смешанность состава населения Херсонеса (данные Херсонес-ского некрополя V—IV вв. до н. э. и III—IV вв. н. э. и показания эпи-графических памятников); 2) заимствование культа Девы и святилище *σαστῆρ*; ² 3) местное влияние на керамическое производство Херсонеса; 4) это же влияние, в еще большей степени, проявляющееся в искусстве Херсонеса — скульптуре, не только с эпохи эллинизма, но и раньше, начиная ст надгробных памятников в виде схематических человеческих голов и до римских надгробий;³ 5) наконец, самый обряд захоронения в херсонесских склепах, начиная с первых веков н. э.

Несомненно и обратное влияние греко-римского, а затем средневекового Херсонеса на местное варварское население. Влияние это проявлялось повседневно и приводило к ускорению процесса расслоения внутри варвар-ского общества, к усилению социальной дифференциации в нем и, наконец, к гибели родового общества. Следы этого влияния четко прослеживаются как в письменных и эпиграфических источниках, так и в памятниках архе-ологических. Последние для классического и эллинистического периодов известны: в Ай-Тодоре,⁴ в Неаполисе,⁵ в «святилище» «Кызык-кулак-кая»,⁶ в городище у Симферополя,⁷ в Инкермане.⁸ Для римского времени известны: «Святилище» Селим-бек близ Ялты,⁹ ранние погребения Суук-су,¹⁰ Мангуп,¹¹ Бельбекский могильник,¹² Неаполис,¹³ Инкерман.¹⁴ При этом

¹ Ряд фактов таврской подосновы «готов» приведен в работе В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма», опубликованной в Готском сборнике, стр. 89 и сл.

² Ср. С. А. Ж е б е л е в. Херсонесская присяга. ИОН, 1935, № 10.

³ См. отчеты о раскопках некрополей, а также *IosPE* I, 2, №№ 493, 547, 551, 553 и 566.

⁴ Раскопки В. Д. Блаватского в Ай-Тодоре в 1935 г.

⁵ Н. Л. Э р н с т. Неаполь скифский. Сборн. «2-я конференция археологов СССР в Херсонесе», 1927, стр. 27.

⁶ Здесь найдено большое количество местной — таврской и эллинистической кера-мики. Данный памятник указан нам П. П. Бабенчиковым, за что приношу ему благо-дарность.

⁷ Римский материал и амфорная ручка с клеймом херсонесского астинома. Фонды ГХМ.

⁸ Подъемный материал нашего обследования.

⁹ Открыто А. Л. Бертъе-Делагардом; см. В. Н. Д ь я к о в, ВДИ, 1939, № 3, стр. 83—84.

¹⁰ Н. И. Р е п н и к о в. Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 г. ИТУАК, вып. 39, стр. 109—110; ЗООИД, XXVII, стр. 101—148.

¹¹ Фрагменты краснолаковых сосудов собраны мною на южном склоне во время ра-боты в Севастопольском краеведческом музее.

¹² Экспозиция Бахчисарайского музея пещерных городов.

¹³ Н. Л. Э р н с т, ук. соч., стр. 27.

¹⁴ Материал из раскопок 1940 г.

нужно иметь в виду то обстоятельство, что этим вопросом никто никогда серьезно не занимался, и указанные примеры, несомненно, далеко не полны; они добыты лишь попутно, в процессе работы над иными материалами.

Вспомним, наконец, письменное свидетельство автора «Жития Иоанна Готского», который называет юго-западный Крым землей тавро-скифов, принадлежащей стране готов: ὁρμώμενος ἐκ τῆς περατικῆς τῶν Ταυροσκηθῶν γῆς, τῆς ὑπο τῆν χῶραν τῶν Γότθων τελοῦσας ἐμπορίου λεγόμενου Παρθενιτῶν ¹

Суммируя сказанное, считаю возможным выдвинуть предположение, что так наз. «готские» могильники, «готские» вещи и «готская» культура юго-западного Крыма в действительности представляют собой памятники местной материальной культуры, которая складывалась в результате синтеза культур двух активно взаимодействовавших обществ: местного — тавро-ского, позднее тавро-скифского, с одной стороны, и греко-римского (Херсонес), — с другой. ²

Не отрицая реальности пребывания готов в Крыму, полагаю, однако, что «Житие Иоанна Готского» и свидетельства путешественников вполне подтверждают вывод о местном характере материальной культуры и автохтонном развитии общества юго-западного Крыма, на которое готы, если и оказали влияние, то весьма второстепенное.

Напомню слова Рубрука, который был в Крыму в 1253 г. Указывая на существование 40 замков между Судакком и Балаклавой, он говорит, что «почти каждый из них имел особый язык; среди них было много готов, язык которых немецкий». ³ Само определение «много» свидетельствует об их меньшинстве по сравнению с основной массой населения. То же мы читаем и в «Житии Иоанна Готского», по которому основное население (земля) — тавро-скифское, а готы — господствующая верхушка, меньшинство. С другой стороны, если и рассматривать крымских «готов» как термин «собира-тельный и весьма условный», ⁴ ни в коем случае нельзя признать в них нечто целое, монолитное. ⁵ Одни «готы» — это население восточной части Крыма на Боспоре, где их местной основой были сарматы; совершенно иное «готы» в юго-западном Крыму, где их основой были тавро-скифы. И тут и там мы имеем сильное влияние греко-римской культуры, и там и здесь мы встречаемся с приблизительно одинаковым общественным устройством. Однако варварское население этих районов — это конкретные и исторически сложившиеся этнические образования, которые, хотя и шли в своем общем развитии одинаковым путем, остались разными «народами», разными «готами» в Крыму. ⁶

Сделанная попытка найти аналогии для Инкерманского склепа в Херсонесском некрополе и проследить влияние последнего привела в сущности

¹ Ср. «Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии». ЗООИД, XIII, стр. 25, перев. Д. В. Никитина. См. В. Г. Васильевский, Труды, т. II, вып. 2, стр. 401.

² Изложенный взгляд в основе полностью совпадает с положениями В. И. Равдоникаса о феодализации Причерноморья, как «чисто местного процесса», и является дальнейшим конкретным прослеживанием его для юго-западного Крыма. Новые данные Инкерманского склепа, находящие себе аналогию на Северном Кавказе, — у сарматов, свидетельствуют не столько о влиянии сарматов на горный Крым, сколько о параллельном процессе, который протекал и у «сарматов» юго-западного Крыма — тавро-скифов. См. указанные работы В. И. Равдоникаса в «Готском сборнике».

³ Плано Карпини и В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перев. А. Малеева, СПб., 1911, стр. 68.

⁴ В. И. Равдоникас, ук. соч., стр. 87.

⁵ Там же.

⁶ Мысль В. Н. Дьякова «о деградации» Таврской культуры для нас не приемлема. См.: ВДИ, 1939, № 3, стр. 83.

к обратному заключению. Наличие жилища-землянки у тавров и у их предшественников, заимствование в самой Пантикапее склепов-землянок от сарматов¹ невольно толкают на мысль о том, что херсонесские склепы того же происхождения, являя хороший пример аналогичного влияния тавров на Херсонес. Хронологически это влияние как раз совпадает с усиленным нажимом римского Херсонеса на тавров и обратным наступлением их на Херсонес (II—IV вв.). Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть материал погребений указанного периода. Вместе с тем нет надобности искать источник влияний на эски-керменские склепы на Дону, Донце, Северном Кавказе и т. п.²

В результате исследования археологического материала юго-западного Крыма прихожу к глубокому убеждению, что исследование вопроса о разложении родового общества юго-западного Крыма теснейшим образом связано с отысканием здесь и изучением ранних могильников и поселений II—I вв. до н. э. и первых веков н. э. Разрешение этого вопроса, а также исследование проблемы этногенеза в юго-западном Крыму упираются как раз в отсутствие такого материала. В то же время несомненно, что именно некрополь Херсонеса является важнейшим источником для разрешения этих вопросов. Громадный материал из раскопок Херсонесского некрополя с 1909 по 1918 г., до сих пор необработанный, должен быть введен путем публикации в широкий научный оборот.

S. STRZELECKI

TRAVAUX ARCHÉOLOGIQUES À INKERMANN EN 1940

R é s u m é

Les fouilles entreprises en 1940 par le Musée de Chersonèse avec la collaboration du Musée de Bachčisaraj ont fait découvrir sur le plateau d'Inkerman une station taurique et tout à côté une nécropole, dont un sépulcre et une simple tombe ont été explorés. La date de la station vu la pauvreté des matériaux archéologiques ainsi que l'absence de céramique d'importation n'a pas pu être fixée.

Quant à la nécropole l'auteur en donne une description détaillée. Le sépulcre à la profondeur de 2.50 m de forme quadrangulaire contenait quatre inhumations, dont deux à posture ramassée. D'après le rite funéraire et le mobilier elles peuvent être datées de la fin du IV-e siècle de notre ère.

L'analyse de la nécropole est suivie de certaines conclusions préliminaires. Ainsi l'auteur constate la persistance jusqu'aux VI—VII siècles de

¹ В. И. Равдоникас, ук. соч., стр. 40—41.

² Там же, стр. 41.

l'inhumation en posture ramassée, la coexistence avec cette dernière de la déformation du crâne, usage remontant à une époque très reculée, la ressemblance du mobilier funéraire des caisses en pierre au mobilier funéraire des nécropoles «goths» etc. Tous ces traits démontrent une longue évolution de la culture indigène ainsi que l'influence de la population indigène sur la civilisation de la Chersonèse greco-romaine, ainsi que l'influence de cette dernière sur la population indigène.

А. Л. ЯКОБСОН

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРХИТЕКТУРЫ

III. ТАТЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Среди больших архитектурных ансамблей средневековой Армении одним из наиболее интересных бесспорно является монастырь в Татеве.

Высоко в горах Зангезура, в трудно доступной местности, раскинулся этот большой укрепленный монастырь — словно городок. Он стоит на краю глубокого ущелья небольшой речки Джахарван, впадающей в Базарчай, и напоминает неприступный феодальный замок (рис. 1). Расположенный на территории древнего княжества Сюник, он и в действительности долгое время был таким замком — резиденцией иерархов и владельцев этой области.

Татевский монастырь был одной из крупнейших феодальных организаций не только сюнийского княжества, но и всей тогдашней Армении.

Это большой архитектурный ансамбль, состоящий из культовых и оборонительных, хозяйственных и производственных, жилых и мемориальных построек, сложившийся на протяжении многих веков существования монастыря.

Для истории его — и политической, и хозяйственной, и строительной — имеется, как известно, замечательный по полноте сведений источник — сочинение конца XIII в. Стефана Орбелиана из рода владельцев Сюник (род. между 1250 и 1260 гг., ум. в 1304 г.), бывшего долгое время настоятелем монастыря.¹ Сведения о дальнейшей строительной истории Татевского монастыря содержатся в храмовой книге о настоятелях монастыря с XIV по XIX в., приложенной к парижскому изданию сочинения Стефана Орбелиана.²

Монастырь был основан, вероятно, еще в V в., но более или менее определенные сведения о нем начинаются лишь с IX в., со времен епископа Геворка.

В задачу настоящей предварительной публикации не входит изложение всей строительной истории монастыря, сообщаемой Стефаном Орбелианом; я остановлюсь лишь на тех сведениях, которые касаются сохранившихся построек. Напомню лишь, что основные периоды интенсивного строительства в монастыре падают на конец IX и X вв., затем на XIII в. и, наконец, на XVII—XVIII вв. Особенно интенсивен был первый период при

¹ Сочинение издано в двух томах в Париже в 1859 г. Имеется французский перевод Броссе (M. Brosset. Histoire de Siounie par Stephanos Orbélian, traduite de l'arménien, 2 livr, S. Pétersbourg, 1864—1866).

² Некоторые общие сведения по истории Татевского монастыря см. в статье А. Д. Ерицовой, «Татевский монастырь» (Протоколы Предварит. ком. V Археолог. съезда в Тифлисе, М., 1880, стр. 404 сл.).

настоятеле Ованнесе (ум. в 918 г.), который при содействии сюнйских владетелей в 895 г. заложил на месте старого новый собор Петра и Павла. Постройка огромного собора высотой в 100 локтей длилась 11 лет и была окончена лишь в 906 г. Следует в связи с этим напомнить, что постройка собора вызвала крупные политические события в Сюнике. Известно, что для обеспечения строительства средствами местные князья передали принадлежавшие им окрестные селения монастырю, который начал насаждать там невыносимые крепостнические порядки. Это вызвало народное вос-

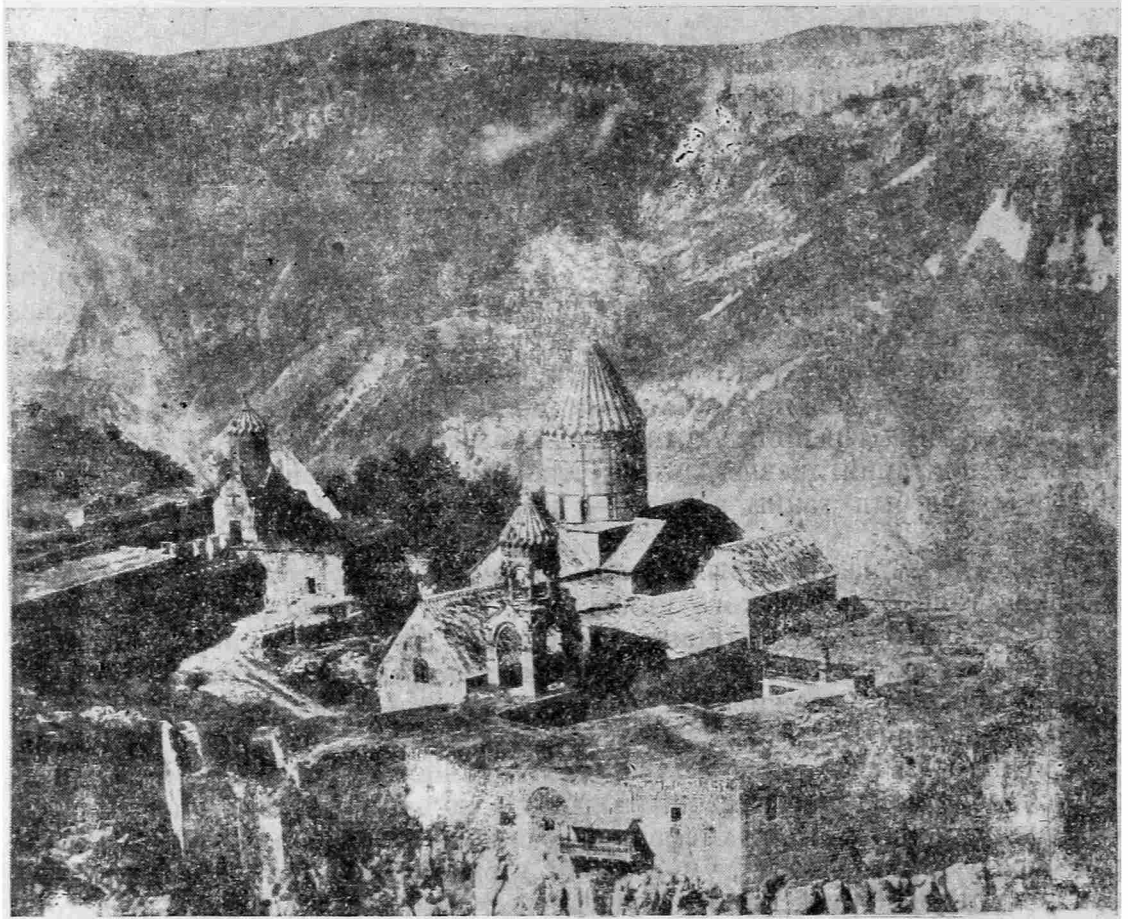

Рис. 1. Татевский монастырь. Общий вид с юго-западной стороны (по фот. конца XIX в. из собраний Гос. Музея этнографии в Ленинграде).

стание, подавленное только в 917—918 гг., хотя борьба продолжалась затем еще несколько десятилетий. При Ованнесе же был построен столб св. Троицы (против южного входа в собор) высотой в 30 локтей. При нем же были построены вокруг монастыря стены из плохо отесанных камней, построены «многие дома [т. е. кельи для монахов] и многие хранилища для нужд монастыря», трапезная, мастерские и библиотека, а также усыпальница для сюнйских князей и епископов. Позднее, спустя 50 лет после постройки собора, Ованнес воздвиг каменную церковь Григория (взамен сгоревшей деревянной).

В X в., в период образования самостоятельного Сюнйского княжества, монастырь благодаря многочисленным вкладам достиг наивысшего расцвета. Татев называли «главным городом» княжества, а число его монахов достигло 1000 человек. Расцвет этот в конце X в. был прерван турецко-сельджукским завоеванием; монастырь был сильно разрушен.

Вскоре его начали возобновлять. Так, например, возведены были недостедавшие до нас церкви Григория и Богородицы с куполом, гавит (придел) собора (разрушен землетрясением 1931 г.). В XII в. построили надвратную церковь; в XII — начале XIII в. возобновили купол собора (он был разрушен землетрясением 1138 г.) и другие постройки. Но новый период расцвета наступил лишь во второй половине XIII в. Монастырские владения к тому времени вновь сильно увеличились: при Стефане Орбелиане (в конце XIII в.) монастырь владел 660 селениями в 14 провинциях. При нем князь Смбат Орбелиан, а после него Тарсаич Орбелиан дали средства на большое строительство в монастыре. Была вновь построена в 1295 г. церковь Гри-

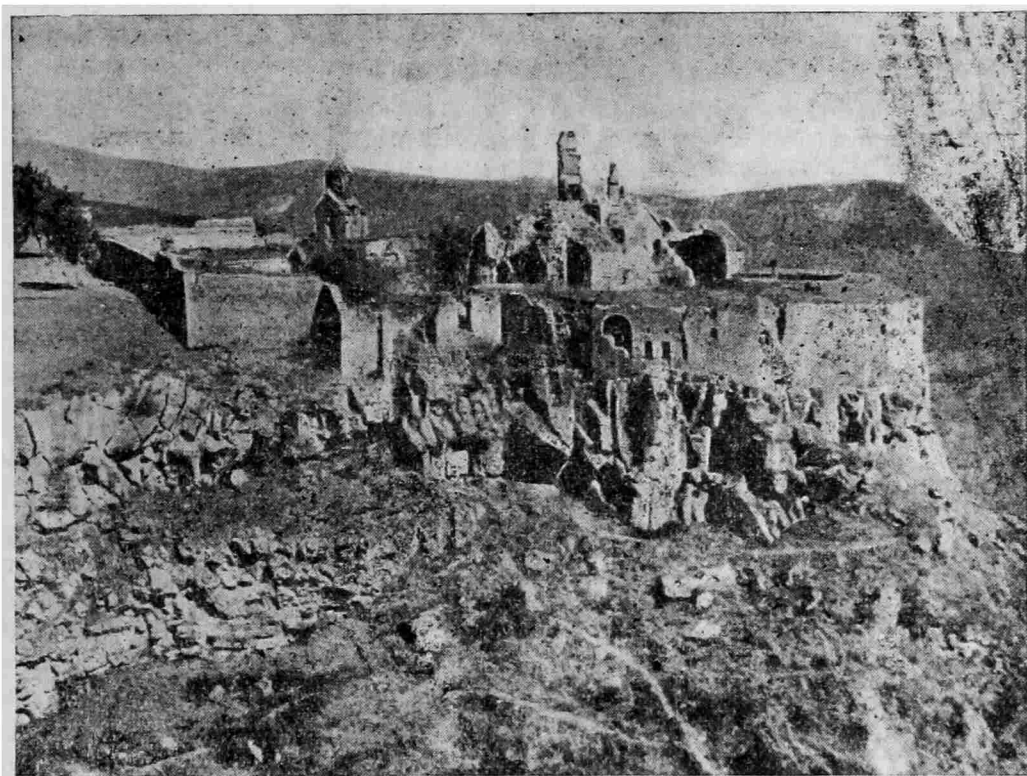

Рис. 2. Татевский монастырь. Общий вид с юго-западной стороны (после землетрясения 1931 г.).

гория, в северной части собора устроены подвальные тайники для хранения драгоценностей (ризница) и многие другие постройки.

В конце XIV в. монастырь пережил еще одну катастрофу: его разорил Тимур-ленг. Зброшенный и обветшалый монастырь вновь начал обстраиваться лишь в XVII в. Много хозяйственных построек возвел здесь Ованнес Шинатагский, затем Тер-Нерсес, построивший кельи в западной части монастыря и балконы. В этот же период (в 1646 г.) им построена церковь в самом селении Татев.

Тер-Захария (вторая половина XVII в.) строит для себя комнаты и ряд келий. Тер-Киракос снова возобновляет собор, строит крепостные стены и конюшни в северной части монастыря. Тер-Ованнес Татевский строит закрома (на месте молотбы монастырского хлеба) и конюшни. Шапнеци Минас Шинатагский (первая половина XVIII в.) восстанавливает разрушившуюся часть северного участка крепостной стены и рядом с ней конюшни. Гаспар, вардапет Татевский, строит, между прочим, трапезную, кухню, пекарню. Авраам Астапатский (вторая половина XVIII в.; ум. в 1777 г.) восстановил школу в 16 комнат, общей длиной в 111 локтей.

и довел ее до обрыва и возобновил многие другие разрушившиеся постройки. Тер-Оваким Сюнийский, помимо возведения новых престолов в церквях,

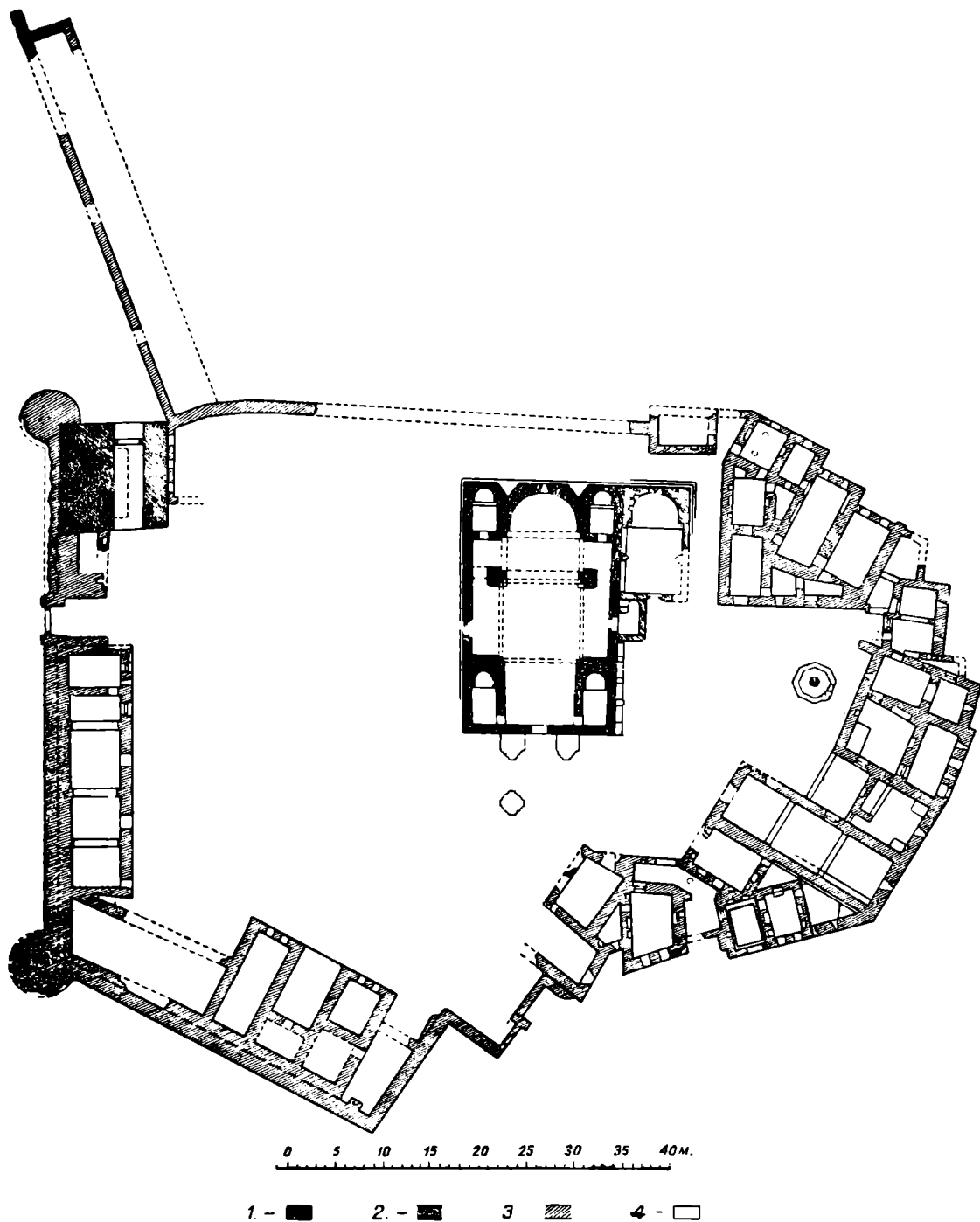

Рис. 3. Татевский монастырь. Общий план.

1 — постройка IX в.; 2 — постройки XII—XIII вв.; 3 — постройки XVII—XVIII вв.;
4 — конец XIX в.

построил за надвратной церковью комнаты с открытыми помещениями, две башни (одну рядом с главными воротами и другую, названную Гираканц) и западную сторону маслодельни. К XVIII же веку относятся восточная маслодельня «с круглым сводом», дворец с балконами — дом настоятеля и большой зал с балконами (рядом с пекарней и кухней).

Большинство перечисленных сооружений, названных в источнике, можно легко опознать среди ныне сохранившихся построек. В настоящем

виде большинство их относится к XVII — XVIII вв. Землетрясение 1931 г. произвело в монастыре большие разрушения (рис. 2), особенно пострадали собор и ц. Григория; надвратная церковь еще держится, но имеет сильные трещины.

Мною был произведен подробный обмер плана всего монастырского комплекса (рис. 3), а моими спутниками (покойным В. Я. Радионовым и Ю. П. Гремячинской) обмерены маслодельня и баня.

Древнейшим памятником монастыря является собор, начатый постройкой в 895 г. (рис. 3). Он представляет собой громадную по площади (наружные размеры: 26.80×16.65 м), удлиненную с запада на восток постройку крестово-купольной композиции с удлиненной западной ветвью креста и более короткими и почти равными по ширине боковыми; к восточной ветви креста примыкает полукруглая апсида. Широкий барабан с куполом покоится на четырех массивных устоях, из которых два соединены со смежными стенами (рис. 4), образуя в западных углах постройки два удлинен-

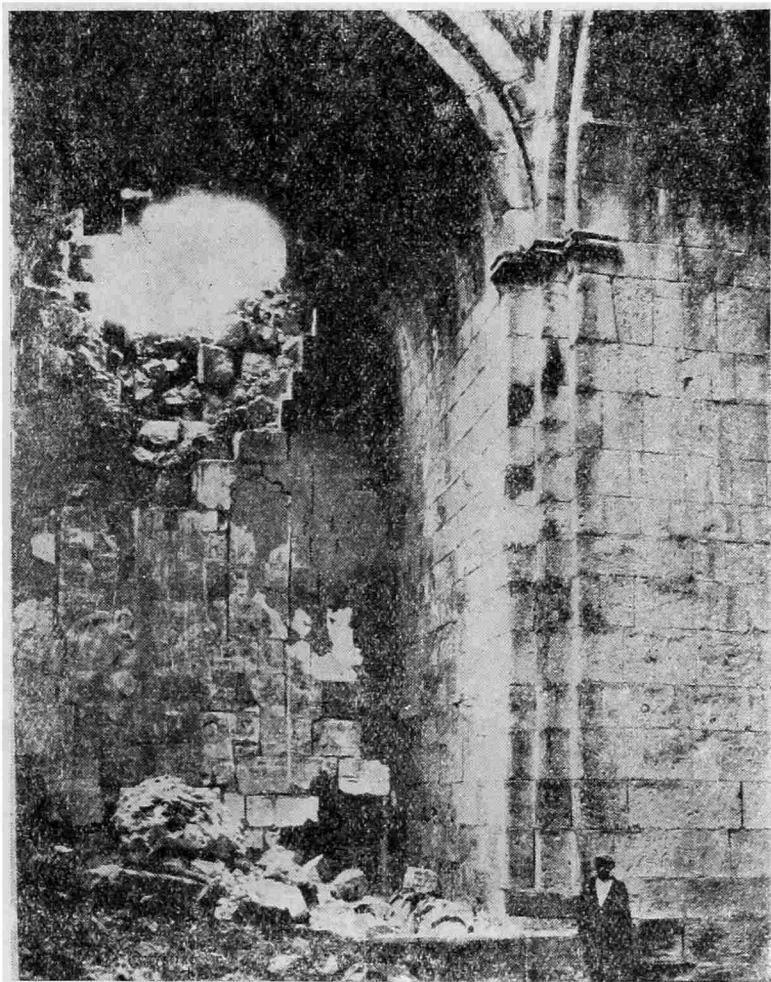

Рис. 4. Татевский монастырь. Собор. Западная часть.

ных замкнутых хорана с полукруглыми апсидами; подобные же хораны имеются с восточной стороны по бокам центральной апсиды. Стены постройки сравнительно тонкие (0.95 м) и облицованы гладкотесаным камнем. Свободно стоящие пилоны обработаны со стороны центральной части пилястрами и трехчетвертными колонками. На пилястры опираются подпружные арки, над которыми выше идут с уступом две фальшивые арки, кривая которых не концентрична кривой подпружных арок, образуя в промежутке расширяющуюся сверху узкую полосу; ¹ в углах — простые сферические паруса, на которых непосредственно покоятся широкий круглый барабан и купол с наружным остроконечным зонтичным покрытием. Большая часть барабана и купол не сохранились, о них можно судить по старым фотографиям (рис. 1). Барабан и купол, а вместе с ними и две фальшивые арочки являются результатом восстановительных работ XIII в., доказательством чего является

¹ Можно думать, что таким приемом зодчий стремился устранить или, по крайней мере, смягчить перспективное сокращение подъема арок при взгляде снизу. Эта черта наблюдается и в памятниках XI в. (церковь в Анберде 1026 г.).

декоративная обработка этих частей здания: внутри — обработка мелкими сталактитами пят этих арочек, снаружи — обработка высокого барабана тремя горизонтальными и восемью вертикальными (по окружности купола) плетенками, представляющими собой типичную «сельджукскую цепь»; лишь верхняя полоса состоит из непрерывного ряда крестиков.¹

Для наружной композиции собора (рис. 5, б) характерно господство горизонтально-ориентированных масс со слабо выступающими южной и северной ветвями креста, увенчанными фронтонами. Горизонтальная протяженность масс подчеркивается полным отсутствием вертикальных членений, которые, наоборот, столь ясно доминируют во внутреннем подкупольном квадрате в виде вытянутых пилястр и полуколонок. В наружной ком-

Рис. 5. Татевский монастырь. Собор. Общий вид с северо-восточной стороны.

позиции вертикаль отмечена высоким барабаном и острым конусом покрытия; но эта часть является произведением уже XIII в. Отмеченная протяженность масс здания представляет собой, несомненно, наследие базиличной композиции, что выражается, в частности, слабой пониженностью угловых частей и сравнительно слабым выделением фронтонов в северной и южной ветвей креста. В этом заключается архаическая черта общей композиции здания. Не случайно поэтому то, что наиболее близкие аналогии Татевскому собору дают памятники VII в., именно купольные базилики, например собор Талина VII в.,² где западная пара столбов представляет собой как бы отрезок стенки, соединяющей эти столбы с западной стеной собора, выделяя, таким образом, боковые части западной половины постройки. Тот же, в принципе, прием мы видим в Татеве. Далее, здесь наблюдаем

¹ В стену барабана вставлены плоские рельефы с погрудным изображением человеческих фигур силуэтом с выпуклыми шишками по сторонам головы.

² J. S t r z y g o w s k i. *Baukunst der Armenier und Europa*, т. I, 1918, стр. 169; Месроп М о в с е с я н. Раскопки развалин церкви Григория близ Эчмиадзина. ИАК, вып. 7, 1903, стр. 43—44, табл. XX.

те же черты пропорций наружных масс: ту же протяженность их, ту же пологую кровлю и плоские фронтоны; наличие в Талине триконхальности не меняет сути дела.

Близость Татевского собора к архитектуре VII в. станет еще ясней, если обратиться к декорровке его фасадов, состоящей исключительно из бровок над окнами и над нишами восточной стены. Бровки эти заполнены орнаментом, довольно архаичным по своему характеру и типичным для армянской архитектуры VII в.: простой плетенкой и ромбиками (бровка над окном центральной апсиды), миндалевидными листочками, над которыми помещены листочки, смыкающиеся своими верхушками, образующие как бы подковку (карниз южного фасада, соединяющий бровки окон), или трилистником в подковообразной рамке и волнообразно вьющимся

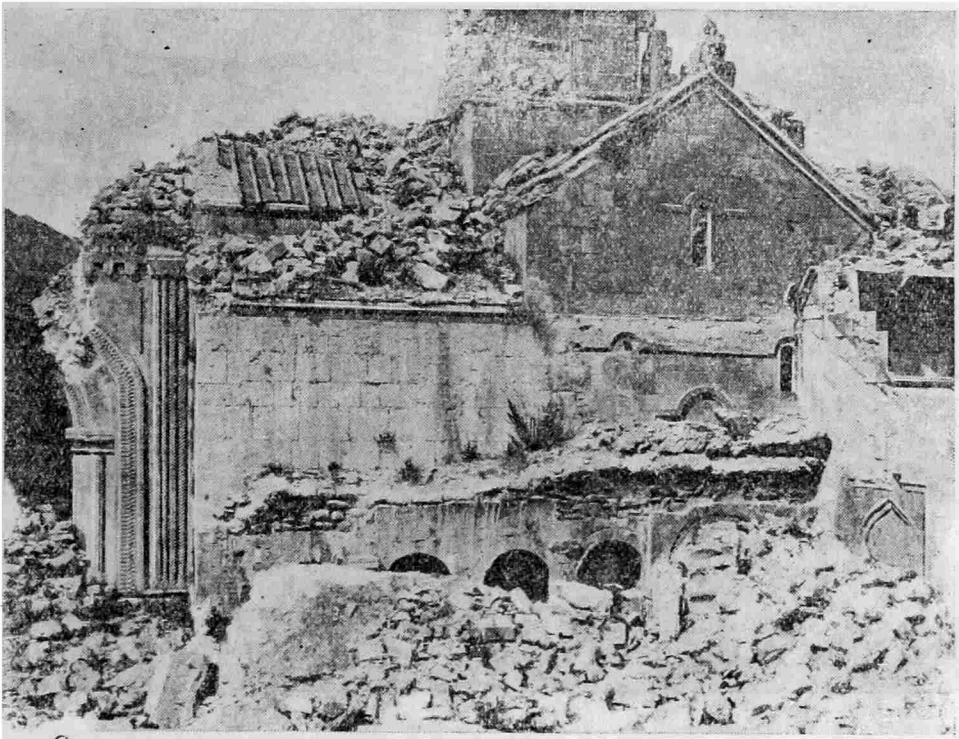

Рис. 6. Татевский монастырь. Собор. Общий вид с южной стороны.

стеблем с ответвлениями листиков (бровка южного фасада), причем в первую полосу орнамента этой бровки включено реалистическое изображение человеческого лица. Человеческие изображения имеются еще на трех бровках — над двумя нишами восточного фасада и над окном северного фасада. В двух первых из них (рис. 7) в вершине узкой бровки помещено округлое человеческое лицо с сильно подчеркнутыми глазами и узким лбом; к изображению обращены с обеих сторон змеи, с высунутым жалом. Змеи обработаны в виде жгута, идущего по всей бровке, и обрамлены сверху и снизу узкими орнаментальными полосами (простая плетенка и ромбики). Над бровкой северной ниши, кроме того, помещена розетка, окаймленная по кругу типично сирийским зубчатым аканфом — мотивом, чрезвычайно архаичным для этого времени (конец IX в.); по своему характеру эта аканфовая листва могла бы относиться еще к V — VI в.¹ На бровке

¹ См. например: Vogue, *Syrie centrale*, табл. 62, 76, 118, 129 и др. Там же, в Сирии V—VI вв., находим и миндалевидные листочки (например, Vogue, табл. 111) и листики в подковообразном ободке (там же, табл. 118, ср. табл. 62), не говоря уж о вьющемся стебле с ответвлениями—мотиве, обычном в ранне-средневековой Сирии.

северного фасада (рис. 8) помещено подобное изображение человеческого лица с теми же змеями и тем же аканфом, составляющим верхнюю полосу бровки; нижняя полоса заполнена знакомыми нам миндалевидными листочками, расположенными наискось поочередно в разные стороны. Как этот мотив, так и большинство описанных выше неоднократно встречаются на памятниках VII в., например на бровках церкви VII в. в Сисиане (Зангезур), в нишах которой, кстати, имеются довольно близкие по своему характеру и человеческие изображения.

Изображение змей и драконов по сторонам человеческого изображения в ранне-средневековой архитектуре Закавказья встречается также неоднократно, причем постоянно связано именно с наличником какого-либо проёма (окна, входа): ¹ например в церкви в Ахтале, ² или в Самцевриси в Гру-

Рис. 7 Татевский монастырь. Собор. Бровка с изображением змей на восточном фасаде.

зии VII в. ³ Еще чаще этот мотив встречается в армянских постройках XIII в. — стенах Ани, ⁴ гостинице Ани ⁵ и некоторых других памятниках.

Ту же змеиную тему мы встречаем и далее на юг, в Месопотамии: имеем в виду Талисмановы ворота в Багдаде 1221—1222 г. ⁶ Встречаем ее и на северной окраине Причерноморского культурного мира — в средневековом Херсонесе, где змея в виде круговой плетенки помещена на камне, некогда вставленном над входом в поздне-средневековый дом (XII—XIII вв.). ⁷

¹ Л. А. М а ц у л е в и ч. Никорцминда и ее место в культуре Грузии. «Сборник Руставели», изд. Грузинск. ФАН, Тбилиси, 1938, стр. 66—67.

² Там же, стр. 66.

³ А. С е в е р о в. Самцевриси. «Архитектура СССР», 1939, № 2, стр. 75.

⁴ Н. Я. М а р р. Ани. Л., 1934, табл. XXXIX, 165.

⁵ Там же, табл. XIV, 42.

⁶ F. Sarre und E. Herzfeld. Archäologische Reise im Euphrat und Tigris-Gebiete, т. II, 1920, стр. 121 сл.; т. III, 1911, табл. X. Несколько других аналогичных памятников XII—XIII вв. указаны в статье W. Hartner'a в *Arg Islamica*, V, 1938, стр. 143—144, рис. 26—29.

⁷ На участке раскопок 1937 г. Не издана.

Но здесь, в Крыму, появление этого мотива обязано было местной традицией, уходящей глубокими корнями в варварское искусство раннего средневековья, где змея постоянно выступает в украшениях одежды — на фибулах из могильников VI — VII вв. в Суук-су и Керчи.¹ Корни этого мотива идут еще глубже — в античность.²

Мотив змеи, широко распространенный в Закавказье и Северном Причерноморье, прослеживается, таким образом, на протяжении почти всего средневековья — с V по XIII в.; это говорит о его длительном бытовании и устойчивости. Связь изображений змеи с проёмом в здании (входом или окном) или украшением одежды указывает на значение змеи и, соответ-

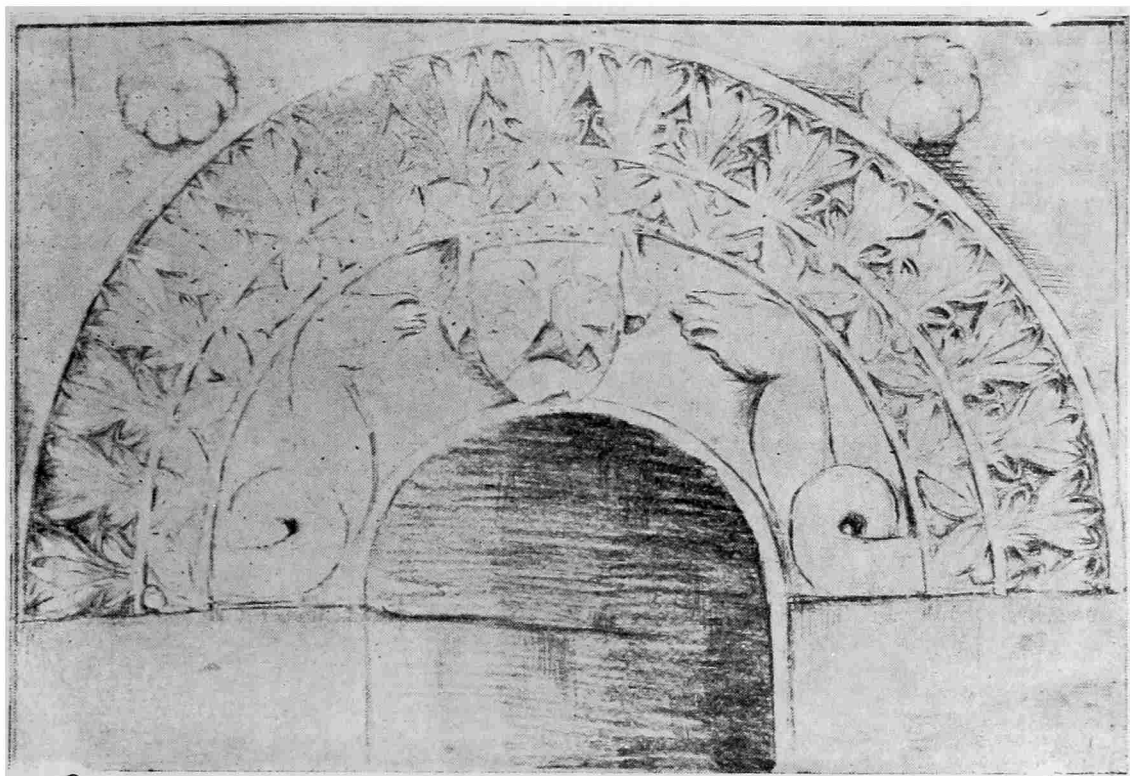

Рис. 8. Татевский монастырь. Собор. Бровка окна на северном фасаде (рис. Ю. П. Гремячинской).

ственно, ее изображения — как оберега, покровительницы дома (храма, гостиницы), города и покровительницы человека.

Эта змеиная тема, усвоенная монументальным искусством феодальной Армении, была народной в самом глубоком смысле слова и, несомненно, связана была с еще чисто языческими представлениями глубокой древности, рожденными идеологией родового общества.³ Пережитки таких представлений дожили на Кавказе, в частности, в Армении, до недавнего времени: еще в конце прошлого столетия в Зангезуре каждый дом имел змею-покровительницу; убийство ее несло несчастье.⁴ В качестве покровительницы, доброго начала, змея выступает и в фольклоре.⁵

¹ Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Европе. (= ИГАИМК, вып. 112), 1934, стр. 108 сл.

² Там же, стр. 115.

³ Л. А. Мацулевич, Никормцинда..., в «Сборнике Руставели», стр. 67.

⁴ Е. Мелик-Шахназаров. Из поверий, предрассудков и народных примет армян Зангезурского уезда. СМОПК, вып. XVII, Тифлис, 1893, стр. 196.

⁵ См. например, В. Кикоть в СМОПК, вып. XV, Тифлис, 1893, отд. II, стр. 179—184. Интересной этнографической параллелью змеи-покровительницы, оберега дома,

Возвратимся к архитектуре собора. То, что армянское зодчество IX — X вв. стилистически (и композиционно и декоративно) теснейшим образом связано с армянской архитектурой классического периода — VII века, — неудивительно: это находит себе объяснение в основном факте истории Армении предшествующего периода, именно в опустошении цветущих областей Армении арабами в начале VIII в., прекратившими всякое монументальное строительство. Памятников последующих полутора веков после VII в. почти нет. При таких условиях понятно, что зодчие конца IX и X в. как бы подхватили оборванную нить развития армянской архитек-

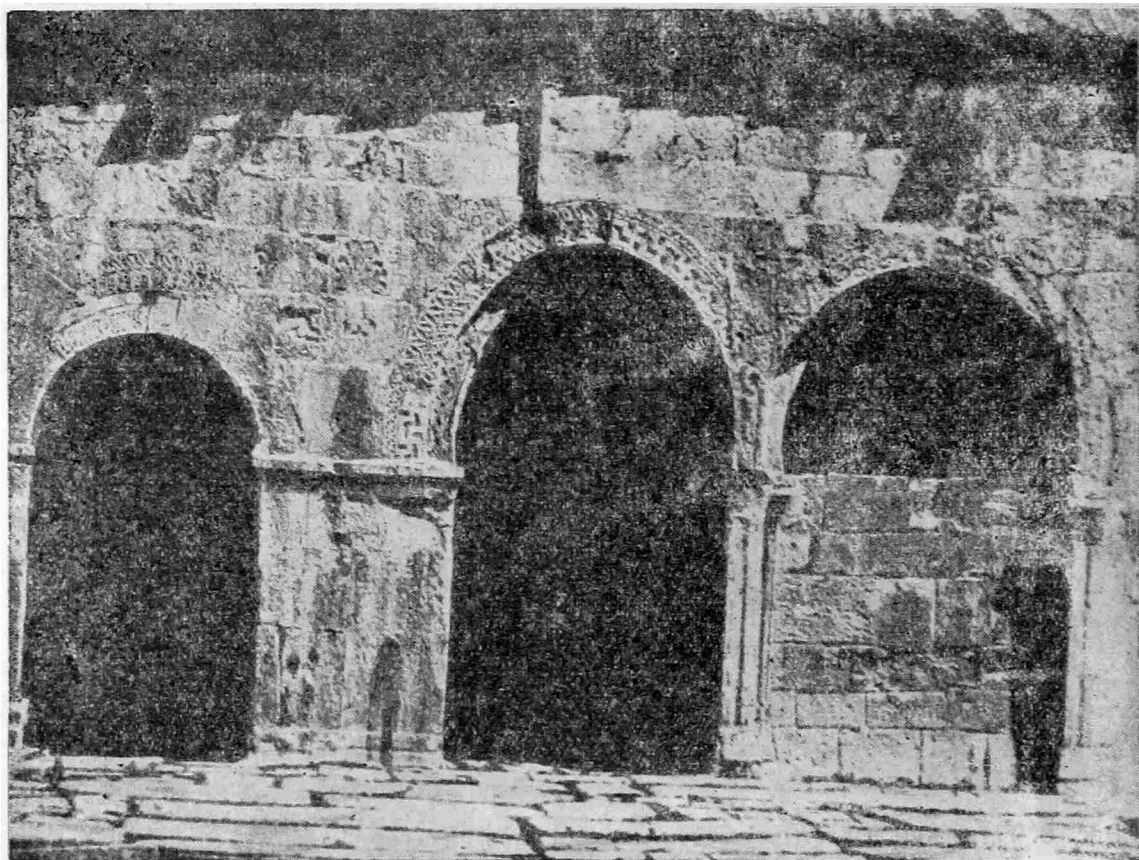

Рис. 9. Татевский монастырь. Южная галерея собора (до землетрясения 1931 г.) (по фот. конца XIX в. из собраний Гос. музея этнографии в Ленинграде).

туры, начав с того, чем кончила архитектура VII в. Поэтому так стилистически близки памятники Татева и Талина.

Архаичность Татевского собора, как и вообще архитектуры IX — X вв., выражается также в наличии с южной стороны собора открытой галереи, крытой цилиндрическим сводом с подковообразными арками между столбами (составляющими южную линию аркады) и пилястрами, примыкающими к южной стороне собора¹ (рис. 9 — до землетрясения 1931 г., рис. 6 — в современном виде). Пилястры эти лишь приставлены к стене собора (перевязи в кладке нет); следовательно, галерея построена позже,

но уже не в фольклоре, а народном зодчестве, являются наличники деревянных домов в Башкирии, обработанные в виде двух змей, симметрично обращенных друг к другу с раздвоенными хвостами (по рис. худ. В. С. Сыромятникова на выставке в Московском Доме архитектора в ноябре 1944 г.)

¹ Недавним землетрясением 1931 г. была уничтожена вся южная аркада галереи. Целые массивы стен ее лежат тут же.

чем собор, но не намного позже; на это указывает тот факт, что при постройке в 1295 г. церкви Григория, примыкающей к восточной части южной стены собора, было уничтожено продолжение этой галереи. Галерея была, вероятно, лишь с южной и, может быть, с западной стороны, где ее уничтожили еще в XIII в. при возведении входного портика с колокольной, замененной в 1896 г. аляповатым портиком, перегруженным всякого рода резьбой (ныне и он почти разрушен землетрясением).

Галереи эти типичны для армянской архитектуры VII — X вв.,¹ представляя собой наследие ранних армянских базилик сирийского типа (например Ереруйской).

Упомянутая выше церковь Григория, являющаяся в нынешнем виде постройкой 1295 г. (по надписи над входом), примыкает, как сказано,

Рис. 10. Татевский монастырь. Церковь Григория. Наличник входа.

к южной стороне собора (рис. 5, слева). Композиция ее воспроизводит очень простой тип часовни в виде удлиненной залы, крытой высоким цилиндрическим сводом с одной (по середине длины постройки) подпружной аркой, опирающейся на полуколонны со сталактитовыми капителями; в восточном конце залы — апсида, крытая конхой. Снаружи (рис. 13, за столпом) — высокое двускатное покрытие с кровлей из толстых (толщина 14—15 см) каменных плит. Вытянутые пропорции, подчеркнутые высоко поднятой кровлей, вообще очень характерны для армянской архитектуры конца XIII в.

В результате землетрясения 1931 г. своды церкви частично разрушились. Это дало возможность выяснить одну существенную черту армянской средневековой строительной техники, наблюдаемую уже в некоторых других средневековых армянских постройках (церкви в Кармир-ванке близ

¹ Ср. галереи Узунлара VII в. (Л. Егиазаров и Р. Мартиросянц. Памятники древне-армянской архитектуры, табл. XXXVIII), Кармир-ванк близ сел. Сисиан (в Зангезуре), X в.; ср. аналогичное явление в грузинской архитектуре того же периода.

Сисиана и в Анберде; обе X — XI вв.): для облегчения сводов в пазухах между цилиндрическим сводом и наружным двускатным покрытием вставлены вверх дном большие сосуды (карасы); все остальное пространство над сводом залито известковым раствором с бутом.

Внутренность постройки почти лишена декорации, не нарушающей благодаря этому гладь стен, облицованных тщательно тесаным камнем; лишь капители украшены сталактитами. Декорация апсиды немного богаче: одна из ее двух ниш¹ завершена сталактитовым сводиком и обрамлена тягой сложного профиля; двойное окно в глубине апсиды обработано в виде двух простых крестов с полуколонкой между ними (со сталактитовой капителью) и круглым отверстием над ним; снаружи кресты окна имеют

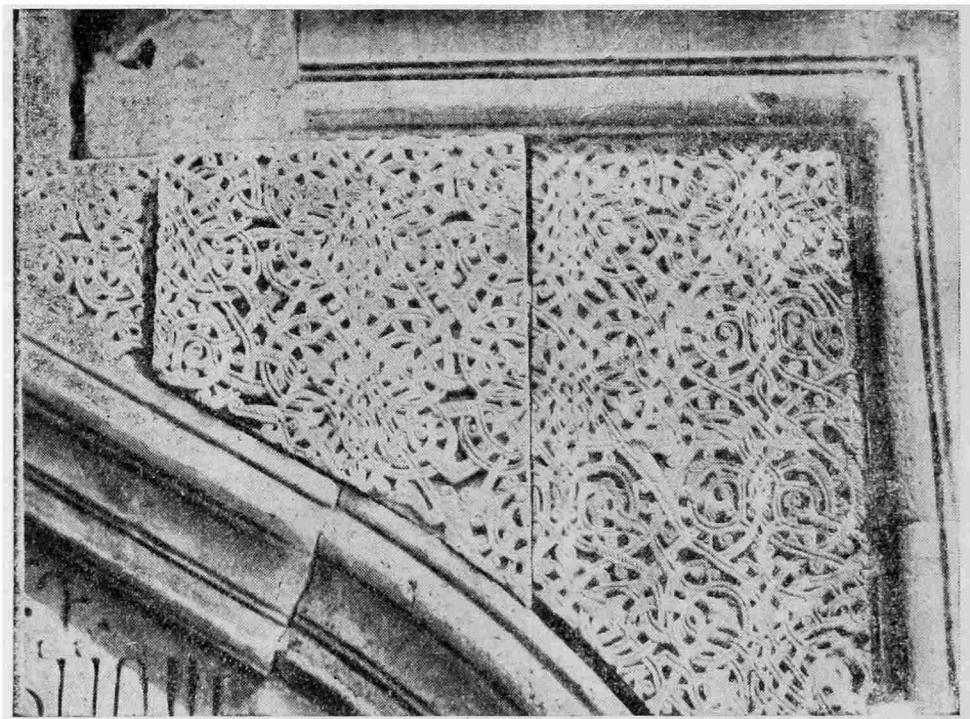

Рис. 11. Татевский монастырь. Церковь Григория. Наличник входа. Деталь резьбы по камню.

многообломного профиля рамы. О наружной декорации южного фасада судить невозможно, ибо южная стена почти целиком разрушена землетрясением. Зато исключительно интересен западный портал (рис. 10): наличник входа (в виде полосы, заполненной тройной плетенкой) обрамлен вертикально идущими тягами со стрельчатым завершением обычного профиля в виде двух полуваликов и выкружки между ними; тимпан над входом заполнен надписью тщательной резьбы, с прекрасно вырисованными буквами. Портал заключен в прямоугольную раму того же профиля; образующиеся вверху (между стрельчатым завершением и прямоугольной рамой) два треугольных пространства заполнены сплошной резьбой из тонких спиралеобразно выющихся стебельков, со стилизованными пальметтовыми листочками на концах (рис. 11); стебельки пересекаются, создавая густой ковровый рисунок виртуозно выполненной резьбы, очень напоминающей

¹ Ниши в церквях XIII в. и позднее — обычные, представляя собой черту, генетически связанную с жилой архитектурой; см. Н. Я. Марр. Ани, стр. 107 сл.

резьбу тимпана часовни в Нор-Гетике (1237 г.).¹ Стилистически — это памятники тождественные.

Рис. 12. Татевский монастырь. Надвратная церковь, вид с юго-западной стороны (рис. В. Я. Радионова).

К XII—XIII вв., вероятно, относятся и главные ворота монастыря (рис. 12) в виде длинного (9.02 м) коридора, перекрытого цилиндрическим сводом.

¹ Подробнее об этой орнаментике см. мою работу в «Ежегоднике Института Истории Искусств АН СССР», 1, 1947 Там же приведены важнейшие аналогии.

с помещениями к северу от него, обследовать которые нам, однако, не удалось, так как все пространство, примыкающее к воротам, в результате землетрясения, сплошь завалено камнем и заплыло землей. Над воротами поставлена церковь Богоматери; при этом, что любопытно, южная стена ее приходится над шельгой свода ворот.

Надвратная церковь очень невелика по размеру (снаружи 7.41×5.25 м), имеет центрально-купольную композицию; барабан и купол опираются, с одной стороны, на два выступа стены в западной части постройки, а с дру-

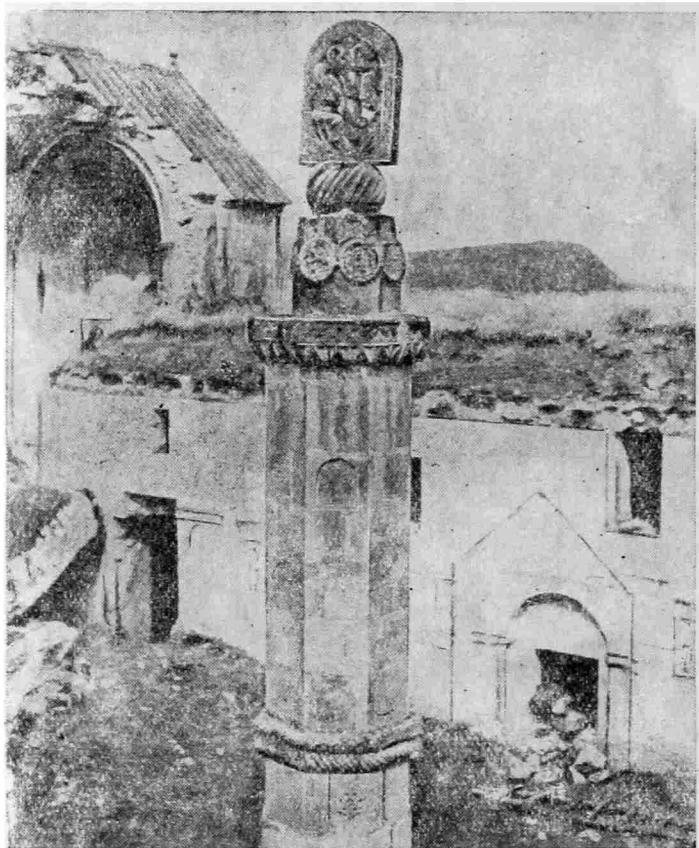

Рис. 13. Татевский монастырь. Столп св. Троицы (на заднем плане — корпус настоятеля и ц. Григория).

гой, — на массивные восточные углы ее (между наружным прямоугольником и внутренним полукругом апсиды).

Характерная для XIII в. вытянутость пропорций присуща и этой маленькой церкви, увенчанной вытянутым восьмигранным барабаном с высоким зонтичным конусом. Вытянутость постройки усиливается тем, что она поставлена на высокое основание — над воротами.

Вместе с тем мотивы декоративного убранства постройки отмечены некоторой архаичностью: грани барабана имеют парные полуколонки, соединенные подковообразными арками. Арки эти служат основой конструкции всей верхней части постройки; именно они поддерживают верх-

нюю часть барабана (над арками) и купол с конусом; простенки между колонками не играют активной роли и являются лишь заполнением, что доказывает один из пролетов барабана: арка на полуколонках стоит незыблемо, в то время как простенок почти разрушился.

Над высоко расположенными окнами фасадов помещены простые бровки. Этим декорировка постройки исчерпывается.

К памятникам второго строительного периода (XII — XIII вв.) принадлежит, скорее всего, и столп св. Троицы (рис. 13), расположенный к югу от собора и представляющий собой восьмигранную колонну, охваченную по середине ее высоты парным витым валиком и увенчанную карнизом, состоящим из подобия аканфовой листвы, сильно схематизированной, и полосы простой плетенки. Над карнизом помещен восьмигранный постамент, каждая грань которого украшена кругом с плетеным заполнением и с одной стороны крестом; над постаментом — большая бусина¹

¹ Ср. «бусину» надгробного памятника VII в. в сел. Агуды близ Сисиана в Зангезуре.

с косыми насечками, на которой водружен ажурный каменный крест, заключенный в раму с полукруглым верхом, окаймленную плетенкой. Пока ограничусь описанием этого памятника, самая постановка которого, несомненно, отражает старую христианскую традицию постановки мемориальных столпов.

Наиболее интересным, после собора, является большой комплекс жилых и хозяйственных построек монастыря, окружающих площадь его сплошным кольцом, частью выходя за его пределы. Комплекс этот целиком относится к XVII — XVIII вв.

Прежде всего, к XVII в. относятся крепостные стены монастыря, идущие с северной, западной и восточной его сторон¹ и частью с южной — до стыка с жилыми корпусами, выходящими прямо к обрыву. С этой сто-

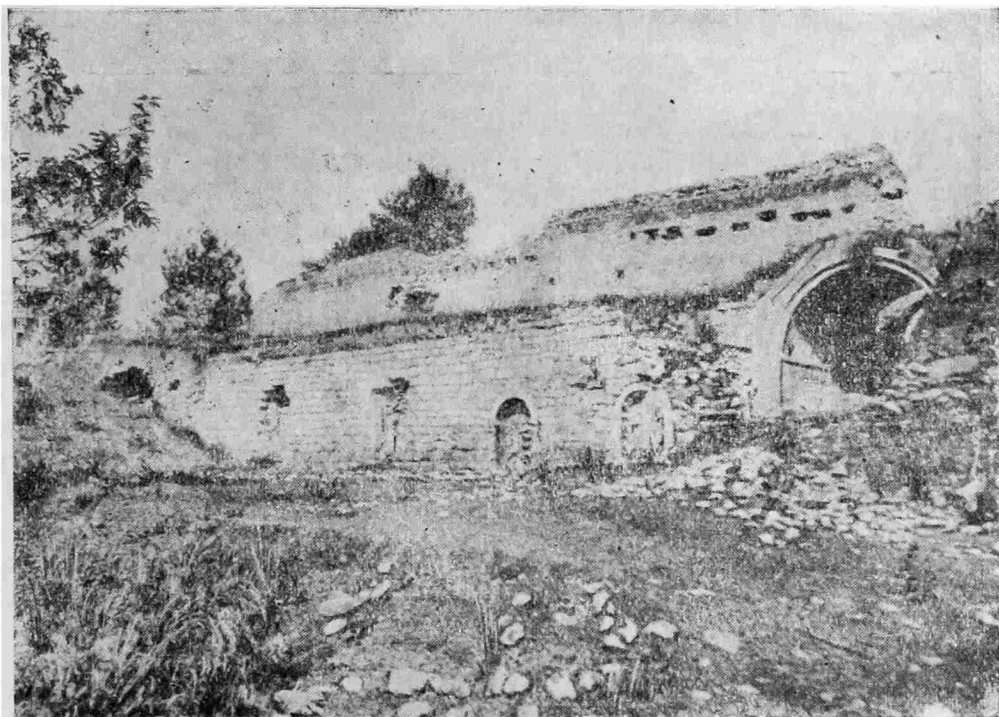

Рис. 14. Татевский монастырь. Северный корпус (конюшни?).

роны, естественно, не было нужды в оборонительных сооружениях. Стены сложены из крупных блоков камня, отесанных с лица и положенных на толстом слое известкового раствора; толщина стен 1.50 м. Северный участок стены фланкируется двумя круглыми башнями,² построенными Овакимом Сюнийским в XVIII в. Восточная из этих башен фланкирует главные ворота. В той же северной стене пробиты новые ворота.

К северному участку стены примыкает низкий удлиненный одноэтажный корпус (длина 14.5 м, ширина 5.40 м; рис. 14), перекрытый по длине сплошным цилиндрическим сводом на четырех слегка стрельчатых подпружных арках, опирающихся на пилястры; кладка — из подтесанных с лица камней неровными рядами. Судя по отсутствию внутренних делений на отдельные помещения, корпус этот не имел жилого назначения и служил, вероятно, конюшней, которая была построена Тер-Киракосом, а затем Шапнеци Минасом Шинатагским как раз в северной части монастыря.

¹ Стена с восточной стороны большей частью разрушена; остались лишь следы.

² Западная из них уничтожена в 1932 г.

Западный корпус (рис. 15) также примыкает к оборонительной стене и имеет шесть помещений, из которых три одноэтажные, остальные двухэтажные, причем те и другие чередуются. Из одноэтажных помещений два выходят на внутренний двор монастыря открытыми арками во всю свою ширину; южное из них по длине тянется во всю ширину корпуса и имеет в конце печь наподобие камина. Все помещения перекрыты цилиндрическими сводами. Кладка постройки отличается от только что описанной лишь облицовкой из гладкотесаных камней. Корпус этот, можно думать, в большей своей части имел жилое назначение. Соединительные звенья между описанными двумя корпусами разрушены; повидимому, этим звеном служили симметрично расположенные помещения — одно с северной стороны западного корпуса, другое напротив — в северном корпусе, крытые цилиндри-

Рис. 15. Татевский монастырь. Западный корпус (жилой).

ческими сводами; они составляли, вероятнее всего, одно коридорообразное помещение.

Далее, от западного корпуса линия построек поворачивает на восток, следуя над обрывом. Первые две-три постройки частью обвалились вниз, частью завалены камнями, так что выяснить план помещений не удалось. Сложены они из бутового, слегка подтесанного с лица камня. Помещения эти были, вероятно, двухэтажными, причем нижний этаж расположен ниже современного уровня почвы. Затем линия построек вновь поворачивает под тупым углом на юг. Здесь, со стороны монастырского двора, широкий вход под слегка стрельчатой аркой ведет в небольшой коридор, куда выходят два прямоугольных помещения, крытые, как и все им подобные, цилиндрическими сводами, причем одно из них выходило к обрыву аркой во всю ширину помещения, лишь частично забранной стенкой; очевидно, помещение имело балкон, ныне не сохранившийся. В толще стен каждого из помещений устроены прямоугольные ниши бытового назначения (патуһаны), представляющие собой традиционную черту армянского жилища как средневекового,¹ так и нового. Эти патуһаны имеются в большинстве поме-

¹ Н. Я. Марр, вк. соч., стр. 107.

щений монастыря и служат непосредственным указанием на их жилое назначение.

Так как эта линия помещений поворачивает на юг под тупым углом к предыдущей группе келий, то в стыке их образуется промежуточное пятиугольное, клинообразное в плане, помещение с одним щелевидным окном. Отмеченный только что коридор имеет любопытное сооружение в виде люка в форме цилиндра со суженным горлом; облицован он гладко тесаным камнем. Люк этот являлся, несомненно, подпольной кладовой, в чем убеждают анийские жилые комплексы, где подобные сооружения встречались неоднократно.¹ Наличие этих люков в поздних постройках Татева указывает на традиционность такого устройства кладовых, а вместе с тем и на традиционность форм жилой архитектуры, в которых выполнены жилые постройки XVII в. в Татеве.

Вся эта группа построек, выходящих в соединительный коридор, была пристроена к ряду следующих помещений, на что ясно указывает отсутствие связи в кладке их стен.

Эта, следующая за описанной, группа прямоугольных помещений двухэтажна, каждое верхнее помещение перекрыто неизменным цилиндрическим сводом. Нижний этаж был перекрыт, очевидно, деревянными балками, положенными поперек помещения и опиравшимися концами на уступы стен, которые в нижнем этаже утолщены. Чтобы не возвращаться к характеристике междуэтажных перекрытий, добавлю, что в некоторых других помещениях, более широких, балки перекрывали помещения не только поперек, но и вдоль, причем часто балки, опиравшиеся с одной стороны на уступы стены, другим концом входили в гнезда, оставленные при кладке стены; часто и тот и другой вариант применяли в перекрытии одного и того же помещения: для продольных балок — первый вариант, для поперечных — второй, или наоборот. Сами балки не сохранились, лишь следы их часто видны в отмеченных гнездах. Описываемая группа из трех помещений сложена, как и предыдущая и все последующие, из довольно крупных блоков камня более или менее правильной формы, лишь подтесанных с лица с явным расчетом на штукатурку, которая во многих помещениях частью сохранилась. Зато все арки и косяки входов, или архитравное их перекрытие выполнены из гладко тесаного камня. Первое помещение этой группы важно тем, что во втором этаже его имеется простой карниз, по обрезу которого идет надпись с датой постройки: «В 1120 г. (= 1671 г.) я, вардапет Захарий, на свои собственные средства построил эти балконы и кельи» (рис. 16), что еще раз подтверждает их жилое назначение. Помещение это, подобно одному из предыдущих, открывается к обрыву во всю свою ширину, причем пролет лишь частично заполнен стенкой, сложенной без перевязи с основными стенами помещения. Здесь, очевидно, также имелся балкон, видный, кстати, на старых фотографиях монастыря (рис. 1). Верхний этаж помещения, в противоположность нижнему, имел таким образом открытый характер, что, очевидно, и имелось в виду в приведенной надписи. Такой характер помещений может указывать на то, что верхнее из них служило лишь дополнением к соответствующему нижнему, вместе составляя, так сказать, одну жилую единицу. Остальные два помещения этой группы ничем существенным не выделяются.

Следующий ряд помещений немного поворачивает на север, следуя очертанию обрыва, вследствие чего в промежутке образуются два треугольных в плане помещения, из которых заднее совершенно темное, а переднее (выходящее к обрыву) имеет окно. Очевидно, стены, обращенной к обрыву, здесь сначала не было, она пристроена позднее: нет связи с кладкой осталь-

¹ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 106, табл. LII. 239.

ных стен и, вследствие этого, часть ее обвалилась, обнажив гладкий край основных стен. Переднее трехугольное помещение было двухэтажным, о чем свидетельствуют: 1) два окна, расположенные одно над другим; 2) наличие выступа вдоль длинной стороны помещения (ширина выступа 30 см), на который опирались балки перекрытия. Второй этаж этого помеще-

Рис. 16. Татевский монастырь. Южный корпус. Вид одного из жилых помещений с надписью на карнизе.

ния имел, вероятно, жилое назначение, на что указывают прямоугольные ниши (патушаны) по сторонам окна.

Следующее помещение (одноэтажное) сильно вытянуто, коридорообразно и является самым длинным в комплексе Татевского монастыря. Сплошной цилиндрический свод поддерживается двумя подпружными стрельчатыми арками из гладко тесаных камней. В южной части помещения вдоль стены идут широкие каменные скамьи; на остальных сторонах их нет, что явилось результатом позднейшей перестройки: помещение поделили стенками на несколько комнат (ныне эти поздние, небрежно сложенные стенки разрушились, ибо они не имели связи с кладкой основных стен). Обширность помещения и наличие скамей указывают на то, что здесь помещалась *трапезная*, что, с другой стороны, подтвер-

ждается тем, что почти рядом с ней (через один переход) расположены кухня и связанные с ней хозяйственные помещения.

За трапезной следует открытое со стороны монастыря помещение, откуда имеется вход в упомянутую кухню, которая определяется по наличию здесь каменной удлиненной печи. На высоком (0.87 м) постаменте сооружен каменный свод, на внутреннем скате которого имеется отверстие для дымохода; соответствующее по вертикали отверстие имеется и в крестовом своде, которым, в противоположность остальным помещениям монастыря, перекрыта кухня; в центре свода — круглое отверстие, являющееся основным источником света. Помещение кухни сильно закопчено. В южной части ее имеется подвальное хранилище (кладовка), подобное отмеченному выше.¹

¹ Подробно обследовать его не удалось, так как оно было сплошь завалено камнями.

Другое помещение, рядом с трапезной, имело, повидимому, служебное назначение при кухне; здесь обращают внимание два каменных помоста, поставленные в южных углах помещения. Они служили для установки больших деревянных шкапов для хранения запасов. В северной части помещения — небольшое, отгороженное дополнительной стенкой пространство, сильно закопченное, но никаких следов печи нет.

Помещение, расположенное рядом с кухней, к востоку от нее, имело, повидимому, также служебное назначение, во всяком случае не жилое: оно не было разделено на два этажа, почти лишено света и соединяется широкими арками с нижним этажом соседнего помещения. Оба они могли служить складом продовольственных и хозяйственных припасов. Верхние

Рис. 17. Татевский монастырь. Маслодельня. Общий вид снаружи.

этажи этих смежных помещений имеют характерные ниши и были, вероятно, жилыми.

Ось следующих двух помещений снова уклоняется к северо-востоку, образуя на уровне второго этажа трапециевидную в плане площадку, куда имеется выход из верхних этажей двух смежных помещений. Нижний этаж этих двух помещений сообщается широкой аркой и, повидимому, не имел жилого назначения. Далее идет снова промежуточное неправильной формы помещение, а затем начинается *корпус настоятеля монастыря* (рис. 13, за столпом), причем западная сторона его, обращенная в монастырский двор, облицована гладко тесаным камнем, чем, очевидно, стремились выделить этот корпус среди остальных; с противоположной стороны, стороны обрыва, этой облицовки нет.

Кладка постройки состоит в основном из тех же обтесанных камней выдержанными рядами, стены изнутри оштукатурены. Дом состоит из девяти помещений, из которых большинство двухэтажны; одноэтажны два крайних южных помещения, самые большие, равные по высоте двум этажам. Помещения, как обычно, крыты цилиндрическими сводами, имеют в сте-

нах многочисленные ниши. Особенно интересны два крайних северных помещения, из которых одно, обращенное к обрыву, было открыто во всю ширину и выходило, очевидно, на балконы, и лишь впоследствии здесь была устроена (и то не до самого верха) стенка с пролетом входа на этот балкон. В полу устроены два подвальных цилиндрических люка-хранилища, совершенно подобные описанным выше и также облицованные гладко

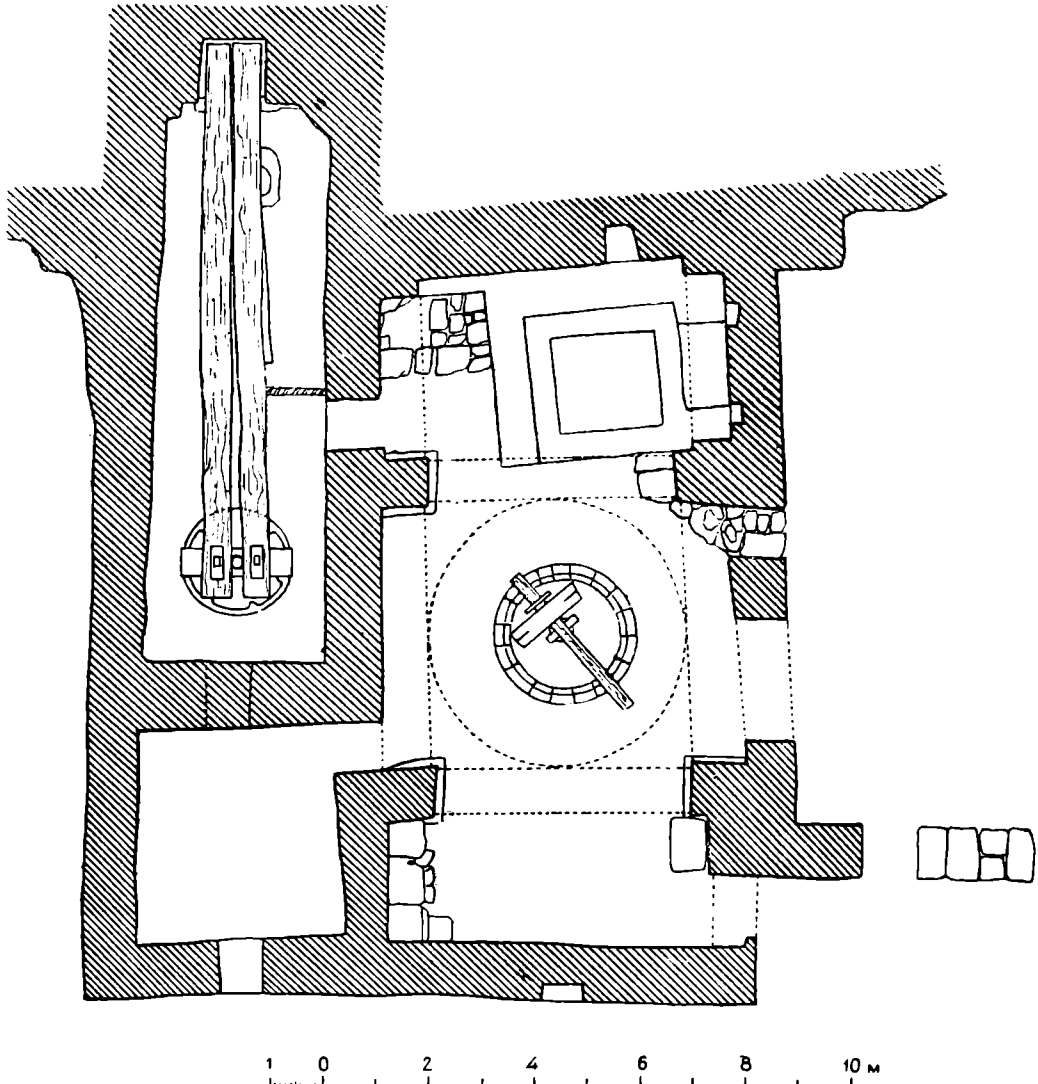

Рис. 18. Татевский монастырь. Маслодельня. План (обмер В. Я. Радионова и Ю. П. Гремячинской).

тесаным камнем. Второе из этих помещений (неправильный четырехугольник в плане) одноэтажно, имеет посередине такой же люк. В цилиндрическом своде этого помещения устроено из тесаного камня круглое отверстие, являющееся основным источником света; в стенах помещения опять-таки устроены многочисленные ниши.

Далее к югу с маленьким промежутком идет еще одно прямоугольное помещение со сплошным рядом ниш в западной его стене, наполовину обрушившееся. К нему примыкает отмеченная выше восточная линия крепостной стены монастыря.

С северо-восточной стороны всего комплекса от главных ворот к востоку идет длинная (74.50 м), совершенно прямая стена, доходящая до обрыва, к которой с южной стороны примыкали многочисленные помеще-

ния, ныне совершенно разрушившиеся и заплывшие землей. Можно думать, что это и есть та самая школа, которую во второй половине XVIII в. довел до обрыва Авраам Астапатский (ум. в 1777 г.). Без раскопок выяснить хотя бы ее планировку невозможно.

Вне основного монастырского комплекса, к северо-востоку от него, расположены две примечательных постройки. Одна из них представляет собой *маслодельню*, построенную, вероятно, в XVIII в.: возможно, что это та самая маслодельня, которую строил Оваким Сюнийский (см. выше). Маслодельня (рис. 17) выстроена из бутового камня, притесанного с лица, и состоит из трех помещений (рис. 18). Основное прямоугольное помещение перекрыто сферическим сводом, опирающимся на четыре выступа стен, соединенные арками. Центр помещения занимает большой каменный круг,

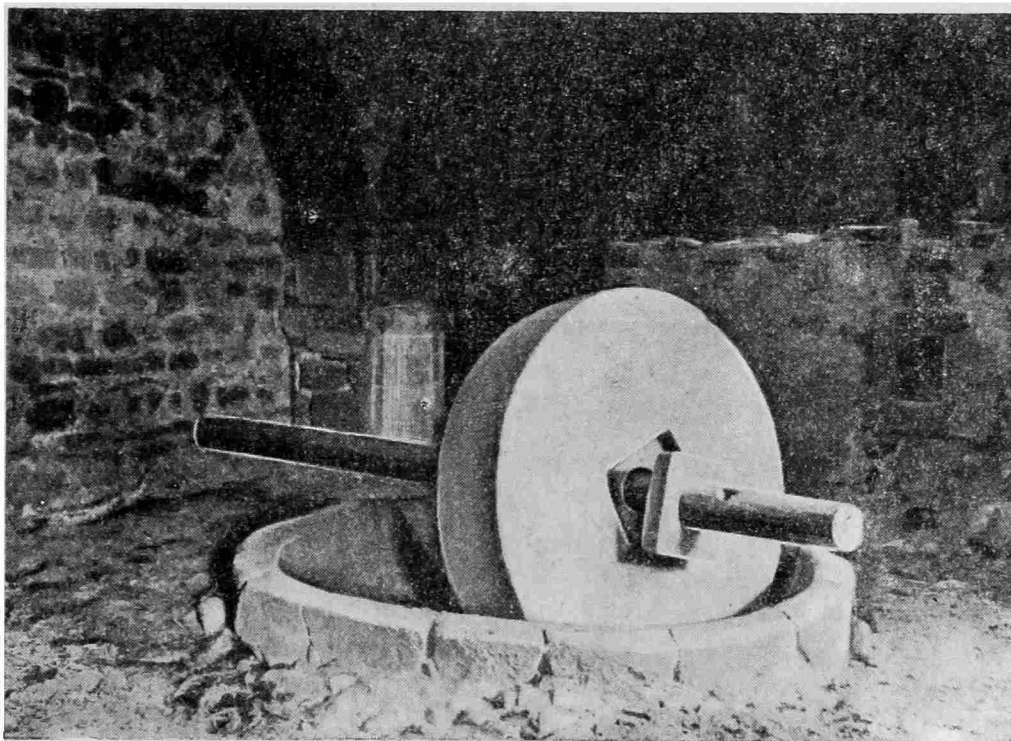

Рис. 19. Гатевский монастырь. Маслодельня. Помещение с жерновом.

с сильно выступающими вверх краями и жернов (диаметр 1,62 м), которым размалывалось кунжутное семя (рис. 19). Семя сушилось на большой жаровне, устроенной на верхней площадке печи, расположенной в северо-восточной части того же помещения. Жернов имеет длинный деревянный стержень, которым он приводился в движение по кругу; рабочей силой являлись, вероятно, быки, помещение для которых расположено тут же рядом, в северо-западном углу здания. Против печи имеется проход в узкое, удлиненное с севера на юг помещение, перекрытое цилиндрическим сводом, являющееся собственно маслодавильней. По длине его установлены рядом два толстых бревна, в западном конце скрепленные снизу колодкой, сквозь которую вертикально пропущен большой деревянный винт, основывающийся на каменном круге (рис. 20). Посредством этого винта конец бревен можно опускать; повидимому, здесь утрачена верхняя колодка бревен, позволявшая также и поднимать эти концы бревен. С противоположной стороны концы бревен входят в небольшую нишу, устроенную в стене (перекрытую одним массивным гладко тесаным камнем), с углублением в нижней ее части (рис. 21).

Важно отметить, что под бревнами вблизи описанной ниши лежит на камнях большое каменное корыто, над которым, возможно, и происходила давка семени. Само же углубление в стене служило в таком случае лишь гнездом для закрепления концов бревен, и весь пресс действовал по принципу рычага II рода. На возможность такого устройства татевского прессы указывает неожиданная аналогия из Рейнской области, где применялись

именно такого устройства ручные деревянные прессы для давки винограда.¹ Корыто для слива сока там делалось деревянным.

Но при такой реконструкции татевской маслодельни оказывается совершенно бессмысленным отмеченное углубление в нише. В анийской маслодельне, обследованной во время XII археологической кампании (1913 г.), находим те же основные элементы устройства, что и в Татеве,² и те же углубления, причем именно в них и помещался глиняный чан для стока масла.

Архаичность устройства татевской маслодельни, возникшей навряд ли ранее XVIII в., еще более повышает интерес этой хозяйственной постройки. Для полного уяснения еще не совсем понятного ее устройства необходимо

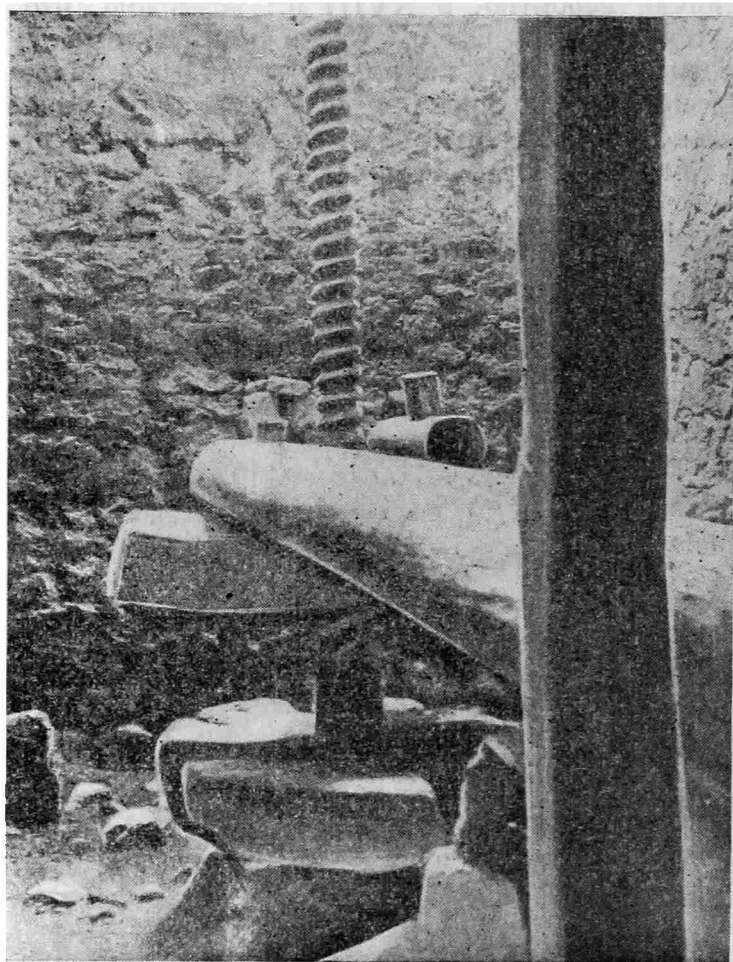

Рис. 20. Татевский монастырь. Маслодельня. Помещение с прессом.

будет привлечь этнографический материал, что следует поставить в качестве одной из задач при дальнейшей работе.

Другой очень интересной постройкой вне монастыря является баня, не менее архаичная по своему устройству (рис. 22).³ Судя по характеру небрежной кладки из бутового камня, тождественной с кладкой маслодельни, баня также представляет собой позднее сооружение — XVII — XVIII вв. Небольшая прямоугольная, удлиненной формы постройка (наружные размеры 7.60 × 3.0 м) состоит из трех помещений. Одно из них, квадратное в плане, является предбанником, или холодным помещением

¹ J. Klersch et H. Rodes. Un nouveau type de Musée: la Maison du pays Rhenan, «Museum», т. 35—36, 1936, стр. 38 (воспроизв. на стр. 33). Стадиальную близость материальной культуры Рейнского края и Закавказья отмечает Н. Марр (Новый поворот в работе по яфетической теории. Избр. соч., т. I, 1933, стр. 312).

² См. Н. Я. Марр. Ани, стр. 117—118. Маслодельни (подобные?) известны в Ани в VIII в. (там же, стр. 90) и в XIII в. (в монастыре Григория; там же, стр. 34).

³ Издана мной в «Сов. археологии», VIII, 1946, стр. 275—276.

без подачи горячей воды, с двумя нишами в стенах: здесь раздевались и отдыхали; помещение крыто цилиндрическим сводом поперек оси здания; стены внутри оштукатурены. Рядом расположено такого же плана помещение — собственно баня, крытое таким же сводом, но вдоль оси всего здания; ниш в стенах здесь нет; в верхней части северной стены имеются три отдушины в виде гончарных труб, заложенных в кладку. В простенке между этими двумя помещениями имеется удлиненное отверстие, куда сливали

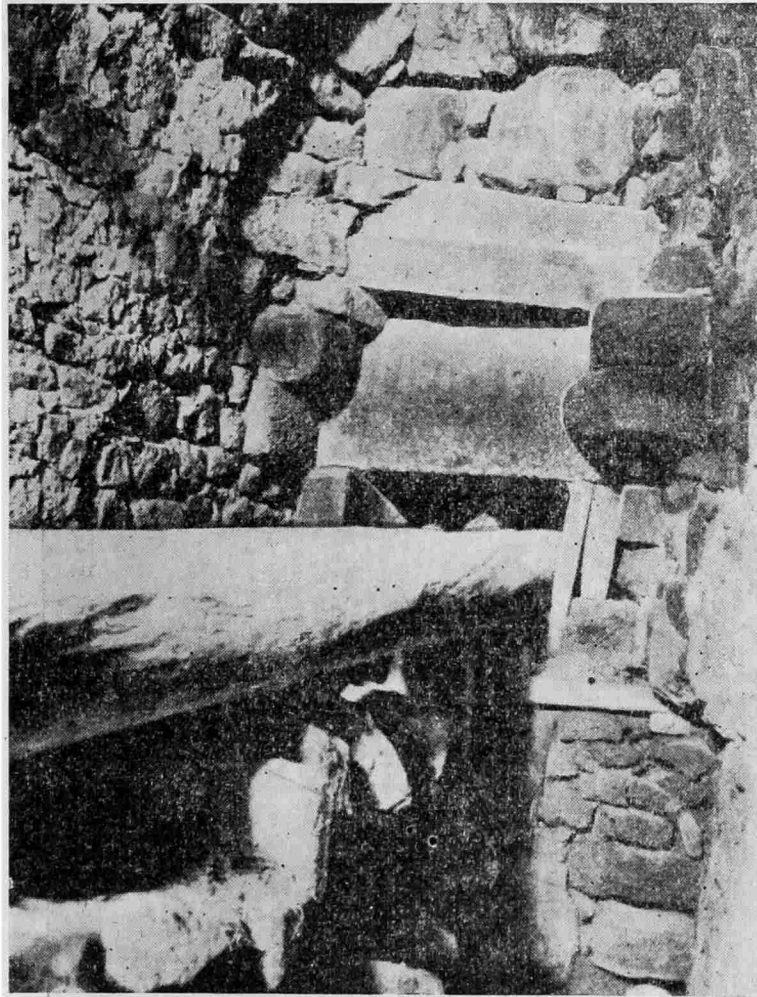

Рис. 21. Татевский монастырь. Маслодельня. Помещение с прессом.

грязную воду; в каменных плитах пола сделано посредине небольшое углубление. Помещение освещалось сверху через небольшое отверстие в своде. Горячая вода поступала сюда по узким гончарным трубам (впрочем, одна из них, вероятно, для холодной воды) из соседнего (к востоку) маленького невысокого удлиненного помещения, расположенного выше пола самой бани, в котором, кроме того, имелось небольшое прямоугольное окошко, выходявшее в купальню; в этой маленькой камере помещался котел, в котором грелась вода.¹ Под сводом этой камеры с северной стороны заложены две гончарных трубы для подачи в котел холодной воды. Под камерой помещается продолговатая (во всю ширину бани) узкая топка, крытая цилиндрическим сводиком с двумя отверстиями, одно из которых

¹ Сам котел не сохранился.

(прямоугольное) находится вблизи устья топки и представляет собой дымоход, а другое отверстие, цилиндрическое, выходит в упомянутую камеру и служило для подогревания воды в установленном над этим отверстием котле. Кроме того, от топки под баню идет прямоугольный в сечении канал, который затем (насколько можно было судить, прощупывая его рукой) пересекается другим подбным каналом. Оба они представляют собой, очевидно, каналы подпольного отопления бани, плиты пола которой, надо предполагать, основываются не на земле, а на каменных устоях, проме-

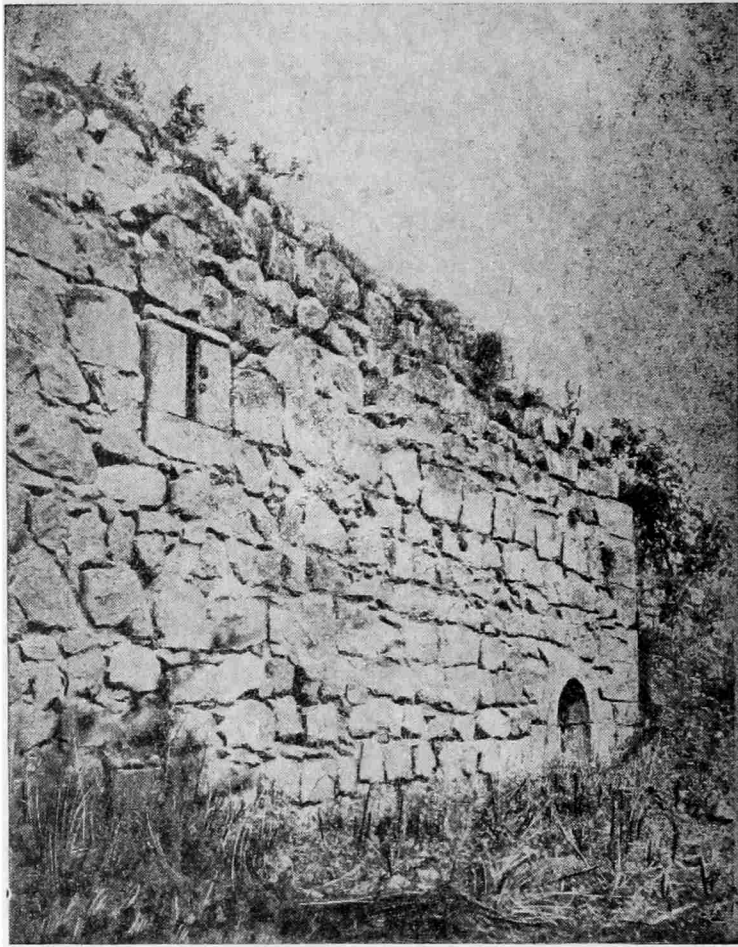

Рис. 22. Татевский монастырь. Баня. Общий вид с южной стороны.

жутки между которыми составляют стопительные каналы. В этом убеждают аналогии, значительно более древние: в Армении — баня XI — XII вв. Багратидского дворца в Ани¹ и расследованная в 1936 г баня XII — XIII вв. в Анберде,² в Грузии — баня XIII в. в Дманиси,³ а также две бани в Херсонесе — одна общественная, IX — X вв., другая частная, очень небольших размеров — XIII в.⁴

¹ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 71.

² См. И. А. Орбели. Баня и скоморох XII в. (в сборн. «Памятники эпохи Руставели», изд. АН СССР, Л., 1938, стр. 162—163). — Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении, Ереван, 1946, стр. 162—164.

³ Л. Мухелишвили. Раскопки в Дманиси. Сов. археология, VI, 1940.

⁴ А. Л. Яковсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму, III. Бани средневекового Херсонеса. Сов. археология, VIII, 1946.

Баня Анберда и вторая баня Херсонеса особенно близки по устройству к Татевской: совершенно тождественный план, иначе говоря, та же группировка помещений, с той же маленькой камерой для подогревания воды и топкой под ней; лишь устье этой топки расположено несколько иначе, чем в Татеве, именно — по оси здания, а не сбоку. Впрочем, Татевская баня, лучше сохранившаяся, поясняет некоторые неясные детали Анбердской и Херсонесской, как, например, назначение указанной камеры именно для подогрева воды; следовательно, в нижней камере (топка) котла с водой не было.

Анбердская баня расположена на территории феодального замка, что отразилось на всем ее облике: два основных помещения ее перекрыты сферическим сводом на маленьких тропках, вся постройка облицована гладко тесаным камнем. В Татеве баня значительно скромнее, но устройство ее следует, как видим, еще древней традиции. Эта традиционность, техническая застойность проходят красной чертой через все поздне-средневековое строительство Татева, одинаково сказываясь и в хозяйственных и в жилых постройках. Это общее наблюдение дает основную предпосылку для возможной реконструкции средневекового жилища по памятникам более поздним. Для этого, однако, необходимо продолжить изучение Татевского монастырского комплекса, но уже археологически — путем раскопок.

A. JAKOBSSON

EXTRAIT DE L'HISTOIRE DE L'ARCHITECTURE ARMÉNIENNE DU MOYEN ÂGE

III. LE MONASTÈRE TATEV

R é s u m é

L'article présent décrit un des ensembles d'architecture les plus célèbres de l'Arménie du moyen âge, le monastère Tatev à Zanguesur, ancienne région Sunik.

Ce monastère a été fondé au V siècle. Les périodes de son plus bel épanouissement remontent aux IX—X, XII—XIII, XVII—XVIII siècles.

La vaste cathédrale à la voûte en arête, datant de 895—906, se rapporte à la première période de cet épanouissement, mais dans la composition du massif de l'édifice il est aisé de remarquer un caractère basilical, ce qui relie la cathédrale à l'architecture arménienne classique du VII-e siècle. Dans le décor de la cathédrale se font remarquer les chambranles ornés de serpents représentant ici les gardiens de la maison-église. Ces figures reflètent de très anciennes représentations du peuple arménien, représentations remontant même au paganisme.

L'édifice le plus intéressant du XIII-e siècle est l'église Grégoire bâtie en 1295, très simple par son architecture, mais richement décorée: le chambranle de l'entrée, finement découpé, est l'un des monuments les plus éminents de l'art arménien.

La plus grande partie des bâtiments du monastère, qui entourent la cathédrale, date des XII-e et XIII-e siècles. Au nord se trouvent les écuries, à l'ouest un corps de logis à deux étages, au sud tout une suite de bâtiments à deux étages, de logis et de service, parmi lesquels il faut surtout

noter celui des festins et la cuisine avec son fourneau massif. Les bâtiments du sud donnent sur le précipice et sont ornés de balcons découverts. La pointe sud-est de cet ensemble est occupée par la maison du prieur (XVIII-e siècle), ayant aussi deux étages et un balcon. Dans le plancher de plusieurs de ses chambres on a aménagé de profondes trappes-magasins rappelant celles du palais des Bagratides à Ani. Le long du mur allant de l'église construite au-dessus de la porte d'entrée, située au nord-est du monastère, (XIII-e siècle) se déroulait l'édifice de la célèbre Académie de Tatev. Mais de nos jours ce bâtiment n'existe plus. En dehors du monastère se trouve une huilerie très archaïque et des bains de petites dimensions répétant l'aménagement des bains arméniens du XI-e et XII-e siècles.

Tous ces traits archaïques qu'on peut observer dans les bâtiments moins anciens du monastère Tatev sont d'une grande importance pour l'histoire de l'architecture arménienne du moyenâge.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и заметки. Изд. Моск. Археологич. общества.
АН — Академия Наук СССР.
ВДИ — Вестник Древней Истории.
ГАИМК — Государственная Академия Истории Материальной Культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГХМ — Государственный Херсонесский музей.
Древности. ТМАО — Древности. Труды Московского Археологического общества.
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества.
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания.
ИАК — Известия Археологической Комиссии.
ИИМК — Институт Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.
ИГАИМК — Известия ГАИМК.
ИОН — Известия Академии Наук СССР по Отделению общественных наук.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
ИЖ — Исторический журнал.
ИТУАК — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии.
КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК.
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет.
МАР — Материалы по археологии России, изд. Археологической Комиссии.
МАЭ — Музей Антропологии и Этнографии АН СССР.
МГУ — Московский Государственный университет.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР, изд. ИИМК.
МЭ — Материалы по этнографии, изд. Государственного Русского музея.
МЭР — Материалы по этнографии России.
НГМ — Новгородский Государственный музей.
ОАК — Отчет Археологической Комиссии.
Проблемы — Проблемы истории материальной культуры (с 1934 г. — Проблемы истории докапиталистических обществ), изд. ГАИМК.
ПСРЛ — Полное Собрание Русских Летописей.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГО — Русское Географическое общество.
РФБ — Русский Филологический вестник.
СГАИМК — Сообщения ГАИМК.
СМОПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
Тр... АС — Труды... Археологического Съезда.
ТСАРАНИОН — Труды секции археологии РАНИОН.
УАН — Украинская Академия Наук.
ФАН — Филиал Академии Наук СССР.
E S A — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki.
IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, ed B. Latychev.
KE Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
-

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я, т. IX

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

РИСО АН СССР № 2372. Подписано
к печати 3/II 1947 г. Тираж 3 000.
Печ. л. 20³/₄ + 4 вкл. Уч.-изд. л. 31.
М.-00525. Зак № 559.

Набрано во 2-ой типографии
„Печатный Двор“ им А. М. Горького
Треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при
Совете Министров СССР. Ленинград,
Гатчинская, 26.

Отпечатано в типографии
Госуд. Эрмитажа. Ленинград,
Дворцовая набер., 32.
Зак. № 392.